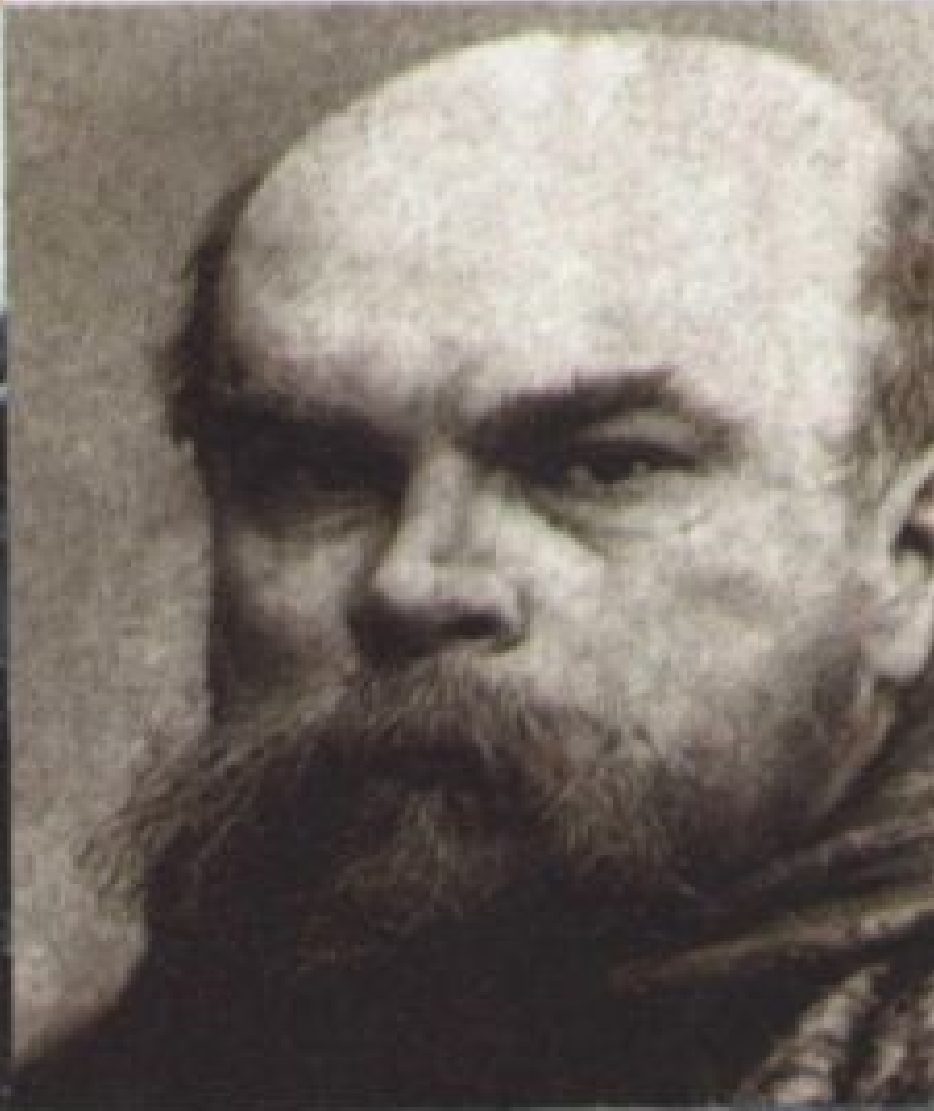

ВЕРДЕН

Льер Лттифрие

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Пьера Птифиса — самая полная и подробная на сегодняшний день биография великого французского поэта-символиста Поля Верлена (1844–1896). Расточитель, скиталец, пропойца — и в то же время общепризнанный «король поэтов», Верлен «раскрепостил» поэзию и оставил после себя стихи, ставшие драгоценным достоянием мировой литературы. «Вечный ребенок», друг и наставник Артюра Рембо, создатель новой литературной школы, Верлен оказал сильное влияние на русскую поэзию Серебряного века, предощутив воздействие своих стихов на будущее, включая сегодняшнее время.

Книга содержит уникальный фоторяд. Многие рисунки и фотографии публикуются в России впервые.

- [Пьер Птифис](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 -
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)

- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА\[790\]](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)

- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)

- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)

- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)

- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)

- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)

- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)

- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)

- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)

- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)

- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)

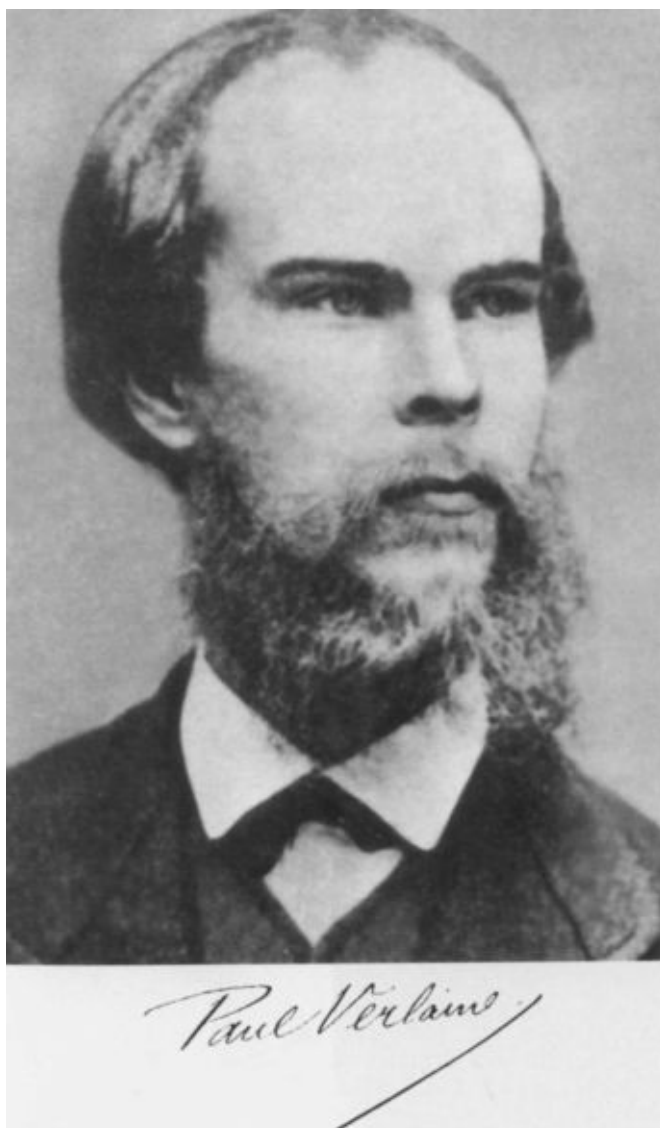
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)

- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)

- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)

- [773](#)
 - [774](#)
 - [775](#)
 - [776](#)
 - [777](#)
 - [778](#)
 - [779](#)
 - [780](#)
 - [781](#)
 - [782](#)
 - [783](#)
 - [784](#)
 - [785](#)
 - [786](#)
 - [787](#)
 - [788](#)
 - [789](#)
 - [790](#)
-

**Пьер Птифис
Поль Верлен**

Глава I

ДАВНО И НЕДАВНО

(с рождения до 30 марта 1844)

Сколько же противоречивых черт унаследовал он от предков, какая же адская смесь получилась!

Луи-Хавье де Рикар, «Воспоминаньица парнасца»

Поль Верлен не знал, что его предки по отцовской линии были благородного происхождения. Это открытие сделал бельгийский писатель Леон Лефебв де Виви^[1] — увы, после смерти поэта.

До XVIII века родственные связи прослеживаются лишь с малой долей уверенности, однако известно, что в числе предков поэта были благородный господин Жиль де Верлен, живший в XVI веке, и Жан и Робер де Верлены, жившие позднее. Этот старинный род, близкий роду Оршенов, представители которого считали себя потомками Вильгельма Завоевателя, подарил своей стране многочисленных военных деятелей, а Святой Церкви — многочисленных священнослужителей. В дальнейшем потомки этого рода, судя по всему, забыли о своих корнях и превратились в мелких землевладельцев.

Жан де Верлен Старший (скончался в 1757 году) был земледельцем в Бра^[2], равно как и его сын, Жан Верлен (уже без частицы «де») Младший (родился в 1716 году). О нем шла дурная слава: буйный, жадный до наживы, хулиган, в молодости был приговорен к штрафу в шесть золотых флоринов за богохульство. Свадьба не только не образумила его, но, наоборот, оказала негативное влияние на его характер. Однажды он, например, вызвал в суд родителей жены, добропорядочных фермеров Энрио, требуя приданого, не выплаченного по причине нескольких неурожайных годов. У собственного отца он дерзнул потребовать возмещения за все годы, проведенные под его крышей. В конце концов, презираемый всеми, он уехал в Арвиль-Ле-Сен-Юбер и устроился там «начальником по телегам», то есть занялся перевозками.

Его младший сын Анри-Жозеф (1769–1795), дед поэта, увы, походил на отца. Фамилия его была также просто Верлен, но на одном письме,

написанном его рукой, изображен герб — «три серебряных коронованных леопарда, во всеоружии». В детстве его, младшего ребенка в семье, постоянно баловали, и он вырос таким слабохарактерным, раздражительным и тупым, что никто не знал, что с ним делать дальше. К счастью, настоятель аббатства Сен-Юбер дон Николя Спирле по старой дружбе взял его к себе, но, не сумев убедить его стать священником, приискал ему должность управляющего делами в Верховном апелляционном суде аббатства. Но поскольку Анри-Жозеф проявлял сильную склонность к алкоголю, его перевели на такую же должность в Бертри^[3].

Бертри был «свободной зоной», по сути являющейся частью Люксембурга, провинции Австрийской Империи со времен подписания Конвенции о Границах 16 мая 1769 года. Но жители, люди независимые и неуживчивые, отчаянно сопротивлялись присоединению. Они не хотели быть австрийскими подданными. Когда один чиновник назвал их «ослами», они в ответ на это оскорбление создали «литературно-вакхическую» «Академию Ослов». Дон Спирле, втайне сочувствовавший Австрии, пытался убедить своего протеже, что в его интересах помогать официальным властям.

— Здесь будут создаваться новые должности, — говорил он, — и я смогу добиться для тебя места нотариуса.

Но Анри-Жозеф Верлен под влиянием «вольных пьяниц» Бертри вскоре предал священнослужителя, во всеуслышание объявив о своих националистских взглядах и вступив в «Академию Ослов».

Сразу после свадьбы с некоей госпожой Анной-Луизой Гранжан в мае 1795 года он снова оказался в подвешенном состоянии в связи с вторжением французской армии под командованием Журдана^[4]. И тогда — с волками жить — по-волчьи выть — в прокуратуре Верлене неожиданно обнаружились новые стороны характера — он стал революционером и антиклерикалом. Он приветствовал смещение старого кюре Бертри и был счастлив видеть, как падает крест с колокольни. Несмотря на это, он все же крестил 26 марта 1798 года своего сына Николя-Огюста. Он, конечно же, получил должность нотариуса, к которой так упорно стремился, но его чаще видели в кабаке, чем в конторе. Начальство говорило о нем: «Не очень способный, но все же удовлетворительно выполняет свои обязанности, любит учиться».

За Революцией пришла Империя, за свободой — диктатура. Нотариус Верлен, как истинный якобинец, перешел в оппозицию. Он так ненавидел

Наполеона I, что однажды, в июле 1804 года, в воскресенье, когда люди выходили из церкви после обедни, на которой присутствовала и его жена, он с порога таверны, где до этого уже успел порядком набраться, разразился потоком брани в адрес императора, обвиняя его во всех смертных грехах. Говорили, что за это его отправили в тюрьму в столицу, город Люксембург. На самом же деле он был заключен под стражу в «Доме правосудия Трех башен» 23 января 1805 года (3 плювиоза^[5] XIII года) по обвинению в подделке документов (в соответствии с тогдашним законодательством это было всего лишь административное правонарушение). Там месяц спустя, 24 февраля 1805 года (5 вантоза^[6] XIII года), он и умер^[7].

Его тридцатилетняя вдова Анна-Луиза, разорившись, вернулась к родителям, земледельцам в Жеонвиле, людям серьезным, верным традициям и церкви. С ней были трое ее детей: Луиза, девяти лет, Николя-Огюст, шести лет, и годовалая Жюли. Гранжаны, сочувствуя дочери, радушно приняли ее. Молодая вдова вновь встретила там со своими двумя братьями. Первого звали Гиацинт, он обрабатывал вместе с отцом семейные земли, это был парень недалекий, но честный. Второго звали Николя, он был куда как умнее и подвизался на военной службе. Жизнь постепенно возвращалась в свое русло, как вдруг Анна-Луиза бросает детей и уезжает из страны, чтобы выйти замуж за некоего Пьера-Жозефа Эрмана. Больше о ней в нашем повествовании речи не будет, равно как и о недостойном нотариусе Верлене.

Все трое получили солидное религиозное образование; когда же они подросли, встал вопрос об их дальнейшей судьбе. Что касается мальчика, отца поэта, проблема решилась легко. Его дядя Николя убедил племянника пойти в армию, и там он сделал блестящую карьеру^[8]. Мы расскажем об этом вкратце. Сначала он служил в первом полку Инженерных войск, участвовал в Испанской кампании — Кадис, Трокадеро — и получил нашивки лейтенанта второго класса в 1824 году (в том же году его дядя Николя стал подполковником).

В дальнейшем лейтенант Николя-Огюст Верлен участвовал в Алжирской кампании, за что был награжден орденом Почетного легиона, а ранее — крестом Святого Фердинанда Испанского. Он был серьезным, аккуратным офицером, поведение его было безупречным.

А вот что стало с девочками. Старшая, Луиза, была хороша собой, и в возрасте тридцати одного года, осенью 1821 года, вышла замуж за того

самого подполковника Николая Гранжана, уже в отставке, своего дядю и опекуна. Немного позже, в 1825 году, они поселились в замке Карлсбург, бывшей резиденции герцогов Буйонских. Это огромное сооружение, с пристройками и внутренним двором, было построено в 1729 году.

У младшей дочери, Жюли, судьба сложилась иначе. Она вышла замуж за жителя Жеонвиля, г-на Жана-Батиста Эвраара, который впоследствии станет бургомистром этого города. У них родился сын Жюль (в браке Жюль Понселе); это его Поль Верлен будет называть «кузен Жюль».

Но вернемся к лейтенанту Николаю-Огюсту Верлену. Когда он стоял со своим гарнизоном в Аррасе, он встретил девушку двадцати двух лет, Элизу-Стефани-Жюли-Жозеф Деэ, на которой женился 31 декабря 1831 года. Покойный отец молодой женщины был земледельцем в Фампу, деревне в пяти километрах от Арраса. Элиза была девушка живая, смешливая, довольно приятной наружности, несмотря на необычные раскосые глаза. Но ее родственники! У ее деда было одиннадцать детей, а у одного из этих детей — еще двенадцать! В один момент у лейтенанта Верлена оказалось совершенно невероятное количество кузенов, да его еще и не со всеми познакомили. Молодая чета жила то в Аррасе, то в Меце, в зависимости от того, где располагался гарнизон лейтенанта, получившего в конце декабря 1833 года третью нашивку и вместе с ней — звание капитана.

Супруги были счастливы, за исключением того, что не могли завести ребенка. Дважды у молодой женщины были выкидыши, и это было для нее таким потрясением, что она — вот странная идея, не правда ли? — заспиртовала оба зародыша!

У Элизы Деэ было два брата и две сестры: Жюльен, который унаследовал ферму отца, у него было две дочери, о которых у нас еще будет повод рассказать; Константен-Адольф, о котором почти ничего не известно; старшая. Роза, полная, мужиковатая, она умрет старой девой; и младшая, Катрина-Аделаида, которая в 1823 году вышла замуж за кузнеца по имени Огюст Монкомбль и родила ему двоих детей, сына Виктора в 1824 году и дочь Элизу в 1836 году. Она — та самая нежная Элиза, столь дорогая сердцу Поля Верлена, его двоюродная сестра.

В 1836 году в семью пришла беда: во время родов второго ребенка умерла Катрина-Аделаида, в замужестве Монкомбль. Юная г-жа Верлен была в отчаянии. Что станет с племянниками Виктором и Элизой, ведь их отец неспособен заниматься их воспитанием? А поскольку она опасалась, что у нее самой детей не будет, то, с согласия капитана, решила взять на воспитание маленькую Элизу, которая стала в некотором роде их приемной дочерью.

Позже, когда семья окончательно поселилась в Меце, Элизу поместили на полный пансион в церковную школу, в которой преподавали монахини из монастыря Сент-Кретьен. Ее «родители» часто приезжали к ней, а по воскресеньям возили ее на прогулки.

Ее брат Виктор жил на ферме в Фампу у дяди Жюльена. Но всякий раз, когда капитан Верлен приезжал туда со своей женой, он рассказывал молодому человеку о прелестях военной службы, играя тем самым роль, которую сыграл когда-то по отношению к нему дядя Гранжан. И в самом деле, Виктор, как и он сам когда-то, шестнадцати лет от роду отправился служить в армию.

И наконец, 30 марта 1844 года — капитан уже был заместителем командира батальона — через тринадцать лет после свадьбы, ровно в девять часов вечера у Верленов родился сын. Набожная супруга, чтобы отблагодарить Бога, которому она столько молилась и который внял ее мольбе, дала обет:

— Мы назовем его Поль-Мари в честь Пресвятой Девы, и до семи лет он будет носить только синее.

Глава II

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

(март 1844 — август 1862)

Безмятежное детство юного буржуа.

Октав Надаль, «Верлен»^[9]

«Я родился в Меце, — говорит Верлен в начале своей „Исповеди“, — в доме два по улице Ог-Пьер, напротив Военно-тренировочного центра для будущих офицеров инженерных войск и артиллерии». Мальчика крестили 8 апреля 1844 года в церкви Нотр-Дам. Крестным отцом был подполковник Гранжан, его двоюродный дедушка, ставший после своей свадьбы также и его дядей, а крестной матерью — тетя Луиза, урожденная Верлен. Гранжаны не присутствовали на церемонии лично, но, однако, очень хотели заняться религиозным воспитанием маленького Поля. Ведь он их породы, он Верлен, а не Деэ — Боже упаси! Их они считали людьми поверхностными и скупыми.

Ровно год спустя после рождения сына полк капитана Верлена был переведен в Монпелье. Перед отъездом родители, само собой разумеется, отправились в Пализель, где жили теперь Гранжаны, дабы представить им наследника. Те, к своему сожалению, увидели, что ребенок взял от матери не только ее раскосые глаза. Подполковник Гранжан — увы! — был вынужден продать 7 октября 1844 года свой прекрасный Карлсбургский замок епископу Намюра, его высокопреосвященству Деэселю, так как не мог больше содержать его. Епископ же передал его обществу «Друзей христианских школ». Продажа замка очень огорчила капитана Верлена, часто рисовавшего его изящные очертания. Разглядывая впоследствии эти рисунки, Поль часто думал о том, что, если бы судьба была к нему благосклонна, он бы мог стать владельцем замка^[10].

Юная Элиза Монкомбль осталась в Меце, где у нее была близкая подруга, Кларисса Перо, дочь бургомистра Пализеля.

От пребывания в Монпелье, а затем в Сетте, Безье и Ниме у маленького Поля остались лишь смутные воспоминания, все это ему, вероятно, рассказали родители, так как в этих местах Поль побывал в первые три года жизни. Качества, отличавшие мальчика уже тогда, —

чрезмерное любопытство, страстное желание жить, склонность делать все, что взбредет ему в голову. Маленький Верлен был импульсивным, таким он и остался до конца жизни.

Хотя процессии «кающихся грешников» в монашеских рясах — привидений, как он их называл, — и пугали его, он тем не менее послушно учил молитвы. «Я был ближе к Боженьке, чем когда-либо в моей жизни», — напишет он в «Исповеди». Рай представлялся ему чем-то вроде магазина игрушек, находившегося в его доме. Этот магазин держали две старые девы, которым родители иногда оставляли Поля, когда отправлялись куда-либо вечером. Куклы, петрушки, барабаны, трубы, тележки, оловянные солдатики — все эти сокровища восхищали мальчика. Однажды зимним вечером он слушал, как кипит в чайнике вода, не выдержал и из любопытства сунул в воду руку. Можно себе представить, какой был переполох. К этому же периоду относятся его «стычки» с различными представителями фауны: блохами, которыми кишел город, прозрачным скорпионом в стакане газировки, которого он чуть не проглотил, и пиявками: доктор прописал их Полю, а потом родители нашли ребенка без сознания на кровати, вокруг которой лежали напившиеся крови твари.

В феврале 1848 года капитана Верлена срочно отозвали из Безье в Монпелье, где начались беспорядки. На улицах и площадях были толпы; люди, кто в военной форме, кто с трехцветными поясами, — все пели «Марсельезу». Позже Полю сказали, что он присутствовал при рождении новой Республики^[11].

Как он выглядел в то время? Об этом можно судить по автопортрету: худое лицо, одет по моде того времени — блуза с вышитым воротничком, штанишки до колен, на голове — фуражка с напуском и с кисточкой на боку^[12].

Когда вновь воцарился порядок, капитан Верлен с семьей вернулись в Мец через Лион и Шалон. Железные дороги еще только строились, поэтому часть пути они проплыли по реке. Мальчик смотрел широко раскрытыми глазами на медленно проплывающий пейзаж и веселился при виде брызг от колес парохода. В Лионе из окон особняка на набережной, в котором остановилась семья, ему, как он сам рассказывает в «Исповеди», «сквозь узорчатые занавески» был виден «большой качающийся черный парус». Надо полагать, мальчик четырех с половиной лет обладал неординарной остротой зрения и памяти, чтобы запомнить такие мелкие детали.

Сразу после возвращения в Мец капитан Верлен подал в отставку. В

его служебной характеристике значится: «1848 год. Разрешено уйти в отставку. Окончанием срока службы считать 26 мая 1848 года».

Что же побудило его досрочно уйти в отставку, когда ему было только пятьдесят лет? Это остается неизвестным. А ведь он был на хорошем счету у начальства: «Принимал участие в нескольких военных кампаниях и одной осаде», — читаем в его личном деле. «Довольно способный, поведение и нравственный облик безупречны. Хорошо справляется с обязанностями заместителя командира батальона. Усерден». Эта запись датируется июлем 1844 года. Выражало ли решение подать в отставку разочарование тем, что он не получил повышения по службе, на что он рассчитывал, или постоянного места жительства, о чем он мечтал? Был ли это своего рода протест против того, что армию заставили подавлять либеральное движение? Как бы то ни было, несмотря на лестное письмо полковника Ньеля, командира полка, он не изменил решения. Он был человек сильного характера, подверженный кратким, но сильным вспышкам ярости. Об этом свидетельствует случай, рассказанный его сыном художнику Казальсу, — он вышвырнул в окно омлет, который ему не понравился.

Итак, вот он в Меце. Теперь он может сам распоряжаться своим временем и тратит его на воспитание сына и приемной дочери, Элизы Монкомбль. В семье все внимание концентрировалось на Поле. Все приходило в восторг при каждом смешном слове, произнесенном им, и потакали всем его капризам. Он стал самым настоящим тираном, его боялись и перед ним заискивали. Г-жа Перо, приехавшая в Мец навестить дочь Клариссу, была возмущена слабохарактерностью родителей, у которых провела несколько дней. В благодарственное письмо она вставила следующую воспитательную сентенцию: «Самая большая служба, которую можно сослужить ребенку — это наставить его на путь истинный и не дать ему с него сойти прежде, чем он начинает даже помышлять об этом» ^[13]. Луиза Гранжан, разделявшая мнение г-жи Перо, посоветовала брату и свояченице, наконец, хоть немного повлиять на него.

В июне 1849 года капитан Верлен, узнав об эпидемии холеры, свирепствовавшей в Меце, решил поехать к сестре Луизе и пробыть у нее до октября. Оставив Элизу Монкомбль с подругой Клариссой, он отправился в Пализель вместе с женой и сыном, которым очень гордился.

Подполковник Гранжан умер за год до того, 23 марта 1848 года. От старшего поколения остался лишь старый больной Гиацинт. Говорил он только о лекарствах, но был рад иметь в лице Поля компаньона для

прогулок по саду или посещений часовни Сен-Рош, возведенной в XVII веке во время эпидемии, куда теперь приходили помолиться девушки, мечтающие выйти замуж.

Очень скоро Луиза Гранжан, семья Перо, их друзья и соседи пришли в негодование от поведения этого упрямого пятилетнего мальчугана по отношению к родителям. Бог знает, его, возможно, и любили, но, честно говоря, его поступки выходили за рамки дозволенного. Насколько он был мил, когда взрослые делали, как он хотел, настолько же становился невыносимым, когда ему пытались противодействовать. У всех вошло в привычку потакать его капризам, и каждый, сожалея о том, что родители мальчика не приняли во внимание ни один из советов, которые им щедро раздавали, опасался, не осмеливаясь высказать это вслух, как бы не стало поздно принимать меры. Вечно балующий ребенка двоюродный дедушка, восхищенные тетушки, восторженные родители, старший товарищ Эктор Перо, сын бургомистра, деревенские дети — все это были подданные маленького деспота Поля.

Вот несколько случаев из жизни. Однажды его родители, решив совершить прогулку в экипаже в пещеры Де Ан, велели ему остаться дома играть с друзьями. Но с ним случилась такая истерика, сильно расстроившая Луизу, что в который раз пришлось уступить и взять его с собой. Каждая семья в Пализёле считала честью принять у себя капитана, который, со своей стороны, был счастлив и горд представить жену и сына. Однажды, когда взрослые пили послеобеденный кофе, Поль исчез. Его нашли в глубине сада. Он методично разрезал на маленькие кусочки цилиндр отца. Показав на вырезанные фигурки, он воскликнул:

— Это — морковки, это — лук-порей, а это — фасоль!

Затем, размахивая изуродованным головным убором, он добавил:

— А это кастрюля для инвалидов.

До этого за столом говорили о режиме питания в Доме Инвалидов^[14].

Что было делать? Плакать или смеяться? Предпочли второе.

Осенью 1849 года Верлены вернулись в Мец и прожили там полтора года, от которых у Поля осталось достаточно впечатлений, чтобы потом, уже стариком, вновь оживить их в памяти. Там был собор, «такой странный и немного безумный», с яркими красивыми витражами; железная дорога, совсем новая, проходившая рядом с церковью Сен-Кретьен; плац с видом на Мозель и концерты военного оркестра, дававшиеся там два раза в неделю; кашемировые шали разодетых дам и черно-красно-золотые мундиры офицеров; и особенно Матильда, его подружка семи или восьми

лет, дочь судьи. Бонна водила ее в парк, где та играла под бдительным оком родителей. Живая и властная, со светло-рыжими волосами и лицом, усыпанным веснушками, она была идеальной парой для Поля. Прохожие улыбались, видя, как они целуют друг друга в щеки, потом ссорятся, мирятся или шепчут что-то друг другу на ухо. Их в шутку называли «Поль и Виргиния^[15]» или «Дафнис и Хлоя». Капитана и его жену веселили эти признания и ссоры, они гордились таким не по годам развитым сыном.

Дома он стал более послушным. Его любимым занятием было рисование. Все листы его тетрадей были покрыты яркими рисунками, которые он тщательно наносил, а потом стирал — пальцем или языком. «Ах! Каким бы богатым и уважаемым художником я мог бы стать, если бы не бросил эти занятия», — пишет он в «Исповеди»^[16].

Когда в 1851 году ему исполнилось семь лет, его отец решил поселиться в Париже. Он там никого не знал, но был уверен, что только в Париже мальчик сможет получить хорошее образование и преуспеть, так как он не сомневался, что его сын окончит военную академию Сен-Сир или Высшую Политехническую Школу и станет когда-нибудь генералом или военным инженером.

Пока не привезли мебель, семья — капитан, его супруга, юная Элиза и Поль — поселились в меблированных комнатах на улице Птит-Экюри в квартале Порт Сен-Дени.

Первое впечатление ребенка от большого города было ужасным: все казалось ему мрачным и уродливым: серые фасады домов, грязные мостовые, тусклый свет, жуткий запах дыма и сточных вод. Куда подевались арденнская зелень и целебный ветер Лотарингии? Прогулка в фиакре немного примирила его со столицей, которую он все же не полюбит никогда^[17]. Сколько экипажей, лошадей, омнибусов, громко говорящих и быстро идущих людей! Его поразила одна деталь — вывеска продавца париков у Порт Сен-Мартен, на которой было написано четверостишие — первые в его жизни стихи! — показавшееся ему таким необычным и прелестным, что он его запомнил. Сорок три года спустя он все еще будет помнить его!

Взгляни, прохожий, вот так страсти!
За шею вздернут и поник
Авессалом. Он сей напасти
Мог избежать — когда б носил парик!

Спустя неделю привезли мебель, и семья переехала в Батиньоль, в красивое здание под номером 10 по улице Сен-Луи (сейчас улица Ноле). В «Луизе Леклерк» поэт изобразил Батиньоль своего детства, «квартал для массового заселения, почти без парков и деревьев». Этот квартал находился за городскими укреплениями (присоединен к Парижу лишь в 1860 году), там жили мелкие экономные буржуа, рантье или пенсионеры, главным образом бывшие военные. Почти все они читали «Пти Журналь»^[18] и ходили каждое воскресенье на утренний спектакль театра Батиньоль. Это был маленький провинциальный городок, соседствующий со столицей.

Сначала Поля поместили в небольшую частную школу, расположенную на улице Элен, недалеко от дома, куда он и ходил каждое утро с большим портфелем под мышкой. Он научился читать, писать и считать. По вечерам при свете керосиновой лампы мать и «старшая сестра» Элиза помогали ему делать домашние задания и учить уроки, после чего он шел спать. В августе 1852 года именно ему предоставили честь читать басню «Дуб и тростинка» на церемонии вручения наград перед собравшимися во дворе родителями.

Незадолго до этого он впервые узнал, что такое смерть. У директора школы, внешне чем-то напоминавшего Виктора Гюго, умерла дочь. Поль с друзьями присутствовали на похоронах. Тогда он плохо понимал происходящее, но слезы несчастного человека, которого все немного боялись и очень любили, сильно взволновали его.

В декабре 1851 года он испытал другое потрясение. Главной темой разговоров его родителей и их друзей, в особенности офицеров в отставке, с которыми сошелся капитан, был «государственный переворот» принца Луи-Наполеона^[19]. На их лицах читаюсь волнение, говорили они шепотом. Что же за страшное бедствие представлял собой этот «государственный переворот», что за катастрофу? Какую угрозу нес он в себе? Когда Поль спрашивал об этом, от него отмахивались: «Вырастешь — узнаешь». Сколько же неизвестного таил в себе мир взрослых!

Поскольку четвертого декабря стояла теплая и сухая погода, г-жа Верлен решила прогуляться с сыном по бульварам. Кое-где поговаривали о волнениях, но, казалось, все было спокойно, по крайней мере, в Батиньоле. На Итальянском бульваре было много народу. Толпа, враждебно настроенная по отношению к Наполеону III, скандировала его прозвище: СОЛ-ДА-ФОН! СОЛ-ДА-ФОН! Кто-то кричал, кто-то свистел. Чуть поодаль группа людей перекрыла движение. Вдруг все громко грянули

«Марсельезу», после нее — «Песнь жирондистов». Оказывается, это ужасно весело, — государственный переворот! Для Поля это был настоящий праздник — он пел, приплясывал от радости и кричал со всеми: СОЛ-ДА-ФОН! Но мать заставила его замолчать. Вдруг толпа качнулась назад, кто-то в панике крикнул: «Спасайся кто может!» Прямо на них неслась полиция. Ребенок, испугавшись, прижался к матери, и толпа понесла их к разбитой вдребезги витрине какого-то магазина. Когда полиция расчистила бульвар, г-жа Верлен с сыном побежали в Батиньоль по улицам Сен-Лазар и Бланш. В течение всей своей жизни, как мы это увидим дальше, Поль Верлен будет панически бояться толпы.

После государственного переворота он тяжело заболел — дифтерийная ангина. У него был сильный жар, он пребывал в состоянии, которое сам называл «наслаждение небытием», а иногда ему снились кошмары: из таблицы умножения вылезали чудовища и шли сражаться с супрефектами! Можно представить, как нежно за ним ухаживала мать. Именно тогда зародилась его любовь к ней; несмотря на все раздоры, он сохранит это чувство на всю жизнь. На тот момент эта любовь ограничивалась тем, что он без единого слова глотал самые противные лекарства.

— Нужно будет поместить молодца в пансион, — говорил о сыне капитан. Поскольку его жена предпочитала экстернат, был найден компромисс: он будет на полном пансионе, но не в лицее, а в частной школе, где учеников водят на занятия в разные средние учебные заведения. Так они смогут навещать его каждый день. В школе Ландри, расположенной в доме номер 32 по улице Шапталь, учеников водили либо в коллеж Шапталь, либо в императорский лицей Бонапарта (теперь Кондорсе) на улице Комартен ^[20]. Эта школа подходила еще и тем, что ее директор, офицер Национальной гвардии в отставке, установил в ней режим самой настоящей казармы. К тому же выпускниками школы были такие люди, как Сент-Бев и инженер де Лаппаран.

— Подумай только, ты будешь удостоен чести носить форму, — сказал отец «молодцу», чтобы подбодрить его.

Мальчик испытывал гордость от того, что с ним разговаривали, как с мужчиной, а поцелуи матери и кузины Элизы, которой тогда было шестнадцать лет, утешили его. Итак, октябрьским вечером 1853 года Поля в возрасте девяти с половиной лет отвели к Ландри. Принявший его воспитатель, не зная, что с ним делать, отправил его в «средний» класс,

возвращавшийся из лица Бонапарта. Этот класс составляли ученики, получившие наказание. В мрачной комнате классный наставник заставлял их читать по слогам имена персонажей «Путешествия в Аид» из «Телемахида». Скоро зажгли керосиновые лампы. Стало жутко, класс как будто в самом деле спускался в Аид. Поль почувствовал комок в горле и едва не расплакался. Прозвенел звонок к обеду. Ученики, направляясь строем в столовую, толкались, хихикали и издевались над новеньким; никто не захотел с ним говорить. Его посадили к «маленьким» за черный мраморный стол. Перед едой прочитали молитву, после чего им подали жирный суп, вареную говядину с красной фасолью и на десерт — сморщенное зеленое яблоко. В его красивый серебряный стаканчик с выгравированными инициалами налили какой-то пикет^[21].

Терпеть это было выше человеческих сил!

Покончив с ужином, ученики, находящиеся на полупансионе, возвращались к себе. Поль украдкой вышел с ними и, очутившись на улице, с непокрытой головой побежал домой. Он бежал, охваченный паникой, в тумане, сквозь который едва виднелись огни газовых фонарей. Когда он дернул за шнурок звонка, его сердце было готово выскочить из груди. Ему открыла бонна. Оттолкнув ее, он, плача и икая, бросился к матери. В тот вечер у них был гость — брат Элизы, Виктор Монкомбль. Его часть стояла в Венсене. Это был маленький коренастый человек с по-военному закрученными кверху усами. Он был одет в темную форму стрелка-пехотинца. Маленького беглеца накормили супом из тапиоки, курицей и пирогом, и, по обыкновению, угостили стаканом красного вина; после этого он наконец успокоился. Его не стали ругать, но за десертом отец и кузен, оба военные, с иронией говорили о трусах и дезертирах. Он им пообещал вернуться на следующий день к Ландри, но при условии, что его проводят. Сделать это поручили Виктору.

— Ты же мужчина, черт возьми! — говорил тот по дороге. — Не забывай, что ты из семьи военных, для которых честь превыше всего. Ты тоже должен пройти через казарму. Никого не бойся, будь смелым и вежливым, но не позволяй обижать себя, и все пойдет как по маслу!

Его записали в подготовительный класс, где он проучился два года. Мать и отец каждый день приходили к нему и приносили разные лакомства. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как зеленая фасоль в стеклянной банке с маслом и уксусом. А по четвергам родители приносили для него на кухню отбивную или бифштекс, так как пятница была в пансионе постным днем, а мальчику надо было набираться сил.

Поль очень плохо знал латынь, и ему пришлось заниматься с

репетитором. «Папаша Ландри», одетый в халат и круглую бархатную шапочку, давал в своем кабинете уроки лентяям и отстающим.

— Ученик Верлен, — сказал он однажды, — проспрядайте глагол *legere*^[22].

Lego. Jegavi...

Как-как?

Ему подсказали: *lexi*.

— Что вы там бормочете?.. *lexi*?

Он едва увернулся от связки ключей и словаря, которыми запустил в него директор.

— В карцер, молодой человек!

По звонку явился служащий, обязанностью которого было зажигать лампы, за что его прозвали «фитильщик». Он отвел Поля в классную комнату и запер на два часа. Там несчастный смог, чуть не плача, как следует поразмыслить о перфекте *legi* от глагола *legere* и убедиться, насколько Виктор был прав, когда говорил о казарме.

Достоверных сведений об этом периоде очень мало, и поэтому нельзя не упомянуть о длинном письме капитана Верлена от 23 апреля 1855 года своему другу, г-ну Перо, бургомистру Пализёля. В этом письме он настойчиво приглашает его двадцатитрехлетнего сына Эктора посетить выставку во Дворце Промышленности на Елисейских Полях. Он пишет, что будет счастлив принять у себя «славного молодого человека, которого все мы любим так же, как и Поля, что само по себе уже говорит о многом». Он также добавляет, что Эктор может взять с собой Луизу (имеется в виду Луиза Гранжан), или Жюли (Эввар), или сестру Клариссу. «В случае необходимости кого-нибудь можно будет поместить к Элизе. Я думаю, что они не подерутся»^[23]. Приехал ли Эктор в Париж — неизвестно.

В октябре 1855 года Поля в возрасте одиннадцати с половиной лет приняли в седьмой класс начальной школы. Он попал в группу, которая ходила на занятия в лицей Бонапарта. Была и другая группа, посещавшая занятия в коллеже Шапталь, за что входивших в ее состав учеников прозвали «шаптальцами». Группы жили отдельно, однако свободное от занятий время проводили вместе.

В течение семи последующих лет Поля каждый день, кроме четверга и воскресенья, утром и вечером водили в лицей на улице Комартен. Вот что об этом рассказывает Эдмон Лепеллетье: «Длинною неровною шеренгою школьники с гамом шли по улицам Бланш, Сен-Лазар и Комартен. Их сопровождал лохматый, плохо обутый воспитатель, которому хотелось

поскорей пойти выкурить сигару и выпить рюмку абсента в кабаке на площади Сен-Круа. Там он проводил время до десяти часов, когда пора было забирать учеников из лицея и отводить обратно в пансион»^[24].

В мае 1856 года Поль принял первое причастие. Тогда еще не была построена церковь Троицы, и ученики ходили во временную деревянную церковь на улице Клиши или в часовню на улице Дуэ, где преподавали Закон Божий. «У меня не было ни капли благочестия», — признается он позже. Его отец почти не соблюдал религиозные обряды; мать же была набожной, но отнюдь не ханжой. По воскресеньям Поля водили в церковь Сен-Мари-де-Батиньоль. Там ему было скучно, к тому же убранство церкви было таким безвкусным, что он даже не мог молиться! В его памяти остались лишь самые торжественные службы: «Ах, эти благодарственные молебны в честь именин Императора! Я сижу рядом с отцом, капитаном в отставке, специально приглашенным по этому случаю». Однако первое причастие вызвало у Поля кратковременное увлечение мистицизмом. Накануне торжественного события, во время «всеобщей исповеди», ему отпустили все грехи, считая и тот, когда он вынес из бакалейной лавки на улице Дам две картинки по одному су, заплатив лишь за одну. Причащался Поль с усердием. Во второй половине дня его конфирмовал его высокопреосвященство Сибур, архиепископ парижский, жизнь которого так трагически оборвется^[25]. Как и большинство детей, перед лицом Небесных Таинств Поль ощутил всплеск великодушия и чистоты. Он стал ненавидеть своих шаловливых одноклассников, поющих: «Не думай, что тебя люблю я», модный куплет на мотив церковного гимна «Сойди на нас, о Дух Святой»! Но это не продлилось долго, и вскоре он стал таким же беззаботным, как и все.

В плане учебы год был хорошим. Уже к концу первой четверти Поль был вторым из тридцати семи учеников. Учитель, папаша Вобер, пожилой, но очень подвижный человек, смог взять класс в свои руки. Ученик Верлен был на хорошем счету: по всем сочинениям, латыни, грамматике, истории и географии он был среди лучших. Однажды он даже был вторым по арифметике.

В шестом классе (1856–1857) у него был учитель по фамилии Мазембер. Верлен продолжал хорошо учиться. В конце года он получил первую премию по переводу с латыни, отчего его отец был на седьмом небе от счастья. Он не сомневался, что его сын многого добьется. Потом его успехи были не такими блестящими: похвальная грамота второй степени по грамматике и шестой степени по истории. Помимо этого, стало очевидно,

что в математике он был полный ноль.

На время летних каникул^[26], обычно в сентябре, он с радостью уезжал на несколько недель в Пализель к тетке Луизе Гранжан. Там была его родина, его край, его вотчина. Как он напишет позднее, особенно его поражали восхитительные луга, дубовые и буковые леса, глубокие пруды, «темные, оттого что были очень прозрачными» («Наброски о Бельгии»). Еще там текла черная река Семуа, и были Бульон-ля-Верт с его бесконечными садами, свежий воздух, простая и понятная жизнь. Иногда капитан ездил на охоту. Поль ездил вместе с ним и очень гордился тем, что ему давали нести охотничью сумку. Но еще большее удовольствие он испытывал, когда присутствовал на ужине охотников в компании местных знаменитостей. Однажды среди них был принц Пьер Бонапарт, кузен императора, владелец соседнего поместья Аби. Часто пализельский кюре, отец Хавье Делонь, предшественник на этом посту своего брата Жана-Батиста, который учил Поля латыни, пускал его в свой фруктовый сад, настоящий земной рай! А еще он возил его с тетей Луизой в шарабане до Карлсбургского замка. Элегантное строение с двумя крыльями, дворами и огромным парком всегда производило на него сильное впечатление. Проживавший там ректор «Христианских школ», которого они ходили приветствовать, всегда давал ему «превосходные» советы, например, чтобы он тщательно изучал «Записки о галльской войне» Цезаря. Поль, предпочитавший другие разговоры, из вежливости кивал головой в знак согласия. Тетя водила его также к старому отцу Мори. Дома она принимала каноника Лефевва, преподавателя в Лувене, и каноника Ламбена. Сколько суетан! Все эти добропорядочные священники хвалили мальчика, но сам он не забывал, что у него каникулы, он бегал, играл и ловил раков. «Боже мой! Сколько же я играл в саду у тети, и бегал, и прыгал!» — признается он позже.

Его друзьями в то время были Эктор Перо и его сестра Кларисса, в которую Поль был немного влюблен, несмотря на то что она была старше его на десять лет^[27], Жан-Батист Девез, племянник секретаря мирового суда (он станет священником, и мы еще будем о нем говорить), Камиль Кастильон, дети супругов Истас и другие.

Впоследствии Поль Верлен будет постоянно переписываться с Эктором Перо. В своем первом письме, датированном 4 января 1857 года — Полю не было еще и тринадцати лет — он говорит об Элизе, которой тогда был двадцать один год: «О свадьбе теперь речь заводят не чаще, чем о

мусульманском владычестве». Он добавляет: «Кстати, о набожный Эктор, продолжаешь ли ты совершать паломничества в часовню Сен-Рош? Ты все тот же арденнский кабан, которого так опасается все живое (...)? Я желаю тебе, чтобы твои паломничества в Сен-Рош завершились успехом. Аминь! Твой преданный друг. П. Верлен».

Пятый класс был для Верлена переходным этапом. Впрочем об этом годе можно сообщить немного (1857–1858). В классе г-на Лепрево, бородатого, как Жюль Фавр, и всегда обутого в широкие галоши, он все еще считался хорошим учеником: к концу второй четверти он был шестым из семидесяти одного ученика. Однажды он снова получил первую премию, на этот раз по французской грамматике, и к тому же три похвальных грамоты: второй степени по переводу на латынь, третьей степени по переводу с латыни и четвертой степени по переводу с греческого. Пока еще вполне удовлетворительные результаты.

Но в жизни Поля начинался критический период. До сих пор он был дисциплинированным и способным, хотя и несколько бесхарактерным мальчиком. В четвертом классе он сильно изменился. Учеба его не интересует, он все время пишет стихи и отдается во власть пробуждающейся в нем чувственности. В этом году он не получил никаких наград, только похвальную грамоту пятой степени по истории и географии. Г-н Валатур, преподаватель литературы, отмечает, что беспечность и вялость оказывают негативное влияние на его успехи. Он посредствен, потому что ему все безразлично.

Долгое время Поль писал стихи тайком, его товарищи восхищались ими. В четвертом классе, спустя два месяца после начала учебного года, а точнее 12 декабря 1858 года, — ему было тогда 14 лет и 9 месяцев — он решил послать одно свое стихотворение Виктору Гюго, который в то время находился в ссылке. Он говорил о своих стихах как о «первых шагах на беспокойном пути поэта», как будто он предчувствовал будущие потрясения. Стихотворение называлось «Смерть», оно довольно напыщенно, как и положено ученику коллежа, но очень ловко написано. Соизволил ли мэтр ответить на это послание — неизвестно, но этот поступок сделал молодого поэта героем в глазах учеников.

Талант и чувственность дали о себе знать одновременно. Уже после первого причастия, когда Полю шел одиннадцатый год, он не устоял перед некоторыми искушениями, пав в тяжелой внутренней борьбе с самим собой, и от этого впал в депрессию: Бог наверняка проклянет его и бросит в пекло ада. Но так как указание исповедника складывать руки для молитвы, как только искушение подступает близко, было для него практически

невыполнимым, он освободился от всех сложностей и забыл о вере. И тогда, отдавшись игре взаимной привязанности, интригам, «мальчишеским забавам», как он сам говорил, он осознал, насколько сильно может увлекаться. Однако он был не более «порочен», чем другие, и у него не было никаких особенных склонностей к извращениям, но если воспоминания об этой «детской любви» и других ребячествах обычно стираются из памяти людей, то в душе Поля они оставили глубокий отпечаток. Спустя много лет эти склонности снова напомнят о себе. Он был слишком впечатлительным, безвольным, распущенным, что делало его уязвимым. Когда он учился в четвертом классе, он был беспечен — черта, свойственная его возрасту, — и уделял учебе намного меньше времени, чем тайным утехам. Однако ничто в его облике не говорило о его тайной жизни, о которой нам и известно лишь из туманных намеков самого Верлена. В плане дисциплины ничего не изменилось.

В третьем классе (1859–1860) он продолжал вести двойную жизнь, поэтическую и чувственную. Он уже не был среди лучших, занимая 25–30-е места из 72. Но ему было все равно. Преподаватель г-н Реом не любил его («и, наверное, был прав», — отмечает Верлен в «Исповеди»), зато Поль пользовался уважением и вызывал восхищение у своих товарищей. Они считали его «мэтром» (уже!), искали его дружбы, превозносили его и льстили ему. А он жил лишь ради этой славы.

Было найдено любопытное свидетельство одного его однокашника, Александра Будая, экстерна. На лицевой стороне листа — четыре рисунка. Верлен в виде карпа, окруженный маленькими карликами; в виде звездочета, падающего в сточную канаву (уже!); в виде турка и китайца с длинной косичкой, верхом на которой сидит черт. Везде он изображен уродливым: приплюснутый нос, выпирающий подбородок, обезьяноподобный вид. На обратной стороне — латинские стихи, переведенные Марселем Кулоном следующим образом: «Верлен, который превосходит всех нас в божественном искусстве муз, умоляю тебя, научи меня писать прекрасные стихи, переводить с латыни на французский, выражать латинскими стихами галльские мысли. Как ты гениален! Как ты прекрасен! Ты, недавно раскрывшийся нам изготовитель восхитительных стихов!.. Кроме того, ты любишь живопись, получи же этот прекрасный рисунок; это чудо на обратной стороне — послание дорогого друга. Рука, пускающая копьё Александра, не жестока» ^[28].

Поль был очень любопытным и читал все неклассические книги, которые попадали ему в руки. Сначала он прочел книги, объединенные

«адской» тематикой: «Гамиани», «Ад Жозефа Прюдома», «Испытание Флоры», «Тайные опусы» Пирона и т. д. Потом один молодой воспитатель однажды оставил на кафедре «Цветы зла», имя автора которых — Бодлер — не фигурировало в списке программных произведений. Он тотчас «конфисковал» книгу и быстро прочел ее. Эта книга показалась ему порочной. «Я был абсолютно уверен, — скажет он позже, — что эта книга называлась „Цветы мая“». Еще как-то раз он наткнулся на «Кариатиды» Теодора де Банвиля. Изящество стиля и стихов до такой степени очаровали его, что он не уловил ни их напыщенности, ни шаблонности.

10 ноября 1858 года в Ре (департамент Па-де-Кале) в семье произошло важное событие — свадьба двадцатидвухлетней Элизы Монкомбль с владельцем сахарного завода из города Леклюз (департамент Нор) по имени Огюст Дюжарден, двадцати семи лет. О предыстории события нам ничего не известно. Когда произошла помолвка? Когда Элиза оставила Верленов? Поль Верлен, вероятно, присутствовал при венчании, но ни в «Исповеди», где он описывает все в деталях, ни в других его книгах нет подробностей этого события, которое касалось его непосредственно. Можно предположить, что отношения Деэ и Дюжарденов не были во всем гладкими. Известно, что двоюродный брат г-жи Верлен Франсуа Деэ построил в Фампу в 1855 году винокуренный завод, но эта затея была неудачной. Позже, когда он узнал, что некий г-н Сезар Дюжарден намеревался построить сахарный завод в той же коммуне, он энергично протестовал^[29]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Огюст Дюжарден (сын или родственник Сезара?) и Элиза Монкомбль, правнучка Жюльена Деэ, поженились без лишнего шума, чтобы не вспоминать о раздорах между семьями.

Когда Верлен учился во втором классе (1860–1861), в числе его учителей был выдающийся преподаватель, г-н Перранс, знаменитый историк, который впоследствии станет членом Института Франции^[30] и преподавателем в Коллеж де Франс^[31]. Он ненавидел современную литературу, а «Цветы зла» называл эстетикой порочности. Инстинктивно он понял, что ученик Верлен сам порочен именно в этом смысле, и с тех пор выказывал ему свое полное презрение. В 1894 году в «Исповеди» Верлен напишет: «Г-н Перранс ненавидел меня тогда и ненавидит до сих пор», намекая на заявление, которое великий ученый сделал незадолго до того в прессе: «Поль Верлен был моим учеником в лицее Бонапарта. Он занимал последнее место в классе, где было семьдесят учеников. Я никогда не

сомневался, что в этой ужасной голове не было ничего путного. Он всегда напоминал мне опустившегося преступника. С возрастом он изменился в худшую сторону и стал похож на оборванца и нищего»^[32]. Как и большинство коллег, г-н Перранс высокомерно читал лекции, обращая внимание лишь на хороших учеников, собиравшихся около кафедры, и полностью игнорировал лентяев в глубине класса. Там Верлен рисовал или читал романы, в том числе «Отверженных», произведения Бальзака или Поля де Кока и особенно поэтические сборники. Именно так он познакомился с «Золотыми стрелами» Глатиньи. Книга его восхитила — это был практически Банвиль, но облагороженный каплей вдохновения и подлинно французским блеском.

В ту пору ему нравились свирепость и вызов. То, что сохранилось с тех времен, — буффонада, не всегда отличающаяся хорошим вкусом, как, например, сонет под названием «Похороны», который начинался следующим стихом:

Не знаю ничего забавней похорон!^[33]

Сюда же относится гимн Дон Кихоту, в котором читается влияние Бодлера:

Мы — за тобой; святых поэтов, нас,
В венцах и терниях, ты волен сей же час
Вести на бой, на штурм вершин воображенья^[34].

И здесь же стихотворение *Speritus*, написанное в скатологическом жанре. Нам известно лишь начало:

Люблю уборные я страстною любовью,
Сортиры я привык боготворить...^[35]

Под влиянием Эдгара По и Гофмана он начинает писать фантастические сказки, но больше всего его привлекает театр. Он приступает к созданию «Карла Сумасшедшего», потом бросает и садится за «Карла Мудрого», потом за «Людовика XV», но пишет лишь по несколько сцен для каждой пьесы.

Все это отрицательно сказалось на его оценках: он был где-то на пятидесятом месте. Но однажды он стал четвертым по переводу на латынь, желая, вероятно, показать, что на многое способен, когда захочет. В другой раз ему пришлось в голову написать сочинение на французском в стихах. Преподаватель не слишком одобрил эту смелую выходку, но после занятия какой-то ученик поздравил его от всего сердца. Это был Эдмон Лепеллетье, как и Поль, увлекавшийся литературой, прямой, энергичный и великодушный. Они обменялись сочинениями, и между ними тут же завязалась дружба, которая не закончится никогда.

Именно Лепеллетье выпустил в 1907 году первую полную биографию Верлена. Эта работа не всегда объективна, в ней перемешаны достоверные воспоминания и разного рода предположения. Иногда Лепеллетье повествует о своей собственной жизни, а вовсе не о жизни Верлена. Например, когда он пишет, что Верлен очень интересовался английским языком, который преподавал г-н Спирс, человек большой эрудиции, умевший завладеть вниманием класса ^[36], он имеет в виду самого себя, потому что Верлен увлекался английским не больше, чем другими предметами школьной программы, о чем свидетельствуют записи в его дневнике: в третьем классе он уже считался «слабым», а во втором часто встречаются пометки «отсутствовал» или «нуль». Позже ему придется расплачиваться за это, поскольку его английскому, выученному в Лондоне, всегда будет не хватать прочной базы.

В тот год, равно как и в предыдущие, он провел летние каникулы в Арденнах у тетки Луизы, которая о нем очень заботилась (сохранились зарубки на косяке в сарае, отмечающие его рост), в Артуа у Жюльена Деэ и в Леклюзе у кузенов Дюжарденов. Можно представить, с какой радостью он вновь встретился со своей «старшей сестрой», уже матерью двух дочерей: Марии Элизы Луизы, родившейся 27 августа 1859 года, и Берты Гортензии Августины, родившейся 22 октября 1860 года.

В октябре 1861 года он перешел в класс риторики. Ситуация была критической. Капитан был недоволен: Поль лентяйничает, предается мечтаньям, не развивает свои врожденные таланты, не использует предоставленные возможности. Он в шаге от пропасти. Пробриться в обществе он сможет только сам, и поэтому нужно, чтобы он любой ценой сдал экзамен на степень бакалавра в конце учебного года.

Это предупреждение возымело действие — результаты Поля значительно улучшились. К счастью, преподавателей он воспринимал

всерьез. Преподаватель французского, г-н Дельтур, «человек тонкого ума», был снисходителен и относился к Полю с пониманием. Однако Верлен пожаловался в «Исповеди», что тот слишком строго оценил один из его стихотворных переводов Проперция, который, как он пишет, заканчивался следующей строкой, достойной самого Франсуа Коппе:

Скромный дубовый стол, подле кровать из ореха.

Работа, о которой идет речь, сохранилась. Это перевод Катуллы, а не Проперция, к тому же Верлен ошибается, цитируя строку по памяти, на самом же деле мы имеем следующее:

Как же оно хорошо, ложе твое из ореха.

В этой же работе — стихотворный перевод двух произведений Катуллы и вольное переложение отрывка из «De divinatione» Цицерона.

«Эти два стиха недурны», — отметил г-н Дельтур.

За работу он получил лишь десять баллов из двадцати. Конечно, по работе видно, что автор был не слишком прилежен, что все ему далось легко, но все же следовало бы поставить оценку повыше ^[37].

Латынь преподавал г-н Дюран, гуманист старой школы. Верлену запомнились лишь его парик и вставные зубы, а также его невероятная гордость.

Историю вел Камиль Руссе, будущий член Французской Академии, который иногда читал низким голосом отрывки из своей «Истории Лувуа»^[38].

В целом результаты в конце года были приличными.

Имя Верлена фигурирует в первой половине списка класса по успеваемости, а иногда, в частности по сочинению на французском языке, он в первой десятке. Лепеллетье нашел список оценок по одному сочинению: сам он был шестым, а Поль — четырнадцатым из пятидесяти учеников. Зато по математике и по физике он всегда был в числе последних, равно как и по немецкому, так как перестал посещать занятия великолепного г-на Спирса. Его оценки в первой четверти (конец 1861 года) свидетельствуют о том, что язык Гете давался ему не легче, чем язык Шекспира: за поведение в классе у него было «шесть», за прилежание — «один», академические успехи также оценивались одним баллом. Однако в

оправдание Поля следует отметить, что в то время в списке экзаменов на степень бакалавра не значились экзамены разговорного языка.

Самым знаменательным событием конца учебного года было его первое любовное приключение. Один его знакомый, старше его, сообщил ему некий адресок по улице Орлеан-Сент-Оноре. Однажды, в субботу вечером в мае 1862 года, получив разрешение покинуть здание лицея, он перешагнул порог «скромного дома с целомудренно закрытыми ставнями, на котором выделялся лишь его номер». В отделанной красным и золотым комнате он выбрал красавицу в розовом халате, которая привела его в свою комнату, всю украшенную кружевами. Он вышел оттуда немного разочарованным, но с желанием прийти туда снова, немного позже, так как он должен был подготовиться к экзаменам.

Он был полным нулем в математике, и это могло плохо сказаться на его результатах, поэтому в конце концов ему пришлось заниматься дополнительно с новым директором заведения, Фортюне Ландри, который пришел на смену своему заболевшему брату.

Наконец, в начале августа 1862 года, настал великий день. Письменная часть экзамена прошла в большой грязной аудитории. Затем — победа! — он был допущен к сдаче устной части экзамена, получив белый шар (хорошо) по переводу с латыни и красный шар (удовлетворительно) по сочинению на латыни.

16 августа он предстал перед экзаменационным жюри.

С анализом текста (Буало, Боссюэ, Цицерон, Тит Ливий, Софокл и Демосфен) он справился. Помня текст «Трех мушкетеров» Дюма, он смог ответить на вопросы по истории о Людовике XIII. В общем его результаты были средними^[39]. Одни красные шары! Против них черный шар (неудовлетворительно) по физике ничего не значил. Экзаменатору, г-ну Пюизе, он ответил, что всасывающий насос — это тот, который сосет, а нагнетательный насос — тот, который гнет!

Ему была присвоена степень бакалавра словесности с оценкой «удовлетворительно». Это немного удивило его и привело в восторг его родителей, гордых, что сын оправдал их надежды.

Таким образом Верлен доказал самому себе, что, приложив немного усилий, он может выйти из самой безнадежной ситуации. Но это было в первый и в последний раз: подготовка к экзамену навсегда лишила его жизненной силы, и в дальнейшем не он справлялся с трудностями, а трудности справлялись с ним.

Директор был доволен своим подопечным, честно заслужившим

похвальное свидетельство, которое он получил через некоторое время:

«Я, нижеподписавшийся директор школы, свидетельствую, что выпускник Поль Верлен прошел полный курс наук в данной школе с октября 1853 года по июль 1862 года, что он окончил лицей Бонапарта, где учился с шестого класса, не считая класс философии, и имеет несколько наград, что он был хорошим учеником и усердно занимался, и получил степень бакалавра словесности, завершив курс риторики.

Поль Верлен — блестящий ученик, один из тех, кто составляет гордость нашей школы.

Ландри, улица Шапталь, дом 32».

Глава III

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ И ВЫХОД В СВЕТ (август 1862 — декабрь 1865)

*Я, как ветер, сошел с ума,
И сердце мое вместе со мною*

Поль Верлен «Полю Мореасу»^[40].

На следующий день после одержанной победы, 18 августа 1862 года, юный бакалавр отбыл со своим отцом в Леклюз к Элизе Дюжарден. Капитан, который проболел июнь и июль, рассчитывал поправить здоровье в деревне. Его жена, уставшая от забот и бессонных ночей, осталась в Париже и присоединилась к ним позже.

Поль был счастлив снова увидеть свою дорогую Элизу, кузена Огюста Дюжардена, которого он любил ^[41], и двух их маленьких дочерей (двух и трех лет). Но особенно он стремился к покою на природе — напряжение последних месяцев его утомило.

Леклюз, городок с населением в две тысячи человек, расположившийся по обеим сторонам центральной улицы, окружала не слишком живописная равнина, внимание привлекал разве что болотистый участок с прудами и зарослями камыша, тростника и кувшинок. Было также несколько рощ, где росли тополя, вязы и ивы. Как же здорово летом бродить по этим влажным лесам! «Иногда я иду с книгой, сажусь перед этими меланхоличными фламандскими картинами и остаюсь там часами, мечтательно наблюдая за нерешительным полетом голубого зимородка, или зеленой стрекозы, или вяхиря жемчужного цвета», — писал он Лепеллетье 4 октября 1862 года.

6 сентября с двоюродными братьями-сестрами и их друзьями он открыл охотничий сезон. На этот раз у него в руках было самое настоящее ружье. «В первый день, без собак, у меня было четыре трофея, и в другие дни тоже примерно столько же», — сообщает он Эктору Перо в марте 1863 года. Лепеллетье же он хвастается тем, что принес из леса «кролика подлинно гигантских размеров».

С октябрём пришла пора деревенских ярмарок. Поскольку родители

дали ему свободу (отец медленно поправлялся), он очертя голову бросился в праздник и предавался веселью до головокружения. По примеру краснолицых крестьян, он прыгал, вертелся, крутился под звуки «оркестра-хаоса»: «сумасшедший кларнет, хрипая труба, невозддержанная скрипка и треугольник в руках неистового ребенка» (из письма Лепеллетье от 4 октября 1862 года). Он понял, что среди девушек кантона юный парижанин может рассчитывать на успех, даже если внешность его не слишком привлекательна. Он заставил танцевать даже мадемуазель Иоль, отец которой был директором школы, вроде школы Ландри. Эти праздники, точнее, эти вакханалии продолжались целую неделю, в течение которой чередовались попойки и умопомрачительные пиры, достойные Гаргантюа и Пантагрюэля, игры, песнопения, конкурсы и развлечения. Можно догадаться, что в такой атмосфере Поль несколько позабыл о литературе (тем не менее он перечитал «Отверженных»: «Это величественно, это красиво, это прежде всего замечательно», — рассказывает он Лепеллетье 16 сентября). Более того, он не написал ни одного, даже самого маленького стихотворения. Зачем? Ему было достаточно маленького леса, где, по его словам, «деревья пишут сонеты и мадригалы растут, как грибы». Он даже не дает себе труда их собрать!

В октябре 1862 года он возвратился в Париж, смирившийся с необходимостью получения диплома юриста, но в глубине души убежденный, что «должность», о которой не переставая твердили ему родители, всегда будет лишь ширмой, и что если уж он и должен сделать себе имя, то не в магистратуре, не в конторе, а в Поэзии. Но как туда пробиться? Маленький провинциал из квартала Батиньоль не знал никого, кто мог бы ему помочь, а у его отца не было никаких связей ни в журналистском мире, ни в среде прочей пишущей братии. Возможно, полезно будет отправлять стихи редакторам журналов; так, сохранилось письмо от 28 октября 1862 года к Этьену Кариа, редактору легкого поэтического журнала вполне парижского духа под названием «Бульвар», с просьбой благосклонно принять двенадцать «юмористических» двустиший, написанных годом раньше. В переключку с Виктором Гюго, это снова стихи о «Госпоже Смерти», которая все еще вдохновляет поэта, но уже иначе; он ее более не боится, он пылает к ней страстью:

Ведь я вас так люблю, о мадам Смерть!^[42]

«Первая публикация моего произведения означала бы мое признание и

составила бы мое счастье», — заключает он. Но Кариа не дал ходу его заявке. Без сомнения, стихи были недостаточно «парижскими».

10 ноября 1862 года он записался на факультет права на курс к г-ну Удо (наполеоновский свод законов) и к г-ну Машляру (римское право). Этим он будет заниматься в течение трех лет, после чего подготовится к нескольким конкурсам в министерстве внутренних дел и в министерстве финансов. По его рассказам, он посетил «несколько более или менее усыпляющих занятий по французскому и римскому праву, не забывая о других занятиях в кабаках на улице Суффло».

На самом деле, с этого времени — с возраста восемнадцати с половиной лет — он пристрастился к аперитивам, или, точнее, к состоянию, которое наступало после их потребления. Он знал, что слаб и нерешителен, и вскоре стал испытывать необходимость в уверенности и силе, которые ему предоставляло опьянение. Опьянев, он резко менялся, превращаясь в мгновение ока в абсолютного монарха. Как говорит г-н Антуан Адан, в такие моменты ему казалось, «что он настоящий самец»^[43]. После каждой неприятности его убежищем и реваншем было пьянство:

Я пью для облегченья, совсем не ради пьянства,
Ведь пьяный побеждает весь мир и все, что в нем,
Ведь пьяный достигает — да! — райского блаженства.
Он помнит и не помнит, он говорит — и нем^[44].

Вот какие слова вложит он в уста героя «Возлюбленной дьявола», который похож на него, как родной брат.

Естественно, его первый опыт, полученный на улице Орлеан-Сент-Оноре с целью доказать самому себе, что он больше не ребенок, также был углублен. «Я начал понимать, что *это* гораздо интереснее, чем мне показалось на первый взгляд»^[45]. Его единственным другом остается Эдмон Лепеллетье, записанный на тот же факультет и так же помешанный на литературе. Они часто ходят друг к другу в гости.

— Боже мой! — сказала г-жа Лепеллетье своему сыну, когда увидела Верлена в первый раз, — твой друг производит на меня впечатление орангутанга, сбжавшего из парижского зоопарка.

Вскоре они стали дружить домами.

Г-н Лепеллетье Старший был уполномоченным банка, а его супруга, из семьи военных, была представлена к ордену Почетного легиона, за что

капитан и г-жа Верлен очень ее уважали. По средам Верлены отправлялись на улицу Леклюз. Между чашкой чая и партией в вист юный Эдмон по просьбе матери демонстрировал свой талант в игре на пианино. А на следующей неделе семейство Лепеллетье принимали на улице Сен-Луи. Там, пока дамы мило щебетали, г-н Лепеллетье и капитан говорили о бирже.

— Вам бы надо было продать ваши «Креди Мобилье», они сильно упали в цене, и избавиться от «Железных дорог из Севильи в Херес» — про них вообще непонятно, стоят ли они что-нибудь.

Но капитан боялся избавиться от ценных бумаг, которые поднялись в цене с тех пор, как он их приобрел.

А в это время юноши секретничали и обменивались книгами. В библиотеке Эдмона были классические книги (Виктор Гюго, Ж. Ж. Руссо, Бальзак и т. д.), научные и позитивистские (он одолжил своему другу «Силу и материю» доктора Бушне — рационалистическое сочинение, которое укрепило его в неверии). У Поля же были либо современные авторы (Леконт де Лиль, Теофиль Готье, Бодлер, Банвиль, Глатиньи и т. п.), либо малоизвестные (Алоизиус Бертран, Петрюс Борель). Из религиозных книг у него была только «Житие святой Терезы», которая досталась ему от матери.

В библиотеке Св. Женевьевы, в читальном зале напротив Сорбонны юноши с одинаковым аппетитом «пожирали» исторические и философские трактаты, книги по востоковедению, и конечно же бессмертные творения Гёте, Шекспира, Кальдерона, Лопе де Вега, Диккенса и многих других. Верлену до того нравилась испанская литература, что он вбил себе в голову обязательно выучить язык Сервантеса. Театр также привлекал его внимание, но не как читателя, а как актера. К своим сочинениям он добавил «Людовика XVII», с которым продвинулся не дальше предыдущих. Он часто и усердно посещал театр «Батиньоль», побратим театра на Монмартре, — там чередовались новые пьесы и старые испытанные мелодрамы. Его самой сокровенной и тайной мечтой было, чтобы его пьесу сыграла труппа Шотеля, силами которой и текла жизнь в театре «Батиньоль».

Начало 1863 года было отмечено переездом. Не меняя квартала, Верлены поселились на улице Лемерсье, в доме 45. Поль продолжал теоретические занятия по юриспруденции. Восьмого января он снова записался на курсы.

Именно тогда шестидесятипятилетний капитан сильно сдал. Его левый глаз, пораженный катарактой, слабел, а правый был под угрозой. Он все

хуже соображал; к его плохому состоянию добавлялось беспокойство — на его глазах таял его капитал. Как он сожалел о том, что не последовал совету г-на Лепеллетье! Но хуже всего сказывался на его здоровье праздный сын, который не интересовался ничем серьезным и никогда не открывал книг по праву. Каждому встречному капитан рассказывал о своем желании «пристроить Поля». Кто-то рассказал ему о конкурсе в министерстве финансов, для которого было достаточно диплома бакалавра. Поскольку Поль был очень слаб в математике, ему нашли репетитора, к которому он и отправлялся каждое утро, а остаток дня проводил в Латинском квартале, добираясь туда на конном омнибусе «Батиньоль — Клиши — Одеон». Он проводил всего час или два на занятиях или в соседних кафе, и к пяти часам возвращался домой, потому что ему больше нечего было делать. Но скоро он стал прогуливать математику: у него решительно не было никакого желания заниматься финансами.

Друг капитана, г-н Дарсе, офицер в отставке и администратор страховой компании, оказал Верлену Старшему благодеяние, согласившись взять Поля на работу в компанию «Союз орла и солнца», что на улице Эльдер, но при условии, что тот будет иметь какое-то понятие о бухгалтерском учете. Снова цифры! Несчастный сменил репетитора: именно у бухгалтера по фамилии Савуре он приобщился к ведению записей и реестров. Когда он немного освоился с учетом, его взяли на работу (был май 1863 года) и тем самым лишили свободы.

Каждый вечер Лепеллетье ждал его у выхода и они вместе возвращались в Батиньоль, останавливаясь по дороге то в Восточном кафе — пивной с бильярдом, то в кафе Гербуа на Большой улице Батиньоля (ныне улица Клиши), где собирались художники «группы Батиньоля»: Мане, Дега, Моне, Курбе, Базиль и другие.

Он зарабатывал мало, но достаточно для того, чтобы позволить себе широкие жесты, когда речь шла о «продолжении банкета». Часами друзья обсуждали поэтов и поэзию, читали друг другу свои произведения, высказывались по поводу новинок, обсасывали рифмы, аллитерации, анжамбманы и цезуры.

Но как выйти из квартала Батиньоль и войти в магический круг поэтов, о которых пишут в газетах и журналах?

Время от времени они видели ученика старших классов лицея, Поля-Луи Мио-Фрошо ^[46], педантичного и довольно претенциозного молодого человека, который изучал Средневековье. Их отношения ограничивались обменом книгами. Средневековье!.. Вот угораздило же человека! Однажды

этот Мио-Фрошо представил своим друзьям поселившегося в квартале молодого человека девятнадцати лет по имени Луи-Хавье де Рикар^[47], который буквально в прошлом году опубликовал у Пуле-Маласси большой (422 страницы!) сборник стихов под названием «Песни на рассвете», «посвященный юным дамам». Вот это уже был кто-то более или менее значительный! К тому же он, ученик Мишле^[48] и Непомусена Лемерсье^[49], умел расположить к себе тем, что мог говорить обо всем: философии, социологии, экономике, политике, театре, поэзии. Законченный автор-универсал. Его властная манера держаться и его состояние — теткинское наследство — заворожили Верлена и Лепеллетье. Он хвастался тем, что посещает известный салон Виржини Ансло, вдовы академика, знакомыми которой были Виктор Гюго и Мюссе, и тем, что встречал там Вилье де Лиль-Адана, Катулла Мендеса и многочисленных поэтов, о которых только начинали говорить. Он только что основал журнал — «Журнал морального, научного и художественного прогресса», первый номер которого датируется мартом 1863 года. Редактора звали Адольф Рако. Это было ежемесячное издание, массивное и неудобоваримое, в сотню страниц, более философское и социалистическое, чем литературное. Журнал был в авангарде отрядов, сражавшихся под водительством Свободной Мысли против «Предупреждений молодежи и отцам семейств» его высокопреосвященства Дюпанлу, епископа Орлеанского, который разоблачал «могильщиков религии» — Тэна, Ренана, Литтре, так что было удивительно, как режим вообще допускал его существование. Полиция, кстати, за журналом следила. Стихотворения, которые Рикар публиковал в литературной части, были высокопарными, «напыщенно-академического» стиля.

Ну и что? Искусство — разве оно не Прогресс? К тому же журнал не скупился на похвалы Виктору Гюго, Эдгару Кине, Мишле, всем этим «провозвестникам грядущего».

Что касается грядущего, Верлен глядел не далее, чем до момента, когда он впервые опубликуется. Он вручил своему новому другу «сатирку» в форме сонета, изображающую некоего «господина Прюдома», эталонного буржуа, «мать и отца семейства», такого сытого ботаника, которого от поэтов бросает в дрожь, но тапочки которого каждой весной порастают сверкающими цветами. Из осторожности он подписался «Пабло». Сонет опубликовали в августе в «Журнале Прогресса».

Итак, перед началом летних каникул Верлен «вдел ногу в стремя» (по

крайней мере, так ему верилось).

Что происходило в течение каникул 1863 года, мы не знаем. Часто случается, что документы в изобилии, когда ничего не происходит, а когда что-то происходит, их недостает. А произошло событие, которое никак нельзя назвать особенным или примечательным, но на которое Верлен отреагировал очень остро. Это событие повлияло на всю его жизнь.

До сих пор он был избалованным маменькиным сынком, которому не на что жаловаться в жизни. И вот впервые ему предстояло понять, что такое страдание, и познать, что такое несчастье. История проста и банальна: в течение нескольких недель в Леклюзе его сердце пылало любовью к Элизе Дюжарден, но она, столь же достойно, сколь и твердо, сумела погасить этот пожар.

Верлен подробно сообщает нам о фазах этой тайной драмы. Почему же мы говорим тогда об отсутствии документов? Ведь более чем в дюжине стихотворений мы находим аллюзии на это событие. Однако никто не понимал, что значат эти стихи, пока г-н Жак-Анри Борнек^[50] не обнаружил ключ к загадке.

В марте 1863 года Поль сообщил Эктору Перо, что Элиза собирается в июне приехать в Париж. Мы предполагаем, что в ходе своего пребывания она пригласила семейство приехать в августе и сентябре в Леклюз. Со времени последних каникул Поль сильно изменился, из подростка он превратился в мужчину. Поэтому он совершенно другими глазами посмотрел на свою кузину, молодую женщину двадцати семи лет, которая, родив двух детей, расцвела, как весенний цветок.

В рассказе «Луиза Леклерк», пестрящем автобиографическими деталями, он изложил историю, произошедшую с ним самим. Героиню зовут Луиза, ей 23 года, она замужем. Леон, который ее знал с детства, чувствует, что в нем растет непреодолимое чувство: «Ведь это так естественно! Ведь и она тоже изменилась. И как тело Луизы раздалось, как ее талия, ее грудь, ее конечности набирались день ото дня новой силы и обретали истинную красоту, как ее дерзкие большие открытые глаза сверкали чистым светом, как бывает, когда рядом веселый, молодой и сильный человек, как в ее голосе начинали слышаться решительные, твердые, хотя и не повелительные, и в то же время мягкие нотки, — так и этот красивый юноша (...) стал вести себя иначе, просто, добро, без жеманства. (...) Он узнал, что такое приличие, скромность, ровность манеры и искренняя любезность. Все это в него, со временем, вложила

любовь».

А вот та же интрига в стихах.

Сначала появляется Она, Старшая Сестра, единственная, незаменимая:

О, как она меня глубоко поняла...

Все, все открыто ей... Обманы, подозренья,
И тайна сердца ей. лишь ей, увы! светла.
Чтоб освежить слезой мне влажный жар чела,
Она горячие рождает испаренья^[51].

Растущее чувство, сердце, бьющееся все быстрее, краска на лице, мечтания вдвоем, неторопливые прогулки, в руке рука, под большими деревьями парка, наконец, внезапно прорывающееся признание:

Как дивно пахнут первые цветы!
Как дивно слышать утром сквозь листву
Шум слова «да», что мне сказала ты!^[52]

После первого «да» — первый поцелуй:

Звонкий, божественный — Поцелуй!
Страсть несравненная!^[53]

После первого поцелуя первое целомудренное объятие:

Все чаянья мои в единый миг сбылись —
Я руки протянул, и вот в объятьях мы...^[54]

И вот уже любовное головокружение:

И детская душа прорвалась сквозь заслон
Его раскрытых глаз, и он услышал звон...
...
Вот так над нами власть захватывает Страсть^[55].

Элиза, на мгновение поколебленная в своем спокойствии, быстро взяла себя в руки и посоветовала кузену умерить свою страсть: спокойно... ведь у нее муж, дети. Это просто безумие. Об этом не может быть и речи. Поль просыпается, ему горько:

Но жестокой судьбе неизвестно понятие «мир»,
В каждом яблоке — червь, каждый сон завершён пробуждением,
Злая совесть убьёт все остатки несчастной любви... [\[56\]](#)

Увы! Нужно отказаться от всего и обо всем забыть:

И поняв, как жизнь усмиряет вдруг,
Должен был я страсть втиснуть в узкий круг... [\[57\]](#)

Но с какой болью!

О нет, любимая, — будь нежной, нежной, нежной!
Порыв горячий смири и успокой [\[58\]](#).

Он страдает до такой степени, что не знает, где найти прибежище:

Но горе мне! Кошмар растёт передо мною,
Как стая злых волков среди леса... [\[59\]](#)

...меня страшат
И неотступные и злые угрызенья, —
Дрожу в лесу, как трус, который привиденья
Боится или ждёт неведомых засад. [\[60\]](#)

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует [\[61\]](#).

Ах! Только бы все закончилось!..

...Любовь,
Давно бегу ее в презренье молчаливом^[62].

В новелле под названием «Столб», опубликованной в «Аннетоне» 27 сентября 1867 года, он вспоминает повелительный тон Судьбы, которая преграждает ему путь. Столб на «пагубной дороге», о который он больно поранился, когда однажды ночью бежал с красавицей, которую похитил, — это моральный запрет, обязавший его отступить и предаться бегству. Тем не менее он рассказывает, что уже видел этот столб с четырьмя указателями, когда въезжал в деревню, но принял его за приглашение и поощрение. Увы! — приказ был категорическим и не подлежал обсуждению. Ударившись, путешественник приходит в чувство: «Мое сознание меня упрекало за то, что я там делал, и впервые моя связь с женщиной, которая была со мной, показалась мне грехом: неожиданно я осознал, что мой поступок был безумием».

Наиболее любопытно продолжение рассказа, поскольку оно пророчески говорит о его будущем: он будет «героем одной из наиболее ужасных судебных драм, которые когда-либо были предметом парижской хроники». На этот раз следователю и королевскому прокурору не придется «искать женщину». Мы находим в этом необыкновенном тексте даже слово «Чарльстаун» — так позднее Рембо будет называть Шарлевиль, свой родной город.

Еще раз подчеркнем, что осенью 1863 года мы застаем Верлена на распутье, в самый критический момент его жизни. Любовное разочарование для многих молодых людей — совершенно обычное происшествие: одно мгновение они страдают, затем утешаются и забывают. У Верлена все было иначе. Дело в том, что Элиза была единственной в мире душой, способной понять его, сдержать его, защитить его от самого себя, ведь он слишком хорошо знал свою огромную слабость перед всевозможными соблазнами. Потеряв ее, он оказался один, беззащитный, бездомный и беспомощный на дороге жизни, усеянной пропастями. В сиянии молнии он видит череду катастроф, которые обрушатся на него, убьют, растерзают, разорвут его и в конце жизни обрекут на трагическое одиночество:

Один! Совсем один! Лишь страшной мысли мрак

Сгущается вокруг, и я во тьме провижу
Погибель, хлад, удар — я знаю, будет так^[63].

Природа, Искусство, Бог — все это более не представляло ни малейшего интереса. Его ждало путешествие по морю несчастий:

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн,
Забытый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн^[64].

Эрнест Делаэ очень справедливо подметил в нем «непобедимую необходимость искупления» после каждой неудачи: «Что бы досадное с ним ни происходило, он будет спокоен, он будет даже менее требователен на самом деле от счастья (...). Но также малейшее волнение опустошает, совершенно разрывает и удручает его. Он думает, что умирает и не может не искать немедленного и верного удовольствия, то есть удовольствия физического, иначе он не вернется к жизни»^[65]. В самом деле, нам еще предстоит увидеть, как для того чтобы пережить что-либо, он будет готов броситься в огонь страсти с нетерпеливой жадностью до того дня, когда, снова встретив на своем пути любовь, он совершит необдуманный поступок и окончательно разрушит всю свою жизнь.

Как он и писал Эктору Перо в марте, в конце каникул он приехал в Пализёль. 18 сентября 1863 года кюре церковного прихода отец Хавье Делонь, старый друг его тетушки, получил сан настоятеля в Буйоне (а на посту кюре его заменил его брат Жан-Батист). Поль присутствовал на церемонии его вступления в сан и, в частности, на банкете в доме священника. Он никогда не забудет форель из реки Семуа: это была форель «духовная, употребляемая с совершенно возвышенной любовью, в компании славных коллег этого славного кюре»^[66]. Но у него было тяжело на сердце, и, естественно, он испытывал необходимость довериться новому настоятелю. Это, как мы увидим, войдет у него в привычку — после каждого удара судьбы бегать к духовнику. «Мой маленький друг пришел повидать меня, — писал в сентябре 1863 года отец Делонь Луизе Гранжан. — Я долго говорил с ним. Я верю, что его душа осталась доброй. У меня было много причин сделать такой вывод, потому что он доверил мне

некоторые свои слабости и признался, что боится жить в Париже. Большой город мало подходит его слабой воле! Обратится ли он с этим к своему отцу? Вы знаете его ответ, он уже нам обоим его дал: его сын не сможет ничего достичь нигде, кроме Парижа. Однако у меня нет никаких сомнений в том, что нужно повидаться с ним по этому поводу. В ожидании помолимся»^[67].

Если бы капитан Верлен не упрямствовал в своем желании, чтобы Поль сделал в Париже карьеру, шансы на то, что тетушка Луиза устроила бы его в бельгийских Арденнах, были достаточно велики, и в этом случае он бы стал служащим мэрии или префектуры и о нем бы больше никто никогда ничего не услышал.

По возвращении в Париж ему снова пришлось думать о серьезных вещах. «Союз Орла и Солнца» — это было временное решение. Капитан вновь прибегнул к своим связям, чтобы найти для сына постоянное место работы. Один его друг, г-н Тассен, директор Акцизного департамента Парижа, посоветовал, чтобы Поль подготовился к конкурсу Префектуры Сены. Вступительный экзамен был нетрудным, должность — не самая престижная, но достойная и хорошая, к тому же у него будет надежда на продвижение по службе и гарантированная пенсия.

Поль добросовестно подготовился к конкурсу и успешно сдал письменный зачет в мае 1864 года. Преуспев в этом, он был назначен стажером-экспедитором в мэрии 9-го округа по улице Друо и приписан к отделу актов гражданского состояния. Между тем Луи-Хавье де Рикар продолжал издавать свой «Журнал Прогресса», и Верлен продолжил сотрудничество с ним. Но произошло то, чего они опасались: вмешательство имперской полиции. На мартовский номер 1864 года был наложен арест из-за резкой антирелигиозной статьи (рецензия на «Экзамен по Христианству» Сатюрнена Морена), публикация была запрещена, а редактор вместе с управляющим отправились в суд. Несмотря на блестящую защиту мэтра Лорье, которому ассистировал молодой и еще неизвестный широкой общественности адвокат Леон Гамбетта^[68], они были приговорены 27 мая 1864 года к тремстам франкам штрафа и трем месяцам тюрьмы (срок Рако по решению суда от 28 июня был сокращен до месяца).

Бедный Верлен! У него был единственный друг, который мог вытащить его из небытия — и вот он томится в застенках!

Итак, став по необходимости философом, он принимает решение продолжать жить. У него было немного денег, не слишком интересная

работа, преданный друг (Лепеллетье) и много идей в голове — все это в сумме выглядело не так печально. Он редко сидит дома, посещает театры, выставки, концерты.

Неизвестно, где Верлен провел каникулы, но, скорее всего, он уехал из Парижа. Вернувшись, он продолжил свои труды бюрократа и забавы дилетанта.

К концу 1864 года Рикар вышел из тюрьмы. Еще никогда он не был так готов к борьбе. Верлен ухватился за него, как за спасательный круг. Тем не менее он ему посоветовал менее активно демонстрировать свой антиклерикализм и посвятить себя более активно поэзии. Как бы Рикар хотел сейчас выпустить в свет основательный журнал по искусству и литературе, оставив в стороне политику и философию, раз уж есть средства! Это, конечно же, соблазнительно, в крайнем случае достаточно и простой типографии, но нужен агент по продажам. Ни он сам, ни Верлен, ни Лепеллетье не знали никого, кто согласился бы играть эту роль.

Однажды Верлен, которого связывали дружеские отношения со скрипачом театра «Батиньоль» Эрнестом Бутье, услышал, как тот рассказывает о молодом книготорговце Альфонсе Лемемерре, влюбленном в поэтов Плеяды, который, может быть... Бутье хорошо знал его, поскольку тот просил Бутье перевести ему Петрония на старофранцузский.

— Так, — перебил его Верлен, — где он живет?

Бутье, Лепеллетье, Рикар и Верлен направились в переулок Шуазель, дом 47^[69], в довольно большую лавку с вывеской «Перспье, правопреемник Лемемерр».

Альфонс Лемемерр, массивный нормандец двадцати шести лет, приятной наружности — голубоглазый, с открытым лицом и светлой бородой — принял их дружелюбно. Три года он работал у Перспье служащим, в 1862 году перекупил у шефа его дело (религиозные книги, требники. Библия, молитвенники). Его жена была белошвейкой. Ему успешно удалось направить деятельность издательского дома в новое русло и публиковать — чем он и по сию пору занимался — замечательные издания авторов шестнадцатого века (Дю Белле, Рабле и т. д.). Казалось, что предложение молодых людей не слишком его воодушевило. Он был человек осторожный.

— Поэтический журнал?.. Да, может быть... Посмотрим... Но кроме склада я вам ничего не предоставлю.

Чтобы умиловить Лемемерра, Рикар предложил ему за счет автора издать сборник своих стихов «Небо, Улица и Очаг», написанных в тюрьме.

Ударил по рукам — сначала делаем книгу, потом журнал. Подобрали и название — «Искусство».

Первого января 1865 года Верлен был включен в штат мэрии экспедитором под началом Городского комитета по бюджету и счетам с жалованьем полторы тысячи франков в год. В его обязанности входило доставлять жалованья священникам, служащим в приходах Парижа и пригородов. Он не выказывал чересчур большого рвения, приходил в свою контору (в свой «бюраль», как он говорил) к десяти часам утра, покидал ее в полдень и снова возвращался на время с двух до пяти часов. Его начальник, старший служащий по имени Ги, давал ему столько свободы, сколько тот хотел, поскольку он приписывал себе дополнительные часы за работу, которую не сделали его подчиненные. Можно сказать, что Верлен давал ему возможность дополнительно зарабатывать. В кафе «Газ» на улице Риволи, где он иногда обедал, Верлен быстро познакомился с «городскими поэтами», такими же служащими, как и он сам, но уже вовлеченными в литературную битву: Леоном Валадом, Альбером Мера, Жоржем Лафенетром и Арманом Рено.

Двадцати пятилетний уроженец Бордо, Валад, чьи глаза сияли лукавством, носил окладистую черную бороду, которая делала его похожим на перса. «Убери свою фальшивую бороду, шутник ты эдакий!» — бросал ему Верлен.

Альбер Мера^[70], того же возраста, был более замкнутым и манерным, по словам Верлена. Очень чувствительный юноша и утонченный поэт. С Валадом он опубликовал в 1863 году сборник весенних сонетов под милым заголовком «Апрель — Май — Июнь».

Жорж Лафенетр, уроженец Тура, двадцати восьми лет от роду, влюбленный в Италию и эпоху Возрождения, был автором книги под названием «Ожидания» (1864), которая имела довольно большой успех.

И, наконец, Арман Рено, который подготовил к изданию свою четвертую книгу, а его первая книга «Стихи о любви» к тому времени уже выдержала два издания. Почти мэтр!

Иногда, выходя из Дворца, к ним присоединялся Эдмон Лепеллетье в сопровождении Эмиля Блемона — по-настоящему его звали Леон Эмиль Птидидье, он был молодой адвокат и тонкий поэт — настолько тонкий, что Леконт де Лиль говорил ему с презрительной гримасой:

— Блемон, вы явно учились у Мюссе!

Без малейших трудностей Верлен, полный природной сердечности и

доброе расположения духа, был принят в группу и стал всеобщим другом.

В свою очередь Рикар, который уже видел себя величественным покровителем французской литературы, в знак своей благодарности писателям и художникам, которые поддержали его во время судебного процесса, пригласил их на субботний прием, который давала его матушка на бульваре Батиньоль, дом 10. Именно там Верлен и Лепеллетье, без ума от счастья, смогли наконец приблизиться к знаменитостям своего времени. Можно сказать, что они лишь сели в поезд, который отправил в путь Рикар.

Кокетливая, улыбчивая и немного легкомысленная маркиза де Рикар, сорока двух лет от роду, обожала светскую жизнь и молодежь. Ее муж, бывший губернатор Мартиники и экс-адъютант принца Жерома^[71], предпочитал во время приемов уединяться в своей комнате, что было, наверное, к лучшему, поскольку ему было уже за семьдесят.

На встречах господствовали два человека: Катулл Мендес и Вилье де Лиль-Адан.

С довольно серьезной внешностью и слегка выющейся светлой шевелюрой, прекрасный Катулл обольщал немного волнующим шармом своей личности и манерами принца. Его последнее произведение «Филомела, лирическая книга» (1864) привело Верлена в восторг. Перед ним Верлен чувствовал себя полным ничтожеством, ведь не было такого достижения, которое Катулл Мендес не мог бы себе приписать: и основание «фантастического журнала», и признание литературной общественности, и ранение на дуэли, и отношения с любовницами, и даже месяц тюрьмы за непристойное произведение «Роман об одной ночи»^[72].

Вилье де Лиль-Адан был одержимый. Никто не мог понять, он на самом деле сумасшедший или только притворяется. Когда он декламировал «Ворона» Эдгара По, магнетическая дрожь пробегала по присутствующим. Он волновал, его невозможно было не уважать.

Иногда свои стихи, простые и волнующие, читал молодой человек по имени Франсис (Франсуа) Коппе, еще ничего не успевший опубликовать. Он был протезе Мендеса и экспедитор в министерстве вооруженных сил. Лихорадочный взгляд освещал его бледное лицо, он был похож на Бонапарта.

Среди приглашенных назовем еще Хосе-Марию де Эредиа, невозмутимо спокойного, богато одетого — на жилете у него висела тяжелая золотая цепь; Леона Дьеркса, рожденного, как и Эредиа, в колониях; мечтательного и сдержанного Сюлли Прюдома; пианиста

Эммануэля Шабриё — это был полный и энергичный юноша, с которым Верлен уже был знаком; Анатоля Франса, «внимательного к жестам и словам», которого Поль также встречал у своего товарища Дютальёра. Среди дам блистала прежде всего мадемуазель Жюли Алар (литературный псевдоним Маргарита Турне), на которой впоследствии женится Альфонс Доде. Верлен и Лепеллетье стали частыми гостями этого салона, который иногда превращался в театр — там играли первый акт «Марион Делорм» Виктора Гюго^[73] — на правах «анфан террибль». Оживляя игру в шарады, они переодевались и импровизировали диалоги, а зрители должны были догадаться, кого из властей предержащих они изображают. Лепеллетье в роли Наполеона III был неотразим.

Немного спустя перед Верленом открылись двери и других, более изысканных салонов.

Самым серьезным, конечно же, был салон Леконта де Лиля. Каждую субботу в своей квартире на шестом этаже на Бульваре Инвалидов, дом 18, мэтр с моноклем в глазу принимал своих учеников-последователей, стараясь спрятать под улыбкой природную ироничность губ. «Мы вились к нему ситцевой ниткой по тесной лестнице», — рассказывал Луи-Хавье де Рикар^[74]. В передней обитала сама г-жа де Лиль, маленькая креолка, «испуганная, как островная птица». Гости, не задерживаясь, проходили в большой кабинет, полный книг и стульев, где и проходила лекция. Там Леон Дьеркс, Эредиа, Казалис, Мендес, Эммануэль Дезессар, Стефан Малларме и другие — весь цвет молодой Поэзии — с религиозным поклонением внимали уроку Искусства и Мастерства, который давал великий учитель. Потом слушатели по очереди читали свои произведения — не без некоторой боязни, поскольку, если стихи не нравились, автор «Варварских стихотворений» изгибал дугой бровь, монокль падал, как нож гильотины, и это означало приговор, не подлежащий обжалованию.

Совсем другими были собрания по вечерам в среду у Катулла Мендеса в его двухкомнатной квартире на первом этаже дома по улице Дуэ. Атмосфера была довольно двусмысленной, если не сказать декадентской (тогда никто еще и не подозревал, что во французской поэзии появятся декаденты). Там пробовали зеленый чай, который подавал беспокойный молодой слуга по имени Ковьель (он только что вышел из тюрьмы), там читали индийские и восточные стихи, играли на фортепиано авангардную музыку, то есть Вагнера, в то время как любовница Катулла, Августа Ольме, растянувшись на диване, томно курила сигареты. Здесь не было ни учителей, ни учеников, здесь были только друзья и дружеская атмосфера.

Никогда не навязывая своего мнения, Мендес умел убеждать. Верлен встречал у него своих старых друзей и находил новых, например, Эрнеста д'Эрвильи, бульварного рифмоплета, или Леона Гладеля, романиста, и еще Армана Гузьена, который прежде руководил «Журналом о литературе и искусстве», и многих других.

И, наконец, были вечера у Теодора де Банвиля на улице де Конде, рядом с театром «Одеон». Атмосфера была простой и семейной. Матушка автора «Акробатических од» подавала чай с ромом и сухие пирожные, в то время как он сам не переставал улыбаться своей легендарной улыбкой. Его критика тонула в комплиментах, а его насмешливые слова летали по комнате, словно птицы, — точь-в-точь как его стихи. Верлен поведал нам об атмосфере этих вечеров: Банвилю, например, случалось гладить при всем честном народе ночные рубашки для шестилетнего сына своей жены (будущего художника Жоржа Рошгросса) и заставлять всех присутствующих целовать ребенка в лоб перед тем, как отправить его спать. Возвратившись, Банвиль провозглашал, подняв вверх указательный палец:

— А теперь, господа, мы зверски закурим.

В один из вечеров поэт-комедист Альбер Глатиньи пришел в фантастическом наряде: в синей блузе и сабо^[75]. До того как Верлен с ним познакомился, он восхищался этим двадцатилетним созданием, у которого были «худоба и ловкость кузнечика». Сын плотника, ставшего жандармом, он оставил свою работу подмастерья в типографии, чтобы последовать за труппой бродячих актеров. Издатель Пуле-Маласси, познакомив его с творениями Теодора де Банвиля, тотчас написал рассказ «Безумный виноград». Первый раз Верлен встретил его в Шведском кафе, оба были слегка подшофе и расстались братьями.

Светская жизнь Верлена была блестящей, все ему улыбалось, однако дома у него было не так радужно. В апреле 1865 года его отец упал с лестницы, и с тех пор его состояние ухудшалось и ухудшалось. Сначала были приступы эпилепсии, за ними следовали периоды полной прострации, после которых он не справлялся с дрожью и ему трудно было говорить. Он угасал, постепенно впадая в маразм. Его близкие переживали это очень болезненно.

Поль должен был один ехать на каникулы в Пализель. «Погода хорошая, дорога красивая, и прогулки доставляют удовольствие», — пишет он первого августа Лепеллетье. «Я веду самую идиллическую — в

буквальном смысле — жизнь», — сообщает он Рикару. Он гуляет по четыре часа в день, отдает должное пиву и бургундскому, почти не пишет и много читает, например Рамаяну, и доносит до своего друга такую ее оценку: «Я наполовину из Рамаяны. Клянусь Чертдрой, она хороша!» И в набожном доме своей тетушки он осмеливается добавить: «Вот так вот индусы затыкают за пояс Библию, Евангелие и отцов церкви!» Он замечает, кстати, что если бы до своего знакомства с Рамаяной не впитал в себя религию, то, как ему кажется, он бы сменил позитивизм на индуизм (об этом же свидетельствует его стихотворение о Савитри). В этом он был преданный последователь Леконта де Лиля, который «восстановил в правах» ведическую литературу во Франции. Но единственной истинной религией все же оставалась Поэзия и ее бог — Прекрасное.

2 ноября 1865 года вышел первый номер нового журнала Луи-Хавье де Рикара «Искусство». В этом еженедельнике любезно согласился писать Леконт де Лиль. Что касается Верлена, он получил должность литературного критика. С самого первого номера под заголовком «Осужденный судья» он опубликовал разгромный отзыв на критическое сочинение Жюля Барбе д'Оревильи «Творения и люди». Верлен не оставил от книги камня на камне: все, что автор ненавидит, прекрасно с точки зрения критика (Банвиль, Теофиль Готье, Виктор Гюго, Флобер), а все, что ему нравится («Голуби и ужи» Симеона Пеконталя, «Ад» Амеде Помье), для критика отвратительно. Этюд Верлена о Бодлере в номерах от 16 и 30 ноября и 23 декабря 1865 года, напротив, трогательный и восторженный. Критик его обожает, поскольку в его глазах автор «Цветов зла» есть воплощение художника, свободного от всяких оков. «Да, — пишет он, — цель поэзии — это Прекрасное, только Прекрасное, чистое Прекрасное без примеси Пользы, Правды и Справедливости». Это заявление, которое Теофиль Готье сформулировал тремя словами «искусство для искусства», стало девизом новой поэтической школы. Слово «бесстрастность», которое мы впервые находим в стихотворении Луи-Хавье де Рикара, имело успех.

Поэт, храни же как зеницу ока
Душу свою, не дай ее задеть,
Пускай твой дух, закованный в доспехи
Бесстрастности, всегда вперед глядет
Способен будет, как и цель достигнуть,
Которую ему ты указал^[76].

У Поэта нет ничего, чем бы он мог поделиться, кроме эстетического чувства. Сердце и мораль отвергнуты. Урок Леконта де Лиля выучен и усвоен.

Команда «Искусства» к концу 1865 года была уже многочисленной и сплоченной. И тут ей представилась возможность сплотиться еще крепче. 5 декабря Французский Театр представлял премьеру драмы в пяти актах под названием «Генриетта Марешаль» по произведению братьев Жюль и Эдмона де Гонкуров.

Пьеса была хорошо написана, но очень скучна. Студенты-республиканцы восприняли ее в штыки, освистывая не столько саму пьесу, сколько ее авторов, которым покровительствовала бонапартистская власть и которые, по слухам, были на короткой ноге с ее императорским высочеством принцессой Матильдой, племянницей Наполеона Бонапарта. Больше всех пьесу поливал грязью Альбер Вольф и долговязый костлявый молодой человек по имени Жорж Кавалье по прозвищу «Деревянная трубка», о нем мы еще будем говорить в дальнейшем. Поэты «Искусства», во главе с Коппе^[77] и Верленом, яростно выступили против — не в защиту пьесы как таковой, но в защиту принципа, согласно которому произведение искусства должно оцениваться само по себе, а все политические и моральные соображения должны быть отброшены. Это наделало много шума. Тем не менее эта неожиданная поддержка молодежи левобережья, влюбленной в Виктора Гюго и настроенной антибонапартистски, не помешала пьесе провалиться после шести представлений. Но эта «битва чести» открыла их для самих себя. Порывая с конформизмом, они осознали, что представляют собой последний бастион защитников чистого искусства, независимого и неизменного.

За это они были готовы отдать жизнь.

Глава IV

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПОХОРОНЫ И БЕЗУМНАЯ ЖИЗНЬ

(конец декабря 1865 — июнь 1869)

Жизнь, полная печальных событий.

Поль Верлен, из гаагской лекции (зачитана в пятницу 4 ноября 1892 года)

30 декабря 1865 года скоропостижно скончался от инсульта капитан Верлен. Его похоронили 1 января 1866 года на кладбище Батиньоля, где, как позднее напишет Поль, «предместье спит, хоть бы слабый звук»^[78]. Был Новый год, и Полю с трудом удалось добиться от штаба местного гарнизона, чтобы для траурной процессии выделили почетный караул, право на который покойному давали его заслуги и чин. Вот как Верлен описал свои чувства:

Под ветром ежатся, как дети,
Ракит кладбищенских кусты
В белесом леденящем свете.

Скрипят сосновые кресты —
Могил печальные обновы.
Кричат, как заткнутые рты^[79].

Отныне г-жа Верлен должна была ограничивать себя в расходах. Из квартиры на улице Лемерсье она переехала в другую, более скромную, там же, в Батиньоле. Квартира находилась в доме 26 по улице Леклюз (вот поистине судьбоносное название!), близ площади Клиши. Они поселились на четвертом этаже этого мещанского, пошловатого, но очень удобного дома. Два окна гостиной выходили на улицу. Потеряв мужа и оставшись одна, г-жа Верлен, естественно, захотела сблизиться с семьей Лепеллетье, которые жили по соседству (в доме 3).

Между тем для журнала «Искусство» наступили тяжелые времена —

главный редактор не мог получить разрешение на продажу своего издания. Дело шло к банкротству. Последний номер вышел 6 января 1866 года.

Необходимо было придумать какой-то выход. У Мендеса появилась великолепная идея: почему бы не начать издавать ежемесячную поэтическую антологию? А из отдельных выпусков можно было бы составить ежегодный сборник. По невысокой цене он бы хорошо продавался.

Лемерру эта идея понравилась. Вопрос был в названии. Один пожилой ученый — возможно, Марти-Лаво — предложил возродить старое слово «Парнас», бытовавшее во французской литературе уже нескольких веков. Однако это слово не просто устарело, оно было опорочено; так, у Литтре читаем: «парнасец — шутливо о поэте». И все же его сохранили. Журнал стал коллективным детищем парнасцев.

Отныне можно было, войдя в лавочку Лемерра и взобравшись по железной винтовой лестнице, попасть в маленькую комнатку с низким потолком и очутиться в едва ли не главном месте сбора французских поэтов. Здесь бывали самые разные люди. Они курили, сидя в тесноте вокруг коксовой печки. Уже признанные авторы (Леконт де Лиль, Теодор де Банвиль) дружелюбно беседовали с молодыми поэтами, которые только начинали входить в моду (Катулл, Мендес, Глатиньи, Коппе, Сюлли Прюдом, Дьеркс и т. д.) и с совсем еще неизвестными, только стремящимися к славе. Среди этих последних был и Поль Верлен. Все они горели одним огнем, жили одним идеалом. Такой сплоченности не видели с 1830 года!

«Современный Парнас, сборник новой поэзии, в котором издаются неизвестные ранее стихи крупнейших поэтов нашего времени», выходил каждую субботу тиражом в пятьсот экземпляров. Белую обложку украшал девиз FAC et SPERA^[80] и гравюра художника Луи Брауна, изображающая садовника за работой.

Первый номер от 3 марта посвящался — из почтения к старикам — Теодору де Банвилю («Изгнание богов»), Теофилю Готье и Х.-М. де Эредиа. Второй номер отдали Леконту де Лилю, третий Франсуа Коппе и некоторым другим, пятый — Бодлеру («Новые цветы зла»). Первые семь стихотворений Верлена появились только в девятом номере (28 апреля 1866 года). Восьмое — сонет «Тоска» — было напечатано в последнем выпуске этой серии от 14 июля. Всего было издано семнадцать сонетов семнадцати авторов.

За весь 1866 год в «Современном Парнасе» напечатались 37 поэтов, среди них — и Эдмон Лепеллетье. Сборнику не сопутствовал

коммерческий успех, но тем не менее это была безусловная удача.

Бурная полемика в литературных кругах способствовала популярности «Современного Парнаса». Альфонс Доде (перебежчик, ранее он работал в «Фантастическом журнале» Мендеса) и еще несколько друзей, объединившихся под названием «Кламарская колония»^[81], Поль Арен, Жан Дюбуа, Шарль Батайль, Альфред Дельво и т. д., придумали очень острую пародию — «Современенький Парнастик, собрание новеньких стишков, предваренное Синим Драконом, с очень странным офортом на обложке»^[82]. После выхода книги посыпались взаимные оскорбления, пререкания, последовали дуэли и угрозы дуэли (Мендес с Полем Ареном). Декабрьским вечером 1866 года в честь Альбера Мера, награжденного Французской Академией за последнюю работу — «Химеры» — был устроен банкет. Присутствовавший на празднестве Верлен заметил Доде, подошел к нему и приложил его кулаком по спине, воскликнув: «А! Вот ты где, свинья!» Доде обернулся, готовый к драке, но вмешались друзья. «Что происходит?» — спросил кто-то. Доде, взяв себя в руки, ответил: «Ничего особенного, это просто пьяный».

В «Газетт риме» Луи-Хавье де Рикар опубликовал довольно злое стихотворение в шестнадцать строк, направленное против Доде, «поэта-незабудки», и Вильмезана, главного редактора «Фигаро», который поддерживал «предателя». Можно было с полным основанием опасаться, что ссора вспыхнет с новой силой, потому что все происходящее сильно задело Доде. Но мудрость Доде взяла свое, и он лишь пожал плечами, не желая портить себе медовый месяц — ведь он 29 января 1867 года женился на Жюли Алар. Алар была еще одной перебежчицей, так как раньше сотрудничала с редакцией «Искусства». По слухам, Верлен будто бы ухаживал за ней; этим можно было бы объяснить его озлобленность. Впоследствии Доде не упустит ни единого случая посмеяться над «бесстрастными парнасцами», в частности, в своем романе «Мальш».

И все же самым язвительным оказался «инквизитор изящной словесности» Жюль Барбе д'Оревилли, разносторонний автор, по прозвищу «Бородач» (Гюго называл его «фантастическим кретином»). Недовольный тем, что один из его протеже, Амеде Помье, «перешел на сторону» Парнаса, д'Оревилли напечатал в «Желтом Карлике» в ноябре 1866 года серию из «37 миниатюрных портретов парнасцев». Они были настолько остроумными и смешными, что злиться на автора было просто невозможно. Верлен «пожал бурю» за посеянный в «Искусстве» «ветер».

Вот его «портрет-миниатюра»: «Бодлер-пуританин, мрачная смесь из понадерганных из г-на Гюго и Альфреда Мюссе мотивов при отсутствии цельности бодлеровского таланта. Таков г-н Верлен, и больше в нем ничего нет. В одном месте он сказал о ком-то, мне не известном:

Такой бы голос шел к теням, от нас ушедшим...^[83]

Когда слушаешь г-на Верлена, желаешь, чтобы он последовал за указанными тенями».

Цитата взята из опубликованного в «Современном Парнасе» стихотворения «Сон, с которым я сроднился», наполненного мыслями об Элизе.

В конце лета 1866 года Верлен отдал издателю Лемерру почти оконченную рукопись «Сатурновских стихотворений»^[84]. Одна из частей сборника посвящена угасшей страсти. Чтобы завершить книгу, поэт отправляется в Леклюз.

Элизе было очень приятно узнать, что она вдохновила кузена на столь прекрасные стихи. В доказательство восхищения и, вероятно, желая поспособствовать успеху Поля, она предложила взять на себя все издательские расходы. Этот изящный жест глубоко тронул Верлена. Элиза знала, что их невозможная любовь, возвышенная в произведениях искусства, навсегда останется чистой и прекрасной. Но Поль не был еще полностью исцелен. Его раны открылись вновь. Под большими деревьями парка он напишет об этом стихотворение «Три года спустя».

Старшей дочери Элизы уже было семь, а младшей шесть лет. Сама Элиза постепенно поправлялась после выкидыша^[85]. Когда она выходила в сад, ее пылкий поклонник брал ее под руку. Впоследствии Верлен вспомнит «медленную, сосредоточенную и властную походку выздоравливающей, которая всего несколько лет назад простилась с молодостью. Она еще очень слаба, но уже может совершать небольшие прогулки по саду. На ней белое платье, ее большие серые, как небо, глаза, задумчивы и полны страсти. А круги под ними подобны линии горизонта»^[86].

Буря утихла, но страдание еще жило:

Толкнув калитку, меж деревьев, озаренных
Рассветом, я прошел в простой и тихий сад:

Он солнцем утренним был бережно объят,
И блески влажные мерцали на бутонах.

Все как тогда... Я вспоминал: уют сплетенных
Ветвей над головой, плетеных стульев ряд...^[87]

Сидя за столиком на леклюзском постоялом дворе^[88], Верлен размышляет, вздыхает с грустью и проклинает жестокую судьбу, которая жестокими испытаниями превратила его в жалкий обломок:

Вспомнится что-то.
Все без отчета
Выплачут очи.

Выйду я в поле.
Ветер на воле
Мечется, смелый.
Схватит он, бросит,
Словно уносит
Лист пожелтый^[89].

Эти знаменитые строки, где Польша предстает таким, каким останется до конца жизни, были написаны им в годы, наполненные силой молодости, в возрасте двадцати двух лет!

В конце октября 1866 года Лемеэр издает «Сатурновские стихи» Верлена одновременно с «Ковчегом» Франсуа Коппе и «Опытами» Сюлли Прюдона.

Пролог и эпилог сборника явились настоящим литературным манифестом. Мечта, то есть Поэзия, должна сверкать в блеске Абсолютной Красоты и разорвать всякую связь с действием. Создавать произведение искусства не значит «разбрасывать частички своей души». Скорее наоборот — показывать холодную, поистине мраморную бесстрастность: «Иль не из мрамора Венера из Милоса?» Такой вывод делается автором в конце своей книги, двенадцать стихотворений которой, романтические и исполненные боли, подобно «Ночам» Мюссе, повествуют о личной драме поэта. Но он стремится спрятаться, затаиться, будто намекая на недостижимую мечту. Критики увидели здесь лишь блестящую игру, у них не возникло желание

объяснить, почему эти стихи, полные сдерживаемой страсти, выдаваемые за обычные упражнения в стихосложении, трогают читателя так же глубоко, как «живые» воспоминания. Так попадает впросак Лепеллетье — ему Верлен ни слова не сказал о своей любви: «Во всей книге нет ни одной детали, — пишет он, — которая бы отражала какое-либо конкретное событие из жизни поэта или пережитое страдание»^[90].

Поскольку вполне можно было допустить, что эти пламенные стихи посвящены одной или нескольким женщинам, некоторые решили, что вдохновительницами их были проститутки, в обществе которых автор пытался найти утешение. Очевидно, что такая ложная трактовка приводит к полной бессмыслице.

Остальные стихи в сборнике — лишь упражнения начинающего поэта. Много, если верить тому, что сам автор написал в «Современных людях», было написано еще в старших классах школы. В зрелом возрасте он правильно оценил эти стихи: «Это Бодлер и Леконт де Лиль, переписанные на мой манер»^[91]. Бравурные «Лукреция Борджиа» и «Смерть Филиппа II» показывают, что эпос автору не дается. Строки Гюго о Филиппе II в «Розе инфанты» из сборника «Легенда веков» написаны совсем иначе.

Сборник имел успех, хотя и не такой оглушительный, как «Ковчег» Коппе или «Химеры» Мера. Осуждая Верлена, критика указывала на влияние Бодлера. Похвалы Виктора Гюго («Вы видите далеко, а мыслите вдохновенно»), Теодора де Банвиля, милого со всеми, не имели большого значения, так как это были дружеские поздравления. Что касается Леконта де Лиля, он одобрил своего молодого ученика. «Ваши стихи, — пишет мэтр 5 ноября 1866 года, — это стихи настоящего поэта, искусного художника и будущего мастера выразительности». Сент-Бев насмешливо заметил, что, хотя идеал автора — мрамор, но стихи «не совсем из мрамора». Другие в большей или меньшей степени хвалили оригинальность, изящество, экстравагантность. Но самая искренняя и лестная оценка пришла от Стефана Малларме (с октября преподавателя английского языка в лицее Безансона): «В настоящее время я осмелюсь лишь зачитать вам все „Сатурновские стихи“, которые знаю наизусть. Я предпочел бы и дальше — настолько вы меня потрясли — пребывать в состоянии наслаждения от ваших стихов, нежели объяснять, каковы они».

Уколы со стороны клана Доде были бесконечны. Шарль Батайль в «Мушкетере» от 27 ноября насмехается над парнасцами. Они рифмуют лишь пять букв, строго их подсчитывая, а ребячествам их при этом нет счета. Жюль Жанен заявляет, что Верлен «копирует Ронсара и Бодлера и

терзает наш ум»^[92].

Дружить в то время было рискованно: Эжена Вермерша, редактора «Аннетона», чуть не вызвали на дуэль, когда он выступил против недоброжелательной критики.

Одним словом, хоть «Сатурновские стихотворения» продавались плохо, они поставили автора во главу Парнаса. Верлен стал знаменит. Карикатурист Пеарон мрачно изобразил его клоуном в «черном цирке», стоящим на хребте лошадиного скелета, с вымпелом с надписью «Оглушительный успех! Сатурновские стихи Поля Верлена!» над головой. Другой, более знаменитый художник, Гюстав Курбе, написал тогда же его портрет: черты лица все те же, но общий облик не безобразный, а наоборот, привлекательный. Выражение лица немного грустное, как у романтика. Глаза запавшие, вокруг них морщины. Прямые волосы лежат ровно. Красиво одет^[93].

В Леклюзе Элиза Дюжарден и не думала идти на поправку. Чтобы облегчить ее страдания, ото дня ко дню все более тяжкие, врач давал ей морфий в таблетках, что было вредно для ее сердца. 16 февраля, после обеда, муж попросил ее спеть. Она потеряла сознание, не успев спеть и ноты. Телеграфировали г-же Верлен, которая тут же приехала из Парижа, оставив Поля в тревоге и неизвестности. Через несколько дней его срочно вызвали в Леклюз. Верлен успел только заскочить на работу взять отпуск, затем вернулся домой, собрал вещи и помчался на Северный вокзал. На первом же поезде он добрался к семи часам утра до Витри-ан-Артуа, что находится между Аррасом и Дуэ. Оставалось пройти восемь километров пешком. Было темно, ветрено, шел дождь, тяжелые тучи ползли над землей. Когда перед глазами насквозь промокшего Поля появился Леклюз в серой дымке рассвета, раздался погребальный звон колокола. «Едва живой, я зашел в придорожный кабак.

— А! Вот и вы, г-н Верлен.

— Как себя чувствует г-жа Дюжарден?

— Ее сегодня хоронят»^[94].

Вся семья собралась в гостиную, нужно было окропить гроб святой водой. Работницы сахарного завода пели псалмы, их голоса сливались с приглушенными рыданиями родных покойной. Ждали священника и певчих. Поскольку Поль не успел переодеться, он присоединился к траурной процессии «весь вымокший и грязный, как собака». Восемь пожилых женщин в длинных черных плащах с капюшонами опустили в

землю гроб с телом его возлюбленной Элизы. Деревня словно оцепенела. Дождь лил как из ведра.

Позже поэту часто будет сниться похоронная процессия, в которой, среди прочих, шагает он сам, и с ним рядом его отец. Дорога идет в гору, он спешит. «Я, должно быть, остановился купить венок или цветы, так как уже не вижу гроб, процессия, вероятно, перевалила через холм и свернула в узкий переулочек»^[95]. Описанная местность — точь-в-точь Леклюз. Смерть кузины стала для Верлена тяжелым ударом. Через много лет другая смерть^[96] заставит его вспомнить о прежних чувствах:

И вот ты спишь в земле, благословив меня,
Но нить оборвана, не жить мне без тебя^[97].

И вот он, подавленный, в трактире «Восторг»: «И я снова вижу себя в том же кабаке, помолодевшим на каких-то несколько месяцев, сидящим за тем же столом, где сижу и сейчас. Как и сегодня, пью из большой кружки темное пиво, обогренное заходящим солнцем.

Я думаю о Подруге, о Сестре, которая каждый вечер, когда я возвращался домой, бранила меня за опоздание. Одним зимним утром ее забрали люди, одетые в белые и черные одежды. Они пели латинские слова, полные ужаса и надежды»^[98].

Верлен ничего не ест, пьет только пиво, которое постепенно спутывает мысли, превращая их в туман, темный, как кладбищенский сумрак.

В Париже он находит новый способ забыться: абсент, «зеленая фея», которая возжигает его ум и уводит в мир, где нет смерти и где он — Хозяин. Мать понимает и не ругает его. Как-то утром она находит сына в постели, одетого, в шляпе и с тростью в руке! Они оба вдоволь посмеялись.

Убитому горем, ему оставалось только дать заговорить своему сердцу. 20 Мая 1867 года «Газетт риме» публикует длинное стихотворение, первоначальный заголовок которого — «Поэты» — Верлен впоследствии сочтет примитивным и заменит на «Побежденные». Иные, не столь внимательные к хронологии умы восприняли это как намек на поражение 1870 года!^[99] Речь между тем шла о его личном поражении. Первая же строка задает тон стихотворению:

Так! Идеал погиб, а жизнь триумфы правит...^[100]

Мир устроен так, что в нем не стоит пытаться чего-либо достичь и нельзя ни на что надеяться.

Мы ж, уцелевшие, увы, среди разгрома,
Понурия голову, потупя тусклый взор,
В отчаянье, в крови, в грязи, без сил, без дома,
Глотая стон, влачим бесчестье и позор,

Бредем по воле тьмы, по прихоти дороги,
Бредем, подобные убийцам и ворах;
Нам будущего нет; мы сиры и убоги,
И наш знакомый лес, пылая, светит нам!^[101]

Но во второй части автор берет себя в руки: ночь подходит к концу, скоро рассвет. Нужно жить, нужно идти сражаться!

Вперед, вставай! вперед, вперед! вставай! С нас будет
И унижений всех, и сделок, и речей!^[102]

Мы будем жить, петь и любить:

И посмеемся мы — и посмеемся вволю,
Вам доказав тогда, что мертвые — мертвы!^[103]

Решительно забыв о прошлом, Верлен неистово бросается в водоворот литературной деятельности. Он работает в «Аннетоне» Эжена Вермерша, в «Журнале о литературе и искусстве» Армана Гузьена, в журнале «Интернациональ», где публикует 24 июня рецензию на триумфальное возобновление постановки «Эрнани»^[104].

Летом Поль предпочел оставить Леклюз и отправиться в веселый Пализёль. Они с матерью решили пожить у тетки Луизы Гранжан. Просто прогуливаясь или от нечего делать навещая тетку Эввар в Жеонвиле, он по привычке заходит в кабаки Фрамона или Сарта, откуда возвращается уже менее уверенным шагом. Луиза, которую не радовали парижские успехи племянника, была неприятно удивлена, увидев его таким. Она все рассказала своей невестке Элизе Верлен с одной только целью — вырвать

Поля из круга его порочных друзей и вернуть на путь истинный, где властвуют нравственность и религия.

1 августа 1867 года «Журналь де Брюссель» перепечатал «Приветствие Виктору Гюго» по случаю возобновления постановки «Эрнани», которое послали мэтру Верлен и еще тринадцать его друзей. Однако, как писала газета, это было сделано в насмешку над «теми господами, которые пали жертвами мистификации, так как слишком любят лести». Поэтому, добавляла газета, «это шутивное письмо хорошо изображает кокоток».

Верлен воспринял все, как полагается. «Знайте, — пишет он Леону Валаду, — что бельгийские газеты насмеются над нами. Да, мой друг, мы знамениты, над нами, лучше того, смеются в Брюсселе Брабантском, и это, знаете ли, прекрасно».

Та же газета сообщала, что мэтр по возвращении из Гернси^[105] в Брюссель собирается, как всегда, погостить у своего сына Шарля.

Случай был слишком удачным, чтобы упустить его. Верлен известил Гюго о своем прибытии.

Приехав с матерью в Брюссель, он остановился в «Льежском Гранд Отеле» на улице Прогресса, дом 1, что напротив Северного вокзала, «в удобном, но скромном месте», не ведая, что этот отель сыграет важную роль в его жизни. Шарль Гюго жил в тихом доме на площади Баррикад.

Именно там г-жа Гюго, уже больная (ей суждено было умереть через год^[106]), приняла в маленькой зале посланника парнасцев. Вскоре пришел мэтр, красивый и величественный, как его и изображали на картинках — седовласый, черноусый, седобородый. Он слегка загорел. Чтобы смутить и без того уже слишком взволнованного гостя, он процитировал несколько строк из «Сатурновских стихотворений» (у него был экземпляр). Верлен, в свою очередь, рассказал, с каким жаром Париж аплодировал «Эрнани» и скандировал имя автора. Разговор продолжился, и темой, естественно, была современная поэзия. Автор «Возмездий» выказывал живейший интерес к парнасскому движению, хотя и отпустил несколько колкостей по поводу мании Леконта де Лиля придавать греческую форму именам античных героев (Ахиллес вместо Ахилл, Геркулес вместо Геракл). Верлен признал правоту Гюго, а впоследствии, поссорившись с адресатом насмешек последнего, стал писать его имя в письмах как «Леконтес де Лиль». «Что же касается бесстрастности, то в будущем вы увидите, что это все пустое», — сказал мэтр.

Как настоящий джентльмен, Гюго пригласил Верлена, который был

вне себя от радости, задержаться на ужин. И это дало ему возможность показать себя мастером каламбура. Например, гость запомнил такое: «Бонапарт — Вонь-за-партой!»

После кофе молодой гость простился, гордый, как никогда в жизни.

В Париже его ждала еще одна смерть. 2 сентября 1867 года он проводил в последний путь великого Бодлера, скончавшегося 31 августа. Вместе с Лемерром Верлен возглавлял траурную процессию. В ней было около тридцати человек. Но многие не пришли, особенно все заметили отсутствие Теофиля Готье, которому посвящены «Цветы зла», и Леконта де Лилля, который не соизволил спуститься со своей башни из слоновой кости.

Но достаточно скорби и одиночества! Верлен решил открыть новую страницу и начать радоваться жизни. Пришло время любви, надежд и радости!

Он вернулся в поэзию с довольно необычной темой лесбийской любви, как будто чтобы сообщить Барбе д'Оревилю, что хоть он и «Бодлер», но вовсе не пуританин.

8 августа «Аннетон» уже опубликовал один его сонет под названием «Лесбос». Но это была только проба. Пять других, более откровенных стихотворений, в то время могли выйти только тайно. Впрочем, эта тема была тогда в моде^[107]. Франсуа Коппе хотел попросить Пуле-Маласси^[108], издателя Бодлера, чтобы тот напечатал 6 сонетов его друга. Книжка появилась в октябре 1867 года под названием «Подруги. Сонеты Пабло Марии де Эрланъез (из Сеговии^[109])», тиражом 50 экземпляров ин окто, 44 из которых на голландской бумаге. По несчастливой случайности авторские экземпляры арестовали на таможне и вернули издателю (позже Верлену удалось их получить). Но о случившемся известили прокуратуру города Лилля, и вследствие этого состоялось судебное решение от 6 августа 1868 года, по которому уголовный суд Лилля предписал уничтожить весь тираж, а вместе с ним и «Обломки» Бодлера, и осудил издателя, который был ни при чем, на год тюрьмы и 500 франков штрафа. Суровость приговора не помешала Пуле-Маласси тут же подготовить новый тираж «Подруг» (ин дуодецимо). Второе издание (ин дуодецимо, 100 экземпляров) с подзаголовком «Сиены лесбийской любви» тайно вышло в 1870 году.

Этот неприятный случай сблизил Верлена и Коппе. Они стали близкими друзьями. Однажды вечером Коппе привез его в гостиную доктора Антуана Кро, на улицу Руаяль — недалеко от площади Вогезов, ныне улица Бираг. Там он встретил друзей (Валада, Мера и т. д.) и завязал тесное знакомство с другими поэтами и художниками, прежде всего с

симпатичной троицей братьев Кро: Шарлем, автором знаменитой «Копченной селедки», талантливым поэтом и гениальным выдумщиком, который уже тогда размышлял о цветной фотографии и синтетическом изготовлении драгоценных камней; Анри, скульптором и замечательным мастером по восковым свечам, и, наконец, Антуаном, врачом, экстравагантные рисунки которого выдавали его интерес к страшному и необычному. Шарль говорил о своих братьях: «Один лепит, другой лечит».

Сохранился набросок портрета Верлена работы Анри Кро, датированный концом 1867 года. Профиль поэта все еще напоминает его же изображение на портретах работы Пеарона и Курбе; лицо украшают тонкие усики. Впрочем, очень скоро, судя по портрету в «Аннетоне» от 30 января 1868 года, он отрастил бородку, превратившуюся затем в пышную бороду. Ее он будет носить всю жизнь, то короткую, строгую, то пышную, то ухоженную, то запущенную.

В салоне доктора Кро он встретил также Кабанера (настоящее имя Франсуа Матт), милого хрупкого музыканта, ведущего беспорядочный образ жизни, заикающегося, рассеянного, обезоруживающего своей наивностью. По его словам, у него была коллекция обуви, в которой он выращивал цветы!

В толпе любителей пунша и печенья смешались хорошие и плохие художники, настоящие поэты и рифмоплеты, врачи, журналисты, театралы и даже дипломаты. Там был, например, «король» Антуан Тунанс, дворянин из Перигё, который готовился отправиться отвоевывать свое королевство Араукании и Патагонии ^[110].

Шарль Кро в образе лирического героя собственного стихотворения «Копченая селедка», карикатура.

Тогда же, в декабре, Верлен и Коппе написали для второго номера «Аннетона» (1868) статью в виде пьесы под названием «Кто хочет чудес?», подводившую итоги года, искрящуюся остроумием, с рисунками Феликса Регаме. Это произведение (сыграть его невозможно) усаживает читателя в поезд и провозит через Французскую Академию, на Всемирную выставку и т. д. Это замечательное свидетельство о нравах эпохи выводит на сцену кучеров, критиков, англичан, полицейских, «пижонов» и «пижонок».

Верлен планировал продолжить вместе с Коппе удачное

сотрудничество и написать переложение «Короля Лира». Но эту идею им осуществить не удалось.

Как-то весной 1868 года Лепеллетье внезапно попросил Верлена заменить одного отсутствовавшего тенора в опере-буфф, к которой он написал либретто. Спектакль должны были играть через несколько дней в студии скульптора г-жи Берто, на прощальном вечере перед ее отъездом в Нормандию. Он не умеет петь? Неважно. В тот же вечер друзья встретились у г-жи Берто на улице Габриэль, на первой репетиции.

— Я привел тебе того человека, — бросил Лепеллетье автору музыки Шарлю де Сиври. — Это мой лучший друг Поль Верлен. Через десять минут он станет и твоим другом ^[111].

Шарль де Сиври, музыкант и куплетист 20 лет от роду, был любознательным парнишкой с длинными волосами и светлыми круглыми глазами. Густые, сильно изогнутые усы делали его похожим на галла до такой степени, что г-жа Берто уговорила его позировать ей для картины «Молодой галл, пленник римлян», которую она везла на выставку.

Пьеса «Шарлатан» — простейшее «представление с двумя персонажами»: человек-оркестр (Лепеллетье), сидя на скамейке на улице, обменивается шутками с прохожим (Верлен) и в конце концов просит руки его дочери. В финале звучит шуточная песенка «Мучительные роды у носорога, или натуралист в затруднительном положении».

— Это, конечно, не Вагнер, — говорил Сиври, — но грохота почти столько же! ^[112]

Верлен в кепке, закутанный в широкое пальто и клетчатый шарф, произвел фурор. Оторопелый вид, то низкие, то пронзительные интонации, подчеркивающие бурлескность текста, обеспечили ему оглушительный успех.

Члены семьи Лепеллетье не скупилась на комплименты Верлену, как и родственники Шарля де Сиври, который пригласил свою мать и сводную сестру Матильду Моте де Флервиль, пятнадцатилетнюю девушку, которой только и было дел, что веселиться.

Предсказание Лепеллетье сбылось. Верлен очень быстро подружился с Сиври. Тот вскоре познакомил его со своим сверстником Люсьеном Виотти, другом семьи, с которым он учился в Шаптале ^[113]. Люсьен занимал скромную должность в «Западной железнодорожной компании». Верлен и этот сдержанный юноша с правильными чертами лица — в детстве он, наверное, был очень красив ^[114] — стали большими друзьями.

В этом году каникулы, начало которых он провел в Леклюзе, очень напоминали Полю парижскую жизнь. Да! Прошное уже не вернуть! В непринужденном стиле Верлен, по просьбе Франсуа Коппе, описал маленький парк, вид которого еще два года назад заставил кровоточить старые раны: «Этот край самый равнинный во всей Франции. Там растут свекла, маки, маки, свекла и еще несколько деревьев. Однако здесь, в Леклюзе, совсем рядом с нашим домом есть маленький лесок, очень милый. Там я провожу отпуск, с трубкой во рту, не прикасаясь к перу. Вы понимаете». Поэт признается в том, что поучаствовал «в грех попойках подряд», и изображает себя путешествующим из деревни в деревню с тростью в руке, в старых брюках, в мерзкой блузе и с «уродливой соломенной шляпой на голове» ^[115].

Отправившись затем в Пализель, он не преминул посетить часовню Сен-Рош, куда, как уже упоминалось, молодые девушки приходили молиться, прося о муже. Но Поль просил святых уберечь его от чумы брака, так как тетя Луиза твердо решила племянника женить — о ужас! — на девушке по собственному выбору, чтобы лучше его контролировать.

Избежав опасности, Поль поспешно вернулся в Париж, чтобы вновь занять свое место в оглушительном водовороте жизни.

Именно тогда открылся салон Нины, куда, как мухи на мед, слетелись поэты и художники Монмартра и Латинского квартала.

Шарль де Сиври так рассказывал о своем первом посещении салона в компании с Верленом и Лепеллетье: «Дверь открыла маленькая женщина с красивым алжирским профилем, огромными глазами, одетая в красный пеньюар, со знаменитой брильянтовой эгреткой ^[116] в волосах. Это и была Нина».

Она схватила его за руку: «Это вы Сиври? Быстро за фортепьяно. Вы нам сыграете „Носорога“» ^[117].

Дочь лионского адвоката Жана-Жозефа Гальяра (который просил называть себя де Вильяр — его мать была урожденная Вильяр), двадцатипятилетняя Нина жила отдельно от мужа, Эктора де Калльеса, журналиста отдела светской хроники, заядлого алкоголика, за которого она вышла замуж четыре года назад. Постоянно взбудораженная и немного сумасшедшая, она принимала огромное количество поэтов и музыкантов. В свою очередь она сама иногда сочиняла стихи и музыку. Обычно такие приемы устраивались по субботам и воскресеньям. Но на самом деле ее квартира на третьем этаже дома 17 по улице Шапталъ была открыта всегда

и для всех (чтобы попасть туда, было достаточно написать хотя бы сонет).

Среди присутствующих была и мать г-жи Гальяр, дама, одетая в черное, невозмутимая и молчаливая, с ужасной маленькой обезьянкой на плече. Обезьяна гримасничала, подражая гостям. В числе последних были, прежде всего, журналисты, политики-противники действующего режима, такие, как Абель Пейрутон, Эмиль Ришар, Рауль Риго (с ним Верлен познакомился в седьмом классе лицея Бонапарта), Гюстав Флуранс^[118], Эрнест Лавинь, Тони Ревийон, Базир и т. д., которые в будущем стали активными деятелями Парижской коммуны. Нина тоже принадлежала к республиканцам: ее почтовую бумагу, в знак почтения к Рошфору^[119], украшал маленький фонарик. Самую многочисленную и шумную часть общества составляли разные «творцы»: писатели, музыканты, модные актрисы (в частности, Сара Бернар). Все эти люди приходили в салон повеселиться — и веселились еще как! Тут во всю глотку «пели» Оффенбаха и Полюса, читали стихи, ставили скетчи^[120], играли в шарады, в фанты, самые возбужденные занимались фехтованием! Время от времени Морис Роллина заставлял собравшихся вздрогнуть от ужаса, мрачно декламируя «Магазин самоубийств» и «Смерть в тумане».

В салонном альбоме каждый мог нарисовать картинку или записать ноты на какие-нибудь стихи. Этот документ, принадлежавший Шарлю Кро, украшен 87 портретами, выполненными акварелью, рисунками карандашом, углем и пером. Большинство из них не опубликованы. Нину изображали по-разному: королевой амазонок, верхом на лошади, «королевой Парижа», на скачках, с кошками, в японском кимоно, приподнимающую край юбки и т. д. Напечатали только одну акварель, где Нина сидит за пианино на галере, «стремительно мчась по океану фантазии» (Шарль Кро), а также два наброска Верлена.

Во всей этой вакханалии Верлен был отнюдь не самым тихим, а еще там были и его друзья: Вилье де Лиль-Адан, Мендес, Мера, Валад, Коппе, Дьеркс, Регаме, штатный художник легких журналов «Пари-Каприз» и «Ви Паризьен», Камиль Пеллетан, молодой артист, с которым они познакомились в лицее, и еще многие другие. Сиври, Кабанер и Шабриё сменяли друг друга за пианино до самого рассвета.

Лепеллетье говорил об этом салоне, который Нина называла «маленьким Шарентоном», что это предок «Шануара»^[121]. Однажды Верлен в самом деле имел большой успех — исполнил на столичном арге песенку собственного сочинения, на которую его вдохновило посещение квартала Менильмонтан, где они с Лепеллетье попали в толпу сутенеров и

прочих странных типов.

Верлен создал новый жанр, в котором прославятся Аристид Брюан^[122] и Жан Риктюс. Были найдены отрывки еще одной шуточной песенки под названием «Швейная машинка и бумажный змей»^[123].

У Верлена было все: и друзья, и успех. Это был самый веселый и приветливый друг, какого только можно представить. К сожалению, на его репутацию легла тень: он пил, теперь уже не для забвения, а ради удовольствия. Его друзья были поражены, увидев губительное действие пива, абсента, коньяка и джина на его мозг. Эти напитки доводили его до известного «восторженного» состояния, и тогда наружу выступала агрессивность и даже настоящая ярость.

Однажды ночью, ближе к двум часам утра, покинув салон Нины, где он употребил изрядное количество «горячительного», Верлен решил отправиться с Лепеллетье в «Пре Кателан», кафе-ресторан в Булонском лесу, где гуляки «отрезвлялись» молоком и сырыми яйцами. Но вместе с молоком и яйцами он выпил еще и водки, из-за пустяка поссорился с соседями по столу и ушел оттуда сильно возбужденный, еле держась на ногах. Лепеллетье, посчитав, что прогулка успокоит Поля, повел его в аллею Императрицы. Но Верлен вдруг остановился и заявил, что хочет вернуться в «Пре Кателан», чтобы разобраться с теми людьми, так как они, по его словам, оскорбили его. Лепеллетье пытался отговорить друга. Но тот в бешенстве обнажил шпагу и закричал: «Ах так! Ты с ними заодно, я из тебя шашлык сделаю!» Лепеллетье увернулся, а Поль бросился за ним сквозь заросли, споткнулся и упал, громко выругавшись. На крик явился полицейский. Мгновенно успокоившись, приятели побежали к Пор-Майо. В вагоне поезда на Малом Кольце Верлен заснул, проехал Батиньоль и вышел только в Сен-Лазаре. Домой к матери он вернулся к 10 часам утра^[124].

Подобные выходки случались все чаще и чаще. Как-то раз друзья еле удержали его: он решил отправиться в Тюильри убить императора!

14 января 1869 года в Одеоне играли одноактную пьесу в стихах Франсуа Коппе «Прохожий», с Сарой Бернар в роли Занетто. Эта постановка стала апогеем Парнаса. Эмиль Блемон вспоминал досаду Верлена, который ругался, выходя из театра: «Еще одна дверь, открывающаяся перед Коппе, еще одна дверь, закрывающаяся за Верленом»^[125]. Успех был оглушительным. Но несколько вызывающая пылкость «новой школы» раздражала старых критиков. Один из них, Виктор Кошина, воскликнул на следующий день: «Вот мило, когда

собираются вместе эти озорные чудаки!» Поскольку он добавил, что они попали пальцем в небо, они объявили себя «пальцепартистами». Верлен будет называть их иногда «эти господа с пальцем в небе» ^[126].

Уже достаточно долго парнасцы собирались каждый месяц на дружеский ужин в пивной театра «Бобино», на углу улиц Мадам и Флерюс. Это называлось «ужин лебедей», так как на собраниях присутствовала некая красавица по имени Леда. Но поскольку там было много друзей Доде, Верлен не принимал в этом участия («Вы встречаете хоть иногда этих канареек, которые называют себя лебедями?» — спрашивал он у Франсуа Коппе 12 июня 1868 года).

В начале 1869 года решили дать больше огласки этим пирушкам. Феликс Регаме предложил название «ужин озорных чудаков». Его приняли, а Регаме предложили проиллюстрировать меню. Но виньетка с обнаженной служанкой была признана неприличной. Оставили только бюст. На этих банкетах собирались почти все парнасцы. Стол накрывали обычно человек на тридцать. Из отеля «Камоэнс» на улице Кассет они переехали на правый берег, чтобы затем вернуться в квартал Сен-Сюльпис. За десертом было принято читать стихи; к тому времени зал пропитывался парами коньяка и сигарным дымом. «Ужины лебедей, они же ужины озорных чудаков, проходят по-прежнему», — пишет Верлен Коппе 18 апреля. Он приобрел альбом, где можно было писать и рисовать разные непристойности. Книгу украсили сонеты «Смерть свиней», «Друг природы» и т. д. Их сопровождали непристойные картинки (других не рисовали!), «подражательная» музыка, вредные советы и «постыдные мысли» ^[127]. Эдмон Мэтр, друг художников, был избран хранителем этого «бортового журнала», в который разрешалось писать всем. К сожалению, альбом «озорных чудаков» не сохранился.

В 1908 году один журналист беседовал с Камилем Пеллетаном. Тот вспомнил песенку Верлена о Наполеоне III, фигурировавшую в этом альбоме:

Говорят, Наполеон
Разобьет башку о трон.
О-ля-ля!
Ну а ты, дружище вздорный.
Захлебнешься, ах, в уборной ^[128],
Вот так так ^[129]!

В марте 1869 года Лемеэр выпустил «Галантные празднества» Верлена. Некоторые стихи уже были до этого опубликованы в «Артисте» и в «Газетт риме».

В моде был XVIII век. Еще не забыли солидные труды братьев Гонкуров по искусству века Людовика XV. Весь Париж, включая Верлена, восхищался выставленной в Лувре (в зале Лаказ) чудесной коллекцией великих мастеров XVIII века. Виктор Гюго в свою очередь часто любил вспоминать галантные празднества периода Регентства: «Праздник у Терезы» в «Созерцаниях», «Прошлое» во «Внутренних голосах», «Письмо» в «Песнях улиц и лесов».

Но Верлен далеко превзошел эти вещи легкостью стиля, изяществом построения строф и тонкостью полутонов. Под его пером герои Вагто^[130], Буше^[131] и Фрагонара^[132] — Арлекин, Коломбина, Хлорис, Климена, Скарамуш^[133] — оживают, играют, танцуют, любят, дерутся и заставляют друг друга страдать. Автор превосходно определил тон этих произведений, говоря о смягченной горечи и нежной злости в своей антверпенской лекции, зачитанной 1 марта 1893 года.

Но иногда маска скрывает кровоточащие раны. Можно догадаться, о чем думал Верлен, когда писал стихотворение «Простачки». Двое влюбленных из Леклюза умерли, их прах давно остыл. Лишь их тени, которым уже все безразлично, встречаясь в «старинном парке, ледяном, пустом», уже не узнают друг друга.

— И синее небо, и вера в сердцах?
— Но вера исчезла в ночных небесах...^[134]

А стихотворение «Амур на земле» представляет собой эпилог трагедии:

Сегодня ночью ветер тягостный и хмурый
В аллее самой темной и пустой,
Блуждая, сбросил с пьедестала хитрого Амура,
Коварного Амура с тоненькой стрелой^[135].

Успех «Галантных празднеств» был умеренным. Автор лишь укрепил свою позицию, не больше. Виктор Гюго соизволил 16 апреля любезно поздравить его; напомнив о его визите в Брюссель, он добавил: «Сколько

изящных вещей в этой милой книжечке!» В общем, знатоки оценили этот сборник выше, чем простые читатели. Теодор де Банвиль с восхищением говорил об этой «волшебной книжке» (журнал «Националь», 19 апреля 1869 года), которую Малларме позже назовет «нетленной драгоценностью» (в письме от 17 января 1881 года). Критика же не выходила за рамки любезности. Лепеллетье поручили написать рецензии на книжку в газеты, где он работал. Верлен подчеркнул, что он послал ему свою книгу «не просто так, а за отвратительную хвалебную статью». К несчастью, добрый малый Эдмон не мог ничего сделать, поскольку сидел в тюрьме за одну ошибку, совершенную на литературном поприще ^[136].

Верлен вошел в моду. Во втором выпуске «Современного Парнаса» напечатали пять стихотворений, в том числе «Побежденных». Возобновленное издание имело меньший успех, чем раньше: чтобы никого не обидеть, журнал опубликовал стихи 36 поэтов, включая Нину де Кальяс ^[137]. Качество проигрывало количеству. Выход выпуска в свет задержала война, на прилавки он попал лишь в 1871 году.

В конце 1869 года у Верлена было множество планов: сначала завершить сборник «Побежденные», уже заявленный на обороте обложки «Галантных празднеств». «После „Галантных празднеств“, книги очаровательной, — пишет Гюго, — вы должны дать нам „Побежденных“, книгу сильную». Для театра он задумал большую социальную драму под названием «Кузнецы», над которой начал работать вместе с Лепеллетье; здесь Верлен, вероятно, хотел переплюнуть Франсуа Коппе — тот когда-то написал стихотворение под названием «Восстание кузнецов», которое принесло ему славу. В салоне Нины Верлен хотел поставить комическую оперу «Вокошар и Сын Первый», на этот раз в сотрудничестве с Люсьеном Виотти. Музыкальная часть была доверена Эммануэлю Шабриё. Идею Верлен взял из водевиля «Семья Ботрульяр», пьесы без начала и конца, которую он когда-то видел в театре Рошешуар. Судя по сохранившемуся гротескному фрагменту, пьеса была в жанре фарса. Все это выглядело не очень серьезно. Но в то время самому Верлену не была свойственна серьезность.

Мы помним, что вскоре после выхода «Сатурновских стихотворений» умерла Элиза Дюжарден. По странному совпадению после выхода «Галантных празднеств» 22 марта 1869 года скончалась Луиза Гранжан, тетка и крестная мать поэта.

Скончалась она с болью в сердце: будущее Поля, ступившего на опасную дорогу богемной, то есть пустой, жизни и забывшего о вере,

представлялось ей ужасным. Ее последняя воля, доверенная г-ну Перо, нотариусу Кастильона и отцу Делоню, состояла в том, чтобы заставить Поля любой ценой покинуть Париж, жениться и обосноваться в Арденнах.

Вместе с матерью он приехал на похороны, где ему и сообщили предсмертное пожелание покойной. Он выслушал все это с рассеянным видом, так как был озабочен более неотложными делами: только что вышла его книга, и нужно было вернуться в Париж, чтобы «запустить» ее. Проповедям о морали Верлен предпочел развлечения в трактире. Единственный трактир в Пализёле держал некто Верковик. Счет «за водку, проданную Полю», найденный в бумагах о наследстве тетки Луизы, составлял пять франков (стопка стоила пять сантимов, тем самым получается, что Верлен выпил целую сотню ^[138]).

Вскоре, поручив г-ну Перо оформить счета, а мэтру Кастильону — оплатить их, он заговорил об отъезде. Это было настоящим потрясением для всех. Однако удалось заставить Поля пообещать вернуться, если нотариальные формальности потребуют его присутствия. И он сдержал слово, вернувшись в апреле вместе с матерью. Г-н Перо и отец Делонь настоятельно объяснили ему, что он не может больше вести распутную жизнь, а в память о тетке, которая столько молилась за него, он любой ценой должен примириться с богом.

Их мольбы и слезы матери заставили Поля задуматься. Сразу же по возвращении в Париж, исполненный добрых намерений, он сделал первый шаг. Случайно зайдя в церковь, Верлен попросил исповедать его. Священник отложил отпущение грехов на несколько дней. А когда Поль пришел за этим, стал живо упрашивать его причаститься в следующее воскресенье. Неизвестно, сделал ли он это, но, как бы то ни было, «перемирие с богом» было недолгим ^[139]. Очень скоро он вновь с наслаждением погрузился в неистовство литературной деятельности.

Верлен решил заняться журналистикой, чтобы заработать на карманные расходы. И ему повезло. Огюст Вакери напечатал на первой полосе оппозиционной антиклерикальной газеты «Призыв» его доклады о предвыборных собраниях (речь шла о выборах в палату депутатов 25 мая 1869 года). Также Вакери опубликовал его стихотворение на случай в рубрике «Галопом!», под которым стоит подпись «Бара» (в номерах от 8 и 19 мая ^[140]). Нападки на власть были не такими уж сильными. Но все же 10 июня выпуск газеты приостановили, и Верлен прекратил эту опасную игру.

Глава V

ПОМОЛВКА И СВАДЬБА

(июнь 1869 — август 1870)

Верлен был, что называется, непригоден для семейной жизни.

Эрнест Делаэ «Верлен»

В феврале 1869 года Люсьен Виотти вытянул несчастливый номер^[141] и должен был идти в армию. Чтобы собрать средства на его «выкуп», друзья организовали концерт у г-жи Адан. В связи с этим событием Верлен просит Франсуа Коппе, чтобы тот разрешил мадмуазель Агар прочитать его стихи. «Наш призывник — воплощение порядочности и, кроме того, обаятельный юноша, влюбленный во все прекрасное, и особенно в поэзию. Он пишет стихи, которые без сомнения понравились бы вам, и в дальнейшем только полные идиоты смогут остаться равнодушными к его поэзии», — пишет Верлен Коппе 13 февраля.

Спустя два месяца, 18 апреля, Верлен сообщает Лепеллетье, что успех концерта в пользу «старины Виотти» превзошел всякие ожидания. В одной короткой фразе из этого благодарственного письма упоминается о том, что наконец закончено либретто «Вокошара»: «Виотти и я — мы оба очень признательны тебе за этот концерт и сообщаем, что наше либретто наконец закончено»^[142]. К несчастью, оставалось неизвестным, будет ли оно когда-нибудь исполнено, так как к нему не было музыки. Шабрие заставлял себя упрашивать. Что ж, если дело обстоит так, пусть музыку напишет Сиври! Но «малыш Сиври» тоже не торопился: проходили недели, и надо было что-то предпринять. И вот однажды вечером, в начале июня 1869 года, Верлен отправился к Сиври, решив во что бы то ни стало отвести его в кафе Дельта и там вместе поработать.

Шарль де Сиври жил тогда у родителей на Монмартре, на спускавшейся по пологому склону холма улице Николе, в доме 14, трехэтажном особняке, отделенном от улицы небольшим садом. Мать Сиври, урожденная Шариа, после смерти маркиза де Сиври сочеталась вторым браком с богатым рантье Теодором-Жаном Моте, инспектором начальных школ. Сам он называл себя Моте де Флервиль, хотя и не был

дворянином. У супругов де Флервиль было две дочери.

Горничная провела Верлена на третий этаж, в маленькую комнатку Шарля. Тот только проснулся: всю предыдущую ночь он, как одержимый, играл на фортепиано у Нины. Шарль был несколько удивлен приходом Верлена, но немедленно оделся; друзья собирались уже идти в кафе, как вдруг раздался тихий стук. Это сам Рок постучался к ним в дверь.

Вошла Софи-Мари-Матильда, сестра Сиври, очаровательная, хрупкая, изящная девушка. Было в ней что-то детское, и хотя ей исполнилось шестнадцать, она казалась моложе. Обеспокоенная отсутствием брата за обедом, она пришла справиться о его самочувствии. Но раз он уже встал, значит все замечательно и беспокоиться нечего. Она уже было собиралась уходить, но Шарль остановил ее:

— Ты можешь остаться, это Поль Верлен, поэт. Впрочем, ты его уже видела — помнишь «Носорога»?

Еще бы она не помнила! Как он тогда веселился и смешил ее! Верлен и Матильда решили, что они, вероятно, уже встречались на вечере в салоне у Нины, куда Матильду привел Шарль.

Глаза Матильды засияли от радости. Ее отец, в годы своей юности много веселившийся на балах, с возрастом стал домоседом и консерватором. В пику ему она принимала сторону матери, которая была когда-то знакома с Вагнером и Шопеном. Матильда любила искусство и художников, и для нее слова «поэт» и «творец» означали одно и то же. И ее уже не смущали ни некрасивое лицо, ни раскосые и слишком глубоко посаженные глаза, ни всклокоченная борода. Она с улыбкой протянула ему руку:

— Брат давал мне читать ваши «Сатурновские стихотворения» и «Галантные празднества», они все очень понравились... хотя некоторые места показались чересчур резкими.

Верлен смущенно поклонился и сказал, что в будущем надеется написать стихи, которые ее восхитят. Они обменялись несколькими банальными фразами и на этом простились.

В кафе Дельта Верлен был уже другим человеком. В мыслях и мечтах он был где-то далеко. Вокошар больше его не интересовал. В этот вечер он даже мужественно отказался от своего привычного абсента! Это была любовь с первого взгляда.

Верлен буквально заболел, стал подавленным и раздраженным. Эта совсем еще юная девушка обладала какой-то магической властью, и он никак не мог забыть ее очаровательную, немного шепелявую речь и светлую улыбку.

На следующий день он отправил своей красавице экземпляры «Сатурновских стихотворений» с красноречивым посвящением: «Мадмуазель Матильде Моте де Флервиль от любящего и верного друга — Поля Верлена».

Чтобы вновь обрести смелость, он прибегнул к старому проверенному средству — абсенту. Однажды вечером, сильно повздорив с кем-то в кафе, он вернулся домой в таком взвинченном состоянии, что матери пришлось уговорить его провести несколько дней в Фампу, чтобы немного успокоиться.

4 июля Верлен извещает Лепеллетье телеграммой: «Неожиданно заболел, сразу уехал. Письмо матери моему начальнику. Подробности позже или скоро вернусь зависимости ответа».

Эти последние слова наводят на мысль о том, что Верлен уже договорился с Сиври о следующей встрече с Матильдой. Вернувшись в Париж через четыре дня, он выглядел умиротворенно, но абсент вскоре вернул его в прежнее нервное состояние.

Тогда, в июне 1869 года, у г-жи Верлен остановилась бывшая горничная Луизы Гранжан, искавшая работу в Париже. Эта женщина, Виктория Бертран ^[143], была в ужасе от сцен, которые ей невольно приходилось наблюдать. Так, в письме из Батиньоля от 18 июля 1869 года, адресованном г-ну Перо в Пализель, она сообщает: «В пять утра он явился домой пьяный, выхватил из отцовской коллекции оружия саблю, кинжал и огромный охотничий нож и закричал, что сейчас убьет мать! В другой раз он разбил тростью сосуды, в которых г-жа Верлен хранила зародыши своих выкидышей. Он вопил как сумасшедший: „Дайте мне денег! К черту эти склянки!“» Впоследствии Верлен сам описывал подобные сцены в «Исповеди».

Несчастливая мать, заливаясь слезами, вынуждена была зарыть дорогие ей останки в саду; Виктория ей помогала. После этого г-жа Верлен уехала к друзьям, оставив дома ошеломленного и невменяемого Поля, и не появлялась в течение трех дней. Так она осуществила угрозу, которую Верлену часто приходилось от нее слышать: «Вот увидишь, ты добьешься того, что однажды я уйду, и ты даже не будешь знать, где я!»

На сей раз чаша терпения была переполнена. Г-жа Верлен попросила срочно приехать свою сестру Розу: очень высокая, властная, она была единственным человеком в семье, которого этот скандалист слушался. Ее присутствие обеспечило двое суток тишины и покоя, и Поль покорно обещал выполнить все, о чем его просили. Но сразу же после отъезда

«жандарма в юбке» вспышки ярости возобновились. Как-то раз, вернувшись домой около часу ночи вместе с приятелем, он опять стал угрожать матери саблей: «У тебя четыре тысячи франков моих денег, и если ты их сейчас же мне не отдашь, не выйдешь живой из этого дома!» Несчастной г-же Верлен и Виктории Бертран пришлось полночи отражать атаки безумца, который грозил их обеих задушить.

Когда Поль немного пришел в себя, мать, не слушая никаких возражений, снова увезла его в Фампу. Там он поссорился с Розой и, мрачный как туча, ушел из дому куда глаза глядят. Добравшись по берегу Скарпа до Арраса, он обошел там все кафе и в конце концов очутился в борделе. В полночь последним поездом он вернулся в Фампу.

Когда на следующее утро он проснулся, все окружающее было ему невыносимо, ужасно болела голова, и вдобавок его тошнило. Он прекрасно понимал, что больше так продолжаться не может, иначе он сойдет с ума. Тогда он быстро встал, оделся и недолго думая написал Шарлю де Сиври, что просит руки его сестры.

Г-жа Верлен, видя, что сын успокоился, вернулась в Париж. Для Виктории ее приезд был неожиданностью, и она решила, что опять произошли какие-то драматические события. Она пишет: «У г-на Поля есть друг, который обещал ему написать, но так до сих пор этого и не сделал. Ручаюсь, что Поль снова устроил сцену, и поэтому его матери пришлось вернуться».

И действительно, к 17 июля Шарль де Сиври еще не ответил на письмо. В этот день Верлен говорил Нине де Калльяс, что «он очень страдает», у него «черная меланхолия», он «изнывает от тоски». В таком состоянии он не мог писать, жизнь в деревне раздражала, крестьяне надоели, а необходимость ежедневно видеть родственников просто выводила его из себя.

Тем временем в Париже Сиври зачитал письмо Верлена Матильде и г-же Моте. Его отчим аж подскочил от ужаса, когда ему сообщили эту новость. Ну и ну, какой расторопный молодой человек! — зашел на пять минут и уже просит руки. Это несерьезно. Матильде едва исполнилось шестнадцать, о замужестве можно говорить только года через четыре. А уж об этом женихе не могло быть и речи, тем более он какой-то поэт; в любом случае нельзя брать на себя никаких обязательств. Решено было не отвечать на это безумное письмо.

Около 20 июля Шарль с унаследованным от матери оптимизмом пишет Верлену, что дела его идут неплохо и что сватовство не отвергнуто категорически, но, как того и следовало ожидать, решение на время

отложено. Короче говоря, влюбленный имеет все основания надеяться. Далее, отвечая на полученное раньше от Верлена приглашение, Шарль сообщает ему дату своего приезда в Фампу.

Его приезд превратил Верлена в другого человека. Вспыльчивого пьяницу сменил спокойный, утонченно-сентиментальный поэт, которого отныне вдохновляло только воспоминание о Явлении его возлюбленной. Верлен представил своего «будущего шурина» семье и друзьям. В числе последних был и добрый малый Поль-Огюст Бретань, толстый фламандец, чиновник налогового управления, откомандированный на сахарные заводы Фампу^[144]. Этот любитель пива и табака играл на альте, и поэтому Шарль де Сиври тут же подружился с ним. К тому же Бретань был ярый антиклерикал; поэтому, возможно, он не знал о смелых выходках Шарля в церкви Фампу: во время воскресных месс Сиври исполнял на плохонькой фисгармонии разные мелодии к популярным песням «фривольного» содержания. Добряк кюре при этом нимало не смущался; возможно, он был модернист, а может быть, просто-напросто глухой. «Под белеными известью сводами церкви Фампу прозвучали все произведения Вагнера и Эрве, и все песни, которые мы орали у Нины», — пишет Верлен Леону Валаду в августе.

Это были счастливые дни, проведенные в кругу друзей на лоне природы. Верлен, Сиври и дядя Жюльен любили гулять вокруг деревни; одну из таких прогулок Верлен зарисовал с большой точностью и юмором^[145].

Нашему герою лучше, он почти здоров. Он уединяется, чтобы писать стихи, которые потом войдут в сборник «Песнь чистой любви». Леса, ручьи, поля, засеянные рожью и пшеницей, — все будто оживает от едва уловимого присутствия Матильды.

Сиври сообщил не очень хорошую новость. Матильда, ее Десятилетняя сестра Маргарита, сам Сиври и их родители собираются на два месяца в Нормандию. Верлену он сказал, что его, вероятно, пригласят на несколько дней в середине августа, и только надежда на это приглашение позволила Верлену примириться с жестокой разлукой.

Когда в начале августа Шарль уехал, Верлен смог излить свои чувства и поведать добрую весть своим друзьям, правда пока только намеками. Если и появился новый, «идиллический» Поль Верлен, то это вовсе не чудо, сообщает он 5 августа Валаду. «Черт возьми, ищите женщину! Знайте, что она очаровательна, мила, остроумна, любит стихи и во всем соответствует моему идеалу». Лепеллетье тоже был посвящен в тайну, но в

гораздо более загадочных выражениях; главное, писал Верлен, «никому ни слова!». Люсьену Виотти Верлен не отправил ничего, кроме банального письма с фотографией. Позже этот факт объяснится тем, что Люсьен тоже, оказывается, ухаживал за юной Матильдой. В одном письме Люсьен спрашивает Сиври о результатах сватовства Верлена. Чувствуется, что его очень беспокоит, принято ли предложение и дали ли согласие родители: «Я написал ему (Верлену) ответ, но не стал обсуждать его сватовство. Но все равно мне было бы интересно узнать, чем кончилось дело» ^[146].

К сожалению, ответ Шарля де Сиври не сохранился; вполне возможно, ему пришлось сделать то, чего он больше всего не любил, — огорчить своего друга.

Остаток лета Верлен прожил, как обычно, у кузена Дюжардена в Леклюзе. Тем временем Матильда весело проводила время в замке Буэль, в трех километрах от городка Нёфшатель-ан-Бре, куда семейство Моте пригласили на лето. Шарль и юный маркиз Форже составляли ей компанию и развлекали как нельзя лучше. Непрерывно сменяли друг друга праздники, костюмированные балы, пикники в лесу; молодые люди танцевали, музицировали, играли в бесчисленные игры и импровизировали комедии. На одну такую лирическую пьесу, если верить Матильде, собралось двести дворян из округи. Сама Матильда с младшей сестрой, облаченные в длинные одежды друидов, с плющом и омелой в волосах, пели в хоре. Она пишет: «Что же стало с моим поэтом, пока я тут провожу время в развлечениях? Надо же, я должна признаться, что немного о нем забыла».

Поэт же все писал и писал пылкие письма, а Шарль тайком передавал их сестре. Верлен, словно околдованный, думал только о Матильде и не мог не восторгаться ею.

В зеленоватом платье, в пене рюшек
Июньским днем она явилась мне,
Улыбчивая, в нежной тишине...
Пленился я, не убоюсь ловушек! ^[147]

«Маленькая волшебница», читая его пылкие письма и восторженные стихи, чувствовала, как все сильнее бьется ее сердце. Она уговорила мать позволить ей отвечать «жениху». Та разрешила, но при условии, что г-н Моте ничего не узнает. Но увы! В долгожданных письмах из Буэля говорилось только о развлечениях и приемах, и влюбленному Верлену они были как нож в сердце.

Покуда для тебя угрюмою рекою
Меж голых берегов текут уныло дни,
Вдруг для нее светлы и веселы они.
Невинность так резва, так ветрена порою!^[148]

Но вскоре надежда вновь придала ему сил. По каким-то таинственным знакам он понял, что услышан. В стихотворении «Так как брезжит день, и в близости рассвета...» поэт отвергает то мрачное чудовище, которым он был месяц назад:

Конец мечтам дурным и злобным...
Нет гневных кулаков, нет ненависти к свету,
К намекам встреченных лукавцев и глупцов,
Нет отвратительных злых подозрений, нету
Забвенья мерзкого в разгуле кабаков!^[149]

Наивная Матильда не увидела в этом ничего, кроме риторической фигуры, и запомнила только поучительное заключение:

Ведь я хочу теперь...
Идти, лучистые глаза, ведомый вами.
Тобой ведом, рука, где гаснет дрожь моей, —
Вперед и прямо, — пусть тропа покрыта мхами
Иль загромождена обломками камней;
Да, я хочу идти, и тверд, и прям, по Жизни...^[150]

В Париж Верлен вернулся, вероятно, 31 августа. В поезде он всю дорогу писал стихи, не обращая внимания на пейзажи за окном и не слыша ритмичного стука колес. Перед его глазами была одна лишь Дева в белом, он непрестанно повторял имя Возлюбленной.

Г-жа Верлен была весьма озадачена тем, что сын стал так мягок, спокоен и предупредителен. Произошло какое-то чудо, как бывает только в романах! Конечно, на роль жены она предпочла бы для него кузину из Фампу, энергичную девушку, похожую на ее сестру Розу. Но ведь он выбрал сам, причем так быстро и определенно, следовательно, не мог

ошибаться. Его невеста слишком молода, но мог ли он полюбить девушку его возраста? Итак, только женитьба, при условии, что он будет счастлив, могла направить его на путь истинный. В тот момент, когда г-жа Верлен произнесла эти слова, Поль вскрикнул от радости. Вряд ли можно было найти более предупредительного и послушного человека: вместо того чтобы по своему обыкновению таскаться по ресторанам, он охотно соглашался ходить с матерью в гости к ее подругам, женам и вдовам военных. Можно было подумать, что он очень любил чай с сухими бисквитами! Литература его больше не интересовала. Он не навещал никого, кроме Лепеллетье, который погряз в политике и журналистике. Чтобы уж совсем не отступать от привычек, друзья заходили иногда в ресторан «Мартир». Там был официант по имени Батист, и они переделали «Мартир» в «Батир». Но вели они себя благоразумно и позволяли себе не более одной рюмки.

Рабочий кабинет Верлена превратился в келью отшельника. Здесь, за стопкой папок, он сочинял стихи для возлюбленной, выкраивая время между поручениями по работе. Как же он будет счастлив снова ее увидеть! Близился конец их разлуки. Через несколько недель Моте вернутся в Париж, и он сможет заключить Матильду в свои объятия. Но это произойдет позже...

Лети ты, песенка, скорей
Навстречу ей с моим приветом.
Скажи, что в сердце, верном ей,
Светился луч веселым светом... [\[151\]](#)

В своем последнем письме из Буэле Матильда взывала к благоразумию, терпению и мужеству Верлена, хотя ему и так этих качеств было не занимать. За всеми испытаниями должно было последовать вознаграждение.

В день своего возвращения Матильда была взволнована не меньше, чем Поль. Г-жа Моте уже смирилась с неизбежным. Угрызения совести больше не мучили ее, поскольку она позволила дочери выбрать между Верленом и молодым человеком, ухаживавшим за ней в Буэле. Она выбрала поэта? Ну что ж, пусть будет поэт. Г-н Моте недовольно пожимал плечами.

Вечером того же дня, облачившись в новый костюм, Верлен, бледный и взволнованный, появился на пороге дома Моте. Там он познакомился с любезной, утонченной и чувствительной «тещей». Что касается «тестя»,

седобородого человека, холодно смотревшего на него сквозь золотое пенсне, то он показался ему чрезвычайно неприятным. Можно предположить, несмотря на отсутствие подтверждений, что тем вечером г-жа Шариа, бабушка Матильды, осталась у себя в комнате, а юную Маргариту отправили спать.

Когда в малую гостиную подали кофе, влюбленных голубков, следуя обычаю, усадили на канапе, дабы они могли «поворковать». Беседа была банальна, невинна и по большей части состояла из вздохов, пауз и взглядов. Когда они прощались, их охватило чувство, которое испытывают, столкнувшись лицом к лицу с Роком; они оба знали, что, как бы в дальнейшем ни сложилась жизнь, их судьбы будут неотвратно связаны.

Назавтра Верлен пришел вместе с матерью, которая поцеловала смутившуюся Матильду в лоб. Уходя, г-жа Верлен пригласила г-на Моте нанести ей ответный визит, чтобы «поговорить о делах».

Из вежливости он обещал быть, но, разумеется, не намеревался этого делать. Когда гости ушли, он обрушился на жену и дочь с упреками: дескать, они не приняли в расчет его мнение, действовали у него за спиной, и теперь он вынужден идти у них на поводу. Однако поощрять столь очевидную глупость он не намерен.

Поскольку правила хорошего тона все же требовали ответного визита, жена и дочь стали упрашивать его согласиться навестить г-жу Верлен. Ведь один визит ни к чему не обязывал, и это вовсе не означало, что свадьба состоится на следующий же день.

Квартирка овдовевшей г-жи Верлен произвела удручающее впечатление на г-на Моте. Находилась она в заурядном доме и в довольно бедном районе. Внутреннее убранство ее было скромным и мрачным.

«Если положение вещей не улучшится, — безапелляционно заявил он, — дочь останется без приданого. И в любом случае, даже речи не может быть о том, чтобы свадьба состоялась в ближайшие два года».

С приходом осени в жизни Верлена началась счастливая пора. Он посещает все вечеринки в сопровождении Матильды, ее брата Шарля и иногда композитора Эманнуэля Шабрие. Однако пьяные пирушки у Нины де Вильяр, где все шутки были определенного толка, равно как и чересчур серьезные литературные собрания, не слишком подходили молодой благовоспитанной девушке. Почему бы в таком случае г-же Верлен не устраивать вечера у себя? По средам у нее собирался бы избранный круг посетителей, состоящий из таких людей, как Валад, Мера, Коппе, Шарль Кро, Рикар, Мендес и других. Благодаря им вечера, лучезарной королевой

которых всегда была Матильда, были проникнуты остроумием и весельем. В этот период Матильда была привязана к Верлену сильнее, чем когда-либо; он казался ей самым умным, самым утонченным, самым деятельным (именно тогда она без малейшего сожаления дала окончательный отказ нескольким упорно преследовавшим ее воздыхателям). Мать и юная сестра Эдмона Лепеллетье, Лора, стали ее близкими подругами. Сколь заманчивым ей виделось будущее: ее степенный, но веселый жених — поэт, которому уготована слава, ее друзья — жизнерадостные молодые люди, полные великодушия. Казалось, счастливая жизнь будет длиться бесконечно.

Верлен забросил литературные труды и покидал контору только по дням, когда его матушка принимала у себя посетителей. «Побежденные» были заброшены, «Кузнецы» его больше не интересовали, музыка к «Вокошару» так и оставалась ненаписанной. Зачем занимать себя рифмами, когда его жизнь — воплощенная «Песнь чистой любви»?

Однажды Верлен в компании Франсуа Коппе побывал у Сент-Бева, проживавшего тогда на улице Монпарнас. Пожилой критик, вечно ходивший в своей бархатной шапочке, похвалил обоих поэтов, но, когда Верлен сообщил ему о предстоящей женитьбе, он покачал головой и пробормотал: «Это еще нужно обдумать...» Эти ничего не значащие слова ужасно развеселили молодых людей.

Поначалу влюбленные ходили в театр или на концерты, всегда в сопровождении г-жи Моте. Но постепенно жизнь их заполнилась предсвадебными заботами. Они и сами не заметили, как это случилось. Вопреки запрету г-на Моте, они решили пожениться 29 июня.

Так это будет в летний день. В тот час
Горящий полдень, радуясь со мною,
Меж шелка и атласа с кисеею.
Еще прекрасней мне покажет вас ^[152].

Сон вскоре должен был стать явью. Матильда занялась поисками жилья. Ей даже удалось найти трехкомнатную квартиру на пятом этаже дома на пересечении набережной Турнель и улицы Кардинала Лемуана, напротив ресторана Тур д'Аржан. С балкона открывался прекрасный вид на собор Парижской Богородицы и на здание мэрии. Но нужно было все подкрасить и подправить. Поэтому свадьбу перенесли на начало июля.

Брачный контракт был подписан 24 июня 1870 года в конторе мэтра

Топена, нотариуса из Клиши. Доля будущего мужа включала 6950 франков, оставленные Верлену в наследство его теткой, Луизой Гранжан, и 20 тысяч франков, отказанные ему матерью. В долю будущей жены входило всего 4206 франков плюс различная мебель на сумму в 5754 франка, украшения, которые, как было отмечено в контракте, «составляют исключительную собственность будущей супруги», и, наконец, пятидесятифранковая трехпроцентная доходная облигация ^[153].

Молодые люди уже объявили о предстоящем бракосочетании, но непредвиденное обстоятельство разрушило их планы: Матильда внезапно заболела оспой. Поль навещал ее, однако делал это с опаской и не подходил слишком близко к постели больной. Он едва узнавал ее, настолько ее опухшее лицо было обезображено сыпью. Однако благодаря стараниям доктора Антуана Кро и друга семьи доктора Потье Матильда быстро поправилась.

В это время вышел сборник стихов «Песнь чистой любви» ^[154]. В одном из сорока восьми экземпляров книги сохранилось стихотворение, написанное рукой автора и посвященное вдохновительнице сборника ^[155].

Издательство попыталось распространить книги в журналистской среде (в том числе и за пределами Франции), однако из-за обострения международной обстановки разослать весь тираж не удалось. Тем не менее новость о выходе книги появилась в «Журналь де ля Либрери», а Теодор де Банвиль написал хвалебную статью, которая была опубликована 17 июля в газете «Насьональ». Леконт де Лиль остался доволен стихами и написал, что они «проникнуты счастливой невозмутимостью разума и безмятежной чувствительностью сердца»; эти слова доказывают, что стихи Верлена были прочитаны жителем башни из слоновой кости наспех, так как если в них чего и не хватает, так это невозмутимости.

Хотя Матильда выздоровела, свадьба была перенесена на более поздний срок, так как г-жа Моте сама заразилась от дочери оспой. Впрочем, это печальное обстоятельство «позволило мне», как позже признается в своей «Исповеди» Верлен, «впервые пообщаться с моей невестой без свидетелей». В конце концов свадебную церемонию было решено отложить на 11 августа.

Но три недели отсрочки были невыносимы для Верлена, и он едва переносил их, «сердясь на месяцы, на тихий ход недель» ^[156].

Поль мрачнел с каждым днем, поэтому Матильда решила, что раз уж ее брат Шарль и сестра Маргарита едут на две недели за город, то пусть Поль отправится вместе с ними. Это ему поможет развеяться, она же пока

оправится после болезни; к тому же у нее будет время ухаживать за матерью.

Таким образом, Верлен провел две недели в особняке Муаси у маркизы де Монури, хорошей знакомой и ученицы Нины де Вильяр. Но ничто — ни сельские праздники, ни пикники в лесу, ни светские игры, ни всевозможные эксцентричные выходки — не могло развлечь его. В то время как все веселились напропалую, Поль уединялся и сочинял стихи, полные самого чувственного и пылкого вдохновения.

В качестве примера можно привести такие стихотворения, как «Школьница», «Последнее желание», которые Верлен позже старательно воспроизведет в «Исповеди».

А тем временем, пока он, погруженный в себя, прогуливался по перелескам и лугам, над Францией нависла опасность. Всего за несколько дней и без того тяжелая международная ситуация переросла в настоящую трагедию. 19 июля 1870 года было объявлено о начале войны с Пруссией. На автопортрете, написанном 22 июля того же года в Муасси, Верлен изображен рядом с Шарлем де Сиври (последний сидит за фортепьяно, кажется, что он прикован к своему инструменту^[157]). В своей огромной соломенной шляпе Поль выглядит вполне умиротворенно: он и не подозревает, что в этот день началась всеобщая мобилизация.

Верлен и Шарль де Сиври. Рис. П. Верлена.

Когда в конце июля Верлен вернулся в Париж, столичные умы были заняты либо патриотическими мыслями о победе, либо тревожными мыслями о возможных изменах. Тем временем Верлен, который, в преддверии свадьбы, находился в весьма возбужденном состоянии, был вынужден заниматься, впрочем, как и его будущие родственники, мелкими приготовлениями: рассылкой приглашений, подбором нарядов и цветов, примеркой у швеи.

После поражений французской армии при Вейсенбурге и Фрешвилере

Поль приготовился к худшему: он боялся, что его призовут в армию. В принципе его могли призвать, несмотря на то что он не прошел военной подготовки, так как в 1864 году вытянул счастливый номер. К тому же существовало правило, согласно которому служащие префектуры и мэрии не призывались в армию. Однако долго ли оно еще просуществует? В точности никто ничего не знал. Во всех областях жизни царили смятение и неуверенность.

8 августа, в то время как Верлен пыхтел на службе, один из его коллег, Ламбер де Руасси ^[158], которого Поль ценил за хорошие манеры, сообщил ему, что при родах скончалась его любовница, и поэтому он хочет покончить с собой. Он протянул Верлену запечатанный конверт, на котором было написано: «Не вскрывать до моей смерти». Ошарашенный Верлен не успел ничего сказать, а коллега уже скрылся. Ему не давала покоя мысль о Роке, преследовавшем его. Как будто у него и без того мало забот!

На следующий день Поль получил телеграмму от Ламбера де Руасси, в которой тот просил срочно приехать к нему домой. Недолго думая, Верлен нанял экипаж и отправился к своему коллеге. В холостяцкой квартирке де Руасси Поль нашел хозяина этого элегантного пристанища лежащим в одежде на кровати. В виске было отверстие от пули, вторая половина черепа просто отсутствовала. Верлену досталась скорбная миссия оповестить о случившемся мать его друга, а также дать показания в полиции и подписать акты гражданского состояния. Приходской священник согласился провести службу 10 августа.

Несмотря на то что похороны пришлось на канун свадьбы, Верлен выполнил свой долг до конца. Вместе с Анатолем Франсом, который знал покойного, и несколькими друзьями и коллегами по работе Верлен проводил несчастного в последний путь. Его похоронили на кладбище в Пасси.

Возвращаясь с похорон, Поль решил проехать через центр города, чтобы узнать новости. На Больших бульварах было большое волнение. Стоя на террасе кафе «Мадрид», Верлен, как и остальные посетители, кричал вслед проходящему полку: «Да здравствует Республика!» Однако делал он это так громко, что полицейские, сдерживавшие толпу, чуть было не задержали его. Но он бежал тем же путем (через проезд Жуффруа), что и в декабре 1851 года, во время государственного переворота Наполеона III. Когда опасность миновала, он купил вечерний выпуск газеты «За родину!» и зашел в кафе «Мюлюз». В газете его внимание привлек текст одного документа, в котором говорилось, что все неженатые мужчины в возрасте

от 25 до 45 лет, не значащиеся в списках личного состава жандармерии, должны вступить в ряды французской армии.

Ах вот как! Служба в мэрии больше ничего не значит! Следовательно, в ближайшем будущем он должен будет отправиться на войну...

— Черт возьми! — воскликнул Верлен, недовольно ударив кулаком по столу, — моя свадьба летит в тартарары!

Выпив залпом свою рюмку абсента, взбудораженный и обеспокоенный, он поспешил на улицу Николе, где его успокоили рассудительные г-жа Моте и Матильда: «Чего вам бояться? Ведь речь идет только о холостяках, а вы с завтрашнего дня будете женаты».

Свадьба состоялась 11 августа 1870 года. Церемония была проведена сначала в мэрии 18-го округа Парижа, а затем в церкви Нотр-Дам-де-Клиньянкур. Со стороны невесты свидетелями были драматург Поль Фуше (шурин Виктора Гюго) и г-н Седильо, ученый-востоковед, оба — близкие друзья г-на Моте. Со стороны жениха свидетелями были Леон Валад и капитан Истас, старый друг покойного капитана Верлена.

В церкви молодых супругов поздравляли многочисленные родственники и друзья, в том числе и бывшая учительница начальной школы Луиза Мишель. Она долгое время занималась отсталыми детьми, теперь же давала уроки рисования и французского языка в школе на улице Тувено. Г-н Моте, как инспектор начальных школ, посетил это учреждение и похвалил Луизу Мишель за ее безграничную доброту и преданность. Он даже попросил Шарля де Сиври давать в этой школе уроки музыки, так как не знал, что после убийства принцем Пьером Бонапартом журналиста Виктора Нуара ^[159] и последовавших за этим манифестаций Луиза сблизилась с левыми, стала посещать собрания бланкистов, а также кружок «Свободная мысль»; с приходом Коммуны она станет яркой революционеркой. Однако в этот праздничный день Луиза Мишель была всего лишь поэтом: в знак своей дружбы она написала для Матильды свадебную песню, в которую, по ее словам, вложила всю свою душу. Вот ее начало:

Красавица-жена поэта,
О дева, лилии цветов,
Как вам известно, бард — пророк,
И я вам прорицаю лето ^[160].

После официальной церемонии (никто не собирался проводить

пышного празднества, а от свадебного путешествия из-за тяжелой международной ситуации пришлось отказаться) у Матильды дома был устроен небольшой прием, среди приглашенных присутствовали Камиль Пеллетан и Феликс Регаме. К сожалению, очень многие не смогли прийти: к тому времени под знамена успели призвать едва ли не весь Париж! Среди призванных был Эдмон Лепеллетье, по случаю свадьбы он прислал стихи (не сохранились).

Вечером молодожены незаметно удалились к себе.

Верлен позже признавался, что до самой свадьбы наивная Матильда считала, что дети появляются от поцелуев^[161]. Однако пришел момент, когда молодой супруг должен был вывести ее из заблуждения.

Настало время стать тебе моей женой,
И мне стать тебе мужем настоящим^[162],

что и было сделано, и неплохо сделано, если верить словам самого Верлена.

Глава VI

ПОТрясения в МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

(август 1870 — конец августа 1871)

*Два сердца одному, из двух сердец одно —
Ну что ж, я «за»...
Но день, в который пал я жертвой этих чар,
Знаменовал и вам и мне погибель*

Поль Верлен «Одни и другие»^[163].

Верлен с облегчением узнал, что, будучи чиновником, он не подлежит мобилизации ни при каких обстоятельствах. Пусть другие отправляются воевать, он вне игры.

Молодые супруги не могли сразу поселиться на набережной Турнель, квартира еще не была обставлена. Целую неделю беззаботные влюбленные посвятили покупкам и прогулкам в окрестностях Парижа, в Версале и в Сен-Жермене.

Жизнь вошла в привычное русло. Каждый день Верлен отправлялся на работу, умиротворенный и счастливый. Матильда готовила еду в новой посуде, и каждый вечер Поль, вернувшись домой, ужинал наедине с женой. Изредка они позволяли себе такую роскошь, как прогулка в открытом экипаже.

4 сентября была провозглашена Республика, в мэрии народ громкими криками приветствовал Рошфора, и Верлен, как и многие другие, пребывал в состоянии эйфории. Пришел конец позорному режиму, и из его праха рождалась юная и бесстрашная братская республика, которая сумеет восстановить мир в стране и справедливость в обществе. Повсюду люди распевали «Марсельезу», все обнимались, чувствуя себя победителями.

Но прусская армия по-прежнему оставалась реальной угрозой. Гамбетта отдал приказ о всеобщей мобилизации, по которому в армию призывались почти все пригодные к военной службе, но еще не мобилизованные мужчины: Шарль де Сиври был направлен в форт Ножан, Леконт де Лиль, Коппе, Вилье де Лиль-Адан, Луи-Хавье де Рикар, Эмиль Блемон и многие другие пополнили ряды национальной гвардии, а

Лепеллетье встретился с Виотти в 69-м линейном подразделении. Верлен, само собой разумеется, вовсе не жаждал разделить их участь, в чем его безоговорочно поддерживала мать, но под давлением Матильды, которая, превратившись в ярую патриотку, обвиняла его в трусости, он вступил в гарнизонный полк национальной гвардии и был направлен в 160-й батальон, расквартированный в Рапе-Берси. Его обязанности заключались в том, что он должен был через ночь с ружьем наперевес стоять на часах в форте либо со стороны Ванв, либо Монруж, облаченный в шинель, треуголку и сапоги. В таком виде он и изобразил сам себя на рисунке, датированном 13 октября 1870 года ^[164].

Первое время это забавляло Верлена: ночи были теплыми. Солдаты играли в пробку и карты или же проводили время в винных погребах вместе с местными завсегдатаями. Но вскоре пришли холода, погода испортилась, наступили белые ночи. Какой ужасный фарс! Как тоскливо без всякой пользы стоять на этих стенах, глядя на пустынную равнину, на которой кое-где зябнут мертвые деревья и извиваются изгороди садов и кладбищ. Изредка тишину нарушали треск отдаленных выстрелов или звук разорвавшегося снаряда. На самом деле в их районе ничего не происходило, но это вовсе не означало, что Верлен и его товарищи были в безопасности: в любой момент их могли отправить на передовую, а это уже совсем другое дело!

Раз в два дня он ходил на службу, где встречал коллег, которые предпочли воевать у теплой печки. Их насмешливые улыбки выводили поэта из себя. Кой черт понес его на эту галеру? ^[165]

Серьезно заболев бронхитом, Поль осмелился мечтать об увольнении, но полковой врач позволил ему лишь краткий отпуск. Тогда Верлен стал мошенничать. Капитану он говорил, что занят выполнением срочных работ административного порядка, а на службе объяснял начальнику свое отсутствие тем, что его к этому обязывает военная служба. Таким образом, он, как самый настоящий обыватель, целые дни напролет проводил дома, окруженный заботами матери, которая навещала его каждый день и полностью оправдывала его поведение. И если Матильда начинала возмущаться и протестовать, Поль парировал: «Конечно, тебе-то не нужно туда ходить!»

Шарль де Сиври умудрился заразиться оспой и добился длительного отпуска на период выздоровления. Какая несправедливость! Он, Верлен, в конце концов, тоже рисковал своим здоровьем, более того — своей жизнью! И тогда он решил не показываться ни за письменным столом, ни

на крепостных стенах, наивно полагая, что и в том, и в другом месте уже привыкли к его отсутствию.

Верлен снова стал предаваться светским развлечениям, как будто война уже закончилась. Большинство его друзей еще не были знакомы с юной г-жой Верлен, поэтому, дабы исправить положение, они стали наносить визиты всем по очереди. Сначала они навестили Леконта де Лиля и Катулла Мендеса, которые в то время жили вместе, затем искусствоведа Филиппа Бюрти, поэта Эрнеста д'Эрвильи, гравера Фламенга, братьев Гонкуров. 27 ноября подошла очередь Виктора Гюго. Великий мэтр, который только 5 сентября возвратился в Париж, записал впечатления от этой встречи в своем дневнике. Он поклонился Матильде, а ее супругу объявил, что высоко оценил его «Песнь чистой любви», эту «бомбу с цветочным зарядом».

Верлены и сами принимали гостей. Ришар Леклид, друг Феликса Регаме, рассказывает жене в письме от 12 декабря 1870 года ^[166] об одном из вечеров в доме поэта, который проходил в гостиной, обитой вишневым атласом с белой и золотой отделкой. Регаме и Верлен рисовали в уголке, Шарль де Сиври играл на фортепиано, а г-жа Моте и другие гости слушали многословный рассказ Матильды о ее житье в пансионе. Леклид довольно ярко ее описал: «Представьте себе высокую шестнадцатилетнюю девицу, воспитанную в предместье Сен-Жермен, чьи рассуждения напоминают школьный учебник и которая играет в семейную жизнь, как дети играют в куклы». При общении с такой великовозрастной школьницей, наделенной изрядной долей снобизма, гостю оставалось лишь превратиться в глухонемого. «Я смотрел на нее гораздо больше, чем слушал, думая: „Боже, ну и трещотка!“»

В одно прекрасное утро в доме на набережной Турнель появился капрал с официальным письмом. Это было уведомление о том, что за отсутствие на посту без уважительной причины Верлен приговаривается к двухдневному заключению в полицейском участке. Оказывается, о нем не забыли! Поль помчался в мэрию, однако его начальник ничего не мог сделать: «Вы могли быть вообще освобождены от военной службы, но предпочли стать добровольцем. Придется теперь отвечать за последствия. Дела армии находятся вне моей компетенции, и я не имею никакого права в них вмешиваться».

На следующий день коротышка капрал вернулся уже в сопровождении унтер-офицера. Прозвучал приказ:

— Следуйте за мной!

Поль подозревал, что его выдал один из сослуживцев из зависти, что он слишком много времени проводит дома.

Несмотря на подавленное состояние, Верлен старался держаться молодцом. Матильда приготовила одеяла, наполнила мужнину флягу, набила ранец всякой снедью и, подбодрив Поля на прощание поцелуем, позволила его увести. По дороге они неоднократно заходили в разные питейные заведения и лишь к полудню дошли до здания военной тюрьмы, которая находилась на авеню Италии, недалеко от часовни Бреа ^[167]. Там Верлен предстал перед офицерами из канцелярии суда, откуда его направили в карцер, огромный сарай с покосившимися окнами. Посередине стояла гудящая печка, окруженная походными кроватями. В помещении находились два десятка неряшливого вида мужчин в холщовых рубашках и кепи. Одни играли в карты, другие в домино. Почти все они, как и Верлен, отбывали наказание за уклонение от службы. Заводилой в этой компании был маляр Шеншоль, типичный парижский уличный мальчишка, шутник и горлопан. Он подвергся более суровому наказанию за дерзкое поведение по отношению к старшему по званию. Верлен разговаривал с ними о политике и с удивлением обнаружил, что это «мужичье» придерживается значительно более умеренных взглядов, чем он сам, так как, бравируя, ему случалось высказывать прямо-таки ультрареволюционные идеи.

На следующий день Матильда, как заботливая жена, пришла навестить узника и принесла ему сигарет, вина и сочный паштет из куропатки, которая на самом деле была крысой, поскольку во время осады открыто продавали мясо кошек, летучих мышей и других подобных тварей (меню одного из ресторанов на улице Ром, владелец которого явно обладал чувством юмора, гласило: «Крысиная отбивная, вкус, как у настоящей баранины»).

Отбыв наказание, Поль, чтобы не выбирать между военной службой и тюрьмой, решил укрыться у матери, в Батиньоле. Капитан был уведомлен о том, что Верлен, сменив место жительства, перевелся в другой батальон. Наконец-то никто его не контролирует, наконец-то его оставили в покое!

Он снова стал через день бывать в мэрии, работал тщательно и не допускал прогулов. Чтобы оправдаться перед Виктором Гюго за то, что послал ему 22 декабря свои стихи по почте, а не принес лично, он ссылается на больное горло ^[168].

К концу 1870 года Поля, к его удовольствию, повысили до должности младшего управляющего с жалованием 2100 франков в год. Это событие в канун Рождества в доме на улице Николе отметили изысканным ужином, в

меню которого входили блюда из конины, а так же мяса собак и кошек, приготовленного на свежайшем масле с ферм г-на Моте. Праздник удался на славу!

Между тем началась настоящая война, как будто было мало голода и холода (в тот год Сену сковало льдом). В ночь с 5 на 6 декабря первые снаряды стали рваться на улицах Парижа. Г-н Моте, опасаясь, что скоро начнется обстрел Монмартрского холма, арендовал для своей супруги просторную квартиру на бульваре Сен-Жермен, напротив Клюни, а сам мужественно остался на улице Николе, предоставив жилье в распоряжение госпиталя для раненых.

Вскоре Шарль де Сиври поселился у матери. Та приютила у себя и его невесту, молодую художницу Эмму Кормио, которой в Париже негде было жить. Что до Поля, то он все-таки решился покинуть свою мать и с опаской возвратился на набережную Турнель. В доме четы Верлен или у г-жи Моте, ставшей теперь их соседкой, возобновились дружеские встречи, как в старые добрые времена. Конечно, угощались чем бог послал и всем, что гости (Валад, Блемон, Пеллетан, Регаме, Вилье де Лиль-Адан, Кабанер и прочие) приносили с собой, — все это просто делили поровну. В один прекрасный день в квартиру г-жи Моте переселились братья Кро, так как их дом на улице Ренн разрушило снарядом. Но никто не принимал всерьез смертельную опасность, которая на самом деле грозила всем.

Поль вернулся к размеренной жизни, но из-за тревожений последних месяцев нервы его стали сдавать. Частенько он возвращался с ночного караула полупьяным, с лихорадочно блестящими глазами и злобно поносил всех и вся. Матильда относилась к этим настроениям на счет усталости; он быстро ложился, и наутро все было забыто.

Но брак, хотя еще достаточно прочный, дал трещину. Матильда лучше поняла характер мужа и презрительно отзывалась о его трусости: «Ты же сын офицера! Какой стыд!». Ее любовь к Полю поддерживало безграничное восхищение, но, увы, с каждым днем она восхищалась им все меньше. На все эти неприятности Верлен отреагировал привычным образом: он стал пить, чтобы доказать себе, а если придется, то и окружающим, что он не трус. Однажды Поль явился домой после многочисленных возлияний и, получив на ужин отбивную из конины, заявил супруге, что эта тошнотворная падаля уже сидит у него в печенках и что отныне он будет обедать в кафе на улицах Газ или Риволи, где подают говядину. Напрасно Матильда проливали слезы, в течение двух недель Поль держал слово. В другой раз, вернувшись ранее обычного и не застав

супругу дома — как сказала горничная, госпожа отправилась навестить свою мать, — он отправился на бульвар Сен-Жермен и не переставал брюзжать, что им пренебрегают, что на обед ему готовят несъедобную дрянь, что он женился на дуре, способной только болтать без умолку. Г-жа Моте и ее дочь были неприятно поражены подобным поведением, но у них хватило ума не воспринимать случившееся как трагедию. По их мнению, тяжелые жизненные обстоятельства могли если не извинить Поля, то, по крайней мере, послужить объяснением подобным выходкам. Слава богу, 29 января 1871 года подписали перемирие: порядок будет восстановлен и жизнь вернется в свою колею.

Первый день марта стал «черным днем Франции»: прусские войска вошли в западные кварталы столицы. После полудня Эмиль Блемон встретил Верлена, когда тот выходил из бюро, и они отправились покататься на корабле до Пуан-дю-Жур. Вернувшись к Пале-Бурбон, они, держась за сердце, наблюдали с моста Согласия, как вразвалку, словно медведи, мимо проходили немцы ^[169].

Спустя несколько дней Шарль женился на Эмме. Верлен, видимо, не присутствовал на бракосочетании по причинам личной безопасности; в любом случае, он нигде об этом не упоминает.

В то же время г-жа Моте возвратилась в свой дом на улице Николе, а Матильда объявила, что беременна и должна осенью родить.

Внезапно, 18 марта, после того как солдаты Национальной гвардии отказались подчиниться приказу о разоружении, началось вооруженное восстание. В этот день Верлен был на погребении Шарля Гюго, старшего сына поэта, умершего пятью днями ранее в Бордо. Матильда в тот же день хоронила г-жу Шариа, свою бабушку с материнской стороны, умершую в возрасте восьмидесяти лет.

28 марта на площади перед мэрией в присутствии семидесяти тысяч солдат Национальной гвардии и огромной толпы простого народа была провозглашена Коммуна. Грохотали пушки, повсюду развевались красные знамена, всеобщая экзальтация достигла пика. «Я, как и все, был полон энтузиазма», — написал Верлен. Он всегда будет с искренним восторгом вспоминать эту революцию, «самую мощную и плодотворную из революций, которые когда-либо украшали Историю». Это было, по словам Виктора Гюго, «святое восстание» ^[170]. Пораженцы-буржуа оказались в меньшинстве, восторжествовала истинная демократия. В Верлене заговорила лотарингская кровь, он был полон патриотических настроений.

К тому же среди руководителей движения было много его друзей: бывший сотрудник мэрии генеральный прокурор Рауль Риго, члены исполнительной комиссии Жюль Андриё и Делеклюз, Лео Майе, член судебной комиссии, Эжен Вермерш, который недавно стал главным редактором воссозданного журнала «Пер Дюшен».

Напрасно правительство Тьера, обосновавшееся в Версале, требовало, чтобы никто из гражданских служащих не подчинялся новому режиму. Поль, несмотря на увещевания матери, которая предпочитала, чтобы он сидел дома, пока все не разрешится само собой, продолжал ходить на службу, как из чувства долга, так и по необходимости. Сидеть дома было бы самым худшим решением. Если он не будет появляться на работе, его поставят под ружье, так как правительством Коммуны был отдан приказ о зачислении в войска всех горожан мужского пола старше девятнадцати лет.

Мэрия в этот период напоминала казарму или командный пункт революционеров: более пятисот солдат Национальной гвардии находились там постоянно, располагаясь на ночь в кабинетах и приемных.

Так как вся прежняя административная структура развалилась, Верлена поставили во главе «Отдела прессы». Он просматривал все версальские газеты («Дебаты», «Конституция», «Пари-Журналь», «Свобода», «Эхо Парижа», «Родина» и другие), из которых вырезал все статьи, касающиеся Коммуны и ее руководителей, равно как и условий жизни парижан, наклеивал их на большие листы бумаги и синим карандашом подчеркивал самое основное. В «Дневнике» братьев Гонкуров в записи за 4 мая 1871 года говорится, что Верлен спас собор Парижской Богоматери, выступив против решения разрушить здание. Вполне возможно, что поэт действительно выразил свой протест, однако, будучи сотрудником низшего ранга, он не мог участвовать в принятии решений по таким вопросам.

Так как Шарль де Сиври был в то время без работы — революция не нуждалась в музыкантах, — Верлен устроил его в одно из подразделений мэрии. Однажды Сиври сказал, что его жена Эмма уедет на два дня, и на это время он переедет к Полю.

Вечером обрадованный Поль зашел за ним в мэрию. По дороге они пропустили по рюмочке, что явно ухудшило настроение Верлена. Придя домой, он вознамерился отослать горничную под каким-то пустым предлогом. Матильда этому воспротивилась, Поль вспылил и стал оскорблять ее. Шарль, который был смущен и огорчен этой сценой, собрался ретироваться, однако Матильда задержала его, села за фортепиано, и вечер закончился лучше, чем можно было ожидать. На

следующий день Поль на коленях слезно молил о прощении жену, которая ночью бредила в горячке. С Шарля взяли слово молчать об этом досадном происшествии, но тот ушел сильно обеспокоенный.

Спустя некоторое время г-жа Верлен сообщила печальную новость, которую она узнала от Лепеллетье: умер Люсьен Виотти.

После ранения в ногу во время перестрелки у Э-ле-Роз 29 ноября 1870 года он попал в плен, где заразился оспой. Элиза сообщила также, что, по словам Лепеллетье, Виотти пошел в армию от отчаяния, поскольку он всегда был влюблен в Матильду, подругу его детства. Та была этим очень удивлена и растрогана до слез. Поля эта новость тоже огорчила чрезвычайно, так как он питал к Люсьену горячую и искреннюю симпатию.

Спустя много лет Верлен напишет стихотворение в прозе «Памяти моего друга», посвященное бывшему сопернику: «он умер... жестокой смертью, благородный ребенок, по моей вине, а я не стоил и единой капли твоей крови...» Сожалея о его гибели, поэт в отчаянии восклицает: «О, я, глупец, не сумевший вовремя понять!..»^[171] В этом стихотворении, производящем двойственное впечатление, Верлен ставит акцент на физической красоте молодого человека: «И все твое изящное и тонкое двадцатилетнее существо — твоя прелестная голова (голова Марсо, но прекраснее), изысканная соразмерность твоего тела эфеба под одеждой джентльмена — предстала мне сквозь мои медленные стекающие слезы»^[172]. Если для Виотти женитьба Верлена и была трагедией, об этом никто не подозревал. Все, что известно со слов Лепеллетье, доказывает лишь глубокое отчаяние молодого человека, претерпевшего поражение в любовном поединке. Он был одним из самых близких друзей Поля. Тот даже собирался устроить его на работу в мэрию, но потом Люсьен покинул всех, уехал в Гавр и прекратил поддерживать отношения с бывшими друзьями. Слепленный любовью к Матильде, Верлен тогда не понял, почему Виотти уехал, почему в последнее время он был так холоден, отстранен и равнодушен ко всему — «железный человек», прозвали его друзья. Бедняга Виотти, оказавшийся среди «побежденных»...

В воскресенье, 21 мая, все было относительно спокойно. Во второй половине дня в Тюильри состоялся концерт. Верлен в тот день присутствовал на собрании в церкви Сен-Дени на улице Тюренн. Но вечером по городу начали расползаться тревожные слухи: «Версальцы наступают! Они уже близко!» Эти слухи так часто оказывались ложными, что люди уже почти не обращали внимания на крики патрульных

гвардейцев «К оружию!».

Но на этот раз все оказалось правдой. Мощным броском пехотинцы Тьера заняли к середине дня предместья Отей и Пасси, а к вечеру еще и холм Шайо.

На заре следующего дня батареи версальских подразделений, установленные на площади Звезды, обстреляли площадь Согласия и Монмартр. Рано утром Луиза, юная горничная Верленов, сообщила своим хозяевам, что случилось худшее: враг вошел в город. Глухой гул взрывов сливался с колокольным звоном собора Нотр-Дам, люди метались по улицам. Повсюду выросли баррикады, улицы были перекрыты нагромождениями из досок, телег и старой мебели. А вдалеке поднимались в небо все новые облачка белого дыма; это означало, что «враг» продолжает обстрел города. Снова началась война.

Верлен был ни жив ни мертв. Большая часть регулярной армии поддерживала версальское правительство, лишь незначительная горстка солдат национальной гвардии оставалась верной Коммуне. Назавтра начнется «охота на ведьм», последуют аресты, его найдут, поставят к стенке и он умрет, даже не увидев матери, потому что Батиньоль, конечно же, будет сожжен! Одновременно растроганная и раздраженная его причитаниями, Матильда решила сходить и привести его мать к ним домой. Она не боится и выполнит свой долг.

— Иди, узнай, что там, и возвращайся скорее, — сказал Поль, целуя жену на прощание.

Ранним утром, около шести, она вышла из дома. Погода была замечательная. В районе Монпарнаса шел бой, поэтому Поль решил, что ей следует идти по бульварам Севастополь и Рошешуар — так она будет в полной безопасности. Но недалеко от бульвара Орнано (в настоящее время бульвар Барбез) Матильда неожиданно попала под обстрел. Тогда она бросилась на Монмартр и позвонила в дверь родительского дома.

— Твой муженек, наверное, совсем ума лишился, коли отпустил тебя! — в ужасе вскричал г-н Моте.

Обстрел не прекращался, выйти из дома не было никакой возможности. К пяти часам наступило затишье, и Матильда попыталась в сопровождении отца добраться до площади Клиши, но далеко уйти им не удалось и вскоре пришлось возвращаться через улицу Клинанкур, огибая баррикады и спотыкаясь о трупы. Вернувшись, Матильда без сил легла в постель.

В это время Поль, так и не осмелившись высунуть нос на улицу, организовал собственную оборону, превратив свою туалетную комнату в

бункер, бронированный толстыми матрасами. Конечно, он сильно беспокоился, но так как юная горничная постоянно жалась к нему от страха, в его уме возникли не слишком благородные планы (впоследствии он сам в этом признался), осуществление которых он отложил на потом. Верлен ужасно боялся, что взорвется Пантеон, так как, по слухам, коммунары набили его подвалы порохом ^[173].

На следующий день, в шесть часов, Матильда отправилась домой, г-н Моте проводил ее до бульвара Монмартр. Но потом она сбилась в пути и слишком отклонилась к западу, так, что возле Сен-Рош ей пришлось повернуть назад. Отчаявшись, не зная, куда идти и что делать, она зашла к Бюрти, дом которых находился неподалеку. Те посоветовали отказаться от ее безумной затеи, но Матильда, не желавшая ничего слушать, после короткого отдыха продолжила свой путь. На улице Ларошфуко она заглянула к брату Шарлю. Тот был поражен.

— Неужели это и вправду ты! — воскликнул он. — На улице стреляют, а ты наносишь визиты!

Шарль посоветовал сестре вернуться к отцу и ни о чем не беспокоиться: его жена Эмма обо всем предупредит г-жу Верлен. Обещание было выполнено в тот же вечер. Мать поэта, однако, имела несколько иной взгляд на происходящее: она наотрез отказывалась понимать, как Матильда могла оставить мужа одного в такой опасности, и решила с первым лучом солнца идти к сыну.

Тем временем Поль, измученный созерцанием горящего, залитого кровью города, в отчаянии от того, что бой шел уже на близлежащих улицах — к тому времени враги заняли площадь Мобер, — все же решился сделать вылазку. По узким обходным улочкам Верлен кое-как сумел добраться до Шатодо, но дальше его не пустил командир баррикады. Когда он, вспомнив, что служанка осталась в квартире в одиночестве, вернулся обратно на набережную Турнель, консьержка сообщила, что на лестничной площадке его дожидаются два господина. У Поля зашлось сердце: «Как! Уже?» Но это были Лепеллетье и его приятель Эмиль Ришар, чьи костюмы (кепи и брюки с фиолетовой полосой) лишь отдаленно напоминали военную форму. У Верлена они искали убежища.

— Все кончено, — сказал Лепеллетье. — Самое позднее, завтра утром они будут здесь.

Уже было около полудня, и Поль пригласил друзей разделить с ним скромную трапезу. Но когда они собирались сесть за стол, раздался страшный взрыв, здание содрогнулось до основания, со звоном посыпалась

посуда. «О Боже, сейчас Пантеон упадет мне на голову!» — вскричал хозяин дома и снова укрылся в своей «крепости». Это взорвался Люксембургский пороховой завод, расположенный на улице Виван ^[174].

Огонь пожирал мэрию, горели дворец Тюильри, Счетная палата, Префектура Сены. Дворец Правосудия потонул в потоках огня и густого дыма, черный пепел взметывался в багровеющее небо — апокалипсис, конец света! Фонтаны разноцветных искр, как фейерверки, рассыпались над горящими зерновыми складами. Не внимая увещаниям друзей, Верлен, ни жив ни мертв, предпочел забиться в свое укрытие и не осмелился выйти на балкон из страха получить шальную пулю. Наверняка он уже лишился жены и матери, а скоро, возможно, погибнет сам.

В ту ночь никто не сомкнул глаз. Наутро, 24 мая, появилась г-жа Верлен. Она прошла через баррикады, через пожар, через весь Париж, залитый кровью и заваленный трупами.

Вскоре вернулась Матильда, бледная и дрожащая. Ее вполне могли расстрелять, но она была не из тех, кто любит себя жалеть или превозносить. Как только волнение несколько улеглось, в ней ожила хозяйка дома, и она отправилась варить всем кофе.

— Давайте накроем здесь, «у огонька», — крикнул с балкона Лепеллетье, зачарованный зрелищем знаменитого пожара.

Вскоре оба посетителя ушли, но сначала они спорили с одежды все знаки отличия, указывавшие на их принадлежность к национальной гвардии.

Версальские подразделения заняли набережную. К счастью, это был тот самый отряд, где друзья служили раньше, их узнали и отпустили, что действительно было большим везением, так как всех подозреваемых хватили и расстреливали на месте.

Победа версальской армии не означала освобождения, наоборот, она повлекла за собой ненависть и месть. Начались жестокие преследования. Парижане дрожали от страха. Как только на человека падало малейшее подозрение в сотрудничестве с коммунарами, его кидали в тюрьму, высылали или даже расстреливали по первому же доносу. Каждый день все новые и новые телеги с приговоренными отправлялись к месту казни. По некоторым данным, число жертв достигло примерно ста семидесяти трех тысяч человек. Что касается друзей Верлена, в Новую Каледонию были высланы женихи Лауры Лепеллетье и Луизы Мишель. Сам Лепеллетье, который был ранее срочно назначен «Хранителем Государственного Совета», должен был немедленно исчезнуть и затаиться. По этой причине

его мать — к большому для нас сожалению — уничтожила тогда же большую часть его личных бумаг, в том числе и письма Верлена.

Поль был подавлен, он сидел взаперти у себя в квартире, подозревая, что хозяин дома и другие жильцы шпионят за ним. Само собой разумеется, у него и мысли не возникало снова появиться в мэрии или в Люксембургском дворце, где вновь создавались муниципальные учреждения. «Они» найдут его, потому что у «них» есть список всех работавших на Коммуну. Наверное, он и трех недель не проживет. В своем «Дневнике» 28 мая 1871 года Эдмон Гонкур сделал следующую запись: «Сегодня на площади Мадлен встретил Бюрти, который обсуждал с г-жой Верлен возможность спрятать ее мужа».

Эмиль Блемон вспоминает, что во время его визитов в дом поэта, когда они с унынием говорили об ужасах репрессий и скандальных происшествиях — «Париж превратился в притон», — Поль выглядел затравленным и постоянно дрожал от страха ^[175].

К середине июня, не выдержав напряжения, он решает уехать в Фампу — пока он будет там, в столице, быть может, забудут о его существовании. Крайне усталая Матильда была уже на четвертом месяце беременности. Необходимо было исчезнуть бесследно. Арендный договор был расторгнут, мебель перевезли к родителям Матильды на улицу Николе.

Никогда еще Поль и Матильда не испытывали такой потребности в покое и свежем воздухе. Ах, деревня! Им казалось, что вырвавшись из ада, они попали в рай. К тому же почему бы им в самом деле не отправиться наконец в свадебное путешествие?

Жюльен Деэ поселил их в отдельном домике у себя на ферме. Матильда познакомилась с родственниками мужа и подружилась с дочерьми Жюльена, тридцатидвухлетней Викторией и двадцативосьмилетней Зульмой. Последняя незадолго до этого вышла замуж за некоего Фредерика Бизуара, сотрудника налогового управления по сбору косвенных налогов. Для Верлена он заменил толстяка Бретаня, которого, по слухам, перевели в Шарлевиль, в департамент Арденны ^[176].

Целыми днями Поль прогуливался по окрестностям или проводил время за чтением («Исповедь» Фредерика Сулье), а Матильда украшала вышивкой пеленки для будущего малыша. Теперь они уже могли смеяться над своими прежними страхами. «Я здоров, как никогда», — сообщает Верлен Эмилю Блемону в письме от 1 июля 1871 года. Каждый вечер он выпивал несколько кружек пива, никогда не превышая своей нормы, играл в бильярд, в карты, курил трубку и беседовал со знакомыми. Для супругов

начался новый медовый месяц, прекрасный и полный неподдельного счастья, лишенный каких-либо неприятных происшествий.

В том же письме к Блемону, который в то время как раз собирался жениться, поэт желает, чтобы в «брачной лотерее он вытянул счастливый номер», и добавляет: «Что до меня, я не имею причин жаловаться на тот, что достался мне».

Какое значение имеют сейчас все эти никчемные политические игры и литературные дразги! От голода вымерли ласточки, друзья и родственники обсуждали сельскохозяйственные вопросы, говорили о свекле и рапсе, об эпидемии тифа, истреблявшей домашний скот, и, реже, о войне и несчастьях, обрушившихся на Францию.

10 июля приехала г-жа Верлен. Выздоровевший и приободрившийся Поль чувствовал себя совершенно счастливым.

Вскоре началась подготовка к возвращению в Париж. Поль осведомляется у Валада и Блемона о судьбе их общих друзей, все ли вернулись? Что там с братьями Кро, с Камилем Пеллетаном, Регаме, Адольфом Рако и прочими?

Рано или поздно обстановка должна проясниться. От сплетника Лемерра Верлен узнал несколько неприятных отзывов о себе. Кое-кто не мог ему простить его симпатий к Коммуне, например, Леконт де Лиль частенько брюзжал, что его следовало бы расстрелять. Поль решил действовать: необходимо исправить ситуацию и снова очутиться среди друзей. «Мы должны объединиться», — написал он Блемону 22 июля.

В ожидании ответа Поль вместе с женой поехал в Леклюз навестить Дюжарденов. Сельскую идиллию сменил фабричный пейзаж. Сахарный завод мог похвастаться только унылыми сооружениями, резервуарами и огромной трубой посередине — уменьшенным вариантом Вандомской Колонны. К счастью, рядом с домом был сад, в котором цвели розы и созревали персики, груши и виноград, а дальше начинался парк, где больше не являлся милый призрак... Библиотека была гораздо богаче, чем в Фампу. Здесь были собраны произведения Кине, Прудона и даже Шатобриана. Верлен наслаждался изысканными фруктами и изысканной литературой.

Когда визит подошел к концу, пришлось всерьез задуматься о возвращении, которое уже назначили на конец августа. Был объявлен ужин «Озорных чудаков», и Верлен с восторгом пообещал на нем присутствовать: осталось ли место сбора неизменным, подняли ли уже шумиху вокруг ожидаемого события газеты?

Поговаривали о возвращении в Париж издателя Пуле-Маласси —

Лемерру прибавится хлопот. Верлен рассудил, что сейчас самое время заявить о себе. 13 августа он написал ему письмо и предложил сборник стихотворений «Побежденные», который в то время представлял собой лишь отдельные наброски, поскольку со дня свадьбы Поль почти ничего не писал. Затем он спрашивает о том, что его интересует более всего: «Мне кажется, что многие из моих старых друзей после майских событий относятся ко мне с некоторой неприязнью». Но он не виноват в том, что остался верен своим принципам, своему гражданскому долгу, своим «иллюзиям».

Сохранился ответ Лемерра: «Нужно выждать по меньшей мере год, прежде чем что-либо печатать. Необходимо, чтобы забылись все мелкие обиды, которые вы по неосторожности нанесли окружающим в последнее время». За этим следует золотое правило: «Изгоните из вашей жизни две вещи, Политику и Зависть, — тогда вы будете совершенным человеком»^[177].

По крайней мере, Лемерр поступил честно. Что ж, Верлен навсегда отвернется от политики, а что до мелких обид, то любезным поведением можно все исправить. Он и вправду слишком ревниво относился к успехам некоторых своих собратьев по перу. Но все в конце концов уладится. А что до старины Лемерра, то он сам будет совершенным человеком, если согласится издать «Побежденных» и стимулировать продажу «Песни чистой любви», о которой еще никто ничего не знал.

Оставалось подумать о самом необходимом. О работе в мэрии, конечно же, не может быть и речи^[178]. Однако будет ли он в безопасности по возвращении в Париж? Шарль де Сиври, который возглавлял оркестр в Нери-ле-Бен, был арестован и содержался в заключении в лагере Сатори близ Версаля^[179]. Страхи Верлена снова ожили. Это новое потрясение в который раз подтвердило мудрость решения бежать из столицы. Он решил, что ему припомнят работу в мэрии, отчего снова впал в панику. Свой случай он считал гораздо более серьезным, чем у Сиври. На самом деле все было совсем иначе. Впоследствии выяснилось, что несчастный Сиври пал жертвой мести одной из бывших любовниц, которая, обозленная его женитьбой, донесла на него как на коммунара и в придачу жулика.

У Верлена прибавилось забот, необходимо было решить огромное количество срочных проблем: найти работу и жилье, возобновить поэтическую деятельность на Парнасе, найти настоящих друзей, проучить предателей и всерьез заняться «Побежденными»! Было решено, что первое время, по крайней мере до рождения младенца, Поль и Матильда будут жить на улице Николе. К счастью, г-н Моте пока оставался в Буэле, где

предавался радостям охоты, — так почему же молодым и вправду не пожить в доме родителей хотя бы до конца года, а то и вовсе остаться с ними.

В первых числах августа, сразу по приезде, Поль побывал у Лемерра. Среди ожидавшейся его почты одно письмо особенно привлекло его внимание. На конверте стоял штемпель «Шарлевиль, департамент Арденны». Шарлевиль? Это мог быть только папаша Бретань! Он немедленно распечатал письмо, радуясь, что старый друг из Фампу еще не забыл его.

Глава VII

ВТОРЖЕНИЕ (конец августа 1871 — 7 июля 1872)

*В один прекрасный зимний день
Он постучался в дверь мою
В Париже, и никто не знал.
Откуда он, сей господин*

*Поль Верлен «Возлюбленная дьявола», из сб.
«Давно и недавно»^[180].*

Верлен не ошибся, ему писал Бретань, но в конверт был вложен еще один листок, исписанный незнакомым убористым почерком. Внизу стояла подпись: Артюр Рембо. Это была долгая и страстная исповедь молодого человека, который в отчаянии рассказывал о своей жизни в Шарлевиле, жаловался на то, что никто не в состоянии понять его стремление стать поэтом. Его мать, вдова, давала ему деньги только на оплату места на воскресной мессе. Он решил покинуть ее навсегда и поселиться в Париже, единственном городе, где он сможет писать стихи. Он просил о срочной помощи одинаково любезно и настойчиво, обещая быть «менее назойливым, чем Занетто»^[181]. К письму прилагались стихи, странные, то пронизанные нежностью («Завороженные»), то исполненные горечи («Украденное сердце»), то реалистичные («Таможенники»), то с налетом мрачной патетики («Сидящие», «Приседания»), Настоящий Гойя в стихах!

Верлен ответил не сразу. Стихи Рембо потрясли его, но ему необходимо было немного выждать, вновь перечесть их, показать друзьям, чтобы не поддаться внезапному увлечению.

К тому же его огорчало то, что, как бы ему ни хотелось помочь молодому поэту, прозябающему в своей провинции, он не мог этого сделать. Где его поселить, ведь у него самого нет дома, и откуда взять денег, ведь он без работы.

Через несколько дней он получил новое письмо, еще более волнующее: скорее! На помощь! Он гибнет. Мать решила отправить его в пансион, а учебный год начнется очень скоро! Он уйдет пешком, он будет делать что угодно, чтобы выжить, но работать не станет, нет, никогда! К новому письму были приложены еще три стихотворения, полные черной

ненависти и жгучей ярости: «Мои возлюбленные малютки», «Париж заселяется вновь» и «Первое причастие».

Леон Валад, Шарль Кро, Филипп Бюрти, Альбер Мера и Эрнест д'Эрвильи не могли решить, восхищение или отвращение вызывают у них эти стихи: подобное нагромождение прекрасного и отвратительного приводило их в замешательство.

— Это новый Бодлер, только еще более необузданный. Он должен быть здесь, с нами, — решили те, кто увлекся творчеством нового поэта.

— Он меня пугает, — признавался Мера, и многие с ним соглашались.

Тогда наконец Верлен ответил молодому человеку. В стиле письма чувствуется восхищение, почти экстаз: «Я будто заразился вашей ликантропией»^[182]. Он видит в Рембо нового Петрюса Бореля, автора «Аморальных сказок ликантропа», которые Верлен прочитал в восемнадцать лет и которые произвели на него неизгладимое впечатление^[183]. «Я чувствую, вы во всеоружии», — добавляет он, намекая на то, что, как новичку на литературном поле боя, Рембо придется сражаться за достойное место. Верлен сообщает, что занимается всем необходимым для переезда Рембо в Париж и обещает в скором времени вызвать его.

Г-жа Моте не возражала против того, что странный поэт некоторое время проживет у нее в доме, по крайней мере до тех пор, пока он не найдет себе жилье. Она позволила отдать в его распоряжение «бельевую» на третьем этаже, по соседству с комнатой Шарля, которая уже служила убежищем для иных его друзей, испытывавших временные затруднения с жильем.

Наконец торжествующий Верлен пишет: «Приезжайте скорее, дорогой друг, вас ждут с нетерпением». К письму прилагались деньги на дорогу, собранные общими усилиями членов кружка «Озорных чудаков»^[184]. Рембо ответил, что выезжает.

В назначенный день и час, в середине сентября, Верлен и Шарль Кро отправились встречать поэта на Восточный вокзал (в то время Страсбургский), но ни один человек не походил на юного поэта, каким они его себе представляли.

Утешившись глотком вина, они вернулись домой. Там их ожидал сюрприз в виде Рембо, расположившегося в малой гостиной г-жи Моте в компании хозяйки дома и ее дочери. Все трое явно скучали. Поэт вовсе не выглядел страдальцем, он скорее походил на чересчур быстро выросшего ребенка с глазами цвета незабудок и безмятежным лбом. В

«Воспоминаниях» Матильда описывает его как крестьянского паренька с красной физиономией. На всем его облике лежал отпечаток небрежности: волосы взлохмачены, галстук завязан кое-как, одежда мятая. Движения его были неловки, словно собственное тело ему мешало. Как скажет впоследствии Форен, он напоминал большого неуклюжего пса.

Речь Рембо была отрывиста, он легко краснел, словно от смущения. Его тягучий акцент сразу выдавал в нем провинциала^[185].

Верлен и Кро попытались перевести разговор на поэзию, но гость оказался неразговорчив. Он ограничивался односложными ответами в несколько ворчливом тоне. Когда беседа в который раз замерла, в комнату вошел пес Гастино^[186], который, по словам Делаэ, походил на льва. Зверь вознамерился положить свою лапу на колено Рембо. Тот объявил, что «все собаки настоящие либералы», желая этим сказать, что либералы, как все домашние твари, стараются лестью заслужить расположение хозяев.

Подали ужинать. Гость воздал должное супу, но так и не оттаял и, съев последнюю ложку, поднялся к себе в комнату, под предлогом, что сильно утомился с дороги. Прибывший не имел с собой никакого багажа, что вызвало всеобщее удивление.

— Не слишком общительный молодой человек, — единодушно заключили дамы.

Но Верлен был удивлен больше всех. Он никак не мог представить, что столь страшные и жестокие стихи, написанные столь неожиданным размером, могли родиться в голове этого школьника, у которого только начинал пробиваться первый пух над губами. Взгляд его голубых глаз внушал смутное беспокойство: иногда в них сверкал какой-то странный свет; Матильда, из снисходительности, относила это на счет застенчивости.

В течение следующих дней Верлен показывал гостю Монмартр, Большие Бульвары, Латинский квартал. Во время этих прогулок, прерываемых многочисленными остановками в пивных, молодой человек поведал свою историю. Он родился в Шарлевиле, пошлом городишке на излучине Мааса, где жил вместе с матерью, женщиной чрезвычайно властной, скупой, к тому же еще и ханжой, у которой слово «долг» не сходило с уст. Отец его, капитан пехоты, умер довольно рано. Брат Фредерик, двумя годами старше Артюра, законченный идиот, на пять лет записался в армию. Обе младшие сестры, скучные и никчемные девчонки, воспитанные монашками, были такими же святошами, как и мать, и тратили свое время на разные глупости. Он задыхался среди них и теперь чувствовал себя совершенно счастливым. У него не было ни малейшего

желания возвращаться обратно, раз уж ему удалось сбежать. Там он был все время одинок, безнадежно одинок! У него было только два друга: первый — милый, но несколько поверхностный юноша по имени Эрнест Делаэ, и второй — весьма примечательная личность, папаша Бретань, который снабжал его табаком.

В одной из школ городка он изучал латынь и греческий, затем поступил в коллеж, где вместе с обычными школьниками учились семинаристы. Благодаря им он на всю жизнь возненавидел Бога, столь почитаемого мамочкой. Его последний учитель, Жорж Изамбар, человек молодой и легко увлекающийся, казался более продвинутым, чем остальные, но скоро выяснилось, что он обычный серый обыватель.

Осенью 1870 года занятия в школах не возобновились, и Рембо, продав книги, которые получил в награду за отличную учебу, на поезде уехал в Париж. Но сразу по приезде его схватили полицейские и отправили в тюрьму Мазас. Изамбар, который в тот момент находился в Дуэ, вызволил его, однако, как выяснилось, лишь для того, чтобы снова отправить к матери.

Когда было установлено перемирие, занятия возобновились. Правда, проходили они в местном театре. Рембо снова сбежал, но в Париже не встретил никого, кто бы ему помог. Исключение составил художник Андре Жиль, который при первой встрече указал юноше на дверь, но потом изменил свое отношение. В Париже все говорили только о еде, было противно до тошноты.

Рембо снова вынужден был вернуться в Шарлевиль. На этот раз занятия должны были начаться как положено, и тогда Артюр решил жить в лесу, как отшельник, и обязательно так и поступил бы, но в марте началось восстание, которое снова погнало его в Париж: там, вместе с людьми, вставшими на защиту своей свободы с оружием в руках, было его место. В надежде на участие в сражениях он примкнул к отряду вольных стрелков Революции, но побывать в бою ему так и не довелось. В Вавилонских казармах, куда он угодил, царил полный хаос. Когда началось самое ужасное, Рембо уже вернулся в Арденны. Именно тогда он решил, что станет «ясновидящим», то есть Поэтом, Похитителем божественного огня. Он мужественно принял тот мученический венец, надеть который требовало подобное решение. Если нужно стать чудовищем и циником, короче говоря, «негодяйствовать изо всех сил», — он сделает это, если именно так рождается и формируется Поэт. Он понял наконец, что истинная поэзия — это не цветистая риторика Теодора де Банвиля, но погружение в неизмеримые, зачастую отвратительные и тошнотворные

глубины Неизведанного. У него хватит на это мужества. Он никому не позволит заткнуть себе рот, никогда не унижится до грубой работы. Он призван совершить революцию в заведенных порядках как поэзии, так и общества, да и самой Вселенной. Для начала он добьет александрийский двенадцатисложник и примкнет к анархистам. Коммуна, по его мнению, повела себя слишком скромно: надо было взорвать собор Парижской Богоматери, Триумфальную арку и Национальную библиотеку в придачу. Все подлежало разрушению: семья, образование, армия, буржуазия и религия, и тогда на гнилых обломках старого мира возрастет новое прогрессивное братское общество, лишенное религиозных предрассудков. Поэзия станет новой Гармонией, она упразднит первородный грех, создаст нового человека, новый язык, новый мир, новые цветы и новые звезды!

Верлен был потрясен и очарован словами Рембо. Все в этом мальчике дышало максимализмом: его ненависть к Богу, его бешеный нрав, его безумные замыслы, его динамичная концепция божественной Поэзии. И если Верлен что-то и понял из его речей, так это то, что сам он, не сознавая того, был ликантропом (и г-н Заэ это доказал ^[187]), то есть человеком, абсолютно не приспособленным к жизни в обществе, который это общество ненавидит и который будет этим обществом раздавлен. Доказательством тому служили его собственные богохульства, его манихейский пессимизм, его революционные идеалы — ведь он тоже возлагал большие надежды на Коммуну. До сих пор он безвольно плыл по течению, позволяя Судьбе распоряжаться им по собственному усмотрению. Выслушав Рембо, Верлен почувствовал, что его слабость может стать силой, если только он сумеет не подчиниться, а добиваться своего, если только у него хватит сил поспорить с судьбой, вместо того чтобы быть листом пожелтелым, который уносит осенний ветер. Полноценная жизнь стоила этих усилий. В этом мальчишке он обрел учителя.

В одно мгновение Верлен постиг величие той героической стези, на которую увлекал его этот одержимый: это не гладкая дорога привычки и комфорта, это путь через тернии к звездам. Ему следовало порвать с Рембо немедленно, расстаться с ним в тот же момент. Но, зачарованный взглядом этого «падшего ангела», Верлен уже не в силах был сделать это. Та минута предопределила все его будущее. В «Сатурновских стихотворениях» поэт писал о том, что он снялся с якоря и вышел в открытое море:

...Как челн,
Забывтый, зыблемый приливом и отливом,

Моя душа скользит по воле бурных волн^[188].

В действительности же он оставался на причале. Теперь же он взошел на борт, и корабль понес его навстречу несчастьям.

Рембо тоже долго ждал этого момента. Раньше никто его не понимал — ни Делаэ, ни Изамбар, ни поэт из Дуэ Поль Демени, — он был бесконечно одинок в своем разрушенном мире, добровольно принимая все лишения.

Но он боялся, что у него не хватит сил и дальше нести свой крест в одиночестве. И вдруг судьба сводит его с настоящим поэтом, который обладает способностями «ясновидца» и который может стать истинным «сыном Солнца», если у него хватит мужества вырваться из собственной тюрьмы, как это сделал Артюр. Отныне Рембо четко видел свое предназначение: он должен во что бы то ни стало разбить цепи, удушающие Верлена, вырвать его из-под гнета пошлости и буржуазности, которые лишали его сил, помочь ему обрести свободу и достичь истинного величия и силы.

Не сказав ни слова, они заключили союз.

Г-жа Моте и Матильда не могли оправиться от потрясения: как может сын офицера так себя вести! Он ворует! Сначала исчезли распятие из слоновой кости и охотничий нож г-на Моте, потом другие вещи, стащить которые мог только Рембо. Он ломал, рвал и портил все, что ему предоставили в распоряжение, он был нечистоплотен и вел себя отвратительно. В один прекрасный день он преспокойно разлегся на лестнице перед домом, чтобы погреться на солнышке. Он был возмутительно нагл и невыносимо груб. Через несколько дней терпение г-жи Моте кончилось, и она заявила своему зятю, что ее муж, который скоро вернется, решительно не потерпит капризов молодого человека, так что к его возвращению Рембо должен убраться добровольно или его выставят силой.

В конце сентября или начале октября состоялся традиционный ужин «Озорных чудаков»^[189], на котором Верлен и Валад представили остальным своего протеже. Состоялось официальное посвящение Рембо в поэты. В заключение обеда Рембо встал и прочитал стихотворение «Пьяный корабль», которое написал с целью завоевать Парнас. Слушатели были смущены и сбиты с толку. Для любителей сладенького винца эта полная

горячечного бреда симфония была словно глоток чистого спирта.

В письме к Эмилю Блемону от 5 октября 1871 года Леон Валад рассказывает, как много тот потерял, пропустив банкет. Он стал бы свидетелем невиданного события — поэт с ангельским личиком читает ужасающие (подчеркнуто) стихи. «Это дитя, которое обладает столь мощным и чудовищно извращенным воображением, околдовало и испугало всех присутствующих. Рождается новый гений», — заключает он.

Но всеобщий энтузиазм вскоре угас. Молодого поэта стали воспринимать как больного, ступившего на опасный путь. Поэзия должна оставаться усладой для души и слуха, а не превращаться в бред сумасшедшего. К тому же маститым художникам не нравилось, что новичок осмеливается учить их.

В течение недели Рембо был звездой Латинского квартала. Верлен и Валад привели его к Теодору де Банвилю, который одарил гостя своей знаменитой улыбкой, несмотря на нападки юного поэта на парнасский стиль.

— Ваш «Пьяный корабль» весьма хорош, но вам не кажется, что было бы лучше уже с самого начала сказать: «Я тот корабль...»

На это Рембо, по ряду свидетельств, уходя, пробурчал: «Старый осел!
^[190]
»

Возможно, он был и у Гюго, который якобы назвал его «Шекспир-дитя», но, вероятнее всего, этот комплимент на самом деле адресован Альберу Глатиньи.

Артюр с удовольствием встретился со старыми парижскими друзьями, Андре Жилем и Жаном-Луи Фореном. Последний за свой насмешливый нрав получил прозвище «Гаврош». Этот юноша, двумя годами старше Рембо, знал нищету не понаслышке. У него была одна страсть — живопись; поэзия его совершенно не интересовала. Тем не менее он был добрый малый.

Верлен отвел Рембо в ателье поэта-фотографа Этьена Кариа, который сделал замечательный снимок^[191]: ясный взгляд молодого человека устремлен вдаль, лицо дышит вдохновением, пышные волосы отброшены со лба.

Эти хлопоты полностью захватили Верлена, он стал поздно возвращаться домой, зачастую нетрезвым. И тогда Матильда решила как можно быстрее избавиться от докучливого наперсника мужа. Он уже достаточно взрослый и вполне может сам пробивать себе дорогу. Здесь же он уже всем как кость в горле, пусть убирается к черту! К тому же

неотвратимо приближался день возвращения г-на Моте.

Верлен собрал своих друзей, и они решили, что Рембо будет жить по очереди у каждого. Открыть это «круговое гостеприимство» выпало Шарлю Кро. Вместе с молодым художником Пенуте по прозвищу Мишель де Ле он снимал квартиру на улице Сегье. Стараниями Банвиля там поставили еще одну кровать, принесли одеяла, туалетные принадлежности, словом, устроили спокойный уголок, где молодой поэт мог работать.

После того как Рембо съехал, Матильда принялась убирать в его комнате и с удивлением обнаружила, что подушка кишит вшами. Узнав об этом, Верлен расхохотался и подтвердил, что его приятель действительно разводил этих тварей в своей шевелюре, чтобы бросаться ими в священнослужителей, если те попадались ему на пути. Оказывается, он еще хуже, чем о нем думали!^[192]

Рембо недолго пользовался гостеприимством Шарля Кро. Ему претило жить за чужой счет, к тому же он был оскорблен тем, что его выставили из дома Верлена. Как только Шарль Кро посмел упрекнуть постояльца за то, что тот использовал в качестве туалетной бумаги подшивку журнала «Художник», он исчез. Его нельзя было найти ни в одном кафе, ни в одном баре. Неужели он вернулся в Арденны? Верлен уже всерьез начал опасаться, что Рембо именно так и поступил, как однажды столкнулся с ним в квартале Сен-Севрен. Боже, как он выглядел! Худой, грязный, осунувшийся, в драной одежде, Артюр поведал, что ему пришлось ночевать вместе с бродягами в какой-то лачуге на площади Мобер и рыться в помойках в поисках еды.

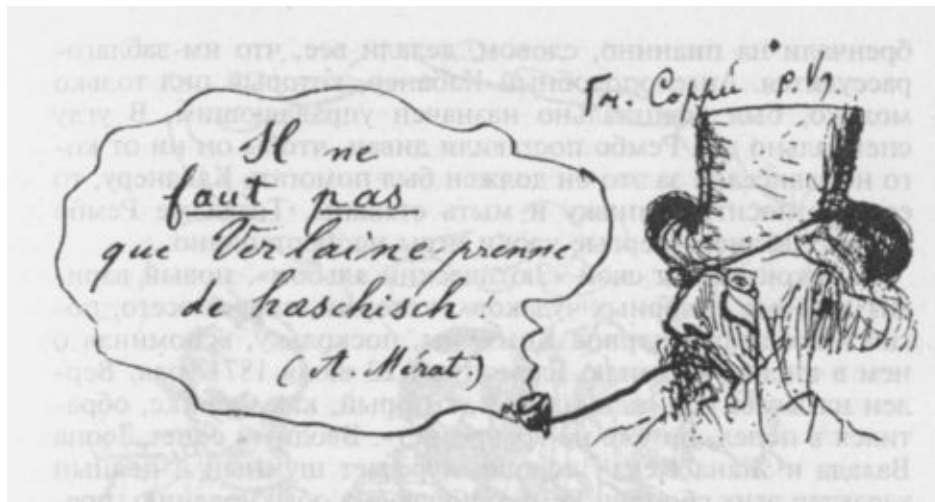
У Верлена сжалось сердце. Разве он не взял на себя ответственность за этого чудо-ребенка, для которого стал крестным отцом в мире литературы? Нужно было что-то делать. Он пообещал Рембо, что больше его не покинет, и это обещание не было пустым звуком. Он снова протрубил сбор и горячо просил друзей пожертвовать немного средств, чтобы обеспечить их юному товарищу ежедневное пособие размером в три франка — на пропитание. Потом, заручившись поддержкой Андре Жиля и Шарля Кро, Поль отправился к Теодору де Банвилю с просьбой найти жилье для своего протеже. Ему вполне хватит мансарды. Мэтр охотно предоставил в распоряжение Рембо комнату для прислуги в своем собственном доме на улице Бюси, пригласил Рембо на ужин и велел принести к нему в комнату смену белья. Другие тоже принимали в нем активное участие. Друг Антуана Кро, Анри Мерсье, обещал поместить в «Фигаро» статьи Рембо, которые тот ему показывал, а также познакомить его с главным редактором

издания. Ради этого визита Мерсье снабдил молодого человека деньгами на покупку синего костюма с бархатным воротником. Он был настолько любезен, что даже сводил молодого человека на премьеру комической оперы «Ящик Пандоры», которую давали в Фоли-Драматик.

Но вместо того чтобы умиловить мрачного арденнца, это обилие любезностей, напротив, лишь ожесточило его. В первую же ночь на улице Бюси он спровоцировал скандал, появившись в голом виде в окне мансарды, причем сначала он выбросил на улицу свою нижнюю рубашку, полную вшей. История, хотя и кажется чересчур вычурной, чтобы быть правдой, все же, вероятно, имела место. Много лет спустя Рудольф Дарзанс собирал в Латинском квартале сведения о Рембо и узнал другие подробности этого происшествия, весьма красочные, но, похоже, сильно преувеличенные: «В первую же ночь он улегся спать на чистых простынях одетым, в башмаках, испачканных грязью. На следующее утро он развлекался тем, что перебил весь фарфор — кувшин для воды, таз и ночную вазу, а затем, имея нужду в деньгах, продал мебель» ^[193].

По другим сведениям, которые в большей степени заслуживают доверия, Рембо поворачивался спиной к тем, кто его приглашал в свою компанию в кафе, и открывал рот лишь для того, чтобы сплюнуть. Ночевал он на улице, вытянувшись во весь рост на какой-нибудь скамье.

Из всего вышеизложенного ясно видно, что акции Рембо быстро упали.

Альбер Мера с трубкой, рис. из «Зютического альбома».

Отель «Дезетранже», место сборов «Зютического кружка».

В то время Шарль Кро задумал создать клуб, которой он окрестил «Зютическим кружком». Штаб-квартира кружка находилась на четвертом этаже отеля «Дезетранже», на пересечении улиц Расина, Эколь-де-Медсен и бульвара Сен-Мишель. Там «Озорные чудаки» наслаждались абсентом, ромом и коньяком — причем это обходилось им значительно дешевле, чем в кафе, — читали стихи, горланили песни и бренчали на пианино, словом, делали все, что им заблагорассудится. Ангелоподобный Кабанер, который пил только молоко, был официально назначен управляющим. В углу специально для Рембо поставили диван, чтобы он ни от кого не зависел, а за это он должен был помогать Кабанеру, то есть разносить выпивку и мыть стаканы. Тогда же Рембо взял у Кабанера первые уроки игры на фортепиано.

Кружок создал свой «Зютический альбом», новый вариант альбома «Озорных чудаков», который, скорее всего, погиб в пожарах в период

Коммуны, поскольку, вспоминая о нем в письме к Эмилю Блемону от 22 июля 1871 года, Верлен называет его «наш альбом, который, как Феникс, обратился в пепел, но уже не воскреснет». Вводный сонет Леона Валада и Жана Кека ^[194] хорошо передает шумный и пьяный характер этих сборищ. Рембо, по своему обыкновению, прерывал болтовню своим извечным «черт побери!». В альбом вошли фантазии и пародии Коппе, зачастую весьма вольные стихи других авторов, различные рисунки. Основную часть автографов составляют стихи Леона Валада, Шарля Кро, Артюра Рембо и Поля Верлена (всего четырнадцать стихотворений), Жермена Нуво ^[195], Рауля Понсона и других.

Бедняга Кабанер частенько становился предметом насмешливых эпиграмм, таких, как следующая:

Заслышав поступь отощавших ног.
Спросили мы его: «Куда ты, в морг?»
Он отвечал: «Я только что оттуда!» ^[196]

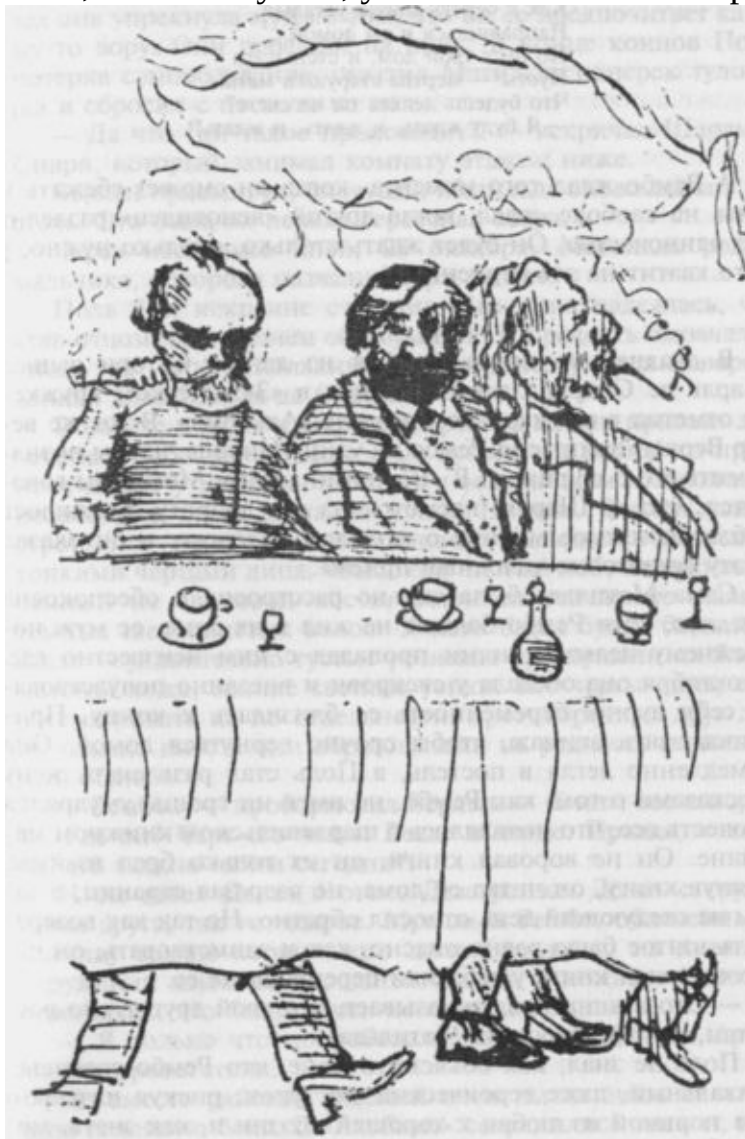
Наиболее любопытным произведением этого сборника стала написанная Кабанером детская песенка (на мотив песенки «Баба с бородой», которой прославилась Тереза), которая состоит из жалобных упреков Рембо за его чудовищно неблагодарное поведение по отношению к матери:

Чем занят ты, поэт, в Париже,
Покинув город Шарлевиль?
Здесь гений падает все ниже.
Он мостовых вдыхает пыль.
Домой вернись, брось стены эти —
Тебя, как в детстве, встретит мать...
Что будешь делать ты на свете?
— Я буду ждать, и ждать, и ждать!..

Ах! Лишь когда настанет старость,
Остынешь ты, мечтатель мой,
Как к берегу моряк усталый,
Направишься и ты домой...
Но пуст твой дом, и стены эти

Пусты — мертва старушка мать!
Что будешь делать ты на свете?
— Я буду ждать, и ждать, и ждать!^[197]

А Рембо ждал того момента, когда он сможет сбежать и жить на свободе, ждал, когда другой «ясновидец» разделит его одиночество. Он будет ждать столько, сколько нужно, у него хватит на это терпения.

Верлен, Влад, Мера. Рис. из «Зютического альбома».

В двадцатых числах октября из лагеря Сатори вышел Шарль де Сиври.

Свое появление в «Зютическом кружке» он отметил в музыкальном разделе «Альбома». В тот же вечер Верлен пригласил Рембо на улицу Николе, чтобы познакомить его с шурином. В «Воспоминаниях» Матильды говорится, что «у Шарля, несмотря на его доброту, сложилось неблагоприятное мнение о молодом человеке, и он оказал поэту достаточно холодный прием».

Сама Матильда была сильно расстроена и обеспокоена тем, что, хотя Рембо больше не жил в их доме, ее муж по-прежнему целыми днями пропадал с ним неизвестно где. 23 октября она обедала у свекрови и внезапно почувствовала себя дурно: беременность ее близилась к концу. Пришлось взять экипаж, чтобы срочно вернуться домой. Она немедленно легла в постель, а Поль стал развлекать жену рассказами о том, как Рембо, не имея ни гроша, умудрялся прочесть все, что появлялось в шарлевильском книжном магазине. Он не воровал книги, он их только брал взаймы. Стянув книгу, он читал ее дома, не разрезая страниц, а затем на следующий день относил обратно. Но так как возвращать взятое было равно опасно, как и заимствовать, он часто оставлял книгу у себя или перепродавал ее.

— Это лишний раз доказывает, что твой друг дурно воспитан, — отреагировала Матильда.

Поль не знал, как объяснить жене, что Рембо совершал похвальный, даже героический поступок, рискуя штрафом или тюрьмой из любви к хорошей поэзии и, как знать, может быть, в том числе и к его стихам, ведь Рембо прочел «Сатурновские стихотворения» и «Галантные празднества».

Но Матильда отказывалась понимать. Со слезами на глазах она упрекнула мужа в том, что он ее предпочитает какому-то вору. Они перешли на крик. В конце концов Поль, потеряв самообладание, схватил Матильду поперек туловища и сбросил с постели на пол.

— Да что там такое происходит?! — вскричал Шарль де Сиври, который занимал комнату этажом ниже.

Верлен присмирел, плачущая Матильда снова легла в постель. Это была их первая серьезная ссора.

Через несколько дней, 28 октября, Матильда родила мальчика, которого назвали Жорж Огюст.

Поль был искренне счастлив. Его жена надеялась, что, став отцом, он наконец образумится. Их радость омрачалась лишь тем, что несколькими днями ранее умерла новорожденная дочь Шарля де Сиври.

В начале ноября в Париж впервые в жизни приехал друг детства Рембо Эрнест Делаэ. Он думал, что Артюр по-прежнему живет у Верлена,

поэтому в величайшем волнении он позвонил в дверь дома на улице Николе. Верлен увидел стройного, несколько застенчивого молодого человека с тонкими чертами лица. «Высокий чистый лоб, словно выточенный из слоновой кости, оттеняли отдельные завитки темных шелковистых волос. У него были будто бархатные глаза — удивительно густые ресницы приглушали их блеск; матовая кожа, тонкие светлые усики. Все черты лица, если рассматривать их по отдельности, противоречили друг другу, однако вместе они образовывали на редкость гармоничный облик».

— Рембо... — пробормотал Верлен. — С ним все в порядке. Где он? Черт его знает. Везде и нигде. Правда, я знаю, где его можно найти сегодня ^[198].

И он отвел Делаэ в отель Дезетранже. Делаэ с трудом узнал друга, так тот вырос. Мрачный Рембо, облаченный в хламиду грязно-коричневого цвета, возлежал на диване в окружении каких-то бородатых людей. В комнате было накурено так, что было почти невозможно дышать.

— Я только что попробовал гашиш, — объявил Артюр вместо приветствия.

Но вместо райских видений он испытал лишь сильнейшую головную боль. В «Альбоме» сохранились записи, подтверждающие, что члены кружка употребляли индийскую коноплю. Существует рисунок, на котором изображен Альбер Мера в цилиндре, который заявляет: «Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы Верлен курил гашиш».

Артюр повел друга осматривать Париж, показал ему Пантеон, на стенах которого еще были видны следы пуль. Уныние и горький нигилизм Рембо произвели на Делаэ тяжелое впечатление.

Рембо влачил жалкое существование. Все деньги вышли. Шарль Кро начинает просить о пожертвованиях самых дальних друзей. Например, в письме от 6 ноября он просит драматурга Гюстава Праделя присоединиться к усилиям Камиля Пеллетана, Эмиля Блемона и его самого, чтобы поддержать «юного воспитанника муз».

А воспитанник работал ничтожно мало. Возможно, что сонет «Гласные» он написал под впечатлением от занятий музыкой с Кабанером, который каждой ноте приписывал свой гласный звук и свой цвет. Используя этот метод, он написал сонет под названием «Сонет семи чисел». Он посвятил его Рембо, которого изобразил в красных тонах.

Затем он дает тройной ключ:

до — О — желтый

ре — А — зеленый
ми — Е — синий
фа — И — фиолетовый
соль — У — алый

Рембо, сократив ключ до двойного и следуя собственному восприятию, напишет изумительное стихотворение в четырнадцать строк, о котором было сказано столько глупостей, в то время как, по сути, оно лишь вариация на тему кабанеровской шутки.

Что касается Верлена, то он иногда целыми днями не показывался дома, проводя все время или в отеле Дезетранже, или в окрестных барах.

14 ноября состоялась премьера пьесы Франсуа Коппе «Покинутая». Верлен вернулся домой около трех часов утра, пьяный и обозленный, понося на все лады успех Коппе. Увидев Матильду, он принял театральную позу и с пафосом произнес: «Вот она, покинутая!»

Матильда в долгу не осталась, и Верлен, обезумев от бешенства, попытался поджечь шкаф с охотничьим снаряжением г-на Моте, и пожилой медсестре, которая находилась при молодой матери, пришлось приложить много усилий, чтобы водворить поэта в спальню и помешать выйти оттуда, угрожая ему раскаленными щипцами. Проснувшись, он получил суровый выговор от г-жи Моте и снова, как всегда, в слезах просил прощения ^[199].

На следующий день он присутствовал в театре «Одеон» на другой премьере — одноактной идиллии «Лес» Альбера Глатиньи. Как и накануне, Верлена сопровождал Рембо. Их вызывающе небрежный внешний вид произвел сенсацию. Тогда Матильда решила перейти в наступление. Если она сама ничего не смогла добиться, это сделает общественное мнение. Она пригласила одну свою подругу-журналистку и предложила ей написать заметку, которая и вышла 18 ноября в «XIX веке». В ней говорилось о том, что один из членов парнасского кружка, которому не давал покоя успех Коппе, в припадке бешенства чуть не убил свою жену и новорожденного сына. Его удалось остановить, но автор высказывал надежду, что г-н Коппе повременит с созданием новой пьесы, иначе жизнь двух несчастных существ, «подданных» вышеназванного «парнасца», снова окажется под угрозой.

Похожая статья о той же премьере появилась двумя днями раньше в «Пёпль суверен», что заставляет видеть в этом хорошо продуманный план.

Некто Гастон Валентен (псевдоним Эдмона Лепеллетье) пишет о том вечере: «Там был весь Парнас в главе с издателем Альфонсом Лемерром.

Разбившись на группы, люди беседовали в фойе. Мера и светловолосый Катулл Мендес прогуливались под руку. Леон Валад, Дьеркс и Анри Уссе обсуждали спектакль. Сатурновский поэт Поль Верлен веселился в обществе очаровательной мадмуазель Рембо (sic)».

В общем, это был замечательный вечер в духе театра «Одеон».

Спустя некоторое время Лепеллетье нанес визит в дом поэта, чтобы извиниться за свою мерзкую выходку. Верлена, как обычно, не было дома. Его приняли г-жа Моте и Шарль де Сиври. По свидетельству Матильды, они поверили Лепеллетье, когда тот сообщил им, что видел Поля в фойе театра в обнимку с «очаровательной особой».

Позднее Верлену пришлось давать на этот счет объяснения, и он обиделся на Лепеллетье. Последний, считая, что было бы глупо жертвовать старой дружбой из-за какой-то глупой шутки сомнительного вкуса, благородно пригласил Верлена вместе с Рембо к себе на ужин.

В течение вечера Артюр глядел на хозяина злыми глазами и открывал рот лишь затем, чтобы есть и осыпать Лепеллетье оскорблениями, обзывая его старым воякой, борзописцем и некрофилом, так как тот всякий раз снимал шляпу, когда встречал на пути похоронную процессию. Лепеллетье, у которого незадолго до этого умерла мать, потребовал, чтобы Рембо замолчал. Бледный от бешенства, Артюр вскочил и стал угрожать хозяину столовым ножом. Лепеллетье силой заставил его сесть и заявил, что коли его в свое время не испугали пруссаки, то такому сопляку, как Рембо, это и подавно не удастся, а если он будет и дальше вести себя вызывающе, то Лепеллетье спустит его с лестницы пинками под зад. В этот момент Верлен вмешался, и вечер закончился достаточно мирно. Рембо отгородился от Лепеллетье и Верлена облаком табачного дыма.

«Зютический кружок» быстро распался. Он прекратил свое существование к началу декабря, в большей степени по финансовым, чем по другим соображениям. Снова Верлену пришлось искать жилье для Рембо. Дело осложнялось тем, что Артюр был абсолютно неспособен к общению, и к тому же его страсть к мерзким шуткам — например, он не переставал хвалиться, что однажды помочился в стакан с молоком, предназначенный для Кабанера, — отталкивала от него даже доброжелателей. Ни Шарль Кро, ни Леон Валад не желали больше о нем слышать. Самым лучшим выходом было бы снять для Рембо отдельную квартиру. В конце концов Верлен нашел для него комнату под самой крышей ветхого здания на Монмартре, на углу бульвара Анфер (в настоящее время бульвар Распай) и улицы Кампань-Премьер, на которой располагались многочисленные мастерские художников. На первом этаже

дома находился магазин виноторговца Трепье. Посетителями были в основном возницы омнибусов (депо находилось неподалеку^[200]).

Свет в тоскливую грязную комнату проникал через маленькое оконце в крыше мансарды. К обоям, чтобы немного оживить и украсить унылые стены, испещренные жирными пятнами, были приколоты несколько фривольных картинок.

Форен, который по-прежнему искал помещение для мастерской, установил там свои холсты и принес краски. Однажды, чтобы не ночевать на улице, ему пришлось долго колотить в дверь, так как Рембо отказался ему открыть. В результате они на некоторое время поссорились^[201]. Именно тогда, в начале 1872 года, молодой художник Альфред-Жан Гарнье сделал набросок портрета Рембо (рисунок был сделан с натуры, как указывает надпись на обороте). Досадно то, что впоследствии он раскрасил его, и довольно неудачно.

Верлену приходилось в одиночку оплачивать нужды Рембо и обеспечивать угощение для «Кружка». Он по-прежнему был без работы, и его деньги таяли быстрее, чем снег весной. Жена сказала, что за две недели Поль истратил две тысячи франков, больше, чем он зарабатывал за год в мэрии! Верлен продал свою библиотеку, затем занял денег у матери, но к середине декабря снова оказался без гроша.

Тогда Верлен вспомнил, что один нотариус из Пализёля должен отдать ему долг, предназначавшийся еще его тетке Луизе Дюжарден. Сумма долга составляла шесть тысяч шестьсот шестьдесят франков. Верлен решает истребовать деньги, в связи с чем заказывает паспорт для поездки в Бельгию. По словам Матильды, накануне отъезда пьяный Поль заявился домой очень поздно в сопровождении Рембо и Форена: их присутствие он объяснил тем, что они слишком далеко живут. Верлен устроил друзей у себя, а сам пошел спать в комнату жены. В пять часов он разбудил Матильду и потребовал, чтобы на завтрак им подали горячий луковый суп. Но когда служанка принесла завтрак им в комнату, в ней никого не оказалось: птички улетели.

Вскоре Матильду навестила г-жа Верлен, которую сын удосуужился поставить в известность о цели своего путешествия. Она была очень обеспокоена и ничего не могла понять. Обе женщины с недоумением спрашивали друг друга: на что ему могло потребоваться столько денег? Из осторожности Матильда отдала г-же Верлен пакет ценных бумаг, принадлежащих Полю, которые составляли все сбережения четы Верленов.

Делаэ был предупрежден письмом о приезде поэта в Шарлевиль и

ровно в пять часов был в кафе «Юнивер» напротив вокзала. Появился Верлен, шествуя гордо и чуть подпрыгивая. Как показалось Делаэ, он выглядел отлично. Его сопровождали Бретань и Деверьер (учитель из школы Росса, где когда-то учился Рембо); с ними он совершил прогулку по заснеженной долине Мааса, вид которой очаровал его. «Я гулял среди засахаренной природы», — напишет он потом. Поль передал Делаэ привет от Артюра ^[202].

Шарлевиль все еще был оккупирован немецкими войсками. За соседним столиком Верлен увидел нескольких офицеров-баварцев, которые пили пиво, и залюбовался их безукоризненно скроенными мундирами и аккуратными фуражками.

На другой день он отправился осматривать место Седанской катастрофы.

В Пализёле Поль поселился у старых друзей, семьи Перо. Ему удалось быстро уладить вопрос о возвращении долга. 24 декабря он присутствовал на всенощной, затем хорошенько поужинал за праздничным столом. Повинуясь семейному долгу, Верлен послал весточку Шарлю де Сиври. Он сожалеет о том, что со времени весело проведенных в Фампу деньков в июле 1869 года его шурин потерял всякую связь с толстяком Бретанем: «Он питает к тебе живейшую симпатию и безмерно тобой восхищается. Если ты напишешь нашему „падре“, он будет очень рад. Впрочем, я сообщил ему о твоём приезде». Письмо было снабжено рисунком, который красноречиво показывал, каких объёмов достиг «падре» — он напоминает хорошо откормленного борова. К письму был приложен адрес: Шарлевиль (Арденны), авеню Мезьер, 4, дом Ситерна (а не Битерна), г-ну Бретаню. Добавим, что этот Ситерн держал магазин (стекло, картины, краски) в доме 4 по улице Мезьер; в арденнских газетах тех времен сохранились рекламные объявления магазина.

Дело сделано, больше ничто не удерживало Верлена в Пализёле, и еще до конца года он вернулся в Париж.

Пока он отсутствовал, его жена и мать составили заговор, целью которого было возвращение Верлена на работу в мэрию. Благодаря посредничеству Лепеллетье им удалось связаться с г-жой де ля Шовиньер, чей муж возглавлял там один из отделов. Г-жа Верлен устроила ужин, на который были приглашены супруги де ля Шовиньер, Лепеллетье, его сестра Лаура и невеста Эжени Дюмулен вместе с родителями, а также Шарль и Эмма де Сиври. Присутствие Поля предусмотрено не было,

поэтому его появление стало для всех большим сюрпризом, тем более что Верлен явился через час после начала ужина, явно нетрезвый и несколько помятый. Ужин был испорчен. За столом Лепеллетье и Сиври изображали искреннее веселье, оставив Поля брюзжать в одиночестве. Когда подали кофе и дамы удалились в гостиную, Верлен во всеуслышание заявил, что жалеет тех несчастных, которые имели неосторожность жениться, что сам он тоже совершил подобную глупость, но уже сыт ей по горло! Из вежливости все посмеялись этой шутке, но о восстановлении на работу речи уже быть не могло. Вечер принял совершенно непредвиденный оборот. Выходка Верлена расстроила помолвку Лепеллетье. Когда его будущая теща услышала разглагольствования пьяного поэта, она была вне себя от возмущения: «Как, вы водите дружбу с таким пьянчужкой?! Значит, и вы не лучше, а раз так, вы не получите руку моей дочери!»

Чтобы загладить свою вину, Поль прилично себя вел на ужине в новогоднюю ночь, на котором присутствовали его мать и чета Сиври.

Празднование Богоявления по традиции проходило в доме родителей Матильды. Все было относительно чинно и благородно, правда, позднее Верлен написал «рецензию» на этот вечер. В ней изображаются г-н Моте в своей знаменитой шитой золотом «парчовой ермолке, немного криво сидящей на его плешивой седой голове, с бородой польского магната и хитрыми глазами»; г-жа Моте — «почтенная женщина, но слишком добрая»; сам Верлен — подвыпивший зять; Шарль де Сиври — другой зять, он «очень серьезен сегодня вечером», но «не всегда таков»; и, наконец, Матильда и ее сестра Маргарита — «обе пышки, пересмеиваются». Вечер начинается довольно мирно, затем начинается спор, который переходит в драку: бьется посуда, падает люстра. Верлен не удержался от того, чтобы выставить себя в виде, соответствующем его злости; вот как он обращается к своему тестю:

— Вот тебе, старый... горшок!

— Раз!

— Вот тебе, старый дурак!..

— Два!^[203]

По случаю пятидесятой годовщины со дня рождения Бодлера (7 апреля 1821 года) известный художник Анри Фантен-Латур задумал создать большое полотно, на котором должен был быть изображен автор «Цветов Зла» в окружении знаменитых поэтов. Замысел был аналогичен более ранней картине художника «В честь Делакруа», где он собрал всех выдающихся живописцев эпохи. Фантен-Латур поручил своему другу Эдмону Мэтру пригласить всех знаменитостей — Виктора Гюго, Теофиля

Готье, Леконта де Лиля, Теодора де Банвиля и других, но так как большинство из них отказались, художнику пришлось довольствоваться знаменитостями меньшего масштаба.

Вероятно, он присутствовал на декабрьском ужине «Озорных чудаков», после которого у него возник замысел картины «Угол стола». Полотно более не должно было носить официальный, торжественный характер — наоборот, оно стало изображением теплой беседы добрых друзей после хорошего ужина. Нет ни малейшего намека на Бодлера. В письме от 30 декабря 1871 года к своему другу-англичанину Эдвину Эдвардсу он сообщает: «Я уже набросал дюжину лиц, одно другого интересней; они составят коллекцию превосходных портретов»^[204].

В конце декабря или начале января 1872 года Верлен и Рембо позировали в мастерской художника на улице Изящных искусств, сначала по отдельности, затем вместе с остальными. Сохранился портрет Рембо, выполненный гуашью, который, помимо фотографии, сделанной Кариа, является самым лучшим его изображением. Верлен, напротив, получился слишком статичным и невыразительным.

Несколько раз приходилось позировать при искусственном освещении, что стало для Верлена новым предлогом не являться домой к семи, священному часу ужина. Однако г-н Моте не находил такой предлог достаточно убедительным: он считал, что это очередная уловка, чтобы не приходиться домой вовремя.

В то время все друзья отвернулись от Верлена из-за его упорства, с которым он продолжал опекать и защищать Рембо, вовсе того не стоившего. Опечаленный таким положением вещей, Верлен попытался возобновить у себя на улице Николе регулярные приемы по средам, как делал это до свадьбы. Он разослал приглашения друзьям; сохранилось приглашение, адресованное Стефану Малларме. В нем говорится: «Вы сможете увидеться также с двумя вашими друзьями, которые любезно согласились скрасить мое одиночество». Но ужин, который состоялся в среду 10 января, был первым и последним. С этого дня семейная жизнь Верленов превратилась в ад.

Через три дня произошла новая душераздирающая ссора. Матильда была нездорова^[205] и отдыхала у себя в комнате, когда вернулся ее муж. Г-н Моте и его супруга уже отужинали. Полю пришлось довольствоваться подогретым супом и чуть теплым кофе, что привело его в сильнейшее возмущение. Он поднялся к жене и устроил ей сцену. Он кричал, что ему подали холодный кофе, и требовал ключ от ящика с деньгами: он пойдет в

кафе, там он выпьет горячего! Но Матильда совершенно спокойно заметила, что ему вовсе не нужно изобретать предлог, чтобы пойти в кафе, он и так проводит там все дни напролет. Эти слова привели Верлена в бешенство. Он схватил маленького Жоржа, которого Матильда держала на коленях, и бросил на кровать с такой силой, что тот ударился о стену, а когда Матильда с криком вскочила, опрокинул на кровать и ее, придавил коленом и стал душить. На ее крики прибежали родители и заставили взбесившегося Поля отпустить жену.

— Убирайтесь! — кричал г-н Моте. — Избавьте нас от своего присутствия! — Не говоря ни слова, Поль вышел и отправился ночевать к матери.

К чему притворяться дальше? В тот вечер Матильда призналась родителям, что муж бил ее, что разбитая губа и синяки на запястьях — его рук дело, а вовсе не результат падения на кучу камней, как она говорила раньше.

На следующий день г-н Моте пригласил врача, чтобы тот официально засвидетельствовал последствия жестокого обращения с его дочерью. Доктор (это был не Антуан Кро, как указывают иные) категорически заявил, что больной нужен полный покой, в том числе и душевный. Г-н Моте мгновенно принял решение: он и Матильда поедут на его родину, в Перигё. Там они поселятся в каком-нибудь уютном отеле.

В течение двух дней от Верлена не было ни слуху ни духу. На третий он послал записку на улицу Николе, но, не получив никакого ответа, отправился туда сам. Г-жа Моте сообщила ему, что Матильда заболела. Они немедленно пригласили врача, по совету которого она уехала на юг Франции поправлять здоровье и собирается провести там всю зиму. Если у него возникнет желание ей написать, г-жа Моте будет пересылать его письма. Ошеломленный Верлен не знал, что сказать, и вернулся к матери.

Супруги расстались. Рембо выиграл первый раунд. Он не сомневался, что имеет власть над Верленом и играл на его слабости. Зная, каким жестоким может быть Поль в опьянении, он поил его и не отпускал домой до тех пор, пока тот не был готов убить всякого, кто осмелится сделать ему малейшее замечание. Теперь Рембо чувствовал себя победителем: враг обращен в бегство!

Г-жа Верлен пыталась образумить сына: если алкоголь толкает его на всякого рода безумства, он должен собраться с силами и бросить пить. Поль обещал исправиться, сделать все возможное, чтобы примириться с женой и вернуться к спокойной жизни. 20 января он пишет письмо Матильде, в котором признает свою вину, сожалеет о жестокости и просит

прощения за свое недостойное поведение. Он умоляет не судить о себе по этой крайности. На самом деле он очень любит, любил и всегда будет любить только ее. Поль клянется, что все несчастья позади, что отныне он будет самым любящим мужем и заботливым отцом. Пусть Матильда вспомнит о «Песне чистой любви»! Он умоляет пожалеть его, не заставляя его рыдать день и ночь в одиночестве! Ах, только бы она вернулась!

Ответ Матильды был весьма сдержанным. Непременным условием своего возвращения она поставила полный и окончательный разрыв с Рембо. Г-н Моте на всякий случай предусмотрительно сохранил письмо своего зятя, в котором содержался ряд недвусмысленных признаний.

Этот ультиматум поставил Верлена в неприятное положение. По совету матери он попытался поговорить с Рембо, стал объяснять ему, что дела его плохи и будет лучше, если тот исчезнет, хотя бы на время. Рембо был непреклонен: не может быть и речи о том, чтобы он подчинился капризам глупой бабы. Верлен вынужден был написать жене, что не в состоянии выполнить ее требование. Та ответила, что решить дело очень просто: Рембо живет за его счет, следовательно, стоит только прекратить давать ему деньги, как голод заставит его вернуться к матери. Матильда также заметила, что Артюр вполне может найти работу и тогда, если он так хочет, остаться в Париже ^[206].

Что же делать? Каждый остался при своем.

В январе, на площади Сен-Сюльпис, в здании, на первом этаже которого находился (и находится до сих пор) бар, состоялся очередной традиционный ужин «Озорных чудаков». Как всегда, после обильной и изысканной трапезы началось чтение стихов. Рембо был взбешен тем, что Верлен склоняется на сторону Моте, и пребывал в отвратительном расположении духа.

Довольно посредственный поэт по имени Огюст Крессельс декламировал свой «Сонет битвы» ^[207]. Неожиданно на том конце стола, где сидел Рембо, поднялся ропот: Артюр, положив локти на стол, сопровождал звучным «Дерьмо!» каждую строку стихотворения, а соседи безуспешно пытались заставить его замолчать. Поскольку чтение продолжалось, Артюр стал повышать голос. Все возмущенно зашумели, кто-то вскочил, с грохотом опрокинув стул, и направился к Рембо, чтобы его утихомирить. Произошла небольшая потасовка. Кариа схватил за плечи возмутителя порядка и хорошенько его потрянул: «Урод недоделанный, замолчишь ты в конце концов или нет?» Д'Эрвильи обозвал его «мерзким фигляром», на

что этот «малыш» ответил ему непристойным ругательством. Тогда собравшиеся вышвырнули Рембо из комнаты.

Спокойствие было восстановлено, чтение продолжилось. Но Рембо устроил засаду в соседнем помещении ^[208] и, когда сотрапезники стали выходить, бросился на Карию, потрясая тростью-шпагой с обнаженным лезвием, которую он обнаружил в гардеробе. Поэт-фотограф схватил его за запястье, чтобы избежать удара, приговаривая сквозь зубы: «Ничтожный хам!..» Их разняли. Карию было легко ранен в руку и в пах, это были просто царапины. Рембо тщетно пытался вырваться из рук крепко державших его врагов.

В этот момент появился Верлен, выхватил у Рембо, который брызгал слюной от бешенства, его оружие и сломал о колено, затем вызволил его самого. Вид у возмутителя спокойствия был жалкий. Потом величественным жестом Поль поручил своему юному другу Мишелю де Ле отвести Рембо домой, на улицу Кампань-Премьер.

Новость о жестокой выходке Рембо облетела весь Латинский квартал. Форен сделал рисунок, изображавший ангельски-невинного Артюра, под которым подписал: «Не трогай дерьмо, оно и вонять не будет». Разъяренный Карию разбил фотографическую пластинку, на которой был изображен его «убийца». Верлена уведомили, что он может по-прежнему принимать участие в обедах «Озорных чудаков», но его протекже более не имеет права там появляться. Проклятый всеми, Рембо оказался в одиночестве.

Из-за этого происшествия картина Фантен-Латура так и оставалась незавершенной. Альбер Мера попросил художника не писать его портрет, поскольку ему не хотелось фигурировать на картине в обществе отпетого хулигана и его пособника. Фантен-Латур, хорошо знакомый с щепетильностью людей искусства, оставил картину как есть, полагая, что время все расставит по своим местам.

18 марта 1872 года мастерскую художника посетил Жюль де Гонкур и записал в «Дневнике» свои впечатления от незаконченной картины: «На мольберте установлено огромное полотно, которое должно было представлять собой апофеоз парнасцев, и на котором полно пустых мест, так как, по словам художника, иные поэты не согласились быть изображенным в компании иных своих собратьев, коих почитали свиньями и законченными мерзавцами».

Картина должна была выставляться в Салоне 1872 года, открытие которого было назначено на 10 мая. В конце концов Фантен-Латур

пришлось заполнить место, предназначенное Мера, пышным букетом.

— Я превратил поэта в цветы, — сказал он с улыбкой.

Картину приняли скорее с удивлением, чем с восхищением. Изображенные не были известны широкой публике. Директор Галереи изящных искусств Шарль Блан с возмущением воскликнул: «Да это же обед коммунаров!»

Матильда по-прежнему оставалась в Перигё. Для г-на Моте ситуация была предельно ясной: если его зять отказывается отделаться от своего проклятого дружка, следует немедленно официально потребовать раздельного проживания и раздельного владения имуществом (развестись в те времена было еще невозможно^[209]). Он поручил это дело своему другу Гийо-Сионе.

10 февраля Поль получил вызов во Дворец правосудия. Одиннадцать пунктов предъявленных ему претензий были изложены в письменном виде, к ним прилагалось медицинское заключение. Ему вменялись в вину пьянство и жестокость по отношению к супруге, что подтверждалось его собственными признаниями в письме от 20 января. О Рембо ничего не было сказано.

Для Верлена это была катастрофа, и он рыдал не переставая. Г-жа Верлен мягко убеждала его, что все еще поправимо, только он должен собрать для этого всю свою волю и добиться того, чтобы Рембо оставил его в покое. Поль пообещал сделать все возможное.

Но это было ужасно. Рембо высказал Верлену в лицо все, что только мог придумать оскорбительного и унижительного, что он всего лишь безвольная марионетка в руках жены, а тесть обращается с ним, как с мальчишкой. Если Моте гонят его — что ж, он уйдет, но тогда между ним и Верленом все кончено. В любом случае в Шарлевиль он не вернется.

В это время г-жа Рембо получила анонимное письмо, в котором ее извещали о жизни, которую вел ее сын в Париже, его выходках и позорном поведении. Пора было возвращать его домой. Такой поворот дела был настолько на руку Верлену, что можно заподозрить его в авторстве этого письма; возможно, что он не писал его, а лишь попросил кого-то написать. Артюр же получил приказ о немедленном возвращении домой. Ситуация обострялась.

В конце концов компромисс был найден: Рембо уедет из Парижа и остановится в Аррасе у кого-нибудь из знакомых, где будет жить на деньги Верлена, но лишь до тех пор, пока Матильда не вернется домой. Тогда Рембо тайно снова приедет в Париж.

Верлен написал в Перигё, что ему удалось уладить дело.

15 марта Матильда была дома. Поль выглядел совершенно счастливым — да так оно и было. Казалось, арденнский демон больше не нарушит их покой.

Когда Верлен вернулся на улицу Николе, он был неприятно удивлен, что кто-то (скорее всего, г-н Моте) пытался вскрыть ящик с его бумагами: на замке были царапины. Однако у Поля хватило ума промолчать.

Немногим позже Рембо, который не получал от друга никаких известий, истратил все имеющиеся у него деньги и вынужден был с повинной головой и ненавистью в душе возвращаться домой. Он потерпел поражение, его план провалился, а геройство ни к чему не привело. Он повержен в прах, но Матильде Моте придется дорого заплатить за его унижение. Очень дорого.

Оставим Рембо предаваться своей ненависти или прогуливаться с Делаэ, как прежде, или писать стихи и прозу (которая не сохранилась; тогда же он начал работать над сборником «Никчемные исследования»^[210]). Дела дома шли из рук вон плохо: брат Фредерик все ещё был в армии, и «мамаша Ремб» не переставала честить обоих сыновей, которые выросли сущими оболтусами. Она постоянно укоряла Артюра за то, что тот целыми днями только и делает, что марает лист за листом.

— Это ведь никому не нужно!

— Ничего не поделаешь, — отвечал Рембо. — Раз пишу, значит, НАДО!

В это время Верлен был на вершине счастья, вновь обретая мир и покой. Он больше не напивался и возвращался домой точно к ужину. Г-н Моте тактично оставался в Перигё. Иногда Верлен пропускал стаканчик в компании Форена, но никогда не переступал грань. Однажды он признался жене: «Когда я играю с черной кошечкой (Форен), я добрый, потому что она ласковая; но когда я играю с белой кошечкой (Рембо), я становлюсь злым, потому что она жестока». Что это было, шутка? Да. он смеялся над собой.

О раздельном проживании и разделе имущества больше не было и речи. Поль и Матильда спрашивали друг друга, как они могли до этого дойти.

Но иногда Верлен уединялся в каком-нибудь кафе и тайком писал Рембо смиренные и осторожные письма: «Всякие Юдифи и Шарлотты^[211] на тебя злы, и даже очень». Когда он осмелился заикнуться Рембо о работе, тот ответил ему очередной грубостью: «Я даже думать не хочу о работе. Черт побери (повторяется восемь раз)!»

Все письма Рембо приходили на адрес матери Верлена. Чем больше Рембо злится, тем больше Верлен, как настоящий мазохист, пресмыкается. «Маленький мальчик, — пишет он с удовольствием, — понимает, что его справедливо отшлепали; „трусливая жаба“ присмирела», — и далее в том же духе. Затем, сначала осторожно, потом более настойчиво, он говорит о главном: «Но когда же, черт возьми, мы вступим на этот крестный путь, а?»

А пока Гаврош (Форен) перевозил его «барахло» с улицы «Камп»: «Наконец-то тобой занимаются, тебя желают. До скорой встречи! Она обязательно случится, тут ли, там ли, но случится. Мы все твои».

В апреле пришлось приложить значительные усилия, чтобы утихомирить изгнанника: «Конечно, мы встретимся снова. Когда? — Подожди немного! Тяжкая необходимость!.. После того как я с таким трудом сохранил свой брак, я должен быть очень осторожным и больше проводить времени дома, чтобы никто ничего не заподозрил».

Судя по всему, последнее письмо Верлена было отправлено немногим раньше столь желанного приезда Артюра, потому что в нем обсуждается дата этого события: «Тогда до субботы, около семи часов, как всегда. Кстати, изыщи возможность написать мне в удобное время... Завтра, надеюсь, смогу тебе сообщить, что наконец получил работу (секретарь в страховом обществе)». Действительно, стараниями матери Верлену удалось устроиться в компанию «Ллойд бельж».

Остальная часть письма содержит смутные угрозы в адрес г-на Моте: «Мы замысливаем против одного человека, ты потом узнаешь, кто это, забавную мстю (sic). Как только ты вернешься, будут происходить разные жестокости, лишь бы только ты развеселился. Речь идет об одном господине, который посодействовал тому, что ты провел три месяца в Арденнах, а я — полгода в дерьме. Короче, сам увидишь!» Дальше он уточняет: «Планы эти, кстати, если ты их реализуешь, принесут нам пользу, потому что одна важная персона в Мадриде в них заинтересована — поэтому security very good!».

Здесь Верлен намекает на курьезную личность, некоего г-на де Тунанса, бывшего поверенного из Перигё, который, совершив путешествие в Южную Америку, объявил себя королем Араукании и Патагонии. В Мадридском кафе этот деятель раздавал дворянские титулы и королевские награды, набирал добровольцев среди бывших коммунаров и жителей Эльзаса и Лотарингии с целью заселения своих земель, а также подыскивал себе королеву ^[212].

Месть г-ну Моте, как видим, должна была принять вид розыгрыша.

План, который подготовил Верлен, циничен и предельно ясен: «Пиши мне к Гаврошу и рассказывай, что я должен делать, как должна быть устроена та жизнь, которую ты хочешь вести вместе со мной, о радостях, муках, лицемерии, цинизме, которые нам понадобятся; я весь твой, весь ты — знай это!»

И наконец просьба: «Как вернешься, сразу бери меня, чтобы ничто не смогло нас разлучить. У тебя это очень хорошо получится!.. Сделай так, чтобы по крайней мере в течение некоторого времени ты выглядел не так ужасно, как раньше: свежее белье, чистка обуви, причесывание, короче, ничего необычного. Это необходимо, если ты хочешь реализовать свои жестокие планы. Если понадобится белошвейка и т. д. — скажи мне».

Верлен, написав очередное письмо, возвращался домой, где его радостно встречала жена. У него не возникало мысли, что его двойная игра — предательство по отношению к ней. Он сам неотвратно разрушал тот мир, которого добился с таким трудом, его правая рука не ведала, что творит левая. Хотя Верлен искренне любил жену, он вел себя как ребенок, которому предложили сделать выбор между двумя одинаково привлекательными для него игрушками, а он хочет иметь обе и не в силах ни от одной отказаться. Его неотвязное желание примирить непримиримое уже тогда определило роковую развязку драмы. Но Поль так и не сможет понять, что он сам причина всех своих несчастий. Покинутый женой и брошенный Рембо, Верлен окончательно утвердится во мнении, что всему виной злая судьба, которая судила ему родиться под несчастливой звездой — Сатурном.

Он написал Рембо «в субботу». Которую? 4 мая, 11 или 18? Все указывает на то, что, скорее всего, это было четвертое, потому что где-то в первых числах Поль снова вернулся домой в пьяном виде около одиннадцати часов и вознамерился отправить малыша Жоржа к матери в Батиньоль. Перемирие кончилось. Матильде удалось только настоять на том, чтобы мальчика сопровождала няня, но на следующий день она обратилась к своему поверенному.

«Как вернешься, сразу бери меня». Сонет «Способный ученик» доказывает, что Рембо слышал его:

Ты, ревнивец, мне сделал знак... [\[213\]](#)

Эти строки намекают, что их отношения вступили в новую фазу, что теперь они стали плотскими.

Рембо вцепился в Верлена мертвой хваткой: отныне тот не ускользнет от него. Он наслаждался своей мезтью.

Артюру пришлось довольствоваться тесной мансардой в маленьком и грязном отеле на улице Месье-ле-Пренс, где не было ни горничных, ни чистильщика обуви. Через месяц после переезда в Париж Рембо пишет Делаэ: «Окно моей комнаты выходит в сад лица Сен-Луи, где растут огромные деревья. В три часа начинает светать, пламя свечи бледнеет. Птицы начинают кричать все разом — работать дальше невозможно».

Большую часть дня он проводил в обществе других праздных гуляк и безработных художников. В мастерской художника Жолибуа, по прозвищу Яблоко, он часто встречался с Фореном, познакомился с Раулем Поншоном, который, не имея жилья, построил себе лачугу из ящиков, и с Жаном Ришпенем. Последний только-только окончил Эколь Нормаль и собирался заниматься литературой и военной журналистикой.

Вечером Рембо заходил за Верленом в бюро. В доме на улице Николе снова начались скандалы. На Вознесение, 9 мая, произошла ужасная сцена. Поль явился домой пьяный и, как только улегся спать, затеял с женой ссору по какому-то смехотворному поводу. Матильда спокойно молчала, и тогда он ударил ее по лицу. Она сказала: «Лучше бы вы меня убили». Тогда Поль зажег спичку и попытался поджечь ей волосы ^[214].

Как-то в другой раз он заявил, что случайно поранил запястья и ноги, занимаясь фехтованием. Все сделали вид, что верят ему, и г-н Моте даже помог сделать перевязку.

Спустя несколько дней, а именно в пятницу, 24 мая, Верлен с супругой и Бюрти с супругой были приглашены на обед к Виктору Гюго ^[215]. Когда мэтр поинтересовался, отчего Верлен хромает, тот ответил, что это из-за фурункулов у него на бедре. На самом деле причиной были «опыты» Рембо, которые Поль с удовольствием повторял. В другой раз, когда Верлен вместе с супругой ужинал у матери, он развлекался тем, что, оставаясь наедине с Матильдой, угрожал ей ножом, который прятал в кармане. Скорее всего, это был тот самый нож, что Рембо украл у г-на Моте. Матильда в ответ лишь пожимала плечами, словно взрослый, который снисходительно смотрит на ребенка, играющего в индейца. После ужина супруги пешком отправились к Бюрти, и Поль продолжал свою забаву. Матильда вовсе не чувствовала себя в безопасности, глядя на сверкающее в ночной темноте лезвие. Она извинилась перед Бюрти и попросила возможности уединиться. Видя возбужденное состояние Верлена, хозяйка дома поняла, что дело неладно, тайно вывела Матильду из дома и

отправила домой в сопровождении горничной. Как только Верлен узнал об этом, он также ушел. Дома его встретила г-жа Моте, которая сообщила ему, что ее дочь внезапно почувствовала себя плохо, и будет ночевать в комнате, соседней с ее собственной. Так как она препятствовала Полю пройти, он обнажил лезвие своей трости-шпаги: как, ему не дают подняться к жене?! В этот момент появился г-н Моте, который выхватил у зятя оружие и приказал ему идти спать таким тоном, что тот подчинился беспрекословно. Когда Матильда на следующий день зашла поблагодарить Бюрти, ей рассказали, что в Париже появился Рембо. Его видел Эрнест д'Эрвильи.

Вот и разгадка.

В течение пары недель Верлен играл в салоне Нины роль мастера по игре в нож. Однажды он ударил перочинным ножом Леона Энника, за что его немедленно выставили за дверь. Позже Камиль Пеллетан признался Морису Дрейфусу, что Верлен чуть не перерезал горло и ему ^[216].

Вскоре состоялось первое чтение «Песни чистой любви», которая только-только поступила в продажу. Это продолжалось долго, очень долго, Верлен не раз подходил к бару, чтобы выпить коньяку. Анатолий Франс решил, что ничего хорошего из этого не выйдет, и попытался скрыться по-английски. Но не успел он пройти по улице и пару шагов, как его настиг Верлен. Пошатываясь, он угрожал ему кухонным ножом:

— Анатолий, если ты мне брат, вернись и досиди до конца.

Поль не отставал от него ни на шаг. Только Франс делал попытку вывернуться и убежать, Верлен приставлял нож к его манишке (тот был во фраке) и грозил:

— Только дернись, я тогда...

Наконец, когда они проходили мимо какой-то пивной, Верлену захотелось выпить, и пока он проталкивался к стойке, Анатолий сумел ускользнуть и смешаться с толпой. На следующий день он обнаружил на шее синяки. «Вот что мне пришлось пережить по его милости, никогда не прощу этому животному», — говорил он в заключение этой истории ^[217].

После описанного происшествия Верлен, казалось, несколько образумился. Работа отвлекала его от частых посещений Латинского квартала, к тому же он знал, что терпение Матильды на пределе, и если он позволит себе очередную выходку, она снова уйдет, на этот раз навсегда. Часто Рембо и Форен заходили за Верленом в его контору, и они вместе чинно пили по стаканчику в маленьком кафе на улице Друо ^[218]. Поль быстро покидал их, чтобы не опоздать к ужину. Он так боялся расспросов г-на Моте, что однажды, задержавшись по вине Рембо, отправился ночевать

к матери, не предупредив об этом Матильду. Легко представить, какую беспокойную ночь она провела.

Рембо не нравилось его жилье. Верлен снял ему комнату в Клюни, на улице Виктор-Кузен, рядом с Сорбонной. Окна выходили на тесный внутренний дворик. Рембо пишет Делаэ: «Я задыхаюсь и не могу спать, всю ночь пью воду и не замечаю, как светает». Он работал с полуночи до пяти часов утра, затем выходил купить хлеба и пропустить пару рюмок абсента на улице Сен-Жак, в заведении, которое посещал еще Альфред Мюссе. Основными посетителями там были длинноволосые художники, рабочие, бродячие торговцы, ремесленники и уличные музыканты. Затем Рембо возвращался и бросался на кровать. Вот тогда-то и появились его печальные ночные стихи:

Молодости праздной
Неуемный пыл,
С чувством сообразно
Я себя сгубил.
Время б наступило,
Чтоб любовь царила!..

Так терпел я много.
Что не помню сам;
Муки и тревога
Взмыли к небесам;
И от темной жажды
Вены мои страждут [\[219\]](#).

Бывали и моменты просветления, в которые Рембо писал замечательные строчки, как, например, в стихотворении «Добрые мысли поутру», на создание которого его вдохновил вид просыпающейся на заре стройки. Волшебный мир постепенно превращается в реальность:

Под утро, летнею порой
Спят крепко, сном любви объаты.
Вечерних пиршеств ароматы
Развеяны зарей.

Но там, где устремились ввысь

Громады возводимых зданий,
Там плотники уже взялись
За труд свой ранний^[220].

Он очень несчастен. Ему необходимо перебраться в другое место.

Однажды утром при выходе из «Академии Абсента» Рембо столкнулся со старым товарищем по шарлевильскому коллежу, Жюлем Мари, который впоследствии станет известным писателем-романистом. Артюр дал ему свой адрес, и Жюль пообещал навестить его. Рембо принял Жюля в комнате в квартале Сен-Севрен.

— Вот здесь я работаю, — сказал он, указывая на стол, на котором стояла пустая чернильница^[221].

Его последнее парижское стихотворение, датированное 27 июня 1872 года, описывает разоренную комнату молодой пары, которую Рембо вполне мог наблюдать из окна^[222].

Но теперь он пишет стихи «только так, чтобы не совсем уж опускаться». Его жизнь разбита, у него больше нет надежд, нет цели. Поль покинул его, как все остальные. Моте взяли его в ежовые рукавицы и наставили на путь истинный, «глупая баба» наконец-то заполучила своего муженька. У него нет друзей, он вынужден одиноко, как прокаженный, гнить в адской жаре. Форен пытается скопить денег на мастерскую, рисуя вывески и расписывая веера. Неужели он рожден лишь затем, чтобы влачить нищенское существование? А как же «крестный путь», как же «жестокое планы»? Все это лишь глупые шутки. Над ним просто посмеялись.

Верлена стал раздражать «строгий режим», к которому его «приговорили». К тому же его не покидало чувство смутного страха: военный совет Парижа, Версаля, Венсенна и Сюрена вынес уже более восьми тысяч приговоров. По-прежнему продолжались аресты чиновников, работавших на Коммуну. Каждый день газеты публиковали новые списки. Наверняка настанет и его черед...

30 июня он прогуливался вместе с Матильдой за укреплениями и вернулся горько опечаленный:

У Сен-Дени тоска и грязь во всей округе,
Но все ж там погулять я предложил подруге;
Не в духе были мы и ссорились...^[223]

Близилась развязка.

В следующее воскресенье у Матильды случился приступ невралгии, поднялась температура. Верлен предложил позвать доктора Антуана Кро. В этот день супруги не ссорились. Поль поцеловал жену и вышел. Рядом с домом он встретил Рембо.

— В чем дело? — спросил Верлен.

— Я хотел передать тебе письмо.

— Какое письмо?

Рембо ответил, что ему незачем больше оставаться в Париже: все его избегают, это совершенно очевидно. Он собирается в Бельгию, а затем дальше, открывать широкий мир. У него кончилось терпение, он все продумал и решился окончательно и бесповоротно. В письме он прощается с Верленом.

Поль попытался его уговорить, клялся, что не забыл о своих обещаниях, просил еще немного подождать, чтобы улеглись все подозрения.

— Или ты сейчас же едешь со мной, или мы больше никогда не увидимся! — отрезал Рембо.

Верлен решил:

— Едем!

Все утро и весь день Матильда ждала мужа, беспокойство ее возрастало с каждым часом. На следующий день ей стало хуже, и она попросила отца отправиться на поиски Поля. Его не было ни у Антуана Кро, ни у матери, ни у Шарля де Сиври, никто из друзей его не видел. Он не появлялся в конторе. Его не было в Латинском квартале. Оставалось лишь одно: сообщить в полицию и проверить столичные морги.

Глава VIII

РАЗДОЛЬЕ В БЕЛЬГИИ

(8 июля 1872 — 7 сентября 1872 года)

Я воображала, что мы — двое ребяташек, резвящихся на воле в Райском Саду, которому имя — «Печаль».

Артюре Рембо «Одно лето в аду»^[224]

На Северном вокзале беглецы сели на последний вечерний поезд в Аррас и прибыли в пункт назначения на рассвете следующего дня. Разумеется, они могли сразу сделать пересадку и отбыть в Брюссель, но предпочли не спешить. Верлен наверняка запланировал несколько визитов, цель которых очевидна: надо было отблагодарить людей, которые приютили Рембо в феврале и обратиться за материальной помощью к знакомым и родным — друзьям были нужны деньги. «Мы быстренько прошлись по городу, — рассказывает Верлен, — и решили позавтракать в привокзальном буфете, дожидаясь часа, когда проснутся те люди, которые могли бы по-дружески принять нас и которым это не доставило бы особого беспокойства»^[225]. Еще не пробило и 9 часов утра.

Примостившись на скамейке в буфете, Верлен и Рембо болтали. Вдруг Поль толкнул Артюра локтем в бок и указал на путешественника, сидящего рядом. Тот беззастенчиво подслушивал. Это был бедно одетый пожилой крестьянин с глуповатым и мрачным выражением лица; он курил дрянную дешевую сигару и постоянно кашлял. Рембо тихонько хихикнул и начал настоящую бодлеровскую игру, полюбившуюся ему и Бретаню еще в Шарлевиле. Она заключалась в том, чтобы, хвастаясь ужасными преступлениями, заставлять надоедавших вам людей в страхе бежать от вас. С этой минуты Артюре и Поль говорили лишь о недавних налетах, кражах, изнасилованиях и убийствах, которыми бахвалились по очереди, стараясь перещеголять друг друга низостью поступков. Не прошло и десяти минут, как они проводили убегающего грубияна хохотом; но их смешливость улетучилась при виде внезапно появившихся жандармов. Те, не церемонясь, приказали двум путешественникам следовать за ними.

Молодые люди под конвоем двух полицейских в треуголках не могли

не привлекать внимание редких утренних прохожих. Кабинет помощника прокурора по преступникам, взятым с поличным, находился в одном из крыльев здания городского муниципалитета. Именно туда привели Верлена и Рембо для того, чтобы они объяснили свое поведение. В ожидании встречи с судьей Артюр пытался было разжалобить охранников полупритворными слезами — но, увы, стражи закона на своем веку таких уже навидались. Наконец, они были по одному допрошены представителем судебной власти по имени Пети. Он быстро понял, что имеет дело с обыкновенными любителями подурачиться, и ограничился тем, что отчитал их и отпустил на все четыре стороны, даже не взглянув на отметки о месте жительства, что в конечном счете было на руку путешественникам. Те же два жандарма сопровождали их обратно на вокзал. На этот раз они чувствовали себя свободнее и даже не отказались выпить с друзьями по стаканчику, пока те ждали прибытия поезда на Париж.

В столице они лишь перебрались с Северного вокзала на Восточный. Целью путешествия по-прежнему оставалась Бельгия, но спутники хотели доставить себе удовольствие и проехать через Шарлевиль. И вот ранним утром 9 июля 1872 года они постучали в дверь дома папаши Бретаня. Тот был ошеломлен, увидев их. В тот же вечер он проводил их на вокзал, но последний поезд на Живе уже ушел. Для Рембо пройти пешком 18 километров, даже ночью, было сущим пустяком, но Верлен настоял на том, чтобы хозяин нашел им подходящий экипаж с извозчиком. Тогда Бретань разбудил папашу Жана, сдающего повозки напрокат:

— Эй, Жан, друг мой, здесь со мной два святых отца, которые нуждаются в твоих услугах. Вставай-ка и запрягай коня Апокалипсиса!

Он представил извозчику преподобного отца Верлена и семинариста Рембо, которых вынуждала путешествовать в светских костюмах секретная миссия, и проследил за тем, чтобы друзья отправились в путь, как надо; снабдил их гитарой, старыми часами и монетой достоинством в два франка.

Некоторое время спустя г-же Рембо донесли, что ее сына видели недалеко от вокзала в компании Бретаня, и она решительным шагом направилась к последнему за объяснениями. Полученные сведения заставили ее тотчас отправиться в комиссариат полиции: нужно было разыскать Артюра и как можно быстрее вернуть его.

Полиция не отнеслась к этому «заданию» с особым усердием, и это позволило двум беглецам предаться опьянению подлинной свободой.

Каникулы!

Нет больше тестя-надзирателя с его семичасовым ужином, нет мерзкой ревнивой супруги, нет насмешливых недоброжелателей-собратьев по перу, нет ночей, проведенных в страхе быть арестованным на следующий день. Рембо показывал ему настоящую жизнь. Беззаботность и мимолетные желания, перроны и бульвары, чистенькие гостиницы, прогулки под солнцем, внезапные отъезды:

Вокзалы, скверы;
Шоссе бегут...
О, Агасферы,
Как чудно тут!^[226]

Напротив, Шарлеруа, его «жесткие контуры» и его закопченные промышленные пригороды показались друзьям весьма мрачными:

Здесь мрачный квартал.
Здесь глушь, и к тому же
Здесь небо от стужи
Как тусклый кристалл^[227].

В пути Верлен не забывал писать друзьям. Эдмон Лепеллетье наверняка был удивлен, получив написанное в спешке письмо со следующими словами: «Мой дорогой Эдмон! Я головокружительно путешествую. Передавай мне письма через матушку, да и она плохо понимает, куда их переправлять — да, вот до такой степени я „путешествую“! Каждый день отдаю себе новый приказ отправиться на новое место. Присылай мне стихи и просто пиши на адрес ул. Леклюз, 26, — все дойдет до меня — моя матушка лишь весьма отдаленно знает, где я нахожусь... эй! эй!.. По вагонам, господа! Твой П. В.».

Вскоре Поль и Артюр добрались до столицы веселья — именно так тогда называли Брюссель. Они остановились в «Льежском Гранд Отеле», который был знаком Верлену еще со времен его визита к Виктору Гюго в 1867 году. Для начала Поль сел писать записку своей жене: «Моя бедная Матильда, не грусти, не плачь, я вижу страшный сон, и в один прекрасный день я вернусь». Впрочем, он не уточняет, когда наступит этот прекрасный день. Затем он пишет длинное письмо матери.

Версия вышеозначенной записки, приведенная в «Воспоминаниях»

Матильды, является, по всей видимости, лишь укороченным вариантом оригинала: не верится, что Верлен не попытался оправдаться, ведь у него было и «алиби» — страх быть задержанным полицией за политические преступления. Но была и другая причина, настоящая, и в письме матери Поль называет ее: он пришел к выводу, что его женитьба была самой ужасной ошибкой в его жизни, и он уезжал с твердым намерением не возвращаться. В действительности, по получении записки от мужа, Матильда отправилась к свекрови, которую застала в слезах. Она тоже получила письмо от Поля, но отказалась прочитать его невестке. Матильда прекрасно помнила эту сцену, при которой также присутствовала Роза Дез; г-жа Верлен была так потрясена письмом из Брюсселя, что расцарапала себе лицо, как героиня античной трагедии. Матильда ушла от нее озадаченной и обеспокоенной.

А в это время два приятеля беззаботно бродили по улочкам Брюсселя, открывая для себя этот город. Рембо посвятил прекрасные строки широкой и тихой улице — тенистому бульвару Регента:

Бульвар, где ни торговли, ни движенья.
Беззвучный, весь комедия и драма.
Собрание сцен, иных и тех же самых.
Тобою восхищаюсь я в молчанье^[228].

В одной фразе он выразил свое счастье: «Это слишком прекрасно!», и включил ее в стихотворение:

Слишком ясен рассвет! Это слишком прекрасно!
Пел рыбачке Корсар, так что слушать опасно...^[229]

Они встретили нескольких ссыльных коммунаров, в частности Жоржа Кавалье по прозвищу Деревянная трубка, которого Жюль Валлес^[230] в «Повстанце» описал как «Дон Кихота уродов». Это был тот самый студент, который освистывал «Генриетту Марешаль» в 1865 году, а во времена Коммуны стал главным инженером Парижского Управления улиц и проспектов. Именно за это повышение по службе, а также за то, что он, по слухам, выдал федератам^[231] план парижской канализации, 7 сентября 1871 года Третий Версальский Военный совет приговорил его к ссылке в крепость, откуда он сбежал. Рембо был счастлив познакомиться с ним —

еще в «Арденнском прогрессе» он написал юмористическую заметку про его судебный процесс: «Вы видели, как они надели наручники на Деревянную трубку? Мы выиграли матч-реванш, господа Коммунары!»^[232]»

Собрания, которые устраивали Кавалье и еще несколько ссыльных, проводились на бульваре Аншпах. Общими усилиями они издавали небольшие газеты «подрывного толка», такие, как, например, «Бомба» Пото и Вагама. Их союз насчитывал двести пятьдесят человек, среди которых были Жан-Батист Клеман, Журд, Ранк, Гастино, Делиль, де Меенс и другие. Вместе с ними Верлен, которого приняли как брата, вспоминал прошлое — такое близкое и такое далекое, оно все еще пылало в их памяти. Верлен, общаясь с прямыми свидетелями трагедии, чувствуя в своей душе революционный порыв, задумал написать Историю Коммуны — ее истоки, ход, героический финал. В Париже у него были материалы на эту тему, и он не удержался от соблазна написать Матильде с просьбой прислать их ему. Она должна была без труда найти их в незапертом на ключ ящике письменного стола.

Он был далек от мысли о том, какую цепь неприятностей повлечет за собой этот безобидный поступок. Матильда, не переставая, умоляла своего мужа вернуться (позже он упомянул ее письма, полные «уверений в любви» и «бесконечных призывов»^[233]). Таким образом, между ними завязалась переписка. Он, казалось, не спешил возвращаться и просил ее прислать ему теплые зимние вещи.

Конечно же, Матильда решила любым способом узнать, что же так расстроило ее свекровь. И в один прекрасный день мать Поля доверчиво дала ей прочитать недавно полученное письмо сына. Матильде было достаточно прочитать несколько строк, чтобы понять: с ним Рембо! Это он, несчастный, все просчитал и организовал. Страх быть арестованным был лишь предлогом. Поль опять лгал! В письме содержалось указание, смысл которого она не поняла: «Пиши мне всегда письма в двух частях — чтобы первую часть можно было показывать Рембо, а уж вторая пусть касается моей несчастной семейной жизни». Тем не менее общая картина была ясна: он хотел заставить Рембо поверить, что разорвал супружеские и семейные узы, поэтому его другу не следовало знать о жалобах и укорах супруги.

Матильда стойко приняла удар. Она была не из тех, кто сдается так просто, и решила найти средство устранить чертова дружка своего мужа. Ничто еще не было потеряно. Этот отъезд был похож на безумие. Невозможно было поверить в то, чтобы Поль задумал жить вдали от нее, от ребенка, от своих друзей, чтобы он отказался от Поэзии, которая была для

него смыслом жизни. Ясность ума должна была в конце концов возобладать надо всем остальным. Пока не стоило подливать масла в огонь, нужно было явить собой пример спокойствия и терпения.

Она принялась за поиски нужных Полю документов. Материалы о Коммуне были на месте, но рядом с ними Матильда нашла и другие бумаги, на которые не преминула взглянуть. Среди них были письма друзей (Огюста Вакери, Леконта де Лиля, Теодора де Банвиля, Виктора Гюго и других), рукопись «Песни чистой любви», стихотворения Рембо («Гласные», «Искательницы вшей»), а также письма Артюра за август и сентябрь 1871 года, а также и за март и апрель 1872 года... а вот это уже было странно... ведь в то время Поль уверял ее, что навсегда распрощался со своим дружкой, и даже не знал, где он и что с ним. Матильда в ту же минуту поняла, как ловко ее одурачили; усыпляя ее бдительность, Поль втайне готовил возвращение Рембо! Прочитав письма Рембо, полные ненависти и непристойностей, она уверилась в мысли, что тот безумен. О ужас! ее муж во власти душевнобольного!.. Она даже вскрикнула. В эту минуту в комнату вошел г-н Моте и молча вырвал из ее рук связку бумаг. Пока дочь рыдала на кровати, отец закрылся в кабинете, не спеша отложил в сторону письма, которые полезно будет показать адвокату, а «разглагольствования» юного арденнца без малейших угрызений совести изорвал в клочки. По всей видимости, именно таким образом — в мусорной корзине — закончил свое существование конверт с автографом стихотворения Рембо «Охота на духов».

В ту ночь Матильда не смогла заснуть. На следующее утро она отправилась к братьям Кро. Они знали Рембо. Что они думали о нем? Угрожает ли Полю опасность в его присутствии? Доктор Антуан Кро ответил ей, что Артюр определенно не был сумасшедшим, но алкоголь помутил его разум. Он заметил, что часто состояние опьянения выражалось у него в хладнокровных садистских выходках. Например, однажды, когда они сидели вместе в кафе, Кро был вынужден ненадолго отлучиться. Каково же было его удивление, когда по возвращении он увидел, что его пиво подозрительно бурлит. Это Рембо «в шутку» подлил в его кружку серной кислоты! В другой раз, в кафе «Дохлая крыса», с ними был Поль. Рембо попросил их положить руки на стол ладонями вверх: «Сейчас я вам кое-что покажу». Они сделали, как он просил, и тут Рембо вдруг выхватил нож и начал кромсать их запястья, а Полю досталось вдобавок и несколько ударов по ляжкам. Кро припомнил и другие, еще более мрачные «развлечения», от которых Рембо чуть не лопался от хохота. Матильда не пожелала изложить их в «Воспоминаниях».

Все эти откровения подтверждали ее страхи. Этот безумец Рембо был способен на все. Поль рисковал жизнью, находясь рядом с ним, поэтому ее долг был вырвать мужа из когтей этого чудовища. Она не отступит ни перед чем. Поль написал ей, что ему снится кошмар: его срочно нужно разбудить.

Г-н Моте не стал возражать, и в субботу 20 июля 1872 года его жена и дочь отправились в Брюссель, заранее предупредив Верлена о своем визите.

Во время ночного путешествия Матильда строила романтические планы: они с Полем отправятся жить в Новую Каледонию, поселятся по соседству со славной Луизой Мишель. Там ссыльные коммунары в изобилии снабдят Поля материалами для книги, которую он задумал. А маленький Жорж остается на улице Николе, пока его родители не вернуться во Францию после амнистии ^[234].

Тем временем в Брюсселе двое друзей спешно выехали на время из отеля, где Поль забронировал два номера для прибывающих родственниц. В восемь часов утра в воскресенье им сообщили, что «дамы из Парижа» прибыли и отдыхают. Верлен поднялся по лестнице, сердце готово было выпрыгнуть из груди. И случилось чудо:

Я вновь увидел вас. Я дверь открыл украдкой,
И вот — в кровати вы, уставшая в пути,
Но миг — и вы ко мне летите, словно птица,
Нагая, светлая, точь-в-точь стрела любви ^[235].

Слово «нагая» вызвало впоследствии резкие протесты Матильды, но даже если добавить сюда, скажем, пеньюар, картина не изменится; совершенно ясно, как все было — объятия, поцелуи, взаимное возбуждение и далее то, что обычно бывает и что нас не касается.

Увы! удовольствие любви мимолетно. До этой минуты все шло как по маслу, но Матильда не поняла странные слова Поля о необходимости возвращения в Париж, мешавшиеся у него с искренними уверениями в любви. «Я не хочу приводить здесь то, что он мне ответил, — пишет она в „Воспоминаниях“, — его слова были непонятны, особенно для меня. Я поняла смысл только много позже». Второй пункт прошения о раздельном проживании подтверждает это: «Там (в Брюсселе) муж истицы признался ей в самых гнусных поступках, но она не до конца поняла его слова и

составила себе ложное представление об их смысле». Верлен отличался поразительной способностью сочетать ясное с неясным и строить фразу так, что конец противоречил началу. Короче говоря, кое-как, окольными путями он пытался дать жене понять, что не свободен принимать решение ^[236].

Тогда Матильда раскрыла последние козыри: они поедут в Новую Каледонию, где будут жить счастливо, без страхов и упреков. Поезд в Париж отходит около пяти часов: Полю нужно принять решение и встретиться с женой в четыре часа в Ботаническом саду недалеко от вокзала. Они с мамой приготовятся к отъезду и будут ждать его. И хотя Верлен осознавал, что самое трудное еще впереди, он не стал уходить от прямого ответа и пообещал прийти. Матильда расставалась с ним, чувствуя себя победительницей.

Узнав обо всем, Рембо заявил, что в таком случае он тоже вернется в Париж. Поль сразу же понял, что это поставит крест на возможном возобновлении нормальных супружеских отношений. Он уже знал, чем это закончится. Он знал, что слишком слаб, чтобы противостоять искушениям: все начнется заново — абсент в кабаках Латинского квартала, ужасные сцены с г-ном Моте, ссоры с Матильдой. Но Рембо стоял на своем. Он не станет возвращаться к матери, чтобы доставить удовольствие женщине, которая изгнала его из Парижа.

Поль пришел на вокзал мрачный, просто неузнаваемый. Матильда попыталась воодушевить его и развеять его грусть. Он последовал за ней словно против воли — безропотный и покорный.

В вагоне, с жадностью проглотив холодную курицу, он заснул — или сделал вид, что заснул, — до самой пограничной станции в Кьеврене.

«Там», по словам Матильды, «все вышли из поезда; но после прохождения таможни Верлен исчез, и мы не могли его найти. Поезд вот-вот должен был отойти, и мы были вынуждены зайти в вагон без него. В ту самую минуту, когда запирали дверцы, мы наконец увидели его на перроне.

— Скорее идите сюда! — закричала моя мать.

— Нет! Я остаюсь! — прокричал он в ответ, надвинув шляпу на глаза.

Больше я никогда не видела его» ^[237].

Было невозможно понять эту неожиданную развязку, пока г-н Монда не привел одну деталь, которую узнал от Делаэ: в том же поезде ехал и Рембо ^[238]. Можно себе представить, как был изумлен Верлен, увидев его на таможне. Мерзавец! Как он осмелился... Если так, то все объясняется. Воля Рембо оказалась сильнее воли Верлена и его жены вместе взятых. До

этого он лишь испытывал судьбу, теперь он перешел Рубикон.

Для Матильды это был страшный удар. Она вернулась домой в слезах. Все рушилось. Удар был настолько силен, что она серьезно заболела. Через три дня, по ее словам, она осознала, что же на самом деле хотел ей сказать муж. И тогда ей передали записку от Поля, которая ее добила:

«Несчастливая морковная фея, мышьяная принцесса, клоп, которого давно пора раздавить, вы все испортили, вы, быть может, разбили сердце моего друга. Я возвращаюсь к Рембо, если он меня примет после того предательства, которое вы заставили меня совершить»^[239]. Надо полагать, что Верлен — в глубине души раздосадованный, но свободный — писал эту записку в сильном опьянении.

В любом случае для Поля случившееся тоже было большим потрясением. Он отдавал себе отчет в том, что трещина, отделявшая его от семьи, только что на его глазах превратилась в пропасть. Он вызвал к себе мать, как делал всякий раз, когда попадал в серьезные неурядицы. Она утешила его и привезла теплых вещей на зиму. В течение некоторого времени ему снились кошмары: непонятное письмо, пришедшее к нему из Льежа, начинающееся словами «Моя дорогая мамочка» и подписанное «Эмма», вызвало у него панику (хотя наверняка почтальон просто ошибся адресом). В это же время какая-то полная женщина с оспинами на лице пыталась на почте узнать, где он живет, а за несколько дней до нее — еще какой-то незнакомец^[240].

Понятно, что все это заставило его понервничать. И его опасения были отнюдь не беспочвенными. В архиве бельгийской полиции в деле Рембо была найдена следующая записка сотрудника по фамилии Дильмай от 3 августа 1872 года:

«Бюро по делам иностранцев — просьба к начальнику службы писем до востребования сообщить нам адреса г-д Рембо Артюра и Верлена Поля, получающих почту у него в конторе»^[241].

В тот же день, 3 августа, бюро по делам иностранцев направило в тайную полицию два запроса с целью выяснить, не видели ли беглецов в период с 1 июля до даты запроса. «На 3 августа ответ отрицательный», — указано внизу листа.

Верлен, опасавшийся мести со стороны семейства Моте, был бы очень удивлен, если бы узнал, что эти поиски были организованы, как мы увидим далее, по просьбе г-жи Рембо.

В начале августа он, как ему показалось, вновь обрел некоторое спокойствие. Его стихи теперь носят лишь отпечаток неизъяснимой меланхолии:

Осенний день тускнеет.
Мечты мои бессвязны,
И грусть мою лелеет
Напев однообразный... [\[242\]](#)

Деревянные лошадки ярмарки Сен-Жиль, которые «бегают по кругу, но знают, что сена им не достанется», были подобны ему самому — он так же бегает по кругу и знает, что счастья ему не видать.

Он решился написать Матильде несколько писем в непринужденном тоне, сопровождая повествование странными шутками: «Рембо, одетый в велюр, как какой-нибудь Сиври, пользуется в Брюсселе большим успехом и будет счастлив видеть тебя рядом с нами» [\[243\]](#).

Никто не знает, действительно ли Рембо пользовался большим успехом, но он был очень доволен. Песни и стихотворения, написанные им в то время, свидетельствуют о совершенной расслабленности и полной свободе:

О мечты, о дворцы...

Я в секреты Счастья проник,
Неизбежность его постиг.

Пусть виват ему во весь дух
Прогорланит галльский петух!

Что мне мелкие козни дней,
Если чары Счастья сильней?

Если душу и плоть свою
Поневоле им предаю [\[244\]](#).

Но сколько угроз на горизонте! Полиция следовала за ними по пятам,

это подтверждает следующая записка из дела Рембо^[245]:

«Брюссель, 6 августа 1872 года,

Имею честь переслать вам письмо некоего господина^[246] (sic) Рембо из Шарлевиля с просьбой заняться поисками его сына Артюра, покинувшего родительский дом в компании („молодого человека“, зачеркнуто) по имени Верлен, Поль.

Из собранных нами сведений следует, что вышеназванный („молодой человек“, зачеркнуто) Верлен проживает в отеле „Льежская провинция“, улица Брабант, что в Сен-Жосстен-Нооде^[247]. Что же касается г-на Рембо, сведений о его местопребывании в моем ведомстве до сих пор не имеется (зачеркнута фраза: „Местожителство Рембо еще не установлено, тем не менее можно предполагать, что он живет вместе со своим другом“).

Как же причудливы повороты судьбы! Жизнь Верлена, Рембо, Матильды могла бы быть другой, прояви полиция чуть больше проницательности. Беглецов бы схватили в Брюсселе, Рембо в сопровождении жандармов был бы препровожден к матери, Верлен заставил бы простить его безумства, и все вернулось бы на круги своя, если бы какой-то безвестный полицейский не перепутал отели «Льежская провинция» и «Льежский Гранд Отель».

Запахло жареным. Одним прекрасным утром беглецы срочно уехали, не оставив адреса. Они направились в путешествие по бельгийским городам.

В это время в Париже был вновь дан ход делу о раздельном проживании, и Матильда старалась изо всех сил вызвать к себе всеобщее сочувствие. Виктору Гюго и Жюльетте Друэ она показала письмо про «морковную фею», и мэтр записал в своих «Дневниках» за 3 августа 1872 года: «Ужасная история П.В. Несчастливая женщина! Несчастный ребенок! И сам он, как же его жалко!»

Многие друзья Верлена двумя руками подписались бы под этим печальным заключением.

В течение бельгийского вояжа, длившегося около двух недель, Верлен написал лишь горстку стихотворений.

Итак, насладившись всеми прелестями Бельгии, «дочери дозорных башен», в субботу, 7 сентября, друзья оказались в Остенде. Зов открытого моря оказался сильнее их, и они сели на корабль, отправлявшийся в Дувр.

«Светлые луга» и «бесконечные поля» уже достаточно расширили их горизонты, но море, которое и тот и другой видели впервые, сделало эти горизонты поистине безграничными. Огромное море, чистилище, символ бесконечной свободы:

Вот море! От скверны
В нем душу отмой,
В стихии родной,
Чьи недра безмерны,
Ты к ней припади,
Утешит пучина,
Качая, как сына,
Тебя на груди^[248].

Через несколько дней они отметили годовщину своей встречи.

Глава IX

«РЕПЕТИЦИЯ» НЕИЗБЕЖНОГО (8 сентября 1872 — 10 апреля 1873)

Поль Верлен, распятый Мессия Поэзии.

Фредерик-Огюст Казальс

После семи-или восьмичасового путешествия по довольно спокойному морю глубокой ночью друзья высадились в Дувре. На следующий день, в воскресенье, они познакомились со злополучной английской традицией всеобщего воскресного отдыха, которая чуть было не обрекла их на голодную смерть.

Не успели они пробыть в Лондоне и пары дней, как Верлен получил срочную повестку из полиции. Карточка, заполненная им в отеле, гласила: «Родился в Меце, гражданство — французское». Можно было сделать вывод о том, что он подал заявление на получение гражданства. Когда он это сделал? Так как он не смог ответить на этот прямой вопрос ничего определенного, его препроводили в Генеральное консульство Франции, где ему пришлось подписать официальную бумагу, превратившую его во французского гражданина, уроженца Лотарингии — своеобразный титул, которым он будет гордиться всю жизнь.

Брюссель, в сущности, почти не отличался от Парижа. Лондон — совсем другое дело, Лондон — это новизна, необычность. Все тут казалось диковинным, иногда даже забавным. Перо Верлена всласть натешилось, излагая для Лепеллетье колоритные описания «невероятного города». Если стиль и небрежен — а иногда даже свободен, — он исключительно жив: все проходит чередой перед нашими глазами, памятники и «местные жители». Лондон, ползающий на брюхе, словно черный клоп! Маленькие черные домики и большие «готические» и «венецианские» балюстрады. «Четыре или пять сносных кафе (...); все остальное — *рестораны*, где *не подают спиртное*, и кафе, откуда Спиртной Дух также заботливо устранен. „Мы не держим спиртного“, — ответила мне „мэйд“, официантка, когда я сделал свой обычный заказ, „мадмуазель, будьте добры, один абсент ^[249]!“».

Они бродили по городу, мимоходом любясь маленькими чистильщиками обуви, официантами, неграми, женщинами с шиньонами

на головах и в накинутых на плечи алых шалях (красных, словно кровь из носа, по словам Жюля Вал-леса), полисменами, пьяницами, извозчиками (Рембо даже нарисовал одного из них), торговцами, нищими, проститутками и т. д. «В итоге, все это очень неожиданно и в сотню раз более *забавно*, чем разные Италии, Испании и прочие берега Рейна».

Один из первых визитов друзья нанесли художнику Феликсу Регаме в его мастерскую на Ленгам-стрит. Верлен был рад снова увидеть друга, с которым был знаком еще со времен осады^[250] и своей свадьбы. Регаме так описывает Поля: «Он по-своему красив, и несмотря на то, что не слишком хорошо одет, ни в коей мере не выглядит, как человек, гонимый судьбой».

«Мы очень весело проводим время вместе. Но он не один. С ним его немой друг, который изяществом тоже не блещет. Это Рембо»^[251].

Альбом Регаме сначала пополнился двумя десятками карикатур на Коппе, одним изображением Наполеона III работы Верлена, и еще одним — Наполеона IV работы Рембо. Затем последовала полная аллегорий графическая композиция за авторством того же Верлена, изобразившего террасу «Академии Абсента» на улице Сен-Жак. На картине ангельского вида Рембо увенчивал Карию лавровым венком, попутно объясняя жестом маленькой продавщице цветов, стоящей на тротуаре, что этот молодой человек тронулся умом. На заднем плане — олицетворение Парнаса: Катулл Мендес и Леконт де Лиль, с кинжалами в руках, замышляют страшную месть.

Как бы в ответ на новый визит друзей в октябре Регаме набросал их портреты: Верлена — эдакого высоколобого Сократа со склоненной головой, и Рембо в цилиндре, дремлющего на стуле. На другом эскизе была изображена совместная прогулка Артюра и Поля в оборванном платье по одной из лондонских улиц. Рядом полисмен, с подозрением наблюдающий за ними.

Они также снова встретились с Эженом Вермершем, их старинным товарищем — еще бы, они знали его со времен вечеров в Шведском кафе и «Аннетона» — и несколькими другими знакомыми той поры. Как счастлив был Верлен, снова попавший, уже на берегах Темзы, в атмосферу Латинского квартала своей беспечной юности!

Конечно, он жалуется Лепеллетье на неразумность жены, осмелившейся, судя по всему, требовать от него ежегодных алиментов в 1200 франков и брюзжать по поводу его отъезда с Рембо (как будто она сама не покинула семейное гнездышко в начале года!). Но он напрасно старается изобразить глубокую печаль: по нему не скажешь, что он

удручен. Он скорее пожимает плечами, нежели злится: в самом деле, возвращение в «тестий дом» было уже невозможно! Его изгнали, сделали все, чтобы он их покинул, «издевались, оскорбляли, взламывали ящики его письменного стола (фу, как неприлично!), провоцировали его, как могли». Он совершенно не виноват в их де-факто раздельном проживании, которое он вынужден терпеть и о котором сожалеет. Если никто этого не понял, что поделаешь?

— Что же делать, кроме как плюнуть на все это? — такой вопрос он задает Эмилю Блемону 1 октября 1872 года.

Окончив эту тираду, он возвращается к описанию своих впечатлений от Лондона: тут и уличные мужские уборные, и пабы, и бары, и кабаки, и т. д.

К концу сентября Вермерш, незадолго до этого сыгравший свадьбу, уступил им свою комнату в доме 34–35 на Хоуленд-стрит, улице в строгом архитектурном стиле, построенной, как и соседний квартал Фитцрой-сквер, архитектором Адамсом [\[252\]](#) в XVIII веке.

Постоянные отголоски того, что затевалось в Париже, в конце концов нарушили и без того лишь видимое спокойствие Верлена. Тогда Поль решает сыграть на опережение и обращается к Виктору Гюго, которого, как он подозревал — и не беспочвенно, — Матильда одолевала своими жалобами. Верлен пишет ему, что Матильда не имеет права ни на что жаловаться, ибо, по его словам, не он бросил ее, а наоборот (sic)!

А в Париже действительно не теряли времени. Второго октября, когда материалы дела были собраны, г-н Гийо-Сионе подал иск о раздельном проживании супругов и разделе имущества. В преамбуле было указано, что г-жа Верлен намеревалась возбудить судебное дело еще в феврале, а далее следовали одиннадцать пунктов с приложением медицинских свидетельств, не допускавших сомнения в том, что со стороны Поля имело место жестокое обращение с женой и нанесение ей тяжких оскорблений, за каковые действия предусмотрено соответствующее наказание статьей 331 гражданского кодекса.

Чуть позже через комиссариат полиции квартала Клиньянкур Верлен получил от судебного исполнителя, г-на Гимара, повестку в суд, заседание которого должно состояться 16 октября в присутствии председателя суда и будет иметь целью примирение сторон, как это предусмотрено законом. В тот день заочно — ответчик не явился — суд принял постановление, позволяющее Матильде жить у родителей в доме 14 по улице Николе и запрещающее ее мужу «посещать жену в вышеуказанном доме».

Таким образом, судебная машина была запущена. Верлен резко отреагировал на все это, угрожая отправиться в Париж «бить морду» г-ну Гийо-Сионе. Он говорил о новом созыве «суда чести», о том, что оповестит прессу о происходящем, ибо он тоже располагал некоторыми «доказательствами»! «Старый негодяй и его злобная и полная холодной ненависти дочка, — заключал он, — ничего не добьются!»

Полю дали понять: для того чтобы иметь надежду на успех в процессе, ему необходимо в нем участвовать. Тогда он избрал поверенного в лице мэтра Перара, как это зафиксировано в соответствующем документе Дворца юстиции от 12 ноября. Нужно было теперь собирать свое «досье», и он, во-первых, начал сочинять длинную записку о безнравственном поведении жены, понукаемой родителями, о том, что пришлось выстрадать ему, и об их отношениях с Рембо — Верлен писал Лепеллетье (в указанном выше письме), что у него выходит целый «психологический анализ». К сожалению, судьба этого документа неизвестна. Во-вторых, справедливо полагая, что ему объявили войну, Поль предъявил Матильде требование вернуть ему все бумаги и личные вещи, оставленные на улице Николе. В длинном списке среди прочего был рисунок работы его отца с изображением Карлсбургского замка, его собственные портреты, написанные Регаме, Анри Кро и Базилем, фотографии (в частности, фотография Элизы Монкомбль), автограф произведения Рембо в запечатанном конверте под названием «Охота на духов», десяток писем того же Рембо с вложенными в них стихами и стихотворениями в прозе, наконец, большое количество книг, одежды и различных вещей (патронташ, «чехол для штыка и портупея»).

Что касается требуемых женой непомерных алиментов, Верлен поручил матери отправиться на улицу Николе и решить все полюбовно; она согласилась. Произошла бурная сцена между ней и г-ном Моте, так что в результате ей было запрещено появляться в этом доме.

Все же ни эти неприятности, какими бы серьезными они ни были, ни осенние туманы и дожди никоим образом не могли заставить наших двух туристов отказаться от прогулок и экскурсий.

Как и в Брюсселе, они общались с ссыльными коммунарами, собрания которых проходили в одном из клубов на Руперт-стрит. Самыми видными среди них были Жюль Андрие, бывший коллега Верлена по мэрии, по словам Поля, очень степенный человек, Лиссагаре, основатель «Кружка социальных исследований» (в который вступит и Верлен), Камиль Баррер, бывший журналист, Эдуар Вайан Матусевич, бывший генерал в армии федератов, и другие. Все «эти люди в сюртуках», так или иначе

приговоренные к смерти, много суетились, организовывали публичные лекции^[253], разглагольствовали на собраниях и издавали газеты-однодневки, такие, как «Будущее», «Газета Вермерша», «Кто там? Восемнадцатое марта», «Европейская хроника», «Федерация» и т. д. Но Верлен скоро понял, что среди них есть немало осведомителей, поэтому он стал реже посещать собрания — что, как мы увидим, не помешало полиции постоянно следить за ним.

Переписка Верлена и тщательные исследования г-на Ундервуда (опубликованные в его книге «Верлен в Англии») дают возможность проследить за жизнью двух изгнанников с точностью до дня: 5 ноября друзья участвовали в шествиях в честь дня Гая Фокса (участника «Порохового заговора» 1605 года), 9 ноября — наблюдали за церемонией вступления в должность лорд-мэра Лондона, 10-го — посетили Лондонский Тауэр и «трубу» (туннель под Темзой). Их видели повсюду: во французских кафе — особенно в «Провансальском песчаном карьере», на митингах в Гайд-парке, в Музее восковых фигур мадам Тюссо, в доках («доки умопомрачительные, это посильнее Карфагена и Тира вместе взятых, вот как!»), на «Салоне французских художников», где они вновь увидели «Угол стола» Фантен-Латура, в «Альгамбре», где давали «Морковного короля» Оффенбаха, в Опера-Комик, где играли «Выколотый глаз» Эрве, в «Театре Принцессы», где они восторгались «Макбетом».

Возможно, они также посетили выставку в Кенсингтонском парке, где «гвоздем программы» был величественный Альберт-холл — именно его, как мы думаем, Рембо называет «официальным акрополем» в «Городах»^[254]. Эта выставка, о которой Малларме написал репортаж в «Иллюстрасьон» от 20 июля 1872 года, начала работу в мае и закрыла свои двери в октябре^[255].

Но нужно было жить, а значит, нужно было работать. Не в смысле устраиваться на работу — Господь с вами! — а писать стихи, ибо на что-либо другое они были неспособны. Вскоре Верлен предлагает Эмилю Блемону серию статей для журнала «Возрождение», озаглавленных «От Шарлеруа до Лондона», а также отрывки из своего нового сборника «Романсы без слов». Можно говорить о том, что Верлен очень напряженно работал, так как в конце ноября 1872 года сочинение на целых 400 строк было закончено. Верлен рассчитывал, что сборник, отпечатанный в Сохо в типографии «Будущего», выйдет в свет в январе. В книге было тогда четыре части: собственно «Романсы без слов», «Бельгийские пейзажи», «Белые ночи», «Birds in the night»^[256] (название последней части было

позаимствовано у сэра Артура Салливана^[257]). Несколько стихотворений выражают горькое сетование на ту, которую он все так же любил и ненавидел:

У вас, мой друг, терпенья нет нимало,
То решено судьбою неизбежной.
Так юны вы! всегда судьба вливала
Беспечность, горький жребий в возраст нежный^[258]!

— Что-то вроде «Песни чистой любви» наизнанку, — заявил Верлен Эмилю Блемону. В ответ тот предложил ему назвать книгу «Песнь грязной любви», но Рембо убедил его отказаться от этой идеи.

Приходится констатировать довольно парадоксальный факт: эти стихотворения, зачастую очень красивые, выполненные в тонких полутонах, легкие и меланхоличные, родились во мраке, злобе и отчаянии. А все потому, что в глазах Поля были две Матильды: вчерашняя кроткая невеста с ангельской улыбкой и сегодняшней упрямый, решительный и мстительный ребенок. К первой обращена его ностальгическая нежность:

...И сердце вот мое, что бьется лишь для вас,
Не рвите же его лилейными руками...^[259]

Ко второй — оскорбления:

Руками нежными так замахали вы.
Как взбешенный герой,
Бросая резкий крик, чахоточный, увы!
Вы, в ком напевный строй!^[260]

Этим сочинением Верлен желал доказать, что жизнь, на которую его обрекли, ни на йоту не уменьшила его способности и талант. И потом, он покажет этим господам с улицы Николе, что в материальном плане он прозябает меньше, чем они думают. Тем не менее он торопился — и это показал г-н Ундервуд — найти себе место в журналистском сообществе (известно, что он работал в американских журналах) или в сфере образования (известно также, что он давал уроки французского). Он даже

предпринял попытку устроиться в секретариат одного из предприятий по импорту стекла дома Баккара, в Хэттон-гардене, совладельцем которого был его давний друг, г-н Истас. Но черные тучи судебного процесса сгущались, дело повисло над его головой дамокловым мечом. Рембо был, что называется, «вне игры», его имя не фигурировало в заявлении о раздельном проживании, но он боялся, как бы на слушании адвокат Матильды не выдал его и не зачитал его писем. Он опасался, как бы до г-жи Рембо не дошли слухи об истинной роли ее сына в этом деле, состряпанном семейством Моте, ведь им было не до деликатностей. Тогда он отважно решил опередить события и сам сообщил ей об отвратительном процессе, в который его втянули. В ответ она выказала резкое недовольство сыном и потребовала, чтобы он немедленно вернулся домой. Конечно, г-н Верлен совершил благодеяние, приютив Рембо у себя, но ей совсем не понравилось анонимное письмо, в котором ей расписывали его мерзкое поведение в Париже. А теперь в это вмешивалось и Правосудие! Лучшая услуга, которую Артур мог оказать своему другу, — это оставить его, и чем раньше, тем лучше. Так будет положен конец гнусным инсинуациям. Что касается ее самой, то она не потерпит, чтобы какие-то проходимцы марали в грязи ее доброе имя.

Верлен не был полностью убежден в правильности такого решения: не станет ли отъезд его юного друга, напротив, признанием вины? «Лично я думаю, что это означало бы дать им в руки доказательство (кстати, других-то у них и нет!)», пишет он Лепеллетье 23 ноября 1872 года. «Они скажут так: вот, они улепетывают, значит, они виновны!»

Что же, капитуляция? Ни за что!

Итак, чтобы обрести в лице г-жи Рембо союзницу, он детально изложил ей свою версию происходящего и сообщил адрес своей матери, а также адреса Лепеллетье, г-на Истаса, семейства Моте и обоих адвокатов. Пусть она справится, пусть лично проведет расследование. Он думал, что, защищая своего сына, она защитит и его.

Г-жа Рембо не колебалась, ведь дело касалось ее чести. Она отправилась в Париж. Мать Верлена, с которой она встретилась в первую очередь, объяснила ей, что семья Матильды сделала жизнь Поля невыносимой, что он был терпелив, как ангел, но в конце концов уехал, и слава богу. Все остальное — клевета и ложь этих Моте. Справедливость, несомненно, восторжествует, процесс далеко еще не проигран. Затем г-жа Рембо появилась на улице Николе, где довела до сведения г-на Моте и Матильды, что она не собирается вмешиваться в семейный скандал, но требует, чтобы прямые или косвенные нападки на ее сына прекратились.

«Эта дамочка, — рассказывает Матильда в „Воспоминаниях“, — пришла просто-напросто просить меня отказаться от развода по той причине, что это могло навредить ее сынку». Кроме того, выполняя поручение Поля, она выразила желание забрать письма и рукописи Артюра. Он несовершеннолетний, они не имеют права отказать ей. На это г-же Рембо ответили, что никаких рукописей у них нет, а письма находятся там, где и должны быть, — у адвоката. Потом ее вежливо спровадили. В результате г-жа Рембо лишь утвердилась в своем мнении: Артюр должен немедленно вернуться в Шарлевиль. И это приказ.

Верлен, который не хотел брать на себя ко всему прочему еще и обвинение в совращении малолетних, посоветовал Артюру уехать — что тот и сделал — и вызвал к себе мать. Он сообщает Лепеллетье письмом о мучительном решении; кажется, что он смирился: если уж так все сложилось, он попытается построить свою жизнь заново, на другом фундаменте. Он снова обретет спокойствие, «и кто знает? — добавляет он, — может быть, и семью: конечно! Кто запретит мне взять реванш?»

Но у г-жи Верлен обнаружили рожистое воспаление, и она не смогла приехать. Ну так что же! Жребий уже брошен. Раз Рембо уехал, можно начинать новую жизнь. Для начала он рассказал Лепеллетье, что хочет переехать.

В то же самое время, в конце 1872 года, у Верлена появилась кратковременная надежда заполучить печально знаменитые письма Рембо, за которые он бы дорого заплатил. Кто-то сообщил ему, что Матильда передала «компромат» Филиппу Бюрти. Поль потребовал от него срочно вернуть украденные у него личные бумаги, и попросил мать присовокупить к его письму и свое. Бюрти довольно сухо ответил, что у него ничего нет и он никоим образом не желает вмешиваться в это дело. Скорее всего, он был искренен: г-н Моте слишком дорожил этими письмами, чтобы кому-либо отдать их, ведь речь шла о победе в деле его дочери. По-видимому, Матильда прочитала Бюрти, с которым была очень близка, несколько отрывков из писем Рембо в подтверждение недостойного поведения своего мужа, а тот, в свою очередь, пересказал услышанное друзьям, Лепеллетье или Блемону. Те сделали вывод, что у Бюрти оказались оригиналы, и сообщили об этом Верлену, чем очень его взволновали.

Тем временем во Дворце правосудия 3 декабря 1872 года по требованию г-на Перара было принято решение проводить слушания по иску г-жи Верлен к своему супругу в четвертой палате местного суда общей юрисдикции.

Что же произошло затем в Лондоне? 26 декабря Верлен отправил

Лепеллетье радостное письмо, дающее понять, что, хотя отъезд Рембо и огорчил его, сам он ни в коей мере не печалится:

«Вчера было Рождество! А сегодняшнее воскресенье еще веселее, почти такое же чертпоберительное (sic). А утка — the goose — „пальчики оближешь“; все эти дни у островитян я набивал ею свой желудок (*with apple sauce*^[261]!)».

«Мне, правда, довольно скучно: я совсем один. Рембо (ты его не знаешь, его по-настоящему знаю только я) больше нет со мной. Ужасная пустота! Все остальное меня не волнует. А все эти негодяи. Что и требовалось доказать, и что мы еще докажем! Но тсс! Черт!»

И вдруг в последние дни года внезапно появляется подавленность, Верлен впадает в глубокую депрессию. По его собственным словам, он «определенно чувствовал, что подыхает». В панике он отправляет телеграммы матери и жене. Пусть они срочно приедут! Эмилю Блемону, Рембо, Лепеллетье и Форену^[262] он отослал слезные прощальные письма, где говорил, что «умирает от печали, мук, тоски и одиночества».

В этих красивых словах одно лишь позерство, но главное в другом. У него кончились деньги.

Тем временем в Шарлевиле умирал от скуки Рембо. Пруссаки все еще были в городе, последний же представлял собой одни пустые улицы. Не было ни одного человека, с кем можно было бы встретиться, делать тоже было нечего. Уже во второй раз он переживал горечь изгнанничества. Все — мать, Верлен, его жена и ее родители — все сговорились заткнуть ему рот!

Трагическое послание из Лондона было для него лучом в темном царстве. Это была не шутка, он доказал это матери, показав ей похожее послание Эмилю Блемону, которое Верлен поручал ему передать адресату (здесь мы узнаем старые верленовские хитрости). Дверь тюрьмы приоткрылась. Не мог же он оставить своего единственного друга в беде, когда тому грозит опасность. Так как г-жа Рембо отказалась дать сыну денег на дорогу, он тайком обратился к матери Верлена, которая и передала ему через Делаэ пятьдесят франков. Получив их, Артюр сразу исчез, несмотря на материнские угрозы и проклятия.

«Ведомый лишь дружеским чувством, он тотчас же примчался ко мне и пребывает подле меня до настоящего времени, — пишет Верлен Эмилю Блемону 15 января 1873 года. — Его забота, быть может, в какой-то мере поможет продлить мое проклятое существование и сделает его менее тягостным».

На следующий день Лепеллетье получил аналогичное письмо.

В Лондоне Рембо вновь встретил г-жу Верлен (она уже шла на поправку), которую сопровождала какая-то ее кузина (возможно, она пригласила ее не без задней мысли выдать ее за Поля). Словно чудом, Поль тут же ожил, и жизнь вернулась на круги своя. Мать и кузина умоляли его предпринять что-нибудь: не мог же он и далее пребывать в таком состоянии, его здоровье и рассудок наверняка не смогут перебороть психическую неуравновешенность. Он должен принять смелое решение, поехать в Париж, во имя ребенка умолять жену отказаться от иска. Если она согласится, он останется с ней, если откажется — сложится подходящий момент для решения дела по взаимной договоренности, что всех бы устроило. В его положении терять нечего, можно только выиграть. Пусть он подумает: мрачная перспектива судебного процесса больше не будет отравлять ни его жизнь, ни жизнь его семьи и друзей. В результате он окончательно излечится, игра стоит свеч. И момент как раз благоприятный: говорят, что Камиль Баррер недавно видел в Париже Лепеллетье и тот якобы ему сказал, что, по слухам, Матильда вроде бы и не против примирения. Другие шептали ему, что давно уже пора вернуться, намекали, что его жена появляется в свете с каким-то мужчиной. Окончательно его убедили два следующих обстоятельства: во-первых, он сможет на месте собрать вокруг себя своих настоящих друзей (большинство из них, предупрежденные Матильдой, отвернулись от него и больше не писали ему ^[263]), а во-вторых, появится возможность опубликовать в Париже, у Лемерра или еще где-нибудь, свои «Романсы без слов».

Г-жа Верлен и ее кузина вернулись в Париж с поручением передать Лепеллетье письмо, в котором содержалась следующая фраза: «Я намереваюсь в скором времени вернуться в Париж, чтобы самому решить все эти дела». Слишком много посредников оказалось между Полем и его женой. Рембо, которого не слишком интересовала вся эта суета, не высказал никаких возражений по поводу отъезда друга, ибо, хорошо его зная, сомневался, что у него хватит мужества уехать.

В самом деле, много думать вредно. По мере того как Поль размышлял над своими проблемами, он приходил к заключению, что было бы безумной опрометчивостью пересекать Ла Манш: полиция не спускала с него глаз. Как только он ступит на континент, его наверняка схватят и заключат под стражу. Он был уверен, что семейство Моте делало все для того, чтобы он

отправился в тюрьму. Его матери, по всей видимости, нанесли визит судебные следователи министерства внутренних дел, полиция продолжала повсюду следовать за ним, даже в Лондоне. В действительности речь шла о судебных повестках, которые передавались ему комиссариатом полиции квартала Клиньянкур. Ему стали видаться знакомые старые кошмары: кто-то опять донес в полицию о его деятельности во время Коммуны (после смерти Наполеона III, последовавшей 19 января 1873 года, снова началась чистка, жестокая, как никогда прежде).

Тогда он решил выждать время и обратил свое внимание на более насущные нужды, а именно «заработать пару су», как он говорит Эмилю Блемону, или по крайней мере подготовиться зарабатывать их: он не сомневался, что скоро сможет преподавать французский язык и латынь английским «boys^[264]». Нужно было учить язык. Чтобы рассеяться и забыться — а недуг еще не окончательно прошел, — они с Рембо с головой окунулись в «гигантские прогулки» по предместьям и сельской местности, Кью^[265], Вуличу^[266] и т. д. Что же до «Романсов», тем хуже для французов! Они выйдут в свет в Лондоне. Он связался с одним издателем, а затем стал жить так, будто благоприятная для работы обстановка обеспечена ему на долгие годы вперед. 23 марта он ходатайствовал о выдаче ему читательского билета Библиотеки Британского музея, предоставив два поручительства, как того требовали правила. Рембо сделал то же самое 25-го числа.

Но ни в чем не было определенности. В начале апреля положение друзей снова стало шатким. Рембо, которому надоели жалобы и увивания Поля, держал с ним пари: Верлен должен доказать, что он настоящий мужчина. Разве можно быть таким трусом? «Жалкий брат! — напишет он в „Озарениях“. — Какими ужасными ночными бдениями был я ему обязан!^[267]» То, что Рембо называет «сновиденьями, полными идиотской печали»^[268], — это вечный и неразрешимый вопрос, терзавший его друга: как убедить Матильду снова стать его нежной супругой, как добиться того, чтобы снова жить с ней, при этом не теряя свободы, необходимой каждой творческой личности?

Итак, почва уходила из-под ног несчастного Верлена, оказавшегося между двух огней — холодного высокомерия Матильды и саркастического презрения Рембо. Он решает отправиться в Париж, как бы рискованно это ни было. Если у него есть хоть какой-то шанс победить, он не имеет права его упускать. Несколько часов пробродив вокруг вокзала Виктория, он и вправду сел на поезд до Ньюхэйвена^[269]. Но в тот момент, когда он

собирался сесть на корабль в Дьепп, он вдруг услышал — или ему показалось, что он услышал, — беседу двух очень подозрительных господ, обсуждавших на плохом английском судьбу пойманных коммунаров, и поспешно вернулся обратно.

Его опасения были не беспочвенны. В выписке, посланной полицией Лондона в префектуру Парижа 4 апреля 1873 года, так говорится о его отъезде: «Верлен, бывший служащий мэрии до и во время Коммуны, друг Вермерша, Андрие и других, вчера направился в Париж (по семейным делам)^[270]».

Итак, он освободится от Рембо и повторит в Намюре «операцию „Брюссель“», ведь тогда Матильда приехала к нему, хотя он об этом не просил. Он вложил всю душу в адресованное ей письмо, исполненное настойчивости: она наконец должна проявить благоразумие, она должна понять, что решение проблем через суд приведет лишь к несчастью, она должна подумать о малыше Жорже, должна приехать к нему в Намюр, куда он теперь отправляется. Он будет там один. Это его последний шанс, потому что больше он не будет писать. Но это невозможно, она приедет, обязательно приедет.

Прибыв в Дувр 4 апреля (в 9 часов 35 минут, уточняет г-н Ундервуд), он отправился в Остенде на борту «Графини Фландрской».

Стихотворение «Beams^[271]», написанное им во время этого путешествия в честь некоей красавицы, плившей вместе с ним, было неверно понято комментаторами. Поль не думал ни о ком, кроме Матильды. Та юная девушка, чья гордая красота, казалось, увлекала за собой пассажиров, была воплощением Надежды:

Она оглянулась с кроткой улыбкой,
Не веря, что мы не боимся волны,
Но радостью плыть с ней мы были полны, —
Плывет она снова дорогою зыбкой^[272].

Возможно, наш путешественник сообщил Рембо о том, что он делает крюк через Намюр на своем пути в Париж, где остановится у матери, потому что вторая полицейская выписка, присланная в Париж из Лондона, гласит: «Он пустил слух о том, что остановится в Намюре; в настоящее время он преспокойно пребывает у матери».

Ясности было мало, поэтому префект полиции назначил провести

расследование с целью установить истинную цель его путешествия, но 13 мая инспектор Ломбар был вынужден доложить, что попытки что-либо выяснить оказались тщетными.

В Намюре Верлен встретился с каноником Ламбенем и отцами Хавье и Жаном-Батистом Делонями, которые сменяли друг друга на посту кюре в Пализёле. Он поделился с ними своими несчастьями и сообщил о бесповоротном решении вернуться на путь истинный. Святые Отцы, желая как можно меньше вмешиваться в супружеские дела (а он желал бы, чтобы они тоже приняли в нем участие: в его крестовом походе за потерянным счастьем Бог и Церковь были бы ценными союзниками!), пообещали молиться за него и взяли с него обещание просить Бога о помощи, и тот уж ему не откажет. Вооруженный этими напутствиями, он с растущей изо дня в день уверенностью заходил на почту узнать, не пришло ли что-либо до востребования на его имя.

И в один прекрасный день письмо из Парижа пришло.

Это была настоящая катастрофа!

— Ваши сюсюканья, — заявляла его милая супруга, — говорят лишь о том, что вы боитесь проиграть дело в суде. Что касается меня, то я ничего не боюсь, потому что знаю, что проиграть не могу. Прекратите же надоедать мне своими мольбами.

Несчастливого Поля едва не хватил удар, он был буквально убит и держался на ногах лишь благодаря болеутоляющим, которые покупал в соседней аптеке. Чтобы оправиться от случившегося, он направился к тетке Эврар в Жеонвиль.

Глава X

НЕИЗБЕЖНОЕ СВЕРШИЛОСЬ

(10 апреля 1873 — 10 июля 1873)

Ах! поистине все это кончится бедой.

Поль Верлен «Хромой сонет»^[273]

Был ли Рембо в курсе происходящего? Неизвестно. Так или иначе, 9 или 10 апреля он сматывает удочки и отправляется в путь домой, на хутор Рош, что вблизи Аттиньи (департамент Арденны), где его матери принадлежало небольшое хозяйство. Возможно, причиной его отъезда была отчаянная бедность. Его семья (мать, брат Фредерик, сестры Изабель и Витали, соответственно двадцати, пятнадцати и тринадцати лет от роду) находилась в Роше с 5 апреля. Артюр не знал или плохо знал владение, которое, однако, было родовым гнездом семьи.

Он нагрязнул туда из Бельгии в страстную пятницу 11 апреля. Дату мы знаем точно — юная Витали сделала об этом запись в дневнике.

В то же самое время Верлен в отвратительном настроении приезжает в Жеонвиль. Что делать в этом городишке? Лишь переживать свое разочарование. Он просит мать приехать, и 18 апреля она сообщает о своем скором приезде. Бедной больной женщине, страдающей от всего подряд («Вы, наверное, были очень удивлены, узнав, сколько несчастий свалились на нас с Полем; его брак распадается, что может быть хуже»), всего только и нужно, что тюфячок на чердаке^[274].

Все же Поль уступит ей свою большую комнату рядом с кухней. Она появилась приблизительно 24 апреля, не поцеловав Поля при встрече, а внезапно спросив его:

— У тебя по крайней мере деньги есть?

Гуляя в уединении по окрестностям, он начал размышлять. Невероятное коварство жены не могло объясняться одной лишь глупостью. У нее была и другая причина. Что же это? Или кто же? Да, быть может, кто-то уже тайно готовился заменить его в роли супруга. В таком случае все вставало на свои места, и у него появлялась возможность для победной контратаки. Но Лепеллетье, которому Поль поручил тайное расследование, не обнаружил никаких следов безнравственного поведения Матильды. Вот

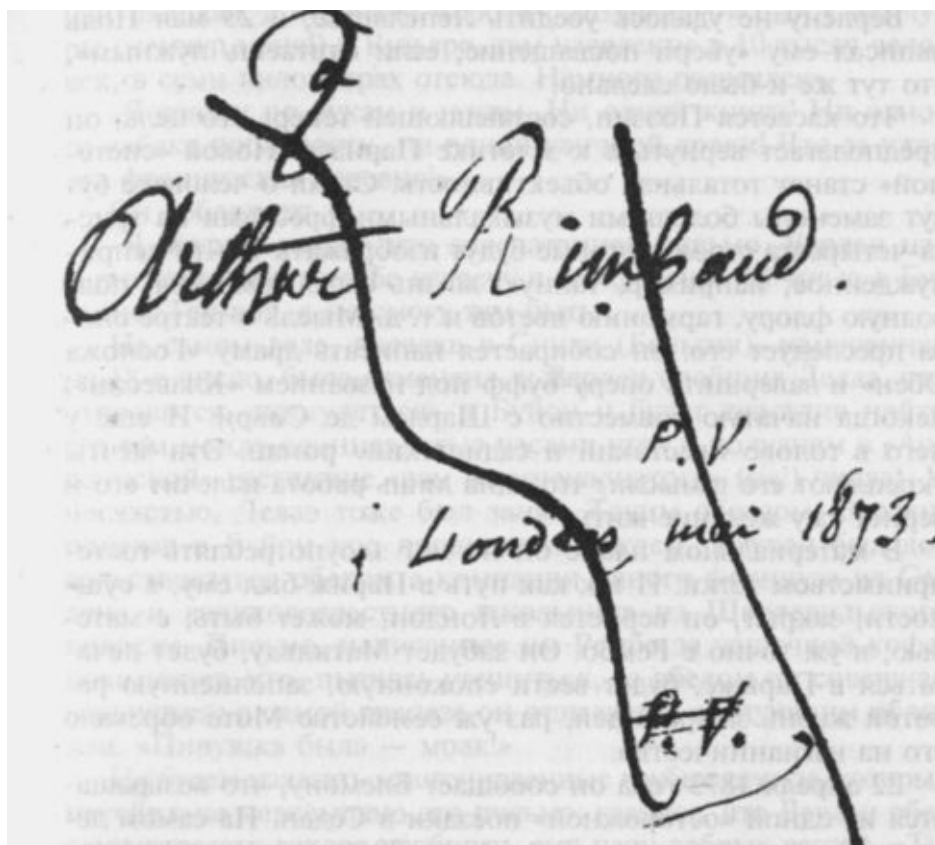
почему Верлен не воспользовался предложениями о помощи, поступавшими от некоего мэтра Бюиссона, адвоката. Черт! Будь все иначе, какое блестящее дело он бы доверил ему! Неверная супруга, терзающая невинного мужа!

Но ведь если она свободна, она должна вернуться!

16 мая он сообщает Лепеллетье о своем последнем — и решающем — письме жене, от которой он «не без наивности» ожидает ответа, в противном случае он будет вынужден действовать, «ведь было бы слишком глупо, — говорит он, — изводить себя и жить в долгом и коварном ожидании чего-то „после дождичка в четверг“».

Это письмо, так же как и множество других, Матильда нераспечатанным бросила в ящик стола, а прочитала лишь много позже.

Разве этого недостаточно, чтобы несчастный все понял? Но нет, он дает Лепеллетье новое задание: он должен увидеться с г-жой Берто, скульптором, у которой он впервые встретил «милого ребенка» и которая, таким образом, в некоторой степени несет ответственность за его женитьбу. Он должен передать ей, а та, в свою очередь, Матильде, что продолжение «такого возмутительного дела, как этот грязный и комичный судебный процесс» было бы ужасным несчастьем. Но Лепеллетье, которому вся эта история начала уже порядком надоедать, по всей вероятности, просто проигнорировал его просьбу.

**Автограф посвящения А. Рембо на сборнике «Романсы без слов»
(впоследствии снято Верленом).**

От постоянных неудач несчастный Верлен в конце концов пал духом. С этого момента он решил пустить судебное дело на самотек. Его адвокат, судя по всему, так и не получил от клиента обещанных «пламенных речей» в свою защиту, о которых мы говорили выше, ибо если бы подобный документ у него был, он не упустил бы возможности подать встречный иск. А встречного иска не было.

Несмотря на «ужасную тоску», Верлен снова думает о «Романсах без слов», рукопись которых — он в шутку называет ее «Гюстав» — он отсылает 19 мая Лепеллетье, чтобы тот передал ее издателю, Лашо или Дантю, или какому-нибудь печатнику, например, Лешевалье, который обязался выпустить вторую серию «Современного Парнаса», а то еще можно использовать типографию газеты «Пепль суверен», в которой работал Лепеллетье. Поль хотел, чтобы сборник вышел до судебного разбирательства, ибо после его начала, — говорил он своему другу, — все будут думать, что он хочет использовать шумиху вокруг процесса как

рекламу книге.

Лепеллетье не понравилось, что сборник Поль посвятил Рембо. Идея показалась ему несвоевременной и неуместной. Но Верлен стоял на своем: эти стихи, говорил он, сочинялись в его присутствии, и он все время побуждал его их писать, и потом, он заслужил это посвящение своей преданностью и привязанностью, которые всегда выказывал по отношению ко нему, «а особенно тогда, когда я чуть не умер».

Верлену не удалось убедить Лепеллетье, и 23 мая Поль написал ему «убери посвящение, если считаешь нужным», что тут же и было сделано.

Что касается Поэзии, составляющей теперь его цель, он предполагает вернуться к эстетике Парнаса. Новой «системой» станет тотальная объективность. Стихи о человеке будут заменены большими музыкальными фресками на триста-четыре строки, которые будут изображать что-то непринужденное, например, тайную жизнь сарая для сена, подводную флору, гармонию цветов и т. д. Мысль о театре снова преследует его: он собирается написать драму «Госпожа Обен» и завершить оперу-буфф под названием «Клавесин», некогда начатую совместно с Шарлем де Сиври. И еще у него в голове «жестокий и садистский» роман. Эти мечты укрепляют его в мысли, что одна лишь работа излечит его и вернет ему желание жить.

В материальном плане он не мог злоупотреблять гостеприимством тетки. И так как путь в Париж был ему, в сущности, закрыт, он вернется в Лондон, может быть, с матерью, и уж точно с Рембо. Он забудет Матильду, будет печататься в Париже, будет вести спокойную, заполненную работой жизнь за границей, раз уж семейство Моте обрекало его на изгнание.

22 апреля 1873 года он сообщает Блемону, что возвращается из одной «осторожной» поездки в Седан. На самом деле за день до этого, в воскресенье, 20 апреля, недалеко от границы он встретился с Рембо, прибывшим из Роша, и Делаэ, приехавшим из Шарлевиля. Совместный завтрак доставил им столько удовольствия, что они решили устраивать такие пирушки каждое воскресенье. Общая трапеза состоялась также 4 и 11 мая. 16-го числа Рембо, не зная, чем себя занять, пришла в голову мысль написать Делаэ^[275]. «Mother^[276], — говорит он, — запихнула меня в унылую дыру». Он рассчитывает выбраться оттуда с помощью денег, которые принесет ему небольшая книжка «ужасных» историй, которую он начал писать. Он назовет ее «Языческой книгой», а может, «Негритянской книгой»^[277]. В ожидании этого будущее видится ему довольно мрачным: «Моя мамаша вернется в Шарлевиль в июне. Это абсолютно точно, и я постараюсь на некоторое время задержаться в этом милом городке». Таким

образом, он заявляет, что планы Верлена, о которых он ничего не знает, в любом случае не совпадают с его собственными. Как и Поля, его одолевает смертная скука. «Жара стоит изнуряющая, а по утрам морозит. Позавчера я был у немчуры (немчур меня!) в Вузьере, там население в 10 тысяч человек, в семи километрах отсюда. Немного развеялся».

«Я связан по рукам и ногам. Ни одной книги! Ни одного кабака поблизости, ни одной уличной драки! Что за ужас эта французская деревня!»

Он добавляет:

«Я вскрыл только что запечатанное письмо. Верлен наверняка предлагал тебе встречу в воскресенье 18 числа в Бульоне. Так вот, я не смогу там быть».

На самом деле, поездка в Синьи (Бельгия), намеченная на 18-е число, была отменена, и Верлен сообщил Делаэ, что отправится «прогуляться» в Буйон и будет счастлив найти его там между одиннадцатью часами утра и полуднем в «Арденнской» гостинице «вам всемненадцатого» (sic!) числа ^[278]. К несчастью, Делаэ тоже был занят. Таким образом, Верлен, приехав в Буйон под проливным дождем, должен был довольствоваться обедом в компании одного француза из Седана и великовозрастного школьника из Шарлевильского коллежа. Письмо, написанное им Рембо за чашечкой кофе, показывает, что, пытаясь утешиться, за обедом он совершал возлияния; о самой трапезе он отзывался следующим образом: «Пирушка была — мрак!»

Не будем излагать многочисленные грубые шутки, которыми обильно пересыпано это письмо; главное, что Верлен обещает адресату вскоре сообщить ему пару добрых вестей. «Ты будешь доволен», — заявляет он дважды. Это значило, что их изгнанничество на материке подходило к концу. Начиная с 23 мая Верлен набрасывает план, которым делится с Лепеллетье. Его этапы таковы: Буйон, Льеж, Антверпен и «Лундун». Восемнадцатичасовое морское путешествие не пугает его. «Я рассчитываю попасть в туманный город за пять дней».

Когда в субботу 24 мая он встретился с Рембо и Делаэ в Буйоне, он сильно опоздал ^[279] и нашел друзей уже в обеденном зале беседующими о натуралистах. «Да это просто Золистика какая-то», — говорил Рембо. По словам Делаэ, Верлен во время обеда предавался воспоминаниям о том, как с ним случился «приступ религиозности» после смерти тетки Луизы в 1869 году.

Во второй половине дня Верлен и Рембо отправились навстречу новой

судьбе, предоставив слегка подвыпившему Делаэ меланхолично вернуться в Седан на деревенском дилижансе^[280].

Побывав в Льеже^[281] и Антверпене, они сели на пароход компании «Грэйт Истерн Рейлвей», который отплыл из Голландии в четыре часа пополудни и прибыл в Харрич на рассвете следующего дня. «Неслыханно красивое путешествие», — написал Верлен Лепеллетье. На борту Рембо написал два стихотворения, примечательные тем, что это были его последние стихотворения и в то же время первые в истории французской поэзии белые стихи. Это «Морской пейзаж», в котором корабль, плывущий среди «гигантских промоин отлива», уподобляется колеснице, которая «прибрежные кусты качает^[282]», и «Движение^[283]», которое пьянит «пассажиров меж смерчами и рокошущими водоворотами»:

Они — покорители мира,
Искатели личной химической выгоды;
...Они дрейфуют по волне гармонического экстаза
И героизма открытий^[284].

Некоторое время спустя после прибытия в столицу Англии они сняли комнату у миссис Александр Смит, в доме 8 по Грейт Колледж-стрит, в квартале Кемден Таун в северо-западной части Лондона, недалеко от деревеньки Хайгет, где жили практически одни художники. «Можно было подумать, что мы попали в Брюссель», — пишет Верлен Эмилю Блемону 30 мая 1873 года. Но на этом было кончено с былыми тревогами. «Я больше никому не буду надоедать своими делами, — добавляет он, — пусть все решит Правосудие». Ставки сделаны, ставок больше нет! Он вернется в Париж лишь тогда, когда закончит дела. Его сознание спокойно в ожидании: он сделал все, что мог, чтобы преодолеть глупость и злость жены. Так что «по местам стоять, с якоря сниматься»!

Он снова усиленно занялся английским, так как друзья могли зарабатывать лишь уроками. Верлен отказался от предложения одного школьного директора, который предлагал ему подписать шестимесячный контракт классного надзирателя с обязательным присутствием в школе каждый день в течение четырех часов. Затем он дал объявления в «Дейли Ньюс», «Эхе», «Дейли Телеграф» и т. д. Г-н Ундервуд нашел два таких объявления:

«Уроки французского, латыни, литературы на французском языке дают два джентльмена из Парижа. Цены умеренные. Верлен, Грейт Колледж, 8, Кемден Таун (в „Эхе“ от 11, 12 и 13 июня 1873 года)».

«Уроки французского на французском — совершенство, изящество — дают два джентльмена из Парижа. Верлен, Грейт Колледж, 8, Кемден Таун (в „Дейли Телеграф“ от 21 июня 1873 года)»^[285].

На объявления откликнулся один-единственный человек. Это было не бог весть что, но трех шиллингов за двухчасовое занятие ежедневно хватало на оплату квартиры и табак.

Свободное время они посвящали чтению и исследованиям в Британском музее, где нашли «все книги, какие только хотели» (тем не менее Рембо отказались выдать сочинения маркиза де Сада). Они также посещали театры, особенно «Театр Принцессы», где играли две французские труппы, и театр «Сент Джеймс», с успехом выступавший в Брюсселе. Репертуар был не слишком разнообразен, но «Сто девственниц» Леккока развлекали их в течение нескольких вечеров.

Рембо переписывает начисто и делает копии своей «Языческой книги»^[286], а Верлен приступает к работе над сборником «Остров», построенном по его новой «системе». Сборник должен был состоять из объемных бесстрастных стихотворений. А также, конечно, он возвращается к своим наброскам романов и драматических произведений. Его свободный дух взволнован, как в лучшие дни его жизни.

В конце июня 1873 года он решил, что выздоровел. 5 июня он пишет Эмилю Блемону, что снова бодр и здоров: «Мерзость моего несчастья и глупость предательства, от которого я, казалось, умирал, на самом деле спасли меня своим излишеством. *Я больше не думаю об этом*».

Внезапно его рана вновь открылась, и душевное равновесие было нарушено. В кругах политических ссыльных, как когда-то в Латинском квартале, начали шептаться о его связи с Рембо, а этого он не мог вынести. Это подливало масла в огонь, зажженный семейством Моте. Как ему защищаться, ему, написавшему Лепеллетье: «Что касается этого грязного обвинения, то я сотру его в порошок», если он был окружен свидетелями обвинения? Он кинулся топить горе в вине, стонать и плакать. Рембо жестко оттолкнул его. Между ними постоянно разыгрывались бурные сцены (Камиль Баррер вспоминал о них еще в 1938 году в своих беседах с г-ном Ундервудом). Иногда Верлен, не имея аргументов, вновь возвращался к старому, доставал из кармана нож, но наталкивался на сильного

соперника. Тогда разыгрывались безжалостные дуэли на немецкий манер: «Нож кромсает рукав рубашки защищающегося, — пишет Делаэ, — и если проливается хоть капля крови, они поспешно бегут мириться за „пинтами горького пива“ или „четвертью пинты бренди“»^[287]. Именно на эти кровавые игры намекает неосторожное выражение, приписываемое Верлену и фигурирующее в рапорте полицейского Ломбара от 1 августа 1873 года: «У нас жестокая страсть!» На самом деле лицом к лицу сталкивались пьяное безумие Верлена, видящего, как он шаг за шагом проигрывает судебный процесс, и холодная ненависть, которую Рембо испытывал к слабости и хныканьям друга: «Жалкий брат! Какими ужасными ночными бдениями был я ему обязан (...) И чуть ли не каждую ночь, едва засыпал я, как бедный мой брат с загнивающим ртом и вырванными глазами — таким воображал он себя! — как бедный мой брат поднимался и тащил меня в зал, горланя о своих сновиденьях, полных идиотской печали»^[288].

В его глазах «жалкий брат», недостойный быть возвращенным к своему «первоначальному состоянию, когда сыном Солнца он был», напрямик шел к своей гибели. Так как ему не хватило смелости вырваться из плена «тиранических приличий», он вновь увяз в «былой дисгармонии». Этот лжеясновидец решительно был всего лишь презренным трусом, и имел такую супругу и такого тестя, каких заслуживал!

Чем больше Верлен страшился потерять жену и семью, тем более «сварливым и злым»^[289] выказывал себя Рембо, и чем более жесток был Рембо, тем больше Верлен сожалел о разлуке с Матильдой. Этот порочный круг можно было разорвать лишь силой.

Небольшой скандал ускорил события. В один прекрасный день Андриэ выставил Рембо за дверь своего дома, вероятно, даже при свидетелях. Это означало, что тайное стало явным, причем для всех. Верлен повсюду наталкивался на высокомерное молчание, на недоброжелательные намеки и иронические усмешки. Полицейская записка от 26 июня 1873 года, переданная в Париж, повторяет известный всем слух: «Отношения странного характера связывают бывшего работника префектуры Сены (работавшего там и во время Коммуны), поэта-однодневку из журнала „Призыв“, г-на Верлена и молодого человека, часто бывающего в Шарлевиле, где живет его семья, и который во время Коммуны участвовал в партизанском движении в Париже — юного Рембо. Семья г-на Верлена так уверена в достоверности этого позорного факта, что основывает на нем один из пунктов заявления о раздельном проживании»^[290].

Для Верлена это было настоящей катастрофой. Он попытался исправить положение, доказывая Камилю Барреру — и еще нескольким друзьям, — что речь идет о недоразумении, о происках врагов, что он совершенно не склонен к такого рода вещам, и т. д.^[291] Но убедившись, что ему никто не верит, он решил действовать, и на этот раз действовать решительно.

Условия задачи за год не поменялись. Он был по-прежнему настроен возобновить нормальную жизнь в браке, и решение было лишь одно: заставить Матильду сделать первый шаг. Тогда он возьмет верх, и судебного процесса не будет.

Так как он не мог поехать во Францию, нужно было любой ценой сделать так, чтобы она приехала в Брюссель. Намюр оттолкнул ее тем, что она не знала этого города, тогда как Брюссель... Разве она не приехала туда, не думая ни минуты, в июле 1872 года? То, что случилось когда-то, можно повторить заново. Черт возьми, это очевидно! Но так как самые нежные и искренние мольбы были тщетны, нужно было нанести решительный удар, предъявить непокорной требование, которое она не сможет отвергнуть, и, не сомневаясь, поставить на карту свою собственную жизнь. Рембо, конечно же, придется устранить. Таким мечтам предавался Верлен, все более укрепляясь в своей решимости. Он будет биться до последнего.

Втайне он начал некоторые приготовления; собрал чемодан, осведомился о днях и часе отправления кораблей в Антверпен, сделал записи в личном блокноте: передать рукописи и белье на хранение мистеру Эдварду Стивенсону (хозяину квартиры Вермерша), одежду — миссис Смит (его собственной квартирной хозяйке) и т. д.

Корабль? Рейс в Антверпен уходил в четверг 3 июля, в полдень.

В тот день утром Поль возвращался с рынка, неся в одной руке селедку, в другой — бутылку масла. Заметив его из окна, Рембо ухмыльнулся:

— Вот Верлен к нам идет дурацкой походкой, в руках у него — масло с селедкой!

Верлен только этого и ждал, и механизм заработал. Он в гневе врывается в комнату, сшибая с ног Рембо, хватая свой чемодан и, заявляя, что он больше не желает терпеть эту проклятую жизнь, выбегает, хлопнув дверью.

Ошеломленный Артюр, думая, что это шутка, спускается за ним по

лестнице с насмешливым видом. Но при виде Поля, широкими шагами направляющегося в сторону лондонского порта, его охватывает беспокойство. Беглец, ни в чем не сомневаясь, достигает доков Сент-Кэтрин и садится на пароход в Антверпен. Изумленный Рембо останавливается, зовет Верлена, отчаянно машет руками. В полдень раздаются вой сирены. Полный решимости Поль даже не оборачивается. Убирают трап. Все кончено.

На борту, когда корабль уже был в море, Верлен, стоя в курительной комнате, попросил письменные принадлежности и спешно написал письмо другу. Вероятно, это тоже было частью плана? Артюр должен знать, что бегство Поля было не прихотью, не приступом дурного настроения, а исполнением тщательно обдуманного решения. В любом случае необходимо расстаться. «Эта бурная жизнь, вся состоящая из беспричинных сцен, не будет более продолжаться, твоя чертова фантазия больше не будет меня донимать».

А вот и ключ к разгадке:

«Если в ближайшие три дня я не буду снова с женой, в наилучших условиях, я застрелюсь. (...) Друг мой, моя последняя мысль будет о тебе, о тебе, с которым я не желаю больше быть, потому что тебе нужно было, чтобы я сдох, **НАКОНЕЦ!** Хочешь, чтобы я тебя поцеловал перед смертью? Твой несчастный П. Верлен».

На следующий день после отъезда Поля Рембо на всякий случай начал писать ему письмо-мольбу, патетический призыв, не зная толком, по какому адресу его отправить. Письмо Верлена вызвало у него жалостливую улыбку. Но нижеследующий постскрипtum вернул ему хорошее настроение. В нем значилось: «Мы в любом случае больше не увидимся. Если моя жена приедет, я сообщу тебе свой адрес и надеюсь, что ты мне напишешь. А пока в течение трех дней, ни более ни менее, пиши в Брюссель до востребования на мое имя».

Тогда он решил продолжить начатое письмо, но уже в другом тоне: «Для начала, в твоём письме ничего позитивного. Твоя жена не приедет или приедет через три месяца, три года. Что касается смерти, то я тебя знаю. Так в ожидании жены и смерти ты будешь беситься, скитаться, всем надоедать».

Он должен подумать, понять, в чем на самом деле заключается его интерес! Он должен прозреть:

«Только со мной ты можешь быть свободен, и потому я обещаю тебе

быть отныне добрым, сожалею о всех моих ошибках, а все мои помыслы отныне чисты, и я люблю тебя; если ты не хочешь возвращаться, я могу приехать у тебе, ты совершаешь преступление и будешь раскаиваться в нем в течение долгих лет, расплачиваясь за свою ошибку утратой какой бы то ни было свободы и несчастьями более страшными, быть может, чем те, что ты уже пережил. Подумай, кем ты был до встречи со мной».

«(...) Конечно, если твоя жена вернется, я не буду компрометировать тебя своими письмами — я просто больше никогда тебе не напишу.

Одним словом: возвращайся» — и т. д.

Если он не получит известий, добавляет он, в понедельник вечером уедет в Париж, где Форен будет передавать ему почту.

Отправимся же вместе с Верленом в Брюссель. Само собой разумеется, по доброй памяти он остановился в «Льежском Гранд Отеле». Именно здесь он начнет свою жизнь заново — или завершит ее.

Все в порядке. Он известил Матильду, что если ее не будет в Брюсселе 7 июля самое позднее в полдень, он пустит себе пулю в лоб. И пусть не вздумает опоздать на поезд — иначе в Брюсселе она найдет труп!

В пятницу 4-го числа он методично выполняет следующий пункт своего плана, уведомляя о своем трагическом решении мать («На всякий случай, прощай — твой любящий сын»), предупреждает г-жу Рембо и подтверждает телеграммой свое письмо Матильде.

На следующий день, в субботу, он случайно встретил на улице юного двадцатилетнего художника Огюста Муро, крестника своей матери. Его отец, комендант Муро, был непосредственным начальником отца Поля в Меце.

— Так вы в самом деле покончите с собой? — скептически спросил юноша.

— Да, я твердо решил это сделать.

— Но ваша история просто безумна! Из-за женщины не кончают жизнь самоубийством!

Он посоветовал Верлену, если ему надоела жизнь, закончить ее на военной службе, сражаясь за благородную идею: пусть он поступит добровольцем в армию дон Карлоса ^[292] и выступит в ее рядах против Испанской Республики. Добровольцы могли записаться туда в посольстве Испании. Верлен не стал ничего обещать, но сам для себя решил, что его друг прав: жизнь не кончают самоубийством из-за такой женщины, как его жена, которая даже в этом случае малодушно и спокойно осталась бы дома.

Хитрость, которую он задумал, была просто смешной. Что касается сражений против Испании, то такая замена была вполне возможной, но он а priori не испытывал по этому поводу особого воодушевления.

Он перечитал письмо Рембо. Он тоже наверняка не ошибался, говоря об ожидающем его рабстве. Итак, провал! Он все забудет и вернется в Лондон, где, была не была, будет вести жалкое существование. Тогда он написал записку своей квартирной хозяйке, миссис Смит, с просьбой позаботиться о его вещах, пока он не вернется.

Покамест же он продолжал игру. В воскресенье 6 июля обо всем был извещен Лепеллетье («Мой милый Эдмон, я умру...»). Он должен что-то сделать, повидать адвоката Верлена и г-на Истаса, убедить их в том, что все, что он делает, он делает из любви, а не из страха перед судом. Он сообщает ему — это, по его мысли, должно было окончательно убедить Лепеллетье, — что его мать с ним и умоляет его отказаться от зловещего плана («Боюсь, ей это не удастся», — добавляет он). Второе письмо было написано в тот же день и адресовано полковнику Матусевичу в Лондон в надежде узнать что-нибудь о Рембо. Он подтверждает, что ждет жену, «НО, — уверяет он, — ОНА НЕ ПРИЕДЕТ!» Он рассчитывает вступить в карлистские войска, находя, что «слишком глупо убивать себя просто так». Пусть он попросит Рембо прислать ему его пожитки и рукописи и рассказать, как у него дела. «Меня это очень интересует (и не надо мерзких шуток!). Видит Бог, сейчас не до шуток!^[293]»

Наступил роковой понедельник. Городские башенные часы пробили полдень. В своем номере в «Льежском Гранд Отеле» Верлен ждал, не питая особых иллюзий, но и не имея под рукой пистолета.

Дверь так и не открылась.

Итак, наступил час принятия исторических решений. Каких именно? Поль не знал.

На почте его ждали два письма — одно от Рембо, второе от его матери. Артюр, прочитав записку Поля, адресованную миссис Смит, в которой говорилось о его скором возвращении, выражал удивление: «Ах, ты хочешь вернуться в Лондон! Ты еще не знаешь, какой тебе окажут прием! Какие лица будут у Андриэ и у всех остальных, когда они снова увидят нас вместе!»

Черт возьми, этот путь был отрезан: как же можно быть таким дураком, чтобы снова лезть на рожон? Рембо доверчиво ждет. Ему пришлось продать вещи, чтобы было на что жить: «В комнате больше ничего нет. Все продано, кроме одного пальто». Белье осталось в

сохранности, а рукописи — это самое главное — в надежном месте, то есть у Вермерша. Таким образом, тут все было в безопасности. Что же касается г-жи Рембо, то она приняла новость всерьез. Письмо, великолепное своим стилем и благородством: «Сударь, я не знаю, какие неприятности у вас случились с Артюром, но я всегда предполагала, что развязка ваших отношений должна быть несчастливой. „Почему?“ — спросите вы у меня. Потому что то, что не позволено и не одобрено честными и порядочными родителями, не несет счастья детям». Далее следует наконец урок нравственности в великолепном патетическом стиле: счастье состоит в исполнении своего долга, как бы это ни было тяжело. Ей самой тоже когда-то пришлось страдать и проливать слезы, но Бог дал ей сердце сильное, полное мужества и энергии. «Никогда не отрекайтесь от веры в Бога: он один утешает и лечит, поверьте мне!»

Хочется вставить это письмо в золотую раму и повесить на стену для всеобщего обозрения!

Его долг по отношению к Матильде был исполнен, и с лихвой — так он думал. Теперь надо было выполнить долг по отношению к Рембо, которым он несправедливо пожертвовал. Тогда он направился на телеграф и написал следующие слова на бланке «Пост Офис Телеграф»:

«Добровольцем Испанию. Приезжай сюда. „Льежский ОТЕЛЬ“. Белье, рукописи если возможно».

Было восемь часов тридцать восемь минут.

Он только что совершил самую страшную ошибку в своей жизни.

В полдень у него было назначено свидание с Муру в посольстве Испании. Там им сообщили, что заявления о поступлении на военную службу от иностранцев не принимаются.

Хотел на поле битвы пасть я.

Но смерти был не нужен я^[294] —

напишет он в «Мудрости».

Ситуация прояснялась методом исключения. Так как Рембо должен был вернуться и так как с ним он не мог жить ни в Париже, ни в Лондоне, нужно было отважиться на разговор об окончательном разрыве. Но, поскольку жена отказалась приехать к нему, и судебный процесс продолжался, ему оставался лишь один выход — опередить события. Он любой ценой увидится с Матильдой и поговорит с ней основательно. Пока не будет покончено с процессом, он не успокоится и не перестанет без

всякой пользы «беситься, скитаться, всем надоедать», как говорил Рембо. Тогда он отправится в Париж, но остановится не у матери, где его может найти полиция, а у г-на Истаса, в доме 12 по улице Лион — там он будет в безопасности. Итак, на обороте конверта письма Рембо он на скорую руку набросал на английском языке черновик сообщения, адресованного миссис Смит: «Мадам, сегодня я собираюсь вернуться в Париж, в дом 12 по улице Лион. Будьте так любезны как можно скорее переслать по этому адресу мою сумку со всеми вещами, которые еще находятся в комнате».

Но он передумал: не будет ли более разумно дожидаться Рембо, который, быть может, сам эти вещи привезет? Вот почему записку миссис Смит он так и не отправил.

Получив телеграмму в шестнадцать минут одиннадцатого, Рембо прибыл в Брюссель поздно вечером. В первую очередь Верлен и его мать перебрались в другой отель на случай, если Матильда передумает. Они сняли две комнаты в отеле «Виль де Куртре», в доме 1 по улице Брассер, на углу Гран-Плас.

На следующий день, в среду, 9 июля, друзья решили разобраться в своем положении. Ибо если во вступлении в карлистскую армию Полю отказали, в Брюсселе ему больше делать нечего. Задача его была ясна: он вернется в Париж, чтобы любыми средствами, при необходимости даже силой, убедить жену снова жить вместе. Он будет безжалостен ко всем, кто посмеет стать у него на пути, будь то даже г-н Моте. Если у него ничего не выйдет, он покончит с собой на глазах у Матильды. Вот тогда-то она все поймет (по крайней мере, если он до этого не убьет ее саму). Изложив это, он попросил Рембо рассказать, какие у него намерения.

— Я же тебе написал, — сказал тот, — я возвращаюсь в Париж, там Гаврош (Форен. — П. П.) снимет мне комнатку.

В Париж! Но это безумие! Все начнется сначала, все снова превратится в ад! Нет. Чаша терпения переполнена. Он мечтает о спокойной жизни, о творчестве: он дорого заплатил и заслужил это.

Он продемонстрировал другу всю невозможность осуществления его плана. Пусть он отправляется, куда захочет, только не в Париж. В прошлом году в Брюсселе его настойчивое преследование все испортило. Но времена уже не те. Пусть он даже не думает начать все заново, иначе пожалеет об этом.

Рембо вновь стал хозяином положения. Он взял реванш. У него не было никакого желания жертвовать своей свободой ради счастья идиотки, которая только и делала, что унижала его. Он смирится с разрывом, потому что когда-нибудь он все равно произошел бы. Но пусть его оставят в покое!

Он сыт по горло этими историями семейки Верлен. Он не собирается возвращаться в Шарлевиль к матери, но и не намеревается никому мешать. Если он выбрал Париж, это касается его, и только его. Он туда поедет, и никто ему этого не запретит.

Верлен, не в силах сломить упрямство этого арденнского барана, осознал ошибку, сделанную им не так давно. Почему он не оставил его в Лондоне? Его великодушие стоило ему дорого: он всегда будет жертвой своих высоких душевных порывов!

Спор возобновился, повышаясь на тон после каждого выпитого бокала спиртного. Ни один не хотел уступать. Верлен распалялся, а Рембо противостоял ему с дьявольским упорством.

— Я сказал, что вернусь в Париж, значит, я вернусь, и точка! Ты меня не напугаешь.

— Ну что ж, поглядим...

В четверг 10 июля Верлен вышел из гостиницы около шести часов утра и отправился гулять в ожидании, пока откроется магазин оружейного мастера Монтиньи в пассаже Сен-Юбер. Поглядим, кто над кем посмеется!

У г-на Леруа, компаньона Монтиньи, он приобрел за двадцать три франка шестизарядный револьвер с кобурой из лакированной кожи и коробку с пятьюдесятью патронами, попросил показать, как пользоваться оружием, и затем, чтобы набраться смелости, отправился пить. В кафе на улице Шартре он зарядил револьвер.

Он вернулся в гостиницу около полудня и продемонстрировал свое приобретение Рембо, который, в свою очередь, поинтересовался, для чего это он купил «игрушку».

— Для вас, — ответил Поль, — для меня, для тебя, для всех!

На этом они решили пойти пропустить по стаканчику.

Рембо попытался успокоить его, объясняя ему, что глупость, если он ее сделает, не вернет ему жену и покой, а наоборот, лишит их навсегда. Но как успокоить этого упрямого, кричащего, что ему надоело все и вся, что он измучился исполнять волю других, что его собственные желания важнее.

Они вернулись в гостиницу около двух часов. Здесь начался еще более горячий и ожесточенный спор. Несколько раз Верлен в состоянии крайнего нервного напряжения спускался вниз промочить горло. Ни один, ни другой не желали слушать мольбы г-жи Верлен, не знавшей, куда деваться. Поезд в Париж отправлялся в три часа сорок минут.

Рембо, полный решимости тотчас же уехать, собрал свои вещи в свертки. Г-жа Верлен предложила Артюру двадцать франков на билет, но

Поль воспротивился. С каждой минутой его охватывало все большее напряжение и безумие.

Пора было ехать. Рембо заявляет, что уедет и без денег. Тогда Верлен запирает дверь на ключ, подпирает ее стулом, садится на него и вытаскивает свой револьвер с криком:

— Раз ты уезжаешь, вот тебе, получай!

Рембо стоит напротив него, прислонившись к стене. Раздаются два выстрела. Первая пуля попадает ему в левое запястье, вторая застревает в стене в тридцати сантиметрах от пола. На шум прибегает г-жа Верлен, суется вокруг раненого, истекающего кровью. Оторопевший Поль, содрогающийся от рыданий, бросается на кровать матери. Пока она бинтует рану платком, он протягивает револьвер Артюру:

— Возьми, разряди его мне в висок.

Рана была не очень серьезной: к счастью, артерия не была задета, но кровь шла очень сильно. Было бы благоразумно обратиться к врачу или аптекарю. Втроем они направились в больницу Св. Иоанна.

Конечно, это был несчастный случай: молодой человек поранился, неосторожно обращаясь с оружием. Ему сделали перевязку и попросили прийти снова на следующее утро. На ночь ему дали успокоительного. Они вернулись в гостиницу, где никто ничего не заметил.

Рембо принял извинения Верлена, пожав плечами:

— Это мне не мешает сесть на вечерний поезд.

Так как спор грозил разгореться с новой силой, г-жа Верлен насильно всучила Артюру двадцать франков, чтобы тот побыстрее уехал.

Чтобы получить прощение, Верлен решительно настоял на том, чтобы проводить Артюра до Южного вокзала. По дороге в его разгоряченном мозгу крутились мрачные мысли: все, что он создал за последнюю неделю, с треском рушилось. Он потерпел полное поражение: присутствие Рембо в Париже означало, что снова будет развязана война, Поль навеки потеряет Матильду и маленького Жоржа и с ними — свое собственное счастье, он утратит смысл жизни. Когда они вышли на Руппскую площадь, было двадцать минут седьмого:

— Нет, рано вы меня похоронили...

Неожиданно Верлен обгоняет Артюра, поворачивается лицом к своей матери, шедшей рядом с Рембо, и, не говоря ни слова, сует руку в карман. Самое невероятное, что до сих пор никто даже не подумал отобрать у него револьвер. Охваченный паникой Артюр отскочил и пустился бежать со всех ног прямо по дороге.

И вот тогда-то полицейский по имени Огюст-Жозеф Мишель,

тридцати восьми лет от роду, стоявший на посту на площади, и увидел несущегося сломя голову молодого человека с завязанной рукой, который показывал на какого-то мужчину постарше. Было видно, что его преследуют.

— Арестуйте его, он хочет меня убить!

Троицу препроводили в комиссариат. Там комиссар Жозеф Деаль сначала отобрал у Верлена револьвер и коробку с сорока семью патронами (это доказывает, что оружие было заряжено). Затем он приступил к первому допросу. Показания Рембо, полученные около восьми часов вечера, отличаются сдержанностью и точностью: «Верлен противился моему отъезду в Париж». Не уточняя причины запрета, он добавил, что не подал бы жалобы на своего друга, если бы тот отпустил его. Г-жа Верлен в слезах объяснила, что там, в гостинице, ее сын выстрелил в друга в пылу ссоры, в состоянии аффекта. Верлен же начал с того, что его жена ведет в суде дело о раздельном проживании по причине того, что их с Рембо связывают «аморальные отношения», но это утверждение ложно. Так как его друг хотел уехать от него, он поддался «минутному безумию». Комиссар сразу увидел противоречивость этих неуклюжих показаний; поступок, продиктованный страстью, подтверждал обоснованность обвинений супруги Верлена. Очевидно, имела место сцена разрыва влюбленных: не будешь же стрелять в товарища, который хочет от тебя уехать.

Комиссар составил рапорт, а затем передал «вышеозначенного Верлена, Поля, в распоряжение г-на королевского прокурора, по обвинению в ранении, нанесенном с помощью огнестрельного оружия г-ну Рембо, Артюру».

Потом Рембо и г-же Верлен разрешили уйти при условии, что они останутся в пределах досягаемости для правоохранительных органов.

Вечером Муро пришел навестить крестную в отеле «Виль де Куртре» и узнал от Рембо о трагическом происшествии: несчастная мать рыдала и не могла говорить.

На следующее утро Верплетц, владелец гостиницы, увидев Артюра с перевязанной рукой, поинтересовался, что с ним случилось.

— Мой друг ранил меня из револьвера, — ответил тот.

В ту минуту спустилась г-жа Верлен и, оставив управляющего в полном изумлении, вместе с Рембо отправилась в больницу Св. Иоанна, куда его и госпитализировали (палата номер 11, койка номер 19).

Затем в сопровождении Муро она вернулась в гостиницу, оплатила счет и уехала в другое место.

Глава XI

В ТЮРЬМЕ

(10 июля 1873 — 16 января 1875)

Бельгийцы арестовали его и заботливо поместили в кирпичную тюрьму.

Поль Клодель «Листья Святых»

Когда г-жа Верлен и Рембо уехали, подследственного перевели в соседнее полицейское отделение, за ратушей, в «Амиго»^[295] — так со времен испанской оккупации его называли местные жители. Поскольку у Поля были деньги, ему официально разрешили находиться в так называемой «пистоли»^[296], что позволяло ему заказывать еду за стенами тюрьмы. Он немедленно потребовал себе бутылку пива, хлеба и сыра.

Камеру, рассчитанную на двоих, едва ли можно было бы назвать чистой и прибранной. Из окна под потолком сочился тусклый свет. Вскоре туда же посадили какого-то пьяницу, «неплохо одетого», замечает Верлен, который надоедал Полю всю ночь. Его бессвязная речь и постоянная отрывка смешивались со звуками песен, доносившихся с улицы: был праздник, и группки молодых людей орали во все горло про «Дочку г-жи Анго» и другие модные куплеты. Эхо этих криков и песен, звуки петард слышатся в стихотворении «Калейдоскоп» из сборника «Давно и недавно».

Будучи в лихорадочном возбуждении и чувствуя себя явно не в своей тарелке, Поль никак не мог поверить в происходящее: все это просто шутка, его хотят попугать. Завтра он выйдет на свободу, приедет мать, и они вместе вернутся в Париж.

Около семи часов утра — это было уже в пятницу, 11 июля — заскрипел засов. Неужели свободен? Увы! это был всего лишь сигнал к завтраку, накрытому в мощеном внутреннем двореке тюрьмы и состоявшему из кофе с молоком и маленьких брюссельских хлебцев, так называемых «пистолетов».

Подавленный и удрученный, Поль вернулся в камеру, где пьяница наконец заснул, и попросил бумаги и чернил, чтобы написать Виктору Гюго. Он просил мэтра встретиться с Матильдой и рассказать ей о случившемся, а также в качестве третьего лица немедленно обратиться в

полицию.

— Когда меня выпустят? — спрашивал он каждого проходившего мимо охранника.

— Скоро, с минуты на минуту. Вот увидишь.

Обед был съеден безо всякого аппетита. Потом открылась дверь: его действительно выпустили из камеры, но лишь для того, чтобы посадить в бронированную тюремную карету, выкрашенную черно-желтой краской. «Воронок» пересек город, пересчитал все ухабы и рытвины предместья и остановился у здания «Гражданской и военной тюрьмы». Так называлась тюрьма Пти-Карм, располагавшаяся в бывшем монастыре, «настоящий каменный мешок с длинными коридорами, темными, несмотря на штукатурку, стенами, чудовищными засовами и тому подобным»^[297], — напишет позднее Поль.

К нему подошел офицер в мундире с серебряными бляхами, со шпагой на боку и — о ужас! — надел на него наручники и толкнул вперед. Миновав канцелярию суда, несчастный Поль, который все меньше и меньше понимал происходящее, был освобожден от наручников. Дальше его повел жандарм, который протянул Полю лист бумаги, предварительно что-то на нем написав. Тот с изумлением прочел: «Пакушенее на убиства» (sic).

Пройдя по мрачным тюремным коридорам, Поль оказался в камере предварительного заключения, «робкий, в каком-то полупьяном остолбенении»^[298].

На огромном мощеном дворе заключенные — бельгийцы, немцы, французы, итальянцы — отработывали дневную норму. Появление Поля было встречено смешками и зубоскальством. Унтер-офицер с каким-то звериным выражением на лице схватил его и повел к группе людей, которые чистили картошку.

— Aan't wer!^[299] — прокричал он.

Полю дали нож.

После часа, проведенного за этим новым для него занятием, он познакомился с местной столовой, в которой ему причиталась оловянная миска вареной ячменной похлебки, а в качестве аперитива молитва.

Через два дня, ближе к вечеру, Поля вызвали на допрос к следователю Теодору Церстевенсу. Этому маленькому чиновнику с лорнетом, во всем соблюдавшему неукоснительную точность, дело казалось довольно темным. Два француза жили в Лондоне. Тот, который постарше, Верлен, был женат, и его жена, по его собственному признанию, обвиняла его в

аморальных отношениях со вторым, что помоложе, по имени Рембо. Верлен уезжает от своего дружка в Брюссель, намереваясь помириться с женой, которая ведет процесс о раздельном проживании. До этого момента все ясно. Но затем происходит нечто совершенно необъяснимое. Верлен вызывает из Лондона Рембо и дважды стреляет в него из револьвера по той причине, что последний изъявил желание его покинуть.

Факт аморальных отношений Верлен яростно отрицает, заявляя, что был пьян и не мог разумно управлять своими желаниями и поступками. В таком же состоянии, по его мнению, был и Рембо. Все это явно полная чушь: оба нормальные разумные люди, с образованием, ведь в Лондоне они зарабатывали на хлеб уроками французского.

Следователь не смог ничего больше добиться от обвиняемого и подписал приказ о его переводе в отделение для задержанных. Дальнейшее расследование, думал он, покажет, что и как. Но показания Рембо, полученные на вторые сутки после допроса Верлена, не принесли ничего нового. Рембо только подтвердил, что Верлен, обуреваемый какими-то противоречивыми идеями, был в тот момент в сильнейшем нервном возбуждении.

После допроса Верлена в тот же вечер перевели в другую камеру. Его новое пристанище не отличалось роскошью — гамак, стол, табурет. В углу стояли лохань и ведро. Камеру разрешалось покидать только один раз в день, для прогулки во внутреннем дворе тюрьмы, украшенном клумбой с цветами. Там заключенные могли курить, но любые разговоры были запрещены. После нарядов на чистку уборной это казалось настоящим подарком.

Событием воскресенья 13 июля была месса — без проповеди и песнопений, — которую отслужили в довольно скверной часовенке.

Во вторник, 15 июля, Поль был подвергнут унижительному медицинскому осмотру, который проводили два судебно-медицинских эксперта, доктора Семаль и Флеменикс. Целью осмотра было обнаружение возможных следов гомосексуальных наклонностей. Их заключение, датированное 18 июля, дает положительный ответ на этот вопрос, по крайней мере, в части того, что касается недавнего времени. Как будто положительный... Но оставим это.

В течение последующих дней несчастный Поль принимается писать на жирной бумаге, найденной в столовой, при свете спички, смоченной в кофе; пишет много и очень быстро — это единственный способ отключиться от окружающего. Собственная драма занимает все его мысли. Вот он и пережил собственное «лето в аду», встретился с дьяволом, то есть

с Рембо — мятежником, упрямым, гордецом. В стихотворении «Crimes amoris»^[300] он изображает Артюра прелестным юным ангелом, который, превратившись в сатану, кричит, потрясая факелом: «О! Я буду тем, кто сотворит бога!»^[301]

Но огонь Господа уничтожает его, а его логово — дворец из шелков и золота — отныне лежит в руинах в пустынном туманном краю. «Инфернальный супруг» исчез, а «неразумная дева» скитается в ночи, объятая страхом, бормочет молитвы и к «милосердию небесному»^[302] зывает.

В стихотворении «Благословение», написанном в манере Барбе д'Оревильи (этакие страсти-мордасти), Верлен описывает графиню, которую посадили в тюрьму за то, что она ради любовника убила законного супруга. Около нее лежит голова ее мужа, Анри, которая советует ей наложить на себя руки, чтобы встретиться с ним в аду. Она с отвращением отбрасывает ужасную голову, протягивающую к ней губы для поцелуя, и падает замертво. Душа ее возносится на небо, в то время как голова стонет и плачет свинцовыми слезами. Подобно графине, Верлен умеет оказать сопротивление призыву Рембо — проклятого поэта, который хотел бы увлечь его душу за собой, на вечное проклятие. Он, этот Рембо, в аду, где подвергается наказанию вместе с Дон Жуаном. В стихотворении «Одураченный Дон Жуан» уставший дьявол уступает место сладострастнику, который принимается проповедовать величие плоти:

Священна плоть! Ей поклоняться надо,
То наша мать и дочь, уверьтесь, чада,
Земных садов прекраснейший цветок,
И горе тем, кто ею пренебрег!^[303]

Богу все это вскоре надоедает, и он метает в вероотступника молнию. Тот пытается сопротивляться огню, хочет даже поднять мятеж среди грешников, но внезапно превращается в ледяную статую (идею превращения чего бы то ни было в лед посреди адского пекла надо считать настоящей находкой).

Наконец, в стихотворении «И нет раскаянья в конце» поэт выводит образ Матильды. Юная Озина, став в 16 лет женой старого маркиза, изменяет ему, несмотря на предостережения со стороны Христа, который является ей сначала в комнате, а потом в саду, в кусте роз. В конце концов

она умирает на руках у маркиза, своего мужа, у которого она в бреду просит прощения. Слишком поздно! Мораль: не ждите смертного овра, чтобы раскаяться. Как сказано у св. Матфея: «Имеющий уши да услышит!»

Все эти стихотворения о падшем ангеле в художественном отношении довольно посредственны, исключая, пожалуй, «Crimes amoris», интересное по форме. Верлен любил побаловаться мрачными фантазиями, но до Эдгара По ему явно было далеко.

18 июля — новый допрос у следователя. Закончится наконец когда-нибудь весь этот отвратительный фарс? На сей раз у следователя Церстевенса была полная информация. Показания Муру, полученные за два дня до того, открыли ему все, что с самого начала пытались от него скрыть: как Верлен бросил супругу, чтобы последовать за Рембо, почему он хотел возобновить отношения с женой, почему, намереваясь вступить в ряды карлистов, он вызвал к себе из Лондона Рембо, почему, наконец, после всех своих неудач на личном фронте он не желал видеть Рембо, представлявшего собой постоянное препятствие для желанного супружеского примирения, в Париже. Все это звучало довольно логично. От Верлена следователю нужно было подтверждение показаний Муру только в одном пункте: он не понимал мотива яростного сопротивления Верлена отъезду Рембо в Париж. «Вас интересует мотив? Да не было никакого мотива, — бормотал подследственный. — В моих мыслях не было никакой связи и полностью отсутствовала какая-либо логика».

Эти бездоказательные протесты не возымели на следователя ровным счетом никакого влияния: образованный человек может иногда впадать в бессознательное состояние, но пребывать в бреду в течение недели — это уж слишком! Алкоголь мог приблизить и ускорить нервный криз, но вызвать его он не мог.

— Ну хорошо! — сказал следователь (такие слова вполне можно себе представить, хотя в официальном протоколе допроса их нет), — я сам скажу вам, почему вы не хотели, чтобы Рембо вернулся в Париж: вы просто не были уверены в себе.

Через 6 дней, 24 июля, Верлену сообщили, что его ждет директор тюрьмы, г-н де По. Ну что еще могло там стрястись?

— Присаживайтесь, пожалуйста, господин Верлен, — любезно проговорил директор. Это был человек очень маленького роста, так что казалось, что весь он состоит из огромных усов и бакенбард, посеребренных сединой. — Ваша мать обратилась с прошением к королевскому прокурору, чтобы вас перевели на содержание в пистоли. К тому же вот письмо не кого-нибудь, а самого г-на Виктора Гюго,

адресованное вам: «Мой дорогой поэт. Я встречу с вашей очаровательной супругой и попытаюсь склонить ее на вашу сторону во имя вашего маленького сына. Не падайте духом и возвращайтесь на путь истинный»^[304]. В сложившихся обстоятельствах я предоставлю вам пистоль. Но позвольте выразить вам свое удивление — как могли вы, друг столь знаменитого человека, оказаться у нас?

Уже в третий раз Поля переводили в другой тюремный блок. В его камере («Пистоль № 19») стояли стул, стол и довольно сносная кровать. Ежедневные прогулки, ограниченные по времени, были строго индивидуальными, так что заключенные не могли общаться друг с другом. К счастью, к нему приходили неизменно ободряющие письма от матери, утешало и сознание того, что о нем заботятся, подают ходатайства и прошения, что г-н Истас, специально приехавший в Брюссель, очень надеется на положительный исход дела. Но как же медленно идет время!

Когда Полю надоедало смотреть сквозь прутья решетки на часового, коротавшего время дозора, ходя взад-вперед, пусть одетого в темно-зеленую униформу и шапочку с петушиными перьями, но тем не менее по-настоящему свободного, он развлекался тем, что пытался попасть в замочную скважину шариками из папье-маше и радовался, как ребенок, когда это выходило; или перестукивался по установленному коду («а» — один удар, «б» — два и т. д.) с обитателем соседней камеры, нотариусом, сидевшим за подлог.

Ответное письмо. Виктору Гюго стало поводом для искреннего самоанализа и самоуглубления:

«Одно мгновение безумия — виной тому долгие внутренние терзания, — и я свернул с того счастливого и спокойного пути, на который я, казалось, вновь ступил после многих месяцев чудовищной тоски и страха».

Он решительно против усилий, направленных на возвращение его «на путь истинный», но означает это только то, что со стороны той, которую Гюго называет «его будущим», он не видит ничего, кроме равнодушия и ненависти.

Погружаясь все глубже и глубже в свои иллюзии, Поль убедил себя в том, что суд признает, что во время трагического инцидента он был в совершенно невменяемом состоянии, и это будет для него смягчающим обстоятельством, а время содержания его под стражей до суда покроет срок наказания. В конечном счете ему не могли дать больше двух недель, ну месяца в крайнем случае.

В ожидании близкого освобождения он излагает в стихах свой

«крестный путь»:

С постели убогой
Следишь за звездой
В ночи ледяной,
А в сердце тревога,
И в мыслях разлад:
Мечтой ли свободной,
Тоской ли бесплодной
Твой разум объят.
Не знающий меры.
И сердце без веры!^[305]

Квадрат голубого неба, ветки деревьев, чуть поодаль крыши домов под кровельным сланцем и черепицей — все эти картины свободной жизни, предстающие перед глазами, заставляют его оплакивать свою загубленную молодость:

Над кровлей небо лишь одно^[306]...

И рядом никого, пустота...

Мышь... покатила мышь...
В пыльном поле точкою чернильной...
Мышь... покатила мышь...
По полям чернильным точкой пыльной.
Звон... или чудится звон...
Узникам моли покойной ночи.
Звон... или чудится звон...
А бессонным ночи покороче^[307].

Ни волнений, ни протеста. Как и директор тюрьмы, он удивлен тем, что оказался здесь. Строки о Каспаре Гаузере^[308], невинном и искреннем молодом немце, который страдает потерей памяти и безжалостно отвергнут всеми — это о нем самом, о Верлене.

Что в мире сделал я, увы?
Я поздно родился? иль рано?
Молитесь, люди (в сердце рана!),
За бедного Каспара вы^[309].

Наконец настало 8 августа, день суда. В сопровождении тюремщиков его доставили в зал заседаний, который производил довольно мерзкое впечатление своей теснотой и облупившимися стенами — это была Шестая палата исправительного суда, находившаяся в здании Дворца правосудия, пошлом и претенциозном сооружении, архитектурно это было плохое подражание греческим храмам. За длинным столом уже сидели председатель суда Другман, судебные заседатели, Коппен и де Прель, и заместитель королевского прокурора Стинглхамбер; усы, закрученные наверх, добавляли облику прокурора пущей агрессивности.

Следователь зачитал свой доклад, затем ввели свидетелей: владельца гостиницы Верплетца и художника Мура. Г-жа Верлен и Рембо не присутствовали только потому, что повестка в суд пришла на старый адрес и не застала их^[310].

Заместитель прокурора объявил, по какой статье проходит дело — против этого чужеземца с сомнительными нравами. да еще и симпатизировавшего Коммуне, он требовал применения статьи 399 Уголовного кодекса, причем со всей возможной строгостью. В статье говорилось о том, что за намеренное нанесение телесных повреждений полагается наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет и штрафа в размере от ста до трехсот франков. Преднамеренность преступления доказывалась на основании того факта, что обвиняемый заранее приобрел револьвер, очевидно, собираясь ранить или убить кого-либо. Следовательно, он заслуживает максимальной меры наказания — трех лет.

Мэтр Нелис из брюссельской коллегии адвокатов сослался на смягчающие обстоятельства: покупка оружия — всего лишь мера устрашения и совсем не обязательно предполагает убийство. Впрочем, вся история в целом не выдерживает никакой критики. О чем, собственно говоря, идет речь? О простой ссоре между друзьями, разгоряченными алкоголем.

Приговор суда: два года тюрьмы и двести франков штрафа.

Говоря объективно, решение суда было вполне нормальным. Едва

живой от ужаса, Верлен заранее приготовился к гораздо худшему исходу.

На суде, несмотря на крайне подавленное состояние, он еще мог сохранять хладнокровие, но выйдя в коридор, не сумел сдержать душивших его рыданий. Один из тюремщиков похлопал его по плечу:

— Не так уж и плохо для начала, а там еще и апелляцию можно подать.

Он и в самом деле подал апелляцию. Заместитель прокурора, со своей стороны, подал контрапелляцию, полагая, что преступление заслуживает самого высокого наказания, предусмотренного статьей.

Вернувшись в камеру с пронзительной болью в сердце, несчастный Поль доверяет бумаге свою скорбь ^[311]:

Я в черные дни
Не жду пробужденья.
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Спускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла, —
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я — зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!^[312]

27 августа брюссельский апелляционный суд подтвердил приговор суда первой инстанции. Зал, где слушалось дело, по словам Верлена, напоминал столовую в деревенской гостинице. На заседании председательствовал г-н Гельвеет. Суд не мог сократить срок наказания, так как за это время к делу добавился еще один документ, отягчающий положение обвиняемого, — ответ префекта парижской полиции, датированный 21 августа 1873 года, на запрос, сделанный 22 июля того же года. Префект решительно настаивает на участии Верлена в Коммуне, обращает внимание на его связь с «небезызвестным Рембо», напоминает о том, что он бросил супругу и подчеркивает свойственную подследственному нетерпимость, которая и способствовала ослаблению его

умственных способностей.

Из любопытства приведем здесь отрывок из рапорта полицейского Ломбара от 1 августа 1873 года, на котором основывается в своих обвинениях префект: «Супруги ладили довольно неплохо, несмотря на капризы Верлена, который был уже давно не в себе, когда на беду в Париж приехал мальчишка пятнадцати-шестнадцати лет, родом из Шарлевиля. Он хотел показать свои произведения парнасцам. Этот Рембо чудовищно талантлив и чудовищно безнравствен одновременно. Строй его стиха совершенен, однако его произведения абсолютно непонятны и отвратительны. Верлен влюбился в Рембо, и они уехали вместе в Бельгию наслаждаться душевным покоем и всем, что из этого вытекает. Верлен бросил жену с беспрецедентной легкостью, хотя она, как говорят, очень любезна и хорошо воспитана»^[313].

Тяжелая дверь камеры захлопнулась за ним. Больше семисот дней одиночества и позора — вот чем обернулось для него опасное знакомство с волшебником, который хотел сделать из него «сына Солнца»!

По правде говоря, он и не рассчитывал на успех апелляции, и, вполне возможно, был рад хотя бы тому, что срок не был увеличен. В его письме к Лепеллетье, написанном в конце августа, уже после суда, нет никаких следов нового приступа отчаяния. Наоборот, все ему теперь видится в ясном свете. В тюрьму его привело глупое упрямство Матильды, причем виновата в нем не она, а ее родители.

«Я бы все ей простил, — пишет он, — и сделал бы ее жизнь счастливой, если бы она открыла наконец глаза и поняла всю чудовищность своего поведения по отношению ко мне и к моей матери». Он искренен в этом письме: это его бросили, это его наказали, а виновата во всем она и папаша Моте вместе с ней. В ожидании ее раскаяния Полю доставляет удовольствие мысль о том, чтобы в обмен на ту розу, что он некогда получил от нее в залог любви, послать ей другую, печально темного, как его сердце, цвета, «почти цветок вдов», — мысль, родившаяся во время прогулок по двору тюрьмы.

Ну что ж, жребий брошен. Верлен понимает, что теперь он будет отрезан от мира, здесь или в другой тюрьме, неважно — известно, что вскоре его переведут из Брюсселя в Моне^[314], где он будет отбывать срок в камере-одиночке, что позволит значительно сократить срок лишения свободы.

Но если судьи отняли у него свободу, они тем не менее дали ему время

для работы, и это время он собирается использовать. Что ж, нет худа без добра — это происшествие позволило ему упрочить свое положение в литературе и сделало его в результате испытаний более известным как поэта и более сильным как человека.

Итак, во-первых, нужно выпустить в свет то, что уже готово — опубликовать «Романсы без слов». Однако неудачи преследуют его одна за другой. После падения правительства Тьера в мае 1873 года журнал Лепеллетье, «Пёпль суверен», был временно запрещен из-за статьи Эдуарда Локруа, которая была плохо принята в правящих кругах. Журнал тем не менее продолжал выходить, но полуподпольно и под другим названием, «Всеобщие выборы», так не мог бы в таком случае Лепеллетье напечатать сборник в типографии журнала, которую перевели в Санс?^[315] На всякий случай Верлен отправляет ему в июле список журналов, по которым нужно разослать книгу для рецензий. Пусть Лепеллетье честно ответит, можно ли на него рассчитывать. Если нет, пусть вернет рукопись.

Во-вторых, надо начинать новый сборник. Название напрашивается само собой: «В камере»^[316]. Его содержание составляют большие произведения на тему ада и дьявольщины, фантазии, воспоминания, тюремные впечатления.

Кроме того, по возвращении из тюрьмы надо будет где-то работать, а поскольку он собирается вернуться в Лондон, приходится «отчаянно зубрить английский».

В начале сентября 1873 года мать Верлена уезжает из Брюсселя в Париж и увозит с собой его личные вещи и бумаги (в частности, стихи Рембо, которые тот переписал для него в Брюсселе в прошлом году).

И больше ни визитов, ни новостей. «Я страшно скучаю, — признается он Лепеллетье в письме от 28 сентября, — да и здоровье хромает. Время от времени мучаюсь страшными головными болями и становлюсь как никогда нервным».

Однако, чем больше он страдает, тем больше работает. В голове тысяча проектов, по большей части для театра. Его пьесы будут поставлены в Лондонском королевском театре во время гастролей французской труппы. В ожидании постановки он добросовестно работает над сборником, пишет «Мой альманах на 1874 год», «Скряга», «Калейдоскоп», «Сердце расцветает» и т. д. Во всех этих трогательных, полных ностальгии стихотворениях он тщательно следит за формой.

«Суммарное число строк, — пишут Саффре и А. Буйан де Лакот, — написанных Верленом в Пти Карм, превышает восемьсот пятьдесят, что

почти в два раза больше, чем в „Романсах без слов“, над которыми он работал в течение полутора лет»^[317].

В Монс его перевели 25 октября 1873 года. Был ли Рембо, вернувшийся после суда в Рош, предупрежден о неминуемом переезде? Это вполне возможно, так как накануне он приехал в Брюссель, о чем сообщает следующая запись в полицейском архиве, найденная де Граафом:

«Рембо, Артюр, 19 лет, родился в Шарлевиле (Франция). Профессия: литератор. Местожительство: улица Брассер, дом 1. Смена местожительства: 24 октября внезапно уехал»^[318].

Улица Брассер, дом 1 — адрес гостиницы «Виль де Куртре».

Предполагают, что Рембо приходил в тюремную приемную, чтобы подарить Верлену экземпляр произведения, которое он начал в апреле и окончательное название которому дал только в августе — «Одно лето в аду». Да, более подходящий момент подарить другу книгу с таким названием было бы трудно подобрать!

Верлен нигде не подтвердил, что получил книгу именно тогда, но хранил подаренный экземпляр всю жизнь и завещал драгоценную брошюрку с лаконичным посвящением «П. Верлену — А. Рембо» своему сыну.

На этот жест Рембо, который, казалось бы, не представлял собой ничего особенного, последовала ответная любезность: Верлен послал ему значительное число стихотворений, написанных им в тюрьме, в частности, «Crimen amoris»^[319]. Да, ему, соратнику и брату Рембо, посылает в ответ Верлен свои не менее адские стихотворения.

Немного позже, в конце октября, Рембо приезжает в Париж, чтобы показать свету свое детище. Но хотя в газетах о брюссельском деле не было ни слова, к моменту возвращения Рембо в Париж в Латинском квартале только и говорили, что о заключении Верлена и «сопутствующих обстоятельствах». Мало кто осмеливался защищать «убийцу Кариа». По общему мнению, несмотря на ранение, не Рембо был настоящей жертвой, а скорее Верлен, которого искренне жалели все его друзья. Возможно, поэтому молодой арденец и столкнулся в Париже с такой холодностью и враждебностью. Из молодых поэтов приветливо встретил его только провансалец Жермен Нуво, друг Рауля Жинеста и Мориса Бушора — они встретились в кафе Табуре площади Одеон и решили отправиться в Лондон в самом начале весны будущего 1874 года. А затем Рембо, которому нечего было больше делать в Париже, изгнав из своей души (на время) демона

литературы, возвращается в Рош, где сжигает оставшиеся у него авторские экземпляры «Одного лета в аду» (остаток тиража, который так и не был оплачен, найдется много позже, в 1901 году, на складе издательства Поота), а также все свои черновики и наброски.

Верлен знал, что в Монском «замке» ему оставалось провести немного больше года. Слово «замок» в самом деле подходило «тюрьме одиночного заключения города Монса», фасад которой украшали стены с настоящими зубцами и бойницами, башнями и воротами средневековой постройки.

«Это сооружение из бледно-красного кирпича, почти розовое снаружи, внутри черно-белое от извести и от дёгтя; строгость подчеркивается также простотой архитектурных орнаментов, выполненных из железа и стали»^[320].

После того как Поль помылся, его побрили наголо, а затем, в соответствии с тюремными правилами, выдали униформу: штаны из плотного зеленоватого драпа, куртку-жилет, шерстяной шарф на шею, башмаки, кожаную фуражку и кое-какие мелочи — медную бляху с его номером и синий капюшон для прогулок.

Потом Поля проводили в камеру-пистоль номер 252. Сначала его использовали на сортировке кофе — эта работа требовала пристального внимания и полностью опустошала голову. Вскоре он впал в тоску, почти перестал писать, лишь «потрудиваясь» (словечко его собственного изобретения. — П. П), так как на сколько-нибудь серьезное творческое усилие он был неспособен. Юмор его горек: в десятистишии под названием «Воспоминание о тюрьме» он мысленно возвращается в зиму семидесятого года, когда на улице Шуасель царствовал Леконт де Лиль, а сейчас, по его словам, Учитель, не сумевший пережить Коммуну, суций иконостас.

24 ноября 1873 года, в полдень, уточняет он, ему принесли корректуру «Романсов без слов», набранных в Сансе. Конечно, он был счастлив перечитать свои стихи, написанные в дни свободы, но не очень-то верил в их успех. Червь уныния грыз его, былой задор иссяк.

«Поверишь ли, но мысль о жене *по-прежнему* приносит мне муку», — признается он Лепеллетье в письме от 28 ноября. Он жалуется на нее и страдает ради нее, так как в его мыслях она сторает от нетерпения вернуться к нему, чему препятствует только упрямство ее родителей. И вот он обещает себе по возвращении во Францию свести счеты со

«старикашкой»: «Меня ничуть не пугает борьба в суде с г-ном Моте де Флервилем, и если придется хитрить, я буду делать это не хуже, чем вышеупомянутый старикашка».

Слава богу, все еще можно исправить, а поскольку дело, по его мнению, быльем поросло, для него речь идет только о том, чтобы потребовать перед Богом и людьми восстановления своих законных прав.

Казалось, что зима никогда не кончится, и это подрывало его силы. «И в самом деле, — пишет он Лепеллетье, — тюремная жизнь совсем не приспособлена к тому, чтобы побудить тебя заняться сколь-нибудь серьезной интеллектуальной работой». Он больше не пишет, но читает, тем не менее, много, в основном англичан: «Рождественские повести» Диккенса, «Элен Миддлтон», роман леди Фаллертон и т. д. — и мечтает об основании в Лондоне бюро по художественному переводу.

Весна застаёт Поля в совершенно подавленном состоянии. Его снова переводят в другую камеру. Ночи напролет в «пистоли 112» слышен грохот близлежащего вокзала. К счастью, на Пасху обещала приехать мать, и его, окончательно потерявшего вкус к жизни, мысль об этом хоть как-то поддерживает.

«Романсы без слов» не имели никакого, или почти никакого успеха. В газетах — гробовое молчание. И все же одной статьи, Эмиля Блемона («Призыв» за 16 апреля 1874 года), достаточно для того, чтобы Поль мог сделать для себя соответствующие выводы: «Мы только что получили „Романсы без слов“ Поля Верлена. Это снова что-то музыкальное, причем странно музыкальное, здесь веет неизбывной тоской и звучит эхо загадочных страданий».

Что-то музыкальное? Но разве музыка не есть главное в поэзии? Этой идее созвучно знаменитое «Искусство поэзии» Верлена (на рукописи «В камере» стоит дата «апрель 1874»).

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим и вместе
Не давит строгой полнотой.

(...)Пусть в час, когда все небо хмуро.
Твой стих несется вдоль полян.
И мятою, и тмином пьян...
Все прочее — литература!^[321]

Поль ведет монашеский образ жизни. К стене камеры прикреплено маленькое медное распятие, каждая трапеза начинается с молитвы; он не пропускает ни одной воскресной мессы, время от времени, сидя в огромном церковном кресле, подолгу беседует со священником, тридцативосьмилетним отцом Эженом Десканом, который вот уже восемь лет как прикреплен к монсской тюрьме. Весьма вероятно, что этот последний получил в свое время рекомендательное письмо от отца Жана-Батиста Делоня, бывшего кюре Пализёля, ставшего тюремным священником в Намюре.

Но веры у Верлена нет, и приобрести ее он вовсе не стремится. Он не испытает ни тоски по метафизике, как Жермен Нуво, ни тяги к бесконечному и ненависти к церковникам, как Рембо. Религия в его понимании — загадочная и весьма условная область тонкого, но все же иллюзорного утешения. Однако благоразумные беседы о вечном, размышления и прочитанные книги вводят его в некую атмосферу религиозности, близкую к той, в которой он находился перед первым причастием, а потом в Пализёле у тетушки Луизы — в самые счастливые годы жизни. Он читает книгу «Фабьола, или Церковь в катакомбах» кардинала Уайзмана ^[322], и этот плохонький романчик, расписывающий на все лады энтузиазм первых христиан, очень его интересует. Он просит еще что-нибудь на эту тему и встречается с христианской монограммой ICHTUS (по-гречески «рыба»), составленной из первых букв формулы (на греческом же) «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Это слово было паролем у христиан во времена гонений.

«Я пишу гимны к Марии (в соответствии с канонам) и молитвы на манер первых христиан», — пишет он Лепеллетье, отправляя ему свои — также первые — религиозные опыты.

Итак, первоначально религия была для него литературным «канонам». Буква предшествовала духу.

Добавим: несмотря на то что мечта укрепляла его надежду и вооружала его терпением, никогда, ни разу в жизни он не испытывал чувства раскаяния или угрызений совести. Он считал себя жертвой враждебных сил более, чем кто бы то ни было из грешников. Его выходку против Рембо, которая так дорого ему обошлась, следовало бы скорее записать ему на счет как испытание силы воли, способной устранить кого угодно, кто чинит препятствия возвращению «на путь истинный», то есть к семейному счастью, которое он заслужил по праву. Конечно, кто не ошибается, но постоянные попытки исправить положение, его страдания и

мольбы давным-давно искупили его вину. Верлен — невинная жертва козней своего отвратительного тестя и судебной ошибки. Все это позже станет достоянием общественности, да и несчастная Матильда признала бы это, не будь давление родителей на нее столь сильным. Однажды она узнает, кем был ее муж, как героически он вел себя ради нее, и тогда нежность переполнит сердце Матильды, и она вновь раскроет перед ним свои объятия. Да, справедливость по отношению к Полю восторжествовала. Вот почему в пучине бед, куда его толкнули слишком сильные любовь и благородство, он все-таки, благодарение Богу, смог не пасть духом.

В подобном настроении Поль пребывал и в тот июньский день 1874 года, когда в камеру к нему пришел директор тюрьмы:

— Мой бедный друг, я принес вам плохую новость, мужайтесь... Прочтите вот это.

И он прочел решение четвертой палаты суда общей юрисдикции Парижа от 24 апреля 1874 года, которое гласило, что отныне супруги Верлен-Моте отдельно владеют имуществом и проживают отдельно из-за тяжкой вины мужа, приговоренного к ежемесячной выплате алиментов в размере ста франков, оплата авансом ежеквартальная, и к тому же судебные издержки на 428 франков 64 су. Обвинители поработали на славу: не забыли ни о пьянстве, ни о бегстве из дому, ни о «позорной связи» с юношей (имя Рембо в деле не фигурировало), ни, наконец, о брюссельском приговоре за насилие в «припадке ревности»!

То, что решение суда последовало так поздно, было заслугой мэтра Перара, который делал все возможное, чтобы отсрочить неизбежное, слал в Трибунал прошение за прошением, ссылаясь на то, что клиент информировал его о том, что супруги вот-вот помирятся. Но его оппонент, мэтр Гийо-Сионе, всячески поторапливал дело. Он попросил одного бельгийского 'адвоката добыть сведения из брюссельского уголовного досье на Верлена. Это «новое обстоятельство» позволило ему 10 апреля подать ходатайство с окончательными условиями раздела имущества, в которых требовалось закрепить за его доверительницей исключительное право на опеку сына по той причине, что г-н Верлен лишен родительских прав. Тогда г-н Перар, посчитав дело совершенно безнадежным, отказался от защиты. На заседании 24 апреля г-н Манье, адвокат, представлял Матильду. Верлена не представлял никто. Судьям была представлена копия основных документов брюссельского досье.

Бедный Верлен! Ему пришлось спуститься с небес на землю.

Мерзавец, способный на тяжкие преступления и официально признанный в таковых виновным, пьяница и гомосексуалист — вот каким представляет его себе родное правосудие! Моте одержали победу по всем статьям! Его как будто огрели обухом по голове. Поль не выдержал и разрыдался: жизнь исковеркана навеки, он никогда не сможет выпутаться из таких бед. Директор бросился его утешать, и его слова немного успокоили Поля, но когда он ушел, Поль попросил надзирателя срочно послать за священником. Отец Дескан поспешил к нему и сказал, что нужно продолжать надеяться, и Бог поможет. И вот, цепляясь за эту последнюю соломинку, Поль потребовал себе катехизис. Вскоре ему принесли восьмитомное (!) «Наставление в вере для молодых католиков после торжественного причастия» его высокопреосвященства Гома, которое содержало обзор христианской истории, догматики, морали и литургии от сотворения мира до наших дней.

Первое, что его разочаровало, были даже не идеи, а стиль произведения. Изложение доказательств существования бога оставило его равнодушным: знает он такие «доказательства», так что хочешь, то и докажешь.

— Тогда почитайте главу о причастии, — посоветовал священник.

Попутно Полю попала на глаза история о первородном грехе. Наконец-то что-то интересное, да к тому же имеющее прямое к нему отношение. Адам и Ева, созданные безгрешными и соблазненные дьяволом, были наказаны Господом, изгнаны из Земного Рая и сосланы на землю, как в тюрьму. Впрочем, добавляет катехизис, чтобы восстановить утраченную невинность, мы должны объединиться во Христе-Искупителе, который один может освободить нас от зла и очистить от скверны.

Но это же его собственная история! Силою зла его ввели во искушение, навлекли на него несчастья, и все усилия вырваться из этого заколдованного круга обернулись против него. Бог, которому одному известна невинность Поля, — он и единственный, кто может ему ее вернуть. Да, судьба его сродни судьбе любого из смертных, потому несчастных, что «старик Адам» послушался Демона. Однако «новый Адам» здесь, под рукой, рядом — этот человек, распятый на кресте, и он заключен в одну с ним камеру. Он тоже не заслуживал своего наказания: он был сама доброта, но добро, которое он оказывал другим, обернулось против него.

Верлен в смятении. Теперь он считает маленькое медное распятие живым существом. Подняв глаза, он смотрит на лубок с изображением сердца Христова, которое священник повесил над изголовьем его кровати.

Кустарность работы, которая сразу бросилась ему в глаза накануне, исчезла, он видит только кровоточащую грудь и сверкающее сердце. Несколько дней спустя он напишет Лепеллетье: «Нужно было пройти через все, что выпало на мою долю за последние три года, через все унижения и разочарования, чтобы испытать на себе удивительную способность утешать, которой обладает эта очень сильная и вместе с тем необыкновенно кроткая религия, чтобы понять всю ее мудрость и внутреннюю логику. Ах! порой она почти ужасна, да! Но человек в самом деле так порочен, так *низко пал* и так наказан одним своим рождением!»

В течение трех недель он напряженно размышляет, задается тысячью вопросов, молится, одержимый идеей раскаяния и искупления грехов. И вот, июньским вечером 1874 года он засыпает, размышляя о евангельском чуде с хлебами и рыбой, прообразе чуда Евхаристии.

«На следующий день, — пишет он, — не знаю, кто или что внезапно разбудило меня, буквально выбросило из кровати, и я разразился слезами, настоящими рыданиями, стоя на коленях перед Распятием».

Поль требовал немедленно выслушать его исповедь, но преподобный, привыкший к таким душевным порывам, отказался:

— Подождите пару дней, Господь терпелив и дает вам еще небольшую отсрочку, он ведь вас уже давно ждет, не так ли?

И вот наконец настал день исповеди. История грехов получилась длинной — Поль перечислял их усердно и тщательно — и необыкновенно пылкой. Получив прощение, он уходит воскрешенным, преображенным, и тут же с жаром бросается читать Священное Писание, Библию, Евангелие, сочинения отцов церкви, особенно святого Августина, католических священников, Жозефа де Местра^[323], Николая и т. д. Он покорен Иоанном Богословом и в мистическом порыве открывает для себя сокровенную тайну христианства, которая до того казалась ему лишь внешним атрибутом религии — личную, глубоко интимную любовь к Богу. Это внезапное откровение становится основным содержанием серии сонетов, в которых изображается диалог автора с распятым на кресте Иисусом:

Любить Меня — твоя обязанность святая!

Я — новый твой Адам, преобразу тебя...^[324]

Его сомнения («да, правда, Вас ищу я, но найти не смею»), колебания, сознание собственной греховности, слабости, малодушия исчезают под напором Его голоса.

Он буквально «сбрасывает кожу», воскресает, «старый человек» медленно выходит из него. Прежние бесчисленные богохульства и грехи, его глупое прошлое, как огромная черная масса, постепенно уходит, отдаляется от него.

15 августа, в праздник Успения Богородицы, ему разрешают причаститься. Поль в полном экстазе. Знаменитое стихотворение из «Мудрости»:

О Боже, Ты меня любовью ранил...^[325]

написано именно в этот день^[326].

В этом стихотворении — одной из вершин поэтического искусства Верлена — его мысль заключается в том, что таинство поэзии берет свое начало прямо из божественных таинств:

О Господи! Бог радости и мира,
Мое неведение, мой страх — томят!
О Господи! Бог радости и мира.

Все это знаешь Ты, все это знаешь,
И то, что я беднее всех других!
Все это знаешь Ты, все это знаешь.

Но что могу, все отдаю Тебе^[327].

Больше всего поражает и трогает в этом стихотворении то, что у его несчастного автора нет ничего: ни друзей, ни семьи, ни денег, ни репутации, ни свободы. Единственное, что он может отдать и отдает, — свои страдания. Без всякого преувеличения можно сказать, что он входит в то состояние света, мира и покоя, которое свойственно святым. «Я стал бы мучеником», — пишет он.

Такова история обращения Верлена. Лепеллетье делает вид, будто все это случилось внезапно, под влиянием сильных переживаний, и было просто наиграно. Но факты говорят о том, что Поль обдумывал это в течение трех месяцев. «То, что заря засияла, объясняется тем, что солнце уже давно поднималось из-за горизонта», — пишет Луи Морис^[328].

Обращение, какими бы ни были его причины, было глубоким и искренним. Но сделало ли оно из Верлена образцового христианина? Это уже другой вопрос.

Его желание быть отныне «самой нежностью по отношению к другим, самой покорностью Иному» могло бы заставить поверить в это. Но как только он спустится с небес на землю, вновь обратится к повседневным, будничным делам, сразу проявится «старый Адам». Поль не изменился. Божественная любовь, наполнившая жаром его сердце, не смогла растопить накопившуюся злобу, разбить камни ненависти в душе. Верлен-заключенный — христианин, Верлен-влюбленный и разлученный с женой — нет. Он скрывает свои чувства. Тсс! Только бы его обращение не стало новостью на устах у всех! Только бы его эхо не докатилось до улицы Николе! Боязнь людского мнения парализует его, он опасается, что его отстранение от мира истолкуют как слабость. Чтобы показать Лепеллетье, что он не стал законченным ханжой, Поль отправляет ему эпиграмму на нос Жюля Клареси и, чтобы доказать, что его «нежность» имеет границы, он информирует своего приятеля о том, что по возвращении из тюрьмы собирается тотчас возобновить борьбу с папашей Моте^[329]. «Нужно, чтобы эта „мелкая насмешница“, — пишет он о жене, — жрала свою блевотину, вот тогда-то при наличии гарантий — о! какими прочными они должны быть! тебе не все известно, но ты сам все увидишь вскоре! — она сможет возродить наш брак, но жить мы должны очень далеко от ее отца и матери — я их ни во что не ставлю. Вот тогда я обо всем забуду, все ей прощу и счастье ее будет совершенным».

Поль готов простить лишь в том случае, если у него попросят прощения за все причиненное ему зло. Требование, пожалуй, вполне логичное — считая себя невиновным, он уверен в том, что не должен добиваться чьего-либо прощения, — но антихристианское, тем более что в Евангелии сказано: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего... если же не послушает... скажи церкви»^[330]. Из всего христианства Верлен вынес только идею воскрешения, забыв, быть может, о самом главном — о раскаянии. Вот почему в тот момент, когда он считал себя основательно уверовавшим в религию Христа, на деле он сбился с этого пути. Одного мистицизма было недостаточно. Вот почему Поль недолго находился в таком состоянии, несмотря на героические и достойные похвалы усилия, свидетелями которых мы стали. До последних минут своей жизни он отчаянно пытался вернуться к той чистой вере и

невыразимому счастью, которое он испытал в тюрьме — и никогда этого не достиг.

Впрочем, изменилась как духовная, так и материальная сторона его жизни. Он уже не безвестный заключенный. Он занимает довольно заметное место в тюрьме, священник и директор тюрьмы часто приходят к нему в камеру, приносят книги, часами дружески беседуют с ним. Его тянет работать — он вновь принимается за Шекспира (читает в оригинале), изучает Библию на латыни. Надзиратель-фламандец, которого он учит французскому, буквально осыпает его сладостями: пирожными, шоколадом, жевательным и курительным табаком. Мать, вернувшись в Бельгию, посещает его по четвергам и воскресеньям. От нее он узнает, что Лепеллетье предпринял серьезные шаги для его освобождения и что, вполне возможно, срок ему сократят. Как-то ей удалось просунуть ему через решетку камеры для свиданий номер «Фигаро». Поль успокоился и почувствовал себя совершенно счастливым.

«С этого дня (15 августа 1874 года), — пишет он, — мое заключение, которое должно продолжаться до 16 февраля 1875 года, кажется мне коротким, и, не будь здесь матери, я бы даже сказал, очень коротким».

Позже он посвятит строки благодарности «лучшему из дворцов», где он «духом возрастал». Он очень сожалеет, что покинул его, ведь там впервые ему удалось найти мир и покой. Только там «неба уголок доступен стал» и ему:

Дворец, алеющий, под ярким солнцем днем,
И белый, дремлющий в безмолвии ночном!
Как доброго плода, еще твой вкус мне сладок,
И утоляет жар случайных лихорадок!
О будь благословен! ты дал мне новых сил,
Ты Верой с Кротостью меня вооружил.
Ты дал мне хлеб и соль, и плащ — на путь пустынный,
Такой томительный и, без сомненья, длинный^[331].

Глава XII

НА РАСПУТЬЕ

(16 января 1875 — конец марта 1875)

«Мое последнее свидание с Рембо, в феврале 1875...»

Поль Верлен, письмо Франсису Вьеле-Гриффену от 5 января 1892 года

15 января заключенному вернули его гражданскую одежду, часы, портфель, галстук, отложной воротничок, выдали новую рубашку и деньги, которые он заработал (сто тридцать три франка девять сантимов).

На карточке с его именем в тюремном «Кондуите» можно прочесть:

Участие в церковных обрядах, под конец заключения

Характер и моральная стойкость: слабый, достаточно высокая

Поведение: исправное

Исправление: вероятно ^[332]

Следующий день можно было по праву назвать великим. Поль оделся, как на праздник, и тепло попрощался с директором тюрьмы, священником, сержантами и рядовыми тюремщиками. Здесь он оставлял друзей. Последние тюремные формальности, и наконец двери «замка» открылись. Мать встречала его со слезами на глазах.

Но настоящая свобода началась не сразу. Пребывание на территории бельгийского королевства ему было запрещено, и поэтому он был доставлен на вокзал под конвоем двух солдат в меховых шапках; затем их сменили двое жандармов, с которыми пришлось ехать до самой границы. Вместе с ним подобным же образом путешествовали еще несколько французов, недавно освобожденных из тюрьмы.

На обратной стороне его свидетельства об освобождении из мест лишения свободы читаем:

«Выедет из Антверпена в направлении Лондона» и «Пересек французскую границу в пункте Кьеврен» ^[333].

Кьеврен! Круг замкнулся. Замкнулся именно там, где в июле 1872-го

один необдуманый поступок заставил его свернуть с намеченного пути, и сама Судьба вернула его на правильную дорогу.

Нельзя сказать, что жандармы относились к своим подконвойным с большим радушием ^[334], но вот, наконец, последняя проверка документов, и Поль вместе с матерью садится в поезд, идущий из Валенсьена в Дуэ. Вскоре показались колокольни Арраса. Свободен!

По приезде в Фампу они останавливаются на отдых у Поля Жюльена Деэ.

«Я здесь с 16 числа, — пишет он 25 января 1875 года Лепеллетье, — в семье, у замечательных родственников, с мамой. Точно назвать день и даже сказать, приеду ли в Париж вообще, не могу».

Прием тем не менее был скорее холодным.

«Выйдя из тюрьмы, он приехал сюда, — сообщает дочь Жюльена Викторина Матильде Моте. — Мы приняли его ради его бедной матери, которую можно только пожалеть» ^[335].

Поля, несколько потерявшего жизненные ориентиры, тоже можно было пожалеть. Правда, несмотря ни на что, религиозные переживания изменили его взгляд на мир. Апелляционный суд 3 января 1875 года подтвердил решение суда первой инстанции о разводе. Велика важность! Как будто во власти людей разлучить тех, кого соединил сам Господь! У него есть сын, и невозможно, чтобы ему запретили его видеть. Он бы встретился с ним, осыпал бы его поцелуями. А Матильда, будь у нее даже каменное сердце, при виде такого зрелища оттаяла бы и улыбнулась... Через родительскую любовь удалось бы вернуть любовь супружескую. А Жорж, что вполне естественно, стал бы связующим звеном между родителями. Все недоразумения бы исчезли, трагикомедия — прекратилась. Угрозы, крики, сцены — любовь преодолет все.

И вот он сообщает мэтру Гийо-Сионе, что ему нужно переговорить с Матильдой по очень важному вопросу, и в конце января приезжает в Париж.

Первый визит он нанес Лепеллетье. Поль был многим обязан своему старому верному другу: изданием «Романсов», постоянными хлопотами, неизменно сердечными письмами, которые так помогали ему. Их встреча была такой же радостной, как и прежде. Но когда схлынул поток эмоций, Верлен не смог сказать ничего определенного по поводу своих планов на ближайшее будущее. Столица не прельщала его, провинция — тем более, возможно, за граница... Все будет зависеть от одного деликатного дела,

почти дипломатического демарша, который он попытается предпринять.

Поль отправляется на улицу Вивьен в контору мэтра Гийо-Сионе, полный решимости потребовать, чтобы ему разрешили увидеть сына. Это его право, его неотъемлемое право.

О развитии событий он сам рассказывает в своих «Мемуарах вдовца» (глава «Формы»). Его встретил весьма любезный клерк, попросил подождать, предложил стул... и так и оставил на целых два часа, не обращая на Поля ровно никакого внимания, между тем как «рыжий адвокат в тужурке», полностью погруженный в свои проблемы, с отсутствующим выражением лица курсировал между приемной и своим бюро.

Поль понял, что «продолжаться это может еще долго», и решил уйти, продиктовав клерку весьма суровое письмо, в котором он настаивал на своем праве видеть сына — он готов прийти в любой день, который ему назначат.

На следующий день он получил подчеркнуто вежливый ответ поверенного, который просил его больше «не нарушать спокойствия».

Что ж, ничего не изменилось. Ему казалось, что тюрьма позади, но в реальности будто бы невидимые стены возникали перед ним на каждом шагу.

Поль, удрученный, возвращается в Аррас.

Ему приходит в голову мысль о том, чтобы уйти в монастырь и там восстановить свое душевное равновесие, а быть может, и попытаться решить для себя, склонен ли он к тому, чтобы постричься в монахи или нет.

В течение долгого времени биографы терялись в догадках относительно места его уединения. Делаэ говорил об одном бельгийском монастыре, что казалось маловероятным — вопрос, следовательно, оставался нерешенным. Впрочем, сам Верлен в одной книге из серии «Малышам», где речь шла о монастыре Нотр-Дам-де-Пре, упоминает о «М. на М.», т. е., по уточнению корреспондента «Мира в картинках» (статья от 24 марта 1888 года), который посетил Верлена в больнице Бруссе, о Монтрёй-сюр-Мер (или, точнее, о Нервиль-ле-Монтрёй). Почему этот картузианский монастырь? Потому, что располагался он неподалеку от Арраса, а также, возможно, еще и потому, что св. Бенедикт-Иосиф Лабрский, которого Поль боготворил, жил там между 1767 и 1769 годами. В монастыре только что была закончена реконструкция, проводившаяся по грандиозному плану на месте старого монастыря, основанного в 1324 году. В 1875-м монастырская община состояла из двадцати двух певчих и двадцати одного послушника. «Ищущим уединения» посетителям разрешалось присутствовать на службе. Это могли быть заутрени, мессы,

вечерни и ночные бдения ^[336].

Но при всем желании Верлен не мог ходатайствовать о принятии его в картузианский орден — он был женат. Поэтому в Нотр-Дам-де-Пре он должен был пробыть не более недели.

По возвращении в Аррас он находит письмо Делаэ, в котором тот сообщает, что Рембо недавно вернулся в Шарлевиль. Молодой арденец приехал из Англии, опасаясь, что его призовут в армию. Как только он успокоился на этот счет — добровольное поступление на службу его брата Фредерика освобождало Рембо от воинской повинности, — он уехал в Штутгарт учить немецкий.

Верлену было прекрасно известно, что первые несколько месяцев 1874 года Рембо провел в Лондоне в обществе Жермена Нуво и что после отъезда последнего в июне того же года Рембо оставался там один, пытаясь завоевать себе положение в образовательной сфере.

Рембо... Воспоминания о нем как об «Ангеле тьмы» долго преследовали Поля в тюрьме — в этой роли Рембо блестяще выступил в «*Crimes amors*». Ах! Если бы этот безумец мог умерить свое тщеславие и спесь, понять глупость своего упрямства, если бы он мог открыть для себя Свет Истины... Хотя, может быть, он не так уж и далек от него: мысль об абсолюте неотступно преследовала его, но по неведению за лик Абсолюта он принял образы Поэзии и Революции. Глупец! Как будто Поэзия и Революция могут спасти душу от Божьего гнева! Несчастному нужно показать, где правда. Он тоже призван переродиться из старого Адама в нового — Иисус принял смертную муку на кресте и ради него тоже.

Размышляя таким образом, Верлен, только что перечитавший стихи Рембо 1872 года, спасенные от гибели матерью, осознает миссию, возложенную на него свыше: восстановить дружбу и спасти из адского пламени душу, низвергающуюся в пропасть.

Можно быть совершенно уверенным, что у Поля не было при этом никакой задней мысли: мы уйдем далеко в сторону от его истинных намерений, если будем, как некоторые, считать, что его планы были лицемерным расчетом.

Рембо — христианин! Да это настоящее завоевание для Бога и для него самого!

Письмо, которое Поль написал Рембо, патетическое и молящее, до нас не дошло, но его содержание вполне можно себе представить: чудо милости Божьей, Воскресение после греха, обретенная невинность — все это темы, которые он не раз развивал в своих письмах к Лепеллетье, не

поколебав тем не менее ни на йоту твердый атеизм последнего. Делаэ, который должен был передать это послание, кратко сформулировал его следующим образом: «Возлюбим друг друга во Христе».

Несколько дней спустя, опять-таки через Делаэ, пришел ответ Рембо — настоящая буффонада. На фразу Верлена о том, что над этим письмом он размышлял шесть месяцев, Рембо только ухмыльнулся: «Жалкие мыслишки!»

Однако неудача только подхлестнула Поля: он настаивает, чтобы Делаэ дал ему адрес Рембо. Тот с пренебрежением ответил: «Ну ладно, если хочешь, дай мой адрес этому Лойоле».

Два дня спустя Верлен был в Штутгарте.

Одет он был для такого случая довольно странно, романтически нелепо: в крылатку и широкополую шляпу.

Рембо жил на Вагнерштрассе, в семье доктора Любнера (или Любке ^[337]) в качестве домашнего учителя за стол и кров. Все свое время он тратил на изучение языка — учился яростно, буквально глотая журналы, книги, газеты, словари, которые попадались ему под руку в доме его хозяина или в библиотеках города. Настоящая горячка «любознательности», скажет потом Верлен в «Современных людях».

Неизвестно, предупредил ли наш путешественник о своем приезде, — так или иначе, но при встрече Рембо не мог скрыть своего удивления. Какая поразительная перемена произошла в человеке, которого он по независимым от себя обстоятельствам оставил в брюссельском комиссариате! Важный, рассудительный, серьезный, благочестивый, как монах — Верлена было просто не узнать.

Вначале разговор пошел о литературе. Верлен привез своему другу несколько образчиков своего нового стиля (эти мистические сонеты Изабель Рембо позже найдет в Роше в уборной ^[338]). Что до него, Артюра, — литература его больше не интересует. Хотя на дне чемодана до сих пор лежат стихотворения в прозе, которые они с Нуво переписали на чистовик в Лондоне еще год назад, рассчитывая на возможную публикацию.

— Возьми их, если хочешь, — сказал он Верлену, — и пошли Нуво. Он в Брюсселе, может быть, найдет там издателя.

Потом начался более серьезный разговор — о смысле жизни, о Боге. Дальше Полю продолжить не удалось, поскольку Рембо, которого все это сильно раздражало, предложил:

— Пошли погуляем по городу!

Пивные были повсюду в изобилии, и Верлен, быстро хмелевший от

пива, будто вернулся в прошлое: под лукавым и торжествующим взглядом своего приятеля он опять ругался и богохульствовал на чем свет стоит. Чтобы избежать скандала, Рембо повел Верлена за город, в еловый лес, где дискуссия разгорелась еще сильнее. Верлен, с трудом держась на ногах, буквально вцепился в Рембо, умоляя выслушать его. А тот, измученный всем этим, легонько толкнул его, и Поль кубарем полетел в канаву.

Поговаривали, что была и драка. Делаэ, явно приукрашивая историю, рассказывает, что на следующий день, поутру, Верлена, лежавшего без движения, подобрали и выходили какие-то крестьяне^[339]. Все это представляется большим преувеличением. Верлен, детально изложивший все эпизоды своей жизни, этому не посвятил ни строчки, так что известен он лишь из его позднейших устных рассказов, в которых он сам порой кое-что менял, да и слушатели потом частенько добавляли от себя. Лиры эпических поэтов немедленно воспели победу Сатаны над Архангелом Михаилом. Одна из первых аллюзий на инцидент — статья от 22 января 1893 года в «Журнале» Жюля Ренара: «Верлен атакован зверем в Черном лесу: он встретился с Рембо. И даже если лес этот был не Черным, чернее Черного леса был сам зверь».

Единственный подлинный документ, современный этим событиям, наглядно демонстрирует, что Верлен и Рембо расстались друзьями. Это письмо Рембо к Делаэ от 5 марта 1875 года: «Верлен прибыл сюда на другой день с четками из клешней рака... Три часа спустя мы отвергли его Бога и заново распяли Спасителя. Пробыл здесь два с половиной дня, весь из себя рассудительный и, как мне думается, возвратился в Париж, чтобы там, на острове^[340], закончить свое обучение».

На деле Верлен был в Париже только проездом: перед отъездом в Англию, предположительно 18 марта, он был в Аррасе. Возможно, именно из Арраса он отправил Жермену Нуво рукопись «Озарений», выполняя данное Рембо обещание. Письмо к Делаэ от 1 мая 1875 года даже уточняет стоимость посылки во французских франках: «Вот почему я хочу узнать подробности насчет Нуво. Рембо попросил послать свои „Стихотворения в прозе“, которые находятся у меня, для издания этому Нуво, который тогда (я говорю о событиях двухмесячной давности) был в Брюсселе. Я тотчас же послал, заплатив 2 франка 75 су за пересылку, и, естественно, сопровождал посылку вежливым письмом, на которое пришел не менее вежливый ответ».

«Стихотворения, которые находятся у меня» означает «которые были мне переданы». К прозе «Озарений» Верлен, не придавая этому большого

значения, присоединяет стихи 1872 года, которые сохранила его мать. Именно поэтому две столь непохожие серии стихотворений оказались связаны одной судьбой.

Глава XIII

АНГЛИЯ

(конец марта 1875 — начало апреля 1877)

Эта старая добрая Англия...

*Поль Верлен «Детки в моноклях», сб.
«Воспоминания и фантазии»*

В Лондон Поль приехал в двадцатых числах марта 1875 года, остановился в отеле на Фитцрой-сквер, близ Хоуленд-стрит, и сразу же подал ходатайство в университетское агентство о выделении ему места учителя в одном из частных пансионатов с бесплатным питанием и проживанием. В ожидании ответа он слонялся по улицам и, чтобы чем-то себя занять, снова записался в библиотеку Британского музея. Из французов в городе он сталкивался с некоторыми беглыми коммунарами (многие из них уже покинули Лондон), да и то изредка, торопливо здоровался и старался побыстрее уйти, не имея ни малейшего желания возобновлять отношения.

Через неделю пришло предложение из Линкольншира, из «Гремма скул» в Стикни, поселка, население которого составляло около 800 человек; расположен он был рядом с Бостоном^[341], то есть в двухстах километрах от Лондона. Требовался учитель французского языка и рисования. Это было как раз то, что он искал. О своем прибытии Поль сообщил телеграммой.

На следующий день, 31 марта, на вокзале Сибси, откуда и попадали в Стикни, толстощекий молодой человек по имени Том Вест, рассыльный в «Гремма скул», пристально вглядывался в лица приехавших из Лондона. Нового учителя он узнал быстро. Погрузив его тяжелый чемодан и черный сундучок в повозку, Том пригласил учителя сесть рядом и, взмахнув кнутом с криком «нно пошел, Таффи^[342]!», повез Поля навстречу его новой судьбе. В мягких весенних сумерках экипаж преодолевал положенные десять километров пути, а Поль тем временем любовался полями с квадратами изгородей, на которых паслись стада овец и бегали проворные жеребята. Крученые ветви великолепных деревьев, на которых уже наметились почки, добавляли безмятежной красоте природы какую-то сдержанную радость, готовую вот-вот вырваться наружу и заискриться в лучах весеннего солнца.

Наконец показались корпуса «Гремма скул», несколько зданий неоготического стиля, и соломенная крыша директорского домика, расположенного по соседству.

Верлен рассчитывал на теплый прием — а обнаружил двух склонившихся над колыбелью женщин, миссис Эндрю, молодую жену директора школы, и одну из учительниц, мисс Хемпсток: обе были ужасно обеспокоены состоянием малышки Лиззи, самой младшей в семье, она казалась совсем больной^[343]. В общем, Верлен уже довольно легко мог бы сказать по-английски, что путешествие его было приятным, что он питает надежду на то, что и т. д., но тут ему пришлось выражать сочувствие и пожелания скорейшего выздоровления, не зная толком, какие слова англичане говорят в таких случаях, и пользуясь в основном мимикой.

Вскоре появился мистер Уильям Эндрю, мужчина лет тридцати, крепкого телосложения, светлоглазый; лицо его обрамляли пышные усы и густые бакенбарды. Взгляд, полный искренней симпатии, и энергичное рукопожатие заменили церемонию знакомства. Поль запомнил первый заданный ему вопрос:

— Помыться хочешь?

А на следующий день, встав пораньше, он познакомился в саду с преподобным отцом Джорджем Колтманом, каноником, «ректором» прихода и духовным наставником школы. К счастью, этот седобородый старик оказался не только добрым и приветливым — он еще и знал французский. Они говорили минут двадцать, перескакивая с пятого на десятое, с особенностей культуры разных стран (его преподобие в прошлом много путешествовал) на литературу, с искусства на теологию, — но и этого было достаточно, чтобы священник окончательно уверился в том, что француз — человек образованный и глубоко религиозный.

Во время завтрака миссис Эндрю сообщила, что малышка чувствует себя намного лучше. Ее муж, успокоившись, повел нового учителя осматривать школу и после утренней молитвы представил его ученикам, стоявшим по стойке смирно. Он особенно настаивал на необходимости оказывать учителю Верлену должное уважение, что, как отмечает г-н Ундервуд, было связано с тем, что в этот день было первое апреля, день дураков, когда, как и у нас, традиционно полагалось шутить, зубоскалить и устраивать всевозможные розыгрыши.

Не имея ровно никакого понятия о педагогике, Поль тем не менее принялся за дело и добился от своих учеников значительных успехов как во французском, так и в живописи, которой сам никогда не учился. Он

преподавал по наитию, как сердце подскажет. Его принимали всерьез, его уважали, он пришелся очень кстати. Никогда еще он не чувствовал себя так хорошо.

«Живу в семье, — пишет он 10 апреля 1875 года Лепеллетье, — мистер Эндрю молод, читает по-французски, как я по-английски, но не говорит. Чьорт пабьери! (sic). В остальном — милый, сердечный, очень образованный».

Мистер Эндрю готовился к экзаменам в университете и поэтому обратился к Верлену за помощью в греческом и в латыни. По окончании занятий Поль беседовал с отцом Колтманом, бродил по саду, временами останавливаясь, чтобы сделать пометку в загадочном блокноте, или уходил гулять в поля. Какое благотворное влияние оказывала на него эта «безумно спокойная» жизнь! После бурь он наконец достиг тихой гавани.

Благодаря своей репутации вскоре Поль стал известен за пределами «Гремма скул». Доктор Смит из Сибси пригласил его в качестве учителя для своих четырех дочерей, почтенный полковник Грентам из Кил-Холла — для своих трех. Мистер Эндрю предоставлял в его распоряжение повозку, которой управляли Том Вест или пятнадцатилетний Джон Суден, ученик «Гремма скул», который вскоре стал хорошим приятелем Поля^[344]. Верлена принимали с удовольствием, поскольку он был прост в общении, умел слушать других, а при случае мог рассказать какую-нибудь забавную историю. Преподобный отец Фрэнк Безант, который служил в храме в Сибси и занимался с несколькими учениками, стал его учеником и другом. По субботам Поль ездил на исповедь в Бостон, а по воскресеньям ходил к причастию в церковь Св. Марии, где проповедовал отец Герман Сабела, который, несмотря на немецкие корни, был Полю симпатичен. Да и в самом городе у Верлена было много друзей: синьор Селла, итальянский фотограф, знавший французский, ирландец-таможенник и многие другие.

Оставалось еще время, которое Поль употреблял на общение с Мильтоном, Марлоу и Теннисоном (последний оказал на него особенно большое влияние). «Круг чтения очень широк», — пишет он Лепеллетье.

Поль открывает для себя красоту английских духовных гимнов, слушая их в церкви Стикни, где старостой и чтецом-причетником был мистер Эндрю. Какое богатство! Какое разнообразие! Какая изысканность выражений, а временами какая сила! Он всегда испытывал отвращение к убогим песнопениям, слышанным в детстве, этим «торжественным псалмам, врачующим сердца»^[345].

Этот новый источник мистических откровений не замедлил оказать

влияние на его творчество, что на множестве примеров показал г-н Ундервуд^[346].

Его вера ничуть не страдала, наоборот, она крепла в атмосфере душевной теплоты и благочестия, которая окружала его. Всю свою жизнь, по его словам, он посвятит Святому распятию и Деве Марии, его Матери, которая сложила его руки в молитве. Он дает обет петь отныне только о славе Непорочной Девы и Ее божественного Сына. Так, например, в один прекрасный день Делаэ с изумлением прочел о его намерении написать на основе христианских сюжетов эпос под названием «Молитва» на четыре тысячи строк (нечто вроде католической «Всемирной истории», начиная с Адама и Евы)! Делаэ, который или не верил совсем, или верил, но без особого энтузиазма, не может прийти в себя. «Несмотря на мой рационализ (sic), — отвечает он Верлену, — эта идея стихов на католические темы меня просто потрясла. Это может оказаться весьма ново и плодотворно».

Но прежде чем приняться за поэму, Верлен хочет закончить и отшлифовать сборник «В камере», который он частями, по 50–100 строк, отправляет тому же Делаэ на случай, если тот найдет «бесплатного» издателя. Но особо не настаивает, мирская слава его не волнует. «Я выше этого», — говорит он.

Рукопись, состоящая из 32 частей, сохранилась. Она начинается с обращения к читателю, о котором мы уже говорили, и содержит воспоминания о том времени, которое теперь ему кажется ничтожным (старые «коппейки»^[347]), стихотворения, в которых автор возвращается в воображаемый ад (дьявольские стихи) или в реально существующую тюрьму, и, наконец, десять мистических сонетов. Можно только сожалеть о том, что сборник так и не вышел в свет, поскольку он отражает этапы перехода от отчаяния к надежде, прорыв из ада к небесам. Впоследствии стихи были распределены в случайном порядке по разным сборникам — «Мудрость», «Давно и недавно», «Параллельно».

Есть кое-какие новости о Рембо. Правда, то, что Поль узнает в апреле через Делаэ, ему очень не нравится. Наша «любопытная Варвара», не только ничему не научившись, но и, конечно, ничего не забыв, осмелился просить у него сотню франков, чтобы срочно погасить один долг. Верлен отказался, причем довольно сухо. И вот в ответ, опять-таки через Делаэ, приходит письмо, «написанное заплетающимся языком пьяницы», полное непристойных дерзостей, с плохо замаскированными угрозами шантажа^[348]. Ну нет, это уж слишком! «Идиотизм 1872» в прошлом. Курица, несущая золотые яйца, приказала долго жить!

Но этот неблагодарный все еще мог навредить ему, сообщив, например, мистеру Эндрю, что тот приютил у себя в доме бывшего заключенного...

И вот Верлен, решив покончить с этой проблемой, изливает свои чувства в длинном письме к Делаэ (апрель 1875): «В конце концов, я не так много добра видел от этой „любопытной Варвары“! В самом деле, подведем итоги: полтора года я провел в известном тебе месте, мои и без того скромные сбережения растрочены, моя семья распалась, мои советы отвергнуты, а в довершение всего я сталкиваюсь с неприкрытой наглостью. Премного благодарен!» И далее о Рембо: «В сущности, он всего лишь грязный негодяй и воинствующий невежда». В настоящий момент он «свинья и грубиян», но к тридцати «он превратится в злобного буржуа, вульгарнее которого — только сама вульгарность», разве что, добавляет Поль, он «не получит урок вроде моего...». Тем не менее он «на полном серьезе» продолжает питать к нему искреннюю симпатию.

Когда потом он будет справляться у Делаэ, есть ли новости от «штутгартской штучки» и «штутгартского студента», это можно объяснить скорее привычкой и желанием быть информированным на случай возвращения, пусть даже почти невероятного.

Рембо, натура более решительная, на детали внимания не обращал. Если разрыв, то ни шагу назад. Верлен стал для него прошлым, с которым он порвал раз и навсегда. Ни гнева, ни злобы, ни сожалений. К старому приятелю — «Лойоле», как он говорил, — он относится теперь с презрительным безразличием.

Именно это — окончательность разрыва — приносило наибольшие мучения Верлену, именно это испытание было для него самым болезненным.

Между тем вскоре он узнает, что Жермен Нуво в Англии: «Ты знаком с Нуво? — спрашивает он Делаэ. — Что это за человек? Ответь». Факт совместной жизни с Рембо в тот момент, когда сам Верлен «питался тюремной похлебкой», очевидно нельзя было считать единственным критерием. Если Поль интересуется Нуво и его моральными качествами, это означает лишь то, что он хочет понять, можно ли на него рассчитывать. В самом деле, Поль теперь жалеет, что послал ему «Озарения». Впрочем, в тот самый момент, когда он разыскивал адрес Нуво, признаваясь Делаэ, что где-то его «посеял», он «по невероятным каналам» получил от молодого провансальца письмо. В результате они встретились на лондонском вокзале Кингс Кросс приблизительно 15 мая 1875 года. Верлен очень сердечно вспоминает об этом событии в одном из своих сонетов («Жермену Нуво»,

сборник «Посвящения»). То, что они виделись раньше, в «Отель Дезетранже» — пусть мельком, — облегчило знакомство. Виделись знакомыми — встретились друзьями.

Тем для беседы было предостаточно: Англия и англичане (которых Нуво на дух не переносил), Рембо и в особенности рукопись «Озарений», которую Верлен настойчиво просил вернуть (он проделал путь в двести километров не только ради удовольствия поболтать с приятным человеком), и наконец, религия, от которой Нуво был достаточно далек. Он сам нам это доказывает:

О да, Бог есть, но в сколь ничтожной мере!^[349]

Это строчка из его стихотворения «Хозяйки», написанного в начале 1875 года.

Что такого мог открыть ему Верлен, что за считанные часы изменило его взгляд на мир и породило в душе сильнейшее духовное волнение? Этого мы не знаем, но спустя некоторое время после этой встречи Нуво, подыскавший было себе место в сельском пансионе мистера Поу, внезапно исчезает. «Я бы остался, — пишет он своему дяде Александру Сильви 26 мая 1875 года, — если бы Бог не ждал меня в другом месте... Во мне произошли такие духовные перемены, что вполне вероятно, даже внешне я не тот, что прежде».

Воспользовавшись помощью одного лондонского благотворительного общества, он возвращается домой, в Пурьер, департамент Вар.

В июле Верлен доставляет себе удовольствие тем, что приезжает в Лондон, сопровождая мистера Эндрю на его экзамен. После чего собирается поехать в Аррас к матери, счастливый, что получил наконец давно заслуженный отдых.

Делаэ вводит его в курс событий и сообщает новости: для него, Делаэ, вопрос об отдыхе просто не стоит, поскольку приходится упорно готовиться к первой части бакалаврского экзамена, продолжая при этом заниматься административными делами. Из мезьерской префектуры его только что перевели в гражданское управление мэрии Шарлевиля.

У Рембо все еще смешнее: «В настоящий момент Рембо в Марселе, и по всей видимости, прежде чем там очутиться, он обошел пешком всю Лигурию. После таких мытарств консул в приказном порядке отправил его на родину^[350]».

Как бы там ни было, он заявляет о своем намерении податься к

карлистам (!) и изучать испанский, а также продолжает упражняться в надувательстве нескольких еще оставшихся у него друзей» ^[351].

Карлисты! Значит, и он тоже! Да это просто восхитительно!

Жадно интересуясь подробностями, Верлен приглашает Делаэ в августе приехать к нему на недельку, как только тот сдаст свой экзамен.

И вот его, бесконечно гордого по поводу сданного экзамена, в своем чистеньком доме в Эльброннском тупике (ныне улица Амьен), встречает г-жа Верлен. Отдых протекает в атмосфере очаровательной фамильярности поэта и любезности — порой, правда, несколько авторитарной — его матушки. «И вновь, — пишет он, — то лето встает перед моими глазами: г-жа Верлен, легкая и стройная, курсирует между столовой и кухней, где на плите булькает что-нибудь необыкновенное; поэт с трубкой в зубах ходит взад-вперед по гостиной среди старинных кресел, обитых бархатом тигровой расцветки» ^[352]. Делаэ веселит Поля и его мать историей о том, как Рембо потребовал от него назад подаренный ему экземпляр «Лета в аду», чтобы преподарить его одной миланской даме, которая милосердно приютила его на третьем этаже дома на Пьяцца дель Дуомо. Делаэ продолжает: «Как-то раз в гостиной, когда Верлен перелистывал альбом с семейными фотографиями, я услышал, как он глубоко вздохнул, взглянув на портрет жены, затем взял неприкрепленную фотографию Рембо и положил ее поверх первой, а потом захлопнул альбом. „Я соединил двух людей, из-за которых страдал больше всего“, — сказал он. „Как ты можешь!“ — вскричал я. „Очень просто, это правда“, — мрачно парировал он».

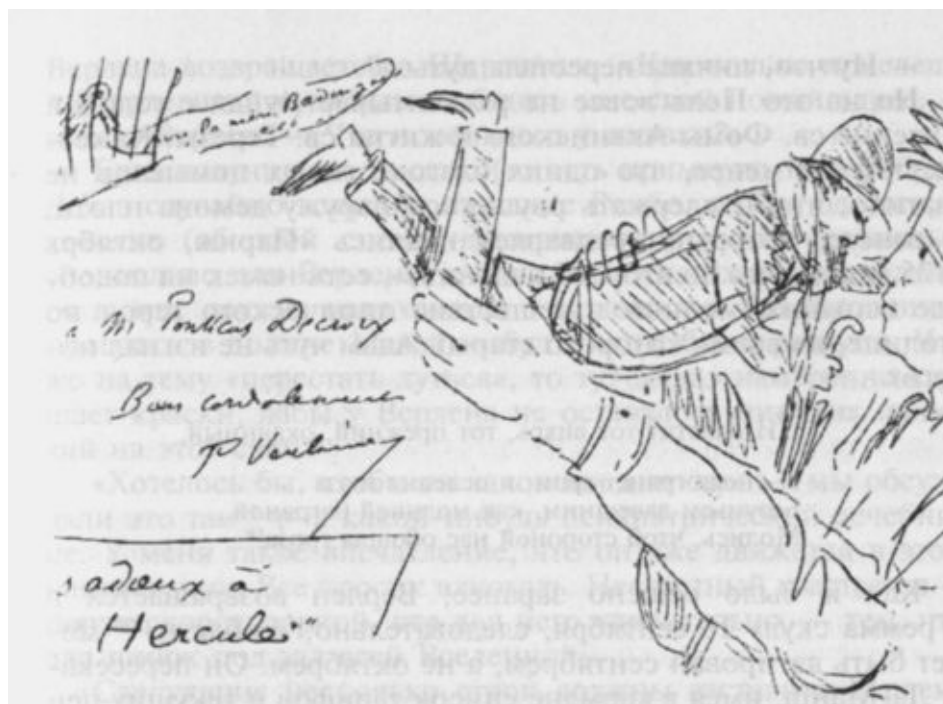
Верлен знакомит со счастливым Делаэ своих друзей — семью Декруа из Физэ, деревни, расположенной по соседству с Аррасом, куда их обоих приглашают в гости на несколько дней. Глава семьи, г-н Луи Декруа, в прошлом профессор шарлевильского колледжа, жил со своей женой, школьным директором, и взрослыми детьми — старшим, двадцатипятилетним Ирене, виноделом, и Понтиком, младшим, парнем крепкого телосложения, получившим за это от Верлена прозвище Геркулес, и дочкой Антуанеттой.

Каждый день молодые люди отправлялись гулять (Антуанетта оставалась дома), причем уходили так далеко, что возвращались далеко за полночь, сотрясая окрестные леса застольными песнями, сопровождавшимися игрой Ирене на маленькой жестяной флейте, шутками и взрывами хохота. Об этом — сонет «К Ирене Декруа» из сборника «Посвящения».

Поля, берега «журчащего^[353] Скарпа^[354]», леса, раскиданные неподалеку деревеньки Плувен, Ро, Аметт, где показывали дом, в котором родился св. Бенедикт-Иосиф Лабрский, все эти места были ареной их буйных подвигов. По вечерам за ужином г-н Декруа, легитимист^[355], поклонник Генриха V, заставлял Верлена смеяться до слез, когда его дрозд начинал насвистывать популярный мотивчик «Отец и мать Наполеон»; получалось только начало, так как птица никак не хотела выучить следующую строчку («за два су целый галлон»).

А что же случилось с Рембо после его «невероятных приключений»? Из письма Жермена Нуво от 17 августа 1875 года Верлен узнает, что Рембо вернулся в Париж. «По словам Форена, Рембо в Париже, — сообщает Нуво. — Форен добавляет также, что живет Рембо с Мерсье и Кабанером».

Письмо сопровождается забавными рисунками, описывающими путешествие из Парижа в Марсель, которое Нуво только что проделал. В час ночи он разыскивал Рембо по всему Старому Порту; показывая на тень, которая проскользнула в какое-то кабаре, он задается вопросом: «Кто знает?..»

Поль Верлен и Понтик Декруа, 1876. Рис. П. Верлена.

Верлен сделал из этого вывод, что наш пилигрим собирается вскоре

вернуться в родные Арденны. И вот 24 августа он поручает Делаэ передать ему письмо, прокомментировав это следующим образом: «Я думаю, что это то, что ему сейчас нужно». Само письмо пропало, но сохранилось шуточное десятистишие, которое его сопровождало. Сохранился и небольшой набросок, изображавший пьяного Рембо за столом посреди бутылок и стаканов. Вот финал десятистишия:

Так чем же мне заняться? Дьявол! Вот напасть!
К карлистам было я хотел уже податься.
Но лучше жрать дерьмо, чем с жизнью расставаться^[356].

Но Верлен не знал, что Рембо задержится в Париже, найдя, как свидетельствует его сестра, место классного надзирателя в Мезон-Альфор. Делаэ, не имея никаких новостей от Рембо, вынужден спрашивать у Верлена: «Получил ли ты долгожданное послание знатока испанской грамматики? Он задел тебя за живое? Если соберешься перерезать ему горло в какой-нибудь таверне, не мучай его слишком долго».

И с оптимизмом заключает: «Я все-таки еще питаю иллюзию, что в конце концов наша пиявка^[357] перестанет дуться»^[358].

Отсюда новые шуточки Верлена:
— Ну что, пиявка перестала дуться?

Но на это Поль вовсе не рассчитывает, уйдя с головой в чтение св. Фомы Аквинского и жития св. Терезы. Кажется, тем не менее, что одних благочестивых помыслов не хватило, чтобы сдержать рвущегося наружу демона плоти. В сонете, который предваряет надпись «Париж, октябрь 1875 (незадолго до второго падения)», есть намек на подобное вспышке молнии путешествие лирического героя по столице, во время которого старый Адам чуть не изгнал нового:

...И налетит тот вихрь, тот прежний, окаянный,

И снова грянет гром, и ослепит глаза
Безумьем давешним, как молнией багряной...
Молись, чтоб стороной нас обошла гроза!^[359]

Как и было решено заранее, Верлен возвращается в «Гремма скул» 18 сентября, следовательно, «соблазн»^[360] может быть датирован сентябрем, а

не октябрем. Он пересекает Ла-Манш, имея в кармане список тарифов и текущих цен на вина, которые поставляет Ирене Декруа.

— В Бостоне, — пообещал он, — я постараюсь найти покупателей.

Новый учебный год начался не с лучших предзнаменований. Во-первых, в коммерческом плане идея с продажей вин с треском провалилась: англичане, вынужден был объяснять Поль Ирене, не хотят ничего покупать, предварительно не попробовав.

Затем, другое. Рембо вернулся в Шарлевиль и не нашел там никого, кто желал бы с ним общаться^[361], зато нашел на почте среди писем до востребования послание от Верлена. «Получил письмо и открытку П. В. неделю назад, — пишет Рембо 14 октября Делаэ. — Я не комментирую последние грубости Лойолы, не испытываю никакого желания сейчас о нем говорить». Письмо продолжают описания ужаса при мысли о призыве в армию и сообщение о том, что он хотел бы вновь серьезно взяться за учебу (на бакалавра естественных наук).

Но вскоре все возвращается на круги своя. Делаэ, которому мало платят в Суассоне, к большому удовольствию Верлена возвращается в Шарлевиль. «Как только приедешь в Шарлевиль, не забудь сообщить мне свой новый адрес, — пишет Верлен. — Что новенького у пиявки?»

Едва получив это письмо (то есть примерно 18 октября), Делаэ случайно встретил на улице Рембо, строго одетого, в котелке (об этой сцене напоминает рисунок, сделанный специально для Верлена^[362]). Они были счастливы встретиться вновь: дружба напоминала о молодости. Возобновились прогулки в долине Мааса — будто и не было разлуки. Что же на тему «перестать дуться», то тут Делаэ намеренно сгущает краски, дабы у Верлена не оставалось никаких иллюзий на этот счет:

«Хотелось бы, чтобы он закончил дни свои — мы обсуждали это там^[363] — в какой-нибудь психиатрической лечебнице. У меня такое впечатление, что он уже движется в этом направлении. Все просто: алкоголь. Несчастный хвастается — почти скороговоркой, что для него удивительно, — тем, что дал пинок под зад всей Вселенной».

Следующие несколько строк должны заставить Верлена содрогнуться:

«Что до тебя, то он считает, что ты всего лишь скряга, твое поведение — „свинство или проявление неприязни“. Он был у твоей матери в Париже. Портье сказал ему, что она в Бельгии. Ему (красавцу нашему) известно, что ты поехал в Бостон, но он думает, что в данный момент ты уже вернулся в Лондон. Разумеется, я ничего не знаю, я тебя совсем потерял из виду»^[364].

Эта информация, полученная, возможно, через Жермена Нуво, привела Верлена в полное смятение: он умоляет всех своих друзей и адресатов хранить в строжайшей тайне его местопребывание и распусть слух о том, что он якобы уехал в Америку!

Именно этим временем датируется знаменитое стихотворение, в котором клеймятся позором гордыня и упрямство «вертопраха»:

Гордыня лишь одна блестит в очах героя,
И первородный Грех, и радости утробы...
О Господи, спаси сей плод бессильной злобы!^[365]

Но Верлена ждет еще более тяжелое разочарование. В июле он послал Лемерру несколько стихотворений (включая сонет «О прелесть женская!», который позднее будет включен в сборник «Мудрость») для публикации в третьем томе «Современного Парнаса». «Мне кажется, — пишет он 7 июля Эмилю Блемону, — что мое имя должно быть в 3-м Парнасе хотя бы из соображений симметрии — иначе это воспримут как опечатку».

Однако в октябре 1875-го редколлегия — «Комитетос Граций», как ее называли, — отклонила его стихи. Франсуа Коппе и Теодор де Банвиль воздержались, а Анатоль Франс проголосовал против, мотивируя это так: «Ни за что. Автор недостойн, а его стихи — одни из самых плохих, какие мне когда-либо приходилось видеть». Эта инвектива со стороны родных авторитетов задела Поля очень глубоко, хотя он всячески пытался это скрыть.

«Не очень-то я удивился объявленным результатам, — пишет он Блемону 27 октября, — и не очень-то расстроен. Что касается того, что вы мне говорите, то это ужасное свинство, ну а что до меня, то я дурак в квадрате, если не в кубе».

На самом деле, этот своеобразный остракизм, которому он был подвергнут вместе с Бодлером, Малларме и Шарлем Кро, был для него тяжелым ударом.

К счастью, Нуво начал в Париже настоящую битву с бородатыми старцами Парнаса («Пернаса», — говорил он презрительно) и их приспешниками, «омерзительными и ненавистными всем». Вместе с Шарлем Кро и еще несколькими друзьями Нуво начинает готовить сатирический сборник «Современный Монпарнас», окончательное название которого будет «Реалистические десятистишия». На встречах у Нины де Калльяс Нуво был единственным, кто осмеливался произносить

вслух имя Верлена — о нем забыли, будто он умер. «На месте Верлена, — сказала как-то Нуво Нина, — я бы смело вернулась в Париж, обошлась бы без походов к Вольтерам и свиданий с прежними приятелями (в общем, малоприятных), ну а когда придет успех (в театре или через газеты), обо мне вспомнят, если для меня вообще это имеет какое-нибудь значение!» Слова Нины, переданные Нуво, ободрили Верлена. «Не прибавлю к этому ничего нового, — пишет далее Нуво, — так как видя, как вы изменились, я мысленно спрашиваю себя, есть ли вам смысл оставаться далее в Бостоне».

Золотые слова, дорогой друг! Ей-богу, не он не достоин Парижа, а Париж не достоин его! Но чтобы укрепить шаткое душевное равновесие, нужна еще одна передышка. «Я по-прежнему не вижу никаких причин к тому, чтобы жалеть о принятом год назад решении, — пишет он 8 февраля Эмилю Блемону. — Сейчас, в нынешних условиях, оно становится окончательным: мне нужен покой любой ценой, место вдали от всяких беспокойств... и мудрость!»

С начала учебного года, в сентябре, Поль твердо решает не задерживаться более в «Гремма скул» и обосноваться в Бостоне. В ноябре он не стал продлевать контракт. Все, чего смог добиться настойчивыми уговорами мистер Эндрю, искренне его любивший, — чтобы он остался хотя бы до ноября.

Каковы были причины такого решения? Разве он не был счастлив? Не был свободен от забот? Причины, которые он перечисляет сам: «срррррредства (sic)», отсутствие развлечений, тяготы деревенской жизни, особенно зимой, свободолюбие — скорее всего, просто поводы. Вполне возможно, что гораздо больше угнетало, постоянно мучило его то, что ежедневно он видел перед глазами дружную христианскую семью (в которой, по жестокой иронии судьбы, одного из детей звали Джорджем). У Поля тоже были молодая жена и сын, но Рок вынудил его скитаться и прислуживать другим.

И все это «за красивые глаза» Рембо, способного на одни оскорбления и насмешки! Ах, как же он был на него зол! Письмо к Делаэ от 27 ноября 1875-го, в котором речь идет о Рембо, полно страшных обвинений в адрес «мерзкого фигляра» (так оскорбительно отозвался о Рембо Эрнест д'Эрвильи^[366]). Когда Делаэ сообщил Верлену о том, что «наша Варвара» собирается начать подготовку к экзаменам в Политехническую и в Центральную школы, того словно прорвало: «Какой осел, которого даже ослы назвали бы ослом из ослов, посоветовал ему поступать в

Политехническую?» Правда, чуть ниже он добавляет: «Если тебе попадутся на глаза его стихи (старые), прошу тебя, перепиши их и пришли мне».

«Его стихи? — отвечает Делаэ. — Да у него давно уже нет вдохновения. Я даже думаю, что он уж и забыл о том, как оно выглядит».

Рембо больше решительно ни на что не годен.

Тем не менее некоторое время спустя, перед тем как уехать на рождественские каникулы, Верлен послал ему из Лондона — как обычно, через Делаэ — последнее письмо, датированное воскресеньем 12 декабря 1875 года, в котором он умоляет Рембо стать наконец посерьезней и задуматься о том, где правда, а где ложь.

«Я бы так хотел видеть тебя прозревшим, мыслящим. Мне очень горько знать, что ты занимаешься такими глупостями, ты — такой умный, такой *способный* (удивляешься? а это правда!). Я взываю к твоему отвращению ко всему и вся, к твоему гневу, перед которым ничто не устоит — и это гнев праведный, хотя ты и не знаешь, почему это так».

Конец письма довольно сухой:

«Прошу — сохрани в своей душе немного доброты (ну да!), немного уважения и немного тепла для того, кто всегда будет твоим другом, ты это знаешь.

Твой всем сердцем, П. В.

Я еще изложу тебе свои планы (в них нет ничего особенного) и дам советы, которым, я очень надеюсь, ты последуешь. Речь идет не о религии, хотя, как только ты ответишь мне „properly“^[367] через Делаэ, я стану настойчиво советовать тебе обратиться к ней».

Разумеется, Рембо не ответил на столь неуклюжее письмо. Удивительно, что он не порвал его в клочки.

Что же касается Верлена, то он решил пренебречь рождественскими торжествами в «Гремма скул» и приблизительно 20 декабря уехал. В Аррасе, где его баловала гостинцами мать, в Фьефе, где он вновь встретился с семейством Декруа, Поль нашел утешение всем бедам и невзгодам этих мрачных месяцев.

Но в Бостоне возникли проблемы с устройством на работу, и поэтому он должен был месяца на три остаться у мистера Эндрю.

Поль был бы очень рад видеть у себя в Бостоне Жермена Нуво, которого он пригласил приехать вместе с сестрой Лоранс, чтобы помочь отцу Сабеле украсить церковь; но в письме от 17 января 1876 года его друг

выражает сожаление по поводу того, что не смог приехать: не позволяло финансовое положение. В качестве компенсации Нуво дарит Верлену несколько прекрасных рисунков с изображениями Латинского квартала и салона Нины, сопровождая посылку следующей фразой: «О Рембо никаких новостей — почему это я боюсь писать его имя полностью?»

К счастью, умница Делаэ взял на себя труд восполнить этот пробел. Несчастный Артюр недавно потерял юную сестру Витали, которой было всего семнадцать, и к тому же страдал сильнейшими головными болями, которые он относил на счет своей шевелюры: возможно, поэтому он побрился наголо, и его голова теперь напоминает яйцо (прилагался рисунок, подписанный «голова под машинку»^[368]).

В конце января Делаэ сообщил о новом увлечении «красавца»: он теперь «прилип к пианино» и насилует несчастный инструмент круглые сутки. Верлена это известие позабавило, и он не отказал себе в удовольствии изобразить Артюра, терроризирующего своими музыкальными штудиями мать и владельца дома. Надпись внизу гласила: «Музыка примиряет людей»^[369].

И опять молчание. А за окном не переставая льет дождь, и все сидят по домам (осадки в тот год были просто катастрофическими). Делаэ вынужден повторяться: «Для него все человечество — один сплошной сброд, он скатывается все ниже и ниже, и вполне возможно, что закончится все это каким-нибудь несчастным случаем». Это будут последние новости из Шарлевиля, так как в феврале Делаэ навсегда покинет этот город, получив место преподавателя в коллеже Нотр-Дам в Ретеле^[370]. Вместо новых деталей из жизни Рембо Верлен будет отныне получать от Делаэ столь же вдохновенную иллюстрированную «хронику событий», героями которой станут лицеисты (одному из них он в шутку приделал голову Верлена), его коллеги-преподаватели и он сам.

Несчастный изгнанник очень нуждался хоть в капле юмора и хорошего настроения: он начинал серьезно скучать. В письме к Эмилю Блемону от 8 февраля 1876 года он признается, что жизнь его тяжела и беспросветна. Впрочем, он не жалеет о том, что не возвращается в парижских кругах, которые называет «вавилонским столпотворением», «сушим адом», хотя и не представляет себе в будущем жизнь где-нибудь в другом месте. Но это потом. А пока приходится «отчаянно зубрить английский».

Скука становится настолько невыносимой, что в начале марта он просит мать навестить его. Ее приезд — луч света в темном царстве. Комнату для нее находят в доме деревенского портного, мистера Ловела.

Своей сердечностью и прямоотой ей удалось покорить всех членов семьи Эндрю от мала до велика: детей она баловала сладостями и даже большому пуделю Нерону и коню Таффи доставались леденцы! Все жители Стикни вскоре познакомились с доброй старушкой-француженкой. Ей был представлен даже известный в округе философ доктор Максвелл, прославившийся своим свободомыслием. Во время поездок в бостонскую католическую часовню г-жа Верлен очень уставала и поэтому обычно вместе с сыном и семьей мистера Эндрю посещала англиканский храм в Стикни, где во время службы читала текст мессы по своему молитвеннику. Она всем нравилась, и всё — за исключением английской кухни — нравилось ей. Но наконец настало время принимать окончательное решение.

«Поговорил вчера с моим начальником, — пишет Верлен Делаэ (март 1876). — Очень возможно, что уеду в конце месяца. Расстаемся в прекрасных отношениях, я получаю великолепную рекомендацию. На какое-то время задержусь в городе, пастор (Лойола!) обещал мне свою помощь».

Ах, какими трогательными были проводы! Плакали все. Школьный экипаж увозил Верлена, его мать и их вещи на новое место, в бостонскую гостиницу «У кита», что на улице Мейн Ридж, дом 48, владельцем которой был некий Уильям Кейтс. Для преподавателя жилище оказалось мало приспособлено. Комнаты располагались прямо под баром, в подвале которого, похожем на музей в гроте, с полами, выстланными мозаикой из ракушек, изображавших морских чудовищ, был выставлен огромный скелет кита, выброшенного на берег в устье местной речушки Уитем около сорока лет назад. В святая святых допускались только самые уважаемые клиенты.

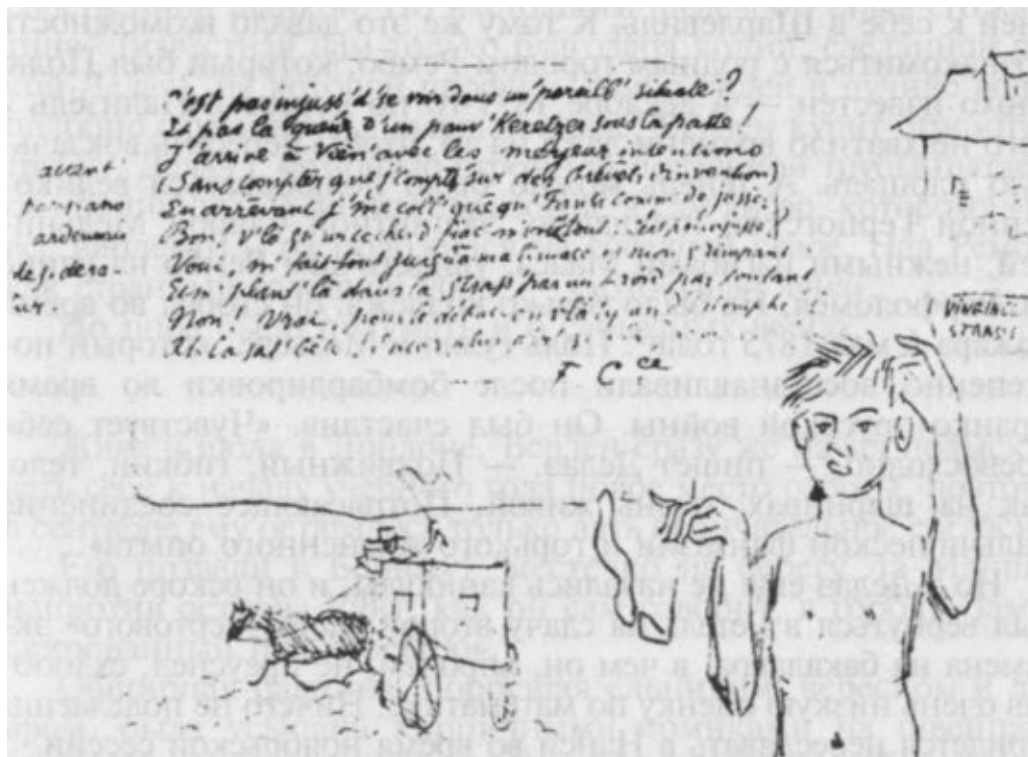
Верлен дал объявления в газеты «Бостон Гардиан» и «Вестник Линкольншира». Вот одно из объявлений, найденное г-ном Ундервудом: «Монс. Поль Верлен, бакалавр юриспруденции, выпускник Парижского Университета, дает уроки французского, латыни и рисования. Наилучшие рекомендации. Адрес: Бостон, улица Мейн Ридж, 48» ^[371].

Кажется, в результате у него оказалось 2–3 ученика, не считая брата отца Сабелы, высокого немца, который сражался при Седане. По-французски он не говорил, Верлен, в свою очередь, не понимал немецкий, поэтому объясняться приходилось на плохом английском.

В конце апреля 1876 года Делаэ рассказал Верлену, что Рембо снова вляпался в историю. Произошло это во время прогулки по Вене, откуда он

собирался попасть в Варну в Болгарии и там сесть на корабль в Аравию. Как только Верлен об этом узнал, он тотчас же отписал, что хочет знать все подробности приключений «венского красавца». Новый рисунок с подписью «Путешествия — лучшее образование для молодежи ^[372]» иллюстрирует торжественное начало приключения.

В Вене Артюр, выпив слишком много пива, по неосторожности заснул в экипаже, который нанял для прогулки по городу. Проснувшись, он обнаружил, что лежит на мостовой без пальто, документов и денег, а пройдоха-кучер, обчистив его до нитки, смывается, неистово нахлестывая свою кобылу. И вот бедный Артюр становится уличным торговцем, стараясь хоть чем-то прокормиться в австрийской столице, но после первого же столкновения с полицией его препровождают к баварской границе, откуда, пристыженный, он возвращается в Шарлевиль. Что ж, и для Верлена, и для Делаэ это хороший повод для новой серии рисунков. Делаэ изображает «возвращение блудного сына», следующего под конвоем через Баварию с «паспортом» ^[373] в руках. Ну а Верлен изображает его на улице «Атамщустрассе» совершенно голым и рвущим на себе волосы от отчаяния, в то время как мошенник-кучер издалека показывает ему нос. Размышления разочарованного Артюра становятся сюжетом новой «коппейки»:

Что сказать вам, я не знаю: вот попал — так уж попал;
Был бы рядом полицейский, я б его измордовал.
Значит, выбрался я в Вену. Думал я, что был хитер —
Целый ворох документов в карманах с собой припер.
В местных кабаках нажрался, так что лыка не вязал,
И извозчик ненавистный меня гнусно обокрал,
Лишь штаны одни оставил. Вы ответьте мне, друзья —
Разве это справедливо?! Ладно. Ну и, значит, я
Вену, что твой дог, обрыскал, но найти его не могу.
Так лучше в Шарлевиле жрать мегерино^[374] дерьмо!^[375]

Мотаться по урокам и потягивать по вечерам винцо с синьором Селлой в окружении навевавших тоску китовых костей Верлену вскоре наскучило — он решает уехать из Бостона. 1 июня он едет в Лондон и там живет до конца месяца, до своего возвращения во Францию. Вполне возможно — на этом настаивает г-н Ундервуд, — после отъезда матери во Францию Поль переехал из гостиницы в комнату, которую вместе со своей сестрой сдавал молодой человек по имени Суден. Что бы там ни было, свой план Поль привел в исполнение, окончательно решив подыскать себе на будущий год другой пансион. На собственном опыте он теперь, убедился, что это самый надежный путь.

В благодарность за прошлогоднее приглашение погостить в Аррасе в июле 1876-го Делаэ позвал Верлена на несколько дней к себе в Шарлевиль. К тому же это давало возможность познакомиться с родным городом Рембо, который был Полю плохо известен — в декабре 1871-го по дороге в Пализель у него не хватило времени даже на то, чтобы пересечь вокзальную площадь. А теперь можно было полюбоваться великолепной Герцогской площадью, элегантной Старой Мельницей, нежными изгибами Мааса, увидеть дом Рембо на улице св. Варфоломея. Не было только коллежа: он сгорел во время пожара 6 мая 1875 года^[376]. Поль гулял в Мезьере, который постепенно восстанавливали после бомбардировки во время франко-прусской войны. Он был счастлив. «Чувствует себя превосходно, — пишет Делаэ. — Подвижный, гибкий, тело, как на шарнирах, очень живой. Потрясающее соединение мальчишеской фантазии и горького жизненного опыта».

Но у Делаэ еще не начались каникулы, и он вскоре должен был вернуться в Ретель на сдачу второй части «чертовой» экзамена на бакалавра, в чем он, впрочем, не преуспел, схлопотав очень низкую оценку по математике. Ничего не поделаешь! Придется пересдавать в Нанси во время ноябрьской сессии.

По возвращении в Аррас Верлен, по его собственным словам, ведет отшельническую жизнь, появляясь в кафе Сампёр только по субботам, чтобы полистать иллюстрированные журналы. В письмах он буквально засыпает Делаэ вопросами о Рембо: что с ним? Он так давно уехал, наверное, он сейчас уже где-нибудь в Заире или в Конго! Артюр фигурирует в письмах под новыми именами: «кафр», «готтентот», «сенегалец» и т. п. Но Делаэ ничего определенного сказать не может: «Новостей о готтентоте все нет. Как он там? Быть может, кости его белеют на вершине какой-нибудь знаменитой пирамиды?»^[377] Или: «О сенегальце никаких новостей, правда, я тут недавно узнал, что дагомейский^[378] султан в минуту гнева велел схватить всех европейцев, которые на свое горе оказались в тот момент в его гостеприимной стране»^[379].

Иллюстрируют переписку новые графические фантазии: Делаэ представляет Рембо туземным царьком, специально посланным из Шарлевиля миссионером, кафром, с ног до головы покрытым татуировкой и т. д. Затем в игру вступает Нуво: в письме к Верлену от 21 августа 1876 года он изображает Рембо на фоне «негритянского пейзажа», в пустыне, бегущим за собственной шапкой. Но настоящим шедевром стала его картина^[380] (известная нам только благодаря копии, сделанной рукой Делаэ), на которой профиль Рембо виден в пучине волн, подобно случайно выплывшей наяде; Верлен курит огромную трубку, Делаэ с помощью огромной подзорной трубы пытается проникнуть за линию горизонта, а сам автор, которому «на все наплевать», расположился на соседней скале. Над Рембо, как странный головной убор, — «хохочущая луна».

Но пора было подумать и о серьезных вещах.

Живя с июля в Лондоне, Верлен сразу же начал подыскивать себе к началу учебного года новое место работы, поэтому в сентябре ему оставалось только дать окончательное согласие.

Его позвали в Борнмут, местечко на берегу Ла-Манша, напротив острова Уайт, как он сам говорит, в город, «замаскированный под деревню».

Обширная равнина, поросшая ельником, вереском и лавром, была усыпана кирпичными домиками на швейцарский манер, кое-где виднелись белые виллы; обломанная скала, кладбище на холме, а внизу, у самой воды, песчаный пляж. На горизонте выделялись только внушительных размеров храм без шпиля и остроконечная колокольня католической церкви. Здесь все располагало к мечтаниям. В замечательном стихотворении «Борнмут» (сборник «Любовь») Верлену удалось передать мягкость полутонов подернутого дымкой неба и строгость уединения этого дикого края.

В глубине плато располагался пансион св. Алоизия (св. Луиджи де Гонзага^[381]), большой дом в швейцарском стиле с прекрасным видом на море. Директор пансиона Фредерик Ремингтон, бывший пастор, обращенный в католичество, строгий бородатый человек с лорнетом, проживал там с женой и сестрой. В пансионе было около дюжины воспитанников — дети со слабым здоровьем или же отпрыски богатых семейств, готовых платить бешеные деньги за воспитание в пансионе.

Верлен преподавал французский, латынь (немного) и рисование (совсем чуть-чуть). Когда позволяло время, он водил своих учеников на пляж и иногда сам купался вместе с ними. Дисциплина была для Поля предметом постоянного беспокойства, так как «мальчишкам» она не очень-то нравилась; некоторые шотландцы вели себя прямо как «настоящие чертенята». На одной из фотографий этого времени Поль, чопорный, как протестантский священник, стоит рядом со своим учеником Альфредом Шнидом, черты лица которого удивительно напоминают лицо молодого Оскара Уайльда. «Каждое воскресенье ходим на католическую службу, — рассказывает Поль, — в маленькую изящную церквушку, прилегающую к иезуитской кокетке».

Г-н Ундервуд уточняет, что речь идет о церкви Сакре-Кёр, освященной в 1876 году. Из трех отцов-иезуитов, служивших в ней, один раньше был пастором, а другой приходился племянником кардиналу Мэннингу^[382].

Осень в этом забытом богом краю прошла в размышлениях, перечитывании Теннисона и подготовке нового сборника «Мудрость», который рассказывал о религиозном опыте неопита. Возможно, именно в Борнмуте было сочинено знаменитое

Эта песенка плачет смиренно,
Чтобы вы оглянулись украдкой.
Плачет тихо, томительно, сладко,

Шелестит, как на отмели пена^[383].

Мольба, обращенная к Неблагодарной, которая замкнулась в презрительном молчании. Сиври считает, что он послал ей это стихотворение, полное надежды и любви. Сколько раз, сидя на берегу моря, он поверял ему, как единственному другу, свои мечты о простом тихом счастье, на которое он имел право и в котором ему отказали там, на другом берегу Ла-Манша. Как сладок был бы покой, который

как звезда, вас поманит спасением^[384].

Упорство и терпение волн поддерживали в нем призрачную надежду:

Прекраснее море,
Чем наши соборы,
На вольном просторе
Немолчные хоры,
Могучей стихии —
Гимн Деве Марии!^[385]

Колокольный звон, доносившийся по вечерам из церквушки, прерывал его мечты; Поль крестился и шел домой с крестной мукой в сердце.

Правда, с континента приходили новости: Делаэ, занимаясь усерднее иных своих учеников, «корпел» над ненавистной математикой. О Рембо речи больше не было. А Нуво сообщал о свадьбе своей сестры и молодого нотариуса по имени Евсевий Манюэль, родом из Руссе^[386]. У других жизнь шла своим чередом, а его, казалось, замерла в каком-то тягостном и бесплодном ожидании.

На рождественские каникулы Поль через Лондон снова поехал в Аррас. После этих душных месяцев жизнь ненаглядного дитяти, которую умела организовать для него мать, показалась Полю такой сладкой! Он посылает несколько стихотворений (возможно, в их числе было и «Эта песенка плачет смиренно...») Виктору Гюго, мнение которого имело для Верлена гораздо большее значение, чем признание на чахнущем Парнасе.

«Ваши стихи попросту великолепны», — ответил мэтр в письме от 24 декабря. Это письмо приободрило Поля. Правда, конец письма снова

разбередил его рану. «Преклоняюсь к стопам Вашей очаровательной жены», — добавлял Гюго, уверенный в том, что автор стихов вновь обрел счастье подле той, которую любил. Увы!

Именно тогда Верлен принимает решение распрощаться с Англией и вновь завоевать Париж, чего бы это ни стоило. Чтобы не создавать проблем г-ну Ремингтону, он предупредил, что будет работать у него до Пасхи, то есть до конца марта, а потом будет считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств.

Впрочем, пока он строил планы на будущее, как-то раз в январе 1877 года в голову ему пришла мысль, которую он немедленно привел в исполнение: «Почему бы не съездить в Париж, чтобы прозондировать почву?»

Г-н Истас принял его вместе с матерью. Лепеллетье уверил его в том, что он может рассчитывать на его помощь, как только приедет.

15 января он пишет обо всем Ирене Декруа: «Завтра утром возвращаюсь в Англию, в Борнмут (адрес: Вестберн Террас, 2), где надеюсь получить от вас новости и откуда уеду ориентировочно 1 апреля на неделю в Лондон, перед тем как окончательно вернуться в этот Париж, который видел мою юность и, возможно, увидит мою старость, если я до таковой доживу» ^[387].

Вернувшись с континента 19 января, Поль делится своими планами с Лепеллетье: «Здесь я, возможно, задержусь еще месяца на три, после чего, вооружившись образцовыми рекомендациями, уеду и снова поселюсь в мировой Столице, „где все веселятся“, как сказал поэт».

Но это только слова, на деле у него нет абсолютно никакого желания «веселиться». Его намерения не идут дальше того, чтобы отныне жить «по-монастырски, имея одну-единственную радость — встречаться время от времени с сыном». Самого скромного места — «неважно где, пусть будет даже не очень подходящим» — ему вполне достаточно.

В конце января пришло письмо от Делаэ, в котором тот сообщал о возвращении Рембо. Само письмо утрачено, но по содержанию оно наверняка походило на письмо того же Делаэ Эрнесту Мило от 28 января: «ОН ВЕРНУЛСЯ!!!»

«Сенегалец», которого давно считали погибшим, просто-напросто отправился в путешествие на Яву. Его приняли в нидерландскую колониальную армию, откуда он дезертировал 15 августа 1876 года и вернулся в Шарлевиль, совершив удивительное путешествие из Семаранга (Индонезия) в Ливерпуль, во время которого обогнул мыс Доброй

Надежды, попав там в страшную бурю, а потом забрался на север, в самую Исландию! Из Ливерпуля Артур приехал в Гавр, а оттуда через Париж в Шарлевиль. Оплачивал он эту фантастическую поездку из пособия, полученного при добровольном поступлении на службу. Он очень устал, но все его разговоры были только о том, как бы побыстрее уехать из Шарлевиля снова.

Верлен отметил новость новой «коппейкой»:

О-ля-ля, далеко же ушел я вперед со времен той последней
«коппейки»!

Но какое мне дело, куда занесет меня ветер привольный!

В Сенегал я сбежал, и вернулся назад через Яву, Суматру и
остров,

Где лежит Бонапарт, чтоб ему было пусто в могиле!^[388]

Какими же долгими показались ему последние три месяца в Борнмуте! Ученики словно с цепи сорвались. Однажды в несчастного Верлена запустили снежком с камнем внутри; снежок попал ему в голову, и он упал без сознания. Кончится тем, что эти шалопаи его укокошат. Естественно, никто не признался в содеянном.

«Я пррррррриветствую твоё возвррррррращение в нашу Фррррррранцию, — пишет ему в марте 1877 года Делаэ, который только что доедал до конца свой бакалаврский экзамен. — В целом, я полагаю, что англичане уже давно прожужжали тебе все уши своим „птичьим языком“, и думаю, что после этого ты легко смиришься с „новым Вавилоном“, как замечательно говорят пруссаки»^[389].

29 марта, следуя составленному плану, он уехал из Лондона в Аррас, остановившись по дороге в Булонь-сюр-Мер, где теперь жило семейство Декруа. Ирене торговал книгами, его мать открыла школу. Наконец-то он на родине, в своем доме, на свободе! Прошлое умерло и лежит в земле. Он сотворит свою жизнь заново. Он восстановит уважение к себе, он найдет своих старых друзей, ему на все хватит мужества. Мечта о новой юности воодушевляла его, но юности светлой, очищенной от всех иллюзий! И в самом деле — ему всего-навсего тридцать три! Какие наши годы!

Глава XIV

РЕТЕЛЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ В ПОКОЕ

(апрель 1877 — начало августа 1879)

...в Ретеле, с совершенно спокойным сердцем и почти умиротворенными чувствами.

Из письма П. Верлена Ф.-О. Казальсу от 26 июня 1889 года

Париж — это, конечно, замечательно, но что там делать? Чем заниматься? Кем быть — чиновником или преподавателем? «На твоём месте, — советовал ему Делаэ, — я бы хорошо подумал, прежде чем снова идти в канцелярию; преподавать, на мой взгляд, не так противно».

Верлен предпочел не спеша подумать, и до конца мая 1887 года переписывал стихи, написанные в Англии.

А затем, в начале июня, он занялся поисками работы. Недолгое пребывание в столице показало, что его начинание не так-то просто будет претворить в жизнь. Впрочем, ему было нужно немного: найти работу «вдали от всяких треволнений», в какой-нибудь канцелярии или учебном заведении. Все, что требовалось, — спрятаться подальше от своего «старого круга», да и вообще от общества ^[390].

На всякий случай он связался с Малларме и попросил у него несколько практических советов по преподаванию английского языка. Потом, возложив все надежды на Лепеллетье, который, он был уверен, всегда ему поможет, Верлен, от нечего делать, проводил время в прогулках по улицам Парижа.

О город белокаменных громад! О крики улиц!
О пламень солнца ^[391]...

Паломник в собственное прошлое, он взбирался на холм Монмартр и искал взглядом улицу Николе, где некогда был его «дом», но куда теперь ему путь, увы, заказан, как и в другие «дома семейств», честь которых защищают двери и решетки на окнах.

Когда ему это надоело, Верлен, разочарованный, с пустыми руками вернулся в Аррас.

К счастью, у него оставались друзья.

Добряк Делаэ сообщил ему в июне 1877 года из Шарлевиля, что Рембо уехал. Куда? Тайна, покрытая мраком. «От нашего вертопраха никаких вестей, наверное, улетел далеко, очень далеко, так как с моего возвращения сюда я его не встречал»^[392].

Немного позднее, 9 августа, он уже мог рассказать ему о новых приключениях «вертопраха». Тот, нанявшись в администрацию цирка Луассе, известного мастера верховой езды, отправился в Скандинавию, а оттуда, в конце концов, его выслали во Францию местные власти. Верлен, развеселенный рисунком Делаэ, на котором Рембо чокался с белым медведем на Северном полюсе, ответил новой «копией»:

Есть в Париже «Шведское кафе», так зачем же в Швецию мотаться?

Здесь бухло дешевле и табак, так что можно на зиму остаться

В нашей милой Франции^[393]...

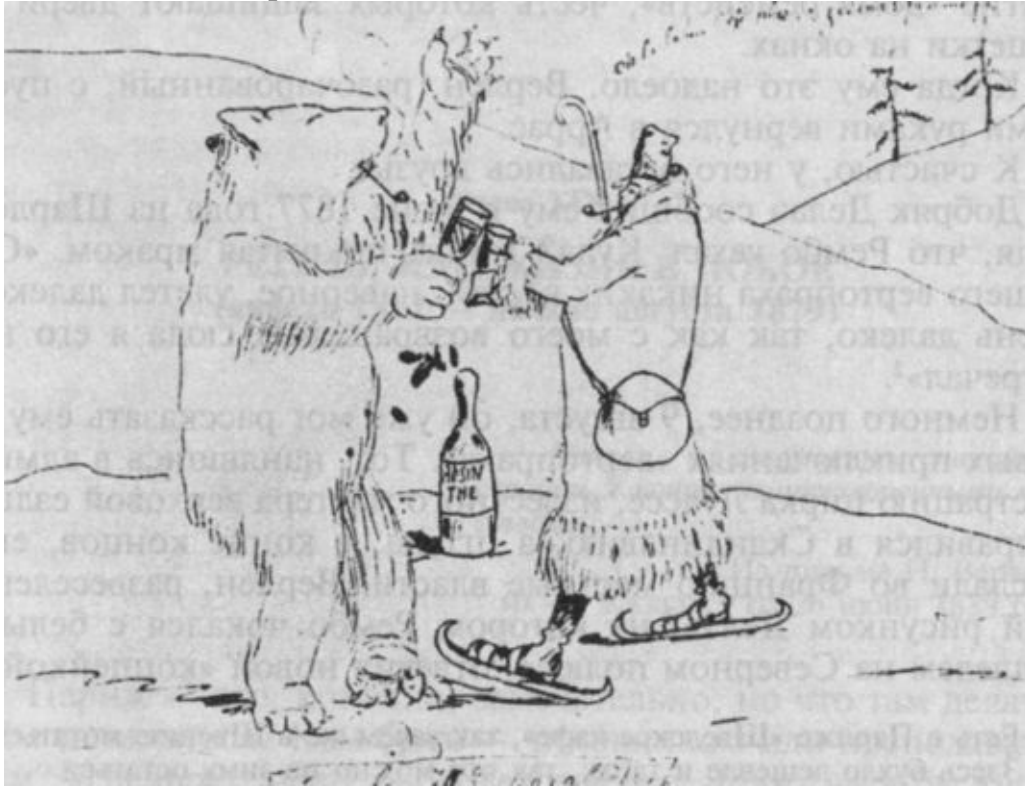
В конце августа к нему в гости приехал Жермен Нуво и передал привет от Жана Ришпена, с которым виделся в Гернси. Можно предположить, что именно тогда Верлен получил наконец рукопись «Озарений», которую он столько раз просил вернуть. Он с радостью и гордостью показал юному провансальцу милый его сердцу город Аррас; возможно, следующее стихотворение из сборника «Мудрость» навеяно их прогулками:

Мой друг парижанин, которому все не в новинку,

Взойдем же на холм, где рождается ясное солнце^[394].

Верлен провел своего друга по узким улицам, показал ему старинные ворота и местные церкви, числом тринадцать, уделив особое внимание соборам Св. Иакова, Св. Николая и Св. Жери. В последнем Нуво увидел расписное распятие, поразившее его до глубины души. Верлен уточняет: «Это большое распятие из дерева на первый взгляд кажется странным, но если рассмотреть его поближе, то вас поразит глубина его оригинальности, простота его классических линий, всепроникающая нежность его сурового

взгляда и точнейшее исполнение мельчайших деталей, которые вместе составляют поистине грандиозное целое»^[395].

Рембо и белый медведь. Рис. П. Верлена.

Завороженный Нуво некоторое время спустя, втайне, снова посетил этот собор, чтобы запечатлеть на холсте этот мистический образ^[396].

Верлен показал Нуво буквально все церкви и церквушки в округе и в конце концов привел его в «кафедральный» собор Св. Вааста, куда он и сам часто ходил слушать песнопения. Там они остановились перед памятником св. Бенедикту-Иосифу Лабрскому. Верлен рассказал своему задумчивому другу необычную историю жизни этого св. отшельника, который «в XVIII веке был единственным, кто составлял религиозную славу Франции». Нуво напряженно рассматривал памятник. Наступил решающий момент в его жизни. Образ этого аскета, который жил в Риме, в руинах Колизея, и питался объедками, которые сердобольные горожанки приносили кошкам, будет постоянно преследовать его с этого момента, будет увлекать его и наконец заставит его надеть лохмотья, взять в руки суму и палку и отправиться по дорогам Франции куда глаза глядят. Но от Жермена Нуво

образца 1877 года, полуверующего, легкой добычи соблазнов парижской разгульной жизни, до Смиренного Отшельника, которым он станет потом, был еще долгий путь.

Во Фьефе Верлен представил его семейству Декруа, а из Аметта они совершили традиционное паломничество к неприметному дому, где родился св. Бенедикт-Иосиф Лабрский.

Совершенно очарованный всем увиденным, Нуво покинул Верлена в начале сентября и отправился в Арденны, где ему посчастливилось встретиться со своим возлюбленным другом Делаэ, с которым он уже два года переписывался, но которого еще ни разу не видел в лицо.

Меж тем приближалось начало учебного года. Верлен оказался перед необходимостью принять решение. «Я надеюсь вскоре вернуться в Париж, — пишет он 7 сентября 1877 года Лепеллетье, — ведь там сейчас самое время наниматься на работу преподавателем»^[397]. Если ему и не удастся найти работу, он не будет терять зря время и возобновит свои отношения с Шарлем де Сиври — он был уверен, что таким окольным путем он сумеет примириться с Матильдой. Вместе они решили работать, как в старые добрые времена, над опереттой «Искушение святого Антония» по мотивам произведений Флобера.

Возможно, Верлен передал Сиври рукопись «Озарений», только что возвращенную ему. К ней он приложил, как мы уже говорили, песни Рембо, написанные в 1872 году. Сии сетования хорошо бы легли на нежную и ностальгическую музыку, которая так удавалась Сиври — он уже написал музыку для многих стихотворений из «Сатурновских стихов», «Галантных празднеств» и «Сандалового сундука» Шарля Кро. Так что в этом поступке не было ничего неожиданного. Сиври пообещал этим заняться.

Сойдясь снова с Сиври, Верлен решил пойти ва-банк, чтобы выиграть счастье. Увы, его нетерпение увидеться с собственным сыном погубило этот шанс. Матильда рассказывает в своих мемуарах, как однажды некто принес ей записку, отправленную ее мужем из соседнего кафе. В записке была просьба вернуть ему один рисунок его отца, а также отправить Жоржа с человеком, который принес записку. Матильда испугалась, что ребенка похитят, и поэтому передала лишь рисунок. Делаэ, которого Верлен посвятил в свои планы («Не забудь поцеловать от меня маленького Жоржа», — писал Делаэ ему незадолго до этого^[398]), первым узнал об их провале — он тогда сам находился в Париже.

Удушливая атмосфера Ретельского коллежа и плохие отношения с

префектом по поведению, отцом Делозаном, заставили Делаэ покинуть Ретель. В Париже он остановился ненадолго, прежде чем отправиться на свое новое место, в Орлеан, в заведение Пешара.

— Ты совершил ошибку, по-моему, — заметил ему Верлен, — у тебя там была жизнь тихая, обеспеченная, беззаботная (кстати, это то, что мне нужно!), и ты все бросил ради неизвестно чего.

Но Делаэ, не обратив внимание на «кстати», уехал в Орлеан и 28 сентября написал оттуда Верлену и Жермену Нуво, которые тогда виделись ежедневно, озорное письмецо (в стиле: «чего тут завались, так это Жанн д'Арк!», а о той, которая стояла на площади Мартруа, он писал так: «Она не виновата, что к ее ногам положили вот такое чудовище, но, в общем, она старается изо всех сил»^[399]).

Верлен же тайком представил свою кандидатуру на место, оставленное своим другом, и представил дело так, что тот его рекомендовал. Через несколько дней он получил предложение приезжать как можно скорее. Никого не предупредив, в конце октября 1877 года он отправился в коллеж Нотр-Дам в Ретеле.

Письмо, в котором он сообщал Делаэ, что занял его место, начиналось словами «Мой дорогой предшественник». В ответ он получил серию рисунков, среди них «Делаэ, пораженный громом», где тот падает навзничь, а также изображение драки «нового учителя» с его коллегами и чертями-учениками^[400].

Коллеж Нотр-Дам подчинялся непосредственно архиепископству Реймсскому. Располагался он в бывшем монастыре рядом с собором Св. Николая, знаменитым своим порталом XVI века. Верлен его описал так: «Большие внутренние дворики, окаймленные зданиями из кирпича и камня, с большими окнами и легкими маркизами, вокруг деревья, воздух, смех, игры, серьезная работа — все это радует глаз и душу любого, кто сюда приезжает, будь это родители или просто любопытные, везде чувствуешь учащуюся юность, безмятежное детство, и к этому добавим архитектуру, одновременно по-университетски утонченную и простую»^[401].

Верлен и отец Доньи в Ретельском коллеже. Рис. Э. Делазэ.

Директор, отец Виктор Гюен, был восприимчив к новым идеям в образовании и поделил дисциплины на две группы. Дисциплины первой, классической группы, преподавали священники, среди них пузатый отец Доньи, по прозвищу Пападонь, большой любитель каламбуров, отец Кузинар, отец Миет, который любил повторять, что он республиканец, потому что и Спаситель тоже был республиканец. Дисциплины второй группы, то есть современные, несколько презираемые, вели миряне. Возглавлял их г-н Рауйе, прежде преподаватель в Шарлевильском коллеже; г-н Шепи вел физику, г-н Будон математику, г-н Лелё музыку и т. д. Все учителя относились друг к другу с доверием и дружили друг с другом и со своими учениками. Верлен нуждался в покое и обстановке тепла и доброжелательности, и в этом смысле лучше места ему было не найти. С первого взгляда он влюбился в город. «Мне здесь очень комфортно во всех отношениях, — пишет он 19 октября 1877 года Ирене Декруа. — Меня вкусно кормят, обстирывают, поставляют мне топливо и свечи, и все это за казенный счет, и к тому же у меня отдельная комната, смежная с „конурой“

моего предшественника^[402] (имеется в виду Делаэ)». Месяц спустя он повторяет рассказ о своих наилучших впечатлениях Лепеллетье — работа хорошая и увлекательная, коллеги «люди добрые, простые, веселые без едкости и глупых шуток».

За тридцать часов в неделю он получал жалованье из расчета восемьсот франков в год. Его комната на втором этаже «монастыря» была обставлена небогато — на сверкающем паркете одна медная кровать, один стол, несколько стульев и скамейка для молитв. Стены украшали лубочные картинки с изображениями Девы Марии и сердца Иисусова.

Человек, переступивший порог коллежа, попадал в мир порядка, молитвы и размеренности. Жизнь не была слишком сложной — занятия в отведенные часы, перемены строго по расписанию, проверка контрольных, простой обед, на протяжении которого зачитывалось вслух что-нибудь назидательное. Дисциплина отеческая, но жесткая. Учителя могли покидать коллеж с полудня до половины третьего и вечером после окончания занятий.

Верлен без труда вписался в эту оздоравливающую жизнь и не отказывал себе в праве дышать свежим воздухом. Все ему нравилось — город с его узкими улочками, старые испанские дома, приземистый крытый рынок, большая башня, радующие глаз окрестности.

Целых два года он был частью этого тихого общества, этой «атмосферы ладана и ароматного воска, пропитанной религией», как говорил Жан-Мари Карре, выпускник коллежа^[403]. В субботу он исповедовался, в воскресенье причащался. Вот как о нем рассказывает Анри Реньо, его ученик: «Когда он отправлялся в церковь, он расправлял плечи и складывал руки на груди»^[404]. Службы, шествия, иногда театральные представления, устраиваемые учениками коллежа^[405], ежегодное паломничество в аббатство Иньи, наконец, посещения его преосвященства Ланженьо, архиепископа Реймского — все эти события отбивали ритм коллежской жизни.

Новый учитель всем понравился. Детей он знал и умел удержать их внимание. В области морали, как и в области литературы и истории, он выражал взгляды абсолютные: с одной стороны было Благо, с другой Зло, и ничего посредине. Сначала ученики были сбиты с толку этим чопорным «мирянином», которого они прозвали Иисус Христос за его короткую бородку, но потом привязались к нему, так как он был разумен, приятен, справедлив и открыт. Английский он преподавал довольно странно: он заставлял своих учеников читать французские тексты в соответствии с

английскими правилами чтения. Это особенно веселило Малларме, специалиста в преподавании английского.

Верлен в Аррасе в 1878 году с лопатой. Рис. Э. Делаэ.

Пасхальные каникулы 1878 года он провел в Аррасе. 23 апреля он присутствовал на свадьбе своего друга Ирене Декруа и Селины Бубер, во Фьефе. Он был свидетелем. Его достойные и размеренные манеры поразили всех собравшихся. Наверное, ему было нелегко не обращаться взглядом в прошлое, ведь когда-то и он сам... Делаэ, вечный шутник, нарисовал его одетым в рясу, вздыхающим за спинами молодоженов: «О несчастные ^[406]!..»

Всю жизнь Верлена можно рассказать с помощью рисунков. Вот один из них, автопортрет в письме к Шарлю де Сиври от 27 июля 1878-го, конец учебного года. Верлен стоит на кафедре и строгим взглядом окидывает класс ^[407]:

Рассерженным взглядом окинет он класс,
И тишь гробовая настанет.
И в страхе звучит ученический глас:

«Сейчас он нас всех покусает!»^[408]»

Церемония вручения наград состоялась 6 августа. Директор, видимо, ради садистского удовольствия, назначил прочесть торжественную лекцию об ораторском искусстве косноязычного отца Доньи.

И вот наконец роспуск учеников по домам, приходящийся на окончание праздников св. Анны, после традиционного шествия через город с цветами и украшениями. Делаэ по возвращении в Шарлевиль нужно было лишь чуть-чуть потревожить свежие воспоминания, чтобы нарисовать сатирическую картинку, как Верлен, держа в руках хоругвь с изображением Девы Марии, ведет за собой колонну пожарных^[409]. На оборотной стороне этого рисунка можно прочесть следующее замечание о Рембо: «Наш красавчик, скорее всего, пропал навсегда. Новостей никаких». (В августе 1878 года Рембо помогал своей семье собирать урожай в Роше.) А потом следующая колкость: «Перед отъездом в Шарлевиль я виделся с отцом Доньи. Этот хитрюга мне про тебя сказал: „Мсье Верлен каждый вечер отправляется в город; не иначе, у него там частные ученики!..“ Ах вот как! Что скажешь об этом грязном поклепе, дружище? На что ему нужно было поглядеть, так это на мою сардоническую улыбку!»

И в самом деле, все вечера Верлен проводил в кафе. В Ретеле их было немало: кафе Ферри, кафе Гури, «Пер Мартен» и т. д. Но он там лишь невинно играл в манию с коллегами или болтал с посетителями. Он был всегда трезв и в прекрасном расположении духа. Можно сказать, что в течение первого года в Ретеле его поведение было безупречным.

Каникулы... Хороший подарок, но что же с ним делать? Где провести эти долгие три месяца?

Пробыв несколько дней в Аррасе, он поехал в Париж, заглянуть на Всемирную выставку и увидеться с Шарлем де Сиври. Поскольку последний не прикоснулся к рукописям Рембо, Верлен попросил их на время обратно, чтобы вновь насладиться «Озарениями», с которыми он расстался почти сразу по получении их от Жермена Нуво, — целый год он их не держал в руках.

На Выставке он встретил (возможно, неслучайно) отца Доньи и многих других своих коллег из Ретеля. Особенно ему понравился цыганский оркестр. Вот как он это опишет Шарлю де Сиври:

На памяти остались от Выставки лишь только

Цветастые цыгане с их шутками и смехом^[410]...

Так он предлагал ему идею создать цыганский оркестр из французов.

Потом, в спокойном расположении духа, он направился к своей матери, не сомневаясь, что за ним следит полиция. В самом деле, в его досье в префектуре можно прочесть следующую записку: «Париж, 18 августа 1878 года. Г-н Робер (sic!) Верлен, поэт, который шесть лет назад покинул Париж и уехал в Бельгию со сво...им (sic!) другом Рембо, несколько дней назад вернулся в столицу и беззастенчиво появляется на публике в Мадридском кафе».

В Аррасе шли празднества, и все же он скучал. На оборонной стороне программы ретельских праздников св. Анны, которую он использовал в качестве писчей бумаги, он признается Шарлю де Сиври, что не знает, «что же делать с этими каникулами, о которых он так мечтал».

Тем не менее он работает над «Искусом» (имеется в виду «Искушение святого Антония») и со вкусом перечитывает Рембо: «Перечел „Озарения“ известного тебе господина (и еще „Одно лето в аду“, где я появляюсь в роли Доктора Сатанословия — это неправда!). Верну их тебе в октябре. По почте опасно. Кстати, вещицы замечательные, особенно по сравнению с ранними — и поэтому скандальными — работами Золя». К 14 сентября 1878 года он уже был готов передать своему шурину текст новой версии «Искушения». Он сгорает от желания вернуться в Париж, поскольку Матильда под влиянием брата Шарля наконец дрогнула и согласилась разрешить Полю увидеться с сыном. Она сама объявила ему об этой новости. Ребенок, который в данный момент отдыхал в деревне, вернется в столицу в конце августа. «Г-н Моте, несомненно, будет дома и примет вас», — писала она. Это письмо, в целом довольно бесстрастное, было, несмотря ни на что, ободряющим: «Вашего сына не будут воспитывать в духе свободомыслия, как вы, кажется, опасаетесь. Ему будут преподавать Закон Божий, и мы обратимся к вам за советами на эту тему, если вас это будет волновать», и вот еще: «в свете вашего благоразумного поведения, мы просим лишь об одном — забудьте прошлое; ваш сын никогда ни о чем не узнает»^[411].

Поездка в Париж планировалась на сентябрь, но этому мешали некоторые обстоятельства: с одной стороны, приглашение от Жермена Нуво посетить в Руссе (департамент Вар) его сестру Лоранс, а с другой стороны — сообщение от Делаэ, что тот сам приезжает в гости к нему. Все

же Верлен решил не ехать в Марсель, попросил Делаэ отложить визит и сообщил Шарлю де Сиври, что прибудет в столицу 30 сентября. Он приглашал его с супругой на ужин в «Брассри де Мартир».

При встрече он отдал Сиври рукопись «Озарений» и стихи 1872 года, но с обязательным условием решить в ближайшее время, будет или нет он писать на них музыку, и в последнем случае вернуть ему рукописи без промедления. Сиври обещал.

В начале октября 1878 года Верлен с дрожащим сердцем постучался в двери известного дома на улице Николе. С собой он принес подарки: костюм жокея вместе с шлемом, хлыстом и поясом с бубенчиками, несколько книжек с картинками и разные сласти. Ребенок лежал в кроватке, его укачивала г-жа Моте. «Я же осталась в соседней комнате, так как не желала его видеть», — сообщила Матильда Фернану Вандерену^[412]. Все было довольно вежливо. Появился г-н Моте, последовало холодное рукопожатие. Разговор шел только о ребенке, как будто у него не было ни отца, ни матери. Верлен с горящими глазами попросил разрешения зайти еще, и через несколько дней состоялся второй визит, во время которого Верлен подольше поговорил с добродушной г-жой Моте. Он рассказал ей, как счастливо он живет в Ретеле, в обществе преподавателей-священников, людей добрых и простых. Он даже осмелился намекнуть на возможное свое возвращение в этот гостеприимный дом — как бы он был тогда счастлив! Г-жа Моте, растроганная его искренностью, не стала закрывать ему двери надежды. Он еще молод, да и Матильда тоже; позднее, если он будет и дальше вести праведную жизнь, кто знает, возможно будет подумать и об этом. Он покинул дом на улице Николе вне себя от радости:

И вновь мое дитя явилось. И мгновенно
Вонзилась в сердце боль, и теплая струя
Из раны хлынула предвестьем забытья,
Напоминая мне о том, что смерть блаженна^[413].

По возвращении в Аррас он обнаружил письмо от Делаэ. Его друг сожалел, что не смог с ним увидеться, но к настоящему моменту он уже находится по своему новому адресу, в Кенуа, что в департаменте Нор, в заведении Дельпланка. Там, писал он, «не так весело, как в Ретеле, там еще нет такого классного кафе, как Ферри». Естественно, он задавал и вопрос: «Как Париж и твоё чадо? Гадина, ведь это он во всем виноват! У меня на него зуб... из шоколада!»

Когда Делаэ узнал о содержании разговоров на улице Николе, он взялся за карандаш, и галерея верленовских рисунков пополнилась целым рядом трогательных экземпляров: добрый король Генрих IV, играющий со своим сыном, «победитель Аустерлица», «возвращение ссыльного» и т. д.

^[414] Но все это был бег впереди паровоза. Игра еще вовсе не была выиграна, совсем еще нет, но тонкий лучик надежды забрезжил. «Мы просим лишь об одном — забудьте прошлое», — писала Принцесса. Ну так он забудет!

Едва вернувшись в Ретель, Верлен снова окунулся в море забот. 27 октября он пишет Сиври: «Вернулся, если не радостный, то веселый — у нас добавилось 50 новых учеников, и это черт знает что такое, потому что у нас и без того было 150». В конце письма он намекает на то, что ожидает скорого возврата рукописи «Озарений»: «Передавай привет Кабанеру, его песенкам, его офортам, всякой там китайщине (прошу прощения, японщине — и, кстати, „Озарения“!) наложенным платежом тра-ля-ля».

Новая версия стихотворения «Эта песенка плачет смиренно», присовокупленная к письму, передает глубочайшую досаду. Эту вещицу, которой он предполагал открыть свой будущий сборник, «Мудрость», он назвал «бесталанным музицированием» и «пустой болтовней». Имелось в виду, что он рассчитывал этими стихами растопить ледяное сердце Матильды, а коли не выйдет, значит, они ничего не стоили. И поэтому к тону «нижайшей просьбы», которым пропитаны эти стихи, он добавил следующий «укол»:

Ах! Узнайте о страстности гнева,
Он предскажет Проклятой гибель,
Злу предскажет он вечную гибель...
Вот вам мудрость простого напева!^[415]

Завершалось письмо трезвым заключением: «Если бы ты знал, как мне опостытели занятия литературой!»

Через несколько дней ему представилась возможность получить рукописи назад. Преподаватель музыки, г-н Лелё, должен был ехать в Париж. Так пусть он тогда зайдет к Сиври, на улицу Ларошфуко, и пусть тот ему отдаст рукописи Рембо; это будет и дешевле, и надежнее, чем по почте. Верлен немедленно предупредил своего шурина в письме от 3 ноября 1878 года: «Г-н Лелё постучится в твою калитку в 10 часов утра в четверг на этой неделе. Не мог бы ты, если уже закончил работать с

„Озарениями“, отдать ему их, предварительно хорошо упаковав и надписав мой адрес?»

Но в четверг 7 ноября г-н Лелё ничего не получил. Благие намерения Шарля де Сиври натолкнулись на категорический запрет его сестры Матильды. Как! нет уж! довольно нам этого г-на Рембо! Он причинил нам уже достаточно зла! Поль, это совершенно ясно, опубликует эти вещи. Снова будут говорить о совращении малолетних, снова подымется вся эта грязь, опять будет скандал и т. д. Нет! Жорж не должен краснеть из-за имени, которое носит. Нужно его защитить, это дело чести. Удрученный Сиври вынужден был согласиться, ведь он был честный человек. Против своей воли ему пришлось сыграть роль непорядочного хранителя. Верлен знал или догадался, с какой стороны был нанесен этот удар. В холодной войне, которая все еще продолжалась, рукописи Рембо были заложником — и они подвергались опасности разделить судьбу «Охоты на духов».

Этот враждебный поступок «Принцессы» был для Верлена холодным душем. Ему удалось передать Жоржу через г-жу Моте альбом с фотографиями и книжку с картинками, но его задело, что его за это не поблагодарили. Он жалуется на это своему шуруину в уже цитировавшемся письме от 3 ноября (подписано довольно странно — Паулюс де Берланесибус):

«Quid (if possible) de domu mea^[416] — по сути. Если увидишь свою мать, передай ей, что я всегда с ней, и нечего ей на меня дуться, вот что!^[417]»

Поступок Матильды убедил его в том, что от людей с улицы Николе ему ждать нечего. Так что он в свою очередь надулся и лег на дно.

По словам Делаэ, второй год в Ретеле был менее радостным, чем первый. Факт, что со стороны Верлена имело место радикальное нарушение обета трезвости, который он, как и обеты целомудрия и покорности, неформально дал, поступив на работу в коллеж. Все пошло кувырком. Теперь он не отказывался ни от первой, ни от второй рюмки коньяка, которую ему за кофе предлагали коллеги (особенно г-н Лелё, который, как говорили злые языки, увлекался не одной только музыкой). Да и сам Поль в своей комнате хранил кое-что, чем мог отплатить за угощение. Поэтому его встречи с аперитивами стали теперь регулярными — впрочем, он пил только вермут или горькие настойки, но никогда абсент, — и он никогда не пропускал возможности выпить с друзьями. Он не выходил из себя и не был героем ни одного скандала, ибо в этом случае его бы

немедленно уволили. Поэтому трудно поверить в иные рассказы, согласно которым все свои занятия Верлен проводил в первой половине дня, потому что во второй он уже был не в состоянии этого делать. Скажем так, он все время был слегка навеселе. Но этого было достаточно, чтобы разрушить то хрупкое равновесие, которое он обрел в Англии и которое удерживал до сих пор ценой поистине героических усилий. Все более нервный и более раздражительный, он бормотал себе под нос и охаживал свой пюпитр ударами кулака.

Кроме того, его терзали и плотские желания. Он был вынужден признать, что пришло время, когда его религиозное рвение уже не могло смирять его инстинкты. Делаэ рассказывает, что однажды вечером он услышал у себя под окнами какой-то шепот, выглянул и, увидев под окном обнимающихся влюбленных, вылил им на головы содержимое своего ночного горшка, прокричав: «Ах вы гадкие сволочи!» История, если она действительно имела место ^[418], очень показательна.

Наконец, ему не сиделось на месте. 23 января 1879 года он поехал в Рокленкур, что близ Арраса, по случаю крестин сына Ирене Декруа — Верлен стал его крестным отцом (в его честь ребенка назвали Полем ^[419]). На пасхальные каникулы он снова поехал в Париж («два небольших дня, целиком потраченные на покупки», — писал он Малларме 24 апреля 1879 года), и еще, время от времени, ему случалось на четверг или на воскресенье заехать в Шарлевиль, где он встречался с Делаэ и с двумя другими друзьями Рембо, Эрнестом Мило и Луи Пьеркеном ^[420].

Вопрос о его будущем оставался без ответа. Нет, он не закончит дни свои заточенным в этом полумонастыре. Ретель — лишь этап на пути в Париж. День ото дня он все более убеждался, что даром теряет время. Коллеги ему казались людьми милыми, но чересчур поверхностными; уже давно их традиционные шутки перестали его веселить.

Да и он сам в их глазах стал иным, чем казался сначала. Что это за такой «странный тип», спрашивали они себя, противоречивый, неудобный, так мало рассказывающий о своем прошлом и о своей семье, так хорошо знающий парижский и лондонский свет, то делающий вид, что он — сама вежливость, то фамильярничающий, говорящий на латыни и греческом ничуть не хуже, чем на столичном жаргоне? От чего он скрывается в этом маленьком городке? Что он приехал сюда искать — или о чем забыть?

В течение 1878/79 учебного года Верлен особенно привязался к одному своему ученику, Люсьену Летинуа, сыну крестьян из Кулома,

деревни в четырнадцать километрах от Ретеля. Ему было восемнадцать лет^[421]. Он был не слишком умен, но исключительно открыт, находчив и пропитан здравым смыслом, и в то же время он с легкостью мог быть фрондером. Когда же приступы революционных страстей проходили, он умел признать свои ошибки и подчиниться. Верлен, чувствительный к раскаянию, рано увидел в нем ученика, которого он может выучить и наставить на путь истинный, то есть воспитать его в духе веры и патриотизма.

Привязанность этого странного учителя, такого молодого, несмотря на лысину, поразила Люсьена, и он, инстинктивно, открылся ему всем сердцем.

Их отношения были очень близкие, но в современном словаре нет слов, которые бы могли их описать; это была не дружба и не любовь, но некое сообщничество, одновременно братское и мистическое. Не понимая этого, Люсьен занял в сердце Верлена место его сына Жоржа, возможности общаться с которым тот был лишен, и даже, можно сказать, это была лучшая замена: вместо восьмилетнего несмышлениша Судьба предоставила ему юношу, который как раз подошел к критическому порогу, когда люди ищут смысл жизни, свое призвание, свой идеал. Прекрасно! Он вырвет его из лап этого века безверия и праздного веселья и сделает из него подлинного Француза и Христианина без страха и упрёка. В этом начинании, несколько донкихотовском, не следует видеть нездоровое ханжество. Скажем, что в Верлене, на этой благодатной почве латентной чувственности (ведь, по Платону, красота есть приманка, которую людям предлагает добродетель) вырос цветок почти подлинно духовной привязанности. Слово «сублимация», похоже, было придумано именно для того, чтобы описать эту привязанность. Как его когда-то соблазнила Абсолютная Поэзия, воплощенная в Рембо, так теперь его соблазнила Абсолютная Невинность, воплощенная в Летинуа. Многие биографы, более падкие на скандалы, чем взыскующие истины, без экивоков говорили, что Летинуа был «вторым Рембо» и что имел место «второй странный брак». Ход и конец этой истории покажут нам, как они ошибались.

К концу учебного года Верлен совершенно потерял желание продолжать работу в Ретеле. Начальство тоже не стало делать попыток его удержать, особенно после истории, приключившейся накануне праздника тела Господня. В тот день, около одиннадцати часов утра, трое или четверо старшекурсников выполняли «наряд на украшение коллежа». Они катили перед собой тележку, в которой лежали разнообразные растения, цветы,

срезанные листья и прочие украшения для переносного алтаря.

— Ребята, не желаете малость промочить горло, — крикнул им Верлен с террасы кафе, мимо которого они проходили.

Было жарко. Они выпили, потом выпили еще, потом пошли пить в другое место, и в итоге, к полудню тачка и ее «погонщики» раскачивались во все стороны. В таком вот виде они и подошли к дверям коллежа, где их встретил отец Жак, преподаватель из седьмого класса. Он кинулся им навстречу, пропустил вперед Верлена и, чтобы замаять скандал, запер шалопаев у себя в комнате (где они, как рассказывают, обнаружили и опустошили ящик со спиртным).

Поэтому неудивительно, что незадолго до церемонии вручения наград, которая должна была пройти 1 августа, директор сообщил Верлену, что с началом нового учебного года его занятия отменяются, что его не увольняют, но остаться он может лишь на совершенно других условиях, именно, только за стол и кров. Этот вежливый приказ «вон!» Верлен воспринял как освобождение из оков, к тому же Люсьен, провалив экзамен на аттестат зрелости, решил бросить учебу и вернуться к родителям.

Делаэ и Ж.-М. Карре излагают и еще один мотив увольнения Верлена: якобы он, в порыве искренности, исповедался его преосвященству г-ну Ланженьо, архиепископу Реймсскому, который приехал председательствовать на церемонии вручения наград, и рассказал ему всю свою жизнь, про тюремное заключение в том числе. Впрочем, такой порыв со стороны Верлена маловероятен.

Так что он уехал, увозя с собой всеобщее уважение и признательность. О своей жизни в Ретеле он сохранил лишь добрые воспоминания.

Позднее, в октябре 1880 года, узнав, что Верлен живет неподалеку, новый директор коллежа, отец Превето, пригласил его на обед. Верлен был рад возможности снова повидать свой добрый коллеж и обменяться рукопожатиями со своими прежними коллегами и учениками, которые, все как один, приняли его с распростертыми объятиями.

Глава XV

ЛЮСЬЕН ЛЕТИНУА, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЦЕЛОМУДРИИ (август 1879 — апрель 1883)

...Без права долго размышлять оставлен я судьбою.

Поль Верлен «Любовь»^[422]

Чтобы быть рядом с Люсьеном, Верлен решил увезти его в Англию, где они бы зарабатывали себе на жизнь уроками французского. Так, хоть ему и не позволено растить своего сына по плоти, он покажет, на что способен. Фактически он усыновил Люсьена. Смелость и жажда реванша — вот источники очередного его безумства, в которое он окунется с головой с решимостью фанатика.

Он сумеет преодолеть все препятствия. Сначала нужно получить согласие родителей. Это было просто: Летинуа-старший и его супруга, ослепленные заботой, которой этот достойный учитель окружил их сына, с удовольствием доверили его ему. Осталось организовать жизнь за границей. У Верлена было впереди два месяца, которые он истратил с пользой для себя. Г-жа Эндрю сообщила ему, что человек, заменивший его на посту учителя, г-н Мартель, только вернулся во Францию, и таким образом его место в Стикни вакантно. Проблема состояла в том, что нужно было найти не одно место, а два. Верлен обратился к Джону Судену, с недавних пор учителю в Бостоне, и прислал ему вдобавок фотографию Люсьена, полагая, что это поможет делу. Г-н Ундервуду посчастливилось ее видеть^[423], на ней написано: «Г-ну Дж. У. Судену, от друга. — В., 29 авг. 79». Но он не получил положительного ответа. В сентябре, вернувшись в Аррас, он рассказа! о ходе событий Малларме: «Я больше не думаю возвращаться в этом году в Париж, зачем? Поскольку во всех радостях, кроме Господа, мне отказано, почему не попробовать вкусить вновь шум и разноголосие Лилипутии?» Он выразил сочувствие своему адресату, сын которого, Анатоль, был тяжело болен (он умер вскоре после этого, 7 октября 1879 года), но и у него самого были тревоги: «Сижу тут, перевожу бумагу. Всякие сложные дела. Очень озабочен». Дело в том, что не все складывалось по воле Верлена. Мест больше не было ни в Бостоне, ни в его

окрестностях. Единственный вариант — место в Лимингтоне, в трехстах километрах от Бостона, на южном берегу острова. Ну что ж! Придется направиться туда, предварительно пристроив Люсьена в школу в Стикни.

В конце сентября 1879 года они отправились в путь. В Стикни их очень тепло встретило семейство Эндрю: хозяин дома, его супруга и все дети вышли встретить Поля на дороге от Сибси, а огромный пес Нерон, узнав его, стал лизать ему руки...

Как только Люсьен устроился (он также нашел себе частных учеников дополнительно к школе), Верлен, с камнем на сердце, принужден был его покинуть. Только бы он писал! Только бы он писал почаще, потому что письма будут единственной связью между ними в течение целой четверти.

Лимингтон — небольшой городок и порт напротив острова Уайт. Вокруг него рос густой, «шекспировский», как уточняет Верлен, лес. Типичный английский пейзаж: готическая церковь, увитая плющом, поле для гольфа и других спортивных забав, в двух шагах море — впрочем, спуститься к нему было не так-то просто. Коллеж «Солент Колледжиэйт Скул» располагался во внушительном здании XVII века по адресу Хай-стрит, 64, директором был г-н Уильям Мердок, шотландец по происхождению, которого к тому же избрали мэром коммуны 12 ноября 1879 года. Человек он был любезный, образованный, хорошо говорил, очень любил сигары и разбирался в виски. Жил он со своей сестрой, дамой в летах, строгой и скромной. В католической церкви служил отец Патрик О'Коннел, по совместительству капитан местной крикетной команды.

Верлен преподавал дюжине детей, среди которых было двое из Франции. После занятий он выводил их на час-другой на прогулку в близлежащий дубовый лес. Иногда навстречу им попадался выводок пансиона для девочек, которых водили гулять в тот же лес, но эти события, «очень романтические» по словам Верлена, были единственным развлечением.

К счастью, приходили письма от Люсьена, при виде которых в почтовом ящике у Верлена каждый раз сжималось сердце.

Ответы, всегда тщательно продуманные, были нежными и назидательными. Расстояние перестало быть препятствием для общения их душ. Верлен выполнял свою «миссию» с истинным рвением.

Однажды Люсьен прислал ему свою фотографию. Г-н Ундервуд описывает ее так: «Молодой человек с достаточно милым выражением лица, само же лицо довольно детское, щеки толстоватые; в общем, он мало

похож на тот портрет Люсьена, который был известен до сих пор»^[424]. Верлен долгие годы не расстанется с этой фотографией.

Однако целый год прошел со времени тех удивительных визитов к маленькому Жоржу, которые — увы! — не принесли желанных плодов. Было ли разумно забыть навсегда об этой двери, которую перед ним, кажется, не закрыли? Что там думают на улице Николе? Писать бесполезно, лучше что-нибудь сделать. И вот дружище Делаэ получает поручение провести «разведку боем», прозондировать почву и договориться о возможном будущем визите.

Через некоторое время Верлен получил от Делаэ письмо, датированное 5 ноября 1879 года: «Я заглянул к г-ну Моте. Ребенка дома не было. Я оставил фотографию, но не указал адреса, разумеется. Г-н Моте поинтересовался, до сих пор ли ты находишься в Борнмуте. Я ограничился тем, что дал отрицательный ответ. Он спросил меня, не знаю ли я, почему ты не приехал повидать своего сына во время последних каникул»^[425].

Делаэ потребовалось все его присутствие духа, чтобы ответить, что Верлену помешали обстоятельства. Поскольку в Ретеле не захотели продлевать его контракт на старых условиях, ему пришлось изменить свои планы и отправиться за границу (это была правда, если говорить о 1879 годе, но не о 1878-м, но какая разница, что-то ведь надо было ответить). Конец этого письма, к сожалению, не сохранился, однако в другом месте^[426] Делаэ указывает, что за этим первым визитом, атмосфера которого была исключительно формальной, последовал второй, а потом и третий, во время которого он позволил себе скромный намек на возможное в будущем возобновление супружеских отношений. Г-н Моте сухо отрезал: есть вещи в этом мире, которые исправить нельзя, некоторые трещины никогда не закроются.

Этот жестокий и категорический отказ возмутил Верлена безмерно. Именно в этот момент Матильда умерла для него.

У него уже вошло в привычку притворяться, и он стал притворяться вдовцом так же ревностно, как притворялся отцом.

Примерно в то же время, в ноябре 1879 года, Делаэ рассказал ему еще об одном «трупце», о Рембо, которого он незадолго до этого встретил в Роше. Последней инкарнацией «красавца» стал крестьянин (прошедшим летом Рембо помогал семье собирать урожай). По привычке Верлен сочинил очередную «коппейку»:

К дьяволу дьявола шлю, искусителя крою я бранью.
Славлю ценный коровий навоз, и еще поклоняюсь мычанью.
...О мой Рош, никогда не покину тебя, до того ты красивый!
Жир в похлебке свиной и жара в летний зной — вот отрада поэта,
И мой фермерский пот в черноземе течет, так что, братцы,
победа!^[427]

Но это была уже даже не усмешка, а звериный оскал. Его жизнь начинала напоминать прогулку по кладбищу. К счастью, оставался Люсьен, его единственное утешение и единственная надежда.

Как он ждал рождественских каникул, ведь тогда он снова увидит свое «дитя»! Едва пришло Рождество, Верлен помчался в Стикни. Увы! — там его ждало двойное разочарование. Сначала выяснилось, что Люсьен произвел на всех неприятное впечатление: мрачный, закрытый, он едва говорил по-английски и не делал никаких попыток приспособиться к своей работе. Его никто не любил. Г-жа Грентам, его бывшая ученица, рассказывала г-ну Ундервуду: «Как учителя мы его презирали, и, боюсь, что касается нас самих, мы вовсе не были для него невыносимы»^[428]. К тому же он особенно сильно проигрывал в сравнении с Верленом, который был сама веселость, сама сердечность и сама внимательность. Это он был юноша, а Люсьен, напротив, был старик.

И потом, когда оба они отправились в Лондон, вероятно, на обратном пути, смущенный Люсьен признался своему «отцу», что пал жертвой чар некоей девушки из Бостона (или из Стикни). Признание сопровождало искреннее раскаяние. «По моей настоятельной просьбе, — пишет Верлен, — и не без некоторого сопротивления, совершенно естественного в его возрасте, он исповедался, но после того, как разорвал отношения окончательно»^[429].

Этот проступок, который любой нормальный отец с улыбкой простил бы, приобрел для Верлена трагический оттенок. Дело в том, что он вообразил, будто Люсьен — это «чистый дух, облеченный в невинную плоть»^[430], само воплощение Чистоты. В его глазах он был «белая, чистая лилия», излучающая «невинность сердца и саму надежду». И вот на тебе — миф рухнул, лилию растоптали, чистый дух оказался обыкновенным крестьянином, слабым и греховным, как все. Его грешок Верлен раздул до масштабов греха первородного: теперь Люсьен был не кто иной, как Адам после грехопадения.

Сцена с признаниями имела место в вечер Нового года. Верлен написал о ней очень красивое стихотворение, где сумел противопоставить ликование праздника Нового года и глубокий траур, который надела его душа. Удивительно искусно он показывает, как сумерки накрывают город, пронизывают комнату и его сердце.

Он испытывал угрызения совести оттого, что покинул свое дитя в опасности, и тем самым помог Дьяволу. Но больше этого не будет, он поклялся, никогда больше он не покинет своего Люсьена.

Оба были ужасно рады и, бросив свои педагогические «карьеру», вернулись во Францию в начале 1880 года. Предлог, под которым Верлен уволился из школы в Лимингтоне, именно, плохое здоровье его матери, на проверку оказался ложным.

Несколько дней Верлен провел в Куломе у Летинуа, которые пригласили его в гости в знак благодарности за благодеяния, которые он совершил для их сына. 9 февраля 1880 года он, вероятно, все еще находился там, поскольку в письме к своему кузену Жюлю Понселе по поводу смерти своей тетки Эврар (Жюль был ее зятем) он так говорит о своей матери: «Она, вероятно, написала вам на днях». Он не стал бы делать такое предположение, если бы тогда находился подле нее.

В Куломе он снова увидел французскую деревню, которая так ему понравилась в Артуа: эта безмятежность, спокойствие, неспешность, бесконечные пространства, успокаивающие взгляд. Ах, как, должно быть, счастливы те мудрецы, которые работают на земле, матери-кормилице, под огромным небом, которое принадлежит самому Господу Богу! И как глупа погоня за счастьем в суеде городов и опасных путешествиях!

Ему пришла в голову мысль приобрести деревенский хутор и стать отшельником, «поэтом и крестьянином одновременно». Летинуа-старший не стал его отговаривать от такой замечательной идеи. Как раз недалеко, в Жюнивиле, в десяти километрах оттуда, была выставлена на продажу ферма. Верлен посетил ее, влюбился в нее с первого взгляда и помчался в Аррас просить мать дать денег на это приобретение. Он повернул дело так, что на карту поставлено его счастье, что ему просто необходимы покой и безопасность, и к тому же лучше вложить деньги и вовсе невозможно. Она позволила себя убедить и пообещала ему тридцать тысяч франков (столько стоила ферма), которые она изымет из наследства, доставшегося ей от мужа, которым она имела право распоряжаться. В этот же момент Поль решил произвести покупку на имя г-на и г-жи Летинуа, которым он

полностью доверял, с целью уберечь ферму от жадных господ Моте, поскольку у Матильды-де хватит духу арестовать ее с целью возмещения недоимок по алиментам. Г-жа Верлен, хотя и не знала всего, не была обделена здравым смыслом, и возмутилась — ведь это было бы последним сумасшествием: доверить все свое состояние чужим людям! Но Поль и слышать ничего не хотел и, едва получив деньги, вернулся в Арденны. Вот так и приобрели г-н и г-жа Летинуа ферму Птит-Паруас у душеприказчиков Николя Брюно. Площадь земельного участка составляла 23 гектара, 25 аров, 70 сантиаров. Официальная передача собственности состоялась в 1881 году в пользу Жана-Батиста Летинуа и его супруги, в девичестве Моро [\[431\]](#).

Жюнивиль, небольшой укрепленный городок и административный центр кантона, находился к югу от Ретеля. Район этот был довольно бедный (почвы известковые и аллювийные). Но Верлена интересовала лишь живописность мест: мостки для стирки белья на реках, школьные здания, дороги, достойные самих римлян, маленькое «чистенькое» кладбище, по которому гулял «милый ветерок». «Таков Жюнивиль, — писал он в „Наших Арденнах“. — Вот его река с замечательным названием Ретурна [\[432\]](#), хранящая город в тысяче своих извивов, вот тополиная роща, в которой протекает тысяча ручейков, вот чистый воздух и щебетание птиц».

В военном билете поэта отмечена дата 18 марта 1880 года. В этот день он известил жандармерию о том, что сменил местожительство. Но он ревниво скрывал от всех друзей свой новый адрес, предлагая им писать в Аррас.

Осень была распрекрасная и полная занятий: устройство на новом месте, работа, прогулки. Летинуа занялись работой на ферме, а он мечтал и наблюдал за Люсьеном, таким послушным, таким прилежным, таким серьезным. Окруженный поистине вергилиевской обстановкой, он проводил дни в блаженстве.

Он жил не в главном строении фермы, а в маленьком домике в пятидесяти метрах от него. Украдкой он следил за Люсьеном, когда тот отправлялся в кафе (их было два, «Красный конь» и «Жираф») или на бал по случаю местного праздника (воскресенье Пятидесятницы). Поведение его было безупречно, он не пил, и хотя не казался замкнутым, с жюнивильцами не общался. Сначала его прибытие вызвало всеобщее любопытство: что это за горожанин, что это он тут у нас делает? Но потом

к нему привыкли, пошел слух, что это старый школьный учитель, который приехал отдохнуть в деревню поближе к Люсьену, своему крестнику^[433].

Он бродил по окрестным дорогам с палочкой в руке и вполне могло так случиться, что он встретил однажды Рембо, который совсем неподалеку помирал со скуки в Роше. Делаэ в шутку нарисовал их случайную встречу. Оба нарисованы крестьянами, в колпаках, блузах и деревянных башмаках. Верлен говорит, отрываясь на минуту от работы: «Ба!», а Рембо, проходя мимо по дороге, отвечает: «Черт побери!»^[434] Но это всего лишь воображение. К тому же Рембо покинул Рош и отправился искать счастья в Александрию, а затем на Кипр, почти сразу же после того, как Верлен приехал в Жюнивиль (март 1880).

Весна была в самом разгаре, когда на ферму приехала г-жа Верлен. Она была счастлива убедиться, что наконец ее сын обрел покой и счастье.

Покой... Не совсем, поскольку на Верлена, проводившего дни в праздности, снова напал демон Поэзии. В марте 1880 года он пишет Леону Валаду, от которого давно не получал вестей, что намеревается «заново дебютировать во Французской Литературе». Слова «заново дебютировать» как нельзя лучше описывали ситуацию, так как его реноме, как и все остальное, пошло ко дну вместе со всей его прошлой жизнью. В том же 1880 году Эмиль Золя позволил себе написать в «Литературных документах»: «Г-н Верлен, местонахождение которого в настоящий момент никому не известно, с блеском дебютировал своими „Сатурновскими стихотворениями“. В них явно читается влияние Бодлера, и, вероятно, автор решил довести свое сходство с ним до логического конца и разрушил свою жизнь»^[435]. Несколько позже Жан Мореас сказал Верлену то же самое: «Ваши парнасские успехи живут сейчас только в памяти Леона Валада»^[436].

Чтобы достойно ответить и показать, что он теперь переродился, он задался целью признать свои ошибки в новой книге под названием «Мудрость», рассказать там о своем падении — не скрывая даже тюремного заключения, — наказать мир о том, что он искупил свои грехи, обратившись к вере. Новое название, впервые упомянутое в 1875 году в письме к Делаэ от 3 сентября, звучало иначе, чем первоначально задуманное «В камере». Кроме того, содержание двух книг было разным. «В камере» смешивает чистое и нечистое, искренность и фальшь, в то время как «Мудрость» передает лишь истинные чувства. Это произведение выдержанное, освещенное мистическим светом, то дрожащее от экстаза, то просветленно-спокойное.

Найти издателя для рукописи оказалось довольно нелегко. Малларме,

которого он попросил помочь, ничего не сумел сделать, Делаэ указали на дверь в издательстве Лемерра, Лепеллетье безуспешно беседовал со Стоком, который сам издавал собственные романы. Религиозная литература в конце того века подорвала уважение к себе и была низкопробной. В конце концов книгу согласился издать за счет автора тиражом пятьсот экземпляров Виктор Пальме, директор издательства «Католическая литература», специалист по агиографии и последователь болландистов^[437]. В июле 1880 года Верлен отправился в Париж, где написал назидательное предисловие, которое начинается словами: «Автор этой книги не всегда думал так, как думает сейчас». Господь Бог вернул его на путь истинный и избавил от блужданий в разврате современной жизни, продолжал он, и с тех пор он «поклоняется Всеблагому и славит Всевышнего, будучи смиренным сыном Церкви Господней».

В августе в Жюнивиль на несколько дней приехал Жермен Нуво. Хозяину дома он привез подарок, который особенно его обрадовал, а именно полотно, изображавшее распятие в церкви Св. Жери в Аррасе, которое так поразило их обоих. Этот дар заслуживал стихотворения, и Верлен, конечно же, его написал.

Рисунок из тетради Дусе относится к этому визиту Нуво. Это его автопортрет с подписью, которая повествует о страшной зубной боли, которая посетила его тогда. Юный провансалец также изобразил и Люсьена, но пастель вышла довольно пресная, да к тому же волосы он ему сделал рыжими вместо черных, а кожу вывел розовой, в то время как Люсьен был покрыт загаром. Верлен из вежливости сказал, что рисунок более выражает духовную, чем телесную суть модели. Летинуа же никак не могли взять в толк, почему это Нуво нарисовал волосы рыжими, и тогда тот дал им следующий ответ:

— Кто же вас заставлял рожать брюнета!

Летинуа остались стоять с открытыми ртами.

Что касается идейной стороны жизни, то никогда еще союз друзей не был так прочен, ведь Нуво работал тогда над книгой, вдохновленной христианством, под названием «Доктрина Любви», и подыскивал для нее издателя. В самом деле, для Верлена он был просто брат родной. Он восхищался книгой Нуво и желал ей успеха, и как только тот уехал, вплотную занялся публикацией собственной. Сохранилась переписка Верлена и сотрудника Виктора Пальме с сентября по октябрь 1880 года; автор показывает себя крайне требовательным к качеству бумаги, выбору гарнитуры, цвету обложки и т. д.^[438] Каждой детали следовало уделить

максимум внимания, ведь все вместе они должны были обеспечить книге масштабнейший успех.

Между тем в конце 1880 года Люсьена призвали на военную службу. Верлен добился, чтобы Люсьену предоставили волонтериат (один год службы вместо пяти), после того, как подготовил своего «сына» к общеобразовательному экзамену, который тот блестяще сдал. Юного солдата приписали к артиллерийскому батальону, расквартированному в Реймсе^[439]. Естественно, Верлен проводил его до самого Реймса и остался там с ним на несколько первых дней. Он был горд военной выправкой^[440], мужеством и смелостью своего «дитяти»:

Тебя я помню на коне.

Когда кругом звучали трубы^[441]...

Sagesse, par Paul Verlaine, 1 vol in-8, Palmé, 76 rue des 5e Pères, Paris 3e arr.
 Nous sommes en retard sur ce livre remarquable. La politique et ses aspects partent jusqu'à la littérature un peu partout, même chez Drieuclat, qui du moins fait tout son possible pour tenir ses lecteurs au courant de plus importantes nouveautés.

Classez bien la colonne de M. Paul Verlaine, comme on dit, l'atmosphère d'atmosphère d'atmosphère, et cette forme, en dehors de fluctuations de la mode et des caprices parfois injustes du "public" tout "lui" donne la clientèle des patients, de patients de lecteurs solides et fidèles. Par le même coup d'oeil de l'œuvre l'affaire entre l'incertitude éventuelle de mouvement; et voudra toujours à bout de l'indifférence d'une époque plus propre aux choses claires de l'esprit de la différence les "opportunistes" de la littérature par les conventions, les obstacles et les vaillants d'assomoir, forcent l'attention des esprits et s'ouvrent après d'au et de pensée. Un examen, qui le manque d'espérer nous force à restreindre bien à regret, mais la lecture à même de tomber d'accord avec nous sur grand talent de M. P. Verlaine - qui d'ailleurs ne se contentant ni de "dép" il y a une douzaine d'années publié trois volumes qui lui ont valu parmi les Français et à l'étranger de l'admiration qui lui ont valu un rang considérable.

Tout ce que l'œuvre poétique de M. P. Verlaine confirme toutes les qualités déjà connues de son auteur: science consommée en vers, langage d'une haute tenue, parfois d'une curieuse érudition, images superbes et grâces exquis. La ton de l'œuvre est des plus élevés; il y a de précieuses questions psychologiques, un comment même de ce genre s'y révèle, mais, chaque fois, l'œuvre est brillante et les plus d'élégants s'enthousiasment de quatre poèmes, sans quel auteur recueille la mention la plus haute, toujours d'importance pour un poète, l'usage de ses idées, l'usage catholique, et moral archaïque - convictions d'autant plus fermes que M. Verlaine "profite" du mouvement présent pour reprendre un républicanisme d'ancienne date, épuré par la discipline, la proscription, au temps absent" - et de l'idée est chez l'auteur qu'il sera un jour à son rapport. C'est à dire aujourd'hui. Mais Gambetta l'a dit, Paul Verlaine l'a écrit - et pour mieux dire, Paul Verlaine l'a écrit le jour et il a langé sa

Автограф авторецензии Верлена на «Мудрость», часть I.

Надо полагать, он помогал ему деньгами и писал письма. Когда наступили холода, он перебрался в Аррас. Без Люсьена Жюнивьиль потерял всю свою привлекательность.

«Мудрость» вышла из печати 10 декабря 1880 года. Это была добротной оформленная маленькая книжница в сто шесть страниц под серо-желтой обложкой. Наконец воплотилась его мечта, выпестованная в тюрьме. Читающая публика наконец узнает, что автор «Галантных празднеств» вовсе не умер, но обрел новую молодость. Неожиданность, думал он, не может не вызвать успех. Что касалось рассылки книг по журналам и

критикам, то издатель проявил себя человеком щедрым, до того даже, что экземпляры были посланы папе Льву XIII и Ее Императорскому Величеству Евгении!^[442] Виктор Гюго удостоился даже сонета-посвящения. Начинается он холодно:

Люблю и Господа, и Церковь я Святую,
И жизнь моя есть верить во все то.
Что вы, о мэтр Поэзии, лютуя.
Не ставите как будто ни во что^[443].

Но к концу текст «оттаивает», обращаясь к прошлому:

Но вашу доброту ко мне я помню,
И помощь вашу, и поддержку чту^[444].

«Мудрость» ожидал полный провал.

В «Призыве», газете радикалов-социалистов, вышла статья Эмиля Блемона, краткий и едкий пересказ содержания книги. Пьер Эльзеар написал нечто подобное в «Событиях». А 14 декабря 1880 года во «Времени» вышла разгромная статья Жюля Клареси, которая камня на камне не оставила от этого «полузабытого рифмоплета», этого «Поля Полено с Парнаса», который снова позволяет себе бог знает какие чудачества^[445]. Эдмон Лепеллетье в «Пробуждении» назвал книгу «розыгрышем»^[446]. Несколько провинциальных газет ограничились тем, что перепечатали предисловие автора, наконец, в «Калибре» появилась хвалебная статья... написанная самим Верленом^[447].

Скудный вышел урожай...

à la louange et à la défense de la bonne
cause & hautement persécutée. Honneur
à ce vert de la dernière heure, celle du
courage et de patience

Voici un extrait de «Sagesse» qui
plaudra mieux que toute analyse. La cause
de cet excellent poète est un bon réactionnaire
auprès des bœufs ordinaires et des ordinaux
de Friboulet. On va deviner ~~qu'il~~ que ce
poème s'adresse aux saintes victimes des deux
protégés Jules et du seul mais odieux Léon

Vous reviendrez bientôt les bras pleins de perles
Suivant votre coutume
O Pères excellents, qui aujourd'hui nous perdez
Pour comble d'amertume
Vous reviendrez, vieillards, coquis, avec l'honneur
Et sa règle chère
Et que de pleurs joyeux, et quels cris de bonheur
Dans toute la patrie !

Vous reviendrez, après ces glorieux exils,
Après des moissons d'âmes,
Après avoir prié pour ceux-ci, fassent-ils
Ennemis plus infâmes
Après avoir couvert les îles et la mer
De votre ombre si douce
Et réjouir le ciel, et consterner l'enfer,
Béni qui vous respoussa,
Béni qui vous dépoilla de ce talibata,
Béni l'impie en armes
Et l'enfant qui vous prend de moins - et rachète
Nos crimes par vos larmes !

Proscrits des jours, vainqueurs des temps, non
Vous êtes l'espérance point-à-dieu,
A tantôt, Pères saints qui nous vendrez de
Le salut pour la France ! Dieu

Автограф авторецензии Верлена на «Мудрость», часть II.

Верлен написал гневный протест Клареси и безуспешно пытался растормошить своих друзей, которые не желали ничего делать. Шарля де Сиври он просил: «Нет ли возможности опубликовать статью про „Мудрость“?» (в письме от 28 января 1881 года). Эрнесту Мило, жившему в Шарлевиле, он дал задание пробиться в «Курьер» (имеется в виду газета «Арденнский курьер») и в «Северо-Запад». Но в арденнской прессе ничего не появилось ^[448].

В графу «Кредит» следует поместить доброе письмо от Стефана Малларме: «Вот замечательная книга, вышедшая из-под вашего пера», но

все же он не скрывает своего предпочтения к «нетленной драгоценности» — «Галантным празднествам».

На самом деле у Верлена была еще одна тайная причина, по которой он выпускал «Мудрость», — это был как бы спасательный круг, который он кидал Матильде. Он передал ей рукопись через Шарля де Сиври, со следующим посвящением: «Моей жене эта простая рукопись — 1881 — П. В.». Книга была доказательством, что несчастья очистили и воскресили его. Если он рассчитывал, что «ждет меня награда, прощение за все, Господень правый суд», то есть ожидал от Господа милости, то и от нее он ждал того же. Ведь не из камня же у нее сердце, чтобы не оттаять, прочтя следующие строки:

О, не суди, сестра, прости меня, прости!^[449]

или:

Эта песенка плачет смиренно^[450] ...

или, наконец:

Молю вас, дорогие руки,
Подайте знак мне, что простили!^[451]

Но Матильда вернула рукопись брату, не читая^[452].

Всего было продано восемь экземпляров. Когда, десять лет спустя, Морис Баррес и Жан Мореас пожелали раздобыть первое издание книги и обратились к издателю, тот ответил им так:

— Мне понадобится минимум неделя, чтобы отыскать это на складе.

Провал «Мудрости» объяснялся, с одной стороны, выбором издателя, предпочтения которого все слишком хорошо знали, с другой — остракизмом, срок которого для Верлена еще не истек; критики и литераторы все еще считали его, по словам Анатоля Франса, сказанным в 1875 году, «недостойным», способным только на подлости.

Крах отнюдь не сломил автора, а, напротив, раззадорил его.

Весной 1881 года он отправился на маневры на полигон под Шалонем повидать и подбодрить Люсьена, и там, пока юный солдат стрелял из

пушки, Верлен закончил новую книгу, на этот раз прозаическую, под названием «Путешествие француза по Франции» — прорекламированную уже на задней обложке «Мудрости». Это книжка бездарная и пристрастная, своего рода клерикально-ура-патриотический памфлет. Что делает ее особенно отвратительной (по словам самого Верлена), это смесь ложной наивности, на уровне малого катехизиса, и неподдельной злобы и злопамятности. Великая французская революция 1789 года и Французская Республика («стыд всей Франции») смешиваются там с грязью наравне со всяческими Доде, Гонкурами, Флоберами и Золя. И насколько же эта книга пропитана лицемерием! Эти его советы Люсьену быть трезвым и целомудренным, эти призывы к мученичеству в связи с изгнанием иезуитов в конце июня 1880 года! «Откажись служить, — приказывает он юноше, — твой отец всегда будет рядом с тобой, он будет страдать и умрет вместе с тобой, если до этого дойдет».

Опубликовать «Путешествие» (в письмах обозначаемое как «Потеха») оказалось еще сложнее, чем «Мудрость». Несмотря на то что Делаэ старался «подсластить» горькую пилюлю слишком крайних суждений и чересчур «живого» языка, Виктор Пальме, к которому его направил Верлен, ответил категорическим «нет». Эрнест Мило не сумел ничего добиться от благообразного шарлевильского «Арденнского курьера», где он предлагал опубликовать «Путешествие» как роман с продолжением. «Ревю католик» отверг рукопись следующей лаконичной фразой: «Противоречит стилю нашего издания»^[453].

Верлен вернулся в Жюнивиль и загрустил. Что делать дождливой и уже холодной осенью, кроме того, что пить с одним, болтать с другим и играть в карты с третьим? Его стали замечать в кафе, от которых он раньше бежал, как от чумы; однако он следил за собой. Каждое воскресенье он, безупречно одетый, ходил к мессе. Уважение соседей много для него значило; позднее он вспоминал здоровую силу деревенских сплетен, благодаря которой «о вас все всем известно, и, тем самым, вам приходится исправляться, сплетни всегда держат в напряжении ваше достоинство, которое иначе может и заснуть»^[454].

Вскоре он почувствовал себя ненужной вещью, обломком, выброшенным на берег после кораблекрушения, в этой деревне, до которой Литературе и дела не было. Его существование здесь было бесцельно, во всем царила безысходность. Он не мог быть счастливым без того, чтобы все показывали ему свое расположение, а в Жюнивиле он получал лишь чопорную настороженность. Париж о нем забыл и отверг его. Что ж, он

начнет новое наступление! Ему пришло в голову, что он побогаче, чем может иным казаться, что его литературный опыт может помочь ему восстановить свое имя. В самом деле, почему бы не начать с того, что он лучше всего знает, с поэзии и поэтов. Он же был знаком с Гюго, с Коппе, Банвилем, Мендесом, Малларме и еще с сотней других! Он был желанным гостем в салонах, он знал весь свет. Его воспоминания — настоящая золотая жила, которую к тому же легко разрабатывать.

Да ведь еще есть и Рембо, которого никто не знает! Он снова повернулся к своему старому другу, с которым в душе никогда не расставался. Было послано очередное письмо Шарлю де Сиври (28 января 1881 года): «Я все еще жду, когда ты мне вернешь его стихи и „Озарения“». Результат был тот же. Тогда он решился попросить Леона Валада перестать на него дуться и послать ему стихи Рембо и особенно «Пьяное судно» (sic!) и «Бодрствующих». Это убедительно доказывает, что у него самого к тому моменту ничего не было и что память ему изменила. Валад — нельзя сказать, чтобы в этом была уверенность, — переслал ему копию «Пьяного корабля» и сонет «Вечерняя молитва». Эмиль Блемон, которому Верлен послал аналогичную просьбу, добыл копию сонета «Гласные» — у него хранился автограф. Но возникла одна сложность. Как опубликовать эти тексты без согласия автора? Куда он мог запропасться? Последние разыскания, произведенные Делаэ, ничего не дали. В письме от 28 июня 1881 года он пишет: «О Рембе nothing»^[455].

В конце года Верлен снова просит своего друга: пусть он хотя бы найдет его адрес. Делаэ ответил ему 31 декабря 1881 года, что он получил ответ от г-жи Рембо из Роша. Она сообщила ему, что «бедняга Артюр» в настоящий момент находится в Аравии, в каком-то Харате или Хараре^[456]. Так оно практически и было. Рембо работал на Пьера Барде, одного из директоров некоей лионской фирмы, имевшей представительство в Адене; он уже более года был заместителем директора филиала этой фирмы в Хараре, в Абиссинии.

Через некоторое время Рембо вернулся в Аден и ответил на письмо Делаэ, которое ему переслала г-жа Рембо. Теперь Верлен точно знал адрес Рембо. Просил ли он у него разрешения опубликовать его стихи? Очень возможно, что да, так как Альфред Барде, брат Пьера, заявил Жану-Полю Вайану, что Рембо однажды получил письмо от Верлена — в ответе на которое он лаконично просил «оставить его в покое»^[457]. По какому бы иному поводу стал Верлен писать Рембо?

Меж тем, пока Верлен лез из кожи вон, чтобы собрать вместе все

стихи Рембо, из армии вернулся Люсьен. Он повзрослел за это время. Ребячества юношеских лет остались в прошлом, он стал более независимым, более здравомыслящим. Морализаторство и отеческий авторитаризм Верлена начали его раздражать.

В смысле благосостояния горизонт также покрылся тучами. Летинуа, обнаружив в себе собственническую жилку, неосторожно купили некоторые земли для «округления» «своей» земли. Когда пришел срок платить, им пришлось залезть в долги, которые они не могли вернуть. Тогда кредиторы объединились и добились ареста фермы. Судя по всему — некоторых документов недостает, — официальной продажи имущества с торгов не было, ферму продали в погашение займа в конторе жюнивильского нотариуса г-на Карретта. В соответствии с условиями продажи, подписанными 19 октября 1882 года, часть вырученной суммы (девятьсот франков) была передана на хранение нотариусу, на срок шесть лет под 4,5 процента годовых. Это важное обстоятельство; впоследствии мы увидим, какую огромную роль сыграют эти деньги в жизни Верлена.

Это была самая настоящая катастрофа. Поговаривали, будто Летинуа прикарманили деньги и сбежали в Бельгию; первое, несомненно, ошибочно, второе вероятно — на экземпляре «Любви», принадлежавшем Эмилю Ле Брену, написаны рукой Верлена следующие слова (после первого стихотворения из цикла «Люсьен Летинуа»): «Жюнивиль, 11 апреля 1888 года (ошибка, должно быть 1882), пока Л. был в отъезде в Бельгии»^[458].

Не зная, что делать, Верлен вернулся в Аррас, где его мать, как когда-то г-жа Рембо своему сыну, напомнила ему:

— Я же говорила, что это кончится плохо!

После подведения всех счетов (впрочем, не всех, так как расчет с семейством Летинуа произошел позднее) у Верлена осталось всего пятнадцать тысяч франков... и его муза. «Меня оципали, но главное перо у меня осталось», — говорил он в шутку. Этим самым пером он и изложил в стихах конец этого прекрасного «приключения в сельской местности».

Но беда не приходит одна.

Как раз в это время Верлен поссорился с Жерменом Нуво и безуспешно пытался с ним помириться. Дело началось еще в январе 1882 года. Нуво, устроившийся в министерство всеобщего образования, близко общался с Делаэ, который в то время работал учителем в Булонь-сюр-Сен. Вместе они обедали в отеле «Сен-Жозеф», что на площади Сен-Сюльпис, скромном заведении, где постоянными клиентами были студенты-

католики ^[459] .

И вот однажды, именно 26 января 1882 года, Нуво положил на стол своему начальнику заявление с просьбой предоставить ему отпуск по состоянию здоровья ^[460] . Он вбил себе в голову, что ему нужно поехать в Англию и взять с собой Верлена. Тот сначала с радостью согласился, потом стал отнекиваться. Чтобы убедить его, Нуво приехал к нему в гости в Аррас. В ходе обсуждения идеи, проходившего в одном из городских кафе, Нуво, решив, что его друг уже достаточно выпил, запротестовал против продолжения застолья. Верлен рассердился, и возмущенный Нуво покинул заведение, заявив, что он не желает никуда отправляться с пьяницей и что он возвращается в Париж! Мирились друзья долго и с трудом, так как Нуво не реагировал на многочисленные извиняющиеся письма Верлена, как и на мольбы Делаэ. «Нет, — говорил он, — это капризный ребенок, его нужно держать в ежовых рукавицах». Несчастный Верлен сам поехал в Париж, но не нашел там Нуво; впрочем, он назначил ему встречу после окончания мессы на воскресенье Троицы в Сен-Сюльпис. В течение нескольких дней Нуво следил за ним из кафе «Сен-Жозеф» и выжидал, пока Верлен потеряет надежду и будет уже готов ехать обратно ни с чем; выждав достаточно, он однажды утром подошел к Верлену на площади Сен-Сюльпис, когда тот покупал газету.

— Ах вот где он, — сказал он, хлопая Верлена по плечу, — этот вертопрах, которого хлебом не корми, дай почитать газетку!

И тут уже начались объятия. Верлен снова обрел покой и мог возвращаться домой.

Вскоре после этого пришел черед Делаэ пасть жертвой блажи «янсениста» (так они прозвали Нуво). Тот сначала неделю бегал от него, как от прокаженного, а потом неожиданно сам пришел к нему и был сама вежливость и веселость.

И он, и Верлен в конце концов привыкли к скачкам этого «сумасшедшего барометра».

В мае 1882 года Верлен оказался в той же точке, что и в апреле 1877 года: пять лет потрачены зря. Ретель, Лимингтон, Жюнивиль — все эти перипетии лишь отложили претворение в жизнь его плана, который остался без изменений: найти работу в государственном учреждении и жилье, куда бы он мог перевезти свою мать. Он был вдовец, ни к чему ему становиться вдобавок еще и сиротой. Все нужно было строить заново.

Внезапно, в июне 1882 года он решил — была не была, и отправился в

Париж, где г-н Истас предоставил ему жилье.

Все надежды он возлагал на Эдмона Лепеллетье, который к тому времени получил рубрику в «Пробуждении» и должность автора редакционных статей в «Мо д'ордр». Верлен частенько заходил к нему в редакции этих газет, находившиеся на улице Бержер, дом 19 (на первом этаже размещалось кафе «Бауштайн»). Лепеллетье, видя, что друг находится в беде, обещал опубликовать его заметки. Эмиль Блемон сделал еще больше — он представил его издателю Леону Ванье, основателю журнала «Современный Париж», который редактировали Жак Мадлен, Жорж Мийе и Жорж Муано (он же Куртелин). Леону Ванье было тридцать пять лет, это был невысокого роста человек военной выправки, любезный, близорукий оптимист. Он также держал книжный магазин, который находился по адресу набережная Сен-Мишель, дом 19. Продавалась там преимущественно поэзия.

В «Современном Париже», «последнем оплоте воинствующего Парнаса», Верлен встретил своих старых товарищей. Именно в этом журнале состоялось его официальное «возвращение» в литературу. Произошло это 25 июня 1882 года — в журнале был опубликован сонет «Скелет», по тону напоминавший его самые первые стихотворения, ведь его первой публикацией было стихотворение «Смерть».

Вскоре воскресли Летинуа. Оставшись без средств к существованию, нищие, без связей, не знающие, что делать дальше, они сняли обшарпанную квартирку в Париже на улице Ля Шапель. Летинуа-старший выглядел постаревшим и все больше молчал, супруга его внешне смирилась с судьбой, но сохраняла веру в себя. Люсьен, их единственная опора, был без работы. Естественно, Верлен занялся его трудоустройством ^[461].

Очень кстати выяснилось, что Делаэ собирается уйти с поста, который он занимал в Эколь д'Агюссо, что в Булонь-сюр-Сен. Его место должен был занять его арденнский друг, Эдмон Томас, которого Верлен учил английскому в Ретеле (в 1879 году тот получил премию), но в последний момент он передумал и вернулся в Арденны, так что место оказалось вакантным. Люсьену было предоставлено право преподавать, так что Делаэ мог спокойно увольняться (на самом деле он уходил работать в заведение Мирмана в Монтруже). Делаэ описал Люсьена так: «Это был довольно высокий молодой человек, довольно гибкий и ловкий. Правильные, но не слащавые черты лица, кожа немного загорелая, глаза карие и светлые, лицо

выражает чистосердечие и силу».

О Верлене Люсьен говорил Делаэ так: «Если бы я его не любил, я бы немногого стоил. Если бы я стал его обвинять, я был бы не прав, ведь у него были добрые намерения. Что можно сказать с уверенностью, так это то, что было бы лучше, если бы мы никогда не повстречались с ним».

Тем временем истек срок проживания Верлена у г-на Истаса. Тогда, чтобы быть поближе к Люсьену, он переехал в Булонь, в «Отель де Коммерс», дом 5 по улице Паршан, в непрестижном квартале, недалеко от центра. Обстановка была далека от комфортной, но хозяин, Кортре, был человек приятный, и атмосфера пригорода ему понравилась. Не прошло и двух дней, как он стал «пригорожанином», не порвав, однако, связей с Парижем. Каждую пятницу вечером он садился на конку и ехал в кафе Вольтера на площади Одеона, где собирались литераторы. Там он встречал своих старых друзей по Парнасу, Валада, Мера, Мендеса и прочих, а также и «молодую поросль», таких поэтов, как Жак Мадлен, Жорж Куртелин, Габриэль Викар, Шарль Монселе и других. С большим удовольствием он «давал себе волю»; Альфред Потье, один из завсегдатаев, на всю жизнь запомнил, как этот «псих» пил грог без сахара!

Но как же изменилась атмосфера за эти десять лет! Куда подевалась беспорядочная жизнь времен Зютического кружка — ни тебе шумных вечеринок, ни людей, одетых как попало. Достойные и размеренные, эти юные поэты всем своим видом показывали, что принимают себя всерьез, не спеша потягивая холодный черный кофе. Верлен себя чувствовал не в своей тарелке в этом «Литературном кафе», которое он вывел в «Воспоминаниях вдовца». Там было полно, пишет он, «мелких пташек, орлят, судя по всему», но главный упрек был такой: «Как же там все умели себя держать!»

Примерно через три недели Люсьен бросил преподавание, окончательно поняв, что к этому у него не лежит душа. Как только ему нашли работу в канцелярии одного завода в Иври-сюр-Сен, он оставил свой пост и переехал поближе к своей новой работе (улица Пари-а-Иври, дом 14), а за ним — и его родители.

Тогда, чтобы не показаться нелюбезным директору школы Агюссо, Верлен предложил себя в качестве временной замены, пока не найдут другого учителя. Так Верлен близко познакомился с хозяином школы, г-ном Фернаном Эно, человеком деятельным и жизнерадостным, и его супругой, которая превосходно пекла. Он вместе с ними ужинал, застолье обычно затягивалось, они беседовали за чашкой чая, он курил сигары. Г-н Эно сделал из своей школы подобие воинской казармы, а из учеников — сынов

полка. Их утренние марши, торжественный вход и выход из класса под звуки горна очень веселили Верлена.

Вскоре был найден новый учитель, и Верлену вернули свободу. Но что же с ней делать? Куда идти, ведь Люсьена больше нет рядом? Поехать за ним в Иври, этот индустриальный пригород? Об этом не могло быть и речи. Не зная, как поступить, он не стал менять жилье и остался в «Отель де Коммерс». Можно себе представить, как он поздно вставал, как писал с утра несколько писем, как спускался вниз выпить с хозяином отеля и местными рабочими и служащими по аперитиву и поговорить с официанткой, наконец, как он проводил вторую половину дня в своих парижских хлопотах и за моционом в Булонском лесу. Он сам описывал себя — вот старый рецидивист! — как чужака, нагруженного бесполезным опытом, на каторжных работах в Париже. Когда приходил вечер, он вскарабкивался на свой этаж, отсчитывая очередную сотню ступеней, зажигал спичку, уставший, охмелевший от столичного шума, ложился в кровать и не мог заснуть^[462]. По воскресеньям он встречался с Люсьеном в Отейле (в двух километрах от места, где он жил), куда тот приезжал поездом по Малому Кольцу. Они веселились в кафешантанах Пуан-дю-Жур, их взгляды радовал виадук, «какому в мире равных нет», простой люд, женщины легкого поведения в своих розовых или голубых галстуках, стоящие прямо, с сигаретой в руках, окидывающие покровительственным взором смельчаков-полицейских. Сколько раз на площади перед железнодорожной платформой «Отейль» он ждал, вне себя от нетерпения, прибытия милого его сердцу поезда («Он скрипит и почти кричит, когда останавливается»), Вот наконец на вершине лестницы появляется Люсьен, вылитый прекрасный принц из сказки, или даже «ангел на вершине лестницы небесной». Они идут не спеша, беседа вовсе не о пустяках, но о великих духовных вопросах — о судьбе или о смерти — и добираются до «Отель де Коммерс», чтобы там «поужинать, чем бог послал».

Когда наступал вечер, Верлен провожал Люсьена на вокзал.

Вот тогда-то и началось претворение в жизнь Великой Программы.

Первый шаг был сделан — Верлен вернулся в литературу. Многие из его старых товарищей не слишком ему обрадовались, но и не принять его в свое общество они уже не могли. «Современный Париж» и «Пробуждение» открыли ему свои двери. Есть Ванье, до которого рукой подать, а это уже издатель. Наконец, Эрнест Мило начал публиковать в «Арденнском курьере» серию статей под общим названием «Наши Арденны» (октябрь 1882 — февраль 1883). Медленно, но верно почва под его ногами

становилась твердой, и вот он решил, что пришел момент достичь второй цели — найти работу.

Наилучший вариант, думал он, просто вернуться в мэрию, поскольку после амнистии 1880 года все прошлое было предано забвению ^[463]. Очень кстати Лепеллетье был знаком с Шарлем Флоке, префектом Сены, а также и Жаном де Бутелье, председателем Муниципального совета Парижа, который к тому же иногда писал статьи в его газету «Мо д’ордр». В августе 1882 года Верлен подал ходатайство по всей форме, в котором упоминал, что семь лет проработал на службе в мэрии, что его последняя должность была начальник экспедиции и что его уволили 11 июня 1871 года за то, что он остался работать при Коммуне. Дальнейшее не должно было представлять больших трудностей, и вскоре Лепеллетье передал своему другу, что дело в принципе улажено, осталось только удовлетворить ряд формальностей, в частности разослать запросы о ходатае в компетентные органы.

Но все это нужно было делать быстро, так как Верлен, предоставленный самому себе, резко менялся (и он хорошо это знал) — в обществе он был сам веселость, оставшись один, погружался в глубочайшую депрессию. Его вера остывала, и не только его вера в Бога, уже довольно холодная, но и вера в себя. Его изгнание закончилось, но он страдал от того, что непризнан, покинут, что старые друзья общаются с ним из вежливости, а молодые поэты выражают лишь внешнюю почтительность. И к тому же Булонь — это же черт знает где, ему там скучно. Для борьбы с бессонницей он принимал хлоралгидрат, но от этого успокаивающего у него были страшные головные боли и сердечные приступы. Тогда он вызвал к себе мать. Она сразу же приехала и сняла комнату рядом с ним. Целую неделю она его ободряла, успокаивала, так что он ей рассказал о своем самом страстном желании последних лет — окончательно вернуться в Париж. Они бы составили друг другу компанию, они бы сняли хорошую квартиру, он бы каждое утро уходил на работу в контору, как когда-то, и возвращался всегда в одно и то же время; она же, со всей своей бодростью, которую у нее не смог отобрать даже возраст, принимала бы его друзей, даже если бы их было много и они сильно шумели.

Когда она уехала, чтобы подготовиться к переезду, он выздоровел и вскоре сам поехал за ней в Аррас. Родственники, друзья и соседи в один голос говорили, что они очень жалеют о ее отъезде, но она была так же счастлива, как и ее сын.

В начале ноября 1882 года, вернувшись в Париж и нанеся визит г-ну Истасу, они нашли в квартале, где он жил, квартиру, которую сдавали внаем. Она находилась на пятом этаже дома 17 по улице Ла Рокет, недалеко от Бастилии. Место было светлое и милое, через недолгое время они подписали договор аренды.

Они расставили мебель, прибывшую из Арраса, разложили книги по полкам; Поль украсил стены своей комнаты вещами, напоминавшими ему о прошлом (повесил портрет отца, Люсьена, рисунок с распятием из церкви Св. Жери и т. д.), и облегченно вздохнул: он более не одинок и живет в собственном доме. Уже двенадцать лет он не знал этого счастья!

Вскоре — и это был хороший знак — пришли по почте две характеристики, которые он подшил в свое «мэрское» досье: одна от мэра Фампу (22 ноября 1882 года), где констатировался факт, что его поведение во время пребывания в коммуне было «безупречно», и другая от бургомистра Жеонвиля (30 ноября 1882 года), указывавшая, что на территории коммуны он вел себя исключительно достойно.

Дело практически было в шляпе!

Начало 1883 года прошло в эйфории. Новая квартира со старой мебелью, которая, несмотря на все переезды, все еще выглядела прекрасно, восхищала Поля и его мать. Вот как эту квартиру описывает Жан Мореас^[464]:

«Чистые занавески.

Провинциальная мебель.

На стене цветной рисунок Жермена Нуво, изображающий распятие, исполненный в духе вдохновенного непрофессионализма.

Книги по казуистике на одной полке с „Новеллами“ г-на Скаррона.

„О подражании Христу“ рядом с Петронием.

Пастели времен Наполеона.

И у окна узенький стол, воистину пюпитр мэтра, едва сев за который, вы напишете „Давно и недавно“».

Программа, благодарение богу, продолжала воплощаться: к Пасхе его возьмут на работу. С другой стороны, Лепеллетье открыл для него в «Пробуждении» рубрику «Париж как он есть», в которой начиная с 8 декабря 1882 года выходили его парижские и арденнские зарисовки, ностальгические и сентиментальные, живые и яркие. Подписывался Верлен, в зависимости от настроения, «Жан, который смеется», или «Жан,

который рыдает».

Знаменитые журналисты (Валантен Симон, основатель «Эха Парижа», Поль Алексис, Эмиль Бержера, Анри Бауэр и другие) были заинтригованы своим новым несколько странноватым коллегой и потребовали, чтобы им его представили. Все они, познакомившись с его старыми стихами по совету Лепеллетье, согласились, что он в самом деле великий поэт.

Вскоре он уже активно занимается литературой. В начале 1882 года начал выходить в свет журнал молодых поэтов, «Новый левый берег» (аллюзия на республиканский журнал «Левый берег» времен Наполеона). Вдохновителями его были Леон Эпинет, студент-медик родом из города Кона, псевдоним Лео Трезеник, а также Жорж Раль, косматый фламандец, и Шарль Морис, утонченный и страстный поэт. В первом номере (от 1 декабря 1882 года) этот последний, под псевдонимом Шарль Мор, вступил в полемику с «Поэтическим искусством» Верлена («Музыка прежде всего»), написанным в Монсе в 1874 году и вышедшем в «Современном Париже» 10 ноября 1882 года. Как вы говорите, «музыка прежде всего»? Эта несостоятельная доктрина чревата тем, что ею будут теперь оправдывать худшие отклонения от размера, а также непонятность и бессвязность текста. Верлен ответил письмом в этот журнал, высказывая мнение, что музыка, видение и эмоции ни в коей мере не несовместимы со строгим размером. На следующий же день Морис был у него. И вот так этот горячечный молодой человек с пышной шевелюрой стал его лучшим другом. Верлен его очень полюбил и прозвал Неоптолемом (в честь сына Ахилла), так он был пылок и отважен. Заодно «Новый левый берег» стал его новой трибуной, хотя настрой там был социалистский и антиклерикальный до чертиков.

Молодежь с удивлением открыла для себя этого допотопного пилигрима, эту живую окаменелость, славу которого составляли скорее необычные приключения, чем прошлые успехи. Его полюбили, но без страстного восторга. Трезеник, например, на дух не переносил «Мудрость» («слишком клерикально!»), но согласился отвести Верлену место среди «достойных художников». «Талант диковинный, конечно, и своеобразный, но несомненно талант». Однако под покровом уважения к нему крылось подозрение: ведь он же из старого Парнаса... А у молодого поколения волосы становились дыбом при одном этом слове. Леконт де Лиль и Коппе суть ярчайшие примеры того, как не нужно писать стихи. Молодежь заставит работать Поэзию на современную борьбу, их поэзия должна быть антибуржуазной. Великие люди давно минувших дней (то есть прошедшего десятилетия) с их чеканными «сонетами-алмазами» и башнями из слоновой

кости выводили молодежь из себя. Они ревностно заявляли: «Шагов слонов и полетов кондоров в наших стихах не будет!»

Среди своих гостей Верлен, расслабленный и улыбающийся, возможно, воображал, что он снова на улице Леклюз времен своей свадьбы. Гости были без ума от искренности и солдатской резкости языка его матери ^[465], которая разносила леденцы — а это было лекарство от всех болезней, по ее словам. К тому же она всем казалась молодой и резвой; ее любили за то, что ее главным счастьем в жизни было одаривать других. Делаэ снова откопал Нуво и ввел его в пеструю компанию, заправлявшую «Новым левым берегом». Начинающие поэты со страхом подходили к «Мэтру», сердечная простота которого удивляла всех: Эрнеста Рейно (по матери Вузинуа), Эмиля Валадона, Эмиля Гудо, основателя «Клуба страдающих водобоязнью», Мариуса Пуже, он же Леон Дорфер, в котором идеи кипели, как в котле. Среди них блистал мрачным блеском Жан Мореас. По-настоящему его звали Яннис Пападиамантопулос, он был родом с Пелопоннеса; когда он читал стихи, его черный глаз с моноклем и воинственные усы, вкупе со страстью в голосе, были так выразительны, что его прозвали Матамореас.

Иногда эти сборища заканчивались в каком-нибудь «кабаке» близ Бастилии, но и там Верлен не терял своего достоинства, всегда был безупречно выбрит и одет, всегда был в цилиндре. Все его проказы заключались в ухаживании за г-жой Куртуа, супругой владельца близлежащего табачного киоска (родом тот был из Арденн). Эта «королевская красота» цвела за кассой, такая же прекрасная, как цветы, которые ей дарили. Местная пекарня также искушала его, а эта дама продавала выпечку, и он ел пирожные в огромных количествах, чтобы быть к ней поближе. Этих совершенно платонических развлечений ему хватало.

В письме Шарлю Морису от 5 февраля 1883 года он так описывает свое положение: ему кажется, что начался долгий период покоя и стабильности. «Я полон решимости вступить в бой в прозе, в стихах, в театре и в газетах тоже, если придется. Жизнь у меня бурная, но я нашел свое место, и теперь я человек, который рано встает и рано ложится, что имеет самое благоприятное влияние на здоровье, испорченное предыдущими годами, и это несмотря на мое железное телосложение».

На самом деле он находился на вершине кривой, которая начинала стремительно падать вниз.

Время шло, а о ходе выполнения «формальностей» в мэрии не было никаких новостей, хотя он неустанно приставал к Лепеллетье. «Давай поговорим о мэрии», — писал он ему, или: «Что там г-н Бутелье?» Он весь нетерпение и удивление: его досье «совершенно полное, куда уж полнее»^[466], не так ли?

Увы! Префект Сены, Шарль Флоке, имел любопытство задать ряд вопросов Брюссельской прокуратуре, поскольку ходатай имел судимость. На его письмо от 31 октября 1882 года ему ответил 28 ноября королевский прокурор, и ответ его был безжалостен, так как содержал изложение известных фактов, исполненное в тоне обвинительного заключения. «Нам неизвестно о других обвинениях, выдвинутых в адрес Верлена, — завершал свое письмо прокурор, — но расследование дела, обстоятельства которого мы выше изложили, показывает нам, что натура данного субъекта более чем подозрительна».

Естественно, и речи не могло быть о том, чтобы снова взять его на работу. Лепеллетье, крайне раздосадованный, пошел на хитрость и дождался, пока префект уедет из столицы (об этом ему было известно), и только тогда сообщил плохую новость своему другу. Флоке, сказал он, сделал все, что мог, но его начальство сказало категорическое «нет».

Для Верлена это был очень тяжелый удар. Неужели он никогда не сможет жить нормальной жизнью, неужели он никогда не сможет вернуть себе место в приличном обществе? Неужели его позор будет преследовать его до самой смерти, и даже после нее? Рецидивист, проклятый — вот кем он стал, и всего лишь из-за какого-то «греха молодости»; а ведь он был «в своем праве!».

Он заболел.

Но Судьба уже готовилась нанести ему удар потяжелее.

3 апреля 1883 года он узнал, что Люсьен заболел тифом и помещен в больницу «Милосердие», что на улице Лакапед, дом 1, в палату «Серр». Он немедленно помчался туда. Люсьен был в бреду.

Потрясенный, он навещал его каждый день. Увы! Состояние больного ухудшалось, и врачи уже говорили, что он обречен. Три дня Люсьен, обессиленный, лежал в коме. Последние слова, которые услышал Верлен, были трогательным призывом: «Поль!.. Поль!..»

Он отдал Богу душу 7 апреля в восемь утра. Ему было двадцать три года.

После всех формальностей и обряжения тела в больничной часовне

состоялось отпевание.

Свечи теплятся над тобою,
Устремленные, как глаза,
С упоением и мольбою
В обретенные небеса...[\[467\]](#)

А потом было долгое шествование до кладбища Иври по пригородным дорогам, где колдобина на колдобине. Немного белых цветов, небольшая процессия: трое мужчин, Летинуа-старший, Верлен и Делаэ, несколько женщин, среди них мать и соболезнующие соседки.

Верлен был спокоен, он был убежден, что душа Люсьена отправилась в рай. Он указал Делаэ на белую обивку катафалка.

— Как у невинной маленькой девочки, — сказал он тихо, — и правда, он это заслужил.

После погребения он с Делаэ проводили несчастных Летинуа домой, а те, верные деревенской традиции, пригласи ли их в дом на скудные поминки.

Верлен часто приходил проведать могилу, украшенную гранитным крестом, который он сам и поставил, и «голубоватыми и розовыми» цветами. Там, на этом кладбище, которое он находил пошлым, он ревностно молился.

И все же его мучила совесть: он не имел права... Его наказало Небо.

Но его слезы в самом деле были слезами отца.

В этой могиле, погребенные навечно, лежали его наваждения, его счастье и большая часть его самого.

Глава XVI

МАЛЬВАЛЬ, ИЛИ ДЕМОНЫ БЕРУТ РЕВАНШ (май 1883 — май 1885)

*...Вот рой злых ангелов передо мною,
И бесноватых, и лукавых...*

Поль Верлен «Счастье», XIII^[468]

Верлен был крайне подавлен после этого несчастья, произошедшего сразу же после провала его попытки вернуться в общество.

Хуже всего было то, что никто не мог понять его скорби, ни мать, ни друзья. Париж стал ему казаться пустым и безынтересным, он снова стал пить, и вернулись тяжелые дни. «Новый левый берег», сменивший название на «Лютеция», продолжал из номера в номер публиковать его прозаические хроники, да и на Монмартре выходил «Шапуар» Салиса, что делало его аудиторию еще большей. Но что-то в нем сломалось. Вокруг была лишь пустая суета.

Пришло время рассчитаться с Летинуа. Верлен с матерью оставили несчастным старикам достаточно, чтобы те могли достойно провести остаток жизни (г-жа Летинуа умрет через несколько месяцев, в начале декабря 1883 года^[469]), в обмен на принадлежавший им небольшой домик в Мальвале, близ Кулома.

Таким образом г-жа Верлен приобрела недвижимость, состоящую из каменного деревенского дома с пристройками, двором и садом, общей площадью 760 квадратных метров, как это указано в контракте, зарегистрированном 30 и 31 июля 1883 года г-ном Сабо, нотариусом в Пари-Батиньоль. Цена приобретения, вероятно, фиктивная, была 3500 франков.

С этого момента в голове у Верлена была только одна идея — уединиться в Мальвале, жить там в покое и вспоминать о своем сыне. Все же, перед тем как уехать, он приложил усилия к тому, чтобы началась публикация его работы о трех малоизвестных или вовсе неизвестных поэтах — Корбьере, Рембо и Малларме — под названием «Проклятые поэты».

Первая статья серии, посвященная Тристану Корбьеру (Шарль Морис зачел его «Пожелтевшую любовь» на крайне памятном вечере), вышла в «Лютеции» 24 августа 1883 года, вторая — 31 августа и третья — 21 сентября. Верлен же тайком уехал, ничего не сказав Лепеллетье, который пригласил его в Бугиваль, в свой дом в деревне.

Через Аррас он пролетел пулей, «было время только пожать руку паре родственников», и 30 сентября он уже рассказывает Шарлю Морису свои первые впечатления:

«Моя мать ожидала увидеть грязную хибару, и была поэтому очень удивлена, обнаружив небольшой прочный дом, хорошо спланированный, набитый шкафами и чуланчиками, да вдобавок еще и симпатичный садик, который, вероятно, надо будет немного привести в порядок, ведь много месяцев за ним не ухаживали».

Этому милому садику, «наполовину огороду, наполовину фруктовому саду», затененному двумя вязами, он посвятит в сборнике «Любовь» увлекательную балладу на следующую тему:

Что мне сравнить с моими вязами?

Весь решимость, он берется за дело, копает, пропалывает, корчует. 15 октября, после поездки в Реймс, откуда он передавал приветы Лепеллетье и Эдмону Метру, он сообщает Шарлю Морису:

«Ура! Сад я прополос, мебель расставил. Украшаю комнату для гостей. Там все — портреты поэтов, вырезанные из газет („Бабочка“, „Художественная жизнь“, „Иллюстрации“)! (Неплохой) Виктор Гюго (Ле Пти pinxit^[470]) в виде садящегося солнца тоже тут есть, в самом низу, потому что он этого за-слу-жи-ва-ет. Все удивительно... как во сне, весь мыслимый (но без излишеств, увы!) комфорт при нас».

В это время со страниц «Лютеции» на литературную сцену выходил Рембо. Никто, кроме нескольких закоренелых стариков-парнасцев, не знал, кто это такой. Поэтому даты 5 октября и 2 ноября 1883 года (первая публикация соответственно «Гласных» и «Пьяного корабля») навсегда вошли в историю французской литературы. Кроме этого, Верлен предложил жадной до поэзии молодежи пригоршню отличных стихов («Сидящие», «Искательницы вшей», «Завороженные»), которые он выцарапал из своих старых друзей. Тексты, говорите, он иногда давал с ошибками? Ну и что с того, ведь главное сохранилось. Также он

опубликовал свои воспоминания о молодом поэте, гениальном и — вот главное! — несуществующем больше, пропавшем без следа, летающем теперь под другими небесами. Этот «г-н Артюр Рембо, с которым мы имели честь быть знакомыми», пишет он, оставил после себя и другие потрясающие стихотворения, и еще таинственное «Одно лето в аду», и божественную прозу под названием «Озарения», но все эти вещи — увы! — вероятно, потеряны для нас навсегда.

На самом деле Верлен, заявлявший, что негде теперь искать Рембо, знал его местонахождение в точности — Рембо перебрался в Аден и стал там путешественником. Знал он это от Делаэ, который показал ему письмо от Рембо, датированное 18 января 1882 года, в котором тот просил его достать для него измерительные приборы и книги по технике. Но разве не лучше было сделать из него легендарного персонажа, жизнь которого окутана тайной?

«Проклятые поэты» имели потрясающий успех. «Пьяный корабль» стал гимном молодого поколения, а «Гласные» — популярной песенкой. Несмотря на это, «большая пресса» обошла это событие молчанием.

«Попробуй разрекламировать эту вещицу», — просит Верлен Лепеллетье, забыв, видимо, как тот презирает шарлевильского поэта.

Среди полученных им писем особенную радость ему должно было доставить письмо Делаэ от 16 ноября 1883 года: «Дорогой друг. В данный момент я зачитываюсь твоими шикарными рассказами про Корбьера и Рембо. Они удивительно хороши»^[471].

Итак, Верлен поселился в Куломе, крестьянин без земли, основатель школы без учеников, поэт без воображения. Место ему нравилось. «Нет ничего красивее здешних мест». — пишет он в «Воспоминаниях вдовца». В своем деревенском заточении он очень скоро узнал, что единственное лекарство от скуки — работа. В письме Шарлю де Сиври от 6 февраля 1884 года он признается, что вся его теперешняя жизнь есть «работа и отдых после работы». Нежная осенняя пора как будто заставляет обращаться в прошлое, и он вспоминает свои счастливые деньки в Жюнивиле, которые озарял своим присутствием Люсьен. В память о нем он сочиняет душераздирающую поминальную песнь из 24 частей, которая, после «Мудрости», самое искреннее произведение из всего верленовского наследия.

Мой мальчик умер. Божий промысел восславим!^[472]

Эта вещь, под названием «Могила Люсьена»^[473], составит ядро его будущей книги, которая и сама задумывается как центральная часть трилогии, замысел которой уже давно сложился в его душе: «Мудрость», «Любовь», «Счастье». Он совершенно не скучает по Парижу. Он приезжает в столицу только под давлением суровых обстоятельств и крайней необходимости. В таких случаях он останавливается в «Отель де Коммерс» в Булоне и, верный себе, посещает кладбище в Иври, но надолго в Париже не задерживается. Едва он «отбудет свою повинность» и навестит нескольких друзей, как спешно возвращается в свою деревню — ныряет, по его собственным словам, «как мышшь в сыр».

Лео Трезеник решил опубликовать «Проклятых поэтов» отдельной книгой у Ванье. Долго не могли сделать обложку, но в конце концов Малларме дал разрешение воспроизвести на ней свой портрет кисти Мане, а гравер Бланше сделал гравюры по фотографиям КORBЬЕРА и РЕМБО. «В этих лицах есть что-то бесстрастное, но все трое очень красивы», — говорит Верлен в предисловии. Издание вышло тиражом в двести пятьдесят три экземпляра и мгновенно разошлось, и это при том, что в прессе о нем писали мало^[474].

Этим успехом Верлен прежде всего обязан Ванье. Он уже давно искал издателя, который был бы одновременно его секретарем и его другом (он мечтал, чтобы им стал Оллендорф); теперь, когда он его нашел, он будет его нещадно эксплуатировать — например, в течение десяти лет он будет выпрашивать у него авансы за свои будущие публикации. Что он думает о новом, исправленном и дополненном, издании «Проклятых поэтов», почему бы ему не переиздать (и почему бы не сделать это прямо сейчас?) «Романсы без слов», «Мудрость», «Галантные празднества», «Песнь чистой любви»? А у него уж были на подходе «Воспоминания вдовца», сборник заметок, публиковавшихся в «Пробуждении», а также «Давно и недавно», и еще у него были его драматические произведения, вот пьеса в стихах в пяти актах, и еще трагедия «Данаиды», а еще надо, конечно, сделать иллюстрированное издание произведений Рембо — но это может подождать. Пока он пытается пополнить свою коллекцию произведений «пропавшего путешественника». 14 октября 1883 года Делаэ посылает ему копии трех сонетов, о которых он писал ему ранее^[475]. Жермен Нуво посылает ему стихотворение «Потерянный яд» (едва ли оно принадлежит Рембо), у других он добывает «Голову фавна» и «Первое причастие».

Оставалось достать самое главное, «Озарения» и стихи 1872 года, которые все еще лежали под замком у «Принцессы». На всякий случай Верлен 2 сентября 1884 года просит Лео Дорфера забрать у Шарля де Сиври рукописи Рембо — они точно у него есть. Но эта попытка была не успешнее других.

Поселившись в тишине и оказавшись на первый взгляд вдали от всех соблазнов, Верлен решает наконец завоевать место, которое он потерял. Он сочиняет себе программу работы на неопределенно долгое время, которое, как он полагал, имеется в его полном распоряжении. Он будет работать в покое и безопасности.

Вот уж воистину программа бенедиктинца.

Да и душа бенедиктинца тоже, поскольку, если верить Ж.-П. Вайану, Верлен писал в «Блокноте для решений» примерно в это время: «Каждое утро я буду ходить к мессе. Я буду молиться утром и вечером»^[476].

Увы! Вскоре от его безмятежной жизни не останется и следа. Для начала деньги.

Осенью 1883 года он как будто обезумел и начал проматывать капитал своей матери, как именно — довольно сложно понять. При невыясненных обстоятельствах он дал в долг бывшему викарию церкви Сен-Жерева, отцу Салару, 1500 франков, и еще довольно значительную сумму одному ярмарочному торговцу (одни говорят, что его звали Сокур, другие, что Шоссон). Казальсу он хвастался, что как-то в течение одной недели спустил 7000 франков!^[477]

«Совершенно вымотан сложностями с деньгами!!!» — пишет он Малларме 19 октября 1883 года. Его попытки вернуть хотя бы часть своего кредита святому отцу не дают результата.

«Не знаю, что мне делать, — пишет он Шарлю Морису 7 декабря. — Рассчитывал получить 1500 франков. И везу из Парижа расписку, лишь ненамного менее туманную, чем предыдущая. А один нотариус держит у себя еще 1500 франков^[478] (это все от Летинуа)».

Эти два кредита еще сыграют свою роль в его жизни. «Все время деньги! Даже когда ты принадлежишь сам себе, бедность все равно тебя донимает!!! Это не дает тебе ни спать ни есть — даже пить толком не дает!» (письмо Шарлю Морису от 20 декабря 1883 года).

Матери он постоянно устраивает сцены, то и дело переходя дозволенные рамки, и обвиняет ее в том, что она его оставляет без денег. Согласно одному свидетельству, как-то раз в гневе он высыпал содержимое

своего бумажника — там были одни медяки — в рагу из кролика, которое она ему же и готовила ^[479]. Несчастливая г-жа Верлен! Она начала терять рассудок, ее стали считать сумасшедшей, ведь она всем, кого ни встретит, предлагала грызть леденцы — это, говорила она, помогает от всех болезней — и бормотала себе под нос всякую чушь. И все же у нее оставалось достаточно рассудка, чтобы опасаться, как бы Поль в один прекрасный день не оказался у разбитого корыта и без крыши над головой. И поэтому она передала ему в дар ее собственность в Мальвале, но с условием невозможности залога. Соответствующий документ был подписан в присутствии свидетелей в конторе г-на Шартье, нотариуса в Аттиньи, 17 апреля 1884 года ^[480].

В конце 1883 года Верлен уже не скрывает от Шарля Мориса, что он столкнулся и с другими проблемами, помимо финансовых. Он находится в «полном духовном и прочем замешательстве». Далее он уточняет, что его денежные трудности усугубляются еще и «очевидным слабоумием». От державшей себя в руках строгой личности времен Ретеля остались лишь воспоминания. Скажем так — его чистая страсть к Люсьену переродила и подавила в нем другие страсти, о которых не принято говорить на публике. Теперь подавленные страсти вырвались наружу. В Куломе все началось с двусмысленных вольностей по отношению к молодым людям, а закончилось гнусностями, намек на которые можно прочесть в стихотворении «Тысяча три» из сборника «Nombres». Его фавориты, которых он ошеломлял фантастическими щедротами, привязались к нему. Местом их собраний был постоянный двор некоего Бардо, на пересечении дорог на Вье-Шампань и Аттиньи. Двор содержал отец одного из верленовских ребят, которого звали Одилон Д. Также был и Шарль В., сын рабочего, мальчишка с голубыми глазами, Антуан, Поль, Франсуа, Огюст, Жюль, Анри и другие ^[481].

В итоге случился скандал. Его обвиняли и в том, что он деклассированный элемент, и в том, что напивается, как свинья (шампанское и коньяк лились у Бардо рекой), и «кое в чем еще». Кулом надолго сохранил воспоминания об «англичанине» (эвфемизм для «Верлен»), которого часто можно было встретить одетого в крылатку в окружении его друзей-бездельников или идущего неверной походкой по дороге или по рынку. Он и сам себя описывает без особых любезностей: «утомленный бродяга», глаза которого горят желанием, «когда мимо проходят красавцы», «старый фавн, подстерегающий добычу» (из

стихотворения «Без раскаяния» из сборника «Параллельно»). Надо полагать, матери семейств стали бояться его как огня. Эрнест Рено рассказывает, что однажды днем в Куломе он провожал своих кузин в Аттиньи, и вот одна из них, завидев человека, который удалялся от них, схватила его за руку и прошептала, дрожа от страха: «Это Верлен!» Эти слова прозвучали так, как будто бы она сказала: «Это Дьявол!»

Сельский полицейский, Фредерик Кутен, которого Верлен называл «компетентный орган», не спускал с него глаз, хотя и не отказывался от стаканчика рома, который ему Верлен частенько предлагал.

«Мне от этого становится хуже!» — говорил он, если его про это спрашивали.

Очень возможно, но явно не настолько, чтобы его жизни угрожала опасность.

— Однажды, — рассказывал он Ги Дессону, — мне случилось проходить мимо его дома. Я попытался его разглядеть через окно и поднял голову выше оконной занавески. Он тут же открыл какой-то ящик, вынул оттуда револьвер и наставил его на меня...

Возможно, Верлен изобразил, будто наставляет револьвер, так как, к счастью, оружия у него не было.

Однажды ночью недалеко от постоянного двора Бардо произошла довольно странная драка, о которой Верлен также довольно странным образом рассказывает в «Воспоминаниях вдовца» (рассказ «Ultima Ratio»^[482]): «Это случилось ночью, на большой дороге, в пятидесяти метрах от их деревеньки». Двое его юных друзей, довольно сильно пьяных, подрались из-за денег. Верлен попытался их разнять, но сзади на него напал третий парень и ударил его несколько раз кулаком по лицу. На следующий день Верлен подал жалобу, хотя обидчик и попросил у него прощения. Дело передали мировому судье. Магистрат, которого в другом месте Верлен описывает как толстенького и шепелявого, сначала допросил истца, который, как добрый малый, попросил у суда снисхождения. Один из свидетелей указав на виновного, который сам утверждал, что в драке не участвовал, а если у Верлена и в самом деле синяк под глазом, так, мол, он просто был пьян, споткнулся, упал и ударился о булыжник. Верлена приговорили к штрафу за появление в общественном месте в нетрезвом виде, а свидетель, который указал на виновного, получил, помимо штрафа, еще и три дня тюрьмы за нарушение общественного порядка в темное время суток. Виновного же отпустили.

Этот инцидент — два дня в Куломе только и говорили, что об этом — стал последней каплей для г-жи Верлен; ее жизнь была в опасности, и она

уехала. Уже много раз ей приходилось звать к себе на помощь сельского полицейского. Ее согласились приютить соседи, семья бельгийцев, бакалейщики по имени Дав, которые также были очень встревожены. Полагая, что ее отсутствие станет для Поля знаком и он одумается, она спряталась у них.

«У меня куча дел, и к тому же я остался один, — пишет он 3 июня 1884 года Лео Дорферу. — О, как же это ужасно — мужчине вести хозяйство одному!»^[483]

14 сентября того же года у него украл серебряную ладанку с мощами св. Бенедикта-Иосифа Лабрского^[484], которой он очень дорожил, парнишка, которого он в отсутствие матери принимал у себя. Это был для него страшный удар.

«Был СМЕРТЕЛЬНО болен позавчера, — пишет он 16 сентября 1884 года, Шарлю Морису. — Тяжелейший нервный криз, ужасный, после которого я некоторое время был без чувств. Весь Кулом подумал, что я сдох, и стали бить в набат. Нет, правда, я до сих пор не в себе. Отчего все это? Неприятности на неприятностях, деньги и остальное! потому, что такова жизнь!»

Позднее он посвятил украденной ладанке стихотворение, написанное тоном истинного христианина, поскольку он просит святого просветить вора и простить ему его преступление. Тем не менее он подал жалобу в жандармерию. Вора нашли, краденое пропало. Следствие затягивали, вероятно, для того, чтобы подольше подержать парня за решеткой, а на самом деле ему ничто не угрожало, так как его не взяли с поличным. В сентябре Верлен был в Париже, но поспешил назад. «Парень в тюрьме, — объясняет он Шарлю Морису, — вероятно, дело пахнет жареным, но все будет справедливо». Но и к 5 ноября ничего не было закончено. Этим числом датировано письмо к Ванье, в котором Верлен жалуется, что он «прикован к Кулому», поскольку он «свидетель и потерпевший по делу о краже». Наконец он смог уехать и несколько дней отдохнуть (у Куртуа). Но возвращение домой его вовсе не радовало. Через некоторое время после возвращения, 17 ноября, он со скукой извещает Шарля Мориса, что «в Куломе все те же огорчения...».

В свете произошедшего совершенно неудивительно, что труды Верлена, датированные после 1884 года, демонстрируют значительный упадок. Он, когда-то такой строгий во всем, что касалось морали, клеймивший «ужасное сладострастие, что льется через край во всех

романах»^[485], вынимает из-под спуда фривольные «штучки», которые его заставил некогда скрыть инстинкт приличия. Он посылает Шарлю Морису эротические сонеты Рембо (в декабре 1883 года), публикует «Роскошь» в «Лютеции» 8 марта 1884 года, а 1 мая 1884 года в «Либр ревью» — стихотворение «Crimen amoris», которое он сам же некогда назвал «плохим и антихристианским»^[486], отправляет 23 марта 1884 года в «Ревю критик» стихотворение «Стихи, за которые оклеветают», а в феврале — сапфические сонеты «Подруги» в «Ревю андепандан», и пишет двусмысленные вещи о Люсьене Виотти в статье в «Лютеции» от 1 февраля 1885 года, и т. д. Многие из этих стихов вошли затем в сборник «Давно и недавно», подготовка которого отнимала тогда большую часть его времени. Книга вышла в конце 1884 года в издательстве Ванье за счет автора.

Те, кто о Верлене ничего не знал, были озадачены этой странной и дисгармоничной смесью. Эта книга, которая отмечает истинное возвращение Верлена в литературу, есть резюме его жизни с намеками на Элизу («Гостиница», «Сдержанность»), на крах его чувств («Побежденные»), на Нину, на войну («Волки»), на Матильду («Пейзаж»), на Рембо («Поэт и муза», «Crimen amoris», «Стихи, за которые оклеветают»), на Лондон («Хромой сонет»). Тут же мы находим изысканное «Искусство поэзии», четыре дьявольских рассказа, написанных в тюрьме, и, в качестве добавки, одноактная комедия в стихах под названием «Те и другие», написанная в сентябре 1871 года в манере «Галантных празднеств». В результате складывается представление, что автор — какой-то дьявольский монстр, проклятый и к тому же второсортный поэт, побывавший во многих переплетах и едва ли достойный уважения.

Гюисманс, большой любитель дьявольщины, был одним из первых, кто открыл эту книгу и сравнил ее (уже тогда!) со стихами Вийона (в «Ребур», 1884 год). Морис Баррес, двадцати восьми лет от роду, восхищенный «изысканными элегиями» и «целомудренными и сентиментальными романсами» (наверное, он читал книгу по диагонали!) пообещал ему в своем журнале «Проба пера» (номер от 5 декабря 1884 года) «большой литературный успех». Другие, более редкие люди, были довольны обнаружить в книге постаревшие на десять лет отблески чарующих изысков «Романсов без слов». «Иногда, возможно, — писал ему Теодор де Банвиль, — вы так близко подходите к берегу поэзии, что рискуете упасть в реку музыки». И со своей обычной любезностью мэтр добавляет: «Возможно, как раз тут-то вы и правы».

Настолько были разными жанры произведений в этой книге, настолько

разной была степень вдохновенности каждой вещи, что каждый видел в «Давно и недавно» то, что хотел.

Но вернемся в Кулом.

Можно предположить, без большого риска ошибиться, что в 1884 году Верлен познакомился там с Фредериком Рембо, братом Артюра, который в то время находился в Адене, а до этого работал заместителем директора филиала фирмы братьев Барде в Хараре, в Абиссинии. Фредерик же работал в Атини, городке близ Кулома, извозчиком. Это предположение базируется на яростной филиппике Артюра в адрес своего брата (письмо домой от 7 октября 1884 года ^[487]), где он возмущается, что этот «полный идиот» осмелился говорить про него всякий вздор. Но он зря теряет время, добавляет он: «Если в прошлом я и переживал плохие времена, все же я никогда не пытался ни жить за чужой счет, ни жить пороком».

Столь живая реакция указывает, каковы же были откровения Фредерика. Ибо кто же, если не Верлен, мог рассказать ему про некоторые, скажем так, бесславные моменты юности его брата — брата, которому он завидовал и которого ему все время ставили в пример как воплощение добродетелей? Вероятно, Фредерик с изумлением узнал о скандальных похождениях Артюра в Париже, о том, что в Лондоне он беззастенчиво жил за счет Верлена и его матери. Он сразу понял, какую выгоду он может извлечь из обладания этими секретами; но его требование денег разбилось о категорический отказ Артюра: «Я слишком большим трудом зарабатываю на жизнь, чтобы делать подарки этому бродяге».

Эта история не делает Верлену чести, так он позволял себе одновременно украшать лавровыми венками исчезнувшего поэта и изливать свою злопамятность.

В начале 1885 года судьба нанесла ему очередной удар.

Матильда потребовала развода!

Получив 11 января вызов в суд, он ринулся в Париж, несомненно, чтобы переговорить с адвокатом жены и что-то исправить в последний момент ^[488]. Увы! дело уже шло своим ходом и ничто не могло остановить неумолимое правосудие. Можно вообразить себе, как он был озлоблен, когда через два дня вернулся в Кулом.

Залив свое горе в кафе «Да ла Барьер», он пошел к себе и обнаружил, что дом пуст! Мать увезла «к этим мерзавцам бельгийцам» свое белье и личные вещи! Он бросился туда, схватил ее за руки и потребовал немедленно вернуться в дом. Дав и его жена вмешались. Тогда он выхватил

из кармана нож и закричал, что сейчас убьет мать, а потом покончит с собой. Его скрутили и вышвырнули на улицу, что было не так уж сложно, поскольку он был пьян.

На следующее утро соседи сообщили ему, что Давы вошли в его дом и помогли его матери переехать. Это было уж слишком! Не думая ни секунды, он направился в Вузьер, окружной центр, и представил в прокуратуру жалобу на незаконное вторжение в частную собственность. Оттуда он послал следующую записку Шарлю Морису: «Я в Вузьере по делам, а живу, как прежде, в Куломе. Дружище, прости меня за необычную молчаливость. Мои дела ужасны. Я трачу на них все свое время, все свои силы».

Некоторое время спустя, под давлением Давов, г-жа Верлен подала встречный иск, обвиняя Верлена в побоях и угрозе жизни.

Тем временем, пока жандармы вели следствие, в Париже 8 февраля 1885 года был официально объявлен развод, что было простой формальностью при том, что постановление о раздельном проживании супругов и разделе имущества было вынесено за девять лет до того. Позднее, когда страсти поутихнут, Верлен повеселит себя, воображая, как это было: «Когда председатель суда зачитывал постановление, глядя в текст через свой золотой монокль, сидевший на его дрожащем козлином носу, Злодейка своим коровьим хвостом смахнула пыль с блестящего черепа достойного магистрата!^[489]»

Матильда, которая годом раньше потеряла мать^[490], надеялась снова выйти замуж, в этом ее поддерживал отец. Верлен, вероятно, об этом догадался (если только не прямо узнал об этом в Париже), так как 21 января в письме к Шарлю Морису, в котором он рассказывал ему, что его жена «перешла в атаку и требует развода», пишет: «Кто же сей несчастный?»

Ну, в данный момент несчастным был он сам. «Очень занят, — пишет он Ванье 23 февраля 1885 года, — участвую в трех!!! процессах. В двух я истец, в одном ответчик. Вот такая вот веселая жизнь!» Истцом он был в деле о краже ладанки и в деле о незаконном вторжении, ответчиком по иску своей матери и Давов. Одинокий, растерянный, без денег, он копил злобу. «Я знаю, что и как они будут делать. Они хотят меня загнать в угол и перекупить мой дом за бесценок. У НИХ НЕ ВЫЙДЕТ!» Собственно, имея в виду успеть раньше, Верлен выставил дом на продажу. Местный земледелец, Жан Риго, предложил купить дом и получил его за 2200 франков. Договор продажи был подписан 8 марта 1885 года в конторе

нотариуса в Аттиньи.

И Верлен уехал.

Некоторое время спустя его вызвали в исправительный суд Вузьера. Позднее, в книге «Как я сидел в тюрьме», он в легком тоне рассказывает о своей поездке 24 марта 1885 года на соседской двуколке, об остановке в отеле «Золотой лев», о «Дворце Правосудия в миниатюре», о темной драпировке в зале суда. Но тогда, перед лицом судьи Адана и страшного генерального прокурора, по происхождению овернца^[491], он совсем не смеялся. «Слушания начались с мелочей, — рассказывает он, — бродяги, браконьеры, мелкие кражи и т. п. Когда же пришла очередь рассматривать мое дело, в зале суда установилась тишина, хотя там было порядочно народа. В здешних местах я был нечто вроде знаменитости, несмотря на свою довольно дурную репутацию»^[492].

Сначала допросили его мать. Она согласилась, что характер у него сложный, что ему случалось, будучи пьяным, говорить ей грубости и совершать резкие и необдуманные действия, но сказала, что о дурном с ней обращении речи вести нельзя. Давы не стали говорить так хитро и поведали о мерзостях и низостях обвиняемого; их рассказ был подлинной мелодрамой. После чего поднялся прокурор и зычным голосом потребовал строгого наказания «для самого гадкого представителя рода человеческого, бича нашей земли, явившегося нас обесчестить»^[493]. Что же до Верлена, то ему, по его словам, было стыдно за все оргии и непристойности, совершать которые сознательно он никогда не собирался, ни за что на свете^[494]. Его адвокат, г-н Буало, отнес произошедшее на счет нетрезвого состояния своего клиента, который потерял контроль над собой. А свою мать он боготворит. Возможно, он и сказал, что покончит с собой, если его лишат возможности ее видеть, но ни угроз жизни, ни насилия, ничего такого и вовсе не было. Все, что было, это лишь монолог несчастного, который в тот день заливал свои неприятности вином. Раскаивающийся вид обвиняемого был признан смягчающим обстоятельством. Несмотря на обвинительные показания Давов, он был приговорен лишь к месяцу тюрьмы и штрафу в 500 франков.

После истечения срока подачи апелляции, 12 апреля, он сдался в руки тюремщиков.

Вузьерская тюрьма была просто отчим домом, решетки в ней были из дерева, крашенного в черную краску, сидело в ней от силы четыре-пять человек, это было милейшее место на свете! Заключение играли с

надзирателем в монетки, гонялись за местным вороном по кличке Николая, который имел наглость нагадить на стираное белье, которое хозяйка повесила в тюремном дворе сушиться (кончилось тем, что птицу поймали и съели ^[495]). Верлен подметал спальное помещение и с прилежанием читал вечерние молитвы. Каждое воскресенье в тюрьму приходил кюре из соседней деревни Фалез.

Тюрьму потом снесли, но сохранились фотографии, так что мы можем вообразить себе, как наш поэт сидит на скамейке посреди участка земли с живой изгородью из кустов и курит трубку, а вокруг возвышаются высокие тюремные стены. Он, вероятно, сочиняет стихи и записывает их в блокнот, как он это делал всю свою жизнь; так, стихотворение «Луны» из сборника «Параллельно» датировано «Вузьер, 13 апреля — 13 мая 1885 года».

Когда он отбыл свой срок и заплатил штраф, а произошло это 13 мая, он простился со своим тюремщиком, но не без того, чтобы выпить с ним полштофа вонкского вина в кафе «Милый уголок» ^[496].

Сообщая Шарлю Морису 11 мая о своем скором приезде в Париж, он просил его вскрывать почту, которая должна его ожидать у Куртуа, так как в настоящее время его «могут убить, нет, я не собираюсь покончить с собой, но меня могут убить». Еще 2 ноября 1884 года он просил его заняться судьбой «Давно и недавно» «в случае несчастного случая (sic)», что, видимо, говорит о том, что Давы поклялись до него добраться.

Но он прибыл в столицу целым и невредимым. Его очередное письмо в журнал «Лютеция» датировано «Париж, 16 мая 1885 года» ^[497].

Глава XVII

ТУПИК СЕН-ФРАНСУА

(май 1885 — конец января 1886)

Однажды, когда Верлен жил в тупике Сен-Франсуа и у него в гостях был Шарль Морис, кто-то постучал в дверь. Это г-н де Горье, столяр, пришел чинить окна.

— А-а, входите, г-н Горье, — грустно улыбнулся ему Верлен, — здесь почти ваш дом родной.

Ж. Е. Байар «Латинский квартал вчера и сегодня»

Верлен поселился у семьи Куртуа на улице Ля Рокет; там ему на несколько дней предоставили кров. Вскоре он понял, насколько нестабильно его финансовое положение: все деньги, вырученные при продаже домика в Мальвале, ушли на уплату штрафа. При этом нечего было и думать просить помощи у матери: она обиделась и по возвращении в Аррас перестала писать сыну.

И тут у него возникла идея. Жюнивильский нотариус, г-н Карретт, был должен ему 900 франков из суммы за продажу фермы Птит Паруас. Конечно, о немедленном возврате всей суммы речь идти не могла, но, может, принимая во внимание всю бедственность положения Поля, он согласится выплатить ему досрочно хотя бы 500 франков. Понадеявшись на это, Верлен потратил последние деньги на билет.

В конце мая 1885 года он сел на поезд в Арденны. Сделав остановку в Куломе, он предпринял попытку получить какие-то деньги с должников, пользовавшихся его щедростью в прежние времена. Сойдя с поезда в Атиньи, он смело двинулся в путь. Погода стояла чудесная, и муза вернулась к нему:

Волшебная птица роняет из облачной дали
Перо цвета времени на золотые сады
И листья волнуются, словно давно они ждали
Поры сенокоса и гула осенней страды^[498].

Последние гроши остались в куломских кабаках. К счастью,

ярмарочные торговцы спасли его от ночевки под открытым небом: приютили в своем фургоне. Благодаря их щедрости он также смог хоть немного поучаствовать в празднике, который проходил в Аттиньи. Повеселившись на деревенском гулянье, он пошел на станцию. При его появлении, с мороженым в руках, в роскошном зелено-черном одеянии с меховым воротником — и это в такую-то жару! — деревенские мальчишки чуть не лопнули со смеху.

После мороженого я скоро
Вышел на воздух в открытый сад,
Где с меня не сводили взора
Три мальчугана с глазами трибад.

Эти бездельники за парапетом
Станции стали еще наглей.
Я заорал на них, но при этом
Пепла наелся сигары своей^[499].

Приехав в Шатле-сюр-Ретурн, он прошагал семь километров пешком до Жюнивиля. На полпути он познакомился с бродягой по имени Антуан Фуке, и остаток пути они прошли вместе. Стояла страшная жара. Чахлые березы, посаженные вдоль меловой дороги, не давали никакой тени. Было 1 июня 1885 года.

Тем временем в Париже торжественно переносили в Пантеон прах Виктора Гюго. Матильда Моте принимала участие в церемонии. «Суд принял решение о разводе в 1885 году, и я последний раз подписалась как Матильда Верлен в книге памяти Виктора Гюго», — напишет она в «Воспоминаниях».

Верлен, выпив на прощанье с Фуке «лучший глоток в своей жизни», отправился в контору г-на Карретта. Нотариуса не было, его принял служащий и без лишних слов заявил, что долг не срочный, денег у конторы сейчас нет и что Верлен ничего не получит.

Раздосадованный и злой, Поль тотчас же принял решение ехать в Корбийон-сюр-Семуа, недалеко от Буйона, в бельгийских Арденнах. Там держал приход святой отец Жан-Батист Девез, его друг детства по Пализёлю. Он часто писал Верлену и приглашал заехать при случае в гости в Арденны. Лучшего случая, чем теперь, у Верлена и быть не могло.

Как он добрался до Корбийона, неизвестно. Зато известно, что прием, оказанный ему, был самым теплым. Отец Девез рассказал ему, что из-за пошатнувшегося здоровья ему пришлось отказаться от кафедры в университете Лувена в 1881 году и довольствоваться небольшим приходом в Корбийоне. Он изо всех сил старался сделать пребывание гостя как можно более приятным. Г-жа Девез, сводная сестра хозяина дома, еще долгие годы спустя вспоминала, что Верлен остановился не в доме священника, а на улице Седан, в доме одной многодетной вдовы. Таким образом, завидев вдали жандармскую фуражку, он мог бы сразу «прыгнуть во Францию», так как ему все еще было запрещено находиться на бельгийской территории ^[500].

Окрепнув и получив немного денег, к 15 июня 1885 года он вернулся в Париж ^[501] и сразу взялся за поиски нового жилья. Будучи стесненным в средствах, он снял очень скромную квартирку, но считал этот вариант временным. Гостиница «Миди», где он в результате оказался, располагалась в тупике Сен-Франсуа в одном из беднейших кварталов 12-го округа. Внутреннее «убранство» также не отличалось роскошью. На одном конце улицы был тупик, заваленный металлоломом, старыми ручными тележками и прочим хламом, на другом конце улица пересекалась с путепроводом Венсенской железной дороги. Здесь, среди постоянного крика и грязи, жил бедный рабочий люд.

Также квартал служил пристанищем для нуждающихся многодетных семей, ремесленников из предместья Сен-Антуан, находившегося неподалеку, старьевщиков и попрошайек. Постояльцами гостиницы были служащие, пенсионеры, отбросы общества. К последним относились каноник отец Юльмо, лишенный сана по обвинению в безнравственном поведении, человек очень эрудированный и ставший впоследствии прототипом Жерома Коньяра у Анатоля Франса; делец по имени Гадо, замешанный в каких-то махинациях; один гасконец, который, несмотря на свое бедственное положение, умудрялся сохранять веселый нрав, свойственный его землякам, и еще несколько проституток. Как пишет Верлен, это был «всем известный дом свиданий» ^[502]. Квартал, достойный пера Эмиля Золя.

Жилище поэта находилось на первом этаже и представляло собой комнатку с покрытыми плесенью обоями и земляным полом — никакого паркета или кафеля. Свет проникал через зарешеченное окно. Гость проходил через буфет, а затем шел в глубь дома по узкому коридору и только тогда попадал в эту комнатку. Вся обстановка состояла из кровати,

маленького столика, двух стульев, печки и шкафа. Верлен внезапно оказался в самом нищенском положении. На камине, над которым все же висело зеркало, остаток былой роскоши, он расставил свои сокровища: две отцовские шпаги, его же портрет, литографию матери в тридцатилетнем возрасте, распятие из церкви св. Жери, портрет Люсьена и т. д.

Обедал Верлен здесь же. Официант, по распоряжению г-на Огюста Шози, владельца гостиницы, приносил ему еду в комнату. У владельца, овернца по происхождению, было пятеро детей. Особенно Верлену запомнился двенадцатилетний Перо, страшный шалун. Он описал этого «бледного, долговязого и худющего» паренька в «Воспоминаниях вдовца». То он бродит по ручью по колено в воде, то проказничает. Как-то, например, он явился в шапочке и стихаре священника, которые стащил в ризнице, мстя за выговор, полученный во время хоровых занятий.

Верлен с легкостью сошелся со всем этим рабочим людом, подмастерьями, своднями, шлюхами, пьянчугами, полицейскими. «В богеме, беспорядке, кутежах его гений расцветал», — писал Лоран Тайад ^[503].

14 июля в дыму петард, римских свечей и огненных колес вся ребятня во славу щедрости Поля топала ногами и орала во все горло: «Да здравствует г-н Верлен! Да здравствует Республика!» ^[504] В этот день к нему пришел Эрнест Рей-но и заставил его танцевать, или скорее подпрыгивать на одной ноге, а потом вальсировать с огненно-рыжей девицей, снимавшей комнату в том же отеле, о чем она, через некоторое время попав в участок, напомним все тому же Эрнесту Рейно, но теперь уже комиссару полиции ^[505]. Чуть позже Верлен станет свидетелем ссоры между этой девицей и ее любовником, которого она встретила с другой женщиной. Сцена происходит на улице:

— Я не хочу, чтобы две скотины меня дурачили! Я сматываюсь!

— Жаль, — неожиданно для себя отреагировал Поль.

Но пока он был еще достаточно осмотрителен.

Неудивительно, что сильная влажность в комнате, а также неумеренное употребление аперитивов в баре у Шози, разумеется в долг, повлекли резкое обострение ревматизма, к тому же наследственного. Левое колено перестало сгибаться. Врач Луи Жюльен, брат Жана Жюльена, редактора журнала «Искусство и критика», осмотрел больного и поставил диагноз: гидроартроз коленного сустава. Но назначенное лечение не помогало. Вскоре больной, с шиной на ноге, оказался прикован к постели.

К моменту возвращения Верлена в Париж там появляется новое литературное течение, которое можно было бы назвать «преддекадентством». Два молодых поэта из группы «Лютеция», Габриэль Викар, 37 лет, автор «Бресских эмалей», и Анри Боклер, 25 лет, автор «Вечной песни», в мае 1885 года опубликовали в издательстве «Лион Ванне» сборник пастишей, многие из которых печатались еще в «Лютеции» под названием «Упадочность — декадентские стихи Адоре Флупета». Успех первого издания был столь велик, что к концу июня подготовили второе издание, дополненное выдуманной биографией Адоре Флупета, написанной «Морисом Тапора, первоклассным декадентствующим аптекарем». Подобно тому, как в 1866 году парнасцы опубликовали «Современный Парнас», порвав с наследием прошлых поколений, поэты новой школы, базирующейся на таких понятиях, как Мечта и Символ, обращаются к форме извращенного невроза и изъясняются изощренно, странно и изысканно.

Аптекарь Тапора рассказывает, как в одном кафе он представил Адоре Флупету, этому прототипу декадента, издателя Вонье (вместо Ванье), вместе с Этьеном Макраме (Малларме), Салатом (Лораном Тайадом), Псориазом (Мореасом) и Поленом (Верленом). Это была милая шутка, без тени агрессии. Все узнали Верлена в «Скерцо второй части Симфонии ля минор» поэта Полено:

Жестокая же страсть ушла
Лишь потому, что дверь отверста.
Да, зелена и не неизвестна
В те дни моя душа была!

А виноват, твердят, абсент,
С которым рюмку пропускает
Нетрезвый волхв — да-да! — в обед
В честь Девы Пресвятой, бывает^[506].

Полю Верлен был счастлив, что молодое поколение вспомнило о нем. Пусть его и обозвали Поленом — десять лет для литературы это целое столетие. Разве мог он после этого не поощрять поэтов новой волны, превозносивших его до небес? «На вертикальной оси литературной координатной плоскости, низ которой тонет в море Банальности, а верх

теряется в дымке Неправдоподобия, Поль Верлен занимает одно из высочайших положений», — пишет Монстрай (Трезеник и Раль) в очерке «О каждом понемногу» в «Лютеции» от 5 июля 1885 года.

В глубине души он соглашался с Полем Бурдом, который во «Времени» от 6 августа 1885 года ясно и иронично рассуждал о феномене декадентства, называя его последним маленьким цветком романтизма, «болезненным и странным цветком, увядающим на ухоженной клумбе». Так пусть же он цветет среди сорняков натурализма. Кто знает, может, в поэтическом жаргоне этих молодых горячих голов возродится чистая Французская Поэзия.

Итак, Верлен верил. И необходимо подчеркнуть это, так как его позднейшая резко негативная реакция на декадентов связана с тем, что вторая волна декадентов не имела с первой ничего общего ^[507].

Слух о возвращении Верлена начал распространяться. Его стали навещать старые верные друзья, Делаэ, Лепеллетье, Нуво, Вилье де Лиль-Адан, Форен, сильно изменившийся, утративший былую схожесть с Гаврошем и превратившийся в лучах славы в завсегдатая аристократических салонов; недавние друзья, Трезеник, Ремакль, Мореас, Морис; представители молодого поэтического поколения, привлеченные сиянием его славы, например, экс-преподаватель Жюль Телье из Шербурга, о котором Верлен писал «волк, но станет христианином» потому, что он был снедаем внутренним пламенем; Фернан Ланглуа ^[508], художник, чья жизнь была чередой сплошных бедствий; Рене Жиль (Жильбер), бельгиец, автор сборника мрачных поэм «Легенды души» (1885 год), популярный, но вскоре забытый. «Гениальный творец», — напишет о нем Верлен в «Современных людях», но в «Инвективах» исправится и назовет его «дураком, кретином».

Однажды вечером, как рассказывает Эрнест Рейно, когда Жиль читал свои творения, ослепляя гостей ярким резким стихом, вошел Жермен Нуво с другом. Последний, испугавшись такого количества народа, хотел сначала сбежать, но Нуво удержал его. И ему ничего не оставалось, как представиться: Луи Ле Кардонель. Верлен, раньше читавший его произведения в «Шануаре», предоставил ему слово, и отныне этот тонкий мистический поэт стал одним из лучших друзей Поля.

Поэтические вечера затягивались допоздна. Иногда Верлен, с трудом передвигаясь, вел своих приглашенных в бар Шози, где все выпивали по рюмочке, не отходя от прилавка, и под изумленные взгляды землекопов, пришедших туда хорошенько промочить горло, продолжали эстетические и

литературные споры.

Многие, как Франсис Вьеле-Гриффен, уходя от Верлена, тихо вздыхали:

— Надо что-то сделать, чтобы вытащить его из этой помойки.

Но они или ничего не делали, или не возвращались более.

Он же смирился с судьбой и ничуть не смущался происходящим.

«Я живу в винном магазине, — писал он Малларме. — Увидишь вывеску на фонарном столбе, гостиница „Миди“. Входи в магазин и тебя проведут в мою каморку на первом этаже». Малларме и в самом деле заглянул.

Когда друзья уходили, наступало одиночество. «Ах, если бы мать перестала дуться и приехала ко мне, мне кажется, я бы сразу поправился», — думал он. Ему не хватило храбрости написать матери самому, и он попросил об этом Шарля Мориса. Вот отрывок из этого письма: «Он рассказал мне о всех своих несчастьях. И я знаю, что потом он ходил на исповедь. Я убежден, что одиночество — худший враг для него. А приезд матери мог бы стать лучшим лекарством»^[509].

И снова г-жа Верлен, сама доброта, сжалилась над сыном и приехала. Это случилось в сентябре. Поль снял ей комнату на втором этаже, прямо над своей.

Ее приезд вернул ему любовь к жизни. Круг его друзей расширился. Он постоянно работал, вновь стали появляться деньги. Вскоре он смог снять вполне приличную квартиру. Но проклятый артроз! Если бы не болезнь, он бы летал, он ведь чувствовал, что ветер толкает его в спину.

В один из ненастных зимних дней к нему пришел незнакомец, представившийся как Рудольф Дарзанс. Девятнадцатилетний поэт, основавший три года назад вместе с Эфраимом Микаэлем (Жоржем Мишелем), Рене Гилем и Стюартом Меррилом литературный журнал «Сумасшедший». Работа Верлена о Рембо, да и вся серия «Проклятые поэты» поразили его, и цель визита к Верлену была узнать, не осталось ли у того еще каких-либо текстов этого замечательного, но внезапно исчезнувшего поэта. В предисловии к «Реликварию» (1891 год) Дарзанс рассказывает об этой встрече. Верлен лежал в постели. Мать ухаживала за ним и выполняла все его прихоти. У пришедшего был сильный насморк и потому г-жа Верлен закармила его леденцами. В конце концов он ушел со словами: «Я уже не могу говорить, я задыхаюсь; но все же я получил необходимые мне сведения». Этими сведениями были в основном имена и адреса, которыми Дарзанс в будущем воспользуется и которые, много

позже, проведут его по пути открытий гораздо далее, чем мог пройти несчастный Верлен, парализованный и неспособный работать.

Через несколько дней пришел еще один посетитель, и тоже по делу, связанному с Рембо. Незнакомец предупредил о своем приходе запиской, где назвался Жоржем Изамбаром, бывшим учителем литературы в коллеже Шарлевиля. Он писал, что сохранил оригиналы писем и стихов Рембо. Можно представить, с каким интересом Верлен слушал рассказы о несчастном детстве своего ученика, о том, как тот сбежал из дома в Бельгию, и о том, как пришедший приютил его в Дуэ. Затем гость вытащил связку бумаг, тетрадей с домашними заданиями и переписанными стихами, писем, вырезок из газет. И Верлен в полном восхищении в первый раз прочел «Офелию», «Наказание Тартюфа», «Венеру», «Что говорит Нина», «Комедию в трех поцелуях», «На музыке», «Кузнеца» и другие. Но его волнение достигло высшей точки, когда он прочел следующий отрывок из письма Артюра своему учителю от 25 августа 1870 года: «Я купил „Галантные празднества“ Поля Верлена, всего за 12 экю. Это очень странно и смешно, но это действительно восхитительно. (...) Очень советую вам купить „Песнь чистой любви“, небольшой сборничек стихов этого же поэта, только что изданный у Лемерра. Я сам еще его не читал, сюда ничего не доходит. Но многие газеты публикуют о нем хорошие отзывы». «„Песнь чистой любви“, свадьба... молодой незнакомец на пороге дома в сентябре 1871 года... О как жестока судьба, заставляющая его вспоминать все это!

^[510]» «Я ликую, — пишет он Ванье 1 октября 1885 года. — Нашлось столько всего, и проза и стихи, которые я считал потерянными. Встречался с Изамбаром, и он отдал мне стихи юного Рембо». На следующий день он пошлет Лео Дорферу переписанное впопыхах стихотворение «Украденное сердце», найденное в письме к Изамбару от 13 мая 1871 года ^[511].

Затем, рассудив, что эти ценные бумаги, оставленные ему Изамбаром, будут в большей сохранности у Ванье, Поль передал их ему. Это малые крохи, думал он, но, собранные вместе, они станут источником издания сенсационного дополнения к «Проклятым поэтам». Увы! Эти меры предосторожности были напрасны, и Верлен, как выяснилось, поступил очень опрометчиво. Дальнейшие события лишний раз докажут, что всегда нужно надеяться только на себя.

К концу 1885 года состояние его здоровья вроде бы улучшилось. «Ступня вновь обрела чувствительность, колено сгибается безболезненно почти на сантиметр. Я могу, приложив небольшое усилие, поднять ногу и покачать ей вверх-вниз, влево-вправо. Но я еще не знаю, стоит ли мне

начинать ходить или следует пока подождать», — пишет он 14 декабря врачу, г-ну Жюльену. И подпись «Нетерпеливый танцор».

Ну что ж! Надежда умирает последней. Может, теплые деньки поспособствуют к выздоровлению. Финансовые проблемы тоже казались решаемыми. Леону Ванье пришла замечательная мысль продолжить публикации, начатые Фелисьеном Шансором и Андре Жилем в издательстве Синкальбра, под названием «Современные люди». Это были еженедельные биографические и критические заметки на четырех страницах, посвященные какому-нибудь знаменитому и выдающемуся автору, с цветным шаржем на обложке работы Люка, Коль Тока, Эмиля Коля, Андре Жилия и других. Нечто похожее на «О каждом понемногу» в «Лютеции», но более содержательное и менее едкое.

Верлен принимал в работе над этими заметками деятельное участие и подписывался «Пьер и Поль». Его первая статья, посвященная Леконту де Лилю, появилась в 1885 году, и была написана без тени насмешки, несмотря на жгучую ненависть Верлена к мэтру. Затем появились статьи о Франсуа Коппе, в декабре, о Верлене — Поль писал сам о себе, — о Вилье де Лиль-Адане, Стефане Малларме, Армане Сильвестре, Эдмоне де Гонкуре и других. Всего выпустили 27 номеров. Верлен был превосходен в этом жанре. К тому же он хорошо знал или, по крайней мере, когда-то общался со многими из тех, о ком писал, и это позволяло ему углубляться в собственные воспоминания. Он писал очень тактично, сдержанно, по-дружески.

Новое издание приняли хорошо, и оно хорошо продавалось, что позволило Полю немного заработать. Ему платили 10 франков за номер. К тому же о нем вспомнила литературная общественность.

Таким образом, к концу 1885 года Верлен мог смотреть в будущее если не совершенно спокойно, то все же с некоторой уверенностью. Мать была рядом, состояние здоровья улучшалось, издатель был к нему внимателен, число почитателей неизменно росло. Казалось, после долгой нищеты наметилось заметное улучшение материального положения. Поль понимал, что придется потрудиться, но он не боялся этого. Он вынашивал массу замыслов: написаны два прозаических произведения, «Воспоминания вдовца» и сборник рассказов «Луиза Леклерк»; закончен поэтический сборник «Любовь» и задуманы еще два, один более веселый, «Параллельно», другой серьезный, «Счастье». Он ясно сознавал, что только постоянный труд вытащит его из той дыры, где волею судеб он оказался.

Зима выдалась холодная. Мать, не привыкшая к такому климату, плохо переносила холода. Она дважды переболела гриппом, в декабре 1885-го и в

январе 1886 года. Во второй раз грипп перешел в пневмонию. Поль, все еще прикованный к постели, не мог ухаживать за ней. Попытки перенести его в ее комнату также не увенчались успехом — слишком узкий лестничный проход. К счастью, г-н Шози и его жена взяли на себя заботу о больной, ставили ей банки и горчичники, давали лекарства, которые прописал врач, г-н Жюльен.

17 января ее состояние внезапно ухудшилось: поднялась температура, кашель перешел в свистящий хрип, больная быстро слабела. Чувствуя приближение конца, она лежала, отвернувшись к стене, отказывалась от пищи, отвергала любую заботу и ждала смерти.

20 января, вызвав к себе Ванье, Верлен сообщает ему с тревогой: «Не сегодня-завтра мать умрет. Книга готова к изданию. Несмотря ни на что, я не теряю мужества». Действительно, 21 января несчастная женщина скончалась на руках у соседей. На рисунке Давида Эстопе она запечатлена на смертном одре, выражение лица спокойное, на губах горькая улыбка.

Ее смерть стала настоящим потрясением для Поля. Ему показалось, что мир рушится на глазах. Охваченный горем, в слезах, не в состоянии организовать похороны, он предоставил заниматься формальностями Ванье. Он не мог присутствовать на похоронах и не видел, как гроб вытаскивали во двор через окно.

Та, которую он так любил, ушла, не сказав ни слова, и он даже не взглянул на нее на прощанье...

Смерть в 67 лет не исключение, но мать Поля до последнего была такой деятельной, жизнелюбивой, что ее невозможно было представить в стране вечного сна. Жермен Нуво посвятил ее памяти сонет.

Тем временем Матильда, узнав каким-то образом о смерти г-жи Верлен, решила присутствовать на отпевании в церкви Сент-Антуан. Зная, что ее бывшего мужа там не будет, она взяла с собой внука усопшей, четырнадцатилетнего Жоржа, который в то время учился в коллеже Пон в Шаранте. После отпущения грехов Матильда принимала соблезновения от не очень известных ей мужчин, таких, как Луи ле Кардонель, Ванье, Шози, и женщин из прихода Сен-Франсуа. С одной из них Матильда разговорилась в фиакре по дороге на кладбище в Батиньоль и узнала много интересного. Во-первых, оказывается «г-н Поль» убил свою матушку. Кто, как не он, послал ее за табаком на площадь Бастилии тогда, в декабре, когда шел снег! Конечно, она простудилась. Собеседница Матильды, не подозревая, с кем разговаривает, движимая одним лишь желанием развлечь спутницу, принялась подражать речи Поля, поминутно восклицая:

«Клянусь Богом!» И потом, жалеть-то его особо не стоит. Ему бы стоило меньше пить, тогда и здоровье было бы лучше. Да и в гостинице «Миди» он поселился из жадности — денег-то у него предостаточно. Доказательство? Ну как же, однажды он истратил за три дня 10 тысяч франков. Она знает наверняка — тут Матильда заинтересовалась и стала слушать внимательнее, — что денежки у него от продажи недвижимости в Арденнах.

Матильда не замедлила сообщить обо всем этом отцу, а тот в свою очередь известил г-на Гийо-Сионе. Как так! Верлен богат, тратит денежки направо и налево, и при этом вот уже двенадцать лет, как он не заплатил ни су алиментов! И комнату его матери опечатали.

25 января мировой судья 12-го округа пришел снимать печати. Арест ни на что наложить было нельзя — в комнате не было ничего ценного. Он зашел также поговорить с г-ном Верленом, и тот вспомнил, что Шози отдавал ему какой-то пакет акций, обернутых в старые журналы, найденный среди вещей усопшей. Он их отдал судье, не подозревая, что делает.

— Вот все, что от нее осталось, господин судья.

— Спасибо. Вы честный человек, г-н Верлен.

И ушел.

Он унес с собой 20 тысяч франков! Целое состояние!

Но боже мой! Что такое деньги, здоровье, слава, жизнь, наконец! Что такое акции и облигации, публикации в газетах и журналах! Ушла та, которую он любил с самого детства, та, что отдала ему все, и вместе с ней ушел смысл жизни.

С этих пор он не живет, а влачит существование. Восемь лет спустя он напишет: «Она исчезла, и мои немногие мечты отступают теперь перед лицом все более глубокого отчаяния от бесполезных поисков» ^[512].

Глава XVIII

НА ДНЕ (февраль 1886 — 20 марта 1888)

В конце концов голод и невроз одолели этого славного юношу, одержимого «идеями» женщины.

Поль Верлен «Пьер Дюшатле»

Беда не приходит одна. В феврале 1886 года умерла тетя Роза, и по этому случаю Верлен приезжал в Аррас и Фампу — в последний раз. Не одни только нежные чувства к тетке повлекли его туда, но и надежда получить наследство. Увы! Из 2400 франков, причитавшихся ему, 900 сразу ушли на оплату долгов, так как кредиторы через своих поверенных, адвоката из Арраса и нотариуса из Орияка, потребовали погашения. Через месяц, 22 марта, в возрасте 62 лет скончался брат дорогой сердцу Поля Элизы, Виктор Монкомбль.

Но вернемся к несчастному, отчаявшемуся, больному и в конце разорившемуся Верлену. Он наконец осознал, какую глупость совершил, отдав свою долю наследства от матери Матильде. Он несомненно имел на эти деньги большее право, чем его бывшая жена, если она вообще имела какое-то право на них.

27 февраля, то есть через два дня после того, как Верлен широким жестом отдал Матильде все унаследованные им ценные бумаги, Лепеллетье предпринял попытку связаться с бывшей г-жой Верлен и потребовать вернуть все назад законному владельцу. К тому же срок оплаты долговых обязательств неумолимо приближался. Но аргументы Лепеллетье, уповавшего на бедственное положение друга, навели Матильду на мысль, что ее просят об одолжении. Она была в нерешительности, разузнав потихоньку у г-на Жюльена, лечащего врача Поля, о причинах и о том, насколько долго может продлиться болезнь бывшего супруга. Когда Ванье стало известно об этом, он взвился от возмущения. «Мысль, что она явилась к нам на помощь, очень осчастливила бы ее, — говорил он врачу. — Нет. Ему не нужно ничье сострадание, это унижительно».

Тем временем кипы счетов от Шози, г-на Жюльена, аптекаря, из гранитного цеха росли с каждым днем. Не имея возможности их оплачивать, Поль посоветовал своим кредиторам обращаться к г-дам Моте или их адвокату: они завладели его наследством, пусть они и платят!

Г-н Гийо-Сионе взял дело в свои руки. Он передал спорное имущество на хранение третьему лицу, и 11 февраля на часть этого имущества был наложен арест в обеспечение задолженности по алиментам в размере 16 715,67 франка. Во избежание суда адвокат составил мировую, и 28 мая 1886 года Верлен подписал ее. По этому документу, обнаруженному Андре Виалем^[513], Верлен отказывает наследство матери в пользу бывшей супруги, Матильды Моте, в качестве уплаты по долговым обязательствам. Она, со своей стороны, выплачивает Верлену 3500 франков для покрытия его долгов г-ну Шози и врачу, и к тому же отказывается от претензий на недвижимость. Поль Верлен обязуется выплачивать алименты в сумме 1200 франков в год до достижения его сыном совершеннолетия.

Верлен, застигнутый врасплох, подписал все без возражений. 3500 франков сразу переключились в карман кредиторов. По завершении этого процесса, 13 декабря 1886 года Верлен напишет: «Дела с моей бывшей женой улажены, разумеется, за мой счет».

Оставшихся у него к тому моменту сбережений едва хватило бы на две недели.

И тогда, собрав волю в кулак, он отчаянно бросился в бой. Прошло время бесплатной работы в газетах. «Мне нужны деньги», — с этими словами обращается он к окружающим, прежде всего к Ванье.

Забавное совпадение — 7 февраля 1886 года выходит в свет очередной номер «Лютеции», где с возмущением рассказывается о некоем поэте, посчитавшем возможным требовать плату за свои стихи... и с этого же дня Верлен перестает работать в этой газете.

В феврале он передал Ванье рукопись «Воспоминаний вдовца», а в марте — «Луизу Леклерк». Кроме того, он рассчитывал на деньги за переиздание «Галантных празднеств» и «Романсов без слов». Делаэ и Шози помогали ему, носили издателю статьи для «Современных людей» и возвращались каждый раз с десятифранковой монетой.

Все эти усилия позволяли ему держаться на плаву.

В марте 1886 года в гостинице «Миди» вновь поселилась огненно-рыжая девица, давняя знакомая Поля. И это обстоятельство немного порадовало Верлена. Однажды он пригласил ее поужинать. Она стала его любовницей. Ее звали Мари Гамбье. Она родилась в Амьене и рано вышла на панель. С ясными глазами, светлыми волосами, рыжеволосая и пышнотелая, она, казалось, сошла с полотна Рубенса. «В красном корсаже в белый горошек она похожа на пожар», — писал Верлен. И он очертя голову бросился в огонь. Он писал об этом романе и в стихах («Принцесса

Рукина» в сборнике «Параллельно»), и в прозе («Два слова о девушке» в «Такой вот истории»). Он не отдавал себе отчета, насколько низко пал — его подружка не собиралась уходить с улицы. «Это дело по мне», — говорила она. Зов плоти заглушил последние понятия о морали. Однажды она заявила: «Я сделала это, чтобы забыться!» Может, и пила она, чтобы забыться, и он не отставал от нее. Как-то вечером его видели на улице, обезумевшего, с револьвером (по-видимому, принадлежавшим Шози) в руке. «Я убью свою жену», — кричал он. Официанту из гостиницы с трудом удалось утихомирить его ^[514].

Но это была далеко не последняя женщина в жизни Верлена, лишь одна из многих. Она бросила его под смехотворным предлогом: «Ты слишком ученый для меня». На самом деле просто нашла себе любовника побогаче.

Весной 1886 года грянула литературная лихорадка под названием «декадентство», назревавшая уже около года. Эпитетом «декадентский» уже давно насмешливо называли атмосферу конца века, странную, болезненную атмосферу распада. Новым было то, что группа молодых поэтов, как это сделали когда-то «Озорные чудаки», гордо заявила: «Мы упадок периода Империи!», чем спровоцировала немало нареканий. Это была аллюзия на знаменитое «Я римский мир периода упадка» ^[515] Верлена из стихотворения «Томление», напечатанного в «Шануаре» 26 мая 1883 года и включенного позднее в сборник «Давно и недавно».

Сказать, что так зародилась новая школа, значит не сказать ничего. Произошло то же самое, что случилось, когда о себе заставил говорить сюрреализм — всплеск новой эстетики, оригинальной этики, чистой метафизики.

Своими средствами было начато издание газеты «Декадент», которая, по мнению ее издателей, должна была перевернуть мир. Но все это интересует нас лишь настолько, насколько это связано с жизнью Верлена. А связь здесь самая что ни на есть тесная, так как Поль, сам того не желая, оказался в эпицентре событий.

Во главе всего стоял Анатолий Бажю (настоящее имя Адриан Бажю), сын мельника, бывший учитель младших классов в Сен-Дени, недавно переквалифицировавшийся в журналисты, смуглый, черноволосый, маленького роста, «постаревшее дитя», как говорил о нем Лоран Тайад; скорее безумный, чем гениальный, скорее умелый, чем вдохновленный, он добивался всего настойчивостью, а не умом. Его главным

единомышленником был поэт-денди Морис де Плесси (настоящее имя Морис-Сильвен Фландр), отличавшийся утонченностью нарядов и манерностью речи. Он был абсолютно искренен, говоря, что единственное, к чему он стремится, — это ничего не делать. Очень милый, но лишенный малейших признаков таланта. Среди прочих назовем Патерна Берришона (настоящее имя Пьер Дюфур^[516]). Родом из Иссудена, он носил бороду, учился изящным искусствам, был вспыльчив, но красноречив, ненавидел собственников и военных и яро выступал за анархизм. С ними были также: Лоран Тайад, еще один денди, по словам Верлена «страшно, неукротимо злобный», к тому же любитель поспорить, заслуживавший гораздо большего, чем следующий комплимент его друга Жюля Моса: «Мистический златоуст, еще более утонченный, чем все и без того утонченные декаденты»^[517]; Альбер Дескорай (настоящее имя Атьбер Орье), очень умный, но слегка неуравновешенный, Эдуар Дюбю, весельчак, но при этом очень эрудированный, Норбер Лоредан (настоящее имя П. Б. Гези), Жорж Фуре, Луи Дюмюр, и т. д., вплоть до единственной представительницы прекрасного пола Рашильды.

Первый номер «Декадента» вышел 10 августа 1886 года. По мнению Бажю, эта газета должна была стать главным оружием в борьбе против буржуазии и способствовать социальному разобщению масс, демонстрируя «процесс старения и омертвения Муз». В общем, главная задача — разрушение. Но очень быстро, под влиянием Мориса де Плесси, главной идеей декадентства становится «стремление человечества к недостижимым вечным ценностям» — грандиозная задача, замечательное средство позабавиться.

В этом ярмарочном балагане литературных шутов Верлен выступал в роли любопытного зрителя. Он отказался от титула «Короля декадентов», которым некоторые пытались его увенчать. Он занимал странную позицию, ни отступая, ни делая шагов навстречу тем, кто превозносил его до небес. Сначала казалось, что он с ними заодно. «Декаданс — это гениально», «это находка, и она навсегда останется в истории литературы», — писал он в очерке о Бажю для очередного выпуска «Современных людей». Но в письмах и личных беседах он осмеивал догматические притязания этих молодых безумцев: «Сейчас, когда наконец на мое имя не падает тень ни парнасцев, ни декадентов... какое глупое слово...» — писал он Лепеллетье 13 декабря 1886 года. Позднее его высказывания против «декадентиков» и «символистиков» станут более враждебными. Но пока его вполне устраивало то восхищенное, смешанное со страхом отношение к нему, как

к какому-то сказочному чудовищу, в которое он превратился в глазах людей из поэта полутонов и музыкальных нот. В марте 1886 года Лоран Тайад и Феликс Фенеон выпустили в свет «Малый телефонный справочник по литературе и искусству», где Верлен предстает как один из ярчайших гениев современности. «Судьба уготовила ему встречу с Рембо, затем развод и судебные разбирательства, и все это мы находим в его творчестве, и в поэзии, и в прозе. Как же он творит? Для этого надо смешать в строгих пропорциях хитрость, праздность и наивность». Его вероисповедание? «Он был последователем Марата, был атеистом, был коммунаром, но созерцательная жизнь преобразила его, он, как и все самые знаменитые святые, обратился в папскую веру». Его политические пристрастия? Политика его интересует мало, но когда он все же к ней обращается, то любит повторять: «В личности Наполеона I восхищение вызывает тот факт, что он был вдовцом»^[518]. И наконец «он замечательный тунгус, пьяница и балагур, он впитал ароматы многих стран, темниц, церквей, таверн и барж».

Зачем опровергать, когда даже подобная публикация служит тому, чтобы его имя не ушло в забвение. Если хочешь возвыситься над толпой, не будь слишком требователен к материалу, из которого изготовлен пьедестал.

Среди молодых декадентов, его друзей, стоит особо отметить Фредерика-Огюста Казальса. Он сыграет важную роль в судьбе великого поэта на закате его жизни. Тогда ему шел двадцать первый год. Он родился в Париже в квартале Центрального Рынка. Отец его был портным, родом из Геро, а мать происходила из семьи дирижера в Страсбурге. Он рано увлекся музыкой, живописью и поэзией. Высокий, с немного резкими, но не грубыми чертами лица, курносый носом, живым взглядом из-под густых бровей и монокля и непослушной прядью волос, спадающей на лоб, он привлекал к себе внимание. В одежде предпочитал моду тридцатых годов (XIX века), носил редингот, жилет с золотыми или перламутровыми пуговицами, широкие гусарские панталоны. Зимой он нахлобучивал темную шляпу с широкими полями, летом — соломенную с белой лентой. «Милый Арлекин», — говорила о нем Рашильда.

Лучшего товарища, заботливого, открытого, преданного, шутника, но вовсе не злого, трудно было и пожелать. Декадент до мозга костей, он подписывал свои литературные зарисовки О. де КАдентЗАЛЬС. Они с Верленом быстро нашли общий язык и стали почти братьями. Жизнь немало потрепала обоих, но их сближало то, что и тот и другой смогли

сохранить детскую веселость и жизнерадостность. Верлен, несмотря на свой возраст, душой был ненамного старше этого чуть повзрослевшего Гавроша.

Вскоре после их первой встречи, 4 сентября 1886 года, «Декадент» опубликовал шарж в стихах на Верлена, принадлежавший перу его нового друга:

Голова сатира или Будды,
Красота — но та, что у Сократа,
Смесь Бодлера с Ламартином — чудо!
...Он — сама
Нежность, ярость, гордость, простота —
Сатана и Бог — навеки проклят!^[519]

За этим описанием последуют графические наброски, картины, эскизы — всего более 150. Они лучше, чем все прочие, изображают Поля в его излюбленных позах, дают представление о его привычках, любимых жестах. Действительно прав Эрнест Рейно, говоря в «Балладе о портретах поэта»:

Ф.-О. Казальс нам сохранил Верлена!^[520]

Между тем, пока Поль в своей лачуге трудился изо всех сил, на улице Николе шли свои приготовления. Решение о разводе вступало в силу с 18 апреля 1886 года, и Матильда не замедлила вновь пойти под венец. На этот раз ее избранником стал бельгийский торговец недвижимостью Бьянвеню-Опостен Дельпорт. К тому времени ему было тридцать четыре года, и у него роста дочь от первого брака с г-жой Лонг, Августа-Мари-Эрнестина. Он жил в Брюсселе. Как видим, Матильда нашла прекрасное лекарство от поэтической заразы.

Шарль де Сиври не замедлил напомнить сестре, что раз она сменит фамилию, то не останется никаких оснований для запрещения публиковать «Озарения» Рембо. Что бы ни написали теперь о Верлене и его мерзком дружке, это уже не будет иметь к Матильде никакого отношения. Она, найдя доводы брата разумными, вернула ему стихотворения в прозе и песни 1872 года, но поставила одно условие — последняя месть! — они не должны попасть в руки Верлена.

Сиври, понимая, что Поль может явиться за тем, что ему по праву принадлежит, поделился своими опасениями с другом, Луи Ле Кардонелем. И тот забрал рукописи к себе. Но вскоре они попали уже к его другу Луи Фьеру, так как сам он готовился к принятию духовного сана и уехал из Парижа^[521]. Так наконец они оказались в руках Гюстава Кана, секретаря журнала «Новое в искусстве, науке и литературе», издававшегося с недавних пор под руководством Лео Дорфера. Разбивкой и корректурой текстов занимался Феликс Фенеон. Он не знал историю рукописи и, будучи в полной уверенности, что перед ним одно произведение, смешал прозу и поэзию, объединив их в одно целое. Публикация растянулась на четыре номера, начиная с пятого, от 13 мая 1886 года. В предпоследнем из них содержится рассказ о Верлене за его же авторством, озаглавленный «Бедный Лелиан»^[522]; предназначался этот текст для второй части «Проклятых поэтов»^[523]. Этот номер также интересен вот почему. Автором «Озарений» назван «покойный Артюр Рембо», и таким образом читатели могли понять, что со времени публикации последнего номера автор скончался. Внезапно, начиная с десятого номера, от 5 июля, тексты Рембо перестали публиковаться, несмотря на то, что в предыдущем номере сообщалось о продолжении. Далее мы расскажем о причинах столь неожиданного прекращения публикаций.

Верлен, узнав об обнаружении «его» рукописи, испытал одновременно двойственное чувство радости и обиды. Это очередное проявление злопамятного характера Матильды скорее огорчило, нежели удивило его. Лео Дорфер все же доверил ему, и, кстати сказать, был прав, поступив так, написав вступительной статье к сборнику, который давно уже готовился к печати. Это небольшое предисловие не сообщает никаких новых сведений об авторе: «Путешествует по Азии и занимается искусством». Также ни слова о перипетиях с рукописью. И к тому же разночтение во времени написания произведений: в начале указывается период с 1873 по 1875 год, а в конце указывается момент написания известной картины Фантен-Латура, то есть январь 1872 года.

Книга вышла тиражом в двести экземпляров на японской и голландской бумаге и пользовалась значительным успехом. Но лишь немногие тонкие ценители литературы, такие, как Феликс Фенеон, смогли почувствовать исключительную изысканность стиля. 7 октября 1886 года он писал: «Произведение, выходящее за рамки литературы вообще, и может быть, стоящее выше любой литературы».

Верлен питал большую надежду, что Гюстав Кан вернет ему рукопись, но, несмотря на все настойчивые просьбы, он так и не получил ее. Он утешал себя тем, что является обладателем раритетного экземпляра «Одного лета в аду», о чем знали только Ванье и Гюстав Кан. Поль надеялся издать полное собрание сочинений своего друга, которого считали умершим. И в него он хотел включить также «Озарения» и ранние стихи Рембо, подлинники которых в конце концов вернул ему Ванье. Потому он не торопился показывать рукописи Дарзансу и Изамбару. Но в мае 1886 года Дарзанс после длительных поисков получил от Форена другой экземпляр книги. «Открытие неожиданное, почти невероятное», — писал он в предисловии к «Реликварию». Гюстав Кан, узнав об этом, захотел, чтобы этот текст как можно быстрее был напечатан в его журнале. Но Дарзанс опять уехал из Парижа, и редактор не нашел ничего лучшего, как попросить у Верлена его собственный экземпляр! Публикация в трех последующих номерах «Нового» прошла совершенно незамеченной.

Вновь Поль оказался в проигрыше. Но что такое эти неприятности в сравнении с теми бедами, которые вскоре обрушатся на него!

В начале июля 1886 года новый приступ ревматизма приковал его к постели. Еще пять месяцев назад врач, г-н Жюльен, предлагал ему лечь в больницу. Речь шла о больнице Дюбуа в пригороде Сент-Оноре. Но Верлен воспринял предложение без энтузиазма. «Может, это и принято издавна у поэтов, лечь в больницу, но как бы это ни было соблазнительно, я пока подожду», — писал он Ванье 6 февраля прошлого года. Вот и подождал — 8 июля Поль сообщил издателю, что ложится в «какую-то больницу (вероятно Те-нон)». Г-н Жюльен, вызванный в срочном порядке, занимался оформлением документов.

Верлен лег в Тенон, как он и писал. Он думал, что пробудет в больничных стенах самое большое пару недель. Потому он сохранил за собой номер в гостинице «Миди».

После притона, где он жил в последнее время, больница казалась раем. Шум, грязь, сырость сменились вдруг тишиной и чистотой светлой больничной палаты, к тому же за ним хорошо ухаживали. Верлен попал в самую современную парижскую клинику — она была открыта только в 1878 году и находилась неподалеку от кладбища Пер-Лашез. Поль занял койку номер 21 в палате «Сеймур». И чувствовал себя вполне счастливым с кипой бумаги, деревянной подставкой для письма и чернильницей на столике у изголовья. Он оценивал как «очень хорошую» работу медицинского персонала: за полтора месяца всего одна смерть, и то —

старик, который тихо ушел в мир иной. «В общем, — заключает он, — первое впечатление очень хорошее, конечно, я поступил смело, но это было не сложно».

Ванны и массажи делали свое дело, и состояние его ноги стало улучшаться. Врач, увидев его в первый раз, пробормотал: «Странная физиономия». Поль это услышал. «Еще один говорит, что у меня странная физиономия. Ну сколько можно!» — напишет он Шарлю Морису в письме от 18 августа 1886 года.

По воскресеньям в Тенон, как на паломничество, отправлялась литературная молодежь, декаденты. Берришон, возмущенный видом «любимого старшего брата (проклятого)», «царя зверей» в столь плачевном состоянии, выплеснул свои эмоции на газетную полосу. «Верлен в больнице, — писал он. — Современное общество, серая масса, способная действовать только за счет своей численности, а значит, безумная, наносит этот предательский удар в спину, ведет себя, как жалкая свора шакалов перед рычащим львом».

Казальс смог получить от Поля разрешение на публикацию в «Декаденте» сонета «Людовику II Баварскому» только что, 8 июля, напечатанного в «Ревю Вагнерьен». Он также просил Верлена и дальше сотрудничать с «Декадентом». Последний, польщенный таким вниманием, дал свое согласие, хотя у него и так было достаточно работы. Он продолжал писать заметки для «Современных людей», правил «Луизу Леклерк», вносил последние изменения в «Воспоминания вдовца», вынашивал новые замыслы, записывал новые мысли. И все же жаль было бы отвернуться от этих милых молодых людей, ведь в конечном счете они создавали ему прекрасную рекламу.

Увы! Не прошло и двух месяцев, как его выписали, хотя состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Кое-как передвигаясь, поддерживаемый Шози, 2 сентября он вышел из больницы и направился к Ванье, которого предупредил заранее о своем приходе: «Приготовьте все, включая деньги».

Итак, он снова возвращался в Сен-Франсуа, а по сути дела, на дно.

Больного, доведенного до нищеты поэта мало интересовали теоретические изыскания молодого литературного поколения литераторов. 18 сентября 1886 года в приложении к «Фигаро» Жан Мореас опубликовал свой знаменитый «Манифест Символизма». Появление чего-то нового стало необходимостью, так как декаданс Бажю не имел никакой серьезной основы, парнасцы были опозорены, а романтизм изжил себя.

Мореас опирался в своей теории на платоновский миф о пещере: вечные идеи недостижимы, и мы судим о них лишь по отвлеченным понятиям, символам и связанным образам. Поэт должен играть на этих скрытых связях, говорить по-новому, отвергать все условности в культивировании своего «я». Субъективное понимание реальности является, по мнению Мореаса, единственно правильным.

Чуть позже, в октябре, Гюстав Кан выпускает журнал «Символист». Главным редактором, конечно, становится Жан Мореас. Смену курса Верлен воспринимает без энтузиазма. Журнал опубликует только одно его стихотворение, и то предоставленное автором скорее из благожелательности — «Букет Марии». А пять лет спустя одно слово «символизм», произнесенное в его присутствии, будет вызывать едкие шуточки и насмешки.

Неизвестно, присутствовал ли Поль 10 декабря на собрании декадентов в Зале «Эрмитаж» по улице Жюссье, где он мог встретить свою давнюю подругу Луизу Мишель. «Красная дева» вернулась из ссылки и вовсе не собиралась отказываться от своих убеждений. Заметив в кругах молодых декадентов недовольство сложившимся порядком вещей в обществе, она призывала молодежь направить свои помыслы в русло революции. Но собравшиеся в этот день триста человек не имели другой цели, кроме смеха и развлечений, чему во многом способствовало выступление Эдуара Дюбю^[524]. 20 и 25 октября Луиза Мишель еще раз продемонстрировала перед декадентами свое красноречие и выдвинула лозунг «Или декадентство скажет анархизму „да“, или умрет». Но ее идеи натолкнулись на запрет Бажю смешивать политику и литературу. Тогда она, поняв, что дальнейшая борьба бесполезна, порвала с декадентами. Но в недрах движения началось брожение. Дюбю и Бажю обвиняли друг друга в использовании движения в личных целях и едва не подрались на дуэли.

Верлен, которого все эти склоки очень забавляли, обратил внимание только на мужество Луизы Мишель, в честь которой написал балладу «Луиза Мишель хороша», опубликованную в «Декаденте» 4 декабря 1886 года. Она не замедлила поблагодарить его, и переписка между ними продолжалась несколько лет.

Провести зиму в той конуре, где он обитал, значило подвергать опасности свою жизнь. К тому же возобновился анкилоз колена и вновь открылись язвы на ногах. Единственным его стремлением было возвращение в больницу, и как можно быстрее. «Это необходимо, так как

мне нужен уход; к тому же так я смогу экономить», — пояснял он Шарлю Морису 30 октября 1886 года. Но он надеялся, что у него в запасе есть еще несколько дней, чтобы предпринять все необходимые шаги. Он и представить не мог, что Шози, уставший постоянно ждать выплаты долга, выставит его за дверь. Но именно это и произошло в начале ноября. Г-н Жюльен, узнав о случившемся, обещал помочь, но не раньше, чем через два дня. А что делать все это время на улице и без гроша в кармане?

И тут появился Казальс. Он знает, кто сможет приютить Поля, — Рашильда! Эта молодая писательница, чьи взгляды на жизнь были далеки от традиционных, уже успела обрести скандальную известность. Ее первая книга, «Господин Венера», изданная в Бельгии два года назад, стоила ей судебного разбирательства. Но это не остановило ее, и она уже готовила к печати новую книгу того же толка — «Маркиз де Сад». Она была одним из самых активных участников декадентского движения, писала для «Декадента» и «Лютеции» под псевдонимом «Маргарита Эймери». Она дружила с Казальсом, хотя их дружба началась с того, что он 3 июля 1886 года написал в «Декаденте», что у нее курносый нос, и очень ее этим обидел. Вот что она рассказывает о приезде Верлена: «Ко мне — я тогда жила в доме номер 5 по улице Эколье — пришел Казальс. Верлен оставался в экипаже внизу. Его выставили из его прежней квартиры»^[525]. Она с радостью приняла у себя Поля, но была несколько разочарована. По ее словам, он походил на мрачного работягу; она ожидала увидеть бесшабашного богемного гуляку, а перед ней предстал домосед, спокойный и тихий. За отсутствием второй кровати Рашильда на две ночи перебралась к матери. Верлен был очень тронут такой заботой^[526]. По утрам она приходила приготовить горячий шоколад и тартинки с маслом.

— Не правда ли, это лучше, чем абсент?

— Полностью с вами согласен, это восхитительный напиток, он придает силы и напоминает о детстве... Сладостные минуты...

«Но все же по вечерам он разбавлял их горечью абсента», — вспоминает она. В кафе неподалеку Поль заказывал «несколько стаканчиков этого опаснейшего яда», чем навлекая на себя недовольство консьержки. Рашильда ругала его. «Ну что тут поделаешь, дружок, — отвечал он, — так надо. Иногда не мы решаем, что делать...»

Ему нравилось беседовать с этой молодой женщиной, чьи глаза изливали на него столько тепла. Кстати, Морис Баррес даже называл ее г-жа Бодлер. Как-то раз она рассказывала своему гостю, что бельгийский прокурор, выступая на суде, зачитал все девятнадцать пунктов обвинения,

среди которых был такой: «изобретение нового греха». Тут Верлен мягко прервал ее:

— Да что вы? Изобретатель нового греха сотворил бы величайшее благо для человечества. Успокойтесь, дружок, вы ничего не изобрели.

Наконец 5 ноября 1886 года Поль получил направление в больницу Бруссе ^[527], находившуюся в районе Плезанс в Монруже. Ее называли «Бруссе для отбросов», так как деревянные одноэтажные строения больницы, раскинувшиеся на довольно большой площади, напоминали чем-то поселения американских золотоискателей. Внутренняя отделка в стиле методистских храмов. «Не хватает только белых табличек с изречениями апостола Павла на изъеденных червями стенах», — писал Поль. Из окна открывался вид на сады, за которыми проходила окружная железная дорога. Нельзя сказать, чтобы все это производило приятное впечатление, к тому же отношение медицинского персонала было скорее скептическим и сводилось к заботе о том, чтобы не переработать. Больные были «глупее, чем следовало бы», к тому же с претензиями. Выспаться невозможно: на рассвете приходили перестилать кровати, по ночам готовили отвары, звеня на всю больницу оловянными мисками, не говоря уже о постоянном движении туда и обратно повозок. «Ничего интересного в этой удушливой атмосфере плавильни». Однажды сбежал алкоголик. Его сразу поймали и на носилках принесли назад. Кто-то умер... привычное дело...

Г-н Нелатон, лечащий врач Верлена, перепробовав разные способы лечения, массажи, горячие ванны, сульфат меди, настойку Жильбера, был вынужден констатировать их неэффективность. С язвами проще, они никак не связаны с ревматизмом. Это осложнения после гонорей ^[528]. Их лечением займемся потом. Встал также вопрос об электротерапии. Все это было не слишком утешительно. Г-на Нелатона сменил немногословный г-н Брюн, который на все вопросы ограничивался кратким: «Посмотрим...»

30 октября 1886 года в мэрии 18-го округа состоялось бракосочетание Матильды и Бьянвеню-Огюста Дельпорта, о чем мы уже рассказывали ^[529]. Поль узнал новость только три недели спустя. «Вот узнал, что моя бывшая жена опять вышла замуж. Не могу сказать, что сильно поражен этой вестью, мне просто жаль эту грешницу. (...) Порой вся эта злость и обиды так наваливаются на меня, что мне хочется стать красным», — писал он 21 ноября Малларме. Так появилось стихотворение «Баллада о жизни в

красном свете», полное язвительной злобы, которое он посвятил «Принцессе» Матильде и ее новому «Принцу». Вот ее посылка:

Принц и принцесса, тем путем,
Каким вы катите в карете,
Мне по грязи брести пешком,
Но жизнь я вижу в красном свете^[530].

Он также написал письмо в стихах, в котором прощался с Матильдой. Правда, из опасения быть обвиненным в клевете ему пришлось отказаться от выражения «супружеская измена», которое фигурировало в черновых набросках. Там же осталась фраза «Ставлю крест на этой мерзавке и всей этой мерзости».

Но, как бы то ни было, он на грани: «Я совершенно нищий, бывшая жена снова вышла замуж, нога не проходит, а тут еще зима начинается. А больше о себе и сказать нечего. Что мне остается, гнев или отчаяние? Мое терпение заканчивается». «Покойницу» похоронили, но растет сын, которого воспитывают в ненависти к родному отцу. Просьба встретиться с сыном натолкнулась на резкий протест Матильды. Тогда он решил действовать по-другому. Его сын учился в лицее Роллен и, по словам Жилья и Ванье, преподавателем английского у него был старинный друг Поля Стефан Малларме^[531]. 21 ноября 1886 года Верлен написал ему: «Как там мальчик? Как он учится? В каком он сейчас классе, что он изучает?» И еще: «Как мне написать ему? Он живет в лицее или дома?» и т. д.

На первое письмо Малларме не ответил, чем навлек на себя еще больший шквал вопросов в письме 28 апреля 1887 года. «Он, кажется, изучает английский? Вы с ним общались? Что он вам говорил? Что вы ему ответили?» Малларме больше не мог отмалчиваться. И он расставил все точки над *i*. Ванье и Жиль не солгали, Жорж учился в лицее Роллен. И они с Малларме обязательно бы познакомились, если бы он в этом лицее остался. Но он перешел в другое учебное заведение. В какое? Неизвестно. След потерян.

Божий гнев, вероятно, преследовал его: больше у него нет ни жены, ни сына. Сумерки, сгустившиеся над ним, превратились в непроглядный мрак. Всем друзьям он без конца твердил одно и то же: из этого болота никогда не выбраться, а оказался он там не по своей воле. Да! Его жена знала, что делает, говорит он г-ну Жюльену. И ей все удалось. Он в нищете, и потерял все: деньги, спокойную жизнь, уверенность, здоровье. Еще он все время

вспоминает о Шози. «Этот овернец мне много должен», — говорит он Ванье, и сам начинает в это верить. На самом деле он не знал, как обстоят дела с его бывшей комнатой. Маловероятно, чтобы он мог еще туда вернуться. Но ему были дороги как память некоторые вещи и одежда матери, которые все еще оставались там, если их не выкинули. Поэтому 12 ноября 1886 года он обратился к Рашильде с просьбой съездить туда с Казальсом и де Плесси и все забрать. Что же было дальше? То ли Рашильда ничего не предприняла, то ли Шози воспрепятствовал этому, оставляя у себя вещи в качестве гарантии уплаты долга, во всяком случае они вернутся к Верлену лишь много позднее.

Однако упадок сил, и физических, и духовных, никак не отразился на творческом процессе. Он заканчивал сборник «Любовь», отправлял новые стихотворения в издательства, причем выбирал при этом журналы, которые могли хорошо заплатить, такие, как «Декадент», «Скапен», «Ревю андепандан», «Новое», «Современный журнал», «Сегодня» и т. д. Он также планировал три сборника рассказов: «Такая вот история», «Вот такие сказки», «Моей дочери».

В конце года в издательстве Ванье вышли «Воспоминания вдовца» с посвящением Эдмону Лепеллетье: «Это обрывки жизни, прошедшей в какой-то степени перед твоим взором». Ответом друга стала очень благожелательная статья 29 ноября 1886 года в «Эхе Парижа». И все же отзывы критиков были далеки от восторженных. Эмиль Верхарн в «Современном искусстве» говорил, что это все давние, сугубо личные воспоминания, поверхностные, как будто вымученные. Теодор де Визева из «Ревю андепандан» вообще не увидел ничего, кроме «некоторых фраз» и «еще более некоторых впечатлений».

В это же время на прилавках книжных магазинов появился сборник рассказов «Луиза Леклерк», также изданный Ванье и пока не получивший большого признания. Как сказал все тот же Теодор де Визева, это были «рассказы ни о чем». В этот сборник вошла также небольшая пьеса «Мадам Обен». И Поль не собирался на этом останавливаться, так как давно мечтал о лаврах писателя-драматурга. Он вновь вспомнил о юношеских задумках: «Карл мудрый», «Данаиды», «Да здравствует король!». Но опять дальше замыслов дело не продвинулось.

Очевидно одно — переизданные Ванье «Галантные празднества» и «Романсы без слов» принесли ему большую популярность, нежели эти свежие, но второсортные творения. Пресса обнаружила, что под личиной стареющего декадента скрывается великий поэт.

Как и прежде, когда он лежал в Теноне, молодые поэты приходили

навестить Верлена в Бруссе. Для них это было еще и увлекательное приключение, так как путь лежал через заросшие крапивой и бересклетом поля, усеянные булыжниками и осколками битых бутылок. Столпившись вокруг кровати, Бажю, Рейно, Дюбю, Казальс, Телье внимали проповеди Учителя: следовать парнасцам, стремиться к совершенству формы, музыкальности стиха, прислушиваться к голосу сердца, «и главное, дети мои, — ясность и простота».

«Дети» слушали наставника, одобрительно покачивая головами, но за спиной посмеивались над его допотопными теориями в сравнении с их витиеватой декадентской концепцией. В «Юной Франции» Жорж Изамбар отзывался о нем не очень-то вежливо:

А Верлен приверженец рутины,
Полную он рифму обожает,
Но мы вырвем из сей гнусной тины
Все стихи, которые рожаем.
Из Верлена сыплется песок.
Он скрипит, как древний дилижанс!
Хватит! Мы дадим ему урок!
Встань, Рейно, восславим декаданс!^[532]

Позднее, летом 1889 года Верлен напишет ответ, балладу, в которой будет восхвалять «любимых, хороших, славных парнасцев». К этому времени у него уже найдется не больше единомышленников, чем у какого-нибудь отставшего от века чудака, который в тридцатых годах решил бы воспеть гений Жана-Батиста Руссо^[533].

13 марта 1887 года наступил срок уплаты по счетам, и Поля выставили из Бруссе. Ему пришлось вернуться в Сен-Франсуа. Об этом малоприятном для Верлена периоде жизни сохранилось мало сведений. Он, кажется, не стал останавливаться в гостинице «Миди», что совсем неудивительно, учитывая ссору с владельцем, г-ном Шози. Найденные счета говорят, что он снял квартиру у Ладу, а обедал у «тетушки Алермоз», в доме 8 по улице Моро. У него практически не было средств на нормальное жилье, одежду и еду. «Я действительно очень нуждаюсь, даже трудно представить, насколько», — пишет он Эмилю Ле Брену 30 марта 1887 года. Тогда же он выпрашивал у Ванье «хоть пару носков, и шляпу, которая подошла бы ко всей этой грустной обстановке».

Состояние здоровья Поля немного улучшилось, но не настолько, чтобы он мог обойтись без больницы. Ванье связался с доктором Нелатоном, лечившим Верлена в Бруссе, и тот согласился его принять:

— Пусть он приедет ко мне в Центральную больницу, и мы что-нибудь придумаем.

Так, 9 апреля 1887 года Поль лег в больницу Кошен в квартале Пор-Рояль, «Ну, по крайней мере здесь тихо, я вдали от толпы и могу страдать спокойно. Мысли о смерти, о чужой или своей, растворяются в запахе эфира и фенола»^[534].

Больница Кошен была построена еще во времена Луи-Филиппа и представляла собой массивное здание в деревенском стиле, с высокими потолками и очень скользким паркетным полом. Поль расположился в четырехместной палате рядом с палатой Буайе. Он даже мог выходить в парк. «Снова осень, снова птицы»^[535].

И больше ни слова об ужасном тупике Сен-Франсуа. Казальс и Плесси позаботились о том, чтобы забрать оттуда его вещи и перевезти их к Эдмону Тома в апреле 1887 года.

Через месяц директор больницы, г-н Оже, по рекомендации г-на Нелатона направил Верлена на долечивание в государственный госпиталь в Венсенне. На самом деле никаких улучшений в его состоянии не было; он мог лишь медленно прогуливаться по улице. Пребывание в больнице так нравилось Полю, что он, не желая омрачить свою радость, отгонял все мысли о том, что ждет его впереди. Его немного расстроили слова доктора Мореля, что у него не все в порядке с сердцем и что следует принимать йодистый натрий.

Будь что будет!

Итак, служба государственного социального обеспечения перевезла Поля в госпиталь в Венсенне. 16 мая 1887 года он уже осматривал свое новое пристанище, грандиозное сооружение времен Наполеона III и построенное по приказу последнего. Вокруг раскинулись четыре больших сада и лужайка с редкими цветочками. Длинные коридоры, соединяющие небольшие комнаты на три койки, смахивали скорее на казарму. Дисциплина также напоминала военную. Смотрители, отставные седоусые вояки, во всем следовали строгому распорядку. Верлен облачился в синюю пижаму, суконную шапочку и погрузился в жизнь больницы: ежедневная уборка комнаты, различные хозяйственные обязанности. Но эти неудобства ничуть не огорчали Верлена, ведь остаток дня он мог проводить в божественном спокойствии леса. Его комната находилась в крыле «Арган»,

и у него было два соседа — садовник, не особенно разговорчивый, и молодой человек, больной туберкулезом, светловолосый, с тонкими чертами лица и удивительно красивым голосом. Все в больнице сияло чистотой и роскошью — и часовня с белым алтарем и ярко-красными стенами, и столовая, и комнаты отдыха, и библиотека, где Поль, кстати, прочитал «Историю реставрации» Ламартина. В хорошую погоду он играл в шары в парке или сидел в тени на скамейке, беседуя с кем-нибудь из больных.

О несчастный, твое одеяние легче
Чем туман,
Но и сердце твое, исстрадавшийся, легче,
Чем сафьян^[536].

Но еще легче был его кошелек. 23 мая он сообщает Ванье, что весь его капитал составляют 75 сантимов, из которых он еще должен два су чаевых.

Бесплатное пребывание в госпитале обычно ограничивалось двумя неделями, а далее нужно было платить. Поль оставался там до 11 июля, и это наводит на мысль, что Ванье выслал ему те 50 франков, которые он полушутливым тоном просил: «Вышлите хотя бы денежный перевод, чтобы потом не говорили, что „беспорный глава“ и т. д. вышел отсюда в „мир людей“ с девятью су в кармане». Он намекал на громогласное заявление Бажю в только что вышедшей брошюре «Декадентская школа», где тот клеймил этот проклятый век, не оценивший «величайшего поэта своего времени Поля Верлена».

Из Венсенна его путь лежал снова в палату «Сеймур» больницы Тенон, где он уже был прошлым летом. Тут он пробыл около месяца. Но атмосфера в больнице изменилась. Все устали и озлобились от страшного зноя, и в первую очередь сам Поль. Врачи стали менее обходительными, больные — более замкнутыми. Вкусный обед, бумажные гирлянды и трехцветные щитки на стенах в честь празднования 14 июля внесли некоторое разнообразие в монотонную жизнь клиники. Будущее Верлена было определено лишь на месяц вперед: врач, г-н Морель, обещал ему еще по приезду в Тенон, что снова направит его на долечивание в Венсенн. И Верлен ударил в набат. Он обратился за помощью к Лепеллетье, но Эдмон не нашел ничего лучшего, как обратиться к Франсуа Коппе с просьбой о новом направлении в еще одну больницу^[537]. Поль написал Гюставу Кану, чтобы тот добился от «Нового» гонорара за его статьи и ходатайствовал за

него в эльзасско-лотарингском обществе, ведь он был из Эльзаса. В письме к Катуллу Мендесу он просит напечатать его в «Жиль Бла». Призывы Верлена остались гласом вопиющего в пустыне.

Нужно действительно дойти до предела, чтобы решиться на такой шаг, как обращение к бывшей жене. Но он на самом деле уже жил только на те гроши, что удавалось выпросить. Г-н Гийо-Сионе, к которому он обратился, ответил ему резким отказом. Тогда, в июле 1887 года, он пишет длинное слезное письмо, в котором называет себя «несчастнейшим из нищих». У него нет ни одежды, ни белья, ни еды, ни крыши над головой. Его могут посадить за бродяжничество, когда он выйдет из больницы. Но это письмо не было отослано. По совету Эмиля Ле Брена он адресовал адвокату другое, более короткое и более сдержанное. Верлен недолго питал иллюзии. «Все равно, что стучаться в пещеру к Али-бабе...» — пишет он без тени надежды Лепеллетье 7 августа. Тогда же он получил ответ: «Я передал ваше письмо г-же Верлен, ныне Дельпорт. Она отвечает, что не может выслать вам деньги, так как у нее их нет. И она считает, что ее новый муж вовсе не обязан кормить вас». Разговор перешел на повышенные тона. Поль схватился за перо. «Я пишу вам в последний раз и радуюсь, что увидел наконец всю мерзость помыслов Матильды». Он сохранит эту переписку для сына, чтобы тот мог узнать, что на самом деле за фрукт его матушка. Он не просит содержать его, но требует того, на что имеет полное право, — увидеться с сыном. Его ненависть не знает границ. Именно тогда он написал свою знаменитую филиппику, вошедшую впоследствии в сборник «Счастье».

9 августа он вновь оказался в Венсенне. Осень уже давала о себе знать: розы в саду завяли, листья пожелтели, вечера стали холоднее. «Скучно, я перечитал все книги в библиотеке, узнаю по шелесту все деревья в саду перед психушкой, наслушался ужасных криков сумасшедших мужчин и женщин. Здесь так грустно. Темнеет. Мы, как обычно, уже поужинали»^[538], — пишет он.

Единственным развлечением было выступление нестройного местного хора, голосившего «Возвращаясь с улицы», «Овернские солдаты» и «Отец, победа». Однажды в больнице вновь появился юноша, больной туберкулезом, с которым Верлен познакомился еще весной. Верлен был рад найти товарища по несчастью. Вдвоем, как сироты, они вновь гуляли по парку и беседовали, но ни тот ни другой не отваживались говорить о будущем, предпочитая жить в осеннем сегодня, предвестнике страшных зимних завтра.

Вместо двух недель Верлен оставался в больнице месяц, и дольше продлевать его пребывание там было невозможно. 9 сентября 1887 года пришел конец больничной жизни. Его отправили домой, то есть на улицу. «И вот, — пишет он, — прыжок в трясину, битва в камышах, почти гибель, меня затягивает, я тону в жестокой нищете» ^[539].

Ванье дал Полю немного денег, и тот смог снять комнату в гостинице «Арфа» в доме 6 по улице Арп близ площади Сен-Мишель. Грустное пристанище! Верлен недоедал, работа не двигалась. Встретаться ни с кем не хотелось, так как он стыдился своего положения. Болели нога и сердце, давал о себе знать перикардит. Только этого не хватало! Ванье дал понять, что тот не может постоянно торчать у него в конторе. И тогда Поль начал шататься по улицам. Лепеллетье пригласил его погостить в собственном деревенском домике в Бугивале. Поль отказался, но не решился признаться, что причина — отсутствие денег на железнодорожный билет. Служба социального обеспечения ему отказывала, все связи уже были использованы. Жизнь кончена. Осталось только сдохнуть в своей каморке. Приходилось теперь бороться с самим собой, чтобы не совершить самоубийство.

Ванье не оставлял его, но те гроши, которые он давал, сразу уходили на абсент, и от этого Верлену становилось только хуже.

И все же именно тогда он опять впутался в любовную историю. Мы бы не стали упоминать о ней, так как она была далеко не единственной, если бы этот роман не перерос в связь, продлившуюся семь лет. В сентябре 1887 года он познакомился с Филоменой Буден ^[540], известной также как Эстер.

Знакомство произошло в дешевом кабачке. Верлен заказал очередную порцию абсента. В соседней комнате играл аккордеон и танцевали. Вдруг дверь распахнулась, на пороге появилась молодая женщина лет тридцати и с резким северным акцентом воскликнула: «Боже, какая жара! Хозяин, воды!» Она была одета в блузку из джерси и юбку в небольшую складку. Лицо молодое, но довольно вульгарное.

— Вы с севера? — спросил Верлен. — Я долго жил там.

— Тогда с тебя стаканчик за нашу родину.

«И мы проболтали тогда до самого вечера», — продолжает Верлен в «Элегиях».

Она оказалась «простой уличной девчонкой» ^[541], веселой, простой в

общении, открытой, без особых претензий. Хвасталась она тем, что у нее много любовников и много денег. На самом деле, приехав в город, она стала проституткой и так и не смогла оставить это ремесло. Она рассказывала, что как-то из-за любимого человека бросилась в Сену.

Естественно, они не ограничились одним стаканчиком, а на следующее утро за завтраком уже перешли на «ты».

Из всех откровений нового друга Эстер особенно заинтересовали суммы денег, которые, по его словам, все на свете ему были должны.

«Этого не стоит терять из виду», — решила красотка.

Наконец пришли хорошие новости — Поль снова мог лечь в больницу Бруссе. Вдобавок и Франсуа Коппе прислал 50 франков, а Ванье выплатил аванс.

Кто на месте Поля после недели впроголодь отказался бы хорошо поесть! Конечно, его сопровождала Эстер, а также и зеленый змий. И вот, 20 сентября 1887 года, все еще навеселе, он явился в Бруссе. Его встретили, по его собственному признанию, как блудного сына.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. В течение всего 1887 года, принесшего Верлену мало радости, он все же питал тайну надежду получить деньги по долговым обязательствам с Салара и жюнивильского нотариуса г-н Карретта.

Неизвестно, с каких пор бывший викарий Сен-Жерве Салар, мы о нем уже рассказывали, был должен Полю 1500 франков плюс проценты, и как возник этот долг. Неясно также, почему в письме Шарлю Морису 29 октября 1887 года Верлен называет его «юбочником». Морис, впрочем, был в курсе происходящего, так как еще в 1884 году Верлен сообщал ему, что Салару вынесен оправдательный приговор. Но по какому делу, остается загадкой. Похоже, история началась очень давно. Если верить анонимному автору книги «Поль Верлен и его современники», то после смерти мужа мать Верлена была обманута вышеозначенным Саларом и какими-то нечистыми на руку дельцами. Как бы там ни было, Верлен отправил всех своих друзей, то есть Лепеллетье, Шарля Мориса, г-на Жюльена, Леона Ванье и других, на поиски священника, которого вся честная компания называла то «вороном», то «вороньим отродьем».

Предприняв некоторые шаги, обратившись в епархию и в прокуратуру, Эмиль Ле Брен вышел на след. Салар сначала был кюре в деревне Курсите в Майенне, потом имел приход в Гиянкуре в департаменте Уаза. Наконец, в январе 1888 года, состоялась их встреча с Верленом, в результате которой последний получил задаток в размере 200 франков, приправленный

заверениями в вечной дружбе и благодарности^[542].

Далее г-н Салар предложил либо постепенные выплаты по счету, либо письменное признание долга в размере 1300 франков. Поль, уже зная все проблемы с документами такого рода, предпочел первый вариант. Еще 150 франков были переведены на счет Ванье 5 марта 1888 года. Вероятно, оставшуюся сумму он так и не получил. Свое негодование против «слуг Иисуса Христа» Верлен излил в очень резком стихотворении из сборника «Счастье», из которого следует, что потерял он немало.

Был и еще один старый долг нотариуса из Аттиньи. После «ворона» пришел черед «юриста». Оказывается, по условиям договора, подписанного 19 октября 1882 года, часть денег, полученных в результате продажи фермы в Жюнивилле, а именно 900 франков, оставались на счету нотариуса и через шесть лет должны были перейти к Верлену вместе с процентами. И в конце мая 1885 года Поль поехал в Арденны в надежде получить аванс именно из этой суммы.

В начале ноября 1886 года Верлен, убежденный, что срок долгового обязательства истекает уже через две недели, размечтался. «Пюре, повидло! Нищета! Как это было бы прекрасно, 900 франков, позвякивающие в моем кошелке!» — пишет он Эмилю Ле Брену. А до счастливого момента было еще два года! Два года, в течение которых он будет бросаться ко всем за помощью, постоянно докучать друзьям, писать жалобы в Палату нотариусов округа Ретель, стараться получить во что бы то ни стало свои деньги, злиться, негодовать. Получив от г-на Карретта ответ, что он пока не вправе требовать возврата денег, Поль еще раз проверил сроки и снова ошибся, но на этот раз на год. В ноябре 1887 года он уже представлял, как держит в руках эти деньги. «Все уже официально оформлено, вот они», — пишет он г-ну Жюльену. Не получив ни гроша, он направляет еще одну жалобу в Палату нотариусов. Потребовалось наглядное объяснение г-на Карретта: 19 октября 1882 года плюс шесть лет равняется 19 октября 1888 года. Только тогда он понял. И только 6 октября 1888 года Верлен сообщил Казальсу хорошую новость. «Карретт пишет мне, что послезавтра, в понедельник, я смогу получить деньги на площади Птит-Пер, давай встретимся после этого»^[543]. Нотариус выплатил деньги на несколько дней раньше установленного срока.

Это событие, несомненно, было пышно отмечено.

Но вернемся к нашему рассказу. Итак, Поль снова в больнице Бруссе и полон решимости оставаться там до последнего, то есть пока его не выставят за дверь силой. Он чувствует себя как дома, ибо единственным

домом для него стал тот, что предоставляет служба социального обеспечения. Если все прошлое время он был анонимным больным, то теперь его льстиво именовали «Поэт с двадцать второй» — он занимал койку номер 22 в палате «Фоллен».

Месяц спустя после водворения в больницу Поль узнает о смерти отца Матильды 30 октября 1887 года. «Да примет Господь его гнусную душу», — таковы будут слова прощания. Матильда находилась в это время в Алжире. Вот текст письма с описанием похорон, которое она получила от Луизы Мишель 2 ноября: «Венки стояли в комнате внизу (...) Мы проводили его в последний путь под проливным осенним дождем»^[544].

Вернувшись в Париж, Матильда узнала, что ее бывший муж в больнице, очень болен, дни его сочтены. Информация могла исходить от Лепеллетье, который получил от друга очень пессимистичное письмо: «В моей смерти прошу винить только мою жену, но я прощаю ее. Обнимаю моего милого Жоржа, которому не позволяют видеть умирающего отца». «Я была очень огорчена и очень взволнована», — напишет Матильда в «Воспоминаниях». Она решила что-нибудь сделать для него... но прежде хотела все проверить. Молодой врач, муж одной из подруг, обещал узнать о состоянии здоровья Поля. Так как новости оказались обнадеживающими — несмотря на ревматические боли, его жизнь вне опасности, — она ограничилась небольшой анонимной передачей в больницу.

А что же Верлен? Неблагодарный! Пока Матильда волновалась и переживала за него, он сочинял ей эпитафию. Ибо давно уже похоронил ее, и перед его глазами была теперь только ее могила. Это достаточно любопытное стихотворение, расположение строк в нем имеет форму распятия:

Здесь лежит
Та, что была девой,
О ком сказать нечего,
Притворялась супругой,
Не заботилась о детях,
Пока жила, ее называли
Прин —
цесса Сертамена^[545]
Она едва не поссорила двух добрых людей
— Почему? Она не люби —
ла Поэтов. — За что?

Остаток дней она на —
носила визиты и
Плясала на балах
У мерзких буржуа.
На Веру она плевала,
Надежды не знала, ми —
лосердия не ведала.
Воровка, к тому же,
Она умерла абсурдной
Смертью без Креста,
Но вот его тень над ней,
Ведь Божье милосердие
Воистину бесконечно^[546].

В течение полугода Поль жил в страхе, что его выставят за порог, либо сделают операцию, либо оставят без нее. Лечащий врач никак не мог решиться, так как боялся применять общий наркоз, опасаясь за слабое сердце пациента.

Но сам пациент научился философски относиться ко всем испытаниям, уготованным ему фортуной. Он заслужил все это. «Я искупаю старые грехи. Что такое больница? Место не хуже других, можно привыкнуть», — писал он.

Одиночество пошло ему на пользу. Он вспомнил, что после возвращения в Париж так еще ничего и не написал. Для начала нужно отделаться от всех бесполезных знакомых, таких, как Жиль, Бажю, и от других безумцев с их безумными идеями. Они должны понять, что всякое «панибратство» имеет пределы и что он больше не будет заниматься декадентским фиглярством и играть в символистском театре теней.

Свою жизнь в этот период Поль в письме к Лепеллетье охарактеризовал тремя словами: «Нищета, Болезнь, Надежда». Впрочем, вскоре Надежда окажется на первом месте. Он достаточно долго был в рабстве у несчастий и наконец откупился. Он свободен.

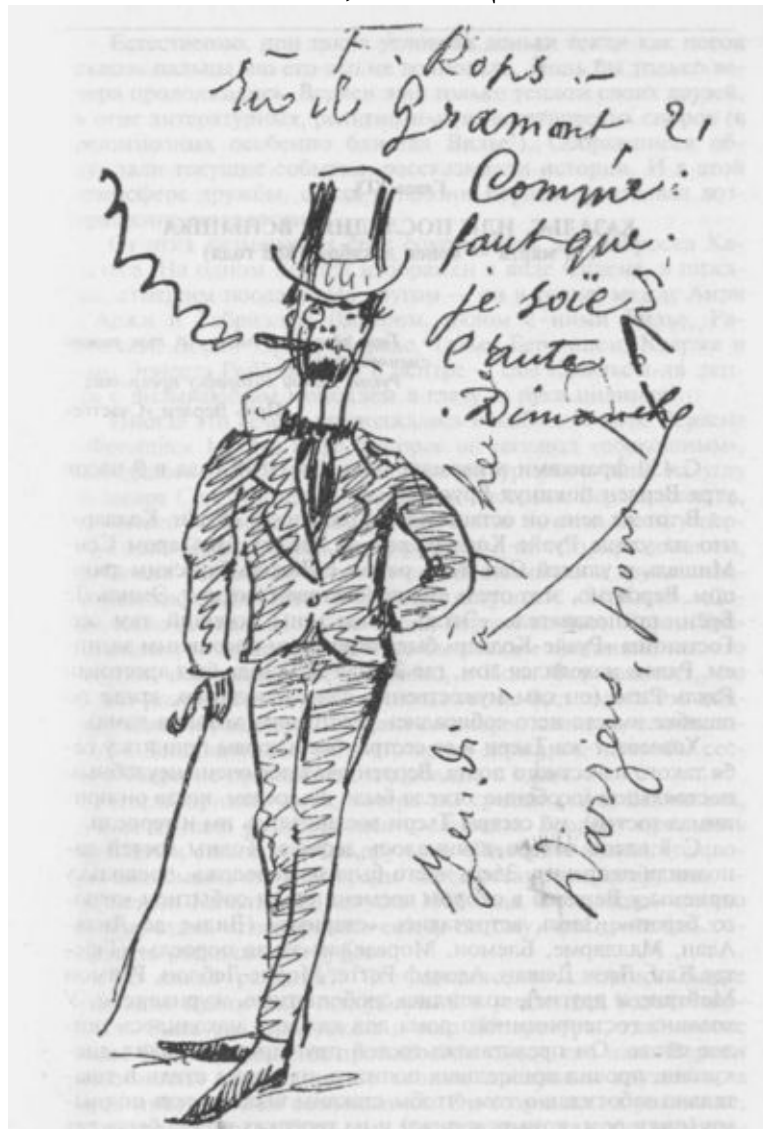
Все, что он любил когда-то, умерло. Все ушло в прошлое, даже окружавший его ореол мученика. Теперь он мечтал об иной славе.

Шарль Морис задумал написать о нем книгу. И Поль 7 сентября 1887 года в письме к нему обратился с просьбой добавить к образу «обжоры и хулигана», коим он слыл, несколько черточек Дон Кихота, коим он на

самом деле являлся.

Кажется, тучи начинали рассеиваться. Материальное положение улучшалось. Он даже писал Шарлю Морису: «Когда я выйду отсюда, у меня будет хлеб и крыша над головой, по крайней мере, на время». Наконец-то он выбрался из ямы и продолжал двигаться вверх. Друзья могут верить в него, он не обманет их надежд.

Завершилась целая эпоха. На этот раз, весной 1888 года, из больничной неволи освободится совсем другой Верлен. У этого Верлена будет одно только желание — жить, наконец!

Поль Верлен выходит из больницы, одетый а ля денди. Рис. П. Верлена.

Глава XIX

КАЗАЛЬС, ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА (20 марта — конец декабря 1888 года)

*Твой здравый смысл — о, так рожок сменяет
флейту! —
Рукою легкой лихорадку прекратил.*

Поль Верлен «Счастье»

С 450 франками в кармане 20 марта 1888 года в 9 часов утра Верлен покинул Бруссе.

В тот же день он остановился в гостинице «Руайе-Коллар», что на улице Руайе-Коллар, дом 14, между бульваром Сен-Мишель и улицей Сен-Жак, рядом с Люксембургским дворцом. Вероятно, этот отель ему посоветовал его друг, Эмиль Ле Брен, преподаватель «Эколь Альзасьен», живший там же. Гостиница «Руайе-Коллар» была огромным массивным зданием. Рядом находился дом, где 24 мая 1871 года был арестован Рауль Риго (он сам мужественно сдался полиции, когда по ошибке вместо него собирались расстрелять хозяина дома).

Хозяева, г-жа Тьери и ее сестра, были горды принять у себя такого известного поэта. Верлен оказался очень неудобным постояльцем (особенно тяжело было по средам, когда он принимал гостей), но сестры Тьери восхищались им и терпели.

С 8 часов вечера начиналось дефиле. Толпы гостей заполняли лестницу. Здесь часто бывала молодежь, поскольку приемы у Верлена в скором времени стали событием «левого берега». Здесь встречались «старики» (Вилье де Лиль-Адан, Малларме, Блемон, Мореас) и «юная поросль» (Гюстав Кан, Леон Дешан, Адольф Ретте, Морис Леблон, Реймон Мейгрие и другие), толпились любопытные, журналисты. У хозяина гостеприимного дома для каждого находилось теплое слово. Он представлял гостей друг другу, заводил дискуссии, просил пришедших почитать их новые стихи и тщательно заботился о том, чтобы стаканы были всегда полными (пили ром, коньяк и пиво) и на тарелках всегда была еда (пирожные, фрукты, пироги).

Естественно, при таких условиях деньги текли как песок сквозь пальцы, но его это не волновало, лишь бы только вечера продолжались. Верлен жил только теплом своих друзей, в огне литературных, религиозных и политических споров (в религиозных особенно блистал Вилье^[547]). Собравшиеся обсуждали текущие события, рассказывали истории. И в этой атмосфере дружбы, смеха и поэзии Верлен чувствовал возвращение молодости.

От этих знаменитых сред сохранились два наброска Казальса. На одном Верлен изображен в виде Силена, в пижаме, стоящим поодаль. На другом — он в толпе, между Анри д'Аржи и Габриэлем Викером, рядом с ними Вилье, Рашильда, Лоран Тайад, Мореас, Телье, Берришон, Клерже и сын Эрнеста Ренана, Ари. В центре — сам Казальс а-ля денди с вызывающим моноклем в глазу, в руке цилиндр^[548].

Иногда эти вечера продолжались в любимом кафе Верлена «Франциск I». Это кафе, которое он называл «роскошным», находилось напротив ограды Люксембургского сада, на углу бульвара Сен-Мишель и улицы Гей-Люссака. Верлена всегда, не только по средам, можно было найти именно здесь, в первом зале. Правда, здесь он не работал и ничего, кроме писем, не писал. Однако не оставлял он без внимания и другие заведения: кафе «Ля Палет», «Золотой петушок», «Лё Каро», «Дофинские Альпы». Но в это время Верлен не пьет. Лоран Тайад пишет, что Верлен вовсе не был таким пьяницей, как его рисуют, все сильно преувеличено, а Поль Фор заявляет, что видел поэта десятки раз и никогда тот не был пьян^[549]. Это подтверждает и Рашильда: «Абсент он скорее выливал, чем выпивал»^[550]. Действительно, он в это время держался, иначе бы сестры Тьери не приглашали его обедать с ними.

Когда пришло лето, вечера по средам стали скучными, им не хватало разнообразия и глубины. Верлену пришлось воззвать к своим верным друзьям. «Поверьте и скажите своим знакомым, что мои среды впредь станут серьезными», — пишет он Казальсу 20 августа 1888 года. Возможно, что его вечера стали игнорировать еще и потому, что пришлось сократить расходы на «буфет».

Но какая разница?! Что сделано, то сделано. После стольких публичных оскорблений и унижений только гордость была его пропуском в мир Литературы, где многие годы было запрещено произносить самое его имя. Верлен возобновил отношения со своими прежними друзьями, а ведь многие в нем сомневались. Он сохранил их уважение, и ничто не могло быть ему так приятно, как это «воскресение». Вот почему поэта

раздражали призывы пожалеть его, которые иногда появлялись в прессе (в «Декаденте» или в «Жиль Бла»). Слышать, что «стыдно оставлять великого французского поэта умирать с голода», ему было тем более противно, что верные друзья (Коппе, Банвиль, Мендес и другие) неизменно помогали ему. Верлен отвечал публично, опровергал в прессе слухи и благодарил своих старых преданных друзей, «которые помнят добро». Имеющий уши, да слышит: Леон Блуа мог бы осознать, за что его обозвали «прокаженным» и «отверженным» в «Мерзавцах за картами».

Итак, к нему снова пришла слава. Жюль Леметр, известный критик, по просьбе Жюля Телье посвятил поэту большую статью в «Ревю блё». Главная его идея заключалась в том, что на фоне хаоса посредственности ярко выделяется г-н Поль Верлен, поэт искренний, но, к сожалению, испорченный своим порочным временем: «У него чувства больного, но душа ребенка, он полон наивного очарования, но апатичен. Он декадент, но более — он примитивист». Немного позже еще один великий критик, Фердинанд Брюнетьер, в «Старом и новом свете» пришел к такому же выводу: «Верлен талантлив, но он из школы Бодлера, он мистификатор с навязчивой манией». Верлен никогда не простит этот плевок в лицо автору «Цветов зла»^[551], но это не главное, лишь бы о нем говорили. Именно в этом году он взял реванш за свой унижительный провал в «Современном Парнасе», напечатав восемь стихотворений в третьем томе «Антологии французских поэтов», изданной Леметром. Но, тем не менее, предисловие Огюста Доршена было резким. По поводу «Мудрости» читаем: «Идеология очень четкая, но нельзя того же сказать о форме; слова часто теряют смысл, мысли расплывчаты, образы не связаны, во фразах нарушен синтаксис, в стихах отсутствует ритм». Такой же трезвой, но более приятной была рецензия (на 19 страницах!) Жюля Телье в «Наших поэтах»: «Какая странная поэзия, не похожая ни на чью другую! Она одновременно и искренняя, и эгоистичная». Еще более лестной и тонкой была рецензия Шарля Мориса в его книге «Поль Верлен». Она вышла в издательстве Ванье в конце 1888 года. Черты характера были набросаны лишь слегка (бессмертный ребенок, вечный Дон Кихот), но эта статья и была скорее свидетельством дружеской привязанности, чем настоящей критикой.

Но это все было прошлое.

А настоящее — это сборник «Любовь», вышедший в марте 1888 года у Ванье. В сборнике речь идет о двух «сыновьях» Верлена: Жоржу, настоящему, он посвящен, а о Люсьене рассказывает душераздирающий плач из двадцати четырех стихотворений (в переиздании 1892 года

добавлено еще одно). Все остальное — благодарности и сожаления, различные воспоминания (о тюрьме в Монсе, о Борнмуте, Лондоне и Куломе) и неясные раздумья. В этом сборнике — по качеству он значительно уступает «Мудрости» — есть несколько действительно прекрасных стихотворений:

Край моего отца лесами изобилен,
Там волчий взор горит и в чаще кличет филин,
Черника там крупна, дубравы зелены ^[552]...

Но увы!

Вдруг буря началась: деревья зашумели,
И тут же гром, и град, и молнии сполок.
Беда и нищета, и позабытый Бог ^[553]...

Интересно, что стихотворение заканчивается аллюзией на начало «Озарений» Рембо:

Не та ли радуга, что видели с ковчега? ^[554]

Хотя успех и не был оглушительным, знатоки оценили искусность ностальгических стихотворений. «Вы несомненно очень выросли», — писал ему Теодор де Банвиль. Однако иные почувствовали себя оскорбленными тем, что Верлен осмелился смешать религиозное вдохновение со стихотворениями, посвященными подозрительной дружбе с молодым человеком. «Евангельскую Тайную Вечерю он ставит на одну доску с платоновским „Пиром“», — писал Огюст Доршен.

Чтобы закончить перечень, упомянем также переиздание «Проклятых поэтов» в конце 1888 года. Книга была существенно дополнена. Марселина Деборд-Вальмор, Вилье де Лиль-Адан и сам Верлен (под именем-анаграммой «Бедный Лелиан») присоединились к трем «абсолютным» поэтам — Корбьеру, Рембо и Малларме. Не очень удачные рисунки Люка оставляли желать лучшего, именно качества иллюстраций к первому изданию, но ни Форен, ни Регаме, несмотря на настойчивые просьбы, не хотели заниматься иллюстрированием второго. Тираж в 600 экземпляров

раскупили моментально.

Но едва к Верлену начали возвращаться силы и уважение к нему стало крепнуть, судьба приготовила новую ловушку его чувствительному сердцу (как он сам писал, «во мне живет любви безвольный маниак»). Он с наслаждением будет наблюдать, как эта ловушка захлопнется.

Его дружба с Казальсом незаметно превратилась, по выражению самого Верлена, в «дружбу-страсть^[555]». Новая страсть, такая же безумная и донкихотовская, как страсть к Люсьену Летинуа, бросала его то на вершину блаженства, то в бездну отчаяния.

Казальс, помня, в какой нищете еще недавно жил Верлен, был счастлив его успеху. Он мало-помалу стал его импресарио, потом доверенным лицом, а потом и его «ребенком», как когда-то Люсьен.

В конце августа 1888 года Верлен понял, что не может больше выдерживать столь быстрый темп жизни. Из-за постоянных приемов ему нечем было платить за квартиру, хотя сестры Тъери и не обращали на это внимания; но в результате он вернулся туда, откуда только что выбрался — в больницу. Ему было необходимо найти более скромное жилье и сократить число посетителей до нескольких самых близких, друзей — он не мог принимать с распростертыми объятиями весь Латинский квартал.

Чтобы быть ближе к Казальсу, который жил у своего отца в доме 69 по улице Прованс, Верлен попросил того найти квартиру на Монмартре. В то же время он горячо просил оказать честь и согласиться, чтобы следующий сборник «Счастье» был ему посвящен. Такая восторженность не понравилась молодому художнику, и он ответил очень сухо.

«Простите мне мою экзальтированность, — писал ему Верлен 22 августа 1888 года, — мне нужно поговорить с вами о делах. И я буду очень признателен, если наша встреча состоится».

Казальс был человек совершенно иного плана, чем Летинуа. Откровенный и прямой, он терпеть не мог никаких экивоков, а Верлен, видит бог, обожал их как никто, особенно в то время — Поль открыто писал о своей любви к Рембо и Летинуа и работал над предисловием к роману «Содом» Анри д'Аржи.

Но дружба оказалась сильнее, и Верлен был прощен.

Так началась их связь, неустойчивая, бурная, прерывающаяся — но только из-за Верлена, поскольку Казальс, строго следуя своим принципам, всегда был верен дружбе. Верлен был признателен ему за появление в столь трудный для него момент.

Верлен как будто чувствовал, что еще немного — и он погрязнет в

пошлости (романы с Эстер и ей подобными), и потому испытывал потребность ухватиться за друга — сильного, жизнерадостного, здорового, красивого и артистичного до кончиков ногтей. И именно Казалье стал для него спасательным кругом.

Вскоре случилась еще одна неприятная история. Верлен планировал серию дружеских зарисовок под названием «Надменные детки в моноклях» (Мореас, Алан Дево, Эдуард Дюбю и другие) и намеревался включить в нее зарисовку о Казалье.

Детки? Нет, Казалье никакая ему не детка! Но Верлен настаивал: «Мы говорим о детках обоого пола, раз тебе (к этому моменту они уже перешли на „ты“ — П. П.) так важно съесть это яблоко раздора».

Все понимали, что никто не осудит Казалье за появление в компании таких «деток», как Рашильда. И Верлен, несмотря ни на что, включил зарисовку о Казалье в свою серию.

Казалье не особенно старался найти Полю квартиру рядом со своим домом, и немного позднее Верлен настоял на том, чтобы Казалье переехал поближе к нему, в Латинский квартал. Итак, в конце ноября 1888 года они жили в Гранд-Отель де Насьон, на улице Сен-Жак. Отель был вшивенький. Вот что писал о нем Верлен: «Жуткая лестница с деревянными перилами и ступеньками цвета крови. Антресоль на уровне обычного второго этажа, но не из-за числа ступеней, а из-за того, что здание кривое».

Владелец, Ранвуазе, был добрый малый, но, как писал Верлен, если постояльцы были «жаворонки», то «постоялицы» были «совы». «Думаю, добиться от них того, о чем вы догадываетесь, было не слишком трудно». Верлен все так же устраивал приемы, но реже и уже не такие роскошные. На лестнице — всего одна свечка, на столе — в лучшие дни пиво, в остальные — газировка с ромом, который, как и табак, приносили друзья. Казалье всегда присутствовал на этих вечерах, и этого хватало, чтобы Верлен был счастлив.

Они обычно обедали вместе в ресторанчике «У старого кучера» (на улице Суффло), который содержал Филидор Тарле^[556]. Однажды, выходя из ресторана, Верлен сказал хозяину:

- Тарле, здесь кое-чего не хватает!
- И чего же? Никак в толк не возьму...
- Вывески, черт возьми!

Легенда гласит, что Казалье тут же добыл откуда-то жестяную пластину и нарисовал на ней кучера, а позировал ему Верлен с кнутом в руках и наброшенным на плечи кучерским плащом. И целую неделю

друзья обедали за счет заведения.

Глава XX

ТРИ САТУРНОВСКИЕ ИСТОРИИ

(12 марта 1888 — 17 февраля 1891)

*Я жизнь свою прожес и знаю точно:
Кроме моей, ничьей тут нет вины.
Все оттого, что при моем рожденьи
Звезда Сатурн сияла с вышины.*

Поль Верлен, из сборника «Параллельно»^[557].

Да будет нам дозволено открыть здесь скобки и рассказать три истории, переплетающиеся события которых определяли жизнь Верлена в 1888–1890 годах. Три истории, от которых остался неприятный осадок. Короче говоря, это три подлинно сатурновские истории. Хотя в них идет речь вовсе не о бессмысленных мечтах или видениях, а о мелких вещах, по идее совершенно нормальных, которые могли бы доставить Верлену удовольствие: поехать отдохнуть к отцу Девезу, опубликовать полное собрание сочинений Рембо и вернуть себе рукопись «Озарений», наконец, сменить издателя, так как общаться далее с Ванье было невозможно. И ото всех трех — лишь полное разочарование, горечь в сердце.

Он хотел быть среди проклятых поэтов. Судьба указала ему, что его уже ждут.

Жорис Карл Гюисманс, тот самый, кто в 1884 году с такой радостью принял «Мудрость», познакомился с Верленом вскоре после того, как тот вернулся из Кулома. Встретились они у общего знакомого, Робера Казе^[558]. Переписывались они довольно регулярно. 12 марта 1888 года, узнав, что поэт собирается уехать из Бруссе, Гюисманс написал ему, как он был бы счастлив снова увидеть его, «хотя бы для того, чтобы излить нашу желчь на мерзостных буржуа, которых мы так хорошо знаем». Встреча была назначена на 29 марта в отеле «Руайе-Коллар». Леона Блуа тоже пригласили.

Некоторое время спустя, в июне, Верлен, который снова начал пить и влюбляться, переживал несчастливые дни: мы уже видели, он места себе не находил от мысли, что ему придется лечь в больницу.

Вечером, когда пришел Леон Блуа, Верлен принялся рассказывать, как в июне 1885 года он гостил в городе Корбийон-сюр-Семуа у некоего Жана-Батиста Девеза, с которым дружил еще в раннем детстве; впоследствии его друг стал почтенным кюре, и оказанное им тогда гостеприимство буквально спасло поэту жизнь. На днях он получил от святого отца письмо: прочитав в «Ревю женераль» статью одного бельгийского критика, Франсиса Ноте, где Верлен был назван не только «декадентом», но и «поэтом-католиком», Девез вспомнил о бывшей дружбе и вновь был бы рад встрече.

Ах! Поездка в деревню, несомненно, пошла бы ему на пользу! Вот уж где поистине райский уголок! Увы, у него совершенно нет денег на дорогу и приличное платье.

— Вам не о чем беспокоиться, — заверил его Блуа. — Мы с Гюисмансом все устроим.

Благодарность Верлена была безграничной: подумать только, как счастливо и беззаботно сможет он отдохнуть в Корбийоне!

«Блуа — просто святой, — замечает поэт в разговоре с Гюисмансом. — Он, верно, уже говорил вам, сколь необходима эта поездка для поправки моих душевных и физических сил».

Блуа тем временем сообщает Гюисмансу: «Завтра, около трех, я буду на улице Друо; попробую раздобыть денег».

На улице Друо, в доме 18, жил Савин — издатель Верлена в те годы (подробнее о нем мы расскажем в третьей истории); пойти к нему означало облагодетельствовать поэта из его собственных средств! Деньги на дорогу и новый гардероб нашлись, не хватало главного: окончательного приглашения самого Девеза. 6 июня 1888 года Блуа, полагая дело решенным, направил ему письмо следующего содержания: «Действуя в интересах поэта воистину незаурядного и всем сердцем желая помочь ему, я счел долгом предупредить вас, что Поль Верлен сейчас не способен отвечать за свои поступки: им руководит пагубная страсть к вину и пороку. В то же время глубочайшие разочарования вкупе с чудовищной бедностью делают его положение еще более отчаянным». Завершается письмо просьбой выслать сто франков на билет поэту. Важно только, чтобы деньги получил сам Блуа; отправлять их Верлену означает «дразнить тигра запахом крови!» «Доверьтесь мне, и я сделаю все необходимое».

Сам Девез был в то время тяжело болен (он умер от туберкулеза 24 декабря 1889 года в возрасте сорока двух лет). Письмо Блуа ошеломило его.

Как рассказывает г-жа Девез, сводная сестра священника, он воскликнул:

— Я действительно говорил, что был бы рад встрече, но вовсе не приглашал к себе! И потом, в таком состоянии я просто не могу его принять!

Впрочем, по некотором размышлении, Девез решил, что письмо написано каким-то проходимцем, который ловко использовал ситуацию, чтобы заставить его раскошелиться.

Девез дважды телеграфировал Верлену: ему очень жаль, но слабое здоровье не позволяет пригласить друга к себе. Его ответ тотчас стал известен Блуа, и тот не замедлил выразить свое разочарование. «Впрочем, — пишет он, — возможно, визит поэта всего лишь откладывается?!» И тут же восклицает: «Необходимо срочно принять меры. Я не могу его оставить — он грозитя покончить с собой!»

Несколько дней спустя от Девеза пришло письмо, в котором он высказался ясно и определенно: «Я не могу пригласить тебя сейчас, поскольку не в состоянии принимать гостей; к тому же я собираюсь переехать». В конце, желая показать, что провести его не удастся, святой отец добавляет: «Новый адрес сообщу позже, однако учти: я не потерплю, если кому-либо вздумается оскорблять меня или морочить голову»^[559].

Выражение «морочить голову» задело Блуа за живое. 28 июня 1888 года он отправляет Девезу послание, полное гнева и желчи: «Вы из тех попов, чье недостойное поведение и нелюбовь к бедным порождают в душах верующих отчуждение от церкви и негодование на самого Бога (...) Я вижу теперь, как низко может пасть тот, кто называет себя служителем Господа». Он полагает, что отцу следует принять «скромное и благоразумное» решение, в противном случае Блуа лично позаботится, чтобы эта история появилась на страницах «Свободной Бельгии» и о ней узнали высшие церковные власти...

— Как же мой новый костюм? — спрашивал Верлен Гюисманса. — Если деньги на него у вас, перешлите их мне по почте, или же мне придется вернуться обратно в больницу, совершенно раздетым и нищим, как церковная крыса.

Выслать деньги? Это невозможно! Зачем «дразнить тигра запахом крови»?!

Гюисманс рассказывал Андре Жермену^[560], как однажды он повел Верлена в «Прекрасную садовницу», помог выбрать подходящий костюм и после посещения лавки оставил ему небольшую сумму денег. На всякий случай он решил проводить поэта до дома. «Вскоре я увидел Верлена в окружении прежних дружков, которые словно почувствовали его скромную

добычу. Мои усилия оказались напрасными. Он вновь принялся за свое».

Тем временем Девез, искренне переживая из-за случившегося, прислал Верлену еще одно письмо, датированное 4 июля 1888 года. Текст его, к сожалению, не сохранился, нам известно только его начало: «Я получил от какого-то Блуа, который с некоторых пор пытается посредничать между нами, письмо, полное угроз и оскорблений...^[561]»

Эта история, судя по всему, повлияла и на отношения с Гюисмансом. Когда Верлену пришлось вернуться обратно в Бруссе, Гюисманс заявил, что вряд ли сможет теперь навещать его в «официальном логове».

Впрочем, поэт не держал на него зла и укорял лишь в излишней грубости.

Гюисманс отзывался о Верлене менее уважительно. При каждом удобном случае он сетовал: «Этому человеку нечего делать на свободе, его место в тюрьме или больнице»^[562].

С Блуа все обстояло иначе.

Поначалу он тоже удостоился сонета в «Посвящениях», хоть и более резкого, чем Гюисманс. В дальнейшем виделись они крайне редко. Слишком много у поэта накопилось обид: он не мог забыть публикации в «Шануаре» от 3 мая 1884 года, где Блуа, рассуждая о «проклятых поэтах», назвал Верлена «романтиком, вмерзшим в парнасский лед времен Шуазеля»; ему была неприятна дружба Леона с Барбе д'Оревилюи и Альфонсом Доде; оскорбительным было отношение к нему, как к «прокаженному»; он злился из-за неудавшейся поездки к Девезу.

Когда в апреле 1893 года Верлену удалось наконец издать книгу «Как я сидел в тюрьме», Блуа попытался напомнить о себе просьбой выслать ему экземпляр новой книги. Его письмо начиналось словами: «Ужели вы больше не вспоминаете обо мне?»^[563]

Немногим позже состоялась их последняя встреча. Вот как рассказывал о ней Анри Мартино^[564] сам Блуа. Как-то раз он получил от Верлена приглашение на обед. В назначенный час он явился к дому поэта, однако открывать ему не спешили. Подождав несколько минут, Блуа обнаружил, что дверь не заперта, и вошел внутрь. В комнате на кровати спал Верлен. Тихонько пододвинув стул, гость хотел было сесть, но едва он повернулся к спящему спиной, град ударов обрушился на него сзади. Застигнутый врасплох, Блуа все же успел запустить в обидчика каким-то кувшином, после чего спешно ретировался. Объяснения между ними не последовало. Полагают, что Верлен был сильно пьян и напал на Блуа, желая отомстить за былые обиды. С тех пор они сторонились друг друга, и

Блуа нередко повторял: «Отныне я и словом с ним не обмолвлюсь, разве что он призовет меня в смертный час!»

Если в «Посвящениях» Леону отводилась роль Авеля, то уже в новом сборнике «Инвективы» Верлен изображает его в качестве Каина (любопытно, что имя Каин Маршenuар поэт заимствовал из романа «Отчаявшийся», автором которого был сам Блуа).

Однажды, прогуливаясь по Парижу, Верлен заметил Блуа на террасе кафе «Франциск I». Он увлеченно беседовал о чем-то с художником Анри де Гру. Заметив поэта, Блуа машинально приподнял шляпу.

— Какого черта вы?! — в бешенстве крикнул ему Верлен.

Блуа не ответил, но, наклонившись к собеседнику, тихо сказал: «Покойникам всегда надо отдавать честь...»

Расскажем теперь вторую историю. Речь пойдет о Рембо, из-за которого Верлену пришлось немало пострадать.

Артюр Рембо, поэт, исчезнувший неведомо куда, представлялся молодому поколению истинным отцом декадентства. Сам он возразить им не мог, что вполне устраивало его «последователей». И вот 27 ноября 1886 года в газете «Декадент» появляется стихотворение «Сияло солнце истинной Природы», якобы написанное Рембо и опубликованное, по словам издателей, «впервые»^[565]. Впрочем, сенсации тогда не получилось. Два года спустя «Декадент», ставший теперь уже журналом, публикует еще одно, не менее бездарное, стихотворение «Инструментовка», которое вновь приписывает Артюру Рембо и даже называет дату создания — 1871 год. После этой публикации Верлен написал возмущенное письмо г-ну Бажю (опубликовано в «Парти насъональ» от 7 января 1888 года). Однако 1 февраля журнал представил читателям новый сонет — «Рогачи», якобы созданный Рембо в период работы над «Озарениями», но, «к сожалению, незаконченный». На сей раз автором произведения оказался Морис де Плесси. Наконец, 15 марта, дабы окончательно развеять все сомнения, «Декадент» приводит оригинальное стихотворение поэта — «Вороны». После чего мистификации возобновляются. Стихотворение «Улитка», в действительности написанное Лораном Тайадам, было опубликовано с пометкой «из архива одного читателя». Два других («Доктрина» Мориса де Плесси и «Омега богохульника» того же Тайада) сопровождались комментарием, в котором восхвалялись «искрометные рифмы Божественного Юноши, подобные золотым гвоздям, вылетающим из-под копыт Гиппогрифа, попирающего Всемогущую Беотию».

Последняя выходка журнала переполнила чашу терпения Верлена. По его просьбе Казальс опубликовал в «Краваш паризьен» статью, где доказывал неподлинность этих стихотворений, а 13 октября 1888 года там же было напечатано благодарственное письмо поэта. Выразив признательность за поддержку, он пишет: «Наше глубокое возмущение вызывает, в частности, недавний случай, когда на лекции некоего Годена „Генерал Буланже^[566] и Литература“ под всеобщий хохот было прочитано стихотворение „Улитка“, якобы принадлежащее перу Рембо, и присутствовавший там Анатолий Бажю предпочел промолчать, нежели указать всем, что это ложь!»

Публикации стихов в подражание Рембо прекратились, однако на страницах журнала стали высказываться другие, не менее абсурдные идеи. Так, например, предполагалось объявить сбор средств, чтобы во время Всемирной выставки 1889 года открыть памятник Рембо. Обсуждалась также возможность захоронения праха безвременно ушедшего поэта в Пантеоне... Понадобилось еще одно публичное выступление Верлена, чтобы «Декадент» перестал наконец печатать подобного рода сомнительные шуточки, которые лишь «наносит вред прославленному имени поэта^[567]»! Наконец, инициаторы розыгрышей, Лоран Тайад, Эрнест Рейно и Морис де Плесси, признали свою вину и объявили о разрыве с «Декадентом». Одновременно журнал поместил правдивую публикацию, в которой рассказывалось о настоящей деятельности Рембо: он занялся торговлей, живет в Адене, недавно отправился с торговой миссией в Шоа, в самый центр Абиссинии. Эту информацию вполне можно было считать достоверной, разве что путешествие в Шоа к тому времени уже закончилось. Впрочем, поколение молодых декадентов, по-видимому, не могло обходиться без мифов, и когда легенда об Артюре Рембо утратила свою актуальность, ей на смену пришла новая — декаденты изобрели поэта по имени Митрофан Крапуссен. Отныне ни один номер «Декадента» не обходился без творений этого «великого пиита», чьим псевдонимом умело пользовались Лоран Тайад и Жорж Фуре.

Однако вся эта история кажется несерьезной по сравнению с теми неприятностями, которые ожидали Верлена впереди. Речь шла о рукописях Рембо, переданных ему Жоржем Изамбаром, которые в октябре 1885 года он отдал на хранение Леону Ванье. Но когда бумаги понадобились, издатель не посчитал нужным вернуть их. А ведь без них переиздание «Проклятых поэтов» будет неполным! Некоторое время спустя Верлен

загорелся новой идеей — издать сборник стихов Артюра Рембо. В процессе подготовки он обратился к Изамбару за разъяснением некоторых биографических подробностей^[568].

Изамбар согласился помочь и заодно поинтересовался:

— Кстати, не могу ли я получить обратно рукописи, которые отдал вам более двух лет назад?

Верлен вновь просил Ванье вернуть документы (8 января 1888 года), но ответа опять не последовало. Между тем Изамбар начал проявлять нетерпение: он обещал написать очерк для «Ревю блё», а сделать это без текстов невозможно. Верлену ничего не оставалось, как потребовать бумаги у издателя, а «лучше переслать г-ну Изамбару: он настаивает на их немедленном возвращении». Не добившись успеха и на этот раз, он был вынужден открыто признаться Изамбару, что не может вернуть рукописи. Изамбар принял меры более решительные: Ванье пришлось ответить перед судом. «Издатель согласился исполнить все предписания, однако не преминул сослаться на некие обязательства Верлена (на полях: долги^[569])», — сообщает об исходе дела Изамбар.

Увы, документы, доверенные Ванье, сохранились не полностью; некоторые из них были тайно проданы его женой. Изамбару так никогда и не удалось вернуть ни автографы «Письма Карла Орлеанского Людовику XI» и «Сердце под сутаной», купленные Дарзансом, ни оригинал «Венеры Анадиоменской», который впоследствии был найден, ни «Новое чудовище» — документ, утерянный навсегда.

Этот случай положил конец дружбе Изамбара с Верленом и заставил последнего отказаться от сотрудничества с Ванье.

Но это было еще не все. В январе 1888 года стало известно, что Дарзанс собирается опубликовать несколько стихотворений Рембо, неизвестных пока широкой публике. Верлен тотчас же предположил, что речь идет о рукописях из архива Изамбара, которые, возможно, были скопированы Дарзансом. И поэт поспешил уведомить молодого человека: «Всякий, кто распорядится этими бумагами по своему усмотрению без моего на то согласия, поставит себя в весьма невыгодное положение»^[570]. На что Дарзанс ответил, что всего лишь готовит небольшой очерк о Рембо для «Юной Франции» и в любой момент может показать Верлену имеющиеся у него стихи. Вскоре поэту пришлось признать, что Дарзанс действительно стал обладателем уникальных рукописей, о существовании которых сам Верлен даже не догадывался. Речь шла о нескольких тетрадях, переписанных Рембо в Дуэ в 1870 году по просьбе Поля Демени,

нынешнего редактора «Юной Франции». Здесь, в Бруссе, Верлен впервые открыл для себя самые ранние произведения Рембо: двадцать пять неопубликованных стихотворений, несколько сонетов, отрывки в сто и более строк.

Увы, теперь поэту пришлось отказаться от своего самого заветного желания — подготовить наиболее полное и подробное издание произведений Артюра Рембо.

Дарзанс распорядился рукописями с большой осторожностью, опубликовав лишь несколько неизвестных ранее стихотворений («Зло», «На музыке», «Ощущение», «Моя цыганщина», «В Зеленом кабаре»), имея в виду, когда подойдет время, опубликовать полное собрание сочинений Рембо.

Вскоре Верлену был нанесен еще один, решающий удар. От Дарзанса он узнал, что редакция «Нового», по-видимому, разделила рукопись «Озарений» на несколько частей и распродала ее. 3 февраля 1888 года Верлен сообщает эту новость Ванье и ставит в конце сразу три восклицательных знака, столь велико его возмущение. К несчастью, предположение Дарзанса оказалось верным. Вероятно, именно по этой причине в июне 1886 года «Новое» неожиданно прекратило публикацию текстов Рембо. Тогда же, очевидно, и состоялся раздел. Несколько лет спустя, в 1895 году, часть стихотворений, предназначенных для публикации в июльском номере журнала, была найдена, однако нет полной уверенности, что найдена вся рукопись целиком.

Верлен окончательно потерял надежду обрести когда-либо рукопись, которой он так дорожил, которую считал «своей» и неоднократно пытался вытребовать у Гюстава Кана (подтверждением служат его письма к Ванье от 27 октября 1887 года, к Лео Дорферу от 16 января 1888 года и другие). Увы, злопамятность Матильды, коварство одних и алчность других лишили Верлена возможности сохранить рукопись, в которой запечатлелось наилучшее воспоминание о Рембо. Растерзанная, разделенная на части между неизвестными людьми, она погибла навсегда.

Обратимся, наконец, к третьей истории. Главное действующее лицо в ней — Савин.

В марте 1888 года Верлен заключил с Ванье договор на издание книг «Любовь» и «Параллельно», однако после неприятностей с рукописями Рембо, о которых речь шла выше, поэт предпочел бы вести дела с другим издателем. Мало того что Ванье был скуп, он еще и оказался нечист на руку!

Своими горестями Верлен поделился с Блуа и Гюисмансом, они порекомендовали ему обратиться к некоему Альфреду Савину, проживавшему по адресу улица Друо, дом 18.

— Он более достоин вашего доверия, чем этот Ванье. Он первым начал издавать во Франции Толстого, Достоевского, Ибсена и Томаса де Квинси. Он, безусловно, сможет предложить более выгодные условия.

Согласившись с их доводами, Верлен решил передать Савину права на издание книги «Счастье», несмотря на то что аналогичная договоренность связывала его с Ванье. У последнего даже имелось несколько стихотворений, предназначенных для сборника, однако Верлена это ничуть не смущало, ведь у него были копии. Но Ванье было не так-то просто провести: требование поэта вернуть ему рукописи показалось издателю подозрительным. К тому же настораживали подчеркнутая искренность и дружелюбие Верлена. «Мы ведь ничего не утаиваем друг от друга, не так ли?» — писал он Ванье.

В августе 1888 года поэт тайно отправил Казальса к Савину с поручением показать ему новые стихи и постараться получить за них возможно более щедрое вознаграждение. Савин действительно не поспешил, и 15 сентября между ними был заключен договор на издание «Счастья» и «Такой вот истории». И хотя ни та ни другая книги еще не были завершены (в частности, «Счастье» включала пока не более 13 стихотворений), Верлен получил за них существенный задаток. Вот тут-то Ванье и решил проучить неверного. На руках у издателя находился оригинал одного из стихотворений («Целомудрие»), предназначенных для «Счастья», копию которого Верлен уже отослал Савину. Когда сборник «Параллельно» был подготовлен к печати, Ванье, как ни в чем не бывало, поинтересовался, следует ли включить в него «Целомудрие». Ответ был категоричным: «Я не собираюсь отказываться от своих слов, однако на „Целомудрие“ у вас нет никаких прав, оно не предназначено для „Параллельно“». Когда книга вышла в свет, оказалось, что отдельные экземпляры содержат вкладыш с текстом «Целомудрия» и следующим комментарием: «Предлагаем вниманию читателей любезно предоставленное автором стихотворение Поля Верлена из его будущего сборника „Счастье“».

Узнав об этой выходке, Верлен был вне себя от гнева.

«Господин Ванье, — пишет он в письме от 22 июня 1889 года, — мне сообщили, что вы вложили „Целомудрие“ в отдельные экземпляры сборника. Вам было известно мое мнение на этот счет, тем более что в мою книгу вы поостереглись вклеивать стихотворение, распоряжаться которым

не имеете ни малейшего права».

Казальс получил экземпляр отдельного оттиска «Целомудрия» со следующей надписью рукой Верлена: «Вот доказательство, что Ванье (Леон) подлец!»

Вот так-так! Ну что ж, «Посвящения» получит другой издатель (неважно, что сборник был обещан Ванье еще в ту пору, когда носил иное название — «Друзья»)! Савин не проявил к книге особого интереса, и Верлен предложил ее Лемерру, но снова получил отказ. В бешенстве он пишет Лепеллетье 15 июля 1889 года: «Ванье прислал тебе „Параллельно“ и переиздание „Мудрости“? Но отныне между нами все кончено: этот негодяй у меня еще попляшет». В подтверждение своих намерений поэт потребовал аннулировать все настоящие и прошлые договоры с Ванье. Однако издатель предпочел отделаться шуткой: «Если вам не понравилась моя безобидная затея с „Целомудрием“, которая, по моему мнению, могла быть любопытной и *небесполезной* читателю, я обещаю впредь не прибегать к подобным мерам, ибо не хочу ничем вам досаждать» ^[571].

Тем временем Верлен, подписав окончательное соглашение с Савином, спешно завершает работу над «Счастьем» и обещает предоставить в его распоряжение некоторые другие произведения, в частности «Приключения простого человека» и «Некоторые» — комментарии к «Современным людям», изданным Ванье.

Однако в конце 1889 года отношения с Савином стали более прохладными. Издатель невысоко оценил «Такую вот историю», полагая стиль слишком небрежным. Упоминание Верлена в письме от 19 июля 1889 года о своем «намерении включить Казальса в качестве соавтора „Такой вот истории“, поскольку тот немало потрудился над ней», дало Савину повод утверждать, будто произведение вовсе не принадлежит перу прославленного поэта, и даже если он когда-либо участвовал в его создании, то внес лишь очень незначительный вклад. Эта новость заставила Верлена сомневаться в моральных качествах издателя, и он в гневе пишет: «Либо вам изменяет память, либо кто-то жестоко посмеялся над вами».

Впрочем, несмотря на то что былого доверия между ними уже не существовало, Верлен продолжал снабжать Савина своими новыми творениями, беспрестанно жалуясь при этом, что не получает ни авансов, ни гонораров, и не разделяя мнения издателя, который хотел, чтобы сборник «Счастье» был поувесистее.

Наконец 31 марта 1890 года труд был завершен.

Как раз тогда Верлену посчастливилось познакомиться с Леоном Дешаном, директором журнала «Перо», основанного годом раньше. Последний нашел это знакомство весьма приятным ^[572], и в считанные минуты судьба «Посвящений» была решена: «Перо» опубликует их в виде подписного издания в типографии Анри Боссана; о нем пойдет речь несколько позже. Все было организовано просто блестяще, так что в начале июня 1890 года «Журналь де ля Либрери» объявил о выходе в свет новой книги.

«Посвящения» — это удивительный букет сонетов, каждый из которых любезно преподнесен в дар старым добрым друзьям (Малларме, Коппе, Вилье де Лиль-Адану, Шарлю де Сиври, Жермену Нуво, Ирене Декруа и другим) и молодым поэтам-декадентам и символистам. Благодарности удостоились и врачи, лечившие некогда поэта. Что ж, дарить удовольствие было высшим для него удовольствием. Не был забыт и Казальс.

Что касается Савина, то отношения с ним зашли в тупик. Известно, что Верлену вроде бы был предложен новый контракт, но был ли он подписан, узнать так и не удалось.

И вот тогда-то Ванье и решил, что пришел момент вступить в игру. Всем, кому не лень было слушать, он рассказывал, что готов договориться с Верленом насчет «Счастья» и выкупить права за пятьсот франков. Обманутый Савином Верлен проглотил наживку, поняв, что окончательный разрыв с Ванье будет не просто ошибкой, но полным идиотизмом.

Стороны пришли к соглашению 20 мая 1890 года.

Верлен должен был, хотел он того или нет, изготовить самостоятельно новую рукопись «Счастья». Тем не менее ничего не было еще решено. В результате длительных переговоров двух издателей (каждый заявлял, что имеет все права на издание произведения) в январе 1891 года был достигнут компромисс, в соответствии с которым Ванье возмещает Гресилье, правопреемнику Савина, выплаты, сделанные тем Верлену. И в результате, за вычетом этих денег, несчастный поэт получил только пятьдесят франков. Окончательный контракт с Ванье был подписан 17 февраля 1891 года, книга в это время уже была в печати. Она вышла в мае того же года.

И это было еще не все: Гресилье удерживал, согласно контракту, рукопись «Такой вот истории». Чтобы вернуть ее, Верлену пришлось объявить настоящую войну и обратиться к адвокату, г-ну Дали. Получив рукопись назад, Верлен расхотел ее публиковать, и она увидела свет лишь после его смерти, в 1903 году.

«Посвящениям» была уготована более светлая судьба: в 1894 году Ванье согласился переиздать сборник, к которому автор добавил шестьдесят семь новых стихотворений.

Верлен вовсе не был против своего нового союза с Ванье, так как тот гарантировал ему если не покой, то по крайней мере финансовое благополучие. Также он наконец отдал себе отчет в том, что все издатели стоят друг друга и что Морис Баррес был прав, когда писал ему 28 декабря 1888 года: «Если у него (Ванье) есть недостатки, то дело тут скорее всего в том, что у других вместо них пороки... Нет ни одного издательского дома, где расчеты проходили бы просто и где отношение к новым клиентам было бы иным, нежели раздражительным»^[573].

Да уж, раздражения было столько, что Савин удостоился, вместе с Леоном Блуа, места в аду в сборнике «Инвективы»:

Да кто ж не знает месье Савина,
Кто тот малец?
Ведь он уродец с прекислрой миной,
К тому ж подлец.

Ужасно любит скандал устроить
Он денег ради^[574].

Глава XXI

УДАЧИ И НЕУДАЧИ. ЛЕЧЕНИЕ В ЭКСЕ

(январь 1889 — февраль 1891)

*Я отбившаяся от стада овца, которую нашел
хозяин.*

*Поль Верлен, из письма Казальсу от 21
августа 1889 года*

Вернемся к Верлену и Казальсу, которые влачат жалкое существование в Гранд-Отель де Насьон на улице Сен-Жак.

Внезапный сильный приступ парализовал Верлена, так что он не мог даже ходить. Против собственной воли ему в спешном порядке пришлось вернуться в Бруссе (палата «Паро», койка номер 1). Там он оказался рядом с «хроническими» — или неизлечимыми — больными, к которым по нескольку раз на дню навевались врачи в сопровождении учеников. Некоторые, как утверждает Верлен, были любезны и внимательны, но другие — «ужасные, отвратительные, прямо кошмар! грубые позеры, которые обращаются с больным ну просто как с заключенным»^[575]. К счастью, д-р Шоффар и г-жа Триоле, дежурная по палате «Паро», были очень предупредительны с ним. Верлену было очень приятно снова увидеть Нуво и Делаэ, но ничто не могло избавить его от тоски и излечить его жгучую ревность. Записки Верлена, адресованные Казальсу, дают представление о том, как ужасно страдал поэт: «Прости меня еще раз... Я действительно *ревнив*, ревнив, как тигр, который мог бы быть ягненком... разгневан нашей прекрасной и благородной дружбой, которая навсегда останется моей последней *человеческой* страстью» (12 января 1889 года). Именно тогда Верлен сочиняет длинное послание своему другу, начинающееся так: «О мой Казальс, мой самый близкий друг...^[576]»

По настоянию Казальса Верлен впоследствии изменил первые слова: «О друг сердечный, самый близкий друг...»

Поэт пытается проанализировать свои чувства. Стихотворение полно признаний, отрицаний и недомолвок: любовь Верлена — это крайнее проявление братских, материнских и отцовских чувств, «почти любовь, и плотская почти», но все они чистые, святые, благородные, они

раскрываются навстречу дневному свету. И он добавляет эти неожиданные слова: пускай Христос

...который нас создал,
Простит и сжалится над сим ужасным миром^[577].

Ну разумеется, — любое чувство у Верлена было отчасти мистическим.

Верлен испытывал страстное желание поскорее выйти из больницы, чтобы снова встретиться со своим «старшим братом», проживающим в гостинице на улице Сен-Жак, и это несмотря на то, что он совсем не представлял себе, как справится со своими финансовыми проблемами, ведь он должен денег сестрам Тьерри, Ранвуазе, хозяину гостиницы, Тарле, хозяину ресторана, где он обедал, и к тому же не имеет возможности купить себе даже самый простой поношенный костюм, без которого ему никак не обойтись. Да, необходимо как можно быстрее выйти из больницы, чтобы больше не видеть ужасного толстого интерна^[578] Гранмезона, которого он так ненавидит. О нем Верлен так пишет в «Инвективах»:

Господину доктору Гранм..., больничному интерну

Ты был жесток
И бесчеловечен.

...Ты был груб и сух,
Как удар дубины...

...Так будь же проклят,
Гнусный пухлый палач!

Гранмезон был действительно очень толст, коллеги называли его «Просторной конурой» и «Спичкой»^[579].

Между тем нашего поэта однажды посетил Морис Баррес и предложил оплатить его проживание в каком-нибудь подходящем отеле до тех пор, пока он не выздоровеет. Соблазнительное предложение, ведь так Верлен получил бы возможность оказаться поближе к улице Сен-Жак. Поразмыслив немного, он согласился.

Верлен собирался покинуть Бруссе, когда статья Лепеллетье в «Эхе Парижа» от 12 февраля 1889 года снова привлекла внимание общественности к тому, что такого великого поэта, как Верлен, оставили в больнице без средств.

Появление этой статьи после великодушного поступка Барреса очень раздосадовало его.

В конце концов выбор Барреса пал на отель «Лиссабон» на улице Вожирар, дом 4, в двух шагах от бульвара Сен-Мишель. Верлен поселился там 21 февраля 1889 года. В этом отеле останавливались Гамбетта, Жюль Валлес, сам Баррес, а также известные врачи и адвокаты — и даже наделавший много шума убийца (Лебье). Управляющая отелем, Мари Агреш, очень достойная и добродетельная женщина, была без ума от поэтов, так что Верлен без особых усилий смог завоевать ее расположение, написав мадригал по случаю ее именин. Родители Мари Агреш, проживавшие вместе с ней, очень уважали «господина Верлена». За хозяйским столом собиралась очень разношерстная публика — священник, одна испанка, служащий бюро находок, Реймон Мегриэ — писатель и, по совместительству, медиум и графолог^[580], не говоря уж о других, не менее живописных личностях, таких, как Ален Дево, которого называли «убийца», потому что какая-то испанка однажды хотела его убить, или Анри Шолен, который всегда одевался, как протестантский пастор, но старался вести себя как хулиган, анархист и пьяница. В этом отеле требовали еще большей строгости в одежде, чем в отеле «Руайе-Коллар»; и все же Казальс и Ле Руж несколько преувеличивают, называя отель «светским монастырем»^[581]. Так что Верлен не лгал, рассказывая доктору Жюльену (май 1889 года, в письме), что ведет очень серьезную жизнь. Возобновились «среды», но уже с меньшим размахом: вечера не пользовались большим успехом, и Верлену приходилось самому приглашать на них друзей и товарищей.

Именно тогда, весной 1889 года, двадцатилетний швейцарский скульптор Огюст де Нидерхаузерн, по прозвищу Родо^[582], «такой кругленький, такой искренний» юноша, по выражению Верлена, сделал несколько бюстов Верлена и медальонов с изображением поэта^[583]. Это был талантливый скульптор, но дарование его было неровным: хотя некоторые наброски ему и удавались, окончательные варианты бюстов выглядят тяжелыми, страдальческими. Скульптору так и не удалось выразить импульсивность характера Верлена.

Бюст, выставленный в Люксембургском саду (1911), являет нам

уродливое чудовище. Конечно, Верлен не был красив, но взгляд его компенсировал все недостатки внешности. И как раз об этом взгляде каменная карикатура Родо бессильна дать нам представление. Это не лицо человека, это мрачная, тяжелая маска. Сам Верлен не очень-то высоко оценивал работу своего друга. «Что скажут обо мне мужчины и женщины будущего, увидев эти тяжелые черты?» — спрашивает он в одном стихотворении из «Посвящений». Вероятно, они подумают, что изображен «недоброжелательный человек», но оценят талант скульптора.

Казальс навещал Верлена чаще, чем сам поэт навещался в Гранд-Отель де Насьон. К тому же «младший брат» чувствовал себя не очень хорошо, у него был флюс. Верлен с удовольствием помог ему лечь в Бруссе. Так что примерно 10 мая 1889 года Казальс отправился в больницу. За несколько дней до этого наступил очередной кризис в их отношениях. «Решительно, — писал Верлен Казальсу, — мы должны видеться как можно реже. Наши характеры, если не наши души, несовместимы». Этот разрыв поверг Верлена в пучину отчаяния. Ему было тяжело ходить, но он не мог позволить себе поехать в Бруссе в фиакре. Возвращение нищеты поставило его перед лицом неумолимой реальности: свободная жизнь закончилась. Так что же, он обречен всю оставшуюся жизнь мыкаться по больницам и лишь несколько месяцев в году жить по-человечески? Наконец, его окончательно выбило из колеи известие о смерти в тулузской больнице его дорогого друга, блестящего Жюля Телье. Брюшной тиф свел его в могилу всего за несколько дней — как и Люсьена. «Эта смерть, — говорит Верлен, — напомнила мне обо всем...»

Это были тяжелые дни: поэт предавался мрачным мыслям и мучился ревностью. Он страдал оттого, что Казальс сочувствует ему меньше, чем его подруги — сеньора Дона Андре, Марироза, Баттерфляй, Лили и другие. Но самым ужасным испытанием были коварные и оскорбительные разговоры некоторых «доброжелателей», которые, в лицо или за спиной, насмехались над дружбой Верлена с молодым художником. «Не обращай внимания, — пишет он Казальсу 31 мая 1889 года, — есть, знаешь ли, злые люди, даже в „Скапене“ и „Франциске I“». Верлен знал, кто его враги, он постоянно встречал их, были они и в Бруссе. Например Триоле, который каждый раз, увидев, как Верлен пишет в соседнем с больницей кафе, бросал на него насмешливые взгляды: «У него такой вид, как будто он надомной издевается!» Все это очень расстраивало Верлена. «Милый мой, — пишет он Казальсу 20 июня 1889 года, — меня постоянно преследуют, постоянно строят мне козни, упрекая меня за мою чистую — такую чистую! — дружбу к тебе. Я никогда не скрывал, что у меня к тебе

„страсть“, а мои приступы ревности, приступы злобы (последние, впрочем, бывали у нас обоих) — только безусловные ее доказательства. (...) Одним словом, нас хотят разлучить!»

Казальс тоже был раздражен, но совсем по другой причине. Какую роль все эти сплетни отводят ему? За кого его принимают? Не один раз, чтобы пресечь клевету, он собирался порвать со своим старым другом. Однако чувствительность Верлена вызывала у него жалость, и если он не совершил решительного шага, то только потому, что не хотел причинить поэту боль. Каждый раз врожденное благородство брало верх в последний момент.

А Верлен, казалось, потерял рассудок. Ведь собрался же он, не имея гроша за душой, в конце мая 1889 года написать завещание в пользу Казальса! В этом ценном документе поэт обнажает душу, признает, что он человек капризный, полный дурных мыслей, но при этом добрый, благородный, искренний и «беспредельно любящий».

В это же время в жизни Верлена снова появляется Эстер-Филомена. В конце письма к Казальсу от 5 июня 1889 года мы находим ее инициалы: «Прошу тебя от имени Э. (sive[584] Ф.) найти и вернуть ей фотографию ее покойного брата».

Тем временем Казальс, находившийся в больнице, не испытывал никакого чувства вины, от скуки сочинял веселые элегии в честь санитарок и писал «Послание в форме баллады от Автора его друзьям, чтобы призвать их навестить его в Больнице, где он находится в изгнании». Вот с какими словами он обращался к «друзьям»:

О гранды, наденьте парадные фраки,
Гурьбой навестите вы Замок Бруссе,
И тем докажите, что все это враки,
Что помните вы о своем Казальсе^[584].

Любопытный контраст с несчастным Верленом, который страдает и занимается самокопанием!

«Это ужасно, — стенает он, — и если бы не ты, мне пришлось бы умереть, ведь только тобой одним я все еще живу! Когда я пишу тебе, я раскрываю тебе всю свою душу!»

Терпение Казальса было на исходе. В начале июля 1889 года между ними произошел спор о литературе. Казальс продолжал быть убежденным декадентом и, подобно Бажю, де Плесси и Дюбю, считал, что декаданс —

это революционная эстетика, новое воплощение искусства и жизни (немного позже в таких же выражениях будут говорить о сюрреализме). Верлен же, наоборот, считал «декадизм» мальчишеством, а декадентов — «обитателей заоблачных высей» и «рыцарей с серебряным щитом» — лишь молодыми фатами. И вообще он больше не хочет слышать о Бажю, этом претенциозном тупице и ко всему прочему антибуланжисте! да и о Дюбю — этой редкой язве!^[586] Ему все это осточертело! Теории и стиль декадентов «источают зловоние», как сказал бы Мольер (из письма Казальсу от 2 июля 1889 года). Художник проявил благоразумие и не рассердился, за что Верлен был ему премного благодарен:

«Ты нашел решение для всех наших конфликтов — доверие! Итак, с нашими „драками“ покончено. Наконец-то!»

Тем временем Верлену все меньше нравилось жить у суровой госпожи Агреш. Он не мог свободно принимать у себя всех, кого хотел. В частности, вход в его комнату был запрещен для женщин. Ну это было уже слишком! Вероятно, Филомена стала однажды жертвой чрезмерной стыдливости хозяйки, так как 26 июня 1889 года Верлен сообщил Казальсу, что встречался со своей подругой у Ранвуазе, то есть в Гранд-Отель де Насьон. «Я чуть было не рассердился», — пишет поэт в своих воспоминаниях^[587], а это значит, что он просто рассвирепел. Даже четыре года спустя ярость его не утихла. «Черт бы побрал мамашу Агреш, — писал он Казальсу 5 декабря 1893 года, — она так со мной обошлась тогда, что я по сию пору не могу забыть. Да что уж вспоминать!» Но тогда ему пришлось проглотить обиду, потому что он прекрасно отдавал себе отчет в том, какие несчастья может повлечь за собой его выдворение из отеля.

Тем не менее однажды он не побоялся нарушить запрет, чтобы устроить маленький забавный спектакль. В июне 1889 года Верлена предупредил о своем визите Анри Боссан, поэт и издатель, который взял на себя публикацию «Посвящений». Он приехал из Анноне (департамент Ардеш), чтобы подготовить репортаж в «Галльских анналах». «Делегат для встречи с Верленом» (так называлась его должность) очень хотел узнать, правду ли говорят о том, что Верлен — женоненавистник. Гнушается ли он прекрасным полом? Окружает ли себя целым двором любимчиков? Этот славный малый хотел узнать всю правду.

Ну что ж, он все узнает! Когда журналист вошел в комнату Верлена, он с изумлением обнаружил одетого в халат поэта в обществе двух очаровательных дам (тайно пробравшихся в комнату) в легком дезабилье. Боссану был оказан самый любезный прием! Ох уж эти парижане... и

парижанки!

На страницах «Галльских анналов» Боссан рассказал о своем визите в стихах. Это понравилось Верлену. Отношения между поэтом и журналистом, и без того неплохие, стали просто прекрасными. Боссану была даже оказана честь: Верлен сделал его адресатом одного из сонетов «Посвящений».

Верлен не давал покоя доктору Жюльену и в конце концов добился своего: 8 июля 1889 года он снова лег в больницу Бруссе. Его поместили на койку номер 31 в палате «Лассег». В той же самой палате на койке номер 24 лежал и его дорогой Казальс. Палата представляла собой небольшую комнату с десятью кроватями, окна выходили на кольцевую железную дорогу. В семь часов утра приносили суп, а в десять колокол возвещал о начале врачебного обхода. Когда доктор Шоффар проходил мимо кровати Верлена, он никогда не забывал напомнить сопровождавшим его интернам и студентам, что этот больной — самый великий католический поэт века. Некоторые снисходительно соглашались, другие же пожимали плечами. После обхода больные могли вставать с постели и идти гулять, надев обязательный голубой больничный халат. Верлен выходил почитать газету или пройтись с Казальсом по галереям. Во время обеда друзья соревновались, кто больше сделает комплиментов, иногда, впрочем, довольно нескромных, санитаркам, которые везли из кухни тележки с едой. После обеда они вместе отправлялись в сад выкурить трубочку или две. Но вскоре приходили первые посетители, и им приходилось возвращаться в палату. Тогда палата «Лассег» превращалась в подобие салона, в котором не хватает стульев. На немногих добытых креслах сидели дамы — Рашильда, Филомена, почитательницы, которые приходили навестить Верлена и приносили фрукты и лакомства. Когда поток посетителей иссякал, Два друга тайком пробирались в соседний кабачок, а когда возвращались обратно к ужину, от них сильно пахло спиртным.

Верлен пользовался в больнице исключительной привилегией: он мог зажигать крошечную керосиновую лампу на столике у кровати. Поздно ночью, когда тишину нарушали лишь стоны и храп соседей, Верлен сидел на кровати, положив на приподнятые колени доску, и писал на листах с заголовком «Органы социального обеспечения»: «Я в больнице, как бенедиктинский монах».

Когда Верлена и Казальса отпускали из больницы после обеда, два друга, как школьники, отправлялись «выдоить» луидор или сотню-другую

су у Ванье, а потом шли в кафе, а потом в другое... так что к концу вечера оказывались у «Франциска I», и по количеству блюдечек, выстроившихся на столе, окружающие могли судить о щедрости издателя с набережной Сен-Мишель.

Казальс рассказывал об одной такой вылазке. С утра друзья выпросили «деньжат», а потом отправились выпить аперитив с Викером и Мореасом. Затем последовал обильный обед, по окончании которого Верлен решил сбежать от двух своих обожателей, молодого и остроумного Люсьена Юбера (потом он станет министром юстиции) и Жозе Тьерри, который в то время был юрисконсульт в «Меркюр де Франс», и заявил, что у него назначена встреча с женщиной. Казальс должен был выполнить несколько поручений Верлена, и они договорились встретиться в четыре часа в кафе «Франциск I». Однако Казальс смог прийти только в пять. Верлен нервничал.

— Ты опоздал, и мы теперь не успеем вернуться!

— Ну, это было бы не очень хорошо по отношению к Шоффару, ведь он нам доверяет.

— Ну что ж, мы вернемся пешком, а то у меня не осталось ни гроша!

Дождь давно уже собирался и наконец пошел, когда Верлен и Казальс оказались у кафе «Клозери де Лила»^[588]. Что ж, это прекрасный повод на полчаса остановиться в этом славном заведении. Но небо было против них; они не прошли и ста метров, как снова начался ливень. Пришлось зайти в маленькую пивную, которую держал старик-эльзасец.

Ах! Мец!.. Страсбург!.. Мы еще покажем этим немцам!

Поток патриотического красноречия Верлена не иссякал.

— Нам уже давно пора, — робко вмешался Казальс и дернул Верлена за рукав.

— Да ладно, — ответил Верлен, — мы все время приближаемся к Бруссе, медленно, но верно.

Когда друзья снова отправились в путь, новый ливень застиг их на площади Данфер-Рошро. Так что им снова пришлось остановиться. А через час Верлен, который пьянел от минуты к минуте, отказался покидать кафе.

— Но это не серьезно...

— Серьезно или нет, но Я НЕ ВЕРНУСЬ! — сказал он, стуча тростью об пол.

— Ну что ж, — бросил Казальс, — значит, вернется только один человек, и этим человеком буду я!

И он направился к двери.

Но Верлен немедленно присоединился к нему, ведь чтобы идти более или менее прямо, ему было необходимо опираться на руку своего друга.

Пробило восемь часов, когда Верлен и Казальс, промокшие и обессиленные от усталости, подошли к забору Бруссе. Они рассчитывали, что смогут проскользнуть незамеченными, но сторож отказался открыть ворота. Только после долгих переговоров Верлену удалось убедить его проявить человечность. И вот два нарушителя порядка, завершает свой рассказ Казальс, стараясь производить как можно меньше шума, добрались до кроватей и юркнули под одеяла ^[589].

Сорок дней, которые Верлен провел в больнице, стали для него «изысканным сном», полным беззаботности, горячей сердечности, в атмосфере мальчишества, искренности, целомудренной, но суровой.

Еще когда Верлен ложился в больницу, доктор Шоффар посоветовал ему полечиться в Экс-ле-Бене ^[590]. Это, конечно, было бы прекрасно, но где найти деньги на дорогу и пребывание? Верлен прибег к помощи старых друзей, в частности Лепеллетье, и путешествие стало возможным. Перед самым отъездом, 15 августа 1889 года, доктор Жюльен прислал поэту пятьдесят франков и дал ему указания, что нужно сделать по приезде. Сначала следовало отправиться к доктору Гийяну, врачу из больницы в Эксе, которого известили о приезде Верлена и который готов был предоставить ему ночлег на первую ночь. Затем поэт должен пойти к докторам Монару и Казалису, которые все для него сделают. Казалиса, кроме того, предупредил о приезде поэта его друг Малларме. Доктор и сам пописывал стихи, и даже опубликовал — под псевдонимами Жан Лагор и Жан Казелли — несколько сборников (Книга небытия, Иллюзия).

Отправляясь в путь, Верлен выучил эти указания наизусть. Он выехал рано утром 19 августа. Потом он долго ехал до Масона, где нужно было делать пересадку на поезд в Экс-ле-Бен. На каждой станции поезд стоял так долго, что у пассажиров вполне хватало времени утолить жажду в буфете, и можно не без оснований предположить, что, пересекая Бургундию, Верлен почтил своим присутствием Бон, Нью-Сен-Жорж и другие престижные заведения. Так что к пяти часам вечера, когда поэт подъезжал к Масону, от пятидесяти франков доктора Жюльена оставалось не так уж и много. Поезд на Экс уходил только поздно вечером, так что у Верлена оставалось достаточно времени, чтобы побродить по городу и осмотреть тополя, растущие по берегам Сены. Во время прогулки Верлен набрел на бюст Ламартина и поприветствовал его «как поэт поэта». Об

этом эпизоде Верлен написал Казальсу, сидя в каком-то кафе, и добавил, что доберется до Экса лишь поздно ночью.

Когда он наконец прибыл в Экс, была уже кромешная тьма, и Верлен не решился беспокоить доктора Гийяна или искать отель, так что он отправился в какое-то кафе, где играл оркестр, да и заснул там в углу. На следующее утро, проснувшись в шесть часов, он обнаружил, что кошелек его пуст. Он немедленно отправил следующую записку Казальсу: «Друг мой, отправляйся в Шануар и скажи, чтобы мне *быстро* послали денег. Я нищ, как церковная крыса. Напишу, когда смогу. Попробую как-то выкрутиться (сейчас 6 утра!). Главное — напиши мне. Можно в больн. (то есть больницу. — П. П.). Жму твою руку».

Потом он пошел проветриться. Шел мелкий дождь, и без того ужасное настроение Верлена становилось все мрачнее и мрачнее. Выглядел он неважно — человек в мятом потертом пальто, в шляпе «с неопределенными полями» — так, что по меньшей мере «не внушал доверия». К полудню он набрел на какую-то гостиницу:

— Комнату.

— Комнат нет, — ответила хозяйка.

Верлен не обратил на ее слова внимания, как глухой, и тяжело поднялся по лестнице. Когда через некоторое время он спустился, хозяйка сказала, что позовет полицию.

— Ну же, мадам, зовите, — сказал Верлен и уселся в кресло, но лишь после того, как испросил на это разрешение.

Приехал комиссар полиции и без церемоний начал допрашивать поэта. Верлен достал из кармана свои рекомендательные письма, представлявшие его в самом лучшем свете. Тут же посыпались извинения и сожаления.

— Я решила, что он вор, — сказала смущенная хозяйка.

Комиссар настоял на том, чтобы проводить Верлена к доктору Гийяну. Доктор был очень любезен, пригласил Верлена на обед и предложил остановиться в его доме, пока тот не устроится в больнице. Начиная со следующего дня доктор собирался хлопотать об этом.

После обеда Верлен отправился к доктору Казалису, но так как доктора не оказалось дома, оставил ему следующую записку: «Поэт Верлен ходатайствует о поступлении в здешнюю больницу на лечение (меня рекомендовал доктор Жюльен!). Могу ли я встретиться с вами? Когда? Где? Возлагаю надежды на больницу, потому что очень беден. Зайду к вам и представлю вам записку Малларме. Кроме того, мы уже однажды с вами виделись» ^[591].

Вернувшись домой, Казалис тотчас же отправился на поиски Верлена. Радужные ожидания превзошло все ожидания — солидарность поэтов в те дни не была пустым звуком. Больница? Об этом не может быть и речи. Верлен будет жить в городе, совершенно бесплатно. Для Экса большая честь принимать у себя великого поэта, и в ход будет пущено все, чтобы избавить Верлена от забот. Вскоре доктор организовал подписку среди богатых курортников, чтобы поэт мог получить комнату в семейном пансионе.

Верлен даже заработал пятнадцать франков, рассказав драматическую историю своего приезда в газете «Авенир д'Экс-ле-Бен» (номер от 8 сентября 1889 года). Поэт отослал несколько номеров со статьей друзьям. Малларме очень развеселил этот остроумный рассказ.

«А в конце письма я расскажу вам забавную историю, — писал Малларме Гюисмансу 29 сентября. — Вы знаете, что я рекомендовал доктору Казалису Верлена, который отправлялся в Экс. Он приехал пьяный, попал в полицию и привлек внимание всего города. Представьте себе его появление в серьезном городе, полном курортников-англичан».

Вскоре после приезда Верлена глубоко взволновало грустное известие о смерти в ночь с 18 на 19 августа (1889 года) Вилье де Лиль-Адана, который был болен уже не первый месяц. Жорж Роденбах написал о покойном статью в «Фигаро» от 20 августа, Верлен же посвятил этому свидетелю своей юности, своему дорогому другу прекрасный сонет:

И ты от нас ушел, как солнце сходит в море... [\[592\]](#)

В сознании Верлена возникла странная мысль о сходстве судеб автора «Будущей Евы» и своей собственной: тот же идеализм, та же неприспособленность к миру, та же нищета, то же мужество. Бедный Вилье, вот он похоронен на Батиньольском кладбище, в двух шагах от родителей. Эти меланхолические размышления привели Верлена к необходимости трезвого анализа своих поступков и душевного состояния. «Я стал, — пишет Верлен Казальсу 26 августа, — более последовательным христианином». Он признает свое падение и не скрывает, что пьянство усугубило его страсть к разврату. И вот вывод: «У меня женская душа, и это многое объясняет».

Благодаря доброте доктора Казалиса Верлен обосновался в пансионе Эритье, на улице Муксье, недалеко от лечебницы. Он занимал простую, хорошо убранную комнату, с зеркалом над камином, вокруг которого он повесил три портрета Казальса, один портрет Люсьена Летинуа, один —

художника Мариуса Мишеля и два собственных портрета работы Казальса и Эстоппе. Владелица пансиона была любезна, ее сын вежлив. За хозяйским столом Верлен подружился с богатым итальянцем из Генуи Боццони, — если бы не его сигары, поэту было бы нечего курить, — его женой и их сыном и еще с несколькими пожилыми дамами, «которые так и сыпали забавными историями». Простота этого здорового и «патриархального» существования быстро вернула поэту душевное равновесие. «Во мне появилась какая-то серьезность», — сообщил он Казальсу вскоре после приезда в Экс в письме от 21 августа. Он с удовольствием гулял, болтал, ходил по воскресеньям на мессу, а еще чаще слушал вечернюю службу, с радостью внимая «простым и торжественным псалмам Давида». Короче говоря, казалось, что он решил стать добродетельным. По вечерам он читал молитвы — он называл это «исполнять мои маленькие обряды». Это был практически Верлен времен Стикни.

Поэт вставал в пять часов, проходил водные процедуры под сильными струями горячей сероводородной воды, ему делали массаж, а потом он возвращался отдохнуть. Не кривя душой, он мог написать доктору Гийяну:

Да, душ, постель, еда три раза в день.
Режим суровый, но вполне по мне.
Я следовал ему, как за идущим — тень ^[593].

Потом Верлен отправлялся на прогулку. Улицы городка шли то под гору, то в гору, так что поэту приходилось идти медленно. Он проходил мимо виллы Генриха IV и парка протестантской церкви. Свежий воздух заменял ему аперитив.

Верлен в Экс-ле-Бене. Рис. П. Верлена.

Верлен писал Казальсу (письмо от 24 августа): «Здесь я превратился в настоящего обжору». После обеда он отправлялся с визитами или ходил по делам: скульптор Жан Буше очень хотел сделать с него бюст, а Эмиль Блемон, который проводил каникулы на вилле недалеко от Экса, всегда был рад принять его у себя. Но чаще Верлен просто беседовал со своими врачами, он называл это «болтать с моими *dottori* ^[594]». Доктор Гийян представил его «Кружку», где его окружили заботой. И эта жизнь человека известного очень нравилась ему.

Естественно, Казальс был в курсе всех его дел. Пейзаж, как писал

Верлен Казальсу, напоминал Буйон его детства, а иногда Борнмут, только без моря. Верлену всегда удавались пейзажные зарисовки:

«Береты, повозки, запряженные коровами. Итальянский говор. Люди очень добры или кажутся таковыми, а это значит, что по меньшей мере на три четверти они в самом деле добры».

А это описание церкви в Эксе, не стоит ли оно любой открытки? «Здесь есть полуготическая церковь, очень плохо отреставрированная, похожая на чудовище: солома, гипс, а внутри на стенах полустертая мазя, все немного обвалившееся, прихрамывающее, камень, шифер и цинк, округлые и заостренные очертания, колокольня с галереей, в общем, полный кошмар»^[595].

В парке, перед скульптурой, изображающей пастуха Ганимеда, уносимого орлом Зевса, Верлен размышляет — любопытная ассоциация — о библейских героях, вознесшихся на небо: Илии, Енохе, Деве Марии. Тогда он пишет, обращаясь к Казальсу, как если бы это его уносил орел:

О, мальчик мой, останься с нами!
Я так, тебя увидя, рад!
Нас поцелуй, утешь словами,
Ведь ты — ведь ты наш младший брат!^[596]

Верлен утверждает, что у него ни разу не было лишнего франка, чтобы поехать в омнибусе на озеро Бурже, но тут он, очевидно, преувеличивает. Однако доподлинно известно, что «Авенир д'Экс-ле-Бен» выплатила ему пятнадцать франков за статью лишь за несколько дней до его отъезда. «Я, видимо, не увижу ОЗЕРО, придется отложить это на следующий год», — сообщает Верлен Казальсу 12 сентября 1889 года. Курортников (англичан, итальянцев, в большинстве своем монахов) становилось все меньше. Сезон заканчивался. Если результаты лечения не проявились сразу, то обязательно проявятся, если лечение продолжать. На открытке, изображающей больного, которого массируют два мускулистых малых, Верлен пишет^[597]:

Меня массировали мощно,
Ми, фа, соль, ля, си, до, ре, ми,
И в душ водили — это точно!
Но все ж я болен, черт возьми!^[598]

Казальс отправил Верлену денежный перевод на обратную дорогу в Париж. Друзья договорились встретиться 15 сентября в одиннадцать часов пятнадцать минут на Лионском вокзале. Перед тем как вместе пойти в «Шануар» или «Фигаро», они пообедали, как и собирались, у мамыши Алермоз, на улице Моро, и выпили кофе у Шози.

На следующий день Верлен снова поселился в палате «Лассег» (койка номер 31) в больнице Бруссе. Каникулы закончились. Увы, Казальс выписался, и Поля никто не навещал. «Я ужасно скучаю, — пишет он одному другу 20 сентября 1889 года, — я бы даже сказал, тоскую. За последнее время я уже второй раз привык к сладкой жизни, а потом снова оказался на бобах!»

У Казальса было время подумать и принять необходимые решения: нужно избегать слезливых сентиментальных излияний старого поэта, постепенно отдалиться от него и наконец прекратить всякое литературное сотрудничество с ним. Верлен в очередной раз вызвал раздражение Казальса, когда, находясь в Эксе, попросил у своего друга разрешения посвятить ему балладу «очень туманную, очень эзотерическую», рефреном которой были бы слова:

Король среди мужчин и принц среди женщин.

Казальс не позволил. Это было чересчур.

Но если у Верлена больше не было друзей, то в Бруссе у него был враг — вместе с ним лечился Леконт де Лиль. К счастью, они оказались в разных палатах! Узнав, что Верлен оказался его соседом, автор «Варварских стихотворений» произнес следующие любезные слова:

— Верлен? А! так он все еще жив! Значит, он и не умрет никогда! Разве что на эшафоте...

Но черт с ним!

У Верлена и так было достаточно неприятностей с соседом по койке, неуживчивым человеком, бродягой, в насмешку прозванным «Амуром», который постоянно ругался на «знатных господ», к которым приходили посетители в цилиндрах. А еще он нападал на так называемых непонятых поэтов, которые, безусловно, пользуются покровительством сильных мира сего. Поскольку этот скрытный и злой субъект не знал, что бы еще такое придумать, чтобы сделать жизнь Верлена невыносимой, поэту пришлось однажды применить силу, чтобы сосед отстал от него. «Амур» примолк, но по-своему отомстил поэту, рассказав персоналу и больным, что Верлен —

вонючий клерикал, грязный буланжист, который наживается на страданиях народа за счет Республики.

Верлен пожимал плечами, потому что с давних пор знал, что, по выражению Бальзака, только человеческая глупость может дать представление о бесконечности.

Все эти неприятности угнетали Верлена, один лишь успех его произведений составлял радость поэта. Почти одновременно в издательстве Ванье вышли в свет новые издания сборников «Мудрость» и «Параллельно», уже давно анонсированные. Верлену было очень приятно, что два столь разных сборника вышли одновременно, ведь он, по его собственному признанию, причащался то Богу, то дьяволу. Сборником «Мудрость», как и следовало ожидать, восхищались, в то время как выход сборника «Параллельно», самого бодлеровского из сборников поэта, вызвал настоящий скандал. Для того времени это была очень смелая книга («разнузданно-сладострастная», как писал Шарль Донос). Сборник открывается облаком черной ненависти к Матильде, которую Верлен называет «незрелой девкой», «глупой гусыней», «отвратительной мерзавкой». Она одна несет ответственность за то, что автор встал на дурной путь и стал подобен обломкам кораблекрушения, влекомым по волнам нищеты. После воскресших сапфических «Подруг» появляется полк девок, рыжих, блондинок и брюнеток, доступных, высокомерных или пугливых. Мари Гамбье с воодушевлением играет роль принцессы Рукиной. И наконец, как обычно, автобиографические фрагменты (Монсская тюрьма, путешествия с Рембо, приключения в Аттиньи и т. д.) сбивают читателя с толку и придают сатанический оттенок этой последней большой книге Верлена. «„Параллельно“ — это праздник радости, легкости и возвышенности», — пишет Малларме Верлену 11 октября 1889 года. Успех сборника был бы еще больше, если бы известный гравер Фелисьен Ропс, специализировавшийся на эротике, сдержал свое обещание и согласился изготовить для фронтисписа задуманный им офорт, изображающий сфинкса-андрогина, сурового и загадочного. Если Ропс этого не сделал, то, вероятно, потому, что разругался с Ванье. Но подробности этой истории так и остались невыясненными ^[599].

У Верлена имелись в запасе и другие произведения, еще более смелые, опубликовать которые можно было только тайно. По его просьбе, Патерн Берришон предложил их бельгийскому издателю Кистенмекеру за кругленькую сумму в тысячу франков. Увы! на маленький сборник под названием «Ни о ком», изданный под именем Пабло де Эрланьеца, был

сразу же наложен арест, а тираж уничтожен (книга была впоследствии опубликована в Англии под названием «Женщины»). Это продолжение рассказа о давних и недавних любовницах Верлена: мы можем узнать Эстер — добрую и простую уличную девку, ее подругу Эжени — «настоящую бой-бабу», Риту — «мою девочку» и, под именем «моей маленькой соотечественницы», Клементину Тейзен, родом из Люксембурга, которая сойдет с ума, узнав о смерти Верлена ^[600].

Хотя с точки зрения финансов эта непристойная рукопись принесла автору лишь семьдесят пять франков ^[601], она подарила ему нечто гораздо более важное — дружбу и покровительство графа Робера де Монтескью, которому Верлен предложил экземпляр сборника для личной коллекции, так как последний славился своим интересом к произведениям, находящимся на грани пристойности. Граф в принципе согласился принять книгу, но Верлен не смог передать ему «Ни о ком», потому что Эстер и ее любовник Лакан завладели рукописью.

За первым письмом Верлена графу от 13 июня 1890 года последовали другие, похожие одно на другое: срочные просьбы денег, а также выражения благодарности, иногда и стихи.

Этот аристократ, утонченный декадент, с несдержанным и сложным характером, был в 34 года уже знаменит, хотя ничего не опубликовал. В его окружение входили Малларме, Эредиа и Бурже. Он был в значительной мере обязан своей популярностью Гюисмансу, который представил его публике в романе «Наоборот» в образе Жана Флорессаса Дезессента, а своей посмертной славой он будет обязан Марселю Прусту, который вывел его в образе барона Шарлюса. Но ни тому ни другому писателю не удалось передать личность Монтескью — дерзкого, сложного, болезненного, острого, обожающего двусмысленности и испытывающего ужас перед скандалом. Много говорили о его нравах, а также его секретаре-перуанце Габриэле Итурри, похожем на жителя Антильских островов, который следовал за Монтескью, как тень.

Граф Монтескью был типичным поэтом конца века, с вычурным, до крайности цветистым стилем. Граф подчеркивал свою страсть к шикарным безделушкам, редкостным диковинкам, полутонам.

В своих воспоминаниях Монтескью давал понять, что жалел Верлена, «этого бедного поэта, трогательного, как выброшенный на берег корабль» ^[602]. Но граф не решался признаться в том, что восхищался Верленом, и нередко, вплоть до самой смерти, приходил утешать его в больницу и меблированные комнаты, где тот жил. Быть может, эта тайная

благотворительность была лучшим достижением бесплодной жизни графа Монтескью.

Только выход в свет и успех стихов радовали поэта в те дни. Во всем остальном его преследовал злой рок.

Со времени публикации «Любви» в мае 1888 года Верлен разыскивал следы своего сына Жоржа, чтобы послать экземпляр сборника, который был ему посвящен. Он занимался поисками сам и просил помочь друзей. Он обращался к Малларме, доктору Жюльену, Казальсу, Жермену Нуво (который служил помощником в лицее Жансон-де-Сайи с декабря 1888 года, как раз тогда, когда там учился Жорж).

Когда Верлен лечился в Эксе, Казальс указал ему на заслуживавший внимания след. По словам Эммы, жены Шарля де Сиври, ребенок находился, вероятно, на каникулах, в Лизьё^[603], на улице Пуан-де-Вю. «Как было бы чудесно, если бы мы смогли найти Жоржа!» — писал Верлен Казальсу 7 сентября 1889 года и добавил, что возобновление знакомства с сыном поможет преодолеть в его душе двух демонов, «пьяницу и другого — худшего!».

Что делает Жорж в Лизьё? Благоразумно ли писать ему? Следят ли за его перепиской? Неизвестно. Верлен решился написать сыну только по возвращении в Париж. Ответа он не получил и жаловался Малларме: отчего это молчание? «Равнодушие это или внушенная антипатия, глупость или страх видеть отца в больнице — или письмо просто перехватили? В любом случае, — заключает Верлен, — мне нанесли еще один удар... Но в этом вся моя жизнь!»

Малларме ничего не мог ответить, а о Жорже долго ничего не было слышно.

Вскоре поэту был нанесен еще один удар. Газета «Эхо Парижа» организовала большой поэтический конкурс с призовым фондом в 1000 франков (две премии по 500 франков) — и Верлен был уверен, что выиграет, потому что большинство в жюри составляли его друзья — Малларме, Арман Сильвестр, Катулл Мендес и другие, не исключая и председателя — Теодора де Банвиля. Тысяча франков — полгода безбедной жизни! Воодушевленный Верлен отправил в газету длинное стихотворение из шестнадцати четверостиший, написанное в Эксе. Оно называлось «Франция». К этим патриотическим стихам прилагался рассказ под названием «История одного взгляда», довольно посредственная волшебная сказка. Для того чтобы получить первый приз, нужно было набрать пять голосов, но Верлен получил только четыре и не прошел по конкурсу. Малларме попытался провести его вне конкурса и дать возможность

получить приз в пятьсот франков, но оказалось, что вне конкурса рассматриваются только стихи, присланные анонимно. Победителем стал Эфраим Михаэль (настоящее имя Жорж Мишель), двадцатипятилетний выпускник Национальной школы Хартий, который умер через несколько месяцев после конкурса.

«Какая неудача для вас, — писал Малларме Верлену, — я так огорчен».

Нужно признать, что стихотворение было не очень удачным: оно представляло собой страницу надутых риторических оборотов и инвектив, которые не понравились жюри. Мораль была та, что настоящий гражданин должен быть горд и счастлив умереть за Францию.

Верлен считал, что потерпел фиаско из-за враждебности Леконта де Лиля, пристрастности Катулла Мендеса и лицемерия журналиста Бертоль-Гревия, который уже сослужил ему когда-то дурную службу.

И для человека, и для поэта это был очень тяжелый удар.

«Это одна только подлость, а не оскорбление», — написал Верлен немного позже (27 января 1890 года) Жану Мореасу.

Так и закончился 1889 год, в горечи и почти полном одиночестве. Но ведь лето-то было прекрасное!

Если Казальс нечасто навещал поэта, то в больнице все старались сделать его жизнь как можно более приятной. Так, Верлену разрешалось принимать посетителей не только в установленные дни. Что касается визитов, то Верлен с наибольшим нетерпением ожидал свежую и любящую Филомену, которая всегда приносила с собой много цветов и маленьких подарков. Мысли Верлена в то время занимали не только его бедность, но и стремление выставить эту бедность напоказ в прессе («Перо» от 15 декабря 1889 года, «Светило» за февраль 1890 года и т. д.). Верлен тайно попросил Малларме походатайствовать, чтобы министерство народного просвещения выделило ему субсидию. Малларме ответил ему 4 февраля 1890 года, что человек, «у которого были неприятности с правосудием»^[604], не имеет никаких шансов получить субсидию. Рембо все еще преследовал его...

И вот в этот период, когда Верлен находился в крайнем отчаянии, его навестили два молодых незнакомца, Андре Жид и Пьер Луй. Произошло это 9 января 1890 года; обоим было примерно по двадцать лет. Молодые люди пришли посмотреть на Верлена как на достопримечательность.

«Какая нищета, — рассказывал Пьер Луй в „Стихах и прозе“. — Он лежал на железной кровати, на грязных грубых простынях, откинувшись на тощую подушку, и читал „Непримиримого“^[605]. На голове у него был

хлопчатобумажный колпак неопределенного цвета, из-под которого на толстую шею падали прямые пряди седых волос. На теле у него была надета рубаха из грубой ткани, помеченная большими буквами Б.Б. (Больница Бруссе. — П. П.). Спереди рубаха была расстегнута и открывала жирную, покрытую такими же седыми волосами грудь».

Верлен говорил с ними о «Любви», «очень суровой книге, которая будет полной противоположностью книге „Параллельно“». В тот момент он правил гранки «Сатурновских стихотворений» и извинялся в новом предисловии за то, что представляет читателям это юношеское произведение. Луй и Жид были под сильным впечатлением. Они сказали Полю Валери, как потрясен был несчастный смертью своей матери, и автор «Очарований» сочинил сонет и посвятил его Верлену. Это была «последняя мысль бедного поэта», в которой говорилось о его одиночестве в «ужасном городе».

Верлен выписался из Бруссе 19 февраля 1890 года. У него было достаточно средств, чтобы прожить несколько месяцев. Он искал тихую комнату в Латинском квартале, чтобы иметь возможность принимать там каждую неделю друзей, писать стихи и статьи с воспоминаниями. Он решил поселиться в отеле «Мин» на бульваре Сен-Мишель, дом 125, в комнате номер 4. Гостиница находилась в спокойном и приличном (но не более того) доме. Возобновились собрания по средам, но уже не такие шумные, как на улице Руайе-Коллар. Это нравилось Верлену, потому что он решил теперь жить более тихо и уединенно.

По вторникам он иногда отправлялся на улицу Ром, к Малларме. Анри де Ренье^[606] изобразил его в кресле-качалке со стаканом грога с лимоном. «Внезапно он нахмуривается. Неприятная гримаса искажает его лицо. И вот он уже полон ненависти и недоверия. Потом Малларме что-то говорит, и лицо Верлена проясняется. Он смеется, шутит, подтрунивает над Мореасом и несколько раз с видимым и наивным удовлетворением повторяет только что придуманную шутку^[607]: „Мореас, mediocritas^[608]! Мореас, mediocritas!“» От этих вечеров остался сделанный Верленом рисунок — силуэт Малларме, курящего трубку, похожего на элегантного и решительного фавна.

Верлена видели по субботам на вечерах в «Золотом солнце», в обществе студентов и певцов. Он смеялся и смешил своих почитателей каламбурами и остротами:

— Ну что ж, дети мои, когда я помру, не забудьте в некрологе написать, что декадентский конец этого века имел своего святого

Франциска де Сада и своего святого Антония Легкононого!

Но в «Прокопе» и во «Франциске I» его видели озабоченным: в марте открылась подписка на «Посвящения», и поначалу все шло очень удачно, однако вскоре заявки прекратились. Верлен говорил о безалаберности, мошенничестве, обвинял Казальса в неделикатности, и когда он бил кулаком по столу или стучал тростью по полу, к нему было опасно приближаться.

Примерно в это время его пришел навестить один студент, бывший ученик покойного Жюля Телье, Гюстав Ле Руж. Он привел с собой двух товарищей, подающих надежды поэтов. Они немного нервничали, потому что Ванье, давая адрес поэта, предупредил их, что Верлен — «странный тип». Молодые люди ожидали, что Верлен живет в страшной трущобе, и поэтому поначалу удивились, оказавшись в простеньком, но приличном отеле. Комната находилась в самом конце коридора. «Поэт лежит одетый на кровати, а его трость и фетровая шляпа — рядом с ним на подушке». Верлен встретил молодых людей как искушенный философ: остерегайтесь друзей, потому что многие из них эгоисты, особенно женщин, которые обкрадывают вас, а потом бросают. «Только враги вас не бросят, да, уж это не отцепятся! Вы молоды, но жизнь вас всему научит!» Ле Руж и его друзья пригласили Верлена пообедать с ними, и он предложил пойти в одно кафе на улице Аббе-де-Леппе. Там они ели капустный суп, антрекот с луком-шалотт и запивали эти блюда простым руссильонским вином. Трапеза завершилась кофе и водкой. Верлен пригласил молодых людей заходить еще.

«Он тщательно записывает наши адреса, — пишет Ле Руж, — огрызком карандаша на полях старой газеты и обещает вскоре дать о себе знать» ^[609].

В другой раз вечером, когда Верлен ужинал «в компании» (вероятно, с Эстер) на террасе одного ресторана, какой-то худой молодой человек с грустным лицом спел романс и подошел попросить денег. Поэт дал ему два су, а потом узнал в нем своего знакомого по Венсенской больнице, больного туберкулезом. Бедняга, жизнь которого проходила между больничной койкой и ночлежкой, не ел уже несколько дней. В порыве щедрости Верлен предложил приютить его в своей комнате в отеле «Мин», но молодой человек отказался из страха, что заразит его. Впрочем, он согласился пообедать и взять немного денег. Верлен начал хлопотать, чтобы больного приняли в больницу Бруссе. Немного позже Верлен снова встретился с ним в Бруссе, а еще через некоторое время этот молодой

человек снова оказался в Венсенской больнице. Больше Верлен не получал от него никаких известий: вероятно, он умер так же тихо, как и жил.

Конечно же объявилась Филомена, жадная до подарков, ласковая, обольстительная и невероятно своевольная. Верлен обожал ее сильный характер и с наслаждением покорялся ей. Одним из первых приказов, который она дала своему любовнику, был приказ расстаться с Казальсом. Верлену было легко это сделать, потому что молодой художник довольно редко появлялся у него — к большому огорчению поэта^[610]. Дело было в том, что Казальс не мог выносить Эстер, да и она не любила его. Уже 28 августа 1889 года Верлен говорит об их разногласиях. «Что насчет доброй Эстер, с которой ты ведешь себя, как безжалостный Артаксеркс?» — спрашивает он у Казальса. С тем же письмом поэт отправляет другу рисунок, на котором изображены Казальс-Артаксеркс и Эстер-Эсфирь, простертая у его ног.

Возможно, в отсутствие Верлена Казальс из деликатности отверг ухаживания красотки, что было непростительным проступком в ее глазах. Что же касается Казальса, то он считал Эстер вульгарной. Если художник не появлялся в доме поэта, то из страха, что Верлен попросит его (как это уже однажды произошло) следить за своей подругой и узнавать, кто у нее бывает. А роль доносчика была Казальсу отвратительна.

Разрыв, к которому стремились обе стороны, произошел в июне 1890 года. 10-го числа Верлен написал следующую записку неизвестному адресату: «Я прошу вас сказать Ф.-О. Казальсу, чтобы он переслал мне вещи, доверенные ему на хранение на время моего пребывания в больнице. Будьте также любезны попросить его, чтобы он больше не приходил ко мне»^[611]. Несколькими днями позже Казальс получил от Верлена записку, написанную очень сухим тоном, с требованием вернуть книги, автографы и фотографии (среди них одна фотография Рембо), которые находились у поэта.

Ирония судьбы: в это самое время вышли «Посвящения», в предисловии к которым было сказано, что портрет автора, выполненный Казальсом (и выгравированный Морисом Во), был написан в прошлом году в больнице: «Благодарю художника и друга в счастье и несчастье».

Но Верлен не испытывал сожаления. Этот Казальс — сомнительный тип. В письме к Лепеллетье поэт ссылается на «глупость и подлость одного из организаторов печально известной подписки в „Пере“, устроенной для того, чтобы получить «заём».

Когда у Верлена снова закончились деньги, у него остался один выход

— лечь в больницу.

На этот раз это была больница Кошен в предместье Сен-Жак. Произошло это 19 июня 1890 года.

Письмо от одного студента, уроженца Нанси, Жюль Натана (он же Жюль Ре), заставило Верлена насторожиться: он учился в Жансон-де-Сайи. Может быть, там он был знаком с Жоржем? Он тут же пригласил молодого человека к себе. Жюль Натан так описывает поэта: «Он шел по больничному саду и охаживал тростью кусты, очень высокий, прямой, шел военной походкой, унаследованной от капитана инженерных войск — его отца. И эта походка инвалида являла собой яркий контраст с его хлопчатобумажным колпаком»^[612]. Верлен и Натан стали друзьями.

Но неудачи продолжались. Так как поэт жаловался, что не может поехать на лечение в Сен-Оноре-ле-Бен в Ньевре по совету главного врача, скульптор Анри Шапю, член Института, тайно попросил министра народного просвещения выделить субсидию в размере трехсот франков^[613]. Но Верлен не смог получить денежный перевод (всего лишь на двести франков), потому что находился в Венсенской больнице. Так что деньги отослали обратно отправителю.

Когда Верлен выписался из больницы, у него не было ни денег, ни крова. Он бродил по улицам.

Случайно его встретил Пьер Луй:

— Где вы живете?

— Я не живу, — ответил Верлен, — я ночую.

Все его состояние составляло один франк 10 сантимов.

— Только что официант в кафе отказался налить мне выпить, — добавил он, — потому что я плохо одет. Он сказал мне, чтобы я отправлялся за помощью в службу социального обеспечения...^[614]

Единственное, что ему оставалось, — снова лечь в Бруссе (палата «Лассег»). Койка, на которую его поместили — номер 27 бис, — имела дурную репутацию: на ней еще ни разу не умер ни один больной. Поэтому Верлен не хотел ложиться на нее из страха стать первым. Но едва Верлен об этом заявил, как пришло известие, что человек, занимавший койку, умер.

Верлен вошел в палату вскоре после того, как больной испустил последний вздох.

«Ни красив, ни уродлив, честно говоря, ничего особенного. Длинный и узкий предмет, завернутый в простыню».

Привезли носилки на колесах, чтобы забрать «сверток», и Верлен заметил с мрачным юмором, что ему надлежит лечь в «еще холодную

постель» мертвеца.

И вот он остался один. С сожалением вспоминает он о декадентах былых времен, приходивших послушать его. К счастью, соседнюю кровать вскоре занял его друг, Фернан Ланглуа, такой же бедный, как и он сам. Ланглуа подсказал поэту хорошую мысль:

— Тебе следовало бы опубликовать сборник твоих лучших стихов, но не у Ванье, конечно, а, например, у Фаскеля.

Верлен сразу послал Фелисьена Шансора к Ванье и попросил принести по одному экземпляру каждой своей книги. Письмо поэта к Шансору от 19 ноября 1890 года интересно одним в нем замечанием: «В понедельник Карьер с ходу написал мой портрет».

Эжен Карьер пришел по просьбе Шарля Мориса. Этот портрет мгновенно стал знаменит. В нем сочетаются реальность и воображение, и если он не слишком точен («Карьер написал меня похожим на обессилевшего Христа», — говорил Верлен), то все же в нем есть что-то необыкновенно привлекательное. ореол нереальности вокруг образа поэта налагает на картину печать вечности, в то время как реалистический портрет изобразил бы Верлена таким, каким он был только в определенный день и час. «Точность, — любил повторять художник, — это еще не истина»^[615].

Естественно, когда Ванье узнал о проекте издания «Избранных стихотворений», он запротестовал. Ему принадлежат права на все произведения, и, если потребуется, он сможет это доказать в суде. Поэтому, как только Верлен выписался из больницы, он отправился улаживать это дело с издателем. Однако результатом их встречи стал скандал. Но нет худа без добра, потому что, выйдя из лавки Ванье, Верлен помирился с Казальсом. Эту сцену описал Люсьен Адресси^[616]: возбужденный, красный от гнева, Верлен размахивал тростью и клялся прикончить мошенника, когда увидел Казальса. Тогда, забыв, что поругался с ним, поэт обратился к художнику:

— Мой принц! Это просто позор!

— Позор? Что?

Верлен рассказал, в чем дело.

— Не уступай ему, — ответил Казальс, — продолжай то, что задумал.

— Но Ванье устроит скандал!

— Ну и что ж, если он устроит скандал, пригрози ему, что отнесешь все к Савину или Шарпентье!

Это был хороший совет. Верлен последовал ему, и 20 декабря 1890

года подписал контракт с издателем Фаскелем. Книга вышла в июне 1891 года. В ней было триста шестьдесят страниц, ее украшала литография Карьера, и, кроме уже известных стихотворений, в нее вошло несколько ранее не изданных. Книга имела успех. После смерти Верлена ее переиздали с предисловием Франсуа Коппе.

Но в то же время в жизни поэта произошли и неприятные события.

Покинув Бруссе, Верлен поселился в отеле «Монпелье» на улице Декарта, дом 18, где Филомена-Эстер снимала комнату. Это был средней руки отель, который держал некий Лакан по прозвищу «Американец», грубый человек, возможно, сутенер красоты.

Однако в скором времени Верлен сообщил Ванье, что живет в Батиньоле, в отеле «Био»^[617], на улице с тем же названием. Что же произошло? Седьмое стихотворение «Элегий» помогает нам восстановить ход событий. Эстер получила обратно своего Поля, но тем не менее не собиралась расставаться со своими любовниками, так что поэт страшно ревновал. Тогда, чтобы отомстить, он стал, не таясь, встречаться с «грязетками»^[618] из Латинского квартала (он хвастался, что провел двадцать ночей с разными женщинами!). Верлен не показывался у Эстер и наивно полагал, что сможет проучить любовницу. Однако наказал он только самого себя. Тогда Верлен, пристыженный, вернулся на улицу Декарта. Вероятно, впоследствии он совершил еще одно бегство, теперь на улицу Моро, дом 7, потому что именно туда он вызвал Казальса 9 января 1891 года, когда у него случился тяжелый приступ ревматизма в левой руке. Пускай друг придет и доставит его в Бруссе! Но в конце концов Верлен сам отправился в больницу Сен-Антуан; его поместили в палату «Биша», маленькую комнату с большими окнами, смежную с другой, большой, которую врач, узнавший в новом пациенте поэта, назвал палатой декадентов. Пребывание в этой больнице было для Верлена очень приятным, несмотря на присутствие усатого африканского легионера, который, услышав, как Верлен говорит о Боге, назвал его «попом»; но этот тип не был злым, он удовлетворялся тем, что распространял слухи о том, что Верлен — священник-расстрига или бывший монах-картузианец.

Неприятный случай нарушил его спокойствие. Чтобы отблагодарить Верлена за его хвалебную рецензию на «Страстного паломника» в «Искусстве и критике», Жан Мореас предложил Верлену председательствовать вместе с Малларме на большом банкете в ресторане «Маргери» 2 февраля 1891 года. Однако 25 января Верлен получил приглашение на банкет, который должен был состояться в Зале

ученых сообществ под председательством Стефана Малларме! А он остался за бортом! Можно представить его ярость после этой подлости «Эха Парижа». Мореас свалил все на оплошность легкомысленного секретаря, а Малларме пообещал извиниться за «сопредседателя» (Верлен ему писал: «Расскажите, что у меня ревматизм, что я скоро вылечусь, только не нужно говорить о больницах, это уже начинает раздражать!»). За десертом Малларме произнес тост «за дорогого отсутствующего Верлена, за дружественные искусства, за прессу и за меня...».

Банкет Мореаса обозначил конец символизма, который сам Мореас назвал «переходным феноменом» в журнале «Ревю андепандан». Но поскольку не существует такой литературной школы, которая, умирая, не возрождалась бы, вскоре родились Истинная школа, Вечная школа, Романская, верная греко-римской эстетике, средиземноморскому солнцу, ясности, мере и совершенству формы. Нужно сказать, что Символизм, захваченный вагнерианской бурей, впал в бессвязность и исступление. К сожалению, у Мореаса во всем было только три последователя: Шарль Морра, Реймон де ла Талед и Эрнест Рейно. Верлен развлекался этим разнообразием. И когда Рене Гиль основал Инструменталистскую школу поэтического трансцендентализма, он высмеял заправил этой «школы помешанных» в своих эпиграммах ^[619].

В больнице Сен-Антуан Верлен принимал в основном женщин, в частности Мари Крысинскую, поэтессу и пианистку из «Шануар», на которую Казальс написал следующую эпиграмму:

Она талантлива, как всякий Академик,
И даже в прозу — да! — стихи перелагает ^[620].

По четвергам приходила Филомена, одетая, как приличная женщина, в пальто и шляпу, и старалась вести себя достойно и даже чопорно, что плохо вязалось, как говорит Делаэ, с ее кошачьим ищущим взглядом ^[621]. Он заваливала своего дорогого больного цветами и лакомствами, без конца целовала его. Верлен был снова покорен. «Добрая, какая добрая женщина...» — писал он Казальсу 24 января 1891 года.

Да, конечно, он смог бы все забыть и изменить свою жизнь с ней. «Увидишь, какой уединенной жизнью заживу я со своей подругой, — пишет Верлен Казальсу 28 января, — и какое у нас будет чудесное хозяйство, как я буду работать, а с литераторами вовсе перестану

общаться».

Впрочем, если бы он действительно хотел изменить свою жизнь, ему нужно было бы последовать примеру своего друга. Казальс заключил гражданский брак с Мари Кране^[622]; женился он на ней гораздо позже, в 1912 году. Мари была простая женщина, прачка. Прежде она была служанкой и родила ребенка по имени Фернан от своего хозяина, капитана артиллерии. Она была веселая и добрая, любила танцевать и петь и делала это легко и грациозно. Она была идеальной женщиной в представлении Казальса. Все уважали ее и звали «госпожа Мари» или «Мари в цветах».

Верлен давно ее знал. С лета 1889 года он время от времени спрашивал Казальса, как поживает «мисс Мария», а иногда просто писал «Ave Maria». Все окружающие соперничали друг с другом, осыпая ее комплиментами, соревновались, кто напишет лучший сонет на ее именины, день рождения или на Новый год. Стихотворение Верлена «Марии^[623] ...», посвященное Казальсу, написано в меланхолическом тоне:

Какая грусть!
Какая грусть и нежность в том, что вы в другого влюблены,
Но лишь в другого... меня^[624].

А Казальс, простой и искренний, признается Мари^[625]:

Тебя люблю я и тобой люблюсь,
И все лишь ради сердца одного^[626].

Это, конечно, мило, но не слишком любезно, потому что она была красива.

Глава XXII

ДВЕ ШЛЮХИ И СЛАВА (февраль 1891 — апрель 1893)

*Мне с женским полом не везет —
С тех самых пор, как стал мужчиной.
Все на меня идут лавиной
Одни лишь истерички. Вот.*

Поль Верлен «Песни для нее»^[627].

Выписавшись из Сен-Антуана в феврале 1891 года, Верлен лишь частично воплотил в жизнь намеченное. Он собирался начать «совместную жизнь» с Филоменой, но удовольствовался тем, что поселился в том же отеле. Лакан, сутенер, о котором мы уже говорили, взял Верлена под свое покровительство.

— Господин Верлен — великий поэт, — повторял он, — и тот, кому вздумается поднять на него руку, будет иметь дело со мной.

Эстер и Лакан старались перещеголять друг друга в услужливости, чтобы выдоить из Ванье больше, чем был способен сделать Верлен. Можно догадываться, что любовь к литературе лишь частично была поводом к подобному участию с их стороны — известность поэта не могла оставить сутенера равнодушным, ведь заработок «господина Поля» в конце концов, не без участия Эстер, оказывался у него в кармане.

В марте 1891 года журналист Поль Юре, проводивший исследование по истории литературы, беседовал с Верленом во «Франциске I». Верлен, по его словам, выглядел престарелым демоном с густыми взъерошенными бровями и пронизывающим взглядом зеленых глаз. От вопроса, что такое символизм, Верлен аж подскочил:

— Символизм?.. Не знаю... должно быть, это немецкое слово.

Не прошло и минуты, как он уже кричал:

— Они меня безумно раздражают, все эти цимбалисты и их нелепые выходки! Сейчас сочиняют тысячестопные стихи! Это уже не стихи, это проза, а иногда просто тарабарщина. И к тому же это не по-французски, нет, не по-французски! Это называют ритмическими стихами! Но мы не

Греки и не Латиняне! Мы — французы, черт возьми!

С декадентами Верлен обошелся не менее сурово: «Быть декадентом в действительности значит быть никем. Это просто вопли и лозунги, ничего больше».

Публикация исследования Жюля Юре дала Малларме возможность высказать свое глубокое почтение Верлену, «великолепному Верлену, прекрасному человеку и не менее прекрасному писателю. Ведь в нашу эпоху, когда поэт находится вне закона, единственно возможная позиция — это принимать все беды с достоинством и смелостью».

Через некоторое время один журналист из «Парижской жизни», проводивший исследование о кризисе любви в конце века, в свою очередь решил узнать мнение Верлена. Он нашел поэта у Шопинетта (погребок в «Дофинских Альпах»). Из удалства «самый современный поэт века» не нашел ничего лучше, чем превознести греческую любовь, как он говорил, сократовскую — из удалства, а также потому, что его вновь одолели куломские демоны. Он занимался тогда работой над сборником «Мужчины» (издан посмертно), в пару к сборнику «Женщины». Г-н Антуан Адан рассудительно замечает, что если в 1884 году Верлен освобождался от любви к Люсьену Летинуа, то в 1891 году он освобождается от затаенной страсти к Казальсу. Но эта вторая страсть имела характер исключительно рассудочный, связанный с увлечением черной магией. Уже летом 1891 года Верлен хвастался в одной статье, что он поддерживает связь с «Повелителем Преисподней — Fiat Nox^[628]!..» Именно тогда поэт из Хильверсюма^[629] К. Биванк, находившийся в Париже проездом, нашел, что Верлен очень увлечен сатанизмом, который тогда был в моде. Дух романа Гюисманса «Там, внизу» преследовал поэта: черные мессы, осквернение просфор^[630] и т. д. Верлен хвастался своему собеседнику, что совершил в действительности или по крайней мере мысленно все смертные грехи. Он также рассказал, что раньше, причащаясь, испытывал физическое наслаждение, но это прошло: «В последний раз, когда я причащался, я почувствовал себя очищенным от всех своих грехов, но в тот же вечер... Нет, нет, я этого недостоин»^[631].

Но вскоре черная туча, нависшая над Верленом, рассеялась.

Мы уже упоминали, что самым большим желанием Верлена было увековечить себя в качестве драматурга — как это сделал Коппе. Он написал лишь две пьесы, «Одни и другие» в стиле «Галантных празднеств» и «Мадам Обен». И вот, благодаря Рашильде и Шарлю Морису, его первую пьесу ставят на сцене театра «Водевиль» во время празднеств в честь

Гогена, организованных Полем Фором, директором театра «Либр». Билеты на этот парадный спектакль стоили двадцать франков. В нем принимали участие величайшие артисты того времени: Коклен-младший, г-жа Згон-Вебер, Люнь-По и другие. Была издана роскошная программка, иллюстрированная Рошгроссом и Ари Ренаном. 19 мая 1891 года, накануне торжественного вечера, Поль Фор вручил Верлену сто франков и несколько приглашений. Многообещающее начало. Праздник был великолепен: весь литературный и артистический Париж был в сборе.

Сначала трагик Дамуайе прочитал «Ворона» Эдгара По в переводе Малларме. Потом сыграли коротенькую легкую комедию Верлена с Маргаритой Морено в роли Розалинды. Зрители приняли пьесу хорошо. Затем декламировали стихи Гюго, Банвиля, Ламартина, сыграли пьесу Метерлинка «Непрошенная», «Херувима» Шарля Мориса (она, впрочем, провалилась) и, наконец, последовала феерия Катулла Мендеса «Полуночное солнце» с декорациями Гогена.

На следующий день Поль Фор сообщил Верлену (его видели в антракте в кафе «Америкен», рядом с театром), что на организацию праздника была потрачена большая часть выручки. Как это было гадко! К чему роскошная программка, оборудование для сцены, костюмы и парики для единственного представления, ведь последующие представления могли бы принести доход?

Верлена разыграли в полном смысле этого слова. Поэт рвал и метал: «Берегитесь прибыли! Моя прибыль оказалась убытком!» («Франция» от 25 мая 1891 года, «Французский курьер» от 28 июня)^[632]. Чтобы успокоить Верлена, Марсель Швоб организовал сбор пожертвований в пользу поэта в «Эхе Парижа». Это мероприятие принесло Верлену сто франков и публикацию «Одних и других» в виде брошюры в издательстве Ванье, что в свою очередь дало еще сто франков.

Правда, неизвестно, держал ли Верлен эти деньги в руках, ведь он внезапно прогнал Филомену, через которую общался с Ванье. Своему издателю Верлен дал знать, что отныне от него будет приходиться «маленькая женщина», г-жа Эжени Кранц, которой он полностью доверяет.

Эта женщина была не только маленькой, но и уродливой. Делаэ говорил про нее так: «Ростом с сидящую собаку, страшна, как смертный грех». Если когда-то, во времена Второй империи, она и пользовалась каким-то успехом, то причиной этого были молодость и задор. Сейчас же ее курносый нос и ушедшая в плечи голова не являли собой ничего привлекательного. У Бюлье Эжени Кранц приобрела некоторую

известность под именем Ники Мутон благодаря своим кудрявым волосам. Ее портрет даже как будто печатали в «Парижской жизни». Она танцевала на сцене «Шатле», была статисткой в массовых сценах. Бросив искусство, Эжени стала содержанкой. Ходили слухи, что она была знакома с Жюлем Валесом, Гамбеттой, поэтом Фремином и министром Эрнестом Констансом (впоследствии послом), которого Верлен прозвал «говночистом» из ненависти к его яростному антиклерикализму. В 1891 году, разменяв четвертый десяток, Эжени Кранц остепенилась, в то время как ее подруга Эстер (Филомена), настоящая кокетка, занималась прежним делом. Эжени зарабатывала на жизнь шитьем жилетов на дому для «Бель Жардиньер». Свою мансарду на улице Паскаля она содержала в образцовом порядке.

Верлен познакомился с Эжени через Филомену. Она уже давно была его любовницей^[633]. В 1889 году в стихотворении из сборника «Женщины» он назвал ее «настоящей бой-бабой»^[634].

Весной 1891 года Верлен, отвергнув Филомену, посчитал забавным изменить ей с ее же лучшей подругой, назвав это в «Песнях к ней» фарсом.

Фарс, однако, превратился в драму.

Филомена была родом с севера, легкая в общении, свежая, смешливая, чувственная, вспыльчивая, но не злопамятная. Она была в глубине души доброй и сентиментальной. Она любила хорошо одеваться, поэтому ей нужно было много денег. «Если у тебя есть деньги для меня, — писала она Верлену, — то я приду, а если нет, то не приду»^[635]. У нее были любовники, которых она любила, и любовники, из которых она тянула деньги, что очень усложняло ее жизнь. Верлену нужна была женщина, которая была бы одновременно любовницей и подругой.

Эжени не нужно было много денег, зато она была скупа. Здравомыслящая, расчетливая, злопамятная, иногда очень злая, она была в то же время женщиной аккуратной и экономной. Верлен как раз в этом и нуждался, чтобы вести размеренную жизнь, работать и не слишком много тратить.

Обе женщины привязались к поэту, так как его имя было достаточно известно. «Я бы хотела, — писала ему Эжени, — чтобы ты был божественным поэтом, которым восхищается весь мир»^[636]. Обе они очень скоро нашли слабое место Верлена — его потребность в материнской нежности. Эжени хвасталась, что была для него «хорошей маленькой любовницей, верной и послушной, даже больше — хорошей мамочкой». И сам поэт это признавал.

Одна живет фантазиями, другая — исполнением долга. В зрелом возрасте Верлен опять столкнулся, хотя и в иной форме, с конфликтом юности. Когда-то его раздирали на части: с одной стороны Рембо, с его безумным стремлением к свободе, капризами, любовью к приключениям, а с другой — Матильда, воплощавшая собой долг, порядок, социальные условности, чувство уверенности. Теперь Верлен не мог сделать выбор между беззаботной Филоменой и мудрой Эжени. Для душевного равновесия ему нужны были они обе, как когда-то нужны были и Матильда, и Рембо.

Результат получился тот же: «новый крестный путь».

В начале царствования Эжени, в конце июня 1891 года появляется сборник «Счастье», гораздо менее талантливый, чем сборник «Параллельно». Это стихи, но не поэзия, часто тяжеловесные, неуклюжие и выпендренные. Сборник содержит наставления по поэтическому искусству, предназначенное для юного поколения, но его призывы к искренности тонут в отталкивающе напыщенных фразах.

Несколько удачных, ярких мест, например «Любовь к Родине», длинное послание к Казальсу, лишь утяжеляют сборник.

«Тяжелая книга», — говорил сам автор.

В гораздо большей степени неудобоваримая.

В плане чувств новая страсть Верлена уничтожила даже намеки на инакомыслие, теперь главное для него — женщина или, точнее, женщины. Филомена по-прежнему жила в отеле «Монпелье»; можно себе представить, какое осиное гнездо устроил себе Верлен, открыто принимая Эжени. Филомена и Лакан сделали жизнь поэта поистине адской; ссоры следовали одна за другой без перерыва.

Но, несмотря на это, Верлен продолжает писать стихи. За дифирамбами Филомене, оставшимися в прошлом, следуют похвалы Эжени.

Но вскоре все испортилось. Лакан угрожал Верлену выкинуть его на улицу, если тот не погасит задолженность за квартиру, и поэт смог получить отсрочку, лишь передав управляющему 20 июля 1891 года все права на рукопись «Путешествие француза по Франции», которую он ранее обещал графу Монтескью^[637]. Однако 17 сентября, когда Верлен и находившийся у него в гостях двадцатитрехлетний журналист Анри Колен стали вести себя шумно, пришел Лакан и заявил своему квартиранту, что вместо того, чтобы пить, лучше было бы заплатить за жилье. Колен раздраженно заметил, что стыдно так эксплуатировать гениального поэта.

Беседа перешла на повышенные тона, завязалась драка, и в результате Верлена спустили с лестницы высотой в 25 ступенек, как утверждал впоследствии сам поэт в письме к Рашильде^[638]. Вызванный полицейский^[639] сопровождал всю компанию в участок, где Колен подал жалобу на Лакана. Доклад комиссара полиции свидетельствует о том, что в результате этой бурной ссоры г-н Верлен переехал на улицу Декарта, дом 15. Теперь поэт смог немного передохнуть, предаваясь радостям любви с Эжени. Вот как он в тот момент отзывается о своей подруге в письме к Ванье от 24 сентября 1891 года: «Женщина, которая достойна всяческого доверия и которую я очень люблю. Она не дает мне делать глупости, заботится обо мне и моих делах».

Но вскоре, с наступлением зимы, Верлену пришлось хлопотать о том, чтобы его снова положили в больницу Бруссе. «Ревматизм, стенокардия, начальная стадия диабета и конечная стадия сифилиса. Приятная история болезни, не так ли? К тому же, лечение всего этого букета потребует времени», — писал он Габриэлю Викеру 13 ноября 1891 года.

Литературные проекты Верлена были так же многочисленны, как и его болезни. Поэт собирался закончить «Песни для нее» и «Оды в ее честь» и продолжить описание своего пребывания в тюрьмах и больницах. Юный студент-медик из Арденн, бывший ученик коллежа Нотр-Дам в Ретеле, Анри Ларденуа, встретил Верлена в больнице. Тот, одетый в синий халат, предписанный уставом, сидел за столом, заваленным книгами и бумагами^[640].

Вскоре, как ни в чем не бывало, появилась Филомена, раздавая цветы, лакомства и поцелуи. Как же Верлен мог ей предпочесть неуживчивую матрону Эжени?!

Вместо маленькой насупленной женщины к Ванье явилась высокая улыбающаяся девушка с письмом от Верлена, подтверждающим ее полномочия получить его гонорар. Она получила все наличные деньги, так что Верлен даже не смог сделать ей подарок. Она ухитрилась выудить у него двести франков и спустила их с Лаканом.

Между тем до Верлена дошли две новости, которые глубоко его опечалили. Первая — известие о смерти Рембо (публикация в «Эхе Парижа» от 7 декабря 1891 года), вторая — о подготовке Рудольфом Дарзансом издания поэтического наследия Рембо в сборнике под названием «Реликварий». Издание, впрочем, еще не было готово. Дарзанс подал в суд на издателя Женонсо, который опубликовал предисловие к сборнику, когда тот был еще в виде разрозненных заметок, и добился того, что на тираж

наложили арест.

Ванье и Верлен увидели здесь неожиданную возможность. Вскоре было объявлено о публикации произведений Рембо с «предисловием Верлена»^[641]. Увы! Через некоторое время сестра Артюра, Изабель Рембо, узнав из статьи в «Арденнском курьере», что ее брат писал хорошие стихи^[642], решила из любопытства их прочитать. Придя в ужас от некоторых стихотворений («Первое причастие», «Зло» и других), она категорически запретила всякую публикацию. «Он сжег в моем присутствии авторские экземпляры „Одного лета в аду“, — повторяла она, — и мы должны продолжить его дело». Верлену хватило ума и терпения дождаться, пока сестра Артюра начнет что-то понимать. Но уход Рембо из жизни стал для него страшным ударом. Адольф Ретте, приехавший навестить Верлена в Бруссе в январе 1892 года, заметил, что тот очень подавлен. «С тех пор, как Рембо умер, — сказал ему Верлен, — он является ко мне каждую ночь во сне. Было в этом мальчике что-то дьявольски обольстительное. Воспоминание о нем пылает в моей душе, как солнце, и я не могу его загасить»^[643].

Вернемся к поэзии, если можно назвать поэзией то, что Верлен писал в это время. В конце 1891 года появились «Песни для нее» (в действительности «для них»), достаточно жалкая смесь чувствительности и пошлости.

И ты пьешь, вот беда, столько, сколько и я,
И я пью, вот беда, еще больше, чем ты...
Когда давишь ты вшей в шевелюре своей
Я от смеха трясусь...^[644]

Седина в бороду — бес в ребро. Вот и все вдохновение.

Несколько лучше был написан небольшой труд в семьдесят шесть страниц под названием «Как я лежал в больнице», изданный примерно тогда же. Это безыскусная и добродушная хроника пансионера дома престарелых, пытающегося смотреть на жизнь сквозь розовые очки.

В начале 1892 года направление творчества Верлена снова меняется. Эмманюэль Синьоре, пылкий двадцатилетний поэт, попросил у Верлена несколько строчек для первого номера своего журнала «Святой Грааль», в котором причудливо сочетались влияние Вагнера и Мореаса и католицистские настроения. Эта просьба пробудила в Верлене целую

лавину образов и чувств, которые он так долго сдерживал в себе: Вечная Франция, готические соборы, крестовые походы, Красота, Поэзия и Бог. Этот творческий всплеск породил восемнадцать стихотворений для новой книги «Интимные литургии». В этих стихах больше риторики, чем подлинных переживаний. Формальное искусство пришло на смену живой безрассудной вере.

Одно стихотворение из сборника посвящено Непорочному зачатию. В конце 1892 года Верлен уже не знал, какой комплимент адресовать Филомене, и воскликнул:

Ведь Богоматерь — это ты!

Но тотчас поправился:

Нет, ты не дева, да и я не мальчик,
И до Святой Марии далеко
Тебе...

19 февраля 1892 года поэт заявил Ванье, что, по его мнению, «Литургии» ничуть не хуже «Мудрости», только исполнены в другом тоне.

В минорном.

Выписавшись из Бруссе 20 января 1892 года, Верлен устроился у Филомены в отеле «Дерен» на улице Сен-Жак с твердым намерением жить отныне тихо и спокойно. Увы! Их совместной жизни скоро пришел конец из-за дикой сцены ревности. Филомена хотела быть свободной, а так как ее старый любовник претендовал на исключительные права, то она выставила его за дверь. Это происшествие не имело бы серьезных последствий, не перевези Верлен к своей красавице дорогие книги, рукописи, бесценные сувениры, а также свои личные вещи. Все это Филомена забрала себе, на что Верлен отреагировал взрывом ярости. Для начала ветренная красавица получила записку, в которой говорилось: «Я настаиваю, чтобы мне переслали по почте портрет матери и другие вещи, несмотря на то, что требует твой новый любовник или твой грязный сутенер. Черт возьми. П. В»^[645]. Затем хозяин отеля получил письмо следующего содержания: «Просьба вернуть мне немедленно мои вещи, находящиеся у вас. Что касается г-жи Эстер и ее любовника, то они перестали мне нравиться, и я

буду вынужден жаловаться или самостоятельно добиваться правосудия»^[646].

К счастью, Казальсу удалось забрать почти все сокровища Верлена и отвезти их к Ванье^[647].

8 марта 1892 года на банкете в «Пере» Верлен встретился с Жюлем Ренаром^[648]. Трудно представить себе более разительный контраст: жизнерадостный, экспансивный, простой в обращении Верлен и Ренар — сухой, жестокий и язвительный. Портрет Верлена, который Ренар дал в своем «Журнале» (номер 1, с. 114) стал очень знаменитым. «Отвратительный Верлен — Сократ и Диоген одновременно. В нем есть нечто от собаки и от гиены. Весь дрожа, он падает на стул, который кто-то ему подставляет... Он похож на бога-пьянчужку... голова, как обломок строительного камня» и т. д.

Из-под злого пера могла выйти лишь злая карикатура. Леон-Поль Фарг точно заметил: «Несомненно, появление пьяного, беспокойного и сварливого бродяги не могло не шокировать этого человека, так заботившегося о своей бороде неудавшегося полковника и о манжетах учителя начальных классов. Верлен просто-напросто был выше его, и он, возможно, это почувствовал»^[649].

В любом случае те, кто общался с Верленом, не испытывали к нему такого презрения, граничившего с отвращением. Его считали несчастным человеком, жертвой злого рока, и доверяли ему. Доказательством тому служит подписка в пользу Верлена, организованная 12 марта 1892 года тридцатью шестью писателями и художниками — среди них Коппе, Бушор, Лоран Тайад, Анатоль Франс, сам Жюль Ренар. Каррьер. Эта благотворительная акция была призвана обеспечить поэта ежемесячной рентой, которая в первый месяц составила 180 франков^[650].

Итак, наконец Верлен в одиночестве. Он свободен от Эстер (поэт называл ее Эстер, когда сердился, и Филоменой, когда они мирились) и уже скучает. Однажды — и этот день стал для него роковым — он встретил Эжени, бродившую неподалеку от его дома. Она проявила сочувствие к Верлену, называя его ягненком, избежавшим когтей тигрицы:

— Если ты будешь с ней, то всегда будет повторяться одно и то же: она будет тебя обманывать, и ты будешь несчастен.

Добрая душа, она предложила ему приходить к ней, когда он того пожелает. Но здоровье поэта не позволило ему в полной мере воспользоваться этой милостью. Немного погодя он скромно предложил: давай попробуем жить вместе. Его мучили приступы тоски и тревоги;

опасаясь Эстер и Лакана, он неоднократно менял место жительства: 20 июня 1892 года он дал Эрнесту Рейно свой новый адрес — улица Монтань-Сен-Женевьев, дом 68, но уже 4 июля он сообщил Эмилю Золя, что вернулся на прежнее место, в дом 16 по улице Декарта.

Спокойная и упорядоченная жизнь стала ему необходима, но так как мансарда Эжени на улице Паскаля находилась слишком высоко и была слишком мала, они нашли квартиру на улице Фоссе-Сен-Жак, дом 9. «Мы переезжаем, и это требует денег», — писал Верлен Ванье 8 июля 1892 года.

Но судьба готовила Верлену новые испытания. Меньше чем через месяц ему пришлось из-за абсцесса на ноге снова лечь в Бруссе (палата «Лассег», койка номер 30). Бедному поэту там не было покоя: тифозные больные принимали ванну по четыре раза за ночь!

Чтобы развеяться, Верлен прочитал только что вышедший роман Анатоля Франса «Перламутровый ларец», где поэт выведен под именем Гестаса (это имя носил разбойник, распятый вместе с Иисусом Христом). Зеленые глаза, шишковатый, медного цвета череп, длинные позеленевшие волосы — кто бы его не узнал? «Но он наивен и сохранил святую детскую веру». Лубочный Верлен. С утра до ночи он ходит по притонам, кафе и церквям, то веселый, то погруженный в отчаяние. Однажды, когда пономарь пытается закрыть перед ним двери церкви, Гестас возмущенно восклицает: «Я говорю тебе, что хочу примириться с Богом, черт возьми!» В заключение автор снисходительно замечает: «По легенде, Гестасу было даровано вечное блаженство»^[651].

Верлену эта легенда не понравилась. Раньше он стал бы протестовать, но погрузившись одновременно в разврат и мистицизм, поэт старалсяшний раз не шокировать своих современников утрированным поведением и несдержанными речами. И потом, разбойник, распятый вместе с Христом, которому к тому же обещано вечное блаженство — не тот образ, которого следует стыдиться.

В больнице у него не было возможности избегать встреч с Филоменой, на которую он, надо признать, оказывал своего рода гипнотическое воздействие. Вряд ли дело было в деньгах, ведь их у Верлена было очень мало. Но какая женщина останется бесчувственной к любви знаменитого поэта, который кладет свой талант к ее ногам? Ей достаточно было сказать: «Ты прекрасно знаешь, что в глубине души я люблю именно тебя». И все сразу было забыто.

Тотчас Верлен вновь принялся писать. Возвращению красавицы он посвятил две книги: классические «Элегии» и целомудренный сборник «В

лимбе». «Лимб^[652], — объяснял он, — это больница и посещения Филомены».

Лепеллетье выступил посредником между поэтом и ответственным секретарем «Эха Парижа», и «Элегии» были сразу же напечатаны. Филомена забрала большую часть гонорара, но разве она не заслужила этого, будучи одновременно курьером и музой, вдохновлявшей мастера? К несчастью, в конце августа 1892 года она заболела и должна была сократить количество визитов в больницу. В письме от 2 сентября она, извиняясь, тем не менее напоминает о главном: «Пастарайся палучить пабольше денег, патамушта ани мне нужны (sic). Люблю. Целую. Твоя дьяволица Эстер»^[653].

Она скоро выздоровела, и Ванье вновь увидел ее у себя, снабженную надлежащими документами. Верлен заявлял, что он полностью доверяет этой здравомыслящей, милой и порядочной женщине. Порядочной... Ванье, должно быть, усмехнулся про себя, вспомнив о том, как помогал Верлену вернуть его вещи, конфискованные «воровкой». Самое смешное, что Верлен не испытывал никаких угрызений совести, когда однажды отправил с Филоменой сонет «Мадмуазель Э...», высмеивающий Эжени.

Как Верлен и предполагал, надолго в Бруссе он не остался. 7 октября 1892 года он выписался, гордый тем, что, во время пребывания в лечебнице, к величайшему удивлению других пациентов, приезжал скульптор Гаспари, чтобы вылепить его бюст.

Едва Верлен покинул больницу, в Бруссе с бронхитом лег Казальс. «Дорогой друг, — пишет ему Верлен 18 октября, — извини, что до сих пор не пришел проведать тебя. Я сделаю это, как только смогу».

Как далеки времена былой восторженности!

В это же время Делаэ отправился в Бруссе со своим старым другом Эдмоном Тома, чтобы навестить Верлена, и был очень раздосадован известием о выписке поэта. Его письмо от 5 ноября достаточно любопытно: «P.S. Мои комплименты Эженегритянке или Эстигре, в зависимости от того, о мой капризный султан, какая из красавиц теперь в милости»^[654]. Сам Верлен был бы не способен ответить на этот вопрос. Даже если он и отважился в конце октября в письме к Ванье назвать Эстигру своей подругой, он прекрасно понимал, что жить с ней было невозможно, как, впрочем, и с Эженегритянкой.

Поэтому Верлен и не решился после выписки из больницы вернуться на улицу Декарта, где его сразу же нашла бы «ведьма». Он поселился один, встречаясь то с одной, то с другой, — настоящий султан, как верно заметил

Делаэ. Теперь он жил на улице Сен-Северин, дом 9, в меблированной комнате у некоего Майо, о чем свидетельствует счет, который последний передал Ванье: две недели пансиона, месяц проживания, а также 10 франков на дополнительные расходы ^[655].

Но неожиданное обстоятельство, а именно проблеск мудрости, заставило Верлена предпочесть Эжени, поэта пригласили в Голландию читать публичные лекции, и, чтобы их подготовить, ему нужен был покой. Эжени, предчувствуя существенные денежные поступления, распахнула перед Верленом двери своего дома 9 по улице Фоссе-Сен-Жак.

Все началось со встречи Верлена в конторе Ванье с гаагским издателем Блоком, специализировавшимся на современной поэзии. Блок предложил своему собеседнику прочесть в Голландии несколько публичных лекций о современных французских поэтах и о самом себе. Предложение было тут же принято. Как только в сентябре 1892 года было подписано окончательное соглашение, Блок привлек к проекту нескольких своих друзей: художников Зилкена и Яна Тооропа, поэта Альберта Вервея, молодого эрудита Г.-Ж. Стааля и других. Что касается Верлена, то он решил лучше познакомиться с Голландией, получив с помощью Ванье необходимые материалы.

Месяц спустя, когда программа турне была детально разработана, в Гааге и Амстердаме были образованы комитеты для встречи гостя. Естественно, Верлен потребовал покрыть расходы на поездку в счет будущих платежей, но, опасаясь своих подруг, попросил переслать деньги книготорговцу Шаркорнаку, магазин которого находился на набережной Сен-Мишель рядом с конторой Ванье.

Получив деньги, Верлен пустился в дальний путь.

2 ноября, в День поминовения, оставив Эжени дома, Верлен сел в экспресс Париж — Гаага, отходивший с Северного вокзала. В мгновение ока нищий поэт, привыкший к больницам и меблированным комнатам, превратился, по его словам, в «финансового магната», удобно устроившегося в вагоне первого класса, с зеркалами, коврами, мебелью красного дерева и откидным столиком для письма. В то время не было вагонов-ресторанов, и пассажиры покупали на вокзале Сен-Квентин корзинки с холодным завтраком по четыре с половиной франка.

Верлен как будто снова прожил всю свою жизнь: после грязных пригородов потянулись артуанские поля его детства — широкие пространства, дома из красного кирпича, на вокзалах — речь со знакомым

акцентом. А вот и славные бельгийцы.

— Что там, в вашем чемодане? — спрашивает таможенник.

За окном проплывают рудники, которые они когда-то видели с Рембо, потом пастбища, долины, леса. Остановка — Монс! Высунувшись из окна, Верлен видит розовую крепость — тюрьму, и сердце его сжимается.

А вот и милые голландские пейзажи: водные пространства и пастбища с ветряными мельницами, Роттердам с его грохочущим вокзалом и потом, с наступлением ночи, конечная станция и крики «Den Haag! Den Haag^[656]!».

Немного обеспокоенный, наш путешественник осторожно покидает поезд с тяжелым чемоданом в руке и смешивается с толпой. Но вот кто-то кидается к нему навстречу — это книготорговец Блок, возглавляющий маленькую делегацию, прибывшую встречать Верлена. Поэт сияет от счастья, пожимая протянутые руки, улыбается, благодарит по-французски и по-английски. К нему подходит высокий сухощавый молодой человек, чрезвычайно возбужденный, и представляется: Филипп Зилкен. Вскоре вереница экипажей въезжает в центр города. Там в ресторане уже накрыт великолепный обед с изобилием горьких настоек и голландской водки.

Поместье Зилкена «Вилла Елена» находилось за городом, в районе Биценхаут. Когда Верлен приехал туда, было уже поздно. Г-жа Зилкен, бельгийка, похожая на парижанку^[657], появилась с полуторогодовой девочкой на руках. Это была ее дочь Рене, она только что проснулась. Наш путешественник после обычных комплиментов, не задерживаясь, проследовал в приготовленную для него комнату на третьем этаже.

На следующий день, проснувшись в девять утра, он увидел за окном необычный пейзаж, окутанный туманом: пруды, высокие деревья, лужайки, а вдалеке замок — королевский зимний дворец. Какая тишина! Какой покой!

После плотного завтрака, когда Верлен как раз заканчивал подготовку доклада, появились Ян Тоороп, художник с синей бородой, и поэт Альберт Вервей, автор «Персефоны». Они повели Верлена к Блоку, на Принцерштрат, 17.

Вечером в строгом зале масонской ложи состоялась лекция. «Около сотни человек, среди которых было немало дам и молодых девиц, — пишет Верлен, — встретили меня бурными аплодисментами». Докладчик поклонился и начал речь с вдохновенной похвалы Голландии: «Прежде всего я хочу поприветствовать свободную Голландию, страну, которая была прибежищем для писателей, особенно французских — во времена тирании, хоть и блистательного, но жестокого Людовика XIV». После чего Верлен

заговорил о проклятых поэтах, Корбьере, Малларме, Рембо, завершив свою речь несколькими стихами из своего сборника «Мудрость». Конец явно удался больше, чем начало, да и вообще успех был весьма относительным. Голос у оратора был хриплый, невыразительный, а в начале речи он слишком торопился. Сгорбившись, даже, скорее, съезжившись, он говорил как бы для самого себя, не обращая внимания на крики «Громче! Громче!», раздававшиеся из глубины зала.

Пресса (Dagblad, Het Vaderland и прочие) была менее снисходительной: «Может быть, у господина Верлена и приятный голос, но мы его не слышали». Сам же поэт на следующий день написал Ванье об оглушительном успехе и, опьяненный победой, разрешил тому принять г-жу Кранц, в случае, если она будет нуждаться в деньгах.

В этот же день в пивной поэту представили «божественного молчальника» Виллема Клооса^[658]; печальные и благородные черты этого ученика Шелли поразили Верлена. Затем поэт отправился в Королевскую картинную галерею и с трепетом рассматривал великолепное собрание полотен Ван Дейка, Гольбейна, Вермеера и Рёйсдала.

На второй лекции, посвященной декадентам и символистам, проходившей в том же месте, слушателей было уже меньше, да и слышали они не больше. Затем Верлена повели к Хаверману, художнику, женившемуся на уроженке острова Ява. Каковы же были смущение и обида поэта, когда там его попросили прочесть «Фавна» Малларме!

На следующий день, после пышного банкета в ресторане «Руаяль» (семнадцать приборов, меню на японской бумаге), Верлен отправился на завоевание Лейдена. Этот фламандский город ему понравился, тем более что видел он его ночью, когда улицы были пустынные. Лекция в «Кругу дружбы», в зале, полном студентов и преподавателей, прошла с успехом и закончилась под продолжительные аплодисменты. Однако надо заметить, что один преподаватель по имени Ян Тен Бринк отличился тем, что провозгласил, что не желает находиться в одном помещении с преступником, сидевшим в тюрьме.

После лекции опять были пивные, гостиные, встречи с поэтами и художниками, изысканные обеды, улыбки и рукопожатия.

В Амстердаме все проходило гораздо более торжественно. Студенческая газета «Propria cures» подняла большой шум по поводу приезда Верлена: на всех стенах висели афиши, объявлявшие о приезде «великого французского поэта». На вокзале Верлена встретили цветами и криками «Виват, виват!». Сам Виктор Гюго вряд ли мог бы надеяться на большее. Но вечером, выступая перед всеми этими людьми во фраках, поэт

почувствовал стыд за свой пиджак из грубого сукна, за свою неуклюжесть и хромоту. Лекция оказалась не более и не менее успешной, чем первая. Студенты из обрывков речи, которые им удалось уловить, составили для своей газеты отчет о выступлении «дядюшки Поля».

Работа была закончена, и со спокойной совестью Верлен мог наконец насладиться достопримечательностями Амстердама, в частности кварталом Красных фонарей.

Вернувшись в Гаагу, Верлен, уже в качестве слушателя, присутствовал на публичной лекции мага Жозефина Пела-дана о Тайне, Искусстве и Любви. «Да, у этого моего соотечественника не все дома», — не мог не прошептать Верлен, увидев докладчика в плаще волшебника, фиолетовой блузе и кожаных сапогах. Однако поэт был рад поболтать с магом в ресторане «Руаяль» и восхищался разнообразием его гардероба, так как Пеладан надел на обед черную блузу и бархатные серебристые штаны.

На следующий день, в воскресенье 6 ноября 1892 года, издатель Блок организовал поездку в экипаже к морю в Ше-венинген. Погода стояла великолепная, и день прошел в приятной дружеской обстановке.

Рано утром в понедельник Верлен тепло попрощался с Филиппом Зилкенем, его женой и маленькой дочерью Рене, которую поэт уже называл своей крестницей и, как настоящий дедушка, усаживал на колени, чтобы показать ей альбом с японскими рисунками.

Наш поэт гордился своими победами в Голландии не меньше, чем Людовик XIV, имя которого Верлен не к месту упомянул в своем первом выступлении. Путешествие принесло Верлену девятьсот франков — маленькое, но состояние. С ребяческой радостью поэт показал красивые бумажки Эжени, и ее глаза алчно загорелись. Что же произошло потом? Точно не известно, но через некоторое время Эжени заявила, что деньги исчезли, хотя она их хорошо спрятала, никто не мог их найти...

— Исчезли? Как? Куда?

Можно представить себе изумление Верлена и последовавшую за этим вспышку ярости. Разбушевавшись, он выставил воровку за дверь, угрожая спустить ее с лестницы. Консьержка, испуганная ссорой, вызвала полицию: разъяренного Верлена отвели в участок. «Я — человек, который с триумфом вернулся из Голландии, — с горечью замечает он, — человек, которого бурно приветствовали там, за границей, и я попадаю в полицейский участок на следующий же день после возвращения, даже не выпив ни капли». Это был страшный удар. С диким остановившимся взглядом Верлен блуждал по улицам, как лунатик, неожиданно останавливаясь, чтобы обругать воображаемых прохожих или постучать

палкой по тротуару. Этой же палкой он колотил стаканы мирных посетителей кафе.

— Он сумасшедший. Его надо отправить в психушку! — раздавалось вокруг.

— В психушку? Да это же моя мечта, — заявил Верлен Казальсу, — устрой меня туда.

Он уже видел себя в маленьком домике, одиноко стоящем посреди парка, неизлечимо больного, но безобидного, так что ему разрешают принимать посетителей.

— Ах, — говорил он, — какая будет замечательная визитная карточка:

Поль Верлен
Псих
Приют Святой Анны ^[659]

Естественно, что в доме по улице Фоссе-Сен-Жак он больше не появлялся. Никто не знал, где он бродит. Верлен распространил слух, что он подал жалобу в прокуратуру, но сомнительно, чтобы это было правдой. Верлен знал, что попытка возбудить дело обречена на провал, ведь потаскушка уже наверняка передала деньги сообщнику. Газеты тут же накинулись на эту новость. В «Журналь» от 1 декабря 1892 года можно было прочесть заметку под ироническим названием «Верлен-заимодавец».

«Поэт Поль Верлен в письме, адресованном прокурору Республики, подал в суд на некую БERTУ Н... которая, по его словам, обманным путем выманила у него сначала 600 франков, а затем еще 300. Ведется следствие.

Какой про это можно было бы написать роман! Да их уже не читают, увы».

Из-за своего исчезновения Верлен потерял ренту, которую обеспечивали его друзья (в среднем 140 франков в месяц, итого 1114 франков, считая с марта). И действительно, в конце ноября уже никто не мог найти поэта и передать ему деньги за месяц. Было отчего прийти в отчаяние последним преданным ему людям. С 25 декабря подписка была закрыта.

Верлен пришел в себя через месяц после происшествия. С помощью счета удалось установить, что он снова поселился в отеле «Монпелье», откуда, вероятно, уже уехали Лакан и красавица Эстер. Вот этот документ:

«Отель Монпелье

Полный пансион и дежурное блюдо
Дом Бенар

Господин Верлен поселился 3 декабря 1892 года на улице Декарта, дом 18, в номере 16 за 16 франков в месяц. 3 месяца: с декабря по март 1893 года.

Итого: 48 франков...»^[660]

Эжени смогла его там отыскать и объяснила ему, что украсть деньги могла только Эстер — она проникла к ней в квартиру и все перерыла. Что самое невероятное, Верлен проглотил наживку. 10 декабря он сообщил Зилкену: «Тщательное расследование показало, что я ошибся в первоначальных выводах, и теперь я снова живу на улице Фоссе-Сен-Жак». Расследование конечно же ограничилось умозаключениями Эжени, видевшей у соперницы новые туалеты.

Забудем на некоторое время о краже: 6 декабря 1892 года Верлен присутствовал на шестом банкете, организованном «Пером» и проходившем под председательством Малларме, заменявшего больного Леконта де Лиля. Верлену пришлось в этот вечер слушать похвалы в адрес своего злейшего врага, ведь они с де Лилем по-прежнему были на ножах. Как-то достопочтенный Леконт заявил, имея в виду Верлена: «Если мы не вмешаемся, то этот поэт с его 15 стопами будет ходить на четвереньках!» Ненависть, которую испытывал к нему наш поэт, уже было утихшая, разгорелась вновь и сравнялась по силе с ненавистью к Матильде. Когда де Лиля 31 марта 1887 года избрали во Французскую Академию, Верлен преподнес ему такой комплимент:

Сей человек — педант, любитель гадить
Другим, жадюга, грязный лицемер.
Наживы ради он готов восславить
Любую тварь. Вот наш поэт, мон шер!^[661]

Однажды два поэта случайно встретились в табачном киоске около здания сената. Леконт де Лиль попросил сигару за пять су. Верлен, стоявший сзади, смерил его презрительным взглядом и громко потребовал:

— А мне сигару за ВОСЕМЬ су!

Получив сигару, Верлен по секрету сообщил продавщице:

— Знаете, кто этот господин? Так вот, это старый шут Меленг!^[662]

Кража, о которой Верлен не переставал думать, так подействовала на него, что в конце концов он заболел и снова очутился в Бруссе. «Я лечусь от общей слабости, а также от последствий диабета», — пишет он Зилкену 21 декабря, через три дня после своего поступления в больницу.

Чтобы возместить потерю, Верлен вновь принялся за работу. Как и следовало ожидать, снова появилась Филомена. Она была так возмущена, узнав об обвинениях со стороны Эжени, что Верлен вернулся к первоначальному убеждению. «Второе, контрольное расследование, — пишет он Зилкену, — опровергло результаты первого, и теперь я знаю, откуда был нанесен удар — с улицы Фоссе». И как он мог поверить в басню о краже со взломом? Конечно же, это была Эжени, а Филомена никогда не смогла бы совершить подобное злодеяние. «Женщина, которую я имею в виду (Филомена), только что вышла от меня, — пишет в заключение Верлен. — Она приходит сюда каждый день. О гражданке с улицы Фоссе-Сен-Жак ничего не известно». И далее: «Гражданка с улицы Ф.С.Ж. разыграла настоящую трагикомедию, но теперь все стало на свои места».

Чтобы вызвать жалость у графа де Монтеस्कью, поэт поведал ему о своем несчастье, умоляя оказать милость и помочь деньгами, чтобы, выписавшись из больницы, он смог снять комнату в какой-нибудь «халупе в пригороде» и спокойно там работать.

В конце 1892 года в письмах Верлена в первый раз появляется упоминание о живописной личности — Биби-ля-Пюре. В письме к Ванье Верлен просит его не говорить Филомене о некой записке, которую Биби ему принес. Это был пустячок, всего лишь несколько слов, вовсе не о деньгах, но бедняжка вполне могла бы вообразить, что за ее спиной что-то затевают. «Ей тоже кажется, что ее соперница рассылает шпионов, хотя это и выглядит так же глупо». Биби, которого Верлен встретил в 1886 году в магазине Шапелье «Испанские вина» на улице Сен-Жак, к тому времени уже стал легендарной фигурой. Настоящее имя этого сына лионского лавочника было Андре Жозеф Салис (никакой связи с Родольфом Салисом, директором кабаре «Шануар»). Биби иногда попрошайничал, чаще торговал вразнос всякой мелочью и цветами, отпуская дамам комплименты, и, как Фигаро, был готов за два су оказать любую услугу. При этом он был философом, и довольно напыщенным. Биби постоянно можно было увидеть на террасах кафе, «жалкого бродягу, грязную тощую развалину» (так о нем писал Мейгрие), одетого в длиннющую куртку с непомерно широким воротом, «с волосами, прикрывающими тощую шею» (так о нем

писал Жан Риктюс), улыбающегося беззубым и безгубым ртом. Однажды, рассказывает Делаэ, когда Верлен сидел в кафе, Биби опустился у его ног на колени и принялся ловко зашивать прореху в пальто поэта.

— Недопустимо, — сказал он, вставая, — чтобы одежда великого человека была в таком безобразном состоянии ^[663], если я умею штопать!

Верлену нравился этот собрат по несчастью, хваставшийся тем, что изображал из себя слепого на Монмартре, чтобы раздобыть денег на табак для поэта.

Биби-ля-Пюре.
Тип заводной,
И такой смешной! ^[664]

Часто по поручению Верлена Биби относил письма Ванье, следил за Эстер или Эжени. Впрочем, этого секретного агента трудно было не заметить, и обе женщины его просто не выносили ^[665]. Биби же всю жизнь гордился, что был «секретарем Верлена», и, пережив поэта на семь лет, он продал ротозеям невероятное количество «перьев, которыми писал мэтр».

Об этой легендарной личности, последнем короле Латинского квартала конца XIX века, стоило бы написать книгу.

Но вернемся в Бруссе, куда иногда забегал и сам Леон Ванье. Насчет издания стихотворений Рембо так ничего и не было решено. Изабель упрямо настаивала на том, чтобы произведения ее брата вышли в исправленном виде, с назидательным предисловием Луи Пьеркена, написанным практически под ее диктовку и представляющим поэта африканским миссионером, достигшим перед смертью святости. Все, кто знал невыносимого, циничного Артюра, так и не сумевшего прижиться в Латинском квартале, посчитали бы это мистификацией. Публиковать такое было нельзя. Но Ванье получил от Изабель, в качестве иллюстрации к сборнику, слащавый и трогательный рисунок, изображающий больного Рембо, играющего на абиссинской арфе. В ту пору все только и говорили, что о смерти Артюра, и Верлен, чтобы примириться с его тупой сестрицей, сделал довольно ловкий ход, написав трогательный сонет, который был опубликован в «Пере» 15 февраля 1893 года.

Трюк удался как нельзя лучше: через некоторое время Изабель, тронутая благочестивым поступком Верлена, позволила ему в качестве

предисловия написать «небольшую, чисто литературную статейку». Но этого было недостаточно: нужно было либо издать все написанное Рембо, вплоть до единой запятой, либо не издавать ничего. Так или иначе, прогресс был налицо, и теперь надо было только дать плоду созреть.

Последствия кражи, совершенной Эжени, не были так уж непоправимы. Поразмыслив, Верлен пришел к выводу, что то, что было сделано один раз, может быть сделано и другой. Новый цикл публичных лекций на ту же тему, но прочитанный в Бельгии, поправит ситуацию за две недели, если только, конечно, принять по возвращении элементарные меры предосторожности.

Но как получить приглашение? В Гааге он не встретил, как надеялся, своих бельгийских друзей, ни Октава Моса, главного редактора журнала «Современное искусство», ни Мориса Метерлинка, ни депутата от социалистической партии Жюля Дестре, которые, может быть, попросили бы его приехать. Ну да ладно, он сам все устроит.

1 января 1893 года Верлен написал письмо Октаву Мосу, получив его адрес от Зилкена:

«Милостивый государь!

Во время моего путешествия по Голландии я узнал, что некоторые литераторы и любители словесности были бы рады увидеть меня с моими лекциями в Брюсселе. Что касается меня, то я от всей души поддерживаю подобный проект. Я люблю Бельгию и т. д. и т. п.»

Считая поездку делом решенным, Верлен тотчас же сообщил графу де Монтескью, что, прежде чем отправиться в Бельгию и Голландию (Зилкен намекнул на возможность второго турне), ему нужно срочно обновить свой гардероб, а следовательно...

Смелость города берет. Мос сообщил, что предложение Верлена ему очень нравится. Дело было в шляпе!

Но в этот момент Верлена охватили сомнения: а вдруг узнают, что ему все еще запрещено пребывание в бельгийском королевстве — ведь в лучшем случае его задержат на границе и посадят в тюрьму. Тогда он отважно рассказал Эдмону Пикару, члену Брюссельской коллегии адвокатов, о приговоре, вынесенном ему 20 лет назад, и прибавил:

— Нужно ли мне заpastись охранным свидетельством?

— Я не думаю, что это необходимо, — ответил адвокат, — но все же было бы нелишним испросить официальное разрешение у министра юстиции.

Верлен повторил свою исповедь и получил необходимые гарантии безопасности. Не успел он успокоиться, как возник новый повод для

опасений. В январе 1893 года Верлен вновь обратился к Эдмону Пикару:

— Я являюсь автором «легкомысленного сборника», изданного в Бельгии, а затем уничтоженного по решению суда.

— Не надо беспокоиться из-за этого, — ответили ему ^[666].

Осторожность Верлена распространилась даже на чисто профессиональные вопросы. У Малларме, только что вернувшегося из Бельгии, где он читал доклад о Вилье де Лиль-Адане, Верлен спрашивал, читал он по бумажке или нет.

Наконец, он выписался из Бруссе в середине января 1893 года. Он был нищ, но полон надежд. Поэт восстановил свои силы и был готов ко всем испытаниям. Блок предложил издать очерки о его путешествии по Бельгии, а Морис Бушор наметил создание нового комитета по поддержке Верлена, который обеспечил бы ему ежемесячную ренту в 50–60 франков ^[667]. Все это не мешает Верлену умолять Ванье не отпускать Филомену без гроша в кармане («Я очень люблю бедняжку, но это настоящая прорва») или изображать ярчайшими красками глубину своей нищеты в письмах к графу де Монтескью.

Он снял комнату на пятом этаже одного очень старого дома на улице Сен-Жак, не осмеливаясь явиться к Эжени на улицу Фоссе-Сен-Жак, где он оставил все свои вещи. Его злость испарилась, как только он нашел способ исправить то, что натворила его бывшая подруга. Однако Верлену было необходимо пожить у Эжени, чтобы там, в тишине, еще раз просмотреть тексты своих докладов. Квартира Эжени была хороша и с финансовой точки зрения. «Живя один, тратишь больше», — заметил поэт в письме Зилкену. Итак, Верлен принял решение: будь что будет, но он снова переедет к Эжени. 13 января он отправляет к Эжени Казальса, чтобы тот заверил ее в «искренней симпатии» со стороны Верлена. Пусть она вернет ему носки, платки и одну или две рубашки, если возможно. Задание было сверхсекретным, ведь Верлен, заинтересованный в том, чтобы оставаться в глазах графа де Монтескью невинной жертвой злодеяния, в письме от 9 января 1893 года ^[668] уверял того, что покинул квартиру на улице Фоссе-Сен-Жак и не думает туда возвращаться.

Эжени заставила долго себя упрашивать, и только в феврале прислала записку, которая, впрочем, связывала ее только наполовину. «Дорогая моя, что за шутки? — тотчас ответил ей Верлен. — Я скоро прибуду. Примешь ты меня или нет? П. В.». И в качестве постскриптума: «Покончим с этой тоской и одиночеством» ^[669].

Через некоторое время Верлен смог отпраздновать победу — он

сообщил Зилкену свой новый «более или менее приличный» адрес: дом 9 по улице Фоссе-Сен-Жак.

Однако время отъезда приближалось, а бельгийцы все не высылали деньги в счет будущего гонорара — голландцы вели себя получше! Без малейшего стыда Верлен пишет Октаву Мосу, что ужасно беден и, следовательно, ему нужны деньги на одежду и на билет. У Жюля Дестре он тоже попросил сто пятьдесят франков, но тот прислал только пятьдесят, и Верлен 24 февраля, перед самым отъездом, отправил ему еще одно письмо:

— Если бы вы могли прислать мне еще пятьдесят франков, я бы приехал в более подобающем виде.

У Верлена не было никакого шанса получить эти деньги, ведь он уезжал уже на следующий день. Что ж, тем хуже! Бельгийцы увидят его в старом пальто и красном шейном платке!

Все готово, паспорт в порядке. Шарлеруа, Брюссель, Антверпен, Льеж и Гент ждут поэта. Одна небольшая неприятность: в Брюгге и Лувене его появление считают нежелательным. Встречать поэта кроме Октава Моса должны были такие известные личности, как Метерлинк, Эдмон Пикар, Анри Картон де Виар, Жюль Дестре и другие. Было сделано все возможное, чтобы обеспечить успех турне.

В то время до Шарлеруа было больше четырех часов езды, так что, выехав в субботу 24 февраля в 12.40, Верлен прибыл в этот шахтерский городок около пяти. Жюль Дестре ждал его на вокзале.

— Получили ли вы, — тотчас спросил он нашего путешественника, — пятьдесят франков, о которых просили в своем последнем послании?

Верлен, охваченный беспокойством, поспешно написал одно письмо Ванье, назначенному получателем, с наказом не выпускать деньги из рук, и второе — Эжени, предупреждая, что Ванье приказано ничего ей не давать. Обжегшись на молоке, дуешь на воду...

Первую ночь в Бельгии поэт провел на Марисинель-ле-Шарлеруа, у Жюля Дестре.

На следующий день, после завтрака, на котором присутствовали некоторые местные знаменитости, Верлена повели в «Эден Театр», где он должен был выступать. Собралось около полутора тысяч человек: шахтеры, металлурги и их семьи. Впрочем, было очевидно, что все они пришли слушать не Верлена, а соревнование местных духовых оркестров. Дестре представил поэта и попросил проявить снисходительность по отношению к великому человеку, голос которого слаб по причине насморка. Двадцать минут докладчик, заглушаемый всеобщим гомоном, рассуждал о символизме и верлибре. Слышно его было плохо, понять — трудно, и

поэтому публика не поскупилась на аплодисменты. Затем последовала вещевая лотерея.

На следующий день в Брюгге все было гораздо серьезнее. Граф Анри Картон де Виар, адвокат, встретивший поэта на южном вокзале, был шокирован его небрежным костюмом и первым делом повел его в магазин купить по крайней мере пристегивающийся воротничок и галстук.

После завтрака у графини и приема в здании «Жен Бельжик» Верлен прочел свой доклад, о котором возвещали афиши по всему городу. Его выступление состоялось в клубе «Лев XIII»^[670], в большом зале над магазином фарфора на улице Паруасьен, недалеко от церкви Св. Гудулы. Публика собралась избранная, докладчика слушали вежливо, делая вид, что понимают, хотя слышно было плохо. Под конец Верлен, окруженный множеством людей, раздавал автографы. Затем его повели ужинать к сенатору Александру Брауну, основателю клуба. Вот это был действительно торжественный прием, какой поэту прочил Малларме.

Во вторник, 26 февраля, программа была насыщенная. После обеда Верлен счел своим долгом присутствовать на концерте, который перед его лекцией давали французские музыканты. Доклад прошел с тем же успехом, что и накануне; потом поэт был представлен министру иностранных дел, г-ну Нотомбу, уроженцу Арденн. Вечер закончился роскошным, продолжавшимся до глубокой ночи, банкетом в особняке г-жи Эдмон Пикар на улице Туазон д'Ор.

«Я родом из Валлонии», — так начал Верлен свою речь в Антверпене, 1 марта, в литературно-художественном клубе, где собралось множество валлонских и фламандских писателей: Макс Эльскамп, Морис Метерлинк, Камиль Лемоннье, Эдмон Пикар, Октав Мос, Андре Фонтена и другие. Поэта встретили радостно, по-товарищески. Верлен был очарован приемом, но журналисты восприняли его холоднее, и на следующий день в газете «Прекурсер» можно было прочесть: «Бедняга поэт больше не в состоянии выступать на публике».

Город, где он бывал и раньше, в этот приезд разочаровал Верлена: целые кварталы были снесены и застроены заново пошлыми домами в английском стиле.

Художник Анри ван де Вельде^[671] приютил Верлена на ночь. Прежде, чем лечь, наш поэт написал Эжени о своих подвигах, вложив в письмо денежный перевод на двадцать франков. В эйфории от ожидания обещанной крупной суммы денег Верлен снова стал неосторожен...

Через день, в два часа пополудни, состоялась еще одна лекция —

снова в Брюсселе в клубе «ХХ». Небрежный костюм оратора вызвал ропот неодобрения. От усталости голос его совсем ослаб.

— Ничего не слышно! — кричали из зала.

— Так подойдите поближе, — ответил он.

Публика сгрудилась вокруг Верлена, и он с грехом пополам закончил свою утомительную лекцию.

Засидевшись в пивных, нетвердой походкой он поздно ночью вернулся к графу Картон де Виару.

Назавтра, в пятницу, Верлена опять ждали в Брюсселе, в «Литературно-художественном клубе», где в апреле 1865 года выступал Бодлер. Вот тут-то все и началось. Изрядно поднабравшись на приеме на улице Фурш, Верлен задержался и в конце концов явился в ярко освещенный и уставленный зелеными растениями клуб в довольно плачевном состоянии. Поднимаясь на сцену, он споткнулся, упал и под всеобщий смех стал собирать рассыпавшиеся листки и искать свое пенсне. Бумажки, должно быть, перепутались, и наш оратор бормотал что-то настолько невнятное, что половина слушателей отправилась развлекаться в другие места. Потрясенным организаторам Верлен заявил с удовлетворенным видом: акустика была великолепна!

Эжени прислала галстуки и доставила ему этим такое удовольствие, что он совсем потерял голову. «Я рассчитываю, — написал он ей, — что в следующий четверг или пятницу в моем распоряжении, а следовательно, и в вашем, мадам, будет около 1000 франков».

И праздник продолжался. В Льеже, где во всех газетах сообщалось о приезде Верлена и по всему городу были расклеены афиши, его ждали с нетерпением. Оставив свой багаж в железнодорожной гостинице, поэт по приглашению членов «Общества свободной конкуренции» тотчас же отправился на экскурсию по местным виноградникам. Разгоряченный обильной выпивкой, Верлен, стоя в экипаже, приветствовал подвыпивших новобранцев. Перед выступлением он счел необходимым выпить еще один стаканчик абсента в кафе «Ренессанс». Народу было немного. Верлена ждали, и когда этот величественный старец наконец вышел на сцену, в зале поднялся ропот неудовольствия: никто еще не выступал здесь без фрака. Жалкое это было зрелище: Верлен, борясь с дремотой, читал свой доклад, а в зале разговаривали, шелестели газетами, смеялись, ходили. На приеме у советника Офшмидта Верлен сначала выглядел усталым, но после одного-двух бокалов шампанского оживился и произнес достаточно фривольный тост, заставивший покраснеть присутствующих дам. Около полуночи ему намекнули, что пора бы и отдохнуть, и на всякий случай проводили до

гостиницы.

Верлену предложили прочесть еще одну, дополнительную лекцию в Вербье^[672], но он отказался, узнав, что Брюссельская коллегия молодых адвокатов приглашает его выступить во Дворце правосудия.

В воскресенье, 5 марта, на обеде у секретаря «Общества свободной конкуренции», в ответ на вопрос, будет ли Верлен когда-нибудь избран во Французскую Академию, поэт экспромтом произнес блестящую речь, такую, как полагается произносить новоизбранному академику. Понося различные школы и группы, он объявил себя единственным в этот век вырождения представителем подлинной Поэзии, поэзии сердца, которая не нуждается в манифестах и доктринах. В тот момент это был не старик в пенсне, скрючившийся над своими бумажками, а воскресший Верлен героической эпохи Парнаса.

Следующий день, понедельник 6 марта 1893 года, был днем восстановления репутации. Когда-то, подталкиваемый полицейскими в треуголках, не понимая, что с ним, собственно, происходит, Верлен вынужден был сесть на скамью подсудимых. Теперь в палате исправительного суда он должен был смыть это позорное пятно. К несчастью, старого здания Дворца правосудия больше не существовало, на его месте было сооружено новое, торжественное открытие которого состоялось 15 октября 1883 года. Но если здание и изменилось, атмосфера была все та же. Устроившись на месте секретаря суда, под судейской вышкой, перед множеством людей — адвокатов, журналистов и просто любопытных — Верлен поправил свое пенсне и начал так:

— Дамы и господа, вы, наверное, знаете, что я не в первый раз встречаюсь с Фемидой в ее бельгийском обликии. Несколько лет назад мне выпало на долю познакомиться с ней очень близко и при совсем иных обстоятельствах, гораздо более неприятных, должен вам сказать, в такой степени неприятных, что перспектива пересечь границу вашей страны породила во мне некоторые опасения, и я счел нелишним получить охранное свидетельство от вашего министра юстиции, которого — странное совпадение — зовут так же, как и комиссара полиции в моем квартале (Жюль Лежен. — П. П.). Он весьма любезно откликнулся на мою просьбу. Это охранное свидетельство лежит у меня во внутреннем кармане — я говорю это к сведению тех бравых волосатых жандармов, силуэты которых я заметил в мрачных коридорах Дворца правосудия, в котором мы с вами в данный момент находимся^[673].

Верлен прочел несколько отрывков из своей будущей книги «Как я

сидел в тюрьме», чем заслужил громкие аплодисменты, по его словам, «идущие от сердца и несколько преждевременные», поскольку он прекрасно знал, что является «посредственным чтецом» и «совсем никудышным оратором». К тому же освещение было плохим. Зато как все было волнительно! «Я правда плакал от умиления, радости и гордости, оправданной в подобных исключительных обстоятельствах»^[674].

Он долго думал, прежде чем отправиться в Гент, и все-таки в последний момент решился, рассудив, что несколько сотен франков лишними не будут.

На следующий день утром его встретили с обычными церемониями в «Отель де ля Пост» на Военной площади. Там он познакомился с двумя молодыми воинствующими католиками — Фирмином Ван дер Бошем, критиком, и Жаном Казье, автором «Евхаристических поэм», которые приняли его как Мессию.

Лекция в «Художественном клубе» прошла далеко не блестяще. Слушатели были невнимательны и так шумели, что возмущенный председатель клуба вышел из зала. «Великий автор „Галантных празднеств“ говорил под болтовню сорок», — грустно констатирует «Гентская газета»^[675].

Наконец все закончилось. Теперь Верлен мог отдохнуть. Жан Казье повез поэта в Брюгге. Город просто очаровал его, день прошел замечательно, в дружеской обстановке. Кроме Жана Казье Верлена сопровождали критик Морис Дюлаэр, отец Хоорнаер и Гюстав Кан с супругой, бывшие в городе проездом. Верлен был неутомим, он заявил, что поднимется на вершину собора Христа Спасителя, и остальным пришлось бежать, чтобы не отстать от него. В «Бегинаже» Верлен купил для Эжени кружевную манишку. Он не уставал удивлять спутников своим остроумием и юношеским задором. Верлену так понравилось в Брюгге, что он захотел продлить свое пребывание там, и ему нашли номер в отеле «Саблон».

Вернувшись в Гент, Верлен поселился у Жана Казье. Окруженный заботой и вниманием, он и не думал возвращаться домой. Рассказывают, что Верлен отправился как-то на прогулку в карете с гербом Казье, а потом экипаж видели у некоего дома, пользующегося дурной славой. Но эти сведения вряд ли заслуживают доверия: Верлена не отпускали так просто одного.

В четверг 9 марта друзья повели поэта на прием к губернатору провинции, барону Кирхов д'Эксерду. Там его попросили прочесть несколько стихотворений, но на ужин не пригласили, так как он был не во

фраке.

И вот срок настал. Нужно было расстаться с этой сладкой, полной удовольствий жизнью и вернуться в мансарду к Эжени.

После эйфории первых дней к Верлену вернулось хладнокровие. Заработав с таким трудом тысячу франков, он не захотел положить их к ногам нетерпеливо ожидавшей его возвращения подруги и благоразумно исчез.

Во вторник 14 марта Эжени, обеспокоенная тем, что Верлен до сих пор не вернулся домой, написала письмо, неизвестно кому адресованное (Октаву Мосу или, может быть, Анри Картон де Виару):

«Я очень беспокоюсь о г-не Поле Верлене, от которого вот уже три дня не получаю никаких известий. Может быть, он болен? Может быть, уехал в Голландию? Не знаю, что и думать. Я была бы вам очень обязана, если бы вы прислали мне несколько строк, чтобы меня успокоить. Будьте любезны, если г-н Верлен у вас, передайте ему мои слова, а также привет от его друга Казальса. Мое почтение. Эжени Кранц, дом 9, улица Фоссе-Сен-Жак».

Скорее всего это письмо записал под диктовку Казальс, так как в нем практически нет ошибок.

Верлен появился на следующий день и ни словом не обмолвился о деньгах.

Причину своей задержки он объяснил в следующих фривольных стихах:

Г-же...
Меня ты больше пилить не будешь,
Готов я биться тут об заклад!
Из Брюгге я привез тебе кружев,
Так что в Париже я ем шоколад^[676].

На оригинале имеется надпись, сделанная рукой Верлена: «Даме, которая немного дулась на меня после моего возвращения...»

Глава XXIII

СЛАВА И ДВЕ ШЛЮХИ

(апрель 1893 — 5 декабря 1893)

*Расскажи, что такое слава?
Это жизнь без гроша в кармане,
Это голод и вшей орава —
ведь без денег не сходишь в баню!
Вот, дружок, что такое слава!*

Поль Верлен «Литература», сборник
«Инвективы»^[677]

Четверг, 13 апреля 1893 года, был памятным днем в жизни Верлена: он удостоился чести председательствовать на восьмом торжественном банкете «Пера». Собрание началось в половине восьмого в ресторане Дворца правосудия, площадь Сен-Мишель, дом 5.

Верлен уже председательствовал на первом собрании 18 апреля 1891 года, но с тех пор был достигнут значительный прогресс, уважение к этим собраниям переросло в почитание, и именно приглашение председательствовать на торжестве 13 апреля 1893 года было официальным посвящением, своего рода избранием во Французскую Академию поэтов.

На пригласительном билете Казальс изобразил Верлена и Малларме фавнами, причем Малларме — живым и во фраке, а Верлена — в виде каменного бюста на пьедестале.

Это был маленький триумф. После традиционных приветствий Верлен прочел два сонета, написанных по случаю торжества.

В это же время один за другим вышли три его сборника. «Элегии», изданные в 1893 году, представляют собой небольшой томик классических стихов, посвященных Филомене. Герои сборника — несчастный влюбленный, изнывающий от ревности и стремящийся к покою, и его агрессивная подруга — ветреная обманщица.

В «Одах в ее честь», вышедших в 1893 году, образы выписаны гораздо ярче, но в целом это всего лишь неудачная копия сборника «Параллельно». Главная героиня здесь по-прежнему Филомена, жестокая и нежная,

олицетворяющая силу законов природы:

Ах, скажи, когда умру я, ты со мною тож умрешь ли?

— Да, но я люблю сильнее, потому сильней умру я!^[678]

В целом в этом сборнике больше безудержной страсти, чем хороших стихов.

В повести «Как я сидел в тюрьме», опубликованной в июне 1893 года, Верлен с большой выразительностью описал моменты своего пребывания в неволе, начиная с карцера в пансионе Ландри и заканчивая предварительным заключением в Вузьере. Упорство, с каким поэт высмеивает эти периоды своей жизни, часто приводит к искажению истины. Так, описывая свои злоключения в Брюсселе, Верлен — увы! — неоднократно жертвует фактами ради очередной уморительной шутки.

Неожиданно здоровье Верлена ухудшилось. Летом он почувствовал странное недомогание, и доктор Шоффар сказал, что это гораздо опаснее, чем может показаться. Тогда Верлен решил уединиться в Бруссе, куда и отправился 14 июня 1893 года. Сразу же, по традиции, в его стихах снова появилась Филомена. Поначалу Верлену казалось, что доктор Шоффар был чересчур пессимистичен в своих опасениях, и, если бы упрямая Эжени не спрятала его одежду, он не колеблясь удрал бы на праздник в честь Золя, устроенный в конце июня. Но в начале июля у Верлена началось заразное рожистое воспаление — его-то и боялся доктор Шоффар. Несмотря на лечение йодистым калием, болезнь быстро прогрессировала. Глубокая подавленность Верлена сменялась приступами иступленного восторга. Никто уже не надеялся на его выздоровление.

«Я едва не умер, даже не подозревая об этом, — писал поэт Зилкену. — Я хотел было даже исповедаться».

Однажды ночью Верлен встал, охваченный сильным волнением, сорвал с себя повязки, напевая при этом:

Я не прекрасная арабка,

И ни к чему мне эта тряпка!^[679]

— Да он оживает! — воскликнул, выслушав рассказ о ночных подвигах Верлена, главный врач, который на следующий день пришел

навестить больного.

Вскоре его распухшая, фиолетового оттенка нога покрылась нарывами. Нужно было делать пункцию.

«Чертова левая нога, — писал Верлен Зилкену 16 июля, — это просто сточная канава (интересно, где ее начало, может, в Лондоне, а может, в Париже?); ее надо бы отрубить, что они и сделают, черт побери! (...) Я, кажется, спасен, но я бы прекрасно обошелся и без этих стальных ласк!»

И поскольку чувство юмора не покидало поэта в любой ситуации, Верлен шутливо описал своему другу-голландцу операцию, во время которой над его головой якобы происходил следующий любопытный диалог:

Главный врач: Думаю, ему крышка.

Ученик главного врача: Так и есть, шеф!

Стажер: Класс! Обожаю такие операции!

Доктор Эрнест де Массари, ученик доктора Шоффара, навсегда запомнил этого необычного больного с его лимфангитом^[680] и флегмонами^[681]. Несчастному приходилось несколько дней подряд переносить страшные мучения.

«Это мерзкая острая боль, переходящая в тупое нытье», — писал Верлен 20 июля графу Монтестью. «Жуткая слабость» мешала ему писать: «Простите за ужасный почерк, но это все, на что способен сраженный лихорадкой скелет, у которого едва хватает сил держать перо».

К концу июля боль наконец утихла, и Верлен смог вернуться к работе. Блок ждал обещанной им рукописи «Две недели в Голландии».

Но увы! «Ведьма Эжени», узнавшая от кого-то, возможно, от Биби, о том, что Верлен продолжает роман с ее соперницей, в отместку решила порвать его записки о Голландии. Это была досадная потеря, но поправимая, поскольку большую часть текста Верлен уже написал. Он рассказал Зилкену о том, что несколько страниц записок были уничтожены «глупыми ручонками», и тот любезно помог их восстановить. Филомена, впрочем, тоже приняла участие в их восстановлении. Она забрала у Ванье несколько стихотворений, и, в частности, стихотворение о Роттердаме. Все это потом было включено в текст.

Но довольно о злоключениях поэта, перейдем к описанию более приятных событий.

24 июля 1893 года, не успев оправиться от болезни, как газета «Эхо Парижа» распространила новость, произведшую эффект разорвавшейся бомбы: «Поль Верлен выдвинут кандидатом во Французскую Академию!» Решили было, что это либо грубая шутка, либо провокация. Однако с незапамятных времен Верлен лелеял мечту стать членом Академии. Об этом он не раз упоминал в шутку в своих письмах и рисунках. На одном из них поэт изобразил, как он, одетый в зеленый сюртук и треуголку, получает от кассира Академии гонорар за заседания ^[682]. Возможно, встреча с одним из журналистов, которого Эдмон Тома представил поэту в кафе на улице Сен-Жак, убедила Верлена попытаться осуществить свою мечту.

— В самом деле, почему бы вам не представить свою кандидатуру в Академию?

— А правда, почему бы и нет? — ответил поэт.

В самом деле, у него двенадцать поэтических сборников, пять томов прозы, огромное количество статей — немногие «бессмертные» ^[683] могли похвалиться таким богатым творческим наследием.

Почетный прием, оказанный Верлену в Голландии и Бельгии, убедил его в том, что он мог достойно представлять Францию за границей. Будучи в Льеже, он уже считал себя членом Академии. А что в этом зазорного? Его стихи были ничуть не хуже стихов Коппе, который вот уже почти десять лет носил почетное звание академика. Но прежде всего Верлену не хотелось упускать неожиданно представившийся случай: в Академии появилось вакантное место, которое прежде занимал скончавшийся в 1893 году Тэн ^[684]. К тому же Тэн родился в Арденнах, в Вузьере, то есть рядом с Ретелем — черт возьми, да это кресло в Академии по праву принадлежало Верлену!

Разразился грандиозный скандал. Несколько благонамеренных журналистов живо отреагировали на представление Верленом своей кандидатуры. Среди них были Монторгёй, написавший статью в «Просвещении», и Карибе (настоящее имя Анри Фуркье), выступивший в «Эхе Парижа». Оба они с давних пор были враждебно настроены по отношению к Верлену: «Неудивительно, что этому поэту-бродяге вздумалось выкинуть такую пошлую шутку, ведь еще немного, и он окончательно станет всеобщим посмешищем». Эдмон Лепеллетье, чья статья появилась в «Эхе Парижа» 26 июля, поддержал противников Верлена: «Как же наша богема, унаследовавшая от северян крепкий разум и здравый смысл, не может понять, что творчество этого кандидата будут

воспринимать так, как оно того заслуживает, именно как нелепую болтовню и жалкое шутовство?!» Поэта огорчали подобные нападки, и 23 октября 1893 года в «Ревю паризьен» появился его довольно резкий ответ. Верлен написал, что на этот раз он не мог простить своему другу его «вторую выходку» (первая состояла в том, что Лепеллетье назвал «Мудрость» «клерикальным пустословием»). В конце статьи Верлен смело признался, что 4 августа прошлого года подал официальный документ, подтверждавший его кандидатуру, г-ну Камиллю Дусе, постоянному секретарю Французской Академии. И действительно, восемь дней спустя в письме Жюлю Ре Верлен похвастался, что добивается избрания в «маразматикодемию» (sic)...

Едва Верлен стал кандидатом, его популярность среди студентов Латинского квартала, восхищавшихся его смелостью, его вызывающими стихами, его дерзостью, превзошла все мыслимые пределы. А куплетисты из «Золотого солнца» — Эмиль Буассье, Морис Байе, Казальс — сделали его героем дня. Они написали стишок на музыку одной модной тогда песенки:

Мы в газете прочитали (2 раза)
Новость и в момент отпали: (2 раза)
Мол, Верлен решил избраться
В Академическое братство!
Вот так парень наш поэт!
Веселей на свете нет!^[685]

В одном из куплетов проскальзывал лукавый намек на то, что иные полагающиеся по протоколу визиты якобы давались Верлену нелегко:

Он купил себе перчатки,
Шапокляк из кожи гладкой,
Чтоб Леконт де Лиль не смог
Его выслать за порог^[686].

Тем не менее стихи Казальса были полны оптимизма. В песенке о кафе «Прокоп» он восклицал под приветственные крики молодежи:

Автор «Сатурновских стихов» —

Один из академиков!^[687]

Впрочем, нередко Верлен служил и мишенью для насмешек для тех же куплетистов, собиравшихся в «Золотом солнце» субботними вечерами. К сожалению, не сохранились куплеты Сольгрена «Верлен перед лицом Вечности», Гастона Дюместра «Верлен у Бруссе», Анри Мерики, владельца кабачка, и Далибара, передразнивавшего походку поэта (тот хромот). В этом состязании Казальс занимал далеко не последнее место. Он заставлял смеяться до слез самого Верлена, когда, изображая «Каспара Гаузера» из «Мудрости», распевал:

Я, рифмоплет с кривым лицом,
Хромой и с желтоватой кожей
Пришел, и вам, друзья, похоже,
Не показался красавцом^[688].

Между тем из Бруссе снова раздалась причитания: снова мучительная боль, затихшая было в конце июля.

«Скальпель не знает меры, — писал поэт Казальсу 10 августа 1893 года, — завтра мне сделают еще два надреза. Меня это уже не удивляет».

В письмах друзьям Верлен словно вел учет своим пыткам. «Это уже тринадцатая», — сообщил он Жюлю Ре 13 августа, а вот и «двадцатая» (в письме Зилкену от 27-го). На одре страданий к нему вернулось убеждение в том, что он заслужил эти мучения.

Молитвы, а также присутствие и преданность Филомены были опорой Верлену в этом испытании. Отныне она уже не подруга, но жена, милая суженая. Судя по намекам в письме Жюлю Ре, давняя любовь поэта превратилась в «почти супружеское отношение» к Филомене. Что же касается Эжени, этой Чумы, этой Холеры, этой «помешанной с улицы Сен-Жак», на ее голову Верлен призывал все муки ада. Как только его организм начал восстанавливаться, у него тут же возникло множество планов: снова отправиться в Бельгию, главным образом в те города, где он не смог побывать, съездить в Оксфорд и Кембридж, куда его приглашал молодой английский художник Уильям Ротенштейн, тот самый Ротенштейн, который написал портрет поэта в госпитале. Жюль Ре советовал Верлену поехать в Нанси, другие — в Лион и Швейцарию. Все эти предложения были чрезвычайно заманчивы. Сам Верлен, оправившись от болезни, мечтал

снять какую-нибудь тихую квартирку на улице Ульм. Но решил, что будет проще, выписавшись из Бруссе, поселиться прямо у Филомены, в квартале Гобеленов, на улице Брока, дом 5. И именно туда пришел Ротенштейн, чтобы подтвердить свое приглашение в Англию ^[689]. Но об этом после, а пока отдадим должное Жюлю Ре, который оказался расторопнее всех.

Идея поехать в Нанси была великолепна, но легкомысленный молодой человек, предусмотревший все до мельчайших подробностей, забыл самую малость — оплатить железнодорожный билет. И если Верлен пожаловался Зилкену на «досадные хлопоты», возникшие перед отъездом, он, вероятно, имел в виду то, что ему пришлось занять денег. В понедельник, 6 ноября 1893 года, Верлен наконец отправился в путь. О его путешествии, равно как и о пребывании у родителей Жюля Натана-Ре на улице Виктор-Пуарель, известно немного.

«Погода прекрасная, — писал Верлен Филомене на следующий день после прибытия в Нанси. — Чудесный город, но я выхожу редко, ведь мне нужно готовиться к лекции, назначенной на завтра на половину девятого».

Верлен должен был выступать в салоне Гранд-Отеля на площади Станисласа перед весьма достойной аудиторией. Поэта принимали члены общества «Лотарингских любителей искусства». Они обеспечили широкую рекламу предстоящей лекции, расклеив афиши и дав объявления в газеты. Во время выступления Верлен сильно волновался, ведь Нанси заменял поэту его родной Мец, который — увы! — в это время был под сапогом пруссаков.

«Привет тебе, о Нанси! — воскликнул поэт. — Город соблазнов, как заслуженно называли тебя в лучшие времена, пускай сейчас ты довольствуешься лишь одним славным, но скорбным именем — „лотарингский“. Впервые я в твоих стенах и уже люблю тебя, старинный, но вечно юный город, являющий нам всю историю архитектуры в самых изящных ее образцах. О город, плоть от плоти Лотарингской земли и столица ее, тебе суждено стать залогом грядущего — быть может, уже недалекого — возвращения Лотарингии на родину — во Францию».

Верлен рассказал о парижской поэзии и, чтобы перейти к разговору о серьезных вещах, прочел свою «Оду Мецу», при этом голос его был похож, по словам одного журналиста, на приглушенный звук барабана. В стихотворении все надежды и желания поэта сводились к одному — долгожданному освобождению города.

Стоит ли говорить, что Верлен имел оглушительный успех. Это привело его в неописуемый восторг. «В зале собралось блестящее

общество, — писал он на следующий день Филомене перед отъездом в Люневиль^[690], — и газеты были ко мне весьма благосклонны». Сомневаться в этом не приходится: «Республиканский Восток», «Непредвзятый», «Восточный прогресс» в своих рецензиях не скупились на комплименты Верлену. Несмотря на несколько статей, не присоединивших свои голоса к этому хору дифирамбов, общая оценка выступления была, несомненно, положительной.

В Люневиле, куда Верлен приехал около двух часов пополудни, обстоятельства складывались для него не столь благоприятно. Поэт Шарль Герен, согласившийся устроить прием в честь парижского гостя, не прилагал особых усилий для выполнения возложенной на него миссии. Жюль Ре это предвидел и, встретив на вокзале прекрасную «Беренику» Мориса Барреса, стал умолять ее о помощи. Красотка была знакома со многими офицерами и могла пригласить их на предстоящее торжество. В назначенный час, вспоминает Жюль Ре^[691], торговый зал городской ратуши был ярко освещен, но слушателей было всего двое, это были родители Шарля Герена. Неужели торжественный вечер будет сорван? К счастью, «Береника» сдержала обещание. Вскоре в зале появился джентльмен с моноклем, потом офицер в гражданском, за ним еще несколько человек, и скоро весь эскадрон был в сборе. В один миг зал оказался на три четверти заполненным. Честь Верлена была спасена. Успех снова был оглушительный, что на следующий день подтвердили рецензии в газетах. Но время выступления пришлось сократить, поскольку Верлен должен был последним поездом вернуться в Нанси.

На следующий день в полдень он уже возвращался в Париж, а около шести часов вечера «милая суженая» встретила его на Восточном вокзале. Во время этих мини-гастролей Верлен заработал лишь сто франков, зато светился от гордости за прием, который оказала ему Лотарингия.

Через некоторое время городские власти Нанси сообщили поэту о своем намерении назвать одну из улиц города его именем. На это он скромно согласился:

— Вы дарите мне целую улицу? Я не осмелился бы просить у вас и дом, разве что подвал...

Едва вернувшись, Верлен должен был снова уехать, поскольку в конце концов согласился отправиться в Англию прочесть там несколько публичных лекций. Уильям Ротенштейн и Артур Саймонс усердно занимались созданием комитетов, которые должны были подготовить

встречу поэта в Оксфорде и Лондоне. Верлен знал Саймонса: это был молодой, энергичный писатель. Его с ним познакомил Шарль Морис в кафе «Франциск I»; тогда же состоялось знакомство с Хавелоком Эллисом, известным сексологом, который пришел в кафе вместе с Саймонсом. Через некоторое время они снова встретились, на этот раз в отеле «Мин», где Библия-Пюре носил им ром и стаканы. Эта встреча поразила юного англичанина, он увидел в Верлене замечательного, необыкновенного поэта, чья гордость заслуживает не меньшего уважения, чем его талант. Вернувшись в Лондон, Саймонс рассказал о Верлене издателю Джону Лейну, публиковавшему сочинения молодых поэтов. Лейн сразу же согласился напечатать два стихотворения Верлена, прочтя их лишь после того, как заплатил Саймонсу гонорар.

Перед отъездом Верлену нужно было внести некоторую сумму денег в счет покрытия дорожных расходов, и он попросил англичан переслать ему сто франков телеграфным переводом. Но Саймонс и Ротенштейн, не без основания полагая, что деньги, отправленные по почте, могут пропасть, поручили одному своему парижскому другу передать их Верлену из рук в руки. Американец Мортон Фуллертон, на которого и была возложена эта миссия, вошел в крохотную комнатку Филомены на улице Брока. Несколько поленьев, тлевших в камине, едва согревали это скромное жилище.

— Очень хорошо, — бросил Верлен, пряча деньги в карман, — а на что будет жить моя жена, пока меня не будет, ведь у нее нет ни су?^[692]

Посланник добавил еще тридцать франков, пригласил Верлена на ужин в отель «Терминус», после чего посадил его на дьеппский поезд, отправлявшийся с вокзала Сен-Лазар. Выполнив поручение, Фуллертон телеграфировал Артуру Саймонсу, что поэт прибывает на вокзал «Виктория»

20 ноября, то есть на следующий день, в семь часов сорок минут поездом из Ньюхейвена.

К полуночи Верлен прибыл в Дьепп. В Ла-Манше бушевала страшная буря, отправление парома было отложено. В буфете на вокзале было настоящее столпотворение, поскольку в окрестных гостиницах не осталось ни одного свободного номера. Воспользовавшись любезностью управляющего, Верлен растянулся на диване и проспал несколько часов. Буря не утихла и на следующий день, и, за отсутствием других развлечений, Верлен стал смотреть на потоки дождя, льющиеся с неба. Куря сигары и поглощая невероятное количество кофе и коньяка, он гадал, когда же паромщики возобновят перевозки, сегодня или завтра.

Наконец вечером ветер утих, и паром отчалил из Дьеппа. Волны

яростно раскачивали судно, путешествие было весьма беспокойным, но Верлен, устремляясь мыслями к своей красавице и представляя ее счастливое лицо, улыбался будущему блаженству и сочинял стихи.

На вокзале в Ньюхейвене было пустынно. В Лондон же поезд прибыл лишь в час ночи. Верлен изнемогал от усталости, но, проехав в фиакре по изящным кварталам, расположенным между вокзалом «Виктория» и Стрэндом, пришел в полный восторг. Все этой ночью казалось ему «чудесным, изящным, светлым, даже в чем-то кокетливым».

— Фонтен Корт! — крикнул он кучеру.

Это был безлюдный перекресток в квартале, где располагались суды. Около фонтана, давшего название перекрестку, Верлена ждал Саймонс, уже было отчаявшийся увидеть его после нескольких безрезультатных поездок на вокзал. Молодой поэт привел Верлена в свою уютную квартиру, где они, не сомкнув глаз, просидели до пяти часов утра: курили, пили джин и виски, съели целую коробку бисквитов и конечно же говорили о поэзии и о Париже.

В своих воспоминаниях Саймонс пишет об этой «поистине бессмертной ночи» с большим волнением. «Речь Верлена походила на лихорадочный монолог, иногда прерываемый то короткими, то затянувшимися паузами, порой непристойными шутками, гневными возгласами, вырывавшимися, словно отклик на ожившее вдруг воспоминание. Верлен то кричал, то неистово жестикулировал; иногда он переходил на английский, чтобы подчеркнуть очередное острое слово»^[693].

Верлен и Саймонс были в восторге друг от друга. Их взаимное расположение не исчезло с наступлением дня, окрасившего небо над городом в нежно-розовые и перламутрово-серые тона. В одиннадцать часов к ним зашел писатель Эдмунд Госсе^[694], с которым Верлен уже встречался в Париже, и пригласил их в роскошный ресторан. Госсе незадолго до этого написал проникновенную статью в «Сент-Джеймс Газетт», где называл Верлена «гениальным поэтом и исключительно несчастным человеком».

Во второй половине дня Верлена посетили Герберт Горн, меценат, покровительствующий поэтам, и издатели Джон Лейн и Уильям Хайнеманн^[695] (именно он убедит Шарля Хирша опубликовать избранные стихотворения из «Некоторых» под общим заглавием «Женщины»).

В этой сердечной, непринужденной обстановке к Верлену вернулось хорошее расположение духа, сердце его наполнилось радостью и восторгом, он словно помолодел. Именно такое состояние души было необходимо ему, чтобы наконец начать жить.

Выступление состоялось в Бернардс-Инн.

Лекцию Верлен читал по-французски, разъясняя, по обыкновению, положение дел в современной поэзии. Объяснение он дополнил несколькими собственными стихотворениями, зачитанными с экземпляра Саймонса, поскольку сам Верлен прибыл без багажа.

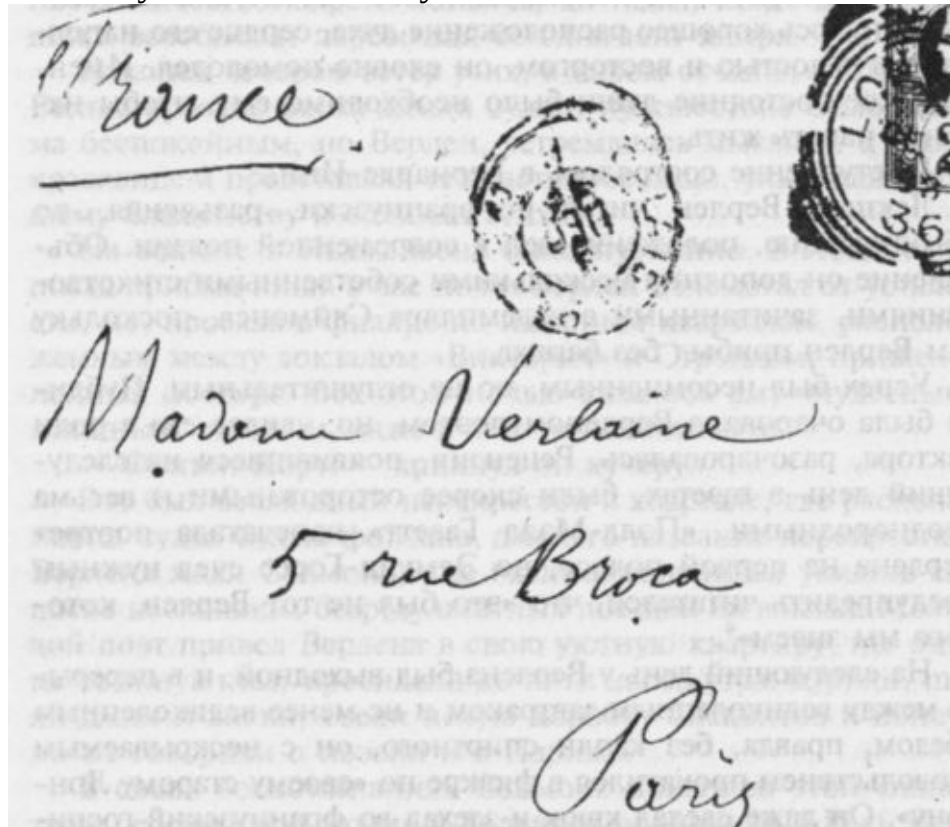
Успех был несомненным, но не оглушительным. Публика была очарована Верленом-поэтом, но, увидев его в роли лектора, разочаровалась. Рецензии, появившиеся на следующий день в газетах, были скорее осторожными и весьма неоднородными. «Пэлл-Мэлл Газетт» напечатала портрет Верлена на первой полосе, но Эдмунд Госсе счел нужным предупредить читателей, что «это был не тот Верлен, которого мы знаем»^[696].

На следующий день у Верлена был выходной, и в перерыве между великолепным завтраком и не менее великолепным обедом, правда, без капли спиртного, он с нескрываемым удовольствием прокатился в фиакре по «своему старому Лондону». Он даже сделал крюк и заехал во французский госпиталь, чтобы ему перевязали ногу. А вечером, в силу двадцатилетней привычки, Верлену безумно захотелось вернуться в Альгамбру, где всегда давали спектакли а-ля кафешантан.

Само собой разумеется, Филомена была в курсе всего происходящего. «Успех у тебя уже есть, а значит, и я не перестаю в это верить, будут и деньги», — писала она ему. И в этом их желания совпадали.

Через день после выступления, 23 ноября, Артур Саймонс проводил Верлена на Паддингтонский вокзал и посадил его на поезд, отправлявшийся в Оксфорд, после чего отправил сообщение Ротенштейну, чтобы тот готовился к встрече. Профессор истории Йорк Пауэлл, французский поэт Шарль Боннье и юный художник, имя которого нам неизвестно, ехали одним поездом с Верленом, они видели, как он сошел на перрон. На нем было длинное пальто и мягкие туфли. Прямо с вокзала поэта отвезли в колледж Крайст-Чёрч^[697]. Там его окружили любопытные студенты, для которых он был скорее доисторическим ископаемым, нежели поэтом, достойным восхищения. Что же касается лекции, не могло быть и речи о том, чтобы Верлен читал ее в пиджаке. Ему пришлось с любезной миной на лице облачиться во фрак, который специально для него приготовили. Все это поразительно напоминало церемонию в Академии. В зале, доверху заполненном книгами, — ведь на самом деле это была задняя комната книжного магазина Блэквелла, — собралась немногочисленная публика. В основном это были профессора в тогах и с суровыми лицами —

точь-в-точь судьи. Речь Верлена не отличалась убедительностью, да и аплодировали ему без особого энтузиазма.

Письмо Верлена Филомене из Англии.

Ротенштейн по-дружески предложил Верлену остаться в Оксфорде еще на день, на что тот без колебаний согласился, поскольку не имел в Париже спешных дел. К тому же ему предложили прочесть третью лекцию в Манчестере, правда, лишь в конце следующей недели. Предложение, несомненно, заманчивое, а что делать в оставшееся время? Не зная, на что решиться, Верлен предоставил это на усмотрение Филомены. Он написал ей письмо, а в ответ она должна была сообщить телеграммой, оставаться ли ему в Англии или вернуться в Париж. В ожидании решения Филомены Верлен бродил по старому городу, любуясь романской архитектурой и восхищаясь ее изяществом и очарованием.

Вернувшись в Лондон в субботу 25 ноября, Верлен обнаружил, что ответа от Филомены еще нет. Ну что же, его можно подождать и в Манчестере. А пока, поскольку комната, предоставленная поэту Саймонсом, была уже занята, его поселили у знакомой Горна, мисс

Бродбент, проживавшей недалеко от Ботанического сада по адресу Риджент Парк, Йорк Террас, дом 63.

Верлен был счастлив, окружен друзьями, его не тревожили никакие заботы — ну чем не райская жизнь?! Письмо «дорогой Филомены» вознесло его на вершину блаженства: считая их свадьбу вполне возможной, она, само собой, просила Верлена привезти ей из Англии какой-нибудь подарок.

В ответе Верлена чувствовалось непритворное волнение: «Что до свадьбы, то, если ты и впрямь так думаешь, бракосочетание с тобой было бы самым радостным событием в моей жизни. Мы отправимся в мэрию, когда захочешь. Кроме того, это самое верное средство оставить тебе что-то определенное после моей смерти. О дорогая, пусть будет так, я всегда этого хотел, о, как я тебя люблю!»

Мог ли Верлен думать, что дорога счастья, на которую он ступил, таила столько опасностей?!

Эжени, о которой он было забыл, и не думала сдаваться. Вероятно, от Ванье она узнала о пребывании Верлена в Англии, а точнее, в Оксфорде. Так он зарабатывал там деньги, распорядиться которыми будет ее соперница! Какая чудовищная несправедливость! Раздобыв адрес Ротенштейна, Эжени послала ему предостерегающее письмо, в котором советовала ему держать в секрете все перемещения Верлена, дабы уберечь его от происков третьего лица. Ротенштейн пожал плечами и порвал это бессвязное послание.

Но это был лишь пробный камень. Эжени написала письмо Верлену, вероятно, сделав пометку на конверте «просьба передать через Ротенштейна», так как именно он переслал Верлену это письмо из Оксфорда в понедельник 27 ноября. На этот раз Эжени без обиняков и намеков сообщала Верлену беспощадную правду: «Раскрой глаза! Пока ты там за границей разглагольствуешь, Эстер живет припеваючи, проматывая твои голландские денежки, да не одна, а со своим двадцатидевятилетним дружкой Альфредом, который живет на улице Гласьер, дом 20».

Эти подробности, выдуманнные или сообщенные Биби, поразили Верлена, словно кинжалом. Он так верил «своей женушке», что накануне даже попросил Казальса зайти к ней сказать, чтобы она запаслась терпением, что нужно подождать еще совсем немного. И вдруг такое предательство, возможно ли это? Ну да, он же прекрасно знал эту шлюху, знал, на что она способна. Как он мог быть таким наивным?

Охваченный гневом, Верлен написал жестокое письмо, пересказав изменнице все, что он узнал о ее возмутительном поведении, и требуя

сознаться в предательстве или доказать свою невиновность. Но, поразмыслив, он решил, что сухая официальная записка встревожит Филомену куда больше и вызовет именно ту реакцию, по которой он поймет, виновна она или нет. В сдержанных выражениях, в которых сквозило притворное равнодушие, Верлен сообщал, что посылает ей небольшую сумму денег (один фунт). Зато постскриптум был просто-таки пронизан намеками: «Ты же будь благоразумной и не допускай анархии в нашем маленьком хозяйстве, которое скоро пойдет совсем по-другому. Ты будешь счастливой королевой, а я буду зарабатывать для тебя деньги, для тебя и ни для кого другого. (...) Как тяжело быть вдали от тебя и изнывать от ревности».

Филомена тотчас поняла, что кто-то (а уж она-то знала, кто именно) посеял сомнения в душе ее возлюбленного. Однако она еще не вполне отчетливо представляла себе, как обстоят дела, и решила подождать. На следующий день Филомена получила то самое письмо, которое Верлен решился-таки отправить, и все стало на свои места. Это был настоящий ультиматум: скажи, что это правда, или докажи, что это ложь.

Для Верлена безмятежная жизнь в Лондоне закончилась. Яд Эжени произвел желаемое действие. Несчастный поэт, находясь на грани нервного срыва, готов был совершить любое безумство, вплоть до самоубийства. Он внезапно исчез, чем доставил немало беспокойства своим друзьям, и вернулся лишь через несколько дней, потратив все свои деньги, а именно шестьсот франков, в Сохо и Ист-Энде. Это подтверждает его следующее письмо Филомене от 2 декабря 1893 года: «Впрочем, я все уладил таким образом, что разные мелкие неприятности, вроде давешних, впредь не возникнут, а я, по получении шестисот франков, больше не окажусь через два дня без су в кармане».

Очевидно, это были отнюдь не мелкие неприятности, а сильное потрясение, иначе Верлен бы так не терзался, с трепетом ожидая и страшась письма Эстер.

Именно тогда он начинает «сепаратные переговоры» с Эжени, которой пишет осторожное письмо, давая понять, что ветер переменился. Неверная Филомена будет сурово наказана за свое предательство.

Укрепив таким образом тылы, «несчастный обманутый» мог теперь безо всякого риска уверять Филомену в том, что любит ее больше жизни. Чтобы позабавить «суженую», Верлен вложил в следующее письмо рисунок: он на коленях вымаливает прощение у своей красавицы, восседающей в кресле и вопрошающей:

— Так все это вранье — правда?

Между тем наступил день, на который была назначена лекция в Манчестере, — 1 декабря 1893 года. Верлен уже собирался уезжать, когда ему вручили долгожданное письмо Эстер. Разумеется, в ответ на обвинения она отпиралась и возражала, но скорее сдержанно:

— Да нет же, я тебе не изменяю.

Вялое возмущение, больше похожее на признание вины.

Туманный, мгlistый Манчестер был созвучен настроению поэта. Молодому пастору Теодору Лондону было поручено принять Верлена. В кармане пастора лежало письмо Артура Саймонса с описанием внешности поэта. «Старый господин, сильно хромающий на левую ногу, с огромными глазами, в черной фетровой шляпе, старом длинном пальто и выцветшем пестром галстуке»^[698].

Вместе с пастором Верлена встречал профессор из Женевы Эмиль Балли. Они усадили поэта в фиакр. Кучер взгромоздился позади седока, и экипаж покатил по дороге в Салфорд, пригород Манчестера. Там, в доме 23 по Вест Хай-стрит супруга пастора и его младшие брат и сестра встретили поэта со всей теплотой, на которую были способны их юные сердца, но Верлен, как только ему указали его комнату в нижнем этаже, заперся там и стал писать ответ Филомене:

— О, не изменяй мне! Не будь жестокой. Поверь, в эти дни я был сам не свой. На какое-то время я... сам не знаю, что на меня нашло!

Лекция состоялась в учебном заведении, открытом при одном из храмов, в слабо освещенном зале. Зрителей было человек пятьдесят, все они плохо понимали французский. Не пришел ни один журналист. Верлен прочел лекцию на свою извечную тему, упомянув также о Шекспире и Расине в ответ на «спич» Балли. Зрители сочли своим долгом поаплодировать этой нудной речи, после которой был устроен скромный прием в доме священника. На приеме некоторые студенты и даже студентки подходили к Верлену и горячо пожимали ему руку. В целом, итог выступления был таков: максимум усталости, полууспех и минимум угощения.

Разумеется. Верлен не стал задерживаться в Манчестере и не горел желанием взглянуть еще раз на знаменитую картину Фантен-Латура «Угол стола», выставленную в городской галерее^[699]. В самом деле, не стоило себя утруждать ради этих допотопных парнасцев!

В Лондоне несчастному поэту снова не дают покоя сердечные переживания. «Все будет хорошо, если ты *сейчас* так же откровенна, как и я», — пишет Верлен Филомене, получив от нее еще одно письмо, в котором

она уверяла его в своей искренности. Поразительно! Ведь именно *сейчас* Верлен ведет тайные переговоры с врагом Филомены Эжени, от которой требует лишь молчания, в противном случае, говорит он, все кончено ^[700].

Чем больше Верлен обо всем этом думал, тем больше убеждался, что был прав, решив пожертвовать Эстер, которая никогда его не любила. Говоря о любви, она всегда думала о деньгах. В ожидании его возвращения обманщица развлекалась с молодыми пройдохами и наверняка думала, как бы половчей его обобрать. Как он мог быть таким слепцом! И тогда Верлен написал длинное и злое письмо. «По всему видно, что у тебя есть любовник, что ты живешь с ним и что он издевается надо мной, а заодно и над тобой! Ведь в твоём возрасте ты сама должна платить любовнику, если ему двадцать девять!»

«Давай расстанемся, — написал он в заключение, — ведь мы уже никогда не сможем жить вместе».

На прощание он не отказывает себе в удовольствии в последний раз оскорбить Филомену: «Не ты ли без конца повторяла, что я для тебя лишь очередной клиент! Ну же, имей мужество сознаться, что живешь с этим Альфредом с улицы Гласьер!»

Противоречивость последних строк свидетельствует о том, что в момент их написания Верлена охватило сильнейшее волнение. Он пишет: «Если мы все же должны жить вместе, давай поженимся» и т. д.

А Эжени тем временем получила награду за свои услуги.

«Тебя я тоже люблю, — писал ей Верлен. — Ты всегда была добра ко мне, и работа спорится у меня в руках, лишь когда ты рядом. Не говори мне больше о той, другой. Докажи, что ты лучше, и все будет хорошо».

Неизвестно, состоялась ли последняя лекция Верлена в Лондоне. Саймонс решил организовать ее в последний момент, и еще 26 ноября Верлен ничего не знал наверняка. По-видимому, этот план так и не удалось воплотить в жизнь.

Как бы то ни было, поездка, несмотря на «мелкие неприятности», оказалась весьма плодотворной. Верлен заработал 1375 франков, которые намеревался держать у Ванье, подальше от коготков двух своих бестий.

Верлену оставалось лишь сделать последние распоряжения перед дорогой. 4 декабря он назначил Эжени свидание на следующий день, то есть в среду, на Северном вокзале в семь часов вечера.

«Завтра мы встретимся и поужинаем в каком-нибудь уютном привокзальном ресторанчике, а потом пойдем баиньки». Перед ними открывалась новая жизнь:

«Мы будем счастливы, если сумеем вести себя благоразумно, надо только переехать в другой квартал».

В тот же день Верлен сообщил Эстер, что между ними все кончено:

«Прощай, так будет лучше!..»

Верлен не знал, доведется ли ему еще когда-нибудь побывать на улице Брока, и, не удержавшись от соблазна подшутить напоследок над Филоменой, сообщил ей о своем прибытии на Северный вокзал в четверг, в семь часов вечера. Казальса Верлен тоже на всякий случай оставил в неведении:

— Точно не знаю, когда вернусь в Париж.

Непринужденный тон письма говорит о том, что страдания позади: «Как всегда, все дело в Эстер (A bad name. I prefer Philomène^[701]). Не зря Отелло жил в Англии, я бы умер здесь от ревности, если бы не догадался порвать с этой middle aged woman^[702], она своеобразная, аппетитная крошка, но я слишком ее любил». Зачем же тогда Верлен поручил Казальсу проследить за Филоменой и проверить, действительно ли она принимает у себя «этого молодчика»? «Постарайся все разузнать, — писал Верлен, — а как узнаешь, ничего от меня не скрывай».

Итак, последнее письмо, которому он придавал такое большое значение, написано. Перед тем как покинуть Лондон, поэт дает прощальное интервью корреспонденту газеты «Набросок»:

— Так кто же вы на самом деле?

Верлен сказал, что он вовсе не разбойник и не декадент, а поэт, который любит Шекспира, Теннисона и Браунинга, уважает Гюго и строгость размера.

— Как вам понравился Лондон?

— Снесено столько замечательных зданий! Если это будет продолжаться, в вашем городе останется лишь одна достопримечательность — туман!

Верлен покидает Англию со спокойной душой, впрочем, еще до отъезда из Франции он предполагал, что поездка будет удачной.

Если ему что-то и удалось, так это сменить любовницу. Англичане буквально очаровали Верлена: они были так добры, что пообещали щедро заплатить ему за статьи и стихотворения, которые он обязательно им перешлет.

Пока Верлен плыл из Дувра в Кале, погода стояла чудесная и море было гладкое, как зеркало.

При мысли о том, что ему предстоит снова увидеть «помешанную с

улицы Сен-Жак», Верлен не испытывал ни радости, ни грусти. С таким же невозмутимым спокойствием он представлял, как дуреха Эстер будет ждать его завтра на вокзале, но так никого и не встретит.

Глава XXIV

В БОЛЬНИЦЕ, КАК ДОМА

(5 декабря 1893 — 1 декабря 1894)

Я был убежден, что больше не вернусь на больничную койку, но вот я снова здесь. Теперь мой дом — больница!

Поль Верлен «В больнице как дома»

Верлен снял квартиру с маленькой кухней на шестом этаже дома 187 по улице Сен-Жак и вызвал туда Эжени, которая переехала к нему со всеми вещами и обстановкой. В квартире были высокие потолки и стены, выложенные плиткой. На подоконник Эжени поставила птичью клетку и горшки с цветами, и теперь сквозь оконце, и без того узкое, проникали лишь тусклые лучи света. На стенах появились лубочные картинки и фотографии, на камине образовалась куча всяких безделушек, мебель заполнила комнату: два кресла, четыре стула, большая кровать красного дерева, стол, швейная машинка и т. д.

Верлен наслаждается счастливой домашней жизнью, почти никого не принимает, на улицу выходит лишь по необходимости, но совсем не страдает от скуки. Он пишет, что если высунуться подальше из окна, то слева можно увидеть верхушку башни Сен-Жак-дю-О-Па, а справа, совсем вдалеке, — колокольню церкви Сен-Жак-де-ля-Бушри.

30 декабря 1893 года он обращается к Жюлю Ре с просьбой пересылать всю корреспонденцию на его имя, «ибо госпожа Верлен скончалась»^[703]. Он имел в виду Филомену. Несчастный Верлен, вот уже во второй раз он «овдовел»!

Его книга «Две недели в Голландии» выходит одновременно в двух издательствах: у Блока в Гааге и у Ванье в Париже, благодаря чему на некоторое время семейный бюджет пополняется средствами. Жан Обри полагает, что этот веселый рассказ о счастливой поездке — лучшее из того, что Верлен написал в прозе. Небольшое произведение в сто восемь страниц читается легко, книга иллюстрирована великолепным портретом автора — гравюрой работы Зилкена по эскизу Я. Тооропа. Огорчает, однако, то, что составители не сочли нужным включить иллюстрированные письма и

документы, которые Филипп Зилкен опубликует позже, в издании Блока и Флури в 1897 году и в льежском издании 1922 года с предисловием Малларме. Проза и письма Верлена дополняют и разъясняют друг друга.

Верлен и Эжени дома. Рис. П. Верлена.

Таким образом, по причине слабого здоровья, а также из-за сурового нрава своей спутницы, он был, по его собственному выражению, «заточен», в собственном доме «прикован», «за решеткой». Эжени в каждом посетителе видела шпиона, и потому консьержка, которой были даны соответствующие указания, отвечала всем, что никакой г-н Верлен в этом доме не проживает. Так, Жюль Ре сам смог убедиться в том, что приказ

Эжени исполняется в точности, когда решил заглянуть к ним в гости без предупреждения. Впрочем, Поль и сам опасался «другой»; именно по этой же причине Ванье получил приказание «выставить мадемуазель Буден за дверь, под каким бы предлогом она ни явилась к нему в кассу, ибо она клептоманка»^[704] (sic!). Из осторожности он сам производил денежные расчеты с издателем. Эжени его провожала, а потом шла на рынок.

Внезапная утрата, смерть зяблика Эжени, вдохновила Верлена на написание стихотворения, полного нежности и мягкого юмора^[705]. Птичка скончалась тихо и незаметно, но была погребена с грандиозными почестями: Эжени завернула ее в страницу из журнала «Шануар» и поместила в склепе Пантеона, рядом со славными сынами человечества! Однако кокетство, с которым был совершен этот прекрасный поступок, заставило Верлена с сожалением сказать:

Лучше бы шляпу мою в Пантеон отнесла Эжени!

Верлен вновь обрел покой, и к нему вернулся поэтический дар. Стихотворение 1894 года, в котором он с радостью возвещает о наступлении Пасхи, является достойным продолжением его предыдущего творчества.

Но для друзей его больше не существовало. Он не пришел ни на лекцию Робера де Монтестья о творчестве милой его сердцу Марселины Деборд-Вальмор, несомненно, вдохновившей бы его на стихи, ни на премьеру спектакля Вилье де Лиль-Адана «Аксель» в театре «Монпарнас». Но когда ему случалось выбраться из дому, дело принимало серьезный оборот. Вот что говорится в кратком донесении, составленном комиссаром полиции квартала Сорбонны (без комментариев): «10 февраля 1894 года. Поэт Верлен, который должен был присутствовать на банкете литературного общества „Перо“, придя рано утром в условленное место, принял так много аперитива, что его пришлось доставить по месту жительства»^[706].

15 февраля 1894 года в письме постоянному секретарю Французской Академии он сообщил о том, что снова выставляет свою кандидатуру на место, оставшееся вакантным после кончины Тэна, уведомляя одновременно о своем решении нарушить заведенный порядок и воздержаться от традиционных визитов. Выборы состоялись 22 февраля. Бессмертным Академикам пришлось выбирать между Анатодем Леруа-

Больё, Эмилем Золя, Анри Уссе, Эмилем Монтегю и Верленом. Несмотря на то что выборы проводились в пять этапов, в результате голосования не выявилось явного лидера. Наконец, 31 мая «аутсайдер» Альбер Сорель при поддержке вдовы Тэна был объявлен победителем. В отличие от Франсуа Коппе, Верлен, как и Золя, ничуть не сожалел о своем проигрыше. Он ни на что не надеялся и поэтому не испытывал горечи; важен был не результат, а участие. Ну ладно, тем хуже, раз боги того захотели, он не будет «марзаматиком»!

Никто не заметил, что 30 марта 1894 года ему исполнилось пятьдесят. Один лишь Уильям Ротенштейн написал Верлену из Оксфорда, объявив, что скоро приедет в Париж и поведет его в ресторан. Ротенштейн пришел к нему с Рэем Ланкастером, одним из своих друзей, и преподнес букет цветов, в котором была спрятана бутылка хорошего вина — очень мило с его стороны. Верлен отблагодарил их, посвятив им стихотворение, датированное 30 марта:

Они вскарабкались в мою поднебесную конуру
С охапкой цветов, и без задней мысли
В мои пятьдесят лет пожелали мне поутру
Здоровья как у быка и еще много лет жизни^[707].

Именно здоровья как у быка, ибо он чувствовал себя чрезвычайно усталым, да и они нашли, что он довольно плохо выглядит.

Теперь мысли Верлена занимала Англия, новый рынок сбыта для его таланта. Он поддерживал постоянную связь с Артуром Саймонсом, Уильямом Ротенштейном, Балли, Эдмундом Госсе и «преподобным» Лондоном, с переменным успехом пытаясь поместить в то или иное издание свои стихи и прозу. Его сотрудничество с английскими журналами будет продолжаться вплоть до самой смерти, и даже после нее: если его «Уединение» и «Страх» появятся в «Фортнайтли Ревью» в марте 1894 года, «Оксфорд» в «Пэлл-Мэлл Мэгэзин» — в мае, «Я учитель» и «Мой Шекспир» — в июле, то рассказ о его поездке в Лондон будет издан лишь в апреле 1896 года, уже после кончины поэта.

Писал он по-французски, а печатали его по-английски, поэтому требовалась постоянная доработка и правка перевода и непрерывный обмен письмами с главным редактором журнала и переводчиком — задача, абсолютно непосильная для Верлена, совершенно неспособного на кропотливую и последовательную работу. В силу тех же причин выплата

гонораров тоже проходила не без трудностей. Фрэнк Харрис, главный редактор «Фортнайтли Ревью», рассказывал, что, получив одно из стихотворений поэта, он выслал ему чек, а через месяц ему пришло письмо, в котором Верлен спрашивал, понравилось ли Харрису его творение, с постскриптумом: «Просьба выслать гонорар по нижеследующему адресу...^[708]» Впрочем, Поль обнаруживал подобную беспорядочность и в личных делах: не знал в точности, уплачено ли за жилье, забывал отдавать долги, будучи уверенным, что уже расплатился или даже сделал это дважды.

Ему все прощалось, как маленькому ребенку, и потом, он был таким милым! Друзей Поля приятно удивляли его стихотворные послания: такие «сувениры» получили Артур Саймонс («Фонтен Корт»), Эдмунд Госс («Воспоминание о лекции в Барнардс-Инн») и преподобный Лондон («Воспоминание о Манчестере»). Но Верлен любил взаимность. Когда Ротенштейн забыл прислать ему обещанные подарки, он призвал его к порядку: «Не получил ни трубки, ни гостинца для мадмуазель Кранц, которая сгорает от нетерпения»^[709].

А еще к нему приходили гости. Иностранцев, которых трудно было заподозрить в шпионаже, Эжени спокойно пускала на порог. Однажды в их доме вновь появился американец Мортон Фуллертон, которому Верлен когда-то написал: «I am divorced»^[710]. Потом приехал Йейтс (тогда еще молодой, только начинающий карьеру поэт), затем издатель Хайнеманн и т. д...

Но наибольшую радость Верлену доставляли известия о подготовке сборника его избранных стихотворений, который Йорк Пауэлл и Бонье собирались издать у Лейна. Он не сомневался, что благодаря этой книге самая широкая публика, а не только узкий круг посвященных, узнает и по достоинству оценит его творчество по ту сторону Ла-Манша.

В конце апреля 1894 года у Верлена вновь образовался нарыв на левой ноге, и он подумал, что теперь навечно прикован к постели. Доктор Жюльен, к которому он обратился за помощью, срочно направил его в Сен-Луи, старейшую и самую большую парижскую клинику. Его поместили в корпус «Габриэль», палату номер 2 под наблюдение доктора Аллопо. На этот раз Поль расположился с комфортом в отдельной палате, еду ему приносили из дома, он мог в любое время принимать посетителей, то есть чувствовал себя «в больнице как дома». Однако стоило это немало: шесть франков в день.

Процедуры (чаще всего компресс) не мешали ему читать и писать,

удобно расположившись в кресле. Библиотека в больнице была обширной и разнообразной, и Верлен охотно остался бы там до конца дней своих, тем более что Баррес намекнул, чтобы он не беспокоился насчет оплаты лечения после выписки. Таким образом, в перерывах между чтениями «Сладострастия» Сент-Бёва, Горация и серии «Монд иллюстре», которая напоминала ему о днях молодости, он и написал большую часть эпиграмм, скорее дружеских, чем едких, вошедших в одноименный сборник. Он любил также посудачить с соседями, людьми гораздо более достойными, чем те, с кем он лежал в Бруссе. Так, один южноамериканский финансист позабавил его рассказом о своих невероятных приключениях: ему якобы однажды случилось удирать на паровозе от преследовавших его кредиторов ^[711].

Верлену нанесли визит Артур Саймонс, вернувшийся из Италии, и Балли, «манчестерский женевец», который передал ему приглашение от преподобного Лондона вернуться в Манчестер. К несчастью, Лондон вскоре скончался; а ведь он был еще довольно молодой человек!

Но что Верлен ценил более всего — это покой, божественный покой. Какое это было облегчение — не слышать более причитаний и наставлений Эжени, которая мелькает каждую минуту перед глазами, вооруженная шваброй и метелкой! И как только он мог терпеть подобное рабство? Он обещал себе, что никогда, никогда в жизни он больше не повторит своей ошибки. Тем не менее она регулярно навещала его и рассказывала обо всех происшествиях, даже самых незначительных, происходивших дома или на улице, о здоровье птичек и красной рыбки. Эжени, само собой разумеется, считала, что как только Верлен поправится, он вернется в их теплое гнездышко, а он не осмеливался вывести ее из этого заблуждения. Верлен придумал гениальный план, как тайком съехать с квартиры так, чтобы Эжени не смогла завладеть всем его имуществом, и изложил его Габриэлю Викеру 3 июня 1894 года: пусть его верный друг перенесет оттуда по очереди самые дорогие Полю книги, документы и личные вещи. Он должен быть очень осторожным, чтобы домохозяйка ничего не заметила! А главное, чтобы к нему не вздумала вернуться Филомена — это было бы просто катастрофой! Вот почему он очень рассердился, узнав, что в газете «Ле голуа» было сообщение о его пребывании в больнице Сен-Луи. Всем своим знакомым он давал адрес дом 187, улица Сен-Жак.

Поль решил жить один, но для этого нужны были деньги, поэтому он согласился, чтобы Леон Дешан представил министру народного образования прошение о предоставлении ему пенсии. Как он писал

министру Жоржу Легу, его устремлением была всего лишь тихая жизнь, достойная его «литературного прошлого, которое, возможно, было не лишено блеска». Дешан с легкостью уговорил Франсуа Коппе, Жюль Клареси, Орельена Шолля, Стефана Малларме, Хосе-Марию де Эредиа, Сюлли Прюдома, Александра Дюма^[712], Жана Ришпена и Жана Мореаса поставить подписи под прошением Верлена. С такими рекомендациями дело казалось беспроблемным! Прошение было подано 9 июля 1894 года.

Верлен вновь обрел веру в светлое будущее — Ванье только что выпустил его сборник «В лимбе», с портретом автора работы Станисласа Лоуи. Эту небольшую книгу составили четыреста пятьдесят строк довольно слабых стихов, к тому же казалось, что вышла она не ко времени, поскольку посвящена была прошлогодним визитам Филомены к нему в больницу. Но что с того! Для Верлена все средства хороши. Лишь предисловие, датированное 3 июля 1893 года, оставалось актуальным, так как никто до сих пор не смог ответить на вопрос, адресованный читателям: «Произведение заканчивается вопросом — когда же, наконец, автор будет счастлив, да и будет ли?»

Понятно, что Эжени была очень раздосадована, когда узнала, что, выписавшись из больницы 10 июля 1894 года, Верлен остановился в отеле «Лиссабон», что на улице Вожирар, дом 4, в номере 10. Но разве мог он отказаться от щедрого предложения Мориса Барреса оплатить все расходы за проживание, как это было в феврале 1889 года? Чудесное стечение обстоятельств: даровое жилье, уединение, независимость.

18 июля 1894 года скончался Леконт де Лиль, унаследовавший от Гюго почетный титул «Принц Поэтов». С присущим ему благородством Верлен посвятил своему тайному недругу полную любезностей статью в «Журналь» от 20 июля. Некоторые академики, боясь, как бы он не захотел выдвинуть свою кандидатуру на освободившееся кресло, потихоньку пытались его разубедить. «Даже не думайте, — советовали они, — у вас нет ни малейшего шанса на победу... Вы будете скучать на заседаниях...» На это Верлен отвечал: «Я полагаю, главным образом на заседаниях будет скучать сама Французская Академия, поэтому я решил помочь ей избежать этого и взял самоотвод».

Постоянному секретарю он заявил, что отныне будет добиваться лишь места номер сорок один^[713], которое принадлежит Бальзаку, Флоберу и Бодлеру.

Но пока трон Принца Поэтов пустовал.

В августе 1894 года Жорж Докуа организовал с помощью газеты

«Журналь» опрос, разослав анкеты примерно четырёмстам литераторам в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Пришло сто восемьдесят девять ответов.

За Верлена было подано семьдесят семь голосов^[714], и он со значительным отрывом опережал Эредиа, набравшего тридцать восемь, Сюлли Прюдома (тридцать шесть голосов), Малларме (тридцать шесть голосов) и Франсуа Коппе (двенадцать голосов). Далее следовали Анри де Ренье, Морис Бушор, Альбер Самен, Франсис Вьеле-Гриффен, Жан Мореас, Леон Дьеркс и Катулл Мендес.

Победитель воспринял этот успех как справедливый реванш за свой провал в Академии, но не проявил, однако, ни капли высокомерия — он не был гордецом. Когда к нему в отель «Лиссабон» пришла делегация с радостным известием о победе, он показал им Люксембургский сад, который был виден из окна, со словами:

— Я принц, у меня нет дворца, но взгляните на мой прекрасный парк!

Присвоение почетного звания было, как и положено, отмечено обильными возлияниями в один из вечеров в кафе «У Мюллера» в Батиньоле. Эжени, а также г-н Перру из «Фигаро» и датский поэт Суфус Клауссен^[715], находившийся в Париже проездом, были в числе приглашенных. Верлен сиял от счастья. «Он оборвал лепестки с розы и кинул их нам в бокалы», — рассказывает Клауссен в своей книге «Антоний в Париже».

На этом вечере Перру пришла в голову мысль, что Его Высочеству подобает основать рыцарский орден и назначить высших сановников. Верлен тотчас же написал по-гречески и по-латински устав и свидетельства принадлежности к Ордену. Вот перевод Казальса:

«Мы, нижеподписавшиеся, Хранитель печати, Знаменосец и Рыцарь светлейшего Ордена ВЕРной ЛЕНты, по велению дружбы и к великому нашему удовольствию имеем честь вступить в Орден... со всеми подобающими церемониями.

И с нами же под этим высочайшим прошением подписались все присутствующие здесь Рыцари, в пятидесятый верленически-декадентский год».

Принц поднялся и возложил толстую трость на головы своих коленопреклоненных вассалов. «Когда церемония основания Ордена подошла к концу, — продолжает Клауссен, — все мы, простые рыцари, выпили за здоровье короля Поля I, осушив наши зеленеющие чаши, в которых плавали красные лепестки роз»^[716].

На финансовом горизонте Верлена, казалось, обозначилось прояснение. Баррес оплатил 85 % его больничных счетов, то есть 360 из 420 франков. 9 августа 1894 года министерство народного образования предоставило ему пусть и не пенсию, но единовременную субсидию в 500 франков. И, наконец, в это же время стараниями Барреса было создано новое «маленькое общество», пятнадцать членов которого взяли на себя обязательство выплачивать 10 франков в начале каждого месяца в пользу поэта-страдальца ^[717]. Кассир из газеты «Фигаро», г-н Жирон, согласился вести бухгалтерию. Под давлением Барреса в это общество записался и граф Монтеスキю, который, в свою очередь, уговорил вступить в него графиню Греффюль, герцогиню де Роан и графиню де Беарн. Их имена оказались в одном списке с именами близких друзей поэта: Коппе, Ришпена, Сюлли Прюдома и нескольких новичков, в частности Леона Доде. «Маленькое общество» Барреса должно было начать работу с сентября. Так он обещал.

Верлен уже представлял себе, что он не будет больше ни от кого материально зависеть, освободится как от ведьмы Эжени, так и от чаровницы Филомены и заживет праведной монашеской жизнью в тихом квартале в окружении друзей, как в старое доброе время на улице Руайе-Коллар.

Но, как известно, что посеешь, то и пожнешь. По истечении первого месяца независимости, когда Верлену опостылели скука и одиночество, он дошел до того, что начал сожалеть об отсутствии той защиты от себя и от других, которую обеспечивала ему Эжени. Он просто забыл, что праздность порождает в нем лень, доводила до глупостей и полного упадка. Чтобы спокойно работать, ему нужен был опекун.

Сняв комнату в доме 48 по улице кардинала Лемуана, той самой, где он жил после свадьбы с Матильдой, Поль «зондирует почву» и пишет Эжени: «Приезжай, как только сможешь, давай же, ради бога, снова жить вместе, и на этот раз жить в мире!»

— Я ее люблю, и ее присутствие мне необходимо, несмотря на все непостоянство ее характера, — признается он Габриэлю де Итурри. — Но я все же не хочу быть ей в тягость из-за моей больной ноги, сидеть у нее на шее.

Что касается Филомены, то с ней покончено раз и навсегда: «Вы же знаете, сколько раз я становился игрушкой в руках той самой Эстер, толстой женщины, которую вы видели в Бруссе; я, в конце концов, решил изгнать ее из своей жизни».

Он отправил предупреждение своему корреспонденту на тот случай, если эта кровопийца осмелится предъявить либо на его имя, либо на имя графа Монтезкью «совершенно фантастический» фиктивный счет от некоего Шифмана, торговца винами, чей магазин находился по адресу: улица Сен-Жак, дом 110. Самое забавное то, что Шарль Домос, публикуя этот счет за поистине огромное количество вина, пива и абсента, восхищался удивительной способностью Верлена к поглощению спиртного!

Немного позже счет в 100 франков от некоего Бреше за 1891 год также показался Полю в высшей степени подозрительным. Пора было положить конец этому мошенничеству.

25 августа 1894 года Верлен осуществил свое желание — вновь начал совместную жизнь с Эжени. Об этом мы узнаем из письма с обратным адресом «улица кардинала Лемуана, дом 48», написанного в тот же день Эмилю Золя. В этом письме Поль в исключительно теплых выражениях благодарит его за поддержку, оказанную при ходатайстве о субсидии в министерстве.

Но, вкусив свободы в течение нескольких месяцев, Верлен стал менее терпимым. Вскоре после того, как он воссоединился с Эжени, случилась жуткая сцена, вследствие чего она вернулась в свою квартиру на улице Сен-Виктор. Верлен, возможно, и смог бы отнестись по-философски к очередному проявлению ее взбалмошного характера, если бы она, воспользовавшись его отсутствием, — сволочь! — не унесла в залог его рукописи и личные вещи.

Немного позже Делаэ, узнав об этой ссоре, взялся примирить парочку. Он пригласил Верлена и Эжени на ужин в ресторан «Тарле» на улице Суффло, рассчитывая, несомненно, что уйдут они оттуда рука об руку. Верлен пришел один, горько сетуя на то, что Эжени лишила его имущества. Подождав в течение положенного времени, Делаэ решил сам сходить за своей приглашенной. Он почти уже убедил Эжени пойти с ним в ресторан, но тут она заметила Верлена, который, не удержавшись, последовал за Делаэ на некотором от него расстоянии.

— Он убьет меня! — завизжала она.

Делаэ, приложив все силы, кое-как успокоил Эжени. Наконец, пролив потоки слез, она согласилась идти. Ужин начался довольно весело, но затем Эжени вдруг замолчала, помрачнела, поднялась и исчезла. Верлен бросился за ней, а Делаэ в это время продолжал ужинать. Через несколько минут Верлен вернулся один.

— Ну как?

— А так: перед домом стоял полицейский, который не дал мне подняться!

Эжени подумала, что ужин в ресторане был ловушкой, что Верлен под каким-либо предлогом собирался выйти из-за стола и проникнуть к ней в квартиру, чтобы забрать свои вещи. Тогда, решив его опередить, она вызвала полицию, утверждая, что ее домашнему имуществу угрожает опасность!

— Но это же МОЙ дом! — кричал Верлен, стуча по столу. — Это же я плачу за квартиру, я купил всю эту мебель!

Делаэ пришлось признать, что против упрямства Эжени ничто не помогает. Поникший Верлен, опираясь на руку своего друга, направился в сторону гостиницы «Лиссабон». Он был в отвратительном настроении. Перед лицеем Сен-Луи какие-то студенты узнали его, и один из них решил его поприветствовать, но Верлен, приняв вызывающий вид, перебил его:

— Сударь, меня зовут Поль Верлен, и я живу в доме 16 по улице Сен-Виктор!

Молодой человек смутился, но продолжил свою речь. Тогда Верлен повторил грозно:

— Сударь, меня зовут Поль Верлен, и я живу в доме 16 по улице Сен-Виктор!

Студенту оставалось лишь, распрощавшись, удалиться^[718]. А Верлену оставалось лишь в очередной раз пожаловаться графу Монтестью: «Мадмуазель Кранц в последнюю нашу встречу (которая станет самой последней) показала себя чрезвычайно негостеприимной, к тому же она не отдает мне мои рукописи, а также другие вещи; несмотря на все оказываемые мне щедроты, я проживаю в данный момент в доме 4 по улице Вожирар»^[719].

В отеле «Лиссабон» Поль не скучал в одиночестве: его номер находился на втором этаже, а на первом, в противоположном крыле здания, в однокомнатном номере с кухней жили Казальс и Мари Кране. Он часто заходил к ним выпить аперитива и поболтать о том о сем. Мари любезно согласилась делать ему перевязки. Иногда он оставался у них на обед или на ужин. Но за столом, как рассказывает Казачье, Верлен больше говорил, чем пил, так что, когда с обедом было покончено, перед ним оставались еще стакан с абсентом на дне, большой бокал красного вина, чашка с кофе и рюмка коньяка или рома. Совершенно неожиданно Поль вспоминал, что на два часа у него назначена встреча, и принимался пить подряд абсент,

красное вино, кофе и ром с коньяком, вытирал усы, брал трость, шляпу и уходил ^[720].

Он был все еще очень зол на Эжени. Ну чем уймешь эту бешеную собаку? Силой он ничего бы не добился, поскольку полиция была на ее стороне. Хорошенько поразмыслив, Верлен пришел к выводу, что подействовать на нее в этом случае может только одно: выставить на всеобщее обозрение свои отношения с Филоменой, чтобы Эжени лопнула от зависти. Что он тотчас и предпринял.

Здесь следует сказать, что на посту управляющего отелем «Лиссабон» суровую г-жу Агреш сменил господин Робер, довольно милый человек, родом, кстати, из Меца. И Филомена, не заставляя себя долго упрашивать, вновь взяла на себя роль любовницы и рассыльной. Именно тогда Ванье, которого ничто уже не могло удивить, получил из ее рук записку следующего содержания: «Прошу снова принять эту женщину, моего лучшего друга, которая на сей раз сооблаговолила стать моим поверенным в расчетах с вами».

Реакция Эжени последовала незамедлительно — она отомстила с дьявольской хитростью. Надев новое платье и элегантную шляпку, она пришла поболтать к консьержке Филомены и стала хвастать, что своим туалетом обязана щедрости «г-на Поля»! Можно себе представить, какой скандал устроила «г-ну Полю» Эстер, когда до нее дошли слова Эжени. Она была взбешена еще и оттого, что встречала категорический отказ Верлена всякий раз, когда просила у него денег на платье.

Филомена не захотела выслушать его объяснения и ушла, хлопнув дверью. Тогда он попытался оправдаться в письме от 13 октября 1894 года: «Мой дорогой друг, в ту пору у меня уже давно не было ни гроша. И значит, я никак не мог оплатить пресловутые платье и шляпку. Это был, скорее всего, М.Б. ^[721]... который зарабатывает намного больше, чем твой покорный слуга».

Доказательством того, что он ничего не давал «г-же Эжени», служил его отказ встретиться с нею. «Еще сегодня утром, — продолжает он в письме, — я не пустил ее на порог. Она меня столько раз обманывала, что я окончательно решил с ней порвать».

Женщины с их коварными выходками и сценами ревности довели Поля до того, что он впал в глубокое уныние. Ему пришлось в очередной раз использовать единственный веский аргумент, способный заставить красавицу вернуться: «Как только я также смогу помочь тебе деньгами, я сделаю это, хотя ты и поступила со мной ОТВРАТИТЕЛЬНО». Пламенного

обещания и нежного письма, которое он отправил ей на следующий день, оказалось достаточно, чтобы ее убедить.

Гнев Эжени был безграничен. 20 октября 1894 года, проходя по улице Ансьен-Комеди мимо кафе «Прокоп», она увидела афиши, в которых говорилось о предстоящей здесь презентации небольшой комедии Верлена «Мадам Обен». Перед представлением пьесы должна была состояться беседа о творчестве автора. Покраснев от бешенства, она зашла в кафе и разразилась бранью в адрес «великого поэта». Тео де Бельфон, хозяин заведения, попытался ее успокоить, и она удалилась, хлопнув дверью. Но уже через четверть часа она снова была на месте с корзиной, набитой вещами Верлена. С истеричными воплями, не обращая внимания на посетителей, Эжени стала разрывать его рукописи, швырять в потолок его рубашки и носки и, в довершение всего, набросилась на афиши и содрала их со стены мстительной рукой. Разъяренную женщину было не так-то просто выставить за дверь.

Верлен, узнав об учиненном ею скандале, взялся за перо:

«Мадмуазель! Я хотел бы получить обратно мои бумаги, конфиденциальные письма, семейные портреты и документы, рукописи».

Если Эжени не принесет их в течение сорока восьми часов, он «будет иметь честь» подать жалобу самому прокурору Республики на то, что она незаконным образом удерживает принадлежащие ему вещи, материалы, «жизненно необходимые» ему для работы. «Я настаиваю, чтобы вы прекратили на меня клеветать, срывать афиши и подло, как вы на то способны, меня шантажировать». Его голыми руками не возьмешь!

Таким образом, Верлен был не в лучшем настроении, когда вечером 24 октября 1894 года на втором этаже кафе «Прокоп» состоялся доклад Лорана Тайада о его творчестве, за которым последовало представление крошечного отрывка из его пьесы «Мадам Обен». Сюжет был довольно незамысловатый: мадам Обен отказывается уехать с влюбленным в нее Пельтье. Внезапно появляется муж и вызывает на дуэль своего соперника, который его легко ранит. Муж прощает Пельтье, так как тот испытывает к его жене лишь платоническую любовь. «В сущности, здесь каждый выполнил свой долг», — заявляет муж перед занавесом.

Вечер, организованный Хавье Прива и двумя его помощниками, прошел безукоризненно. «Весь цвет» парижского общества, в том числе сам президент Республики, получили пригласительные билеты. Многие влиятельные лица, такие, как Ротшильды, герцогиня де Люнес, герцогиня д'Юзес и т. д., отказавшись от приглашения, прислали денежные пожертвования, другие просто вернули билеты. Была издана шикарная

программа вечера, иллюстрированная Казальсом, с рельефным медальоном по гравюре Александра Шарпентье, изображающим Тео де Бельфона ^[722].

Лепеллетье, Катулл Мендес, Арман Сильвестр находились в толпе приглашенных. Лоран Тайад с большой сердечностью зачитал свой трогательно-слащавый текст. Верлен в первом ряду заплодировал, обнял докладчика, и тут со всех сторон на него посыпались дружеские приветствия. Пьесу приняли хорошо, хотя все сожалели, что она была такая короткая. Занавес упал уже через десять минут после того, как его подняли, тогда, когда интерес к постановке только начинал пробуждаться. Под конец вечера всеми овладела эйфория: декламировали стихи и пели песни, хором повторяя припев.

Приходила ли Эжени подтрунить над виновником торжества, как пишет об этом Тайад? Вполне возможно, хотя скандала она не устроила.

Последние события произвели на Верлена глубокое впечатление. Он никак не мог утешиться из-за того, что рукопись неоконченной драмы «Людовик XVII» была разорвана в клочки: Верлен мечтал поставить ее с Сарой Бернар в роли наследника.

Чтобы забрать то, что еще находилось у этой чертовки Эжени, он был готов на любые жертвы. Он доказал это, подписав 3 ноября документ, дающий ей право забрать весь доход с вечера в кафе «Прокоп», то есть кругленькую сумму в восемьсот франков. Позднее Поль сделает новый шаг к примирению, а скорее, капитуляции: приближался праздник св. Евгении, и по случаю именин Эжени он написал сонет. Это, однако, вовсе не означает, что он хотел сделать ей комплимент.

Но Эжени не соблазнишь парой луидоров и александрийскими стихами. Она не захотела вернуть ни одежду, ни бумаги. Что же делать?

Габриэль де Итурри, узнав об упрямстве этой мегеры, не смог сдержать возмущения, заявив Казальсу, что, если потребуется, он сам пойдет к мадемуазель Кранц! Верлен, которому передали эти слова, горячо выразил свою благодарность. Его письмо от 27 ноября содержит все подробности, необходимые для осуществления этого намерения. В первую очередь — адрес: улица Сен-Виктор, дом 16 («в общем-то, отвратительное здание»), комната 17; затем — список конфискованного добра: белье, одежда, пара десятков книг (Малларме, Виктор Гюго, Сент-Бёв и т. д.), кое-какие журналы, портреты его самого и его друзей и, наконец, статьи и рукописи, озаглавленные «Эссе» и предназначавшиеся для издателя Перрена. «Вы знаете, что она лгунья, — добавляет он, — поэтому не дайте ей обвести себя вокруг пальца. Лучше запугайте ее и сообщите, что

никакие клеветнические выпады в мой адрес совершенно не действуют ни на вас, ни на г-на де Монтескью, ни на кого из моих знакомых».

Навалившиеся несчастья довели беднягу Верлена до того, что 1 декабря 1894 года он вновь оказался на больничной койке в больнице Биша, последней больнице в его жизни. Это случилось так неожиданно, что он даже не успел предупредить г-на Робера, управляющего гостиницей «Лиссабон», что покидает его заведение. 3 декабря он поручил сделать это Казальсу.

Глава XXV

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

(1 декабря 1894 — 10 января 1896)

*Воскреснуть чтоб, умру, как этот год
беспечный;*

*Но где воскресну я? Где обрету свой дом?
И над какой землей легко взмахну крылом?*

*Да, черт возьми! Как Новый год, тайком
Воскресну я, и стану свет предвечный,
А может, белый ангел в небе голубом*

*Поль Верлен «На Новый 1895 год», сб. «Стихи
разных лет»^[723].*

Верлен был возмущен: ходили слухи, что его якобы положили в Труссо, детскую больницу:

— Они что, думают, что я впал в детство?

Была и другая причина для недовольства: статья какого-то «слабоумного журналистишки», который написал, что Верлен, по своему обыкновению, решил «перезимовать» в больнице.

— Как будто я притворяюсь больным, — ворчал тот, — или просто хочу воспользоваться благотворительностью!

В Биша (палата «Жаржаве», койка номер 16), на бульваре маршала Нея, в «неприступном бастионе с двумя флигелями» его не просто лечат: директор больницы, бывший завсегда́тай лавки Лемерра, холит его и лелеет. Поль уже смирился с мыслью о необходимости заново переписывать все материалы, рукописи которых у него отобрали и уничтожила «эта Кранц». Поэтому он попросил добряка Тео, хозяина кафе «Прокоп», собрать и прислать ему фрагменты, разбросанные в его заведении. С их помощью Поль смог бы восстановить утраченное. Заодно Верлен просит Тео позаботиться о тех «тряпках», которые еще находились у него. «Это все, — пишет Поль, — что у меня осталось!»^[724]

Теперь он больше не вступает в открытое противоборство, а отдает

предпочтение обходным маневрам. Здоровье не позволяет ему активно действовать, объясняет он Габриэлю де Итурри 21 декабря 1894 года, добавляя: «У этой Эжени характер самый скверный, какой только можно себе представить». Он стремится покончить с ней раз и навсегда, чтобы больше не давать ей поводов к подозрениям. Любое неосторожное вмешательство со стороны может обернуться катастрофой. Но в сознании его уже прочно укоренилась такая мысль: «покончить раз и навсегда» — значит самому броситься в пасть ко льву, только тогда он тебя не сожрет.

Поль продолжает строить планы, как бы снова войти в милость у госпожи с улицы Сен-Виктор, а в это время в «Пере» выходят его «Эпиграммы», небольшая книга в семьдесят восемь страниц, написанная в том же стиле, что и «Посвящения». Верлен особенно гордился письмом президента Республики Казимира-Перье^[725], в котором тот благодарил его за присланный экземпляр^[726].

Неожиданно появилась Филомена. Ее улыбка, как луч солнца в темном царстве, мигом развеяла его мрачные мысли. Он вновь отправился к Ванье за деньгами, от которых после выплаты комиссионных уже практически ничего не осталось. Любовь и деньги — какая жалость! — вещи несовместимые. Он все же мог позволить себе оттянуть ненадолго наступление черных дней. И какое это было облегчение — не думать больше о поджидавшем его заточении! Поль тотчас же исцелился. Он вообще чувствовал бы себя в прекрасной форме, если бы не мучительная бессонница. Мучительная, но также и благотворная, ибо, размышляя бессонными ночами, он пришел к выводу, что все, без исключения, нещадно эксплуатировали его доброту. Например Ванье, этот магнат с набережной Сен-Мишель, вынуждал его бедствовать, чтобы заставить работать!^[727] Верлен отстранит Ванье, его место займет Леон Дешан. Это был действительно изумительный юноша: он один взял на себя инициативу подать в министерство новое ходатайство о денежном пособии, тогда как другие просто бросили Поля на произвол судьбы. А молодой Казальс, продававший в журналы портреты Верлена без его ведома, — это уж слишком! Больше он не позволит себя дурачить!

Такая ситуация в высшей степени раздражала Поля. Пора было разобраться в своих связях, ибо именно из-за непорядочности одних и равнодушия других он погряз в нищете.

21 января 1895 года, вопреки предостережениям врачей, которые советовали Верлену остаться еще ненадолго, он решил покинуть больницу. Помимо прочего, так он надеялся увидиться с Филоменой наедине, а не в

общей палате. О, он не питал ни малейших иллюзий: она ограбит его или обманет, или то и другое вместе, но, в конце концов, он имеет еще право жить! Поль решил дать своему чувству последний шанс, пока одна красавица утверждает, что любит его, а другая не подняла тревогу. Верлен снял комнату на улице Месье-ле-Пренс, дом 21. Увы! Он был небогат, и Эстер не особенно торопилась нанести ему визит: в январе 1895 года в каком-то кафе он написал сонет «Полночь», в котором выразил свою досаду.

Чтобы забыться, он принялся писать и работал, по его словам, «необычайно плодотворно» вплоть до 10 февраля. В тот день после ухода Филомены Поль обнаружил, что все его сбережения пропали. Когда она вернулась, он ее прогнал. «Не будет больше ни одной женщины, ни одной», — пишет он с облегчением Ванье 13 февраля. Немного позже он объяснит Жюлю Ре, что поссорился с «той, из дома 21 по улице Месье-ле-Пренс, потому что она клептоманка». «Ну и черт с ней!» — скажет он в завершение.

«Черт с ней!» — вот какие слова скажет он, окончательно распрощавшись с прекрасной Эстер, которая столько раз заставляла биться и страдать его старое сердце.

Пришло время расплаты. Если он не хотел умереть на улице или на больничной койке, ему не оставалось ничего другого, как направиться к незаменимой и невыносимой Эжени, которая все еще дулась на него в своей мансарде на улице Сен-Виктор.

Верлен был измотан и слаб. «Я чувствую, что всему виной мое плохое здоровье», — сказал он за два месяца до этого, 21 декабря 1894 года, графу Монтескью. Силы оставляли его, он превратился в жалкую развалину. Новые приступы приковали его к постели; он влачил жалкое существование, как каторжник. В то время он все на свете готов был отдать, чтобы быть «дома», иметь хотя бы подобие домашнего очага, даже самого скромного — к комфорту Верлен никогда не был особенно требователен. Ах! Теперь он ничем не напоминал прежнего влюбленного! Он очень ясно представлял себя, бедного, никчемного старика, без надежд и без злости, вынужденного смириться с заботами тупой сиделки-тирана. Только бы она оставляла его в покое на те два часа в неделю, когда пойдет по магазинам или к Ванье, большего он не просил. Его единственным желанием было стать «незаметным буржуа», как он говорил Казальсу ^[728].

Как и год назад, он не хотел возвращаться на улицу Сен-Виктор без гроша в кармане. В министерстве только что вышло постановление о

предоставлении ему субсидии, хотя и сниженной с шестисот до пятисот франков. Когда же он ее получит? Эти деньги нужны были ему немедленно. Это была «пытка надеждой», по выражению дорогого Вилье де Лиль-Адана. Он был на грани нервного срыва, как в худшие дни 1887 года, подумывая время от времени о самоубийстве. Как было бы просто — избавиться от всего разом! Однажды вечером Адольф Ретте, критик-анархист, с которым Верлен завязал дружбу, в сопровождении Стюарта Меррилла и двух других англичан, проходя по мосту Пон-о-Шанж, заметил там Верлена, наблюдавшего за течением реки, в задумчивости облокотясь на перила.

— Я вот тут подумал, — сказал он им, — а не стоит ли мне броситься в воду... ^[729]

По тону было понятно, что он не шутит. Ретте и его друзья пригласили Поля поужинать в какой-то кабак, где они довольно приятно провели вечер, но на следующий день его снова стала душить тоска. Если Эжени его отвергнет, если он никому не нужен, ему остается только одно: броситься в мутные воды Сены. Стихотворение «Единственной» выражает чувство крайнего смятения, в котором он находился. «Вернись, о вдова!» — таковы последние слова этого сонета, в первых строках которого Верлен позволил себе еще некоторую вольность.

«Негодяйка» Эжени была его единственной надеждой на спасение. Пусть она только ни на что не рассчитывает. Поль сообщил ей в письме, что он беден, как никогда, болен, измучен до смерти и печален. Он придет к ней только тогда, когда получит деньги из министерства, что, по его подсчетам, должно произойти через три дня. Увы! Пройдет немало времени от решения министерства до приказа о выдаче денег, а от приказа до их перевода и того больше. По истечении трех дней, так и не дождавшись денег, Поль предстал перед своей «вдовой»:

— Это я.

— Ну что ж, заходи!

Он был спасен!

Даже с ангелом-тюремщиком комната, в которой он оказался, была раем.

Наконец-то Поль вновь обрел долгожданный «дом», с цветочками, птичками, безделушками, безупречной чистотой и даже с портретом старика Гюго на мраморе секретера!

Увы, вскоре он себя чувствовал уже не «в больнице, как дома», а «дома, как в больнице» — опять эта нога! Ему пришлось лечь в постель и

вызвать врача, который и вскрыл вновь образовавшийся абсцесс.

«Если учесть, что на той же самой „ходуле“ мне уже сделали двадцать пять надрезов, — пишет он Катуллу Мендесу 18 марта 1895 года, — то это просто полная катастрофа»^[730].

Выбившейся из сил Эжени пришлось нанять домработницу Зели, которая останется с Верленом до конца. Эта маленькая старушка не требовала большого вознаграждения, но врач, аптекарь, булочник, бакалейщик и другие не могли долго довольствоваться одними обещаниями.

«У меня нет денег даже на хлеб», — пишет Верлен Ванье, который усмотрел здесь лишь очередное литературное клише, хотя поэт говорил сущую правду. На доход от «маленького общества» рассчитывать больше не приходилось, шло время, а денежные переводы так и не поступали. Из министерства также не было никаких известий. Положение было отчаянным.

Наконец, 10 марта почтальон принес пять банкнот по 100 франков, дарованных «в виде поощрения» (sic!). Все долги были разом погашены, но несчастному ничего больше не оставалось, как писать — долго ли? — стихотворения по 10 франков за штуку. На них была его последняя надежда.

30 марта он получил несколько поздравлений с днем рождения из Англии. Его, несомненно, тронуло послание от Филомены, которое незаметно для Эжени показал ему Жюль Ре: «Гаспадину Полю Вирлену испалняца пядесят адин год я хатела бы штобывы книму пашли и пиридали это письмо фтайне от Ижыни (sic)»^[731]. Этот тактичный жест показывает, что Франсуа Порше перегнул палку, назвав ее «уличной девкой самой презренной природы, гнусной развратницей»^[732].

Ведя отныне затворническую жизнь на улице Сен-Виктор, Верлен стал похож на скромного рантье, как он того и желал:

А я курю табак, пишу стихи и рад...^[733]

Полю приходилось работать без отдыха — Эжени не желала кормить бездельника. Плоды этих принудительных трудов составят, как он говорил, его «посмертную книгу».

Это в будущем. В настоящий же момент вышла «Исповедь». Книга получилась довольно живой. Она прекрасно иллюстрирует следующую

мысль Андре Мальро, высказанную им в «Антимемуарах»: «Истинное в человеке — прежде всего то, что он скрывает»^[734], а каждому есть, что скрывать. Нам нравится создавать свой собственный образ; чаще всего мы приукрашиваем его, но подчас без видимой причины приписываем себе какие-нибудь недостатки. Таким образом мы надеемся скорее заслужить прощение ближнего, как надеемся получить отпущение грехов, идя на исповедь. Стиль «Исповеди» ближе скорее к разговорному, нежели к ученому. Но и наивность бывает зачастую наигранной.

Повествование обрывается еще до появления на сцене Рембо. Можно лишь пожалеть, что Верлен не дописал ее до конца, а ведь у него было такое намерение. «Вторая часть будет более любопытной», — сообщает он Ванье в августе 1895 года. Да, действительно жаль!

Наступило лето, он «еле-еле передвигается», не осмеливаясь даже спускаться по лестнице.

Тем не менее он был бы совсем не прочь оказаться на празднике, посвященном Мюрже^[735], который проходил 28 июня. Реймон Пуанкаре, министр народного образования^[736], должен был в тот день в Люксембургском саду торжественно открыть бюст автора «Сцен из богемной жизни». Но в знак протеста против непомерной стоимости входа на официальный банкет (шесть франков), на который была приглашена молодежь, студенты во главе с Казальсом организовали контрбанкет за два франка и позволили себе открыть памятник раньше министра^[737].

Но Верлен — увы! — был теперь от богемной жизни далек.

В другой раз знаменитая певица варьете Эжени Бюффе устроила во дворе его дома небольшой благотворительный концерт. Узнав, что здесь живет Верлен, она тут же поднялась на шестой этаж, чтобы его поприветствовать. Поль был очень польщен, стал благодарить ее, но в эту минуту неожиданно появилась его собственная Эжени, которая, приняв гостью за шпионку Эстер или за бывшую любовницу Поля, вышвырнула ее за дверь, обозвав воровкой. Соседи подхватили ее крик, а внизу зеваки уже начали высказывать недовольство. Консьержка попыталась остановить «воровку», а та обозвала ее потаскухой. Комнату консьержки стали брать приступом. Она же, обезумев, вытащила свой револьвер и разбила вдребезги стекло, поранив певице руку. Поклонники посадили раненую в фиакр и увезли. Верлен, осторожно спускаясь по лестнице, смог добраться до поля битвы, лишь когда все было уже кончено. Вечером журналисты пришли брать у него интервью.

— Бедной Эжени Бюффе не повезло, — заявил тот, — она пришла меня навестить, и на нее накинулась наша бешеная консьержка!

Ну что еще он мог сказать в присутствии своей «сиделки»?

Слух об этом облетел весь Латинский квартал. В письме Верлену от 23 июля 1895 года из Вальвена Малларме делает тонкий намек на произошедшее: «Дорогой друг, как ваша нога? Вы выходите во двор, когда там музицируют, или прячетесь за цветочными горшками?»

Каждый новый день приносил ему новую весть, то хорошую, то плохую. Хорошей новостью был, например, полученный им от Жюля Ре план города Нанси, на котором появилась улица Поля Верлена.

А также неожиданное заявление г-жи Изабель Рембо о том, что она наконец дает разрешение на публикацию поэтического наследия своего брата. В скором времени для издательства Ванье Верлен составил предисловие к сборнику, который вышел в свет в октябре того же года. В этом сочинении, исправив множество ошибок, допущенных в текстах из-за непонимания или по злему умыслу, он, не скрывая своего полного восхищения, все с той же свежестью чувств отдает дань поэтическому и прозаическому творчеству своего друга. Поль не смог удержаться от того, чтобы не оспорить попутно версию о христианской смерти Рембо, навязанную всем Изабель. Он все-таки знал Артюра лучше, чем сестра! «Он умер, — пишет Поль, — четко осознавая, что хочет только независимости, и испытывал высочайшее презрение к поклонению чему бы то ни было, что ему не нравилось или его не прельщало». Но, даже несмотря на это, предисловие очень понравилось Изабель.

Плохие новости? Например, издание труда некоего Макса Нордау, который назвал Верлена самым воплощением слабоумия. Один английский журналист, Д. Ф. Ли, в гостях у Верлена слышал, как тот говорил о Нордау в таких выражениях, что краснели стены^[738]. Еще одна плохая новость пришла из Англии: собрание его «Избранных стихов» не может быть напечатано, ибо лондонская публика, возмущенная скандальным процессом Оскара Уайльда, по слухам, била витрины магазинов, торгующих декадентскими книгами. Издателю Лейну пришлось бежать в Америку!^[739]

К концу августа 1895 года Верлен смог наконец выйти на улицу. Но если здоровье его улучшалось, то с финансами дело обстояло гораздо хуже. Задаешься вопросом — а как же слава, неужели она не помогала ему? О да, его слава... Она была настолько огромна, что вообще не приносила дохода! «Литература? Какая глупость... по крайней мере для меня!» — заявляет он

Габриэлю де Итурри в письме от 30 августа 1895 года.

Хотя попрошайничество было крайним средством, он направил министру образования Р. Пуанкаре ^[740] новое прошение о субсидии. На этот раз, по счастью, оно дало немедленный результат, поскольку имело поддержку в лице Роже Маркса, инспектора музеев при министерстве. Он был обязан Верлену: тот написал рецензию на его «Альбом по индустриальному искусству, представленному на Всемирной выставке».

Но Эжени не питала никаких иллюзий, она знала, что ей придется до конца тянуть на себе безнадежно больного Поля, оставшегося без средств к существованию. Хотя семейный бюджет находился в плачевном состоянии, она приняла жизненно важное решение: поменять квартиру. Ее мансарда, душная летом и холодная зимой, совершенно не подходила для инвалида. Сам инвалид на это никак не отреагировал: сообщая Уильяму Ротенштейну о предстоящем переезде, он пишет: «Ну вот опять! Не знаю, куда едем» ^[741].

На этот раз они оказались в старинном доме 39 по улице Декарта, за Пантеоном. На пятом этаже этого особняка они сняли очень скромную двухкомнатную квартиру с кухней.

Осенью 1895 года Верлен совершал свои последние, очень короткие прогулки. У свидетелей его появлений в Латинском квартале остались незабываемые впечатления. Как когда-то в Куломе, он вызывал восхищение и трепет. Прохожие останавливались, чтобы посмотреть на это необыкновенное зрелище. Андре Жид писал: «Пьяный Верлен был великолепен». Он видел его однажды на улице: Верлен прислонился к стене, шляпа его упала в ручей, а сам он пытался отогнать ватагу донимавших его уличных мальчишек. Поль Валери, которому в тот год исполнилось двадцать четыре, оставил нам чрезвычайно яркую картину прогулок Верлена:

«Почти ежедневно я наблюдал, как он шествовал мимо, выходя из причудливого логова и направляясь, жестикулируя, к какой-нибудь харчевне близ Политехнической школы. Этот отверженец, этот святой, прихрамывая, стучал о землю тяжелой палкой, какие бывают у бродяг и калек. Жалкий, с пламенем в густо обросших ресницами глазах, он потрясал улицу своей грубой величественностью и раскатами своих умопомрачительных речей. В сопровождении друзей, под руку с какой-нибудь женщиной, он, одолевая дорогу, держал речи к своей благоговеющей свите. То и дело он останавливался, чтобы все свои силы вложить в яростное поношение кого-нибудь из окружающих. Затем он

затихал и, сопровождаемый своими „близкими“, удалялся под назойливое шлепанье калош и стук дубинки, изливая великолепный гнев, который изредка, как бы чудом, сменялся смехом, почти столь же свежим, как смех ребенка».

Но такой колоритный Верлен будет все реже и реже появляться на холме Св. Женевьевы. Он больше не выходит из своей квартиры на улице Декарта. Он абсолютно немощен, обессилен своим прошлогодним заточением, часами сидит в кресле, размышляя о страшном будущем, предаваясь мечтам или слушая Эжени, зачитывающую ему хронику происшествий. Вновь, как и на улице Сен-Виктор, его подавляет мучительная бездеятельность.

Чтобы убить время, Поль забавляет себя тем, что красит все в доме золотой краской: стулья, шнурок от звонка, цветочные горшки, птичью клетку, разрезной нож и даже свое перо!

— Я, как царь Мидас, превращаю все в золото! — говорит он ^[742].

Однажды Морис де Плесси, усевшись на свежевыкрашенный стул, испачкал брюки. И вот какова была его реакция: «Еще никто не уходил от поэта, усыпанный золотом!» Но Поль занимается не только покраской мебели: он ведет что-то вроде хроники парижской жизни для газеты «Сенат». Вот его рассказ о преждевременной смерти Эдуара Дюбу, вот рецензия на новую книгу графа де Монтескью «Шаг от сна к воспоминанию» и прочее.

Эрнест Делаэ в своей книге «Верлен» показывает нам его обыденную жизнь. В ней есть один характерный отрывок: рассказ о том, как, пользуясь отсутствием Эжени, Бибиля-Пюре пришел поболтать с Верленом. Когда она вернулась, Биби сидел, развалясь в ее кресле; это совсем не понравилось Эжени:

«О, напрасно он рассыпался в приветствиях, напрасно с усердием осведомлялся, не прошел ли скверный насморк... кривляясь, как обезьяна... Сперва с ней случился приступ сильного кашля, она носилась по комнатам, яростно вытирая пыль, толкала Биби, мела у него под ногами... и вдруг, под воздействием сердечных средств, которые она только что приняла, разражалась порывом выпревшего гнева.

Как ее здоровье? Ведь он именно об этом спрашивал? О-ля-ля! Да она просто подышает... да, подышает, или, вернее, ее заездили, как вьючное животное, она ухаживает за бездельником, сводником, человеком, которому не стыдно быть на содержании у женщины... О, она не боится никакой работы... она работала всю жизнь и продолжала бы работать дальше

(указывая на стоящую в углу швейную машинку), если бы ей не пришлось ходить за этим типом, который взял себе в привычку устраивать оргии с потаскухами... и по которым к тому же он потом скучает, с которыми поддерживает связь... она это прекрасно знает... она больна, но не слепа... Она не дура, а честная труженица!..

И она принималась бить себя в грудь, чтобы показать свое возмущение, которое перерастало в яростный гнев; Поль „потащился за своей палкой“, а она побежала на кухню и вернулась оттуда с ножом, вопя: „Давай, убей меня одним ударом, душегуб!“»

Как только Биби ушел, покой был восстановлен. Они заговорили о Матильде, и в тоне Верлена звучал не гнев, но нежность и спокойствие. Конечно, Эжени вспомнила о своих успехах, когда на сцену ей кидали букеты цветов, и тогда, поддавшись воспоминаниям, она стала петь те песни, которые принесли ей успех в кафешантане. Верлен тоже принял в этом участие, и вскоре глаза его заблестели, он вошел в азарт и стал аккомпанировать ей, размахивая кастаньетами за два су!

То почти сочувственное равнодушие, с которым Верлен вспоминал Матильду, объяснялось, по-видимому, каким-нибудь новым происшествием. Что-то должно было случиться, ибо еще в июле 1895 года, когда она объявилась у него в квартире (неизвестно, по какому поводу), ее бывший супруг, трепеща от злости, написал очередное стихотворение, исключительно злое.

Возможно, этим происшествием стало письмо сына Поля, Жоржа, из Суаньи^[743], которое, к своему удивлению, Верлен получил 15 октября 1895 года. Жорж писал, что устроился подмастерьем у г-на Колле, часовщика, и изъявил желание повидаться с отцом при пересадке с одного поезда на другой, чтобы «немного поболтать». Лучше всего было бы, если бы последний приехал в Бельгию, или, если он не может этого сделать, выслал бы ему немного денег, чтобы Жорж мог приехать в Париж^[744]. Верлен ответил ему полным нежности письмом, в котором говорил, что состояние здоровья не позволяет ему путешествовать и что если бы у него были деньги, то он отдал бы их ему от чистого сердца. Было и второе письмо от сына, и второй ответ Верлена, но на этом переписка прервалась. Через три недели, удивившись, он навел справки у бургомистра города Суаньи, проживал ли все еще его сын в этой коммуне. Но его письмо вернулось со следующей надписью на обратной стороне конверта: «Указанный г-н выехал из Суаньи около трех или четырех месяцев тому назад, будучи немного нездоровым. Проведя сутки в больнице Брен-ле-Конт, он вернулся

к своей матери, которая проживает в Брюсселе, авеню Луизы, дом 451».

Что могла означать эта история? Неужели Жорж написал по собственной инициативе, а мать по его возвращении запретила ему продолжать переписку?

Верлен дал своему другу, мэтру Анри Картону де Виару, деликатное поручение: связаться с молодым человеком по указанному адресу. Главное — убедить того ничего не говорить матери, «ибо я думаю, что он чересчур наивен», добавляет Поль. Позднее Анри Картон де Виар сообщил ему, что в доме 451 по авеню Луизы в Брюсселе не знали никого по фамилии Дельпорт (на самом деле Матильда проживала в доме 454).

Это известие привело Верлена в полное замешательство. Что это был за часовщик Колле? Что это была за болезнь? Поль снова обратился за помощью к своему бельгийскому другу: пусть тот разыщет семью Дельпорт и известил его, не планируется ли с их стороны «судебное преследование». Все больше и больше он убеждался, что речь шла о попытке шантажа. Его хотели заманить в ловушку; за просьбой Жоржа о денежной помощи, вероятно, последуют новые требования, которые он будет повторять по наущению мамы, чья жадность воистину не знает границ. И потом, Жорж был из рода Моте, а их следовало остерегаться. Этим дело и ограничилось.

Появление «Полного собрания поэзии» Рембо очень обрадовало Верлена. Он приложил все усилия, чтобы обеспечить книге успех. 1 октября 1895 года в газете «Сенат» Поль представил английской публике своего гениального друга, оклеветанного Дарзансом в его «ужасном „Реликварии“». 15 ноября в «Пере» он рассказал о прибытии арденнского поэта в Париж в сентябре 1871 года, а в «Изящных искусствах» уверял, что Рембо был человек, далекий от богемы, что он не был ни развязен, ни ленив. Верлен своеобразно отблагодарил Изабель за понимание, упомянув ее версию о последних минутах Рембо и не вступая с ней в противоречие: «Тихая христианская смерть, „смерть святого“, как говорит один из биографов, который был тому очевидцем».

Со своей стороны Изабель также осталась довольна предисловием Верлена, хотя, как она пишет Ванье, ей кажется, что оно недоработано.

Все хорошо, что хорошо кончается. История с Рембо завершилась всеобщим примирением.

Этот успех утвердил Верлена в решении противостоять превратностям судьбы: он будет бороться до конца. Ему посчастливилось в то время

познакомиться в букинистической лавке с одним коллекционером, Пьером Дозом, главным редактором журнала «Книжное обозрение», который предложил ему «делку»: двадцать четыре сонета по 10 франков каждый на тему книгомании. Это был не очень-то захватывающий сюжет, но на 240 франков можно было бы прожить целый месяц. Верлен сразу же согласился при условии, что Доз будет высылать деньги сразу по получении очередного сонета.

Так появились «Библиотека», «Поступление каталога», «Первое издание», «Набережные» и другие произведения. «Этот цикл меня забавляет», — заявляет он Дозу 6 ноября 1895 года. Но последний был удовлетворен лишь наполовину: все это было неплохо, но слишком прозаично и недостаточно доступно для читателя — два противоречивых требования, невыполнимых одновременно^[745]. Верлен немедленно заартачился: «Я отделяю все мои стихи с особой тщательностью, и каждый из этих сонетов стоит мне большего литературного труда, чем иное крупное произведение»^[746]. Возможно, Доз просто был раздосадован едва скрываемой в этих стихах иронией в адрес маньяков-книголюбов. В конце 1895 года тринадцать сонетов были уже готовы, прочие ждали своего часа, среди них «Эксперт», «Оценщик», «Аукцион», «Уличный торговец» и другие.

Но Верлену пришлось приостановить работу, так как в конце ноября опасный грипп, который он не долечил еще в прошлом году, отнял у него все силы. «Ужасная простуда, вкупе с болями в желудке, выматывает меня в буквальном смысле слова», — пишет он, извиняясь, Дозу 22 ноября. Несмотря ни на что, боль быстро проходит и к Новому году совсем исчезнет (по крайней мере, он на это надеется).

7 декабря Верлен в последний раз вышел из дома. В тот день граф де Монтескью пригласил Поля с несколькими друзьями и одним южноамериканским генералом на ужин в ресторан «Фуайо». Сам граф задержался в силу обстоятельств и передал извинения через своего секретаря. Позднее было обнаружено меню, на котором приглашенные написали послание графу: «Мы сожалели о вашем отсутствии, но первый бокал шампанского выпили за вас». Подписи: генерал Мансилья, А. Нероза, Е. Гарсия-Мансилья, Шарль Кювилье, Поль Верлен, Г. де Итурри^[747]. Это было роскошное пиршество, шикарный стол: раки и фуа гра^[748].

— Сегодня вечером я чувствую себя молодым, — заявил Верлен, воздав должное пище, но не переходя границ разумного.

Через несколько дней ему стало очень плохо: новая вспышка гриппа, осложненного болями в печени и желудке. 13 декабря он сообщает Ротенштейну, что от болезней — «у меня грипп, инфлюэнца, коклюш, и еще черт знает что» — он буквально валится с ног^[749]. Он лечится. «Не поздно ли?» — спрашивает он у Анри Картона де Виара. В самом деле, он очень обеспокоен: его левая нога распухла, это дурной знак, живот пучит, а это еще хуже. Но главное — он поражен духовно, его долги постоянно растут, страх перед будущим не дает ему уснуть по ночам: если он не сможет заплатить за жилье, его вышвырнут на улицу, а если ему не дадут кредит, то ему ничего не останется, как помереть с голоду. Бессонница сменилась горячкой. Поскольку в те дни много говорили о Трансваале и английской армии, то однажды, после того как Эжени прочитала Полю статью на эту тему, ему приснилось, что он английский офицер, ответственный за обмундирование. Не хватает касок, ему грозит наказание. Он все считает, пересчитывает, ошибается, начинает снова, но так ничего и не находит. Наступивший день не принес ему облегчения: теперь ему придется тщетно искать не недостающие каски, а деньги.

Его письмо от 30 декабря графу Монтестью, на французском и на дурном английском, есть, по его словам, крик отчаяния: «Я болен, как никогда; я не могу ничего сберечь, в доме ни сантима, мне нужны лекарства, пять видов». И в конце письма: «Срочно нужны immediate money^[750]! Перешлите по почте, а лучше принесите сами».

1 января 1896 года Ванье, придя поздравить его с Новым годом, нашел его в подавленном состоянии, полным пессимизма.

— Мои отец и мать, — сказал ему Верлен, — оба умерли в январе...

Теперь, по некоторым таинственным признакам, он знает, что смерть, его старая подруга, ждет не дождется его в передней. В семнадцать лет он уже признавался ей в своей страсти:

Ведь я вас так люблю, о, мадам Смерть!^[751]

Наконец-то: вот она прямо перед его лицом! Забросив убийственно скучные «библиосонеты», он пишет свое последнее стихотворение:

СМЕРТЬ!

Смерть, я любил тебя, я долго тебя звал,
И все искал тебя по тягостным дорогам.
В награду тяготам, на краткий мой привал,

Победоносная, приди и стань залогом!^[752]

В этом призыве нет ничего ненормального. Никогда смерть не означала для него тление или небытие. Напротив, она всегда была синонимом рассвета и пробуждения. Это счастливый переход в «жизнь, которая всегда остается неизменной».

Жить — значит умирать, а умирать — рождаться^[753].

Что же, если Верлен не испытывает метафизической тоски, означает ли это, что он сохранил веру в Христа? Мы не можем быть в этом уверены. Он был не из тех, кто искал пристанища в Боге из страха; он был уверен, что познает нечто *иное*, не потому, что так его учили, а потому, что в его глазах это было *естественно*. Счастливый человек!

В ответ на его просьбу Робер де Монтескью поспешил преподнести ему в качестве новогоднего подарка сто франков, которые пошли на покрытие задолженности за квартиру. А пока Верлен принимал его, лежа в постели, в дверь позвонили. Это была Филомена, которая, узнав о его болезни, рискнула зайти и поздравить его с Новым годом. Это была, по словам Мориса Барреса, «жуткая сцена». Эжени, как кошка, набросилась на соперницу и вышвырнула ее за дверь, разразившись потоком брани. Верлен, чуть не плача, стонал: «Довольно! Довольно! Дайте мне спокойно умереть!» Монтескью сделал все возможное, чтобы успокоить Эжени:

— Мадам, на вас возложена высокая миссия, ваше имя останется в веках, вы ухаживаете за великим поэтом Полем Верленом; так будьте же благоразумны, иначе придется увезти его от вас^[754].

Сто франков — немалая сумма, но как же оплатить счета аптекаря, булочника, бакалейщика, молочника? Как только за графом закрылась дверь, Верлен отблагодарил его тревожным письмом: «Могу ли я рассчитывать на „Фигаро“? В противном случае я окажусь в безвыходном положении. Я не знаю, что еще можно предпринять».

2 января он написал еще два письма — два последних письма в своей жизни. Одно было адресовано Жюлю Ре, Верлен сообщает ему, что с удовольствием будет сотрудничать с издаваемой им газетой «Образ»; другое — Пьеру Дозу, Верлен благодарит его за деньги, которые получил за два сонета, всего двадцать франков. В обоих письмах значит: «Я лежу в постели, а если на чем и сижу, так это на молочной диете».

Для выхода из этого тупика оставалось только одно средство: срочная субсидия из министерства народного образования, по меньшей мере в пятьсот франков. Делаэ, который как раз служил в этом министерстве, был срочно вызван на улицу Декарта. Он появился там 4 или 5 января, в воскресенье.

— Эти деньги нужны мне немедленно, — сказал ему Верлен, — ты слышишь, немедленно, иначе будет слишком поздно!

Делаэ и сам это понял: у него защемило сердце, когда он увидел синее лицо и потухшие глаза Поля. Он немедленно поднял по тревоге своего друга Анри Морнана, который обратился с просьбой к Жюлю Готье, начальнику администрации министерства.

В тот день все разговоры велись о долетавших из-за границы вестях, которые становились все более тревожными: кайзер Вильгельм II^[755] был возмущен тем, что Джеймсон, по указке Сесила Родса^[756], напал на Трансвааль. Его письмо, адресованное президенту Республики Трансвааль, было полно угроз^[757]. Все были обеспокоены: неужели между Англией и Германией разразится война, в которую неизбежно будет вовлечена и Франция?

— Как ты думаешь, — спросил Верлен, — не повлечет ли это серьезные последствия?

Делаэ, как всегда, отреагировал с неизменным оптимизмом. Верлен продолжал:

— А впрочем, мне все равно, мне-то крышка!^[758]

5 января, в воскресенье, ситуация, казалось, изменилась в лучшую сторону. Во второй половине дня к нему пришли два редактора «Красного журнала» — Жюль Эйн и Франсуа Норжеле, которые принесли ему корректуру его стихотворения «Смерть!». Он сторбился в своем кресле, долго молчал и, казалось, ничего не слышал; возможно, на него произвело сильное впечатление повторное чтение текста, а возможно, он просто устал. Эжени пришлось попросить посетителей удалиться.

Возле дома они встретили молодого поэта из Безье, Анри-Альбера Корнютти, фанатичного почитателя Верлена, который часто его навещал^[759]. Узнав, что мэтр серьезно болен, тот бросился наверх.

— Г-н Верлен нездоров и никого не принимает, — заявила ему Эжени.

Но Корнютти, услышав слабый голос, доносившийся из комнаты: «Пусть войдет!.. Пусть войдет!» — оттолкнул ее, ринулся к больному и остался у его изголовья до поздней ночи. Он обещал вернуться на

следующий день.

Тот день, 6 января, был не так уж плох: заботы Эжени и присутствие Корнютти не прошли даром.

Во вторник к десяти часам утра Верлен захотел встать с постели и, одевшись с помощью Эжени и домработницы Зели, послал Корнютти пригласить на обед Гюстава Ле Ружа с женой. Это была, как обычно, веселая пирушка. Верлен шутил или, скорее, силился шутить. Он ел мало и выпил всего один бокал разбавленного водой белого вина. Чтобы развеселить гостей, он рассказал, как один американец из Сан-Франциско послал ему нож для бумаги из лазурита, длинный, как сабля. Увы! нож по дороге разбился, однако бутылка рома, сопровождавшая подарок, осталась цела, чем не преминула воспользоваться Эжени. «Лучше бы он послал мне велосипед, я бы его продал!»

Обед подавали на старинных тарелках с изображением различных фигур, и присутствующие стали для забавы отыскивать сходство с известными личностями. «А это кто?» — спросили у Верлена. Фигура изображала часовщика в своей мастерской.

— А это мой сын Жорж, которого я больше никогда не увижу.

— Значит, ваш сын часовщик?

— Ну да... знаете... как Наундорф? Во всех великих семьях есть свой Наундорф. Жорж — это мой собственный Наундорф!^[760]

Потом внезапно на него накатила слабость, ему пришлось оставить друзей и отправиться в постель. Они же остались, чтобы написать несколько писем с просьбами навестить Верлена, в частности Лепеллетье, Пьеру Дозу, Жюлю Ре. Тогда же было принято решение известить Казальса, присутствия которого вот уже несколько раз настойчиво требовал поэт.

Вечер прошел довольно мирно. Судя по статье в вечерней газете, которую Эжени читала Полю, ситуация в Трансваале улаживалась. Теперь он мог заснуть спокойно.

Ночью Поль проснулся от сильных болей в желудке. Камин уже погас, он кашлял, стонал, ворочался без конца. Эжени дала ему микстуру, и, он, казалось, снова заснул. Немного позже он снова проснулся и захотел встать, чтобы справить нужду, но соскользнул с кровати, рухнул на пол и не смог подняться. Эжени попыталась ему помочь, но у нее ничего не вышло. Она не решилась разбудить среди ночи соседку и ограничилась тем, что разложила одеяла, подушку и накрыла периной трясущегося от жара больного, грудь которого разрывал жестокий кашель. Холод, продолжительный контакт с ледяными плитами пола — этого было более

чем достаточно, чтобы у Верлена началось воспаление легких.

На следующий день, 8 января, к восьми часам, как только пришла Зели, Эжени с помощью соседки втащила несчастного на кровать. Он был действительно в очень плохом состоянии, его лихорадило, он побледнел, дышал с трудом. Срочно вызвали доктора Паризо, который не стал скрывать, что больной находится в очень тяжелом состоянии.

— Нужно быть готовым ко всему, — сказал он Эжени.

Провожая его до двери, она рассказала доктору о ночном происшествии.

— Но вы не должны были...

Но она, не дослушав, захлопнула дверь. Потом она побежала к Казальсу, который все еще жил в отеле «Лиссабон», улица Вожирар, дом 4. Он пришел в середине дня в сопровождении своего друга, Эдуара Жакмена, рисовальщика из Музея естественной истории, завсегдатая кафе «Прокоп». Взглянув на Поля, Казальс понял, что новый приступ окажется для него смертельным.

— Ну что, — сказал он жизнерадостным тоном, — плохи твои дела? Ты, кажется, подхватил чертов насморк! Не бери в голову, тебя вылечат. С тобой и похуже бывало!

Верлен его остановил:

— Мне конец!

— Брось!

— Конец, я тебе говорю.

Эжени, отведя в сторону обоих посетителей, сказала им по секрету, что доктор считает больного неизлечимым. Он же, услышав шепот в соседней комнате, крикнул:

— Эй, послушайте! Мне еще рано надевать белые тапки!

До поздней ночи Казальс и Жакмен писали срочные письма Барресу, Коппе, Ванье, Викеру, Мореасу, Тайаду и другим.

Послали за доктором Шоффаром — последняя надежда! — который смог только прописать горчичники, чтобы облегчить страдания больного, которому становилось все тяжелее дышать. Он покрывался потом от жара и все время просил, чтобы его перевернули на другой бок. Под действием горчичников ему стало немного легче, дыхание стало менее свистящим, более ровным.

Казальс и Жакмен воспользовались этим, чтобы пойти поужинать, пообещав вскоре вернуться. Они направились к Лорану Тайаду и Габриэлю Викеру, но ни того, ни другого дома не оказалось, потом пошли попросить Мари Кране и г-жу Ле Руж отправить в тот же вечер послания, которые они

принесли с собой, ибо знали, что дорог был каждый час.

Пока они бродили в холодной ночи, один журналист из «Эха Парижа», Жорж Стиглер, искал дом поэта. Он описал бедно обставленную квартиру, которая тем не менее содержалась в чистоте. «Как только я вхожу, я слышу чье-то хриплое дыхание, пойдя на звук которого, я попадаю во вторую комнату, в которой мерцает свет тлеющего угля. В тусклом свете лампы я сначала могу различить лишь белую грудь, из которой и поднимается сиплый возглас. Я приближаюсь: руки свесились с кровати, лысый лоб покрыт носовым платком, ворот рубашки расстегнут: это Верлен». Журналисту показалось, что от лица больного уже почти ничего не осталось. Он возбужден и с большим трудом может произнести лишь несколько слов по поводу горчичников: «Эта штука жжется!»^[761]

Здесь Корнютти, а также Эжени и соседка, которые занимают себя никому теперь не нужными хлопотами. Конец близок. Корнютти привел из церкви Сент-Этьен-дю-Мон отца Шёнхенца, высокого голубоглазого эльзасца^[762]. У Поля не было сил исповедаться, поэтому священник только причастил умирающего. Таким образом, Бог внял мольбе грешника, который написал в «Счастье»: «Лишь бы был со мной священник, когда буду умирать». Верлен, не открывая глаз, постепенно угасал. Было слышно, как он слабо шепчет: «Снимите с меня... все эти одеяла»^[763], а потом — непонятные, оборванные на половине слова, и вдруг, после минуты тишины: «Франсуа...»

Франсуа? Эжени подумала, что он зовет Франсуа Коппе. Другие предполагали, что это мог быть Франсуа Вийон. Нет, вероятней всего, последняя мысль умирающего была о матери, скончавшейся десятью годами ранее, январским вечером, в тупике Сен-Франсуа.

И больше ничего, кроме слабеющего и затихающего хриплого дыхания. Последний вздох был так тих, что никто его не расслышал.

Голова его слегка наклонилась к левому плечу, будто он отворачивается от мира, лицо было спокойно и серьезно. Это лицо аскетическое, прояснившееся, просветлевшее:

О сжался, Господи, над тьмой моих страданий,
И сердце, взросшее меж тяжких испытаний,
К Тебе влекомое, как рану, исцели!^[764]

Впервые в жизни Верлен обрел покой.

Ему шел пятьдесят третий год.

Чудесное предвидение! В одном его автобиографическом фрагменте, датировка которого остается неизвестной, мы можем прочитать пророческие слова: «Он и вправду умер, к тому же молодым — в пятьдесят два года!»

Когда около восьми часов вернулись Казальс и Жакмен, все было уже кончено.

Известие о смерти поэта распространилось молниеносно. Вечером первым пришел Морис Баррес и в большом волнении попрощался с покойным. Эжени позволила ему взять на память книгу стихов Сент-Бёва, которая валялась на столе.

— Я с пользой потратила ваши деньги, — сказала она ему со слезами на глазах, — я купила ему прекрасный костюм в «Самаритен». Он здесь, лежит сложенный в шкафу ^[765].

Потом пришел черед Катулла Мендеса, Леона Ванье, графа Монтеスキю, которого известил доктор Паризо.

Собравшись в столовой, назначили день похорон, которые должны были бы состояться на третий день, 10 января, в два часа пополудни.

Эжени и Зели в это время пошли за помощью к соседкам: как известно, только женщинам дозволяется омыwać покойного. Итак, было воздвигнуто погребальное ложе: туго натянули простыню, на Верлена надели просторную рубаху, на шею ему повязали черный галстук, на грудь положили распятие. Зажгли три розовые свечи, украшавшие камин — других в доме не оказалось. О чудесная судьба, пославшая три розовые свечи в изголовье усопшего поэта!

Всю ночь к покойному шли люди: Габриэль Викар, Рашильда и Альфред Валетт, Альбер Мера, Леон Дьеркс и другие. Двадцать раз повторяется одна и та же сцена: звонок в дверь, молчаливое рукопожатие, минута прощания у тела, кажущегося ирреальным в отблеске свечей. Эжени в который раз описывает последние минуты его жизни, в то время как в соседней комнате, набитой до отказа, все разговаривают в полный голос, как на приеме. Между группами людей снуют журналисты. Одному из них, тому, что предлагал Корньюти написать статью о кончине поэта и взять интервью у женщины, с которой он жил под одной крышей, Эжени заявила:

— Когда говорите обо мне, меня нужно называть не «женщиной», а по имени. Так велел сам Верлен! ^[766]

Было почти три часа утра, когда волнение спало и установилась тишина. Казальс, Корньюти и Ле Руж остались возле тела своего друга до рассвета, в то время как Эжени прилегла немного отдохнуть у соседки.

Ранним утром 9 января помощник мэра пятого округа и двое служащих подписали официальное свидетельство о смерти. Тогда же пришли Лепеллетье, весь в слезах, и Франсуа Коппе: он обнаружил записку, вернувшись ночью из «Одеона», где давали его пьесу «За корону».

— Мэтр, он звал вас при смерти, — шепнула Коппе Эжени.

Тот был очень тронут, достал из кармана двадцать франков «на цветы», а потом присоединился к собранию, проходившему в столовой. Узнав о принятом решении, он стал горячо протестовать:

— Хоронить его завтра в два часа дня без мессы, да вы что! Верлен был христианином, его должны отпевать в церкви!

Нужно было все изменить, связаться с духовенством церкви Сент-Этьен-дю-Мон, с похоронным бюро, дирекцией Академии изящных искусств. На уголке стола Леон Ванье составлял окончательный текст уведомительного письма, которое тотчас же отнесли в типографию. В нем говорилось: «От имени г-на Жоржа Верлена, сына покойного, г-на де Сюври (sic), его шурина, от имени его издателя, друзей и почитателей».

О печальной новости сообщили газеты не только во Франции, но и за границей. Именно таким образом Матильда в Брюсселе узнала о смерти своего бывшего мужа. «Сердце мое разрывалось от жалости, — пишет она в своих „Воспоминаниях“, — я залилась слезами».

Весь день на улице Декарта царил невообразимая толкотня. Журнал консьержки был испещрен записями. Судебно-медицинскому эксперту пришлось пробиваться сквозь толпу.

— От чего он умер? — спросили у него.

— Организм был чрезвычайно ослаблен, — ответил тот, — у него было десять неизлечимых болезней!

Лестница была слишком узкой и не могла выдержать нескончаемый поток посетителей: Анри де Ренье, Жан Ришпен, Франсис Вьеле-Гриффен, Анатоль Франс, Альбер Самен, Рауль Поншон, Гюстав Кан, Эмиль Блемон, Шарль Морра, Рауль Жинест, Эрнест Рейно и т. д. Казальс без остановки делал зарисовки с покойного, так же как и Станислас Лоуи из газеты «Журналь», Морис Фейе и Ной Легран. Здесь упомянем любопытную деталь, в которую верится с трудом: когда пришел Морис Фейе, Эжени, открыв дверь, потребовала у него сто су за то, чтобы проститься с телом Верлена, а на удивленный взгляд отреагировала следующим образом:

— Черт побери, за вход в театр платят деньги!^[767]

Также присутствовал г-н Гайар, фотограф.

Чтобы получить разрешение префекта полиции на снятие посмертной маски, пришлось действовать очень быстро. Когда со своим материалом прибыл специалист, г-н Меони, помощник скульптора Фалгьера, было уже темно, и ему пришлось работать при свечах. В это время пришел потрясенный Малларме с огромным букетом фиалок. Когда сняли еще не застывшую массу, он увидел лицо покойного, вздувшееся, распухшее, без бровей и местами без бороды. Понятно, что Малларме впоследствии отказался взять экземпляр слепка, ко всему прочему, довольно невыразительного, изготовленного в количестве пятидесяти штук^[768].

Когда к восьми часам вечера появился Габриэль де Лотрек, журналист и поэт, старинный друг Верлена^[769], в изголовье умершего сидели Казальс и две или три женщины. Он пришел, чтобы провести последнюю ночь возле покойного. Открыв окно и закурив трубку, Казальс устроился в кресле и просидел в нем до утра. Как только занялась заря, к нему присоединился Ванье. На улице Декарта и в окрестностях уже собиралась толпа. Глава канцелярии г-на Комба, министра народного образования, вручил издателю поэта пятьсот франков, которые в свое время могли бы избавить несчастного от стольких мучений. Они пошли на частичную оплату стоимости похорон, которая в целом составляла 1169 франков, остальное оплатили Коппе, Лепеллетье, Баррес и Робер де Монтескью.

Дом поэта не мог вместить всю толпу, поэтому книгу с соболезнованиями перенесли в соседний писчебумажный магазин, и вскоре ее пятнадцать страниц целиком покрылись записями. Венки из роз, белой сирени, хризантем, бессмертника были везде: на тротуаре, вдоль стен, при входе. На этом фестивале цветов город Мец был представлен городом Нанси; английские друзья принесли огромный венок красных роз; студенты, «Перо», «Энциклопедическое обозрение», парнасцы, Леон Ванье, Лепеллетье, Гюстав Кан и многие другие отдали подобным образом последнюю дань уважения поэту, не считая бесчисленных безымянных букетов, возложенных украдкой.

Без четверти десять служители церкви Сент-Этьен-дю-Мон вынесли из дома гроб с телом покойного. Катафалк пятого класса, заваленный цветами, повезли за веревки Коппе, Мендес, Монтескью, Лепеллетье и директор Академии изящных искусств г-н Ружон.

Шарль де Сиври возглавлял траурную процессию, в которой следовали Эрнест Делаэ, Эрнест Рейно, Гюстав Ле Руж и другие. Эжени ехала в

фиакре с Мари Кране и Жанной Ле Руж.

Была чудесная погода, в прояснившемся небе светило солнце, стоял легкий мороз.

Собрались все жители квартала: люди, пораженные таким количеством цветов и господ во фраках, толпились на тротуаре и высовывались из окон. От волнения все сдерживали дыхание, стояла полная тишина, мужчины снимали шляпы, женщины крестились, некоторые вставали на колени, провожая катафалк.

В церкви Сент-Этьен-дю-Мон гроб помещают под знаменитым амвоном, между саркофагами Паскаля и Расина. Когда траурная процессия появляется в храме, он уже наполовину заполнен. Это паломницы, пришедшие на девятины к раке св. Женевьевы, девушки в бело-голубых одеждах со свечами в руках. Отец Шан служит мессу. Теодор Дюбуа и Габриэль Форе играют на органе, певчие исполняют «Pie Jesu» Нидермайера^[770], отец Ласедр, приходский священник, читает у гроба искупительные молитвы.

Эжени не спускала глаз с двери. Она заявила:

— Если явится Эстер, я устрою скандал.

Все усилия переубедить ее оказались напрасными: она была начеку. Баррес, который наблюдал за ней, был поражен ее «ужасным лягушачьим лицом, плоским, сведенным судорогой боли». Прежде Эжени уже грозила устроить скандал, если не найдут молитвенник Верлена, который, по ее словам, был украден, но его, к счастью, вовремя обнаружили.

Хорошо, что она не увидела Филомену, потому что та все-таки пришла (ее заметил Делаэ) и стояла в сторонке, молясь за своего Поля, своего «инфернального супруга», как она его называла — так он ее просил^[771].

Вновь выстраивается траурная процессия. Шествие проходит по улице Суффло, черной от переполнившего ее народа. Студенты присоединяются к процессии сотнями и вскоре наводняют улицу Турнон и улицу Святых Отцов. На правом берегу выстроились в ряд зеваки; как только процессия пересекает опустевший мост Карусель, на авеню Опера прекращается всякое движение. Это апофеоз, «похороны Вагто в декорациях для „Галантных празднеств“», как сказал Габриэль де Лотрек. Потом — площадь Мони, авеню Клиши, где поэт начал свой взлет на вершину славы, и, наконец, знакомый Батиньоль. Траурный кортеж, состоящий из восторженных молодых людей, декламирующих стихи любимого ими Верлена, проделал путь длиной в пять километров. Немного развязная толпа, ребяческий беспорядок — то, чего только мог пожелать поэт,

написавший такие строки:

Не знаю ничего забавней похорон^[772].

Наконец катафалк останавливается перед бронзовыми воротами кладбища Батиньоля, толпа заполняет аллеи, над которыми возвышаются высокие стены, сплошь увитые плющом.

Вот оно — последнее пристанище на крестном пути Верлена, возвращение, как и следовало, в родную деревню, в семью. Капитан Николя-Огюст, пожертвовавший своей карьерой ради успеха своего сына, и его супруга Элиза Дез, которая ради любви к нему сделала все возможное и невозможное, принимают его во славе.

Официальные лица во фраках и рединготах стоят полукругом перед могилой, держа в руках свои цилиндры.

Тогда Эжени с багровым лицом, путаясь в своей креповой вуали, подходит к могиле с возгласом:

— Верлен! Здесь все твои друзья!

«Прекрасный жест, — комментирует Баррес, — именно за это он ее и любил. В ней, правда, было что-то такое — ее наивность, детские выходки»^[773].

Добавим, что дело заключалось не только в детских выходках — Эжени была актрисой.

Но вот выступает Франсуа Коппе, держа бумаги в немного дрожащей руке. Он произносит знаменитую речь: «Склоним голову в знак уважения перед могилой истинного поэта, почтим память этого человека, чистого, как дитя». Голос его дрожит, когда он произносит: «В предсмертной агонии ты зван меня...»

Лепеллетье проявляет тактичность, сказав всего несколько слов, а после него Морис Баррес, с непослушной прядью волос, которая легла поперек его узкого лба, прощается с мэтром от лица интеллектуальной молодежи. Именно молодые, говорит он, помогли Верлену в 1880 году, когда все друзья оставили его: «Мы — путь к бессмертию для старших поколений!»

Сменивший его Катулл Мендес не произносит ничего оригинального: «Царство славы принадлежит простым гениям».

С выступлением Малларме настроение меняется: вместо банальной напыщенности — высокий штиль, вместо незатейливой сентиментальности — необузданное высокомерие. Первые же его слова —

категорическое отрицание любых, предшествующих и последующих, домыслов: «Могила велит тотчас же умолкнуть». А затем — речи неожиданные, возмутительные:

«Пусть же, господа, узнает от нас тот прохожий — каких много и каких, без сомнения, нет среди нас: тот, кто по неведению и суемыслию не постигнул явленного людям значения нашего друга, — что вести себя так, напротив, единственно правильно. (...) Гений Поля Верлена умчался в грядущее, и сам он пребудет героем»^[774].

Нужно было иметь немало благородного мужества, чтобы высказать подобное суждение здесь, перед свидетелями упадка «бедного Лелиана», ибо все единодушно восхищались Верленом-поэтом и презирали Верлена-человека, пьяницу и оборванца. Однако акцент был поставлен верно: неизменная твердость, с которой Поль встречал многочисленные удары судьбы, — вот что достойно уважения. Прославился ли он за границей, стал ли жертвой двух бессовестных женщин, погряз ли в разврате, представлял ли свою кандидатуру в Академию (нет, не в «Академию Абсента», в другую!) — он не изменял себе, оставаясь все так же безразличен к чужому мнению, и защищал свои взгляды с чрезмерным подчас пылом. Несчастье коснулось его, но не изменило в худшую сторону. Он был весел до конца, потому что был чужд тщеславию. На вершине и в пропасти он гордился тем, каким он был. Он доказал это, отказавшись подчиняться запросам общества, которое за его уступчивость одарило бы его и без того заслуженными деньгами и почестями: знаками отличия, высокими постами, доходным местечком, академическим креслом. Но он этого не захотел.

Не захотел потому, что цена была слишком высока. Он предпочел одиночество и нищету. Вот что значило для него вести себя достойно.

После такой блестящей речи слова Мореаса и Кана не заслуживают упоминания.

Наступил полдень, все думали об обеде, и толпа быстро рассеялась. Фиакры, как и омнибусы «Батиньоль-Клиши-Одеон» и «Сквер Батиньоль-Ботанический сад», народ брал штурмом. На кладбище осталась только кучка фанатиков. У выхода журналисты приставали к знакомым поэта, пытаясь выведать у них какую-нибудь забавную историю или неизвестную еще остроту. Там был Биби-ля-Пюре, запакованный в свое длинное пальто, бледный, как привидение. Он хвастался, что был секретарем г-на Верлена, и утверждал, что несколько раз буквально спас его от голодной смерти! Прессе он передал текст надгробной речи, составленной на тот случай, если бы ему предоставили слово: «Спи спокойно, Лелиан, у тебя было

больше почитателей, чем у последнего материалиста А. Дюма» (Александр Дюма-сын умер 28 ноября за год до смерти Верлена).

Возле опустевшей могилы, над которой работали теперь могильщики, осталась одинокая женщина. Она молится с красными от слез глазами. Это Филомена. Потом неохотно удаляется, счастливая уже оттого, что смогла сказать последнее «Прощай!», положив на гору венков свой букет из фиалок и мимоз.

15 и 16 января газеты упомянули о странном «происшествии», чудесном и символичном. Казальс и Ле Руж рассказывают об этом в книге «Последние дни Поля Верлена»: «В ночь после похорон от скульптуры, олицетворяющей Поэзию, которая украшает здание Гранд-Опера, отвалилась рука с золотой лирой и упала на землю в том самом месте, где несколько дней назад с почестями пронесли тело Поля Верлена».

Все прошло достойно и очень трогательно. «Это была прекрасная, тихая скорбь на небесах и на земле, среди друзей», — писал Малларме Леопольду Дофину.

Кое-что все же показалось многим ненормальным и даже неприличным, в частности, отсутствие Жоржа Верлена на похоронах отца, в то время как имя его упоминалось в уведомлении. Поговаривали, что ему запретила приехать мать, и все сурово осуждали этот ее недостойный жест.

10 января Матильда написала в оправдание два письма, которые попали в руки прессы, одно из них г-же Лефевр (опубликовано в «Призыве» от 26 января 1896 года), другое — Маргарите Дофин (опубликовано в «Пере» в феврале 1896 года).

Как она объясняет, она уехала из Алжира в июле 1895 года, с тем чтобы окончательно обосноваться с мужем в Брюсселе. Жорж же остался в Африке. Какое загадочное событие произошло с ним на африканской земле, когда он был там один? Никто этого в точности не знает. Сам же он заявил, что его загипнотизировал некий Бейан, и потому он не был больше прежним Жоржем. Однажды его нашли на гумне, он был весь в лохмотьях, одичал, ничего не помнил. Когда состояние Жоржа улучшилось, и он смог переносить переезды, он присоединился к своей семье в Брюсселе. Именно тогда стало понятно, насколько он изменился: замкнулся в отупении, стал молчалив, потерял память. Когда Жоржу стало лучше, ему разрешили поехать к одному из своих друзей, часовщику, в Суаньи, где он подрабатывал. Именно тогда он и написал отцу, с которым горячо желал познакомиться ближе.

Немного спустя Жорж впал в летаргический сон, и его в бессознательном состоянии перевезли в больницу Бренле-Конт, где его

вылечил доктор Депуатт. По возвращении в Брюссель Жорж, казалось, выздоровел, но совершенно позабыл об отце.

Поскольку ему оставался еще год военной службы во Франции, он поступил в кавалерийский полк в Лилле. Там с ним случился новый приступ, и его госпитализировали. В начале 1896 года он постепенно приходил в себя и каждый день писал матери, которая уехала от него 24 декабря. Ему был обещан отпуск по болезни, но дошедшая до него новость о смерти отца настигла его раньше, чем он смог им воспользоваться.

«Я здесь ни при чем», — пишет в заключение Матильда, приводя в подтверждение своих слов медицинское свидетельство от 20 января 1896 года, подписанное доктором Проспером ван Вельзеном из Брюсселя.

Позже Жорж Верлен в письме в «Фигаро» 23 июля 1896 года подтвердит эти печальные откровения.

Так Париж узнал, что сын Поля Верлена умственно отсталый ^[775].

Его несчастный отец довольно страдал, чтобы быть избавленным от этого смертельного удара. Верлен ушел из жизни, так и не получив ответа на те тревожные вопросы, которые он задавал сыну, чье отсутствие так долго его томило:

Увижу ль я тебя? Каким? — Мне неизвестно...

Но мой завет произнеси:

Верь в Бога, никого не ненавидь и честно

Ты имя честное носи! ^[776]

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Николя-Огюст Верлен, отец поэта. Рис. Ф.-О. Казальса.

Элиза Деэ, мать поэта. Анонимная литография.

Верлен в Монпелье, февраль-март 1848 года. Рис. П. Верлена.

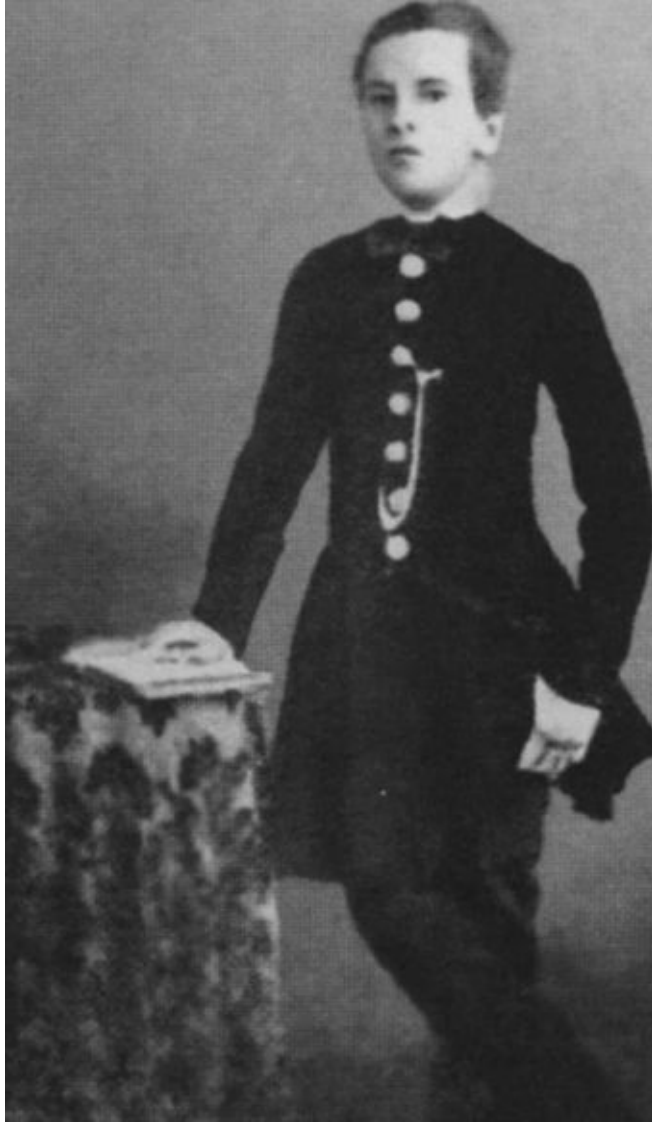
Верлен в Меце, в возрасте четырех лет. Рис. неизвестного.

Верлен в возрасте тринадцати лет. Фото.

Верлен в возрасте пятнадцати лет. Рис. Ф.-О. Казальса.

Верлен — ученик коллежа. Фото.

Парижская коммуна, баррикада. Фото.

Верлен в 1865 году. Фото.

Элиза Дюжарден, в девичестве Монкомбль, двоюродная сестра. Фото.

Особняк родителей Матильды Моте в Париже, на улице Николе, дом 14. Фото

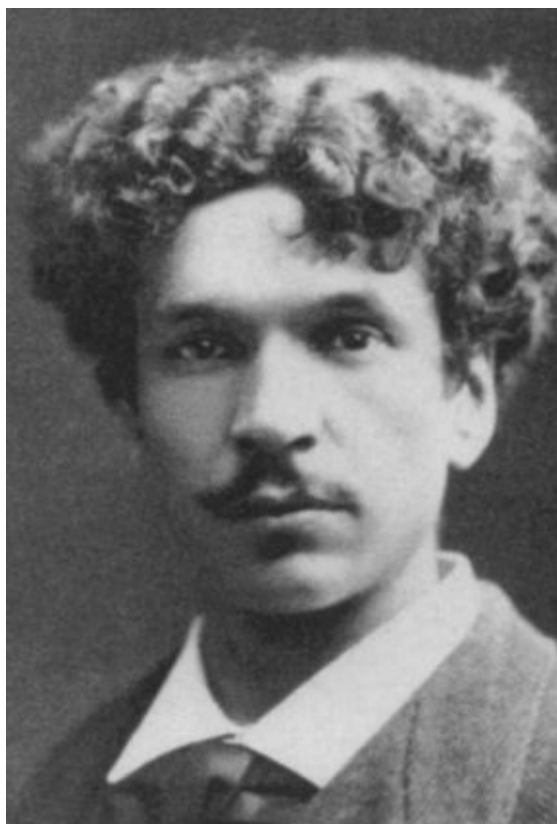
Карикатура Пеарона по поводу первого издания «Сатурновских стихов» Верлена.

*Г-жа Моте, в первом браке Сиври, в девичестве Шариа, теща поэта.
Фото.*

Матильда Моте, жена поэта. Фото.

Шарль Кро. Фото.

Стефан Малларме.

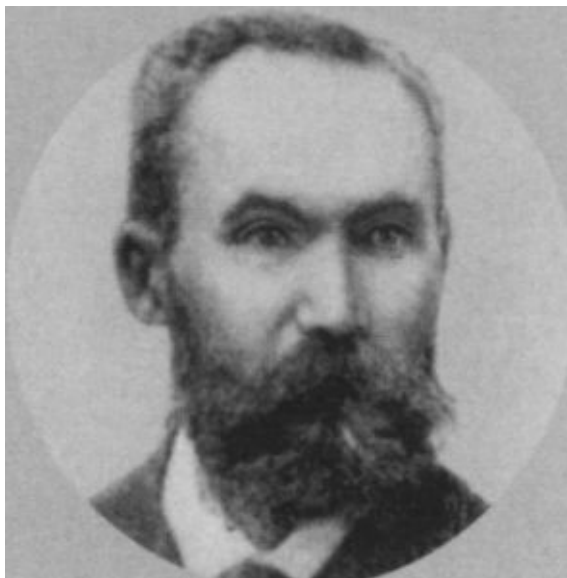
Леконт де Лиль.

Теодор де Бонвиль.

Франсуа Коппе.

Эмиль Блемон.

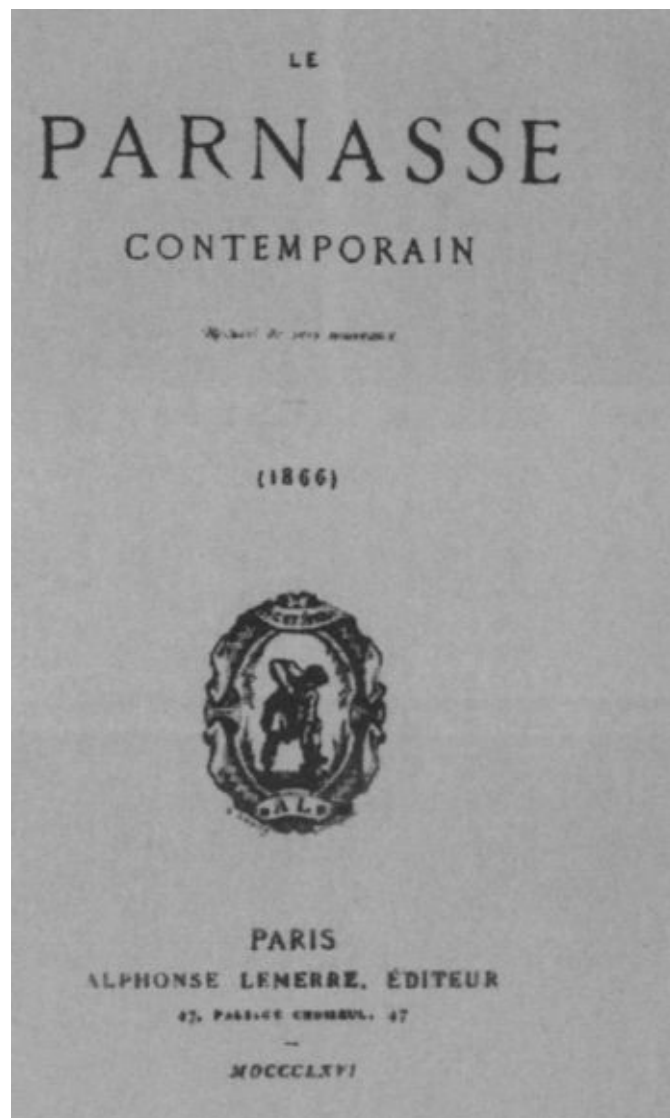
Эдмон Лепеллетье.

Андре Жиль.

Жан Ришпен.

Обложка «Современного Парнаса».

Фронтиспис «Зютического альбома».

Маркиза де Рикар, мать Луи-Хавье де Рикара.

Луи-Хавье де Рикар, основатель «Современного Парнаса».

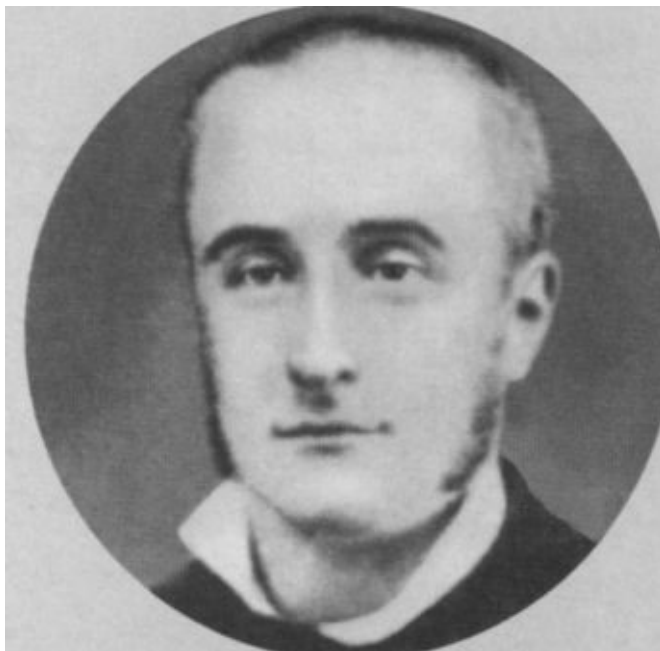
Отвергнутый эскиз приглашения на ужин «Озорных чудаков».

J'occupais un wagon de troisième : un vieux prêtre
Sortit un brûle-gueule et mit à la fenêtre,
Vers les bois, son front trécalme aux pots pâlis.
Puis le chrétien, bravant les bravaux impolis,
S'étant tourné, me fit la demande énergique,
Et triste en même temps d'une petite chique
De caporal, — ayant été l'aumônier c'est
D'un repton royal condamné d'archef.
Pour malaxer l'ennui d'un turtuel, sombre veine
Qui s'offre aux voyageurs, près Soissons, ville d'Aisne.

Je préfère sans doute, au printemps, la quinquette
Où des marnonniers naïfs bourgeonne la baguette
Vers la prairie étroite et communale, au mois
De mai. Des jeunes chiens raboués bien des fois
Viennent près des buses triturer des jacinthes
De plate-bande. Et c'est, jusqu'aux dents d'hyacinthe,
Sur la table d'ardoise ois, l'axe dix-sept-vingt
Un diacre qu'avec son sobriquet la fin
Maigne comme une prose à des vitraux d'église
La toux des flacons noirs qui jamais ne les grise. François Coppin

L'Humanité chassait le vaste enfant Prognos.
Louis Xavier de Ricard.
A. Rimbaud

Автографы Рембо в «Зютическом альбоме».

Эрнест Делазэ.

Артур Рембо. Фото Э. Кариа.

Paris le 21 Août 72
35

Bon ami,

"C'est horriblement, l'Amiette oubliée", parodie de
 musique ! Je me la suis faite de la sorte et chantée.
 Merci si c'était aussi ! Quant aux avis dont tu
 me parles, finis-les par la poste, toujours à Paris
 et l'échéance. De paravent informe toi de prix de port
 et de l'homme te manqueras, prévins moi et j'te
 l'élucubrerais par timbres ou mandats à Paris.
 Je m'occuperai très activement du bagage de
 Paris de l'argent - envoie à toi en gardant pour toi -
 votre avis - à que tu voudras m'indiquer.

Et aussi pour ta bonne lettre : le "petit
 garçon" accepte la juste fessée, l'ami de crapauds
 retire tout, - et n'a plus jamais abandonné ton
 message, y pense, si possible - avec plus de force
 et de joie encore, moi tu vois, l'imbe.

C'est ta, amie moi, protège et donne confiance,
 tout va bien j'ai tes besoins de bontés. Elle
 même que je ne t'embrasse plus avec mes
 petites amourettes, au pri ne m'embrasse plus better
 vénéré Père de tout ça, - et promets lui pour
 bientôt une vraie lettre avec des photos et autres
 belles photographies.

Tout de depuis d'ailleurs vison ma lettre

Paris le 21 Août 72 - 35
 Bon ami
 C'est horriblement, l'Amiette oubliée
 Merci si c'était aussi
 Quant aux avis dont tu me parles
 finis-les par la poste
 De paravent informe toi de prix de port
 et de l'homme te manqueras
 prévins moi et j'te l'élucubrerais
 par timbres ou mandats à Paris
 Je m'occuperai très activement
 du bagage de Paris de l'argent
 envoie à toi en gardant pour toi
 votre avis - à que tu voudras
 m'indiquer
 Et aussi pour ta bonne lettre
 le "petit garçon" accepte la juste fessée
 l'ami de crapauds retire tout
 et n'a plus jamais abandonné ton message
 y pense, si possible - avec plus de force
 et de joie encore, moi tu vois, l'imbe
 C'est ta, amie moi, protège et donne confiance
 tout va bien j'ai tes besoins de bontés
 Elle même que je ne t'embrasse plus
 avec mes petites amourettes
 au pri ne m'embrasse plus better
 vénéré Père de tout ça
 et promets lui pour bientôt
 une vraie lettre avec des photos
 et autres belles photographies
 Tout de depuis d'ailleurs vison ma lettre

Автограф одного из «тайных» писем Верлена к Рембо.

Дом 8 по Грейт Колледж-стрит в Лондоне, где в 1873 году жили Верлен и Рембо.

*Верлен (в центре) и Рембо (справа) «на фоне» лондонского полисмена.
Рис. Ф. Регаме.*

Тюрьма в городе Монс, где Верлен сидел в 1873–1875 годах.

Верлен — кандидат во Французскую Академию.

Жермен Нуво.

LIIe LEÇON

DE NOTRE UNION AVEC NOTRE-SEIGNEUR, LE NOUVEL ADAM, PAR LA CHARITÉ (SUITE).

Sixième et neuvième commandement. — Ce qu'ils défendent. — Énormité du péché contraire à ces commandements. — Différentes espèces. — Occasions. — Remèdes — Ce qu'ils commandent. — Pureté de corps et d'âme. — Trait historique. — Avantage social de ces commandements.

1° Ce qu'ils défendent. — *Luxurieux point ne seras de corps ni de consentement ; l'œuvre de chair ne désireras qu'en mariage seulement*¹. Après avoir, par le cinquième commandement, mis à couvert notre vie, le premier des biens naturels, le divin Législateur protège notre honneur, qui tient le second rang. Bien qu'ici, comme dans les autres commandements, il ne nomme que le péché principal, néanmoins il défend tous les autres péchés qui sont de nature à y conduire, par conséquent tout ce qui souille la pureté du corps et de l'âme.

2° Énormité de ce péché. Après notre âme nous n'avons rien de plus respectable que notre corps. Vaisseau d'honneur, consacré par le baptême et par la communion, membre de Jésus-Christ, temple du Saint-Esprit, destiné à ressusciter glorieux et à partager les félicités éternelles de l'âme, nous devons le traiter avec un grand respect. Profaner un calice, serait un sacrilège ; profaner notre corps, serait un sacrilège plus grand.

Qui en dira l'énormité ? Il est un péché que la langue de tous les peuples appelle honteux, infâme ; il est un pé-

¹ Non concubaberis ; non desiderabis uxorem proximi tui. *Exod.*, xx.

Глава из катехизиса, которую Верлен читал перед своим «обращением».

Боримут.

Верлен с учеником в Боримуте, зима 1877 года. Фото.

Верлен — учитель в Ретельском коллеже. Рис. Э. Делаз.

Ретель во времена Верлена.

Люсьен Летинуа.

Аrrас во времена Верлена.

«Вечера» у Верлена в 1888 году. Рис. Ф.-О. Казальса.

Тупик Сен-Франсуа в Париже. Позднейшее фото.

Верлен в больнице. Рисунок Ф.-О. Казальса.

Верлен в больнице. Рисунок Ф.-О. Казальса.

Больница Бруссе.

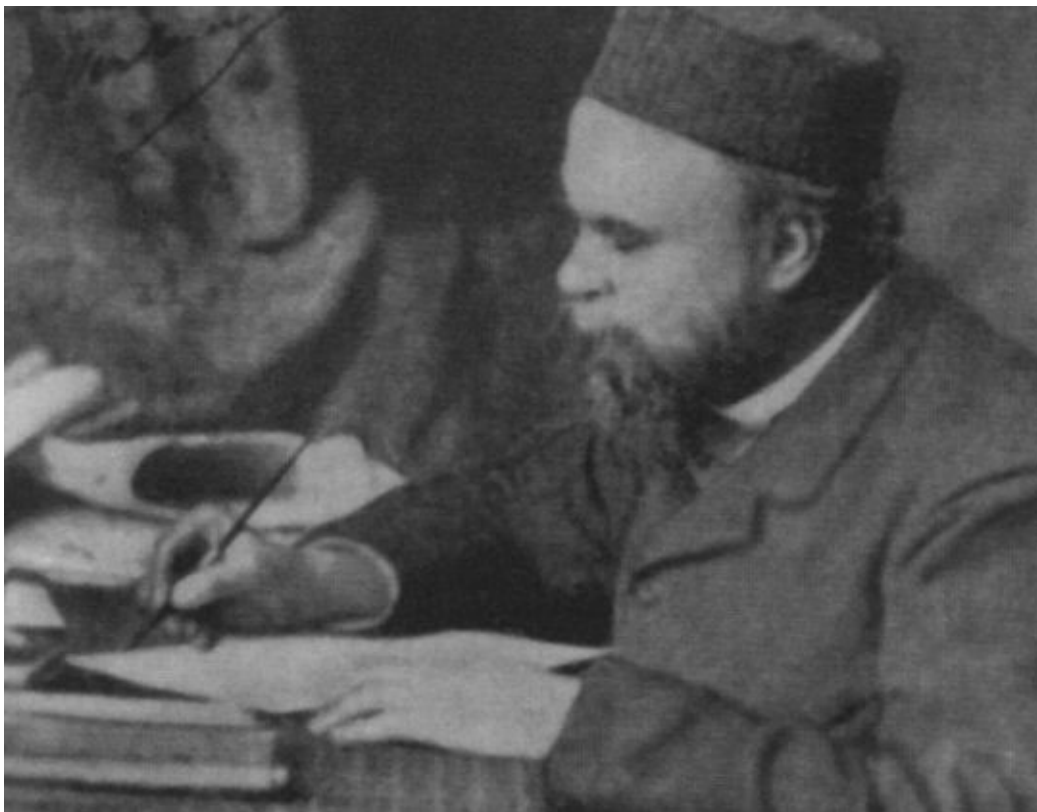
Верлен и Эстер. Рис. П. Верлена.

Отель «Лиссабон», улица Вожирар, дом 4, где в 1889 году жил Верлен.

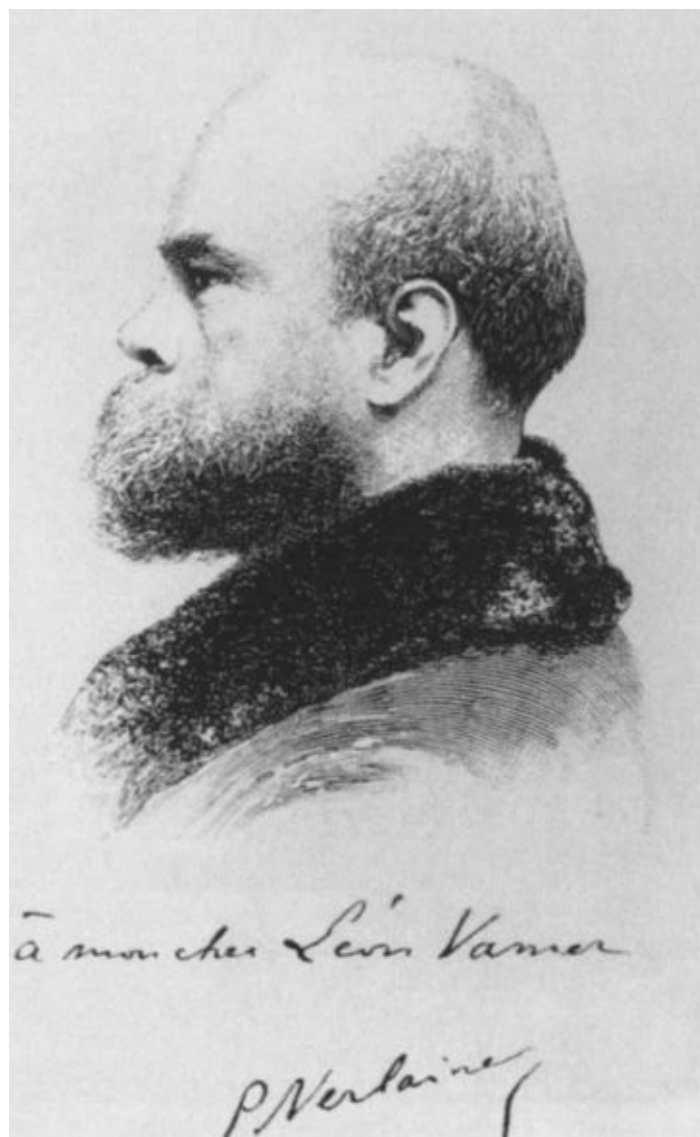
Верлен в кафе «Франциск I». Фото.

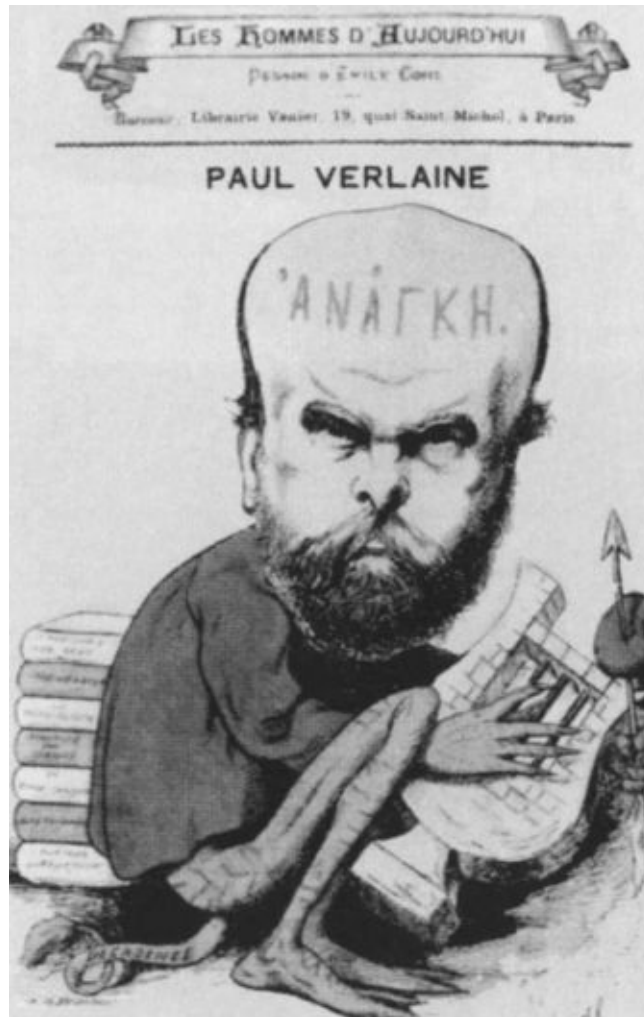
Верлен во время своей поездки по Бельгии. Фото.

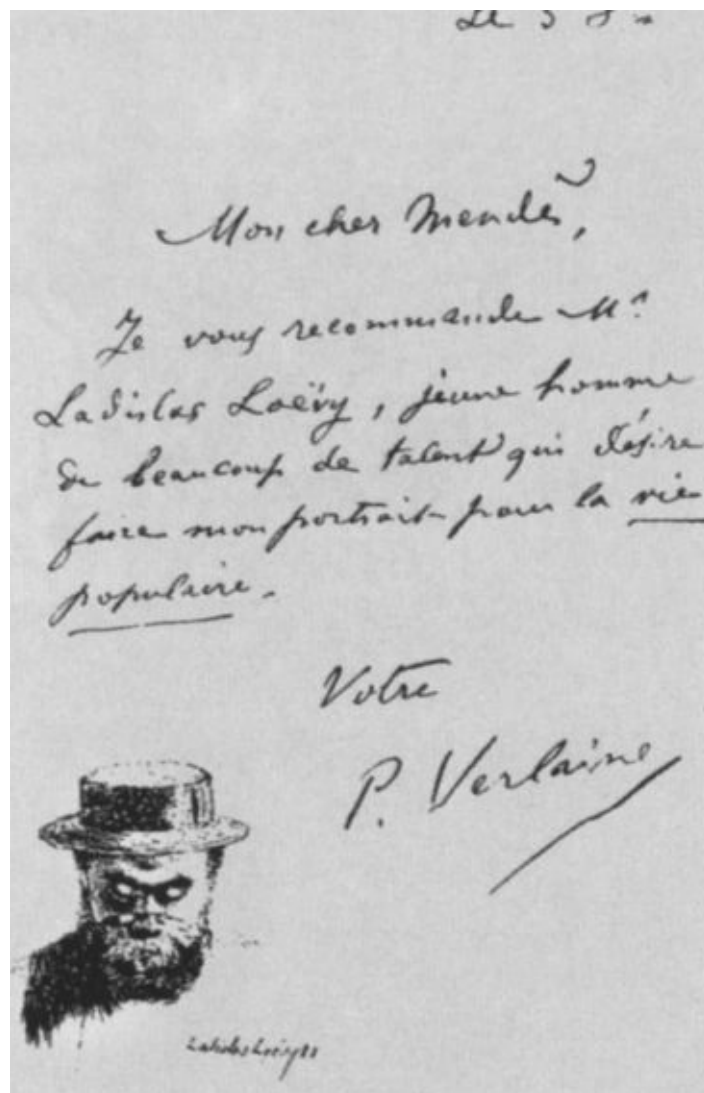
Брюссель.

**Портрет Верлена (с фотографии) работы Зилкена, с посвящением
Леону Ванье, издателю поэта.**

*Обложка выпуска серии «Современные люди», посвященного Верлену.
Надпись на лбу «ΡΟΚ» (греч). Рис. Э. Коля.*

Автограф письма Верлена Камиллу Мендесу с рисунком Л. Леви.

Верлен и Морэас на «Салоне 100». Афиша работы Ф.-О. Казальса.

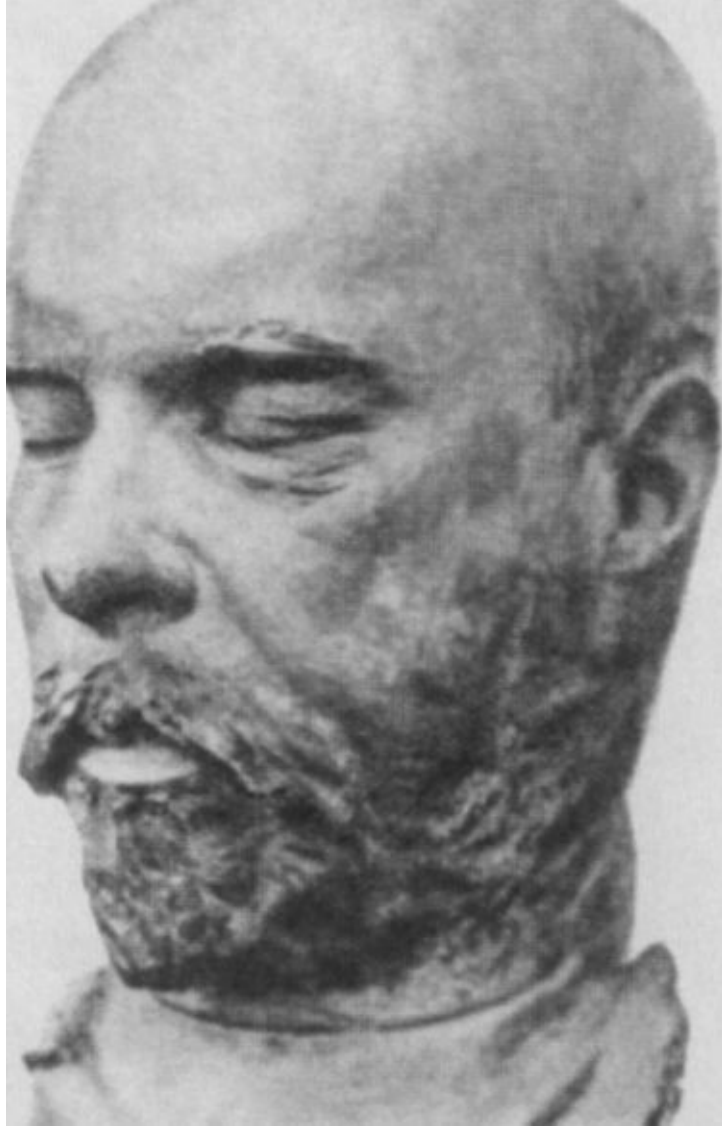
Стефан Малларме (слева) и Верлен: приглашение на восьмой банкет журнала «Перо». Рис. Ф.-О. Казальса.

Дом 39 по улице Декарта в Париже, где скончался поэт.

Верлен на смертном одре. Рис. Ф.-О. Казальса.

Посмертная маска Верлена.

Четки и молитвенник Верлена.

Поль Верлен. Бюст работы О. де Нидерхаузерна.

Бюст Верлена работы О. де Нидерхаузерна в Люксембургском саду в Париже (установлен в 1911 году).

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания и переводы Верлена на русский язык Отдельные сборники^[787]

«Сатурновские стихотворения» — Poèmes saturniens, Paris, Alphonse Lemerre, 1866. Rééditions, Léon Vanier, 1890, 1894, Messein, 1914. Edition de J.-H. Bornecque, Paris, Nizet, 1959 (réédition 1967).

«Галантные празднества» — Fêtes galantes, Paris, Alphonse Lemerre, 1869. Rééditions, Vanier, 1886, 1891.

«Песнь чистой любви» — La Bonne Chanson, Paris, Alphonse Lemerre, 1870. Rééditions, Vanier, 1891, 1898, Messein, 1914 (illustrations de P. Guigneault).

«Романсы без слов» — Romances sans paroles, Sens, typographie M. Lhermitte, 1874. Rééditions, Paris, Léon Vanier, 1887, 1891. Nombreuses éditions modernes illustrées (Paris, G. Grès et Cie, 1923, etc.).

«Мудрость» — Sagesse, Paris, Société générale de Librairie catholique, 1881. Rééditions, Vanier, 1889, Édition critique de Louis Morice. Paris, Nizet, 1948. Reproduction du manuscrit: Paris, Messein, 1913 (Les manuscrits des Maîtres).

«Давно и недавно» — Jadis et Naguère, Paris, Vanier, 1884. Réédition, même éditeur, 1891. Autre édition, Paris, G. Grès et Cie, 1921.

«Любовь» — Amour, Paris, Vanier, 1888. Réédition, même éditeur, 1892. Autre édition, Paris, G. Grès, 1921 (Les Maîtres du Livre).

«Параллельно» — Parallèlement, Paris, Vanier, 1889. Réédition, 1894. Autres éditions, Paris, Ambroise Vollard, 1900, lithographies de Pierre Bonnard, Paris, G. Grès, 1914, Messein, 1921, Calmann-Lévy, 1922.

«Женщины» — Femmes, imprimé sous le manteau, Paris, Vanier, 1890. Réédition, Londres, Hirsch, 1893, Paris, 1917, 1923, 1924.

«Посвящения» — Dédicaces. Paris, Bibliothèque artistique et littéraire, 1890, Léon Vanier, 1894.

«Счастье» — Bonheur, Paris, Vanier, 1891, même éditeur, 1896, Messein, 1923. Édition critique par H. de Bouillane de Lacoste, Paris. Mercure de France, 1949.

«Одни и другие» — Les uns et les Autres (un acte, en vers), Paris, Vanier, 1891. Messein, 1923.

«Песни для нее» — Chansons pour Elle, Paris, Vanier, 1891. Rééditions,

Messein, 1899, 1923.

«Интимные литургии» — Liturgies intimes, Paris, Bibliothèque du Saint-Graal, 1892, Vanier, 1893, Messein, 1923.

«Оды в ее честь» — Odes en son honneur, Paris, Vanier, 1893. Réédition, Paris, Léon Pichon, 1921. Reproduction du manuscrit, éditions Excelsior, 1925.

«Элегии» — Elegies, Paris, Vanier, 1894.

«В лимбе» — Dans les limbes, Paris, Vanier, 1894.

«Эпиграммы» — Epigrammes, Paris, Bibliothèque artistique et littéraire, 1894.

«Плоть» — Chair, Paris, Bibliothèque artistique et littéraire, 1896.

«Инвективы» — Invectives, Paris, Vanier, 1896.

«Мужчины» — Hommes, imprimé sous le manteau, Paris, Messein, 1904.

«Библиосонеты» — Bibliosonnets, Paris, Floury, 1913.

Проза

«Проклятые поэты» — Les poètes maudits (Tristan Corbière, Arthur Rimbaud, Stéphane Mallarmé), Paris, Vanier, 1884. Nouvelle édition augmentée (Marceline Desbordes-Valmore, Villiers de l'Isle-Adam, Pauvre Lélian), même éditeur, 1888. Réédition, 1900.

«Воспоминания вдовца» — Les mémoires d'un veuf, Paris, Vanier, 1886.

«Луиза Леклерк» — Louise Leclercq (Le Poteau, Pierre Duchâtel, Madame Aubin), Paris, Vanier, 1886.

«Современные люди» — Les hommes d'aujourd'hui (biographies), vingtsept fascicules de quatre pages, Paris, Vanier, 1886–1892.

«Как я лежал в больнице» — Mes Hôpitaux, Paris, Vanier, 1891.

«Две недели в Голландии» — Quinze Jours en Hollande, La Haye, Blok, et Paris, Vanier, 1893. Documents et dessins à propos de cet ouvrage, par Philip Zilcken, Paris, Floury, 1897. Autre édition augmentée, Paris, sans indication d'éditeur, imprimerie Bénard, Liège, 1922.

«Как я сидел в тюрьме» — Mes prisons, Paris, Vanier, 1893.

«Исповедь» — Confessions, notes autobiographiques, Paris, publications «Fin de siècle», 1895. Autre édition illustrée, Paris, Société anonyme la Plume, 1899.

«Путешествие француза по Франции» — Voyage en France par un Français, Paris, Messein, 1907.

«Наши Арденны» — Nos ardennes, Publication de Jules Mouquet, Genève, Pierre Cailler, 1948.

Письма и полные собрания сочинений

Письма — Correspondance (texte établi par A. van Bever), Paris, Messein, tome I (1922), tome II (1923), tome III (1929).

ПСС, 1938 — Œuvres poétiques complètes (Y.-G. Le Dantec), Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1938. Rééditions 1940, 1948, 1951, 1962.

ПСС, 1959 — Œuvres complètes (H. de Bouillane de Lacoste et Jacques Borel), Club du meilleur livre, deux tomes, 1959 et 1960 (1500 exemplaires du second tome contiennent les œuvres libres).

Переводы^[788]

Лирика. Пер. с фр. М.: Худож. лит., 1969.

Стихотворения, проза // Поль Верлен, Артюр Рембо, Стефан Малларме. М.: Рипол классик, сер. «Бессмертная библиотека. Зарубежные классики», 1998.

Избранное. Лирика, проза, критика. М.: Терра — Книжный клуб, сер. «Сокровища мировой литературы», 1999.

Калейдоскоп. Стихотворения. М.: ТОО «Летопись», сер. «Мир поэзии», 1999.

Литература о Верлене^[789]

Адан, 1936 — Adam (A.), Le Vrai Verlaine, essai psychanalytique, Paris, Droz, 1936.

Адресси, 1923 — Adressy (L.), La dernière bohème. Verlaine et son milieu, Paris, Jouve, 1923.

Аноним, 1897 — (F. Clerget), Publication anonyme, Paul Verlaine et ses contemporains par un témoin impartial, Paris. Bibliothèque de l'Association, 1897.

Байяр, без даты — Bayard (J.-E.), Au qaurtier Latin d'hier et d'aujourd'hui.

Берришон, 1897 — Berrichon (P.), La vie de Jean Arthur Rimbaud, Paris, Mercure de France, 1897.

Берришон, 1912 — Berrichon (P.), Jean Arthur Rimbaud, le poète (1854–1873), Paris, Mercure de France, 1912.

Борнек, 1951 — Bomecque (J.-H.), *Études verlainiennes. Les Poèmes saturniens de Paul Verlaine*, Paris, Nizet, 1951.

Браун, 1909 — Braun (T.), «Paul Verlaine en Ardennes», in *les Marches de l'Est*, 1909–1910 (№ 4).

Буйан де Лакот, 1949 — Bouillane de Lacoste (H. de), «Rimbaud et le problème des Illuminations», in *Mercure de France*, 1949.

Бург, 1979 — Tony Bourg, *D'Letzeburger Land, Luxembourg*. № 50 от 14 декабря 1979 года.

Вайа, 1931 — Vaillat (L.), *En écoutant Forain*, 1931.

Вайан, без даты — Vaillant (J.-P.), *Rimbaud tel qu'il fut*.

Ван Бевер, 1926 — Van Bever (A.), *Bibliographie et Iconographie de Paul Verlaine (en collaboration avec Maurice Monda)*, Paris, Messein, 1926.

Ванвелькенгейзен, 1945 — Vanwelkenhuyzen (G.), *Verlaine en Belgique, Bruxelles, La Renaissance du Livre*, 1945.

Верлен, М., 1935 (Воспоминания Матильды Верлен) — Verlaine (ex-Mme Paul), *Mémoires de ma vie*, Paris, Flammarion, 1935.

Виаль, 1975 — Vial (A.), *Verlaine et les siens, heures retrouvées*, Paris, Nizet, 1975.

Годшот, 1937 — Godchot, colonel, *Arthur Rimbaud ne varietur*, Nice, Tome I, 1936 (1854–1871), Tome II, 1937 (1871–1873).

Де Виви, 1928 — Le Febve de Vivy (L.), *Les Verlaine*, Bruxelles. Miette, 1928.

Делаэ, 1919 — Dehalaye (E.), *Verlaine*, Paris. Messein, 1919 (rééditions).

Делаэ, 1919а — Dehalaye (E.), *Documents relatifs à Paul Verlaine*, Paris, Maison du Livre, 1919.

Делаэ, 1925 — Dehalaye (E.), *Souvenirs familiaux à propos de Rimbaud, Verlaine et Germain Nouveau*, Paris, Messein, 1925 (rééditions).

Донос, 1898 — Donos (C.), *Verlaine intime*, Paris, Vanier, 1898.

Дрейфус, без даты — Dreyfus, (M.), «Ce que je tiens à dire», Paris, Ollendorf.

Дюфай, 1927 — Dufay, (P.), «Chez Nina de Villard», «Меркюр де Франс» от 1 июня 1927 года.

Заэ, 1947 — Zayed (G.), *Lettres inédites de Verlaine à Cazals*, Genève, Droz, 1947, et Paris, Minard, 1962.

Заэ, 1962 — Zayed (G.), *La Formation littéraire de Verlaine*, Genève, Droz, et Paris, Minard, 1962.

Заэ, 1964 — Zayed (G.), *Lettres inédites de Verlaine à Charles Morice*. Mêmes éditeurs que ci-dessus, 1964.

Зеваэс, 1924 — Alexandre Zévaès, «Les Procès littéraires du XIX siècle»,

1924.

Изамбар. 1946 — Izambard (G.), Rimbaud tel que je l'ai connu, Paris, Mercure de France, 1946.

Казальс и Ле Руж, 1911 — Cazals (F.-A.) et Le Rouge (G.), Les Derniers Jours de Paul Verlaine, Mercure de France, 1911 (ouvrage réédité).

Карпе, 1949 — Carré (J.-M.), Autour de Verlaine et de Rimbaud, Cahiers Jacques Doucet, Université de Paris, 1949. Réédition Gallimard.

Клерже. 1906 — Clerget (F.), Emile Biemont, 1906.

Коньо, 1912 — Cognot, «Le vrai J.-K. Huysmans», Boss éditeur, 1912.

Коппе, без даты — Coppée (F.), Les mémoires d'un parisien.

Кулон, 1923 — Coulon (M.), «Le problème de Rimbaud, poète maudit», Nîmes, Gomez, 1923.

Кулон, 1929 — Coulon (M.), Verlaine, poète saturnien, Paris, Grasset. 1929.

Кюнель, 1945 — Kunel (M.), Verlaine et Rimbaud en Belgique, Liège, Éditions Solédi, 1945.

Ле Руж, 1928 — Le Rouge (G.), Verlainiens et Décadents, Paris, Seheur, 1928 («Masques et Idées»).

Лелё, без даты — Leleu (C.), Mémorial de collège Notre-Dame de Rethel.

Лепеллетье, 1924 — Lepelletier (E.), Paul Verlaine, sa vie, son œuvre, Paris, Mercure de France, 1907 (réédition 1924).

Мань, 1950 — Magne, (L.), «L'extraordinaire Aventure d'Antoine de Tounens», préface d'Andre Maurois. Paris, 1950.

Мартен, 1944 — Martin (A.), Verlaine et Rimbaud. Documents inédits tirés des archives de la Préfecture de Police, tirage à part d'un article de la Nouvelle Revue française, 1944.

Мартино, 1924 — Martino (P.), «Léon Bloy», Librairie de France, 1924.

Морис, Л., 1946 — Morice (L.), Verlaine, le drame religieux, Paris, Beauchesne, 1946.

Надаль. 1961 — Nadal (O.), Paul Verlaine, Paris, Mercure de France, 1961.

Пиa, 1961 — Pia (P.), préface à l'Album Zutique, Cercle de livre précieux, 1961.

Порше, 1933 — Porché (F.), Verlaine tel qu'il fut, Paris, Flammarion, 1933.

Птифис, 1975 — Petitfils, «Un point éclairci de la vie de Verlaine — Verlaine à la Chartreuse», «Préparateurs de faits futurs», Collection de l'Avant-siècle, Minard, Paris, 1975.

Птифис, 1994 — Petitfils (P.), Paul Verlaine, Paris, Editions Julliard, 1981–

1994 (оригинал настоящего перевода).

Птифис, 2000 — Птифис П. Артюр Рембо. М.: Молодая гвардия, 2000 (перевод книги Petitfils (P.), Rimbaud, Paris, Julliard, 1983).

Распайль, 1981 — Raspail (J.), Moi, Antoine de Tounens, roi de Patagonie, Albin Michel, 1981.

Ре, 1923 — Rais (J.), Les dernières lettres inédites de Paul Verlaine, Paris, Messein, 1923, tirage à part de la Revue des vivants.

Регаме, 1896 — Régamey (F.), Verlaine dessinateur, Paris, Floury, 1896.

Рейно, 1911 — Raynaud (E.), L'Assomption de Paul Verlaine, pastorale, Paris, Mercure de France, 1911.

Рейно, без даты — Raynaud (E.), Souvenirs de police.

Ретте, 1903 — Rette (A.), «Symbolisme, anecdotes et souvenirs». Messein, 1903.

Рикар, 1967 — Ricard (L.-X. de), «Petits mémoires d'un Parnassien», in le Petit Temps, nov.-déc. 1898, juil. 1899, sept. 1900, et dans le recueil de M.

Pakenham (avec «Les Parnassiens» d'Adolphe Racot). Paris, Minard, 1967. Collection Avant-Siècle.

Ришар, 1961 — Richard (N.), A l'aube du Symbolisme, Paris, Nizet, 1961.

Ришар, 1968 — Richard (N.), Le mouvement décadent. Même éditeur, 1968.

Рише, 1953 — Richer (J.), Paul Verlaine, Paris, P. Seghers, 1953.

Рюшон, 1947 — Ruchon (F.), Verlaine. Documents iconographiques, Vézenas, Genève, 1947.

Сеше и Бертран, 1909 — Sèche (A.) et Bertrand (J.), La Vie anecdotique et pittoresque de Verlaine, Paris, Louis Michaud, 1909.

Тайад, 1943 — Tailhade (L.), Quelque fantômes de jadis. Paris, Messein, 1943.

Ундервуд, 1956 — Underwood (V.-P.), Verlaine et l'Angleterre, Paris, Nizet, 1956.

Фонтен, 1937 — Fontaine (A.), Verlaine, homme de Lettres, Paris, Delagrave, 1937.

Французские названия цитированных газет и журналов

Авторские рукописи (Manuscrit autographe)

Академос (Akademôs)

Алкалоидный журнал (Revue des Alcaloïdes)

Альманах XVII округа (Petit almanach du XVIIe arrondissement)

Анналы (Les Annales)
Аннетон (Hanneton)
Арденнские этюды (Etudes ardennaises)
Арденнский и аргонский журнал (Revue d'Ardenne et d'Argonne)
Арденнский курьер (Courier des Ardennes)
Все издания (Toute l'édition)
Восточный прогресс (Progrès de l'Est)
Время (Le Temps)
Гаврош (Gavroche)
Газетт де Франс (Gazette de France)
Газетт риме (Gazette rimée)
Европейский журнал (Revue européenne)
Ежемесячный журнал (Revue hebdomadaire)
Журнал о литературе и искусстве (Revue des Lettres et des Arts)
Журнал по истории французской литературы (Revue d'Histoire littéraire de la France)
Журнал Прогресса (Revue de Progrès)
Журналь де ля Либрери (Journal de la Librairie)
Завтра (Demain)
Изящные искусства (Beaux-Arts)
Искусство и критика (L'art et critique)
Искусство и медицина (Art et Médecine)
Кандид (Candide)
Калибр (Le Triboulet)
Корреспондент (le Correspondant)
Краваш паризьен (Cravache parisien)
Красный журнал (Revue rouge)
Круглый стол (La table ronde)
Ла Блат (La Blatte)
Ла Грив (La Grive)
Либр ревью (Libre revue)
Литература (Littérature)
Литературно-художественное возрождение (Renaissance artistique et littéraire)
Литературные документы (Documents littéraires)
Лютеция (Lutèce)
Меркюр де Франс (Mercure de France)
Мир в картинках (Univers illustré)
Мо д'ордр (Mot d'ordre)

Народ вопиет! (Le Cri du Peuple)
Непредвзятый (Impartial)
Новое в науке, искусстве и литературе (Vogue artistique, scientifique et littéraire)
Новости литературы (Nouvelles littéraires)
Новый левый берег (Nouvelle Rive gauche)
Опера (Opéra)
Парижская жизнь (La vie parisienne)
Парти насьональ (Parti national)
Перо (La Plume)
Пёпль суверен (Peuple souverain)
Призыв (Rappel)
Пти Журналь (Le Petit Journal)
Птит Нувель (La Petite Nouvelle)
Проба пера (Taches d'encre)
Пробуждение (Le Reveil)
Пьяный корабль (Le Bateau ivre, Bulletin de la Société des Amis de Rimbaud)
Пэлл-Мэлл Мэгэзин (Pall-Mall Magazine)
Ревю андепандан (Revue independent)
Ревю католик (Revue catholique)
Ревю критик (Revue critique)
Реликварий (Reliquaire)
Рембо в жизни (Rimbaud vivant)
Республиканский восток (l'Est républicain)
Северо-Запад (Nord-Est)
Сенат (The Senate)
Синий журнал (Revue bleu)
События (l'Événement)
Современный Париж (Paris Moderne)
Ученые записки Туринской академии наук (Atti delle Accademia di Torino)
Фантастический журнал (Revue fantaisiste)
Фигаро (Figaro)
Фигаро Литтерер (Figaro Littéraire)
Фортнайтли Ревью (Fortnightly review)
Французский журнал (Revue de France)
Французский курьер (Courier français)
Франция (La France)

Шануар (Chat noir)

Энциклопедический журнал (Revue encyclopédique)

Этюды о Рембо (Etudes rimbaldiennes)

Эхо Парижа (Echo de Paris)

Юная Франция (Jeune France)

XIX век (XIX siècle)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА ^[790]

1798, 24 марта — в Бертриксе (современная Бельгия) родился Николя-Огюст Верлен, отец поэта.

1809, 24 марта — в Фампу, департамент Па-де-Кале, родилась Элиза-Стефани Дез, мать поэта.

1831, 15 декабря — Николя-Огюст Верлен и Элиза-Стефани Дез сочетаются браком в Аррасе.

1844, 30 марта — в Меце родился Поль-Мари Верлен, будущий поэт.

1851 — капитан Верлен выходит в отставку и переезжает с семьей в Париж.

1853, 17 апреля — родилась Матильда Моте, будущая жена Верлена.

1853, октябрь — Верлен поступает в школу Ландри, в которой проучится до 1862 года.

1854, 20 октября — родился Артюр Рембо.

1860, 27 февраля — родился Люсьен Летинуа.

1862, 16 августа — Верлен успешно сдает экзамен на степень бакалавра словесности.

1863, август — Верлен публикует сонет «Господин Прюдом» в «Прогрессе» Луи-Хавье де Рикара; знакомства Верлена с молодыми поэтами, создание «Современного Парнаса».

1864 — Верлен устраивается экспедитором в мэрию Парижа.

1865, 15 июля — родился Фредерик-Огюст Казальс.

1865, 30 декабря — в журнале «Искусство» выходит стихотворение Верлена «Nevermore», в этот же день умирает капитан Верлен.

1866, 28 апреля — выходит первый выпуск «Современного Парнаса», в котором опубликованы восемь стихотворений Верлена.

1866, ноябрь — выходит первый сборник Верлена «Сатурновские стихи».

1867, 16 февраля — в Леклюзе умирает Элиза Дюжарден, в девичестве Монкомбль, двоюродная сестра поэта.

1867, август — в качестве «посла» парнасцев Верлен наносит визит Виктору Гюго в Брюссель.

1868, январь — Верлен входит в круг салона Нины де Вильяр.

1869, 20 февраля — выходит второй сборник Верлена «Галантные

празднества».

1869, конец, июня — Верлен знакомится с кузиной своего друга Шарля де Сиври Матильдой Моте.

1869, середина июля — Верлен в письме Шарлю де Сиври просит руки Матильды.

1870, 12 июня — выходит сборник «Песнь чистой любви».

1870, 23 июня — Верлен и Матильда Моте заключают брачный контракт.

1870, 11 августа — Верлен и Матильда сочетаются браком.

1870, 22 августа — Рембо пишет письмо своему учителю Жоржу Изамбару, в котором выражает свое восхищение «Галантными празднествами» и «Песнью чистой любви».

1870, 19 июля — начало Франко-прусской войны.

1870, 4 сентября — во Франции провозглашена Республика. Прусские войска приближаются к Парижу. Приказ о всеобщей мобилизации; Верлен под давлением Матильды записывается добровольцем в полк.

1871, 18 марта — начало Парижской коммуны. Верлен из патриотических чувств остается работать в мэрии.

1871, 24 мая — падение Парижской коммуны. Верлен, опасаясь ареста за сотрудничество с коммунарами, скрывается с женой в Фампу. Матильда на четвертом месяце беременности.

1871, сентябрь — Верлен возвращается из Фампу в Париж и получает письма от Рембо. Показав его стихи друзьям, он уступает просьбе Рембо и вызывает его в столицу. Рембо некоторое время живет в доме тещи Верлена вместе с самим Полем и Матильдой. Отношения двух поэтов стремительно развиваются, к концу месяца Верлен начинает пить и бить жену.

1871, 30 октября — родился Жорж Верлен, сын Матильды и Поля.

1872, середина января — после очередной сцены с мужем Матильда покидает Париж и скрывается в Перигё. Верлен в это время живет вместе с Рембо на улице Кампань-Премьер.

1872, март — приняв условия «ультиматума» жены, Верлен добивается того, что Рембо уезжает обратно в Шарлевиль, и Матильда возвращается в Париж. Верлен тайно переписывается с Рембо.

1872, май — Рембо возвращается в Париж. Верлен снова начинает бить жену и угрожать ей. Г-н Моте приказывает Верлену вести нормальный образ жизни, тот из страха подчиняется и прекращает снабжать Рембо деньгами. Тот решает, что Поль его предал и собирается возвращаться в Шарлевиль.

1872, 7 июля — Верлен, посланный за доктором для жены, встречает

на улице Рембо, который несет ему письмо, где говорит, что покидает Париж. Верлен не хочет его отпускать, и Рембо ставит ультиматум — Верлен должен уехать с ним немедленно. Верлен соглашается, и друзья бегут из столицы в Бельгию.

1872, июль — Верлен в письмах жене притворяется, что ищет в Брюсселе убежища от ареста за свою деятельность при Коммуне, однако та, после визита к матери Поля, понимает, что тот сбежал в Бельгию с Рембо.

1872, 22 июля — Матильда со своей матерью приезжает в Брюссель с целью забрать Поля. Тот следует за ними до границы на поезде, однако при пересечении границы сбегает и возвращается в Брюссель с Рембо. Матильда тяжело переносит случившееся, Верлен больше для нее не существует.

1872, 7 сентября — Верлен и Рембо садятся в Остенде на пароход и отправляются в Англию, прибыв в Лондон, поселяются в доме 34 по Хоуленд-стрит.

1872, 18 сентября — консул Франции в Лондоне официально объявляет Верлена гражданином Франции.

1872, сентябрь — декабрь — Верлен и Рембо открывают для себя Лондон, Верлен работает над сборником «Романсы без слов», живут друзья на деньги матери Верлена. В это время в Париже семейство Моте инициирует процесс о раздельном проживании и разделении имущества супругов.

1873, 4 апреля — Верлен и Рембо отправляются из Лондона в Остенде. Верлен затем направляется в Намюр, надеясь вызвать туда жену и убедить ее отказаться от процесса и возобновить семейную жизнь. Попытка проваливается.

1873, 19 мая — Верлен отсылает Лепеллетье рукопись «Романсов без слов».

1873, 28 мая — Верлен и Рембо возвращаются в Лондон и поселяются в доме 8 по Грейт Колледж-стрит. Друзья зарабатывают на хлеб уроками французского.

1873, июль — Верлен решает бросить Рембо и снова начать семейную жизнь, для чего пишет жене письмо, вызывая ее в Брюссель, и сам направляется туда. К назначенному сроку Матильда не прибывает в Брюссель. Верлен, отказавшись от мысли покончить с собой, пытается записаться в карлистские войска, но, выяснив, что записывают туда только испанцев, вызывает к себе из Лондона Рембо. 10 июля происходит сцена разрыва между друзьями, Верлен ранит Рембо из револьвера, так как тот прямо настаивает на своем возвращении в Париж. Рембо делают

перевязку, он объявляет, что все равно едет в Париж. Верлен провожает его к поезду и, решив покончить с собой на глазах друга, лезет в карман за револьвером. Рембо думает, что Верлен собирается его убить, и обращается за помощью к полицейскому. Верлена арестовывают, начинается следствие.

1873, 8 августа — Верлена приговаривают к двум годам тюрьмы и штрафу в двести франков за нанесение легких телесных повреждений Рембо. Верлен подает апелляцию.

1873, 27 августа — апелляция Верлена отклонена, некоторое время Верлен пребывает в тюрьме Пти Карм, затем его переводят в Монс.

1873, октябрь — 1875, 16 января — Верлен сидит в тюрьме в Монсе. В течение этого времени он работает над стихотворениями, которые затем войдут в сборники «Мудрость», «Давно и недавно», «Параллельно».

1874, 27 марта — Верлен получает от Лепеллетье первые экземпляры только что изданных «Романсов без слов».

1874, 24 апреля — суд Сены официально утверждает решение о раздельном проживании и раздельном владении имуществом супругов Верлен. Верлен, узнав об этом, впадает в глубокую депрессию и вызывает священника, который вручает ему катехизис.

1874, июнь — Верлен решает, что уверовал.

1874, 15 августа — Верлена исповедуют.

1875, 16 января — Верлен выходит из тюрьмы.

1875, февраль — Верлен приезжает к Рембо в Штутгарт. Друзья окончательно разрывают отношения.

1875, март — Верлен отправляется в Англию в поисках работы — места преподавателя. Его нанимает школа в городе Стикни. Переписка Верлена с Жерменом Нуво, Лепеллетье, другом Рембо Эрнестом Делаэ.

1875, осень — Верлен едет в Лондон на встречу с Жерменом Нуво.

1875, 13 сентября — Верлена извещают об отказе «Современного Парнаса» печатать его стихи.

1875, 12 декабря — Верлен пишет свое последнее письмо Рембо.

1876, сентябрь — Верлен меняет место работы и устраивается в коллеж в Борнмуте.

1877, май — тесть разрешает Верлену увидеться с сыном в его доме.

1877, сентябрь — Верлен в Аррасе, к нему приезжает Жермен Нуво, друзья осматривают памятные места св. Бенедикта-Иосифа Лабрского.

1877, октябрь — Верлен занимает место преподавателя коллежа в городе Ретель, которое незадолго до этого оставил Делаэ. Знакомство с Люсьеном Летинуа, учеником коллежа.

1879, конец августа — Верлену объявляют, что он не может более

работать в Ретеле по причине недостойного поведения. Поль уезжает в Англию вместе с Люсьеном Летинуа, которого устраивает преподавателем в Стикни, а сам едет работать в Лимингтон. Переписка Верлена и Люсьена Летинуа.

1880 — Верлен и Люсьен Летинуа возвращаются во Францию, Верлен покупает на имя родителей Летинуа ферму в Жюнивиле.

1880, ноябрь — в издательстве Виктора Пальме за счет автора выходит из печати сборник «Мудрость».

1882 — ферму в Жюнивиле продают за долги. Верлен возвращается в Париж и пытается заново наладить контакты со своими старыми друзьями-литераторами, а также устроиться на работу в мэрию.

1882, 28 ноября — по запросу мэрии в комиссариат полиции в Брюсселе приходит ответ, ставящий крест на возможности Верлена работать в мэрии.

1882, декабрь — Верлен сотрудничает с журналом «Новый левый берег», переименованным затем в «Лютетию».

1883, 7 апреля — от тифа умирает Люсьен Летинуа.

1883, 30 июля — родители Люсьена за долги отдают матери Верлена дом в Куломе, куда она и переезжает вместе с Верленом. В Куломе Верлен снова начинает пить, что в конце концов приводит к скандалу.

1884 — «Лютетия» публикует стихотворения, вошедшие затем в «Давно и недавно».

1884, март — в издательстве Ванье выходят статьи Верлена о Рембо, Корбьере и Малларме под заголовком «Проклятые поэты».

1884, 30 ноября — в издательстве Ванье выходит сборник «Давно и недавно».

1885, февраль — Верлен угрожает матери, она скрывается у соседней и подает на сына в суд.

1885, 8 марта — Верлен продает дом в Куломе.

1885, 24 марта — Верлена приговаривают к месяцу тюрьмы за угрозы матери.

1885, май — официально оформлен развод супругов Верлен.

1885, июнь — Верлен приезжает в Париж и селится в отеле «Миди» в тупике Сен-Франсуа, куда затем приезжает и его мать. Вскоре после этого Верлен теряет способность самостоятельно передвигаться из-за болезни ног.

1885, ноябрь — Верлен работает над серией литературных биографий «Современные люди».

1886, 21 января — умирает мать Верлена. Матильда,

присутствовавшая на похоронах, узнает о наследстве, оставшемся после матери своего бывшего мужа, и добивается ареста ее имущества. Поль и Матильда заключают мировое соглашение, наследство переходит Матильде в счет невыплаченных Полем алиментов, она же оплачивает его долги. Верлен остается без средств к существованию.

1886, весна — знакомство Верлена с художником Фредериком-Огюстом Казальсом.

1886, 22 июля — Верлен в первый раз ложится в больницу (Тенон).

1886, 30 октября — Матильда экс-Верлен выходит замуж за Бьянвеню-Огюста Дельпорта и в связи со сменой фамилии снимает свой запрет на публикацию рукописей Рембо, находившихся в ее распоряжении.

1886, осень — выходят из печати «Воспоминания вдовца» и «Луиза Леклерк».

1886, 5 ноября — Верлен снова попадает в больницу (Бруссе).

1887, 13 марта — 1887, сентябрь — Верлен выходит из больницы, но ему негде жить; с помощью друзей он переезжает из приюта в приют.

1887, 20 сентября — Верлен возвращается в больницу Бруссе и проводит там следующие шесть месяцев.

1888, 20 марта — из печати выходит сборник «Любовь», а Верлен выходит из больницы. Он поселяется в отеле на улице Руайе-Коллар и устраивает у себя по средам приемы, на которых собираются все его друзья.

1888, 17 ноября — Верлен снова ложится в больницу Бруссе и пребывает там до февраля следующего года.

1889, 21 февраля — Верлен выходит из больницы и селится в отеле «Лиссабон» (улица Вожирар, дом 4), где возобновляет «среды», но с гораздо меньшим, чем прежде, размахом. Попытки расстаться с Ванье и найти другого издателя.

1889, 20 июня — Ванье выпускает сборник «Параллельно» и вкладывает туда стихотворение из сборника «Счастье», который Верлен обещал издателю Савину. Взбешенный Верлен на несколько месяцев рвет отношения с Ванье, затем мирится.

1889, 8 июля — Верлен снова ложится в Бруссе, где пребывает до 18 августа.

1889, август — 1889, сентябрь — Верлен лечится в Экс-ле-Бене.

1889, 19 сентября — Верлен возвращается в больницу Бруссе.

1890, 19 февраля — Верлен покидает больницу и поселяется у своей любовницы Филомены Буден.

1890, 7 июня — выходит из печати сборник «Посвящения».

1890, конец, года — тайно издается сборник «Женщины» неподцензурного содержания.

1891, 20 мая — Театр искусств ставит пьесу Верлена «Одни и другие».

1891, 20 июня — в издательстве Ванье выходят из печати сборник «Счастье» и пьеса «Одни и другие», а также «Избранное».

1891, 31 октября — Верлен снова ложится в Бруссе.

1891, 10 ноября — в Марселе умирает Артюр Рембо.

1891, 26 декабря — выходит из печати сборник «Песни для нее», ранее выходит книга «Как я лежал в больнице».

1892, 20 января — Верлен выходит из больницы и поселяется у второй своей любовницы Эжени Кранц.

1892, апрель — выходит сборник «Интимные литургии».

1892, август-октябрь — Верлен лежит в Бруссе.

1892, ноябрь — нидерландское турне Верлена с лекциями по литературе.

1892, декабрь — Верлен возвращается в больницу Бруссе.

1893, февраль-март — бельгийское турне Верлена.

1893, май — выходят сборники «Элегии» и «Оды в ее честь».

1893, июнь — выходит книга «Как я сидел в тюрьме».

1893, 14 июня — Верлен снова ложится в Бруссе. Состояние его ног угрожающее, требуются регулярные пункции. В больнице его навещает Филомена, с которой Верлен снова сближается.

1893, июль — Верлен выдвигает свою кандидатуру во Французскую Академию на место скончавшегося Ипполита Тэна. Официальное выдвижение происходит позднее, в октябре. На выборах никто не получает решающего преимущества и место достается Альберу Соррелю, рекомендованному супругой умершего академика.

1893, ноябрь-декабрь — Верлен читает лекции в Нанси и Люневиле, затем в Англии (Лондон, Оксфорд, Манчестер). Вернувшись из Англии, Верлен снова меняет любовниц и поселяется у Эжени Кранц.

1893, декабрь — выходят из печати нидерландские лекции Верлена (под заголовком «Две недели в Голландии»).

1894, май — июль — Верлен лежит в больнице Сен-Луи.

1894, 26 мая — выходит сборник «В лимбе».

1894, август — Верлена провозглашают «принцем поэтов» («титолом» владел скончавшийся незадолго до этого Леконт де Лиль).

1894, октябрь — постановка пьесы Верлена «Мадам Обен» в кафе «Прокоп».

1894, декабрь — выходит сборник «Эпиграммы».

1895, февраль — после длительного периода жизни в больницах Верлен снова поселяется у Эжени Кранц.

1895, осень — состояние Верлена ухудшается, он все реже выходит из дома. Его навещают многочисленные друзья и коллеги.

1895, сентябрь — Верлен и Эжени переезжают в дом 39 по улице Декарта.

1895, октябрь — выходит первое полное собрание сочинений Артюра Рембо с предисловием Верлена.

1896, ночь с 7 на 8 января — Верлен падает с кровати и не может подняться, Эжени не решается разбудить соседку, чтобы положить его обратно, и поэт проводит ночь на холодном полу, вследствие чего у него стремительно развивается воспаление легких.

1896, вечер 8 января — в Париже, в доме 39 по улице Декарта умирает Поль Верлен.

1896, 10 января — отпевание в церкви Сент-Этьен-дю-Мон и торжественные похороны, на которых присутствует весь литературный Париж и все друзья покойного, однако не замечены ни Матильда, ни сын поэта Жорж. Речи у могилы произносят Франсуа Коппе, Эдмон Лепеллетье, Морис Баррес, Катулл Мендес, Стефан Маллараме и другие.

1896, 26 января — в парижской прессе появляется письмо Матильды, в котором раскрывается причина отсутствия сына Жоржа на похоронах своего отца — умственная отсталость.

1896, февраль — выходит сборник «Плоть».

1896, декабрь — выходит сборник «Инвективы».

1907 — выходит книга «Путешествия француза по Франции».

Примечания

1

Де Виви, 1928. *Прим. авт.*

Город на территории современного Люксембурга. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

3

Город на юге современной Бельгии близ границ Франции и Люксембурга.

Жан-Батист Журдан (1762–1833) — французский военный деятель, разгромил австрийские войска в период Великой французской революции, маршал при Наполеоне I.

5

5-й месяц французского республиканского календаря (20/21 января — 18/19 февраля).

6

6-й месяц французского республиканского календаря (19/20 февраля — 20/21 марта).

Ср. в Бург, 1979: «Дед Поля Верлена умер в Люксембурге». *Прим. авт.*

Сам Поль Верлен думал, что его отец служил «младшим клерком» у его деда нотариуса и пошел в армию от скуки («Исповедь»). *Прим. авт.*

Надаль, 1961.*Прим. авт.*

Первой в списке вещей, оставленных Верленом у родителей своей жены в 1872 году, фигурирует «акварель, подписанная Огт. Верлен (это мой отец) с изображением Карлсбургского замка (что в Бельгийских Арденнах), в рамке». *Прим. авт.*

Традиционно называется Второй республикой (с 1848 по 1852 год).

Рисунок опубликован во втором издании «Исповеди» (в 1899 году).
Прим. авт.

Де Виви, 1928.Прим. авт.

Военный госпиталь и пансион для ветеранов в Париже, построен (1671–1676) при Людовике XIV. Знаменит собором, в усыпальнице которого с 1840 года покоится Наполеон Бонапарт.

Роман (1788) французского писателя Жака Анри Бернардена де Сен-Пьера (1737–1814).

Эрнест Делаэ (см. Делаэ, 1919, с. 16) указывает, что издатель Леон Ванье показывал ему рисунки Верлена, сделанные последним в возрасте 10–12 лет, это очень аккуратно выполненные портреты и пейзажи. *Прим. авт.*

«Париж воняет, я ворочу от него нос с тех самых пор, как оказался здесь за грехи свои в 1851 году» (письмо Верлена Филомене Буден от 13 октября 1894 года). *Прим. авт.*

Влиятельная ежедневная газета тех времен.

Он же Наполеон III. В результате переворота во Франции установилась так называемая Вторая империя.

В то время еще не было построено здание на улице Авр. Услугами лицея Бонапарта пользовались многие частные пансионы, например частные школы Дюплесси-Морне, Шена, Карре-Демальи, Женти, Польская школа, Школа Буске и др. *Прим. авт.*

Вино из виноградных выжимок.

Читать (лат.).

См. Браун, 1909, с. 505. *Прим. авт.*

Лепеллетъе, 1924, с. 55. *Прим. авт.*

3 января 1857 года его убьет сумасшедший священник в церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Там же, тридцать девять лет спустя, будут отпевать Верлена. *Прим. авт.*

Летние каникулы в европейских странах длятся с июля по сентябрь.

Она не вышла замуж и умерла в возрасте шестидесяти четырех лет 8 декабря 1908 года. *Прим. авт.*

См. Кулон, 1929. В этом издании также опубликованы и указанные рисунки. *Прим. авт.*

См. статью Ф. Бугара (F. Bougard «La famille maternelle de Verlaine d'après les Archives du Pas-de-Calais», «Revue des sciences humaines» за апрель — июнь 1952 года, с. 131–135). *Прим. авт.*

Главное научное учреждение Франции, объединяет пять академий: Французскую Академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию естественных наук, Академию искусств и Академию моральных и политических наук.

Одно из старейших научно-исследовательских и образовательных учреждений Франции, основан в 1530 году. Находится в Париже.

Рейно, 1911. *Прим. авт.*

Это стихотворение, по настоянию Лепеллетье, вышло в «Эхе Парижа» от 10 мая 1891 года, к большому удивлению Верлена («Кто, черт возьми, откопал этот прошлогодний снег?») — *Прим. авт.* — Пер. Г. Шенгели.

Пер. М. Яснова.

Пер. И. Бышевского.

Об Александре Спирсе см. Ундервуд, 1956, с. 21.*Прим. авт.*

Ср. Фонтен, 1937, с. 11 и далее. *Прим. авт.*

Франсуа Мишель Летелье, маркиз де Лувуа (1639–1691) — министр по военным делам при Людовике XIV.

По истории он получил красный шар, как указано в реестре Сорбонны (проверено Пьером Марино, см. Марино, 1924), а не белый шар, как сам Верлен пишет Лепеллетье в письме от 16 сентября 1862 года. *Прим. авт.*

Сб. «Инвективы», пер. И. Бышевского.

Лепеллетье (см. Лепеллетье, 1924, с. 30) утверждает, что поэт просто был влюблен в него. Иным биографам хватило этого, чтобы подозревать здесь порочные отношения. Это полная ерунда. *Прим. авт.*

«Нелепости», пер. Г. Шенгели.

Адан, 1936. *Прим. авт.*

Пер. И. Терновского.

«Исповедь». *Прим. авт.*

Поль-Луи Мио-Фрошо (1844–1891) — внучатый племянник графа Фрошо, первого префекта Франции, назначенного Наполеоном Бонапартом. Он был приписан к министерству внутренних дел. Единственная опубликованная им работа — «История французской системы образования». *Прим. авт.*

О Луи-Хавье де Рикаре см. Рикар, 1967. *Прим. авт.*

Жюль Мишле (1798–1874) — французский историк, автор знаменитой «Истории Франции» (1833–1867).

Луиз-Жан Лемерсье (Непомусен) (1771–1840) — французский драматург, родоначальник жанра французской исторической пьесы. Член Французской Академии с 1810 года.

«Сон, с которым я сроднился», пер. И. Анненского.

Борнек, 1951. *Прим. авт.*

«Сон, с которым я сроднился», пер. И. Анненского.

«Nevermore I», пер. И. Коварского.

«П Васио», пер. И. Бышевского.

«Nevermore II», пер. И. Коварского.

«Initium», пер. И. Терновского.

«Nevermore I», пер. И. Коварского.

«Покорность», пер. Г. Шенгели.

«Усталость», пер. Г. Шенгели.

«Женщине», пер. Эллиса.

«В лесах», пер. Ф. Сологуба.

«Обет», пер. В. Брюсова.

«Тоска», пер. Ф. Сологуба.

«Амур на земле», пер. И. Терновского.

«Тоска», пер. Ф. Сологуба.

Делаэ, 1919, с. 35. *Прим. авт.*

«Наброски о Бельгии».

Де Виви, 1928, с. 51. *Прим. авт.*

Далее Леон Гамбетта (1838–1882) стал известным политиком, фактически лично добился установления во Франции Третьей республики и закончил карьеру на посту премьер-министра (1881–1882).

Впоследствии номер 27 (см. Рикар, 1967, с. 50, подстраничное прим.).
Прим. авт.

См. «Фигаро Литтерер» от 12 января 1929 года. *Прим. авт.*

Он же Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт (1822–1891) — сын Жерома Бонапарта, младшего из братьев Наполеона Бонапарта. Титул принца под именем Жером получил в 1852 году.

См. Зеваэс, 1924. *Прим. авт.*

Братья Гонкуры пишут в своем «Дневнике» за 19 января 1866 года: «У некоего г-на Рикара собирается вся эта шушера из „Искусства“, прихвостни Бодлера и де Банвиля. У этих людей не все в порядке с головой, они кривляются, курят опиум, суетятся, хотя не представляют из себя ничего особенного». *Прим. авт.*

См. Рикар, 1967, прим. 20. *Прим. авт.*

См. Коппе, без даты. *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского.

И однако же, после успеха «Прохожего», Коппе был удостоен похвал принцессы Матильды, которой его представил Теофиль Готье. Коппе представил ей Анатоля Франса; когда об этом узнал Верлен, он изобразил их обоих, Коппе и Франса, лакеями на подножках императорской кареты с имперскими кокардами на киверах. См. Верлен, М., 1935, с. 116. *Прим. авт.*

«Батиньоль», сб. «Любовь», пер. Г. Шенгели.

«Sub Urbe», сб. «Сатурновские стихотворения», пер. А. Эфрон.

Действуй и надейся (*лат.*).

Кламар — административный центр на юго-западе Парижа. Намек на то, что «штаб-квартира» парнасцев находится в такой же «дыре».

Имеется в виду отель «Синий дракон», он же Бразильский отель, где принимал своих друзей Катулл Мендес. В этом месте постоянно происходили дебоши и собирались наркоманы. *Прим. авт.*

«Сон, с которым я сроднился», сб. «Сатурновские стихотворения», пер.
И. Анненского.

Заглавие навеяно эпитафом к «Цветам зла» Бодлера. — *Прим. авт.*

В «Исповеди» Верлен пишет, что выкидышей было три. *Прим. авт.*

«Малярия» (см. «Аннетон» за 15 августа 1867 года). Текст входит в сб. «Воспоминания вдовца». *Прим. авт.*

«Через три года», сб. «Сатурновские стихотворения», пер. М. Яснова.

В стихотворении «Гостиница» из сб. «Давно и недавно» Верлен опишет его так:

Под кровлей красною гостиница! отрада
Для всех, кто долго шел по пыли в знойный день:
Гостиница «Восторг»^[777].

Прим. авт.

«Осенняя песня», сб. «Сатурновские стихотворения», пер. В. Брюсова.

Лепеллетъе, 1924, с. 153. *Прим. авт.*

«Исповедь». *Прим. авт.*

См. Almanach du Théâtre, de la Littérature et des Beaux-Arts, 1868. *Прим. авт.*

Ср. статью Анри Гильемена в «Фигаро» от 20 марта 1954 года. *Прим. авт.*

«Исповедь». *Прим. авт.*

«Воспоминания вдовца». *Прим. авт.*

Имеется в виду смерть ученика Верлена Люсьена Летинуа, см. далее главу XV.

«Люсьен Летинуа», часть IV, сб. «Любовь». Пер. И. Терновского.

«В деревне», сб. «Воспоминания вдовца». — *Прим. авт.*

Имеется в виду поражение Франции во Франко-прусской войне, точнее, Седанская катастрофа.

«Побежденные», сб. «Давно и недавно», пер. Г. Шенгели.

То же.

То же.

То же.

Пьеса Виктора Гюго.

Остров в проливе Ла-Манш.

5 сентября 1868 года Верлен принес свои соболезнования мэтру, напоминая ему, что он имел честь быть знакомым с его покойной супругой и восхищался «ее изысканной добротой и эрудированностью». Под этим письмом также стоят подписи Франсуа Коппе, Э. Ламбера де Руасси и А. Кристофа (См. Заэ, 1962, с. 217). *Прим. авт.*

Теодор де Банвиль вывел такой сюжет в «Изгнанных», а Катулл Мендес посвятил этому сборник «Филомела, лирическая книга» (1864). См. Заэ, 1962, с. 319–320. *Прим. авт.*

Поль Огюст Пуле-Маласси (1825–1878) — французский издатель. —
Прим. пер.

Сеговия — город в Испании.

См. Мань, 1950, прим. 93. *Прим. авт.*

См. статью Шарля де Сиври (Charles de Sivry «Souvenirs sans regrets», «Les Quat'Zarts», 1898). *Прим. авт.*

То же. *Прим. авт.*

Верлен не был знаком с Люсьеном Виотти в свою бытность учеником школы Ландри, как утверждает Лепеллетье и вслед за ним многочисленные биографы Верлена. Виотти был близким другом Шарля де Сиври, тот представил его своей матери и сестре, когда ему еще было только двенадцать лет (см. Верлен, М., 1935, с. 151). *Прим. авт.*

Г-н Андре Виаль (см. Виаль, 1975) опубликовал вычурное стихотворение г-жи Моте, в котором она укоряла этого «херувимчика» за то, что тот не хотел играть роль девочки в какой-то салонной игре. *Прим. авт.*

Рисунок сохранился, см. письмо, опубликованное Жаном Монвалем в «Корреспонденте» от 10 марта 1931 года. *Прим. авт.*

116

Вид женского украшения.

См. статью Шарля де Сиври (Charles de Sivry «Souvenirs sans regrets», «Les Quat'Zarts», 1898). *Прим. авт.*

Гюстав Флуранс (1838–1871) — ученый, радикал и интеллигент, возглавлял военную власть при Парижской коммуне, погиб в бою.

Виктор Анри Рошфор, маркиз де Рошфор-Люкай (1830–1913) — знаменитый французский журналист, основатель антибонапартистского журнала «Фонарь».

Скетч — короткая пьеса для двух-трех актеров.

«Шануар» (букв. «черная кошка») — знаменитое парижское кафе и литературное кабаре на Монмартре.

Богемный парижский певец, поэт и композитор, редактор журнала «Мирлитон», в котором работал Тулуз-Лотрек.

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 226. *Прим. авт.*

Лепеллетъе, 1924, с. 183 и далее. *Прим. авт.*

См. Байяр, без даты, с. 193. *Прим. авт.*

Письмо к Шарлю де Сиври от 25 декабря и письмо к Лепеллетье 27 марта 1874 года. *Прим. авт.*

Зая, 1964, с. 140. *Прим. авт.*

См. Пиа, 1961. *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

Жан-Антуан Ватто (1684–1721) — художник французского рококо. В работах — влияние комедии дель арте.

Франсуа Буше (1703–1770) — художник, классический представитель французского рококо. Одна из первых работ — гравюры по рисункам Антуана Ватто (см. выше).

Жан-Оноре Фрагонар (1732–1806) — художник французского рококо.

Персонажи-маски в жанре комедии дель арте: Скарамуш — невнимательный слуга, которому нельзя доверять, Коломбина — служанка, влюбленная в акробата Арлекина, и т. д.

«Сентиментальный разговор», сб. «Галантные празднества», пер. И. Эренбурга.

«Амур на земле», сб. «Галантные празднества», пер. И. Эренбурга.

См. Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

Она же Нина де Вильяр, см. выше.

Де Виви, 1928. *Прим. авт.*

См. статью Делаэ (E. Delahaye «Rimbaud et Verlaine à Bouillon», «Ла Грив», номер 1 от октября 1929 года). *Прим. авт.*

В некрологе Огюста Вакеи («Сенат» за май 1895 г.) Верлен вспоминает о своей работе в «Призыве», говоря о «различных патриотических сонетах, написанных в течение войны». Эти стихи не сохранились. Не путает ли он их с сохранившимися стихами 1869 года?
Прим. авт.

Офицерский состав французской армии того времени набирался по жребию.

Опубликовано у Жана Монваля в «Корреспонденте» за 10 марта 1931 года. *Прим. авт.*

Виктория Бертран, в браке г-жа Тик, скончалась в 1928 году в возрасте девяноста лет. Никому из исследователей не пришло в голову расспросить ее про те времена. *Прим. авт.*

О Поле-Огюсте Бретане (1837–1881) см. «Пьяный корабль» за 11 июня 1937 года. *Прим. авт.*

Рисунок воспроизводится в «Изящных искусствах» за 11 июня 1937 года. *Прим. авт.*

Письмо без даты. Факсимиле см. в ПСС, 1959, т. 2. *Прим. авт.*

Сб. «Песнь чистой любви», стих. III, пер. М. Редькиной.

Сб. «Песнь чистой любви», стих. X, пер. А. Эфрон.

Сб. «Песнь чистой любви», стих. IV, пер. Г. Шенгели.

То же.

Сб. «Песнь чистой любви», стих. XII, пер. Ф. Сологуба.

Сб. «Песнь чистой любви», стих. XIX, пер. В. Брюсова.

См. ПСС, 1959, т. 1, с. 1405. *Прим. авт.*

Сборник был подписан в печать 12 июня 1870 года. *Прим. авт.*

Этот ценный экземпляр хранится в Литературной библиотеке Жака Дусе. *Прим. авт.*

Сб. «Песнь чистой любви», стих. XIV, пер. В. Брюсова.

Рисунок воспроизводится в «Авторских рукописях» за март 1933 года, у Рюшона (Рюшон, 1947, лист XIX) и в настоящем издании. *Прим. авт.*

Об этом человеке известно немного. В письме Франсуа Коппе от 18 апреля 1869 года Верлен пишет о нем так: «Никого пугливее я в жизни не встречал» («Корреспондент» за 10 марта 1931 года). См. также Мань, 1950.
Прим. авт.

Это произошло 10 января 1870 года. *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

«Исповедь». — *Прим. авт.*

Пер. И. Терновского.

Пер. И. Коварского.

Коллекция Луи Клайо. На рисунке стоит дата — 15 августа 71 года (вместо правильного 70). На обороте написано:

Сам себя Поль Верлен рисовал
И чевой-то южжасна устал^[778] (sic).

Прим. авт.

Цит. из «Плутней Скапена», в кн: *Мольер Ж.-Б. Комедии*. М.: Худож. лит., 1978, с. 266. Пер. Н. Дарузес. — *Прим. пер.*

Письмо опубликовано П. Буайе в журнале «Quo vadis» за июль-сентябрь 1954 года. *Прим. авт.*

Матильда (см. Верлен, М., 1935) утверждает, что тюрьма находилась на улице Шерш-Миди. Верлен, напротив, помещает в «Исповеди» ту же тюрьму на улицу Орлеан, уточняя, что стена к стене рядом с тюрьмой стояла часовня памяти генерала Бреа, убитого на баррикадах в 1848 году. Ну а местонахождение этой часовни известно — это улица Италии, дом 76.
Прим. авт.

Каталог распродажи Андре Берто, за 10–11 апреля 1957 года, лот номер 301. *Прим. авт.*

См. Клерже, 1906. *Прим. авт.*

«Возмездия». — *Прим. авт.*

«Памяти моего друга». Пер. С. Рубеновича. — *Прим. пер.*

То же. — *Прим. пер.*

Это вовсе не были пустые слухи. Максим Либон на суде (6-й воинский совет, июнь 1872 года) по собственному делу признал, что получил приказ от Комитета общественного спасения взорвать Пантеон, в подвалах которого находились большие запасы пороха. *Прим. авт.*

Лепеллетье пишет, что указанный ужин состоялся 24 мая. На самом деле пороховой завод взорвался 23 мая. *Прим. авт.*

См. Клерже, 1906. *Прим. авт.*

На самом деле Бретаня повысили до старшего сотрудника второго класса 29 сентября 1869 года, и он задержался в Фампу практически на месяц дольше Верлена, прежде чем отправиться в Шарлевиль на новое место службы. *Прим. авт.*

Письмо опубликовано Марселем Турнье в «Фигаро Литтерер» от 15 ноября 1958 года. Пишет Лемерр на следующий адрес (указанный Верленом): Аррас, улица Пе, дом 21, г-же Розе Деэ. *Прим. авт.*

Поль не знал, что арестованный 11 июля глава префектуры Сены на допросе, среди чиновников, работавших на Коммуну — Кюссе, Берто, Андриё и Бери, — назвал также «г-на Верлена, младшего сотрудника в Муниципальном отделе». *Прим. авт.*

Шарль де Сиври, находясь в заключении в Доксе (строение С, бригада 3), пишет родным 13 августа 1871 года: «Вот я, жив-здоров, лежу на традиционной в тюрьмах соломе, совсем отупел от всего этого. Я здесь уже целый месяц, и что-то наши дела совсем не спешат разбирать». *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

Главный герой пьесы Франсуа Коппе «Прохожий». — *Прим. авт.*

Слово приводит Делаэ. Оно обозначает умственное расстройство, при котором больной считает, что превращается в волка. *Прим. авт.*

О ликантропии у Верлена см. Заэ, 1962. *Прим. авт.*

Ср. в песенке Кабанера, которую мы приводим ниже:

Убийцы юности невинной —
Друзья прочли твои стихи
И оплатили путь твой длинный,
Взяв на себя твои грехи^[779].

Прим. авт.

По словам Делаэ, Рембо очень быстро избавился от своего арденнского акцента. Верлен в своих издевательских стихках-«копейках» (от фамилии Ф. Коппе) и ряде писем к Казальсу пытался имитировать акцент Рембо, но у него выходил не арденнский, а скорее артуанский акцент^[780]. *Прим. авт.*

Эту деталь приводит сам Верлен в статьях в «Пере» от 15 и 30 ноября 1895 года. Собаку назвали Гастино в честь Бенджамена Гастино, писателя «красного» толка, депортированного в 1852 году, затем примкнувшего к Коммуне и снова депортированного. *Прим. авт.*

См. Заэ, 1962. *Прим. авт.*

«Тоска», сб. «Сатурновские стихотворения», пер. Ф. Сологуба.

В муниципальной библиотеке Бордо (архив Валада) хранится неопубликованное письмо Теодора де Банвиля к Валаду от 25 сентября 1871 года, в котором тот принимает приглашение на ужин в конце сентября.
Прим. авт.

См. Годшот, 1937, т. 2, с. 141 и Берришон, 1897, с. 76. Также см. работу Шарля Бомона в «Меркюр де Франс» от 1 октября 1915 года. *Прим. авт.*

Это знаменитая и лучшая фотография Рембо воспроизводится во всех посвященных ему книгах и фигурирует на обложке русского перевода книги Пьера Птифиса «Артюр Рембо», изданного «Молодой гвардией» в 2000 году (Птифис, 2000). — *Прим. ред.*

«Воспоминания» Матильды Верлен. *Прим. авт.*

Предисловие Р. Дарзанса к «Реликварию». *Прим. авт.*

Жан Кек, скульптор, друг Кабанера. Шарль де Сиври рассказывает про них следующую веселую историю. Они делили мансарду в особняке на улице Сорбонны, и, поскольку у них был всего один костюм на двоих, один должен был сидеть дома, пока другой куда-либо выходил. Однажды вечером Кабанер куда-то ушел, а Кек спал дома, как вдруг в их комнате обрушился потолок. Он выскочил на лестницу в одной ночной рубашке. Соседи сжалились над ним и подарили ему костюм... что позволило ему наконец отселиться от Кабанера. *Прим. авт.*

Факт участия Жермена Нуво в «Зютическом кружке» оспаривался, так как, согласно документам, в период с 1 октября 1871 года по 20 сентября 1872 года он работал учителем в лицее в Марселе. Приходится выбирать между двумя гипотезами: или Нуво вписывал свои стихи в альбом постфактум, или он приезжал в Париж вскоре после своего назначения на должность учителя, «сбежав» на некоторое время из лицея. Второе нам кажется более вероятным; вся жизнь Нуво состояла из таких вот неожиданных «побегов». Ср. ссылки на Зютический альбом в «Меркюр де Франс» за май и август 1961 года, в полных собраниях сочинений Рембо и Жермена Нуво, а также статьи Пекенема в «Журнале по истории французской литературы» за январь-март 1964 года. *Прим. авт.*

Авторы — Леон Валад и Камиль Пеллетан. — *Прим. авт.* — Пер. Г. Северской.

Пер. Г. Северской. Полный текст этой песенки см.: Птифис, 2000, с.151–152.

См. Делаэ, 1925 и «Арденнский и аргонский журнал» за май-июнь 1909 года. *Прим. авт.*

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

Этот магазин был в ноябре 1923 года соединен с кафе «Хамелеон», где собирались артисты и литераторы. Основано оно было в 1921 году Александром Мерсеро. Там проводились конференции и поэтические вечера, в которых принимали участие Луи Ле Кардоннель, Морис де Плесси, Э. Бурж, Сен-Поль Ру, Метерлинк. Графиня Анна де Ноайль приходила туда читать свои стихи. См. Эмиль Байяр «Монпарнас вчера и сегодня». Дом был снесен в 1930 году. Сохранившиеся фотографии, открытки и рисунки позволяют составить представление о том, как он выглядел. *Прим. авт.*

Р. Дарзанс, предисловие к «Реликварию».

Верлен все время поворачивал дело так, чтобы казалось, что Рембо живет у него дома. Это была официальная версия для г-жи Рембо. Так, 2 января 1872 года Деверьер пишет своему коллеге Изамбару: «Рембо в Париже уже месяца два или три. живет у поэта Верлена, друга папаши Бретаня» (см. Изамбар, 1946, прил.). *Прим. авт.*

Здесь и выше в этом абзаце — «Воспоминания вдовца», глава «Добрые буржуа», пер. С. Рубановича.

См. у Стефана Тота в статье «История одной картины», «Арденнские этюды», номер 2 за июль 1955 года, отдельный оттиск. *Прим. авт.*

В тот же день Верлен пишет тетке Жюли Эврар, что «жена слегла, симптомы заставляют нас беспокоиться». *Прим. авт.*

Возможно, именно так он и поступил. По сведениям Патерна Берришона (см. Берришон, 1912, с. 109), Рембо видели на улице Риволи, где он продавал с лотка брелоки и кольца для ключей. *Прим. авт.*

Опубликован в «Литературно-художественном возрождении» от 12 апреля 1873 года. *Прим. авт.*

Так в предисловии к «Реликварию» излагает события Р. Дарзанс. Эту версию следует по многим причинам предпочесть версии Верлена из предисловия к полному собранию сочинений Рембо (1895 года). Ср. Годшот, 1937, т. 2, с. 159. *Прим. авт.*

Институт развода был введен во Франции законом от 20 сентября 1792 года (через месяц после низвержения монархии Великой французской революцией), затем отменен в 1816 году (после Реставрации Людовика XVIII), затем снова введен законом от 27 июля 1884 года (действует по настоящее время). Через полгода после этого, в начале 1885 года, Матильда воспользуется новым законом, см. далее главу XVI.

См. статью Верлена в «Сенате» за октябрь 1895 года. *Прим. авт.*

Первая убила библейского царя Олоферна, вторая — Марата. — *Прим. авт.*

См. Мань, 1950 и Распайль, 1981. *Прим. авт.*

Пер. И. Терновского.

Описание данного инцидента составляет седьмой пункт прошения о
раздельном проживании, поданного Моте. *Прим. авт.*

Об этом визите Гюго пишет в своих «Дневниках». Ср. статью Анри Гильемена в «Фигаро литтерер» от 21 апреля 1956 года. См. также приглашение Жюльетты Друэ г-же Верлен, опубликовано в «Фигаро» от 16 ноября 1929 года. *Прим. авт.*

См. Дрейфус, без даты, а также Дюфай, 1927. *Прим. авт.*

Свидетельство самого Анатоля Франса, см. «Кандид» от 1 апреля 1944 года. *Прим. авт.*

См. Вайа, 1931, с. 101. *Прим. авт.*

«Песня самой высокой башни», пер. М. П. Кудинова.

Пер. М. П. Кудинова.

О встрече Рембо с Жюлем Мари см. журнал «Литература», номер 8 за октябрь 1919 года. *Прим. авт.*

Автор имеет в виду стихотворение «Юная чета» (в других переводах употребляется название «Молодожены»).

«Пейзаж», сб. «Давно и недавно», пер. Г. Шенгели.

Глава «Неразумная дева. Инфернальный супруг». Пер. И. Коварского.

«Как я сидел в тюрьме». *Прим. авт.*

Верлен «Валькур», «Бельгийские пейзажи», сб. «Романсы без слов»,
пер. Г. Шенгели.

Верлен, сб. «Мудрость», часть III, стих. 2, пер. А. Ревича.

«Брюссель», пер. М. П. Кудинова.

«Кто она, не цветок...» (другое название — «Алмея ли она?»), пер. В. Микушевича.

Жюль-Луи-Жозеф Валлес (1832–1885) — французский журналист, основатель (1871) газеты «Народ вопиет!», одной из самых влиятельных социалистских газет Франции.

Так называли коммунаров-бойцов Национальной гвардии.

«Письмо барона Козопуха»^[781]. *Прим. авт.*

Письмо Верлена к Лепеллетье от 15 апреля 1873 года. *Прим. авт.*

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

«Birds in the night» (*англ.* «ночные птицы»), сб. «Романсы без слов», пер. И. Коварского.

Ни в коем случае нельзя доверять рапорту полицейского Ломбара, составленному позже (1 августа 1873 года) на основании признаний самого Верлена, желавшего, на самом деле, лишь позабавить окружающих. В рапорте сказано: «„Семейная жизнь мне ненавистна, — воскликнул он, — у нас жестокая страсть!“ Сказав это, он показал жене грудь, иссеченную шрамами от ножевых ранений, которые нанес ему его друг Рембо»^[782]. Все это очень сильно преувеличено. По свидетельству Делаэ, дуэли на ножах относятся к более позднему времени (см. Делаэ, 1919, с. 170). *Прим. авт.*

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

См. Порше, 1933, с. 198 (прим.). *Прим. авт.*

Текст приводится в «Воспоминаниях» Матильды Верлен (Верлен, М., 1935). Полный ли это текст? Может быть, это компиляция? Стиль, впрочем, вполне верленовский. В заявлении о раздельном проживании нет упоминаний об этом письме. *Прим. авт.*

Письмо Верлена к Лепеллетье от 14 ноября 1872 года. *Прим. авт.*

См. Д. А. де Грааф «Вокруг Брюссельского дела», «Меркюр де Франс» от 1 августа 1956 года. *Прим. авт.*

«Брюссель. Простая фреска», сб. «Романсы без слов», пер. В. Брюсова.

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

«О мечты! О дворцы!», пер. Г. Кружкова.

Письмо Верлена к Лепеллетье от 14 ноября 1872 года. *Прим. авт.*

Г-жа Рембо подписывалась В. Рембо (то есть «вдова Рембо» или «Витали Рембо»), этим и объясняется путаница. *Прим. авт.*

Пригород Брюсселя.

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 2, пер. А. Ревича.

Письма Верлена Лепеллетье за сентябрь 1872 года. *Прим. авт.*

Имеется в виду осада Парижа во время Франко-прусской войны.

Регаме, 1896. *Прим. авт.*

Вероятно, автор ошибается, имея в виду Роберта Адама (1728–1792) — шотландского архитектора, знаменитого своими зданиями в Лондоне (в частности, на Фитцрой-сквер) и Эдинбурге.

1 ноября 1872 года Вермерш прочитал доклад о Теофиле Готье, 8 ноября — об Огюсте Бланки (в ходе которого продекламировал стихотворение Верлена «Мертвецы»), а 15 ноября — об Альфреде де Виньи. *Прим. авт.*

Сб. «Озарения».

См. нашу работу «Архитектура у Рембо» в журнале «Новости литературы» от 24 августа 1967 года. *Прим. авт.*

Ночные птицы (*англ.*).

Сэр Артур (Сеймур) Салливан (1842–1900) — композитор, превративший английскую оперетту в самостоятельный жанр. Посвящен в рыцари в 1883 году.

«Birds in the night», сб. «Романсы без слов», пер. Ф. Сологуба.

«Зелень», сб. «Романсы без слов», пер. В. Брюсова.

«Ребенок-женщина», сб. «Романсы без слов», пер. Ф. Сологуба.

261

С яблочным соусом (*англ.*).

Форен даже соблаговолил ответить — после долгого молчания и многочисленных упреков Верлена. *Прим. авт.*

«Вплоть до самого последнего времени семейка Моте только и делала, что распускала обо мне всякие гнусные слухи», — писал Верлен Эмилю Блемону, одному из немногих верных друзей, 5 октября 1872 года. *Прим. авт.*

Мальчикам (букв.), здесь имеются в виду англичане вообще.

Кью — район в составе Ричмонда, автономного района Лондона.

Вулич — автономный район Лондона на южном берегу Темзы, в 1965 году присоединен к пригороду Лондона городу Гринвичу.

«Бродяги», сб. «Озарения», пер. М. П. Кудинова.

Там же.

269

Город-порт на южном побережье Англии, близ Лондона.

См. Мартен, 1944. *Прим. авт.*

271

Лучи света (*англ.*).

«Beams», сб. «Романсы без слов», пер. Ф. Сологуба.

Сб. «Давно и недавно», пер. Г. Шенгели.

См. Браун, 1909, с. 505. *Прим. авт.*

В более полном виде автор приводит это письмо в книге Птифис, 2000, с. 199–201. — *Прим. ред.*

Матушка (*англ.*).

Поскольку в Роше бумага была редкостью, Рембо писал на обороте страничек с собственными переработками сцен из Евангелия от Иоанна, написанными в Лондоне. *Прим. авт.*

Письмо опубликовано в Рише, 1953. *Прим. авт.*

Намекая на эту задержку, Верлен пишет Делазэ 1 июля 1875 года: «Ну и свинья же я был в тот день!» *Прим. авт.*

Делаэ, 1919, с. 79, он же, статья в «Ла Грив» за октябрь 1928 года.
Прим. авт.

«Льеж! каким я его видел! Я был там в день свержения Тьера», — пишет Верлен в «Двух неделях в Голландии». Правительство Тьера пало 24 мая 1873 года, новость об этом распространилась на следующий день.
Прим. авт.

«Морской пейзаж», сб. «Озарения», пер. А. Ревича.

«Движение», сб. «Озарения», пер. И. Кузнецовой.

«Движение», сб. «Озарения», пер. И. Кузнецовой.

Ундервуд, 1956. *Прим. авт.*

Именно изготовление этих копий изображено Верленом на его рисунке, где Рембо в цилиндре сидит в кафе и что-то пишет; под рисунком подпись: «Вот как возникло „Одно лето в аду“». Об этом рисунке упоминает Шарль Уэн в «Арденнском и аргонском журнале» за сентябрь 1901 года (статья «Iconographie d'Arthur Rimbaud», с. 191); однако он не сохранился. *Прим. авт.*

Делаэ, 1919, с. 170. *Прим. авт.*

«Бродяги», сб. «Озарения», пер. М. П. Кудинова.

Выражение г-жи Верлең, взятое из ее показаний в комиссариате полиции Брюсселя, данных 10 июля 1873 года. *Прим. авт.*

Мартен, 1944. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956. *Прим. авт.*

Дон Карлос Младший (Карлос Луис де Бурбон), претендент на испанскую корону. Под его предводительством в 1872–1876 годах шла Вторая карлистская война (Первую карлистскую войну, 1833–1840, вел его отец дон Карлос Старший, Карлос Мария Исидро де Бурбон, сын Карла IV, граф де Молина после отречения от претензий на трон). — *Прим. ред.*

Это письмо было захвачено французской полицией вместе с другими бумагами полковника, по неосторожности вернувшегося в Париж. Оно хранится в архиве «Исторической службы вооруженных сил». *Прим. авт.*

«Каспар Гаузер поет», сб. «Мудрость», пер. Г. Шенгели.

Объясняют это тем, что испанцы путали флам. *Vrunte* «тюрьма» с флам. *Vriendt* «друг», и поэтому называли тюрьму «друг», то есть по-испански *amigo*. — *Прим. авт.*

Пистоль — монета, равная десяти ливрам; в известные времена во французских тюрьмах заключенный мог, выплачивая по пистоли в месяц, быть переведен на облегченный режим содержания под стражей, отсюда название камер, где содержались такие заключенные.

«На тему недавно вышедшей книги», сб. «Произведения, изданные посмертно». *Прим. авт.*

«Как я сидел в тюрьме». *Прим. авт.*

За работу! (флам.) — Прим. авт.

Как указывает г-н Ж. Заэ, название заимствовано из Проперция, II, 30: «Noc si crimen erit, crimen amoris erit» («Если это и будет преступление, то преступление любви», лат.). *Прим. авт.*

«Crimen amoris» («преступление любви», *лат.*), сб. «Давно и недавно», пер. И. Анненского.

«Одураченный Дон Жуан», сб. «Давно и недавно», пер. М. Квятковской.

«Одураченный Дон Жуан», сб. «Давно и недавно», пер. М. Квятковской.

Текст цитируется Верленом в книге «Как я сидел в тюрьме». Оригинал не сохранился. *Прим. авт.*

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 2, пер. А. Ревича.

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 6, пер. Ф. Сологуба.

«Impression fausse» («ложное впечатление», *фр.*), сб. «Параллельно», пер. И. Анненского.

Каспар Гаузер (1812–1833) — молодой человек, одна из самых знаменитых загадок XIX века. В 1828 году он предстал перед компетентными органами в Нюрнберге; юноша не мог связать двух слов и плохо понимал, кто он и где он. С ним было два письма: одно от рабочего, который его воспитывал, в нем значилось, что мальчика передали ему в 1812 году и потребовали выучить его читать и писать, но держать взаперти; другое, видимо, от его матери, где было указано его имя, дата рождения и что отец его, кавалерийский офицер, погиб. Мальчика отдали на воспитание Георгу Даумеру, далее его опекуном стал граф Стенхоуп, который послал его в Ансбах, где он получил место в канцелярии председателя апелляционного суда, Ансельма фон Фейербаха. Каспар Гаузер умер от раны, по его словам, нанесенной ему незнакомцем, но, возможно, этим незнакомцем был он сам. С его личностью связано много легенд, в частности, что он был наследным принцем Бадена (впоследствии было доказано, что это не так). Многие деятели искусства XIX и XX веков создавали произведения по мотивам его судьбы, так, среди первых, ему посвятил стихотворение Верлен (см. ниже), среди последних — о нем снял фильм Вернер Херцог. — *Прим. ред.*

«Каспар Гаузер поет», сб. «Мудрость», часть III, стих. 4, пер. Г. Шенгели.

Г-жа Верлен сняла комнату в Икселе, дом 8 по улице Шоссе де Вальбр. Рембо же прятался у некоей дамы Пенсмай, которая владела табачной лавкой и сдавала жилье внаем (дом по улице Буше). Именно в этом доме молодой художник Жеф Росман нарисовал с него трогательный портрет, который хранится в коллекции Матарассо (воспроизводится в книге Птифис, 2000, первая фототетрадь. — *Прим. ред.*).

В рукописи книги «В камере» это стихотворение датировано 8 августа 1873 года, днем вынесения решения. *Прим. авт.*

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 5, пер. Ф. Сологуба.

Мартен, 1944. *Прим. авт.*

314

Город в Бельгии на юге от Брюсселя, недалеко от франко-бельгийской границы.

Город на реке Йонна в одноименном департаменте, Бургундия, расположен на юго-востоке от Парижа. Многочисленные монастыри; в 1140 году в городе состоялся собор, на котором учения Абельяра были признаны антицерковными (повторно).

Сборник под этим названием не состоялся. Стихотворения, которые Верлен первоначально включал в этот сборник, частично вошли в «Давно и недавно», частично в «Параллельно». — *Прим. ред.*

Д. А. де Грааф «Верлен в тюрьме», «Меркюр де Франс» от 1 августа 1956 года. *Прим. авт.*

См. Д. А. де Грааф «Вокруг Брюссельского дела», «Меркюр де Франс» от 1 августа 1956 года. *Прим. авт.*

Письмо Верлена к Лепеллетье (24–28 ноября 1873 года). Рембо очень аккуратно переписал «*Crimen amoris*»; факсимиле см. в Буйан де Лакот, 1949. *Прим. авт.*

«Как я сидел в тюрьме». *Прим. авт.*

«Искусство поэзии», сб. «Давно и недавно», пер. В. Брюсова.

Николас Патрик Стивен Уайзмен (1802–1865) — первый католический кардинал в Англии со времен Реформации, первый епископ Вестминстерский, главный организатор «католического ренессанса» в Англии XIX века. Работы по библеистике, книги, среди них указанный П. П. исторический роман «Фабиола», переведенный на многие языки. Уважение к Уайзмену как к гуманисту, интеллектуалу и ученому было исключительно велико даже среди его противников, так что комментарий П. П. едва ли уместен. — *Прим. ред.*

Жозеф Мари де Местр (1753–1821) — граф, политический деятель и религиозный философ, идеолог клерикально-монархических движений первой половины XIX века. В 1802–1817 годах — посланник сардинского короля в России.

Сб. «Мудрость», часть II, стих. 4, сонет 1, пер. Эллиса.

Сб. «Мудрость», часть II, стих. 1, пер. Эллиса.

На экземпляре «Мудрости», принадлежавшем графу Кесслеру, читаем под этим стихотворением: «Монс, Бельгия, в тюрьме, 1874 год, 15 августа». *Прим. авт.*

Там же.

Морис, Л., 1946. *Прим. авт.*

«Борьба» и в самом деле возобновилась: Верлен подал апелляцию на решение суда о разделе имущества и раздельном проживании. *Прим. авт.*

Мф. 18, 15–17.

«Писано в 1875 году», сб. «Любовь», пер. В. Брюсова.

Документ этот опубликован в «Анналах» за 17 марта 1933 года. В этих материалах также рассказывается о том, кто такой был следователь Церстевенс. *Прим. авт.*

Тем не менее в письме Эдмону Пикару от 5 января 1893 года Верлен говорит, что границу он пересек в пункте Блан-Миссрон. *Прим. авт.*

Г. Ванвелькенгейзен (Ванвелькенгейзен, 1945) говорит о существовании любопытного автопортрета Верлена, где изображена сцена передачи его из рук бельгийских жандармов (они говорят: «Ну вот, представь себе») в руки французских (они говорят: «Приди в мои объятия, мой дорогой соотечественник»). *Прим. авт.*

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

См. Птифис, 1975. *Прим. авт.*

Бургиньон и Уэн в своей биографии Рембо, а также в статьях в «Арденнском и аргонском журнале» за сентябрь-октябрь 1897 года говорят о некоем докторе Любнере. Г-н Даниэль де Грааф предполагает, что имеется в виду доктор Любке (ср. «Рембо в жизни», номера 11–12). *Прим. авт.*

См. Кулон. 1923, с. 257. *Прим. авт.*

Делаэ, 1919. с. 211. *Прим. авт.*

Остров: или Иль-де-Франс («французский остров») — центральный район Франции, где находится Париж (эта территория практически со всех сторон окружена реками), или Иль де ля Сите — остров на Сене, центр Парижа; имеется в виду сама столица Франции.

341

Город в Англии в графстве Линкольншир; не путать с Бостоном в США. столицей штата Массачусетс.

Кличка местного коня, см. далее в этой же главе.

Г-н Ундервуд (Ундервуд, 1956) говорит, что спрашивал миссис Эндрю и мисс Хемпсток об этой истории, но они ничего такого не смогли припомнить. Однако вполне естественно, что на Верлена это произвело гораздо большее впечатление, поэтому он и записал этот рассказ. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956, с. 198–199. *Прим. авт.*

«Иезуитство», сб. «Сатурновские стихотворения», пер. А. Эфрон.

Ундервуд, 1956, с. 205 и далее. *Прим. авт.*

Пародийные стихи в стиле Франсуа Коппе, см. также прим. 4 к главе VII. — *Прим. ред.*

Верлен приводит несколько примеров в своем последнем письме Рембо (от 12 декабря 1875 года). *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского.

Карре, 1949, оборот листа 71. *Прим. авт.*

Речь идет, в частности, о Рауле Жинесте, который в то время находился в Марселе (ср. статью Шарля Мораса в «Энциклопедическом журнале» от 1 января 1892 года). *Прим. авт.*

Делаэ, 1919, с. 323. *Прим. авт.*

Ср. письмо Верлена Делаэ от 1 июля 1875 года: «Я проведу тебя по берегам этого „журчащего“ Скарпа, воспетого Деборд-Вальмор». *Прим. авт.*

Скарп — река на севере Франции, на которой стоят города Аррас и Дуэ.

Легитимисты во Франции XIX века — сторонники династии Бурбонов.

Пер. И. Коварского. Целиком десятистишие. а также и упомянутый П. П. рисунок приводятся в книге: Птифис, 2000, с. 248–249.

Карре, 1949, на обороте листа 67. *Прим. авт.*

Верлен частенько использовал это выражение. «Через несколько дней, вероятно, пиявка перестанет дуться» (речь идет об Эжени Кранц, в письме Казальсу от 19 января 1892 года). Ср. также письмо Верлена Лепеллетье от 9 апреля 1888 года. *Прим. авт.*

«Мудрость», часть I, стих. 7 («О бедная душа, весь день пылал над нами...»), пер. Э. Линецкой.

Из того же стихотворения, третья строка: «Соблазн, опять соблазн! И как смертелен яд».

Жермен Нуво в то время находился в Шарлевиле (преподавал), но не искал встречи с Рембо, за что тот на него злился. Делаэ извещает Верлена о гневе последнего: «Ты бы лучше предупредил его» (Нуво). См. Карре, 1949, на обороте листа 56. Когда Верлен задал Нуво прямой вопрос, тот ответил (20 октября 1875 года из Парижа, куда он к тому времени вернулся): «Не имею ни малейшего понятия, почему бы Р. мог на меня злиться. Сюда в Париж ничего не доходит». *Прим. авт.*

Воспроизводится в Птифис, 2000, с. 251. — *Прим. ред.*

363

В Аррасе, в августе. *Прим. авт.*

Карре, 1949, на обороте листа 17. *Прим. авт.*

«Мудрость», часть I, стих. 4 («Несчастный, все блага...»), пер. И. Коварского.

Верлен пишет так: «мерзкий фигляр secundum Dhervillum» («по Дервиллу», то есть по д'Эрвильи, имитация, *лат.*). Намек на ужин «Озорных чудаков», когда Рембо напал со шпагой на поэта-фотографа Кариа. *Прим. авт.*

Как полагается (*англ.*). — *Прим. пер.*

Воспроизводится в Птифис, 2000, вторая фототетрадь. — *Прим. ред.*

Там же. — *Прим. ред.*

370

Город во Франции, в департаменте Арденны, примерно в сорока километрах от Шарлевиля.

Ундервуд, 1956, с. 290. *Прим. авт.*

Воспроизводится в Птифис. 2000, вторая фототетрадь. — *Прим. ред.*

Непереводимый каламбур: французское слово «passeport» буквально означает нечто вроде «пройди-дверь», Делаэ же написал «passe-porc» — «пройди-свинья» (оба варианта по-французски читаются одинаково). *Прим. авт.* Рисунок с подписью «Новый вечный жид» воспроизводится в Птифис, 2000, с. 259. — *Прим. ред.*

Мегерой Рембо, Делаэ и Верлен называют в письмах мать Артюра.

Пер. И. Коварского.

Сохранилась фотография, воспроизводится в Птифис, 2000, первая фототетрадь. Также воспроизводятся фотографии Старой мельницы, дома Рембо и т. д. — *Прим. ред.*

Карре, 1949, на обороте листа 41. *Прим. авт.*

Дагомея, до 1975 года название гос-ва Бенин (Западная Африка).

Карре, 1949, на обороте листа 14. *Прим. авт.*

Воспроизводится в Птифис, 2000, вторая фототетрадь. — *Прим. ред.*

Алоизий Гонзага, 1568–1591, святой (покровитель юношей, канонизован в 1726 году), сын маркиза де Кастильоне, отрекся от наследства и вступил в орден иезуитов, где учился у знаменитого своей ролью в деле Галилея кардинала Беллармина. Помогая беженцам из чумных районов, заразился сам и умер. — *Прим. ред.*

Ундервуд, 1956, с. 305. Генри Эдвард Мэннинг (1808–1892) — архиепископ (с 1865 года), а затем (с 1875 года) и кардинал Вестминстера. Рукоположен главой католического движения Англии кардиналом Уайзменом (см. прим. 14 к гл. XI). — *Прим. ред.*

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 16 («Эта песенка плачет смиренно...»),
пер. В. Портнова.

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 16 («Эта песенка плачет смиренно...»),
пер. В. Портнова.

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 15 («Прекраснее море...»), пер. Ф. Сологуба.

Город близ Экс-ан-Прованса. — *Прим. авт.*

Делэ. 1919а, с. 36. Прим. авт.

Пер. И. Терновского.

Карре, 1949, на обороте листа 119. *Прим. авт.*

В письме от 1 июня 1877 года к Данкуру, известному также под именем Адольфа Рако, будущему театральному критику в «Газетт де Франс». *Прим. авт.*

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 16, пер. И. Бышевского.

Карре, 1949. на обороте листа 18. *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского. Целиком данная «коппейка» приводится в книге: Птифис, 2000, с. 267.

Сб. «Мудрость», часть III, стих. 20, пер. И. Коварского.

«Искусство и критика», ноябрь 1889 года. *Прим. авт.*

Воспроизводится на фронтисписе в книге «Poésies d'Humilis et Vers inédits» (G. Nouveau), préface d'Ernest Delahaye, Messein, 1924. *Прим. авт.*

Судя по всему, письмо это послано из Арраса, а не из Борнмута, как указано, по ошибке, в Лепеллетье, 1924. с. 407. *Прим. авт.*

Карре, 1949, на обороте листа 61. *Прим. авт.*

399

Письмо хранится в Литературной библиотеке Жака Дусе. *Прим. авт.*

Карре, 1949, лист 76. *Прим. авт.*

«Наши Арденны». *Прим. авт.*

См. Делаэ, 1919, с. 254. Письмо приводится без последних слов, которые мы даем по автографу. *Прим. авт.*

Карре, 1949, с. 33. *Прим. авт.*

Лелё, без даты. Прим. авт.

Речь идет, в частности, о пьесе «Сон и пробуждение», представленной 4 марта 1878 года. *Прим. авт.*

Карре, 1949, лист 79. *Прим. авт.*

См. Рише, 1953. *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

Карре, 1949, лист 78. *Прим. авт.*

410

Пер. И. Терновского.

Коллекция Матарассо. *Прим. авт.*

412

«Фигаро» за 31 мая 1912 года. *Прим. авт.*

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 18 («И вновь мое дитя явилось...»), пер.
А. Ревича.

См. Донос, 1898, с. 107 и 108 и Карре, 1949, лист 81. *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского. Исходно:

Пусть она и страдает без гнева.
Но страданья-то — полная чаша!..
Вот об этом и песенка наша.
Не гоните простого напева.

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 16 («Эта песенка плачет смиренно...»),
пер. В. Портнова.

Что (если возможно) [нового можно рассказать] о моем доме (*лат.*,
англ.).

Письмо опубликовано Анри Гильеменом в «Круглом столе» за октябрь 1956 года. *Прим. авт.*

Шарль Лелё (Лелё, без даты) оспаривает это: ни молельня, ни окна квартир учителей не выходили на дорогу. *Прим. авт.*

419

Эту деталь нам сообщил лично г-н Поль Декруа. *Прим. авт.*

См. «Ла Грив» за январь 1950 года. *Прим. авт.*

Он родился 27 февраля 1861 года (см. Ундервуд, 1956, с. 332). *Прим. авт.*

Часть 16 из поэмы «Люсьен Летинуа», сб. «Любовь», пер. И. Коварского.

Ундервуд, 1956, с. 332. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956, с. 342. Единственная известная фотография Люсьена (вырезана из групповой фотографии учеников коллежа), воспроизводится в Сеше и Бертран, 1909, с. 121^[783]. *Прим. авт.*

Карре, 1949, с. 37. *Прим. авт.*

Делаэ, 1919, с. 284. *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского. Целиком данная «коппейка» приводится в книге: Птифис, 2000, с. 274–275.

Ундервуд, 1956, с.343. *Прим. авт.*

Письмо Шарлю Морису от 17 ноября 1883 года. *Прим. авт.*

«Любовь». — *Прим. авт.*

431

Справка секретаря мэрии Жюнивиля. *Прим. авт.*

432

Возвращение (*фр.*).

О жизни Верлена в Жюнивиле см. статью Марселя Же «Поль Верлен в полях» в «Ежемесячном журнале» за август 1923 года и статью Жака Ле Пескёра «Воспоминания о жизни Верлена в Арденнах» в журнале «XIX век» от 10 января 1946 года. *Прим. авт.*

Рисунок воспроизводится в Донос, 1898^[784]. Прим. авт.

Верлен ответит в своей книге «Путешествие француза по Франции»: «Увы! сломать свою жизнь так легко, для этого нет нужды следовать чьему-либо примеру». *Прим. авт.*

«Ла Блат» за 5 июля 1883 года. *Прим. авт.*

Болландисты, группа в рамках ордена иезуитов, основанная на рубеже XVI–XVII веков и существующая по сей день, названа по имени основателя Жана Болланда (1596–1665). Базируется в Бельгии. Опубликовала и продолжает публиковать Acta Sanctorum («Деяния святых», *лат.*), собрание житий и легенд о святых (на настоящий момент 67 томов с указателями и научным аппаратом), а также ряд периодических изданий по агиографии. — *Прим. ред. Прим. авт.*

Ср. ПСС, 1938, с. 930 и далее. *Прим. авт.*

Джон Суден рассказал Ундервуду (см. Ундервуд, 1956, с. 352), что Верлен был заместителем директора в одном коллеже в Реймсе. Не исключено, что он пытался найти себе в этом городе место в каком-либо образовательном учреждении. *Прим. авт.*

В письме Казальсу от 19 января 1889 года Верлен говорит об одной фотографии Люсьена в военной форме, которой он очень дорожит. *Прим. авт.*

Часть 12 из поэмы «Люсьен Летуна», сб. «Любовь», пер. Г. Шенгели.

Имеется в виду Евгения Мария де Монтихо де Гусман, графиня де Теба (1826–1920) — супруга Наполеона III. После смерти Наполеона III (1873) и их сына Наполеона IV (1879) именовала себя «императрицей в изгнании».

«Виктору Гюго, посылая ему сборник „Мудрость“, сб. «Любовь»,
пер. И. Коварского.

444

То же.

Верлен вежливо парировал в письме от 8 января 1882 года: «Я совершенно изменился как личность». *Прим. авт.*

Верлен никогда не простил своему другу этой выходки. Он напоминал ему о ней двенадцать лет спустя, когда тот решил высмеять выдвижение кандидатуры Верлена в члены Французской Академии. *Прим. авт.*

Факсимиле этой статьи воспроизводится в Рюшон, 1947, лист 170^[785].
Прим. авт.

См. письма Верлена Эрнесту Мило в «Ла Грив» за январь 1950 года.
Прим. авт.

Сб. «Мудрость», часть 1, стих. 15 («Прощает многое Господь...»), пер.
А. Ревича.

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 16 («Родные маленькие руки...»), пер.
В. Портнова.

Сб. «Мудрость», часть I, стих. 17 («Родные маленькие руки...»), пер.
А. Ревича.

Верлен просил Казальса зайти к Сиври и забрать у него рукопись (см. письмо от 27 мая 1889 года). Жорж Верлен продаст ее в 1897 году за пятьсот франков библиофилу Эдуару Шампьону. *Прим. авт.*

Книга вышла только в 1907 году у Мессена. *Прим. авт.*

«Воспоминания вдовца». — *Прим. авт.*

455

Ничего (*англ.*).

Карре, 1949, на обороте листа 36. *Прим. авт.*

Вайан, без даты, с. 38. *Прим. авт.*

Ср. ПСС, 1938, с. 1017. *Прим. авт.*

См. письмо Верлена Эрнесту Мило от 22 февраля 1882 года: «Писал Делатроншу днями. Надеюсь, он вышел на заслуженный отдых со своего поста в Большом Банке и малом кабаке на углу, где обычно обедает Нуво» («Ла Грив» за январь 1950 года). *Прим. авт.*

460

Письмо Делаэ к Верлену от 31 декабря 1881 года. *Прим. авт.*

Несомненно, Верлен имел в виду Люсьена, когда просил Адольфа Рако (в недатированном письме) подыскать для хорошо ему известного молодого человека двадцати трех лет работу «в „Фигаро“ или какое-либо другое солидное место по управленческой части». *Прим. авт.*

«Воспоминания вдовца». — *Прим. авт.*

Еще в тюрьме в Монсе Верлен размышлял о своем восстановлении на службе. «Я не дезертир и не коммунар», — писал он 27 марта 1874 года Лепеллетье. *Прим. авт.*

«Ла Блат» от 5 июня 1888 года. *Прим. авт.*

Так, Делаэ (Делаэ, 1919, с. 324) рассказывает, что, приглашая кого-либо сесть, она говорила: «Месье, присаживайтесь, надеюсь, наши кресла понравятся вашей заднице». *Прим. авт.*

Это досье опубликовано г-ном Джанни Момбелло в 1961–1962 годах в № 96 журнала «Ученые записки Туринской академии наук». В нем содержатся, помимо справок, о которых мы уже говорили, рекомендательное письмо г-на Кюссе, муниципального советника, снятого с должности 11 июля 1871 года, записка П. Ги, прежнего начальника Верлена по парижской мэрии, наконец, восхваление Верлена за авторством отца Гюена, директора коллежа Нотр-Дам в Ретеле (3 сентября 1879 года).
Прим. авт.

Часть 20 поэмы «Люсьен Летинуа», сб. «Любовь», пер. Е. Баевской.

Пер. И. Коварского.

5 декабря 1883 года Верлен извещает Шарля Мориса о ее кончине: «Сегодня ее похоронили на известном вам кладбище. Она была человеком незлобивым, я ее очень любил. Она не смогла пережить сына. Это делает мою скорбь еще более глубокой». *Прим. авт.*

470

Нарисовал (*лат.*).

471

Карре, 1949, на обороте листа 125. *Прим. авт.*

Часть 1 поэмы «Люсьен Летуна», сб. «Любовь», пер. И. Терновского.

В изданиях Верлена эта поэма называется просто «Люсьен Летинуа».

Ванье возмутился, что «Птит Нувель», куда он отослал бесплатный экземпляр, ни слова не написали про книгу. Ему ответили: «О! но ведь мы не можем напечатать на наших страницах имя „Верлен“». *Прим. авт.*

Письмо опубликовано в «Пьяном корабле» в марте 1951 года. *Прим. авт.*

Ср. статью Вайана «Верлен у Бардо» в «Кандиде» от 18 марта 1937 года. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 247 (вместо «Кулом» написано «Жюнивиль»). *Прим. авт.*

Намек на депозит в девятьсот франков, оставленный у г-на Карретта в момент продажи фермы в Жюнивиле. *Прим. авт.*

С. Брие «Дедушка, расскажи нам про Верлена» в «Ла Грив» за сентябрь 1961 года. *Прим. авт.*

Лепеллетъе, 1924, с. 474–475 (описание недвижимости). *Прим. авт.*

С. Брие «Дедушка, расскажи нам про Верлена» в «Ла Грив» за сентябрь 1961 года и Ги Дессон «Поэт в деревне» в «Гавроше» от 10 января 1946 года. *Прим. авт.*

Последний довод (лат.).

Письмо цитирует Анри Гильемен в «Круглом столе» за октябрь 1956 года. *Прим. авт.*

Его канонизации Верлен посвятил сонет, опубликованный в «Ревю критик» 13 января 1884 года. *Прим. авт.*

«Путешествие француза по Франции». *Прим. авт.*

Письмо Верлена Шарлю Кро от 28 января 1881 года. *Прим. авт.*

Полный текст см. в «Ла Грив» от 20 октября 1954 года. Отметим, что Верлен знал, что у Рембо есть брат. «Жив ли еще его брат Фредерик?» — спрашивает он в письме от 26 декабря 1891 года у Поля Вессерона (родом из Шарлевиля). *Прим. авт.*

Лепеллетье (Лепеллетье, 1924, с. 476) предполагает, что Верлен собирался отправиться в Англию, так как письмо Поля на его имя с рассказом о требованиях жены отправлено из отеля близ вокзала Сен-Лазар. Аргумент, как нам кажется, довольно слабый. *Прим. авт.*

«Воспоминания вдовца». *Прим. авт.*

Верлен посетил могилу своей тещи на кладбище Монпарнас вместе с Шарлем Морисом в 1885 году. Позднее, в 1894 году, он посвятит ей стихотворение. *Прим. авт.*

Этого «магистрата» Верлен выведет в злой пародии в посмертно опубликованном сборнике «Инвективы». *Прим. авт.*

«Как я сидел в тюрьме». *Прим. авт.*

Там же. *Прим. авт.*

«Воспоминания вдовца». *Прим. авт.*

См. главу «Герой» в «Воспоминаниях вдовца». *Прим. авт.*

Лепеллетье (Лепеллетье, 1924, с. 484) публикует свидетельство об освобождении Поля из тюрьмы. *Прим. авт.*

См. Ришар, 1961, с. 117. *Прим. авт.*

Часть 11 поэмы «Люсьен Летуна» («Спит Золушка сладко...»), сб. «Любовь», пер. А. Гелескула.

«Сатурническая поэма», сб. «Параллельно», пер. Б. Лившица.

См. статью Мориса Пирона «Верлен в Арденнах, или Дело кюре из Корбийона» в «Ла Грив» за октябрь 1957 года, и статью Сюзетты Бодар, «Дом Верлена в Корбийоне», там же, июль 1934 года. *Прим. авт.*

См. статьи А. де Буйана де Лакота о сборнике «Счастье». *Прим. авт.*

«Такая вот история». *Прим. авт.*

Тайад, 1943. *Прим. авт.*

«Как я лежал в больнице». *Прим. авт.*

Рейно, без даты. *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского.

О первом декадентском движении см. Ришар, 1961. *Прим. авт.*

О Фернанде Ланглуа Верлен говорил: «Наш друг, должно быть, родился от кровосмесительного брака морского языка и удочки» (Ле Руж, 1928).
Прим. авт.

509

Каталог распродажи Пьера Доза (25–30 мая 1914 года), первая часть, лот номер 2284 (издание Огюста Блезю). *Прим. авт.*

Изамбар, 1946, с. 83. *Прим. авт.*

Именно это название знал Верлен, но Рембо посылал это стихотворение Жоржу Изамбару под заголовком «Погубленное сердце», см. наши исследования рукописей Рембо в «Этюдах о Рембо». *Прим. авт.*

«Исповедь». *Прим. авт.*

Виаль, 1975. *Прим. авт.*

514

Рейно, без даты. *Прим. авт.*

«Томление», сб. «Давно и недавно», пер. Б. Пастернака.

Будущий муж Изабель Рембо, сестры Артюра, и автор первых биографий, вернее, «агиографий» Рембо, написанных под ее диктовку. — См. подробнее: Птифис, 2000.

Ришар, 1968. *Прим. авт.*

«И каким вдовцом!» (цит. из «Воспоминаний вдовца»). *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

520

Пер. И. Коварского.

См. нашу работу о рукописях Рембо в «Этюдах о Рембо». *Прим. авт.*

Анаграмма из имени Верлена: Paul Verlaine = Pauvre Lelian («бедный Лелиан»). — *Прим. авт.*

В эту публикацию вошли два ранее не издававшихся стихотворения Рембо: «Украденное сердце», по тексту из письма Артюра Изамбару, и «Голова фавна», происхождение которого неизвестно. Верлен послал его Шарлю Морису 2 ноября 1883 года. *Прим. авт.*

Ришар, 1968. *Прим. авт.*

Предисловие Казальса к сборнику Рашильды «Le jardin des ronces» (1902). См. также переписку Казальса и Рашильды в Казальс и Ле Руж, 1911. *Прим. авт.*

«Детки». *Прим. авт.*

Больница Бруссе названа в честь Франсуа-Жозефа-Виктора Бруссе (1772–1838) — французского врача популяризатора кровопускания, использования пиявок и лечения голоданием. Полагал, что причина всех болезней — раздражения желудочно-кишечного тракта, которые «симпатически» передаются в другие органы. Был в большом почете до 1832 года, когда в Париже разразилась эпидемия холеры и выяснилось, что его методы не способны противостоять болезни. — *Прим. ред.*

«Известно, что меноартрит иногда является следствием гонорей», — пишет доктор Бенассис в статье «Литература в больнице — Поль Верлен» в «Алкалоидном журнале» за апрель 1930 года. *Прим. авт.*

От этого брака родилось двое детей: Феликс Дельпорт, скончавшийся 16 апреля 1918 года в возрасте двадцати пяти лет, и Сюзанна Дельпорт, скончавшаяся 23 марта 1923 года. Что касается Матильды, она снова разведется по решению гражданского суда в Алжире от 12 мая 1906 года (развод зарегистрирован 1 августа 1906 года). *Прим. авт.*

«Баллада о жизни в красном свете», сб. «Параллельно», пер. Ю. Корнеева.

531

Малларме преподавал английский в лицее Роллен с 1885 года. *Прим. авт.*

532

Пер. И. Коварского.

Жан-Батист Руссо (1671–1741) (не путать с Жан Жаком Руссо, 1712–1778, философом и энциклопедистом) — фр. поэт и драматург, крайне популярный в декадентских парижских кругах своего времени. Лучшими его творениями считаются эпиграммы на современников.

«Как я лежал в больнице». *Прим. авт.*

Там же. *Прим. авт.*

Пер. И. Бышевского.

Статья Жана Монваля «Поль Верлен и Франсуа Коппе» в «Корреспонденте» от 25 марта 1931 года. *Прим. авт.*

«Как я лежал в больнице». *Прим. авт.*

539

Там же. *Прим. авт.*

О Филомене Буден должно быть известно гораздо больше: есть все основания полагать, что она тайно сотрудничала с полицией. Однако разыскания в архивах префектуры не дали результатов. *Прим. авт.*

«Женщины». *Прим. авт.*

Заэ, 1964, с. 69. В архивах Казальса в Национальной библиотеке (рукопись N.A.F. 13 155) есть указания на существование писем, полученных Верленом от мэра Курсите (от 2 февраля 1888 года), от отца Салара (от 28 января, 25 февраля, 17 апреля, 23 апреля, 30 ноября, 28 декабря 1888 года, 5 марта 1889 года) и на еще одно письмо от 12 марта 1889 года, полученное Казальсом. Обнаружить их нам не удалось. *Прим. авт.*

В архивах Казальса в Национальной библиотеке есть список писем мэтра Карретта Эмилю Ле Брену от 31 октября 1887 года и 13 апреля 1888 года, Верлену от 7 ноября 1887 года, 8 июня, 6 июля, 30 сентября и 5 октября 1888 года. Также там можно обнаружить черновики жалоб, которые Верлен посылал главе Палаты нотариусов 10 и 14 июня 1888 года.
Прим. авт.

Верлен, М., 1935. *Прим. авт.*

«Воительница» (от *лат.* certamen, «битва»). Документ приводится в Ван Беве, 1926. *Прим. авт.*

546

Пер. И. Терновского.

547

Свидетельство Рашильды. *Прим. авт.*

Первый из этих рисунков воспроизводится в «Энциклопедическом журнале» за 1893 год, второй — в «Пере» за февраль 1896 года, и оба — в Рюшон, 1947^[786]. *Прим. авт.*

549

«Кандид» за 21 декабря 1938 года. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 191. *Прим. авт.*

См. стихотворение «Вечный дурак» в сб. «Инвективы».

«Пейзажи», сб. «Любовь», пер. М. Боролицкой.

То же.

То же. В стихотворении Рембо «После Потопа», открывающем сборник «Озарения», сказано так: «Как только утихло подобье Потопа, заяц остановился в траве и кивающих колокольчиках и помолился радуге сквозь паутину» (пер. Н. Стрижевской).

Ответ Верлена на вопросы о любви газеты «Парижская жизнь» от 26 сентября 1891 года. *Прим. авт.*

На кончину сына Тарле Верлен напишет трогательный сонет (опубликован в «Пере» в октябре 1895 года). *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

Письмо Гюисманса Казальсу от 29 февраля 1896 года (Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 155). *Прим. авт.*

См. статью Пирона «Верлен в Арденнах, или Дело кюре из Корбийона», «Ла Грив» за октябрь 1957 года. *Прим. авт.*

«Европейский журнал» от 1 мая 1923 года. *Прим. авт.*

561

Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 155. *Прим. авт.*

Коньо, 1912. *Прим. авт.*

563

Каталог № 2 книжной лавки Жоржа Эльбрена, посвященный Верлену (№ 169). *Прим. авт.*

Мартино, 1924. *Прим. авт.*

Позднее стало известно, что настоящим автором сонета был Эрнест Рейно. *Прим. авт.*

Жорж-Эрнест-Жан-Мари Буланже (1837–1891) — французский генерал, военный министр. В восьмидесятые годы XIX века возглавлял движение империалистского толка (названное по его имени буланжистским), грозившее уничтожить Третью республику, однако потерпел неудачу и покончил с собой.

567

«Краваш паризьен» от 9 марта 1888 года. *Прим. авт.*

568

В письме от 19 декабря 1887 года. *Прим. авт.*

Изамбар, 1946, с. 60, прим. *Прим. авт.*

Р. Дарзанс, предисловие к «Реликварию». *Прим. авт.*

571

См. ПСС, 1938, с. 1109. *Прим. авт.*

Дешан говорил Коппе, что «Верлен наконец стал человеком», см. «Корреспондент» от 25 марта 1931 года. *Прим. авт.*

Зая, 1947, с. 293. *Прим. авт.*

574

Пер. И. Терновского.

«Как я лежал в больнице». *Прим. авт.*

576

Имеется в виду стихотворение 15 из сб. «Счастье».

Сб. «Счастье», стих. 15. Пер. И. Коварского.

Сверхштатный врач, временно прикомандированный к лечебному учреждению для повышения квалификации. — *Прим. пер.*

См. статью доктора Ф. Валлона «Воспоминания доктора Эрнеста де Массари» в «Искусстве и медицине» за декабрь 1932 года. *Прим. авт.*

В романе «Последняя богема» Реймон Мейгрие выводит отель «Лиссабон» в образе отеля «Браганс». *Прим. авт.*

581

Казальс и Ле Руж. 1911. *Прим. авт.*

Огюст де Нидерхаузерн (1863–1913) — швейцарский скульптор. В своем творчестве подражал О. Родену, отсюда прозвище Родо.

Рюшон, 1947. *Прим. авт.*

Или (лат.). — Прим. пер.

585

Пер. И. Коварского.

См. письма Верлена Леону Дешану от 19 декабря 1889 года (Заэ, 1964, с. 128) и Казальсу от 30 августа 1889 года: «Более того, он ядовитая гадюка, он пресмыкающееся». *Прим. авт.*

Поль Верлен «В Квартале — воспоминания последних лет». *Прим. авт.*

«Клозери де Ли́ла» — литературное кафе на Монпарнасе. Пользовалось популярностью в 20-е годы XX века. Там бывали Э. Хемингуэй, М. Жакоб, А. Бретон, А. Стриндберг, художник А. Модильяни. Недалеко от входа — памятник маршалу Нею (1853) работы Ф. Рюда (маршал Ней был расстрелян в 1815 году напротив, на улице Обсерватории). В 1907 году в «Клозери де Ли́ла» Н. Гумилев (в то время студент Сорбонны) встретился с поэтом Жаном Мореасом. В 20-е годы среди посетителей бывали Бальмонт, И. Эренбург. — *Прим. пер.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 70 и далее. *Прим. авт.*

590

Экс-ле-Бен — город на юге Франции в департаменте Савойя.

См. Leon Binet et Pierre Vallery-Radot, «Verlaine à Aix-les-Bains», «l'Expansion scientifique française», 1958. О докторе Казалисе см. Jean Godonnèche. «Jean Lahor, poète et médecin». Collection «La belle cordière», 1975. *Прим. авт.*

«На смерть Вилье де Лиль-Адана», пер. В. Брюсова.

Сб. «Посвящения», пер. И. Бышевского.

Доктора (*итал.*).

Письмо Казальсу от 29 августа 1889 года. *Прим. авт.*

«На статую Ганимеда», сб. «Параллельно», пер. В. Брюсова.

Зая, 1964, с. 134. *Прим. авт.*

Пер. И. Коварского.

Офорт Ропса иллюстрировал посмертное издание книги Верлена «Плоть», вышедшее в 1896 году в издательстве «Bibliothèque artistique et littéraire». *Прим. авт.*

600

Адресси, 1923, с. 168. *Прим. авт.*

601

См. «Меркюр де Франс» от 15 августа 1926 года. *Прим. авт.*

Воспоминания Монтескью «Стершиеся шаги». *Прим. авт.*

603

Город на северо-западе Франции в департаменте Кальвадос.

Факсимиле см. в каталоге распродажи Люсьена-Гро, четвертая часть за 4 июня 1957 года в Галери Шарпентье. *Прим. авт.*

605

Радикал-социалистская газета Анри Рошфора, наследница его же «Фонаря».

Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье (1864–1936) — первостепенный фр. поэт первого десятилетия XX века. Был женат на дочери Хосе-Марии де Эредиа Мари. С 1911 года — член Французской Академии.

«Французский журнал» за 15 августа 1926 года. *Прим. авт.*

Посредственность (*лат.*). — *Прим. пер.*

Ле Руж, 1928. Прим. авт.

Типичные слова из писем Верлена к Казальсу того времени: «Я надеялся получить от тебя письмо...», «Ты снова не пришел!», «Я больше ничего не понимаю в твоём поведении». *Прим. авт.*

611

Зая, 1964, с. 136. *Прим. авт.*

612

Ре, 1923. *Прим. авт.*

613

См. статью Жана Рише в «Меркюр де Франс» от 1 июня 1954 года.
Прим. авт.

«Авторские рукописи», № 8 за 1927 год. *Прим. авт.*

Верлен продал картину за 300 франков Жану Долану, который передал ее Люксембургскому музею (за 25 000 франков). *Прим. авт.*

616

Адресси, 1923. Прим. авт.

16 января 1891 года Леон Дьеркс писал Верлену, что был очень раздосадован, не найдя его на улице Био (Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 155). *Прим. авт.*

Во французской литературе — типический персонаж, молодая швея не слишком строгих моральных правил.

См. «Советы» и «Балладу о романской школе» в сб. «Инвективы».
Прим. авт.

620

Пер. И. Коварского.

621

Делаэ, 1919, с. 356. *Прим. авт.*

622

Год рождения 1860. *Прим. авт.*

623

«Перо» от 15 ноября 1892 года. *Прим. авт.*

624

Пер. И. Терновского.

625

Зая, 1947, с. 62. *Прим. авт.*

626

Пер. И. Бышевского.

627

Пер. И. Коварского.

Здесь: «да будет мрак!» (*лат.*, букв, «да будет ночь», аллюзия на известное библейское *fiat lux*, «да будет свет»).

629

Пригород Амстердама.

630

Хлеб для причастия.

631

«Синий журнал» от 26 марта 1891 года. *Прим. авт.*

Об этом происшествии см. Заэ, 1964, с. 120 и далее, а также Заэ, 1947, с. 242–243. *Прим. авт.*

В 1894 году Эжени пишет Верлену: «Те 10 лет, что мы с тобой любовники». Со своей стороны Верлен 21 декабря 1894 года сообщает Габриэлю де Итурри: «Те 5 лет, что я ее знаю». *Прим. авт.*

«Женщины», П. *Прим. авт.*

635

Каталог Андриё аукциона Матарассо, особняк Друо, 3 июня 1972 года,
лот № 108. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 91. *Прим. авт.*

Естественно, Лакан, получив рукопись, сам предложил ее графу Монтестью, который, судя по письму Эжени Верлену, дал за нее 1500 франков (Каталог Андриё аукциона Матарассо, особняк Друо, 3 июня 1972 года, лот № 109). *Прим. авт.*

Письмо опубликовано (с комментариями) Жаном Мистле в газете «Опера» от 13 февраля 1952 года. *Прим. авт.*

Может быть, этот полицейский был соседом Верлена, который его не выносил. См. жалобу Верлена по этому поводу, обращенную к Эрнесту Рейно (Заэ, 1964, с. 132). *Прим. авт.*

Воспоминания Анри Ларденуа в «Ла Грив» за январь-февраль 1960 года. *Прим. авт.*

См. нашу статью о рукописях Рембо в «Этюдах о Рембо». *Прим. авт.*

См. «Изабель и ее брат», «Этюды о Рембо». *Прим. авт.*

643

Ретге, 1903. *Прим. авт.*

644

Пер. И. Бышевского.

Зая, 1947, с. 278. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 87. *Прим. авт.*

647

Зая, 1964, с. 137. *Прим. авт.*

Жюль Ренар (1864–1910) — французский писатель, знаменитый главным образом своим романом «Морковки», где рассказывается о тяжелом детстве автора.

«Семейные портреты». *Прим. авт.*

Согласно записи в дневнике Франсуа Коппе, см. «Фигаро» от 19 сентября 1925 года. *Прим. авт.*

Предполагали, что Верлен выведен в «Красной лилии» в образе поэта-анархиста Шулета, но ответ А. Франса был категоричен: «Шулет — это не Верлен». *Прим. авт.*

В католической традиции, которая и породила термин вследствие «затруднений в согласовании неминуемости ада для всех нехристиан и невинности младенцев, умерших некрещеными, или праведных язычников», лимб есть «преддверие ада, где пребывают невинные, но не просвещенные благодатью христианской веры души, свободные от наказаний» (словарь «Мифы народов мира», статья «Ад»). — *Прим. ред.*

Факсимиле воспроизводится в Казальс и Ле Руж, 1911, с. 93. *Прим. авт.*

654

См. Заэ, 1947, с. 272. *Прим. авт.*

«Письма», т. 2, прим. на с. 204. *Прим. авт.*

656

Гаага (*нидерл.*).

Она была урожденная Хаузер. Узнав о ее смерти, Верлен послал ее мужу письмо с соболезнованиями и уверениями в дружбе. *Прим. авт.*

Виллем Клоос, настоящее имя Йохан Теодоор — нидерландский поэт и критик, последователь Китса и Шелли, основная фигура нидерландской литературы восьмидесятых годов XIX века.

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 80–81. *Прим. авт.*

660

Кулон, 1929, с. 248. *Прим. авт.*

661

«Портрет академика», пер. И. Бышевского.

См. воспоминания Анри де Ренье во «Французском журнале» от 15 августа 1925 года. *Прим. авт.*

663

Делаэ, 1919, с. 528. *Прим. авт.*

664

Сб. «Посвящения».

Верлен написал биографию Биби-ля-Пюре — он упоминает об этой книге в письме к Леону Ванье от 15 января 1893 года. Книга так и не была издана, ее рукопись находилась в коллекции Пьера Доза (№ 2280 по каталогу) и была выставлена на продажу 12 марта 1936 года книготорговцем А. Блезе (лот № 189). *Прим. авт.*

666

Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 154. *Прим. авт.*

Морис Бушор был возмущен «хамством» и «безразличием» тех, кто обещал поддержать Верлена, но не сделал этого. Он написал об этом поэту 10 января 1893 года (Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 150).
Прим. авт.

Он добавляет, что разоблачил в суде «эту потаскушку» (Эжени), которая уже давно пакостила ему. Письмо опубликовано в Рише, 1953, с. 88. *Прим. авт.*

«Письма», т. 2, с.343. *Прим. авт.*

Лев XIII, в миру Винченцо Джоакино Печчи (1810–1903) — папа римский с 1878 года.

Анри ван де Вельде (1863–1957) — художник и архитектор, создатель (совместно с Виктором Хортой) стиля «ар нуво». Его реформы Веймарской академии художеств заложили основу для движения «Баухаус».

672

Город в Бельгии на востоке от Льежа.

Ванвелькенгейзен, 1945. *Прим. авт.*

«Тюрьма нигде». *Прим. авт.*

Об этом дне в Генте см. статью Мориса Метерлинка «Лекции Поля Верлена» в «Фигаро литтерер» от 3 июля 1948 года. *Прим. авт.*

676

Пер. И. Коварского.

677

Пер. И. Коварского.

678

Пер. И. Терновского.

679

Пер. Е. Юдиной.

680

Воспаление лимфатических сосудов.

681

Гнойное воспаление клетчатки.

682

Рисунок воспроизводится в Донос, 1898, с. 149. *Прим. авт.*

Члены Французской Академии избираются пожизненно, отсюда это прозвище.

Ипполит-Адольф Тэн (1828–1893) — французский мыслитель, критик и историк, один из наиболее уважаемых представителей французского позитивизма. Член Французской Академии с 1878 года.

685

Пер. И. Бышевского.

686

Пер. И. Бышевского.

687

Пер. И. Бышевского.

Пер. И. Коварского. В оригинале (пер. Г. Шенгели):

Я, сирота с простым лицом.
Пришел, богат лишь ясным взором,
К столичным жителям, которым
Я показался простецом.

Прим. ред.

Об этой встрече У. Ротенштейн рассказывает в своих воспоминаниях (цит. по Ундервуд, 1956, с. 390). *Прим. авт.*

690

Город в тридцати километрах от Нанси.

691

Ре, 1923.Прим. авт.

Ундервуд, 1956, с. 393. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956, с. 397. *Прим. авт.*

Сэр Эдмунд Госсе (1849–1928) — английский переводчик, литературный критик и историк литературы, человек, открывший для английского читателя творчество Ибсена. Биография Джона Донна (1899), Хенрика Ибсена (1907). Посвящен в рыцари в 1925 году. — *Прим. ред.*

Уильям Хайнеманн (1863–1920) — выдающийся английский издатель, крупнейший деятель своего времени. У него печатались Роберт Луис Стивенсон, Редьярд Киплинг, Джон Голсуорси, Джозеф Конрад, Герберт Уэллс, Сомерсет Моэм и другие знаменитости; издавалась серия «Интернациональная литература» под редакцией вышеупомянутого Эдмунда Госсе, в рамках которой на английский язык были впервые переведены шедевры тогдашней фр., нем., исп. и ит. литературы, а также и русской — Достоевский, Тургенев, Толстой (в переводах знаменитой Клары Констанции Гарнетт). В его же издательстве выходила знаменитая серия изданий римской и древнегреческой литературы с параллельными текстами на английском, так называемая Loeb Classical Library. — *Прим. ред.*

Ундервуд, 1956, с. 401. *Прим. авт.*

Колледж в Оксфорде, основан в 1546 году. Среди ученых, работавших там в девяностых годах XIX века, можно назвать математика Чарльза Лютвиджа Доджсона (более известного под именем Льюис Кэрролл) и филолога Генри Джорджа Лидделла, декана колледжа, автора (совместно с Робертом Скоттом) крупнейшего древнегреческо-английского словаря (и отца той самой Алисы Лидделл, для которой написана кэрролловская «Алиса в стране чудес»). — *Прим. ред.*

Ундервуд, 1956, с. 419. *Прим. авт.*

Верлен и Рембо видели эту картину в Лондоне, где она была выставлена в 1873 году. Затем ее приобрел студент медицинского колледжа из Манчестера, некий Коули. После его смерти картину унаследовал его брат, который выставил ее в Манчестере и пытался продать. В конце концов друг Фантен-Латура купил полотно и уступил его Эмилю Блемону, который и передал картину в дар Лувру в 1911 году (см. статью Стефана Тота «История одного шедевра» в «Арденнских этюдах», № 2 за июль 1955 года, отдельный оттиск). *Прим. авт.*

Это коротенькое письмо от 3 декабря 1893 года, как утверждают издатели полного собрания писем поэта (т. 2, с. 318), было якобы по ошибке отправлено на улицу Брока, дом 5, «г-же Верлен», то есть Филомене. Если это так, Филомена должна была догадаться, что от нее что-то скрывают, в сущности, теперь у нее были доказательства. *Прим. авт.*

701

Здесь: «Плохое имя. Предпочитаю звать ее Филоменой» (англ.).

702

Женщиной средних лет (англ.).

703

Выдержка из письма, цитированного в каталоге № 2 книжного магазина Хельбрена, посвященного Верлену. *Прим. авт.*

Кюнель, 1945, с. 128. *Прим. авт.*

Верлен, вероятно, подражал здесь знаменитому стихотворению Катулла на смерть воробья возлюбленной.

Мартен, 1944. *Прим. авт.*

Пер. И. Терновского.

Ундервуд, 1956, с. 448. *Прим. авт.*

Ундервуд. 1956, с. 455. *Прим. авт.*

710

Я разведен (*англ.*).

711

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 40. *Прим. авт.*

712

Имеется в виду Александр Дюма-сын (Александр Дюма-отец умер в 1870 году).

Во Французской Академии всего сорок членов.

Имена семидесяти семи человек, проголосовавших за Верлена, опубликованы в анонимной книге (возможно, автор — Ф. Клерже) под названием «Поль Верлен и его современники. Беспристрастные воспоминания» (см. Аноним, 1897, с. 66). *Прим. авт.*

Суфус Клауссен (1865–1931) — датский поэт-неоромантик, оказавший большое влияние на датскую поэзию середины XX века. В его собственных произведениях — влияние французских символистов. Переводы на датский Шелли, Гейне, Бодлера.

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 161. *Прим. авт.*

Имена пятнадцати подписчиков приводятся в томе 3 «Писем», с. 400. Также см. на эту тему многочисленные письма Барреса в Заэ, 1947, с. 293.
Прим. авт.

См. Делаэ, 1925, с. 78 и далее и его же статью в «Фигаро» от 7 января 1922 года. *Прим. авт.*

719

Письмо от 20 сентября 1894 года. *Прим. авт.*

720

Национальная библиотека, рукопись N.A.F. 13 155. *Прим. авт.*

721

Имеется в виду Морис Баррес.

По этому поводу см. «Дневники Стефана Бейеваша» (таково заглавие воспоминаний Лорана Тайада о Верлене) в «Академосе» от 15 января 1909 года. Доклад Тайада опубликован в «Пере» от 15 ноября 1894 года. Вероятно, Делаэ предоставил Тайаду для работы и публикации принадлежавшие ему письма Верлена, в частности ретельские. Однако Делаэ подверг тексты писем «цензуре», убрав слишком личные, на его взгляд, места и оставив только рисунки, лишив нас тем самым возможности почерпнуть из них многочисленные ценные сведения о жизни Верлена и Рембо. *Прим. авт.*

723

Пер. И. Коварского.

Письмо опубликовано в Заэ, 1964, с. 131. *Прим. авт.*

Жан-Поль-Пьер Казимир-Перье (1847–1907) — французский бизнесмен и (неудачливый) политик, краткое время был сначала премьер-министром, потом, после трагической гибели (покушение) Сади Карно 27 июля 1894 года, пятым президентом Республики. Неспособность вести свою линию в обстановке скандала вокруг дела Дрейфуса и атак со стороны левых (Жана Жореса) привела к его отставке после полугола пребывания в должности. — *Прим. ред.*

Письмо Леону Ванье от 17 декабря 1894 года (№ 130 в каталоге братьев Маггс с выставки Бодлер-Верлен-Рембо, состоявшейся в июле 1937 года). *Прим. авт.*

О'Салливану, молодому английскому писателю, Верлен хвастался, что однажды ночью кинул камень в окно Ванье (Ундервуд, 1956, с. 464). *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 1. *Прим. авт.*

Ретге, 1903. *Прим. авт.*

Письмо опубликовано Анри Гильеменом в «Круглом столе» за октябрь 1956 года. *Прим. авт.*

731

Ре, 1923. *Прим. авт.*

Порше, 1933. *Прим. авт.*

«Городские виды», из посмертно изданных стихотворений, пер. М. П. Кудинова.

*Мальро А. Зеркало лимба. М.: Прогресс, 1989, пер. М. Н. Ваксмахера.
— Прим. пер.*

Луи-Анри Мюрже (1822–1861) — один из первых французских писателей, изобразивший в своих произведениях жизнь низших слоев общества; секретарь графа Алексея Константиновича Толстого. По его книге написана опера Пуччини «Богема».

Впоследствии Реймон Пуанкаре (1860–1934) станет премьер-министром (1912), а потом и президентом Республики (1913). Его политика, в частности подтверждение союзов с Россией и Великобританией, определила роль Франции в Первой мировой войне. По его же приказу в 1923 году французские войска оккупировали Рур в ответ на отказ Германии платить репарации. — *Прим. ред.*

См. Заэ, 1947, с. 285 и далее. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956, с. 466. *Прим. авт.*

Ундервуд, 1956, с. 440. *Прим. авт.*

Текст этого прошения см. в статье Жана Рише в «Меркюр де Франс» от 1 июня 1954 года. *Прим. авт.*

741

Ундервуд, 1956, с. 470. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 3. *Прим. авт.*

743

Город в Бельгии. — *Прим. авт.*

См. воспоминания Анри Картона де Виара в «Ла Грив» за октябрь 1932 года, № 18. *Прим. авт.*

745

См. писъма Пъера Доза в ПСС, 1938. *Прим. авт.*

746

Письмо от 13 декабря 1895 года. См. также сб. «Библиосонеты». *Прим. авт.*

«Письма», т. 3, с. 378. *Прим. авт.*

748

Особой величины гусиная печень, деликатес.

Ундервуд, 1956, с. 470. *Прим. авт.*

750

Деньги, немедленно (*англ.*).

751

«Нелепости», из юношеских стихотворений, пер. Г. Шенгели.

«Смерть!», из посмертно изданных стихотворений, пер. А. Гелескула.

«На новый 1895 год», из посмертно изданных стихотворений, пер. И. Бышевского.

«Дневники». *Прим. авт.*

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918). Свергнут ноябрьской революцией 1918 года.

Сесил (Джон) Родс (1853–1902) — финансист и государственный деятель, премьер-министр Капской колонии, основатель алмазной компании Де Бирс, инициатор англо-бурской войны; государства Северная Родезия (ныне Замбия) и Южная Родезия (ныне Зимбабве) названы в его честь. Эпизод, о котором говорит П. П., связан с трениями между Родсом (намеревавшимся подчинить всю Южную Африку Британской короне) и Паулем Кругером, лидером буров и президентом Республики Трансвааль (равно намеревавшимся подчинить всю Южную Африку бурам). В результате не слишком дальновидной экономической и национальной политики Кругера в Трансваале образовался заговор против него, и Родс намеревался дожидаться удара заговорщиков, тем более что парламент Капской колонии не принял решение о (подготовленном) военном вторжении в Трансвааль; однако подчиненный Родса баронет сэр Леандр Старр Джеймсон (1853–1917) по собственной инициативе (а не «по указке Родса», как пишет П. П.) вторгся в республику 29 декабря 1885 года и потерпел поражение, в результате чего позиции Кругера укрепились, отношения между британскими, нидерландскими и другими колониями были безнадежно испорчены, Родс был вынужден уйти со всех политических постов и его надеждам мирно объединить Южную Африку под британским флагом был положен конец. — *Прим. ред.*

П. П. имеет в виду телеграмму Вильгельма II Паулю Кругеру (от 3 января 1896 года), в которой он поздравлял последнего с победой над войсками Леандра Джеймсона. Кайзер рассчитывал, что его поступок убедит британцев, что их политика в Южной Африке не имеет международной поддержки, и заставит их пойти на улучшение отношений с Германией; на самом же деле он добился лишь возникновения первой волны антинемецких настроений в Британии. — *Прим. ред.*

Делаэ, 1919, с. 540. *Прим. авт.*

О нем известно немного. Он умер молодым от передозировки наркотиков. Казальс в своей книге «Портреты Поля Верлена» опубликовал одно его письмо от 2 марта 1896 года. *Прим. авт.*

Казальс и Ле Руж, 1911, с. 8. *Прим. авт.*

Г. Штиглер «Поль Верлен — последние часы», статья в «Эхе Парижа» от 10 января 1896 года. *Прим. авт.*

Франсуа Порше (см. Порше, 1933, с. 440) разговаривал с ним 11 апреля 1931 года. Он все также был викарием в церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Святой отец ничего не мог рассказать о Верлене; единственное, что он помнил, это что Верлен был христианином. *Прим. авт.*

Разные люди дают разные версии этой фразы — присутствующие едва слышали ее. См. Казальс и Ле Руж, 1911 и Робер де Монтескью «Алтари для избранных». *Прим. авт.*

«Asperges me», сб. «Интимные литургии», пер. В. Брюсова.

«Дневники». *Прим. авт.*

766

«Завтра» от 19 января 1896 года. *Прим. авт.*

См. воспоминания Мориса Фейе во «Всех изданиях» от 29 апреля 1933 года. *Прим. авт.*

Экземпляры предлагались Эмилю Комбу, Реймону Пуанкаре, Жоржу Верлену, Шарлю де Сиври и другим. Оригинал хранится в Музее Карнавале. *Прим. авт.*

Габриэль де Лотрек, удостоенный литературным сообществом титула «Принц юмористов», журналист и поэт, завсегдатай вечеров «Пера» и кафе «Прокоп», опубликовал впоследствии свои воспоминания о Верлене (Lautrec (G.), «Souvenirs des jours sans soucis», Edition de la Toumelle, 1938).
Прим. авт.

Луи Нидермайер — швейцарский композитор, учитель Габриэля Форе.

771

Делаэ, 1919, с. 545. *Прим. авт.*

«Похороны», из юношеских стихотворений, пер. Г. Шенгели.

Морис Баррес «Дневники». *Прим. авт.*

Малларме С. Сочинения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1995, пер. И. Стаф. — Прим. пер.

Позднее он служил секретарем у Эдмона Лепеллетье (который присутствовал на его свадьбе), затем у Ж. Узанна, затем был редактором серии «Современные знаменитости» у Мариани, позднее — работал начальником станции «Малезерб» (или «Вилье») парижского метро. В различных бюро метрополитена он проработал до самой смерти, последовавшей 2 сентября 1926 года. Ему было пятьдесят пять лет. Своих детей у него не было, но был приемный ребенок. Публиковал крайне слабые стихи в «Альманахе XVII округа». Все отзывались о нем как об алкоголике и дегенерате. Анри Гильемен опубликовал полицейский рапорт, датированный 16 июня 1904 года, о его помещении в особую пересыльную тюрьму (см. «Круглый стол» за октябрь 1956 года). *Прим. авт.*

«К сыну» (в оригинале «Жоржу Верлену»), сб. «Любовь», пер. В. Брюсова.

777

Пер. В. Брюсова.

778

Пер. И. Коварского.

Пер. Г. Северской.

780

Передать этот акцент в переводе невозможно.

781

См. подробнее: Птифис, 2000, с. 133–134.

В более полном виде рапорт Ломбара приводится в книге: Птифис, 2000, с. 184–185.

Также в настоящем издании.

Также в книге: Птифис, 2000, с. 275.

Также и в настоящем издании.

Также и в настоящем издании. — *Прим. ред.*

В порядке выхода в свет первых изданий.

Все стихотворения Верлена, кроме переведенных специально для этого издания, цитируются по нижеприведенным книгам. Полного собрания сочинений Верлена на русском языке до сих пор не существует; полные переводы отдельных сборников — до «Мудрости», далее выборочно (вплоть до «Счастья»), из последних сборников только отдельные стихотворения.

На эти издания ссылаются примечания.

790

Составил И. Свердлов.